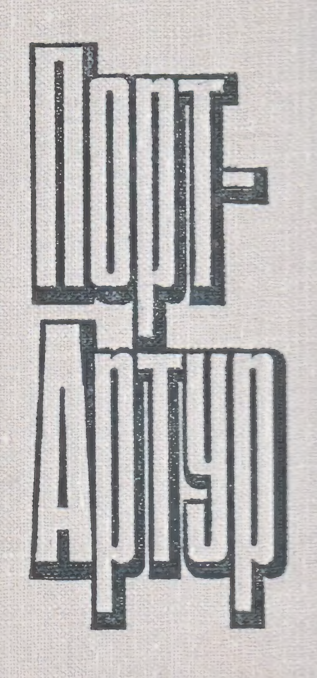
АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ

СОВРЕМЕННИК

Александр Степанов

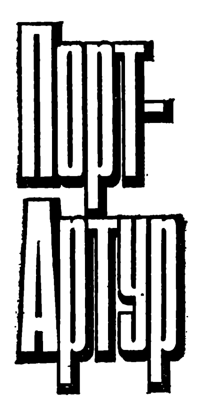

БИБЛИОТЕКА
РОССИЙСКОГО
РОМАНА

АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ

РОМАН
В ДВУХ КНИГАХ

КНИГА ВТОРАЯ

«СОВРЕМЕННИК»
МОСКВА 1980

Р2
С79

Примечания *Л. И. Полосиной*

Степанов А. Н.

С79 Порт-Артур: Роман в 2-х кн. Кн. 2/Примеч. Л. И. Полосиной.— М.: Современник, 1980.— 608 с. (Б-ка рос. романа).

С $\frac{70302\text{-}078}{М\ 106(03)\text{-}80}$ 99-80 4702010200 ББК84.Р7 Р2

Часть третья

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Семнадцатого июля 1904 года Четвертая и Седьмая Восточносибирские стрелковые дивизии после ряда неудачных боев на Зеленых и Волчьих горах отошли в Артур. Началась тесная блокада крепости. Японцы энергично принялись за осаду. Уже через неделю они подвезли крупные орудия и двадцать пятого числа, в воскресенье, во время крестного хода впервые обстреляли город и находившуюся на внутреннем рейде эскадру.

Стоял жаркий день. На площади у Отрядной церкви с утра стали собираться немногие оставшиеся в осажденном городе жители со своими семьями, мелкие служащие, рабочие порта, свободные от службы офицеры и солдаты.

К началу молебствия прибыл Стессель с женой. Для торжественного соборного служения из всех артурских церквей собралось около двух десятков военных и морских священников. В праздничных, золотых и серебряных, ризах они усердно молили бога о помощи и избавлении от надвигавшихся с началом осады бедствий.

Над толпой медленно поднимался колечками сизый дымок ладана. Объединенный хор певчих мягко вторил молениям. Обдав друг друга и молящихся облаками ладана, священники двинулись крестным ходом по грязным и пыльным улицам к набережной Старого города, откуда издали осенили крестным знамением стоявшие на внутреннем рейде суда. Затем по Пушкинской и другим улицам крестный ход вышел к Новому китайскому городу на луг у Цирковой площади.

Вдруг вдалеке мягко прозвучал выстрел. В воздухе нарастал резкий свист быстро приближающегося снаряда, за которым последовал оглушительный взрыв. Над толпой взвился огромный султан черного дыма. Все, как один, с воплями кинулись бежать в разные стороны, теряя по дороге шляпы, зонтики, обувь. Упавших топтали ногами.

Стессель, его жена и окружающая их свита были тоже смяты бегущими. С генерала сорвали фуражку и изрядно помяли ему бока. Генеральшу оттеснили в сторону, сбили с головы шляпу и в довершение всего опрокинули в какую-то яму.

Стессель, не видя своей жены, решил, что она опередила его, и вслед за толпой бросился под защиту ближайших строений. Он пришел в себя лишь в одном из подвалов.

Все поле было сплошь покрыто одеждой, зонтиками, шляпками... Тут же тускло блестели на солнце ризы и хоругви. Среди всего этого хаоса лежало около двух десятков людей — раненых, полузатоптанных и просто испуганных. Некоторые из них пытались подняться на ноги, другие же лежали недвижимо, считая, что опасность еще не прошла.

Когда первый переполох миновал, появились солдаты и начали подбирать людей и собирать разбросанные вещи.

Стессель, покинув убежище, поспешил на розыски своей жены. Вскоре два стрелка почтительно привели под руки не столько испуганную, сколько взбешенную, плачущую от стыда и злости Веру Алексеевну.

При виде ее генерал побледнел сильнее, чем при взрыве японских снарядов.

— Ты должен наградить их за проявленное геройство,— хрипя от злости, проговорила генеральша, кивнув на солдат.— Они оказались храбрее многих офицеров.

Генерал покраснел, поняв намек жены.

— Да, да. Спасибо вам, братцы,— поспешил обратиться он к солдатам.— Награждаю вас за совершенный вами подвиг Георгиевским крестом и двадцатью пятью рублями каждого.

— Рады стараться! — крикнули изумленные солдаты, не понявшие, в чем заключался их подвиг.— Покорнейше благодарим, ваше превосходительство.

Подоспевшая коляска тотчас увезла превосходительных супругов.

Между тем японцы перенесли огонь на набережную и порт. В течение всего дня то усиливалась, то ослабевала бомбардировка города и внутреннего бассейна. Хотя существенных разрушений она и не причинила, но произвела на всех ошеломляющее впечатление. Стала очевидна полная непригодность Артура как крепости, защищающей город и флот. Отныне Артур оказался под постоянной опасностью обстрела в любое время дня и ночи.

Особенно переполошились моряки. Два снаряда, угодившие в «Цесаревича», разрушили на нем рубку беспроволочного телеграфа и легко ранили при этом адмирала Витгефта. В порту был поврежден дом адмирала Григоровича и морской госпиталь.

В этот же вечер в штабе Стесселя собралось экстренное совещание морских и сухопутных начальников по вопросу о дальнейшей обороне крепости. Стессель требовал от моряков немедленного огня из всех крупных судовых орудий по наделавшей столько бед японской батарее.

— Но ее ниоткуда не видно,— возразил генерал Белый.

— Стреляйте по вспышкам выстрелов, по направлению звука; одним словом, делайте, что хотите, но чтобы завтра она была уничтожена,— требовал генерал.

— Приму все меры к этому.

— Нет, ты должен наверняка уничтожить японцев. Ведь сегодня пострадало от снарядов около двадцати человек мирного населения да растоптано толпой пятнадцать человек, из них три женщины и два ребенка. О синяках и ушибах я уже не говорю. Даже мы с женой не избежали этого.

— На эскадре и в порту убито трое, десять ранено, в том числе мой флаг-офицер и я,— добавил Витгефт, кивая на свою перевязанную руку.

— Сами в этом виноваты, ваше превосходительство. Уйди эскадра из Артура десятого июня, ничего бы этого не было. Надеюсь, вы теперь понимаете, почему я так настаивал на скорейшем уходе флота из Артура? С начала тесной осады Артур становится ловушкой для флота,— сердито проговорил Стессель.

Присутствующий здесь же Григорович только горестно вздохнул. Сегодня при взрыве снаряда погибла чудесная коллекция китайского и японского фарфора, которую он тщательно собирал в течение ряда лет.

— Не произвести ли нам сильную вылазку в район расположения зловредной батареи с целью ее уничтожения? — предложил комендант крепости Смирнов.

— Наши части еще не совсем приведены в порядок после отхода с Волчьих гор. Поэтому нам фактически нечем сейчас производить вылазки,— возразил Кондратенко.

— Послать моряков, хотя бы десантные роты,— предложил Стессель.

— Матросы у нас не обучаются ни рассыпному строю, ни штыковым атакам. Они едва ли пригодны для этой цели,— возразил Витгефт.

— Хитрость невелика, было бы желание,— буркнул Стессель.

— Кроме того, эскадра в ближайшие дни попытается прорваться во Владивосток, и матросы сейчас нужны на кораблях. Их ведь не заменишь стрелками,— подпустил шпильку адмирал.

— Использование матросов для вылазки, конечно, поставит наши суда в затруднительное положение,— поддержал Витгефта Григорович.

— Для вылазки наиболее пригодны пограничники — эти артурские пластуны,— вмешался в разговор Кондратенко.— Они привыкли незаметно подкрадываться к врагу.

— В таком случае назначим две роты пограничников и роту квантунского экипажа,— решил Стессель.— Общее руководство операцией возлагаю на генерала Кондратенко.

На «Цесаревиче» Витгефта поджидала телеграмма наместника, только что доставленная китайцем-джонщиком из Чифу.

— «С мнением совещания флагманов и командиров о невозможности выхода эскадры из Артура не согласен. По повелению его величества, приказываю идти во Владивосток, избегая при этом боя. Напоминаю всем начальствующим лицам о подвиге «Варяга» и предупреждаю, что невыход эскадры в море в случае падения крепости поведет к ее несомненной гибели. Вся ответственность за этот позор Андре́евского флага и честь родного флота целиком ляжет на вас, адмиралов и командиров. Настоящую телеграмму сообщить им всем под расписку. Адмирал Алексеев».— Кончив чтение, Витгефт, забыв о своем лютеранстве, набожно по-православному перекрестился.

— Теперь уже больше разговаривать и спорить нельзя, Вильгельм Карлович,— проговорил довольный Матусевич.— Надо идти на прорыв. Завтра же с утра соберем всех командиров и ознакомим с полученным распоряжением.

— Действуйте, Николай Алексеевич. Я на все согласен. Победить мы не победим, но хоть умрем с честью, коль от нас этого потребуют,— печально проговорил командующий флотом и, отпустив Матусевича, засел за длинное письмо своей семье, в котором трогательно про-

щался с нею «ввиду неизбежной нашей гибели в предстоящих боях».

Расставшись со Стесселем, Кондратенко в сопровождении своего начальника штаба подполковника Науменко и Звонарева тотчас поскакал в Новый город, где располагались пограничники. Генерал целиком был поглощен мыслью о предстоящей вылазке и быстро прикидывал в голове различные варианты организации поиска столь опасной для крепости батареи. Науменко и Звонарев молчаливо следовали за ним.

— Я уверен, что подполковник Бутусов сумеет найти зловредную батарею, а быть может, и уничтожить ее,— задумчиво произнес Науменко.

— Неожиданный отход Фока с Волчьих гор поставил крепость в критическое положение. Хорошо, что японцы еще сразу не кинулись за нами и не ворвались в Артур на плечах отходящих частей. Несдобровать бы нам при нашей неурядице,— отозвался Кондратенко.

— Недаром же Стессель даже пошел на отстранение Фока от оперативной деятельности,— поддакнул Науменко.

— Это не отстранение. Фок назначен начальником общего резерва с подчинением непосредственно Стесселю. Получается, что Смирнов, хотя и является комендантом крепости, но распоряжаться резервом без ведома начальника района не имеет права,— возразил Кондратенко.

— Район-то уже весь в руках японцев. Осталась одна крепость, подчиненная Смирнову как ее коменданту. Стессель, в сущности, сейчас ни при чем. Его власть кончилась с занятием района японцами.

— Тем не менее Стессель фактически командует всем, а Смирнов — ничем. Тут трудно что-либо понять. Потребуются разъяснения из Питера или Маньчжурии,— продолжал сетовать Кондратенко.

Несмотря на позднее время — было около полуночи,— Бутусов еще не спал и встретил гостей, как всегда, весьма радушно, пригласив генерала и его спутников к столу. Кондратенко быстро объяснил подполковнику цель своего позднего визита. Ознакомившись с районом, который надо было осмотреть, Бутусов сказал:

— До рассвета не успеем его как следует обшарить. В пять светает, через полчаса выступим. На поиск останется всего четыре часа. Надо спешить.— И он вышел, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Через полчаса отряд выступил. Кондратенко, как всегда, напутствовал солдат. В зеленой форме пограничники

были совершенно незаметны в ночной темноте. Мягкие соломенные туфли — зори — делали движения солдат бесшумными, хорошо пригнанная амуниция нигде не звенела и не скрипела. Традиционные у пограничников папахи были заменены защитными фуражками.

— К утру будет туман,— потянул носом воздух Бутусов.— С моря тянет влагой, и звезды сильно мигают. Я, ваше превосходительство, беру с собою трех китайцев, в том числе садовника генерала Белого. Они жители тех деревень, где сейчас находятся японцы, и послужат нам проводниками ночью. При нужде останутся и на день в японском тылу для розыска батареи.

— Доверия-то они заслуживают? — спросил генерал.

— У одного японцы изнасиловали и убили жену, у другого зарезали отца, у третьего сожгли дом. Им есть за что мстить японцам. Я их знаю уже несколько лет и вполне доверяю им.

— Раз так, значит, все в порядке. Китайцы могут быть нам очень полезны,— согласился Кондратенко.

Бутусов отдал несколько коротких распоряжений, и отряд неслышно двинулся. Люди шли налегке, без шинелей и вещевых мешков, но с саперными лопатами и пироксилиновыми шашками.

Стояла теплая, тихая, безлунная ночь. Легкий туман закрывал долины и овраги. Тишина нарушалась лишь лаем собак и воем шакалов, да в ароматной по-ночному траве неумолчно трещали цикады, чуть шелестел гаолян. Нигде не было слышно ни единого выстрела, только белые ленты бессонных крепостных прожекторов, то затухая, то разгораясь, скользили по окрестным сопкам и долинам.

Отряд Бутусова быстро добрался до сторожевого охранения и здесь остановился. Собрав у себя в небольшой придорожной фанзе командиров рот и взводов, подполковник еще раз указал по карте районы поисков и направление движения каждого взвода. Затем вызвал проводников-китайцев. Они должны были провести пограничников в японский тыл, где предполагалось расположение зловредной батареи.

Пять взводов двинулись по указанным направлениям, а три остались в резерве. Пройдя сотню шагов, солдаты растаяли в ночном сумраке.

Прошло томительных полчаса. По-прежнему все было совершенно спокойно, только в некоторых местах вой шакала вдруг то замолкал, то начинался с новой силой.

 Солдаты, лежа в придорожной канаве, чутко прислуши-

вались к окружающему, изредка перебрасываясь односложными замечаниями.

Вскоре прибыл ординарец от среднего взвода с донесением, что взвод благополучно перешел через речку и, сняв японских часовых, продвигается дальше в тыл неприятеля.

Бутусов довольно крякнул, потянулся своим невысоким, но коренастым телом и вполголоса приказал резервным взводам подниматься.

Вскоре они, рассыпавшись по гаоляну, неслышно двинулись вперед. Бутусов с несколькими солдатами шел по дороге. Справа неожиданно раздались беспорядочные выстрелы, но стрельба так же внезапно смолкла, как и началась. Наступившая затем тишина показалась особенно глубокой. Впереди запищала потревоженная птица.

Примолкнувшие было после выстрелов лягушки снова завели свой концерт. При свете электрического фонаря Бутусов справился по карте. До намеченного для поиска района оставалось еще около километра. Один за другим прибывали с донесением ординарцы. Пограничники уже перевалили за первый хребет и теперь разыскивали злополучную батарею. Проводники-китайцы углубились в расположение японцев и собирали среди китайцев сведения о расположении японской артиллерии.

Бутусов приказал разжечь костры поярче и сидеть возле них.

— В зеленой одежде вы ночью сойдете за японцев. Они примут вас за своих и не будут думать об опасности,— пояснил подполковник.

Громкий взрыв впереди прервал разговор. За первым взрывом последовало еще несколько, вспыхнула сильная ружейная перестрелка. Совсем близко раздались бешеные крики «банзай». Бутусов с резервными взводами скорым шагом двинулся на выстрелы. Ночная тишина сменилась грохотом взрывов, треском ломаемого гаоляна, топотом людей, вскриками и призывными свистками командиров.

— Бей японца штыком, не давай ему кричать,— приказывал Бутусов.

Ночь огласилась гулкими орудийными выстрелами, разрывами снарядов и гранат. В воздухе ярко вспыхивали букеты шрапнелей. Бой быстро разгорался.

С хребта Бутусов пытался рассмотреть, что делалось в низинах, но туман мешал что-либо разобрать в темноте. Сквозь тьму в различных местах мелькали огоньки ружейных выстрелов, справа брызнула пулеметная очередь. Неожиданно запылала кем-то подожженная китайская

деревня. Красноватый, колеблющийся свет пожара осветил несколько дворов и часть деревенской улицы, по которой метались человеческие фигуры. Справа взвилась к небу, оставляя за собой искристый след, ракета и, разорвавшись, рассыпалась целым каскадом ярких звездочек, которые, медленно оседая вниз, освещали землю ослепительно-белым светом.

Бутусов засвистел. Тотчас ему ответили с разных сторон — перед ним выросли темные фигуры солдат.

— Третий взвод взорвал пушку, с трех других снял замки и прицелы,— доложил один из них и в качестве вещественного доказательства положил на землю прицелы.

— Где сейчас взвод?

— Японец дюже наседает, отходит взвод сюда, сейчас здесь будет.

— Первым взводом захвачено два пулемета с лентами, батареи не нашли,— доложил следующий солдат.

— Второй взвод взорвал две пушки, прислугу побил. Японцев захватили врасплох и многих покололи,— доложил еще один ординарец.

Другие два взвода налетели на бивак пехотного полка, устроили большой переполох, но затем едва ушли от наседавших со всех сторон японцев.

— Передайте приказ во все взводы: отходить за речку и дальше. Я с резервом останусь здесь, чтобы прикрыть ваш отход. Поскорее доставляйте в тыл раненых,— распорядился Бутусов.

Рассыпавшись вдоль хребта, резервные взводы встретили японцев дружными залпами. Трудно было рассчитывать на попадание в такой темноте, но японцы все же не осмелились идти дальше и стали окапываться. С долин пополз густой туман, под прикрытием которого пограничники, вынеся всех раненых, благополучно вернулись на линию русского сторожевого охранения.

На рассвете Бутусов уже докладывал Кондратенко о результате ночного поиска.

— А китайцы ваши? — вспомнил генерал.

— Остались до следующей ночи в тылу у японцев, чтобы проследить днем за стрельбой японских батарей,— объяснил Бутусов.

Осмотрев захваченные пограничниками прицелы, Звонарев объявил, что только один из них принадлежит морской пушке, а остальные легким и горным орудиям.

— Значит, вредную батарею уничтожить так и не удалось,— вздохнул Кондратенко.

Как бы в ответ ему начался обстрел порта и гавани из дальнобойных орудий.

Кондратенко приказал прапорщику ехать к Белому с докладом о результатах поиска. Город еще только просыпался. Открывались первые магазины, китайцы торопливо катили по улицам легонькие колясочки с булками, овощами и другой снедью. Хозяйки с кошелками шли на рынок, рабочие двигались к портовым мастерским. Никто из них не обращал внимания на обстрел гавани, где то и дело взлетали в воздух высокие всплески воды от падающих снарядов.

Около «Этажерки» Звонарев неожиданно встретил Варю Белую. Она имела очень утомленный вид, но, как всегда, была преисполнена энергии.

— Меня не пропускают домой из-за обстрела гавани,— жаловалась она.

— Берите мою лошадь и скачите вокруг Золотой горы,— предложил прапорщик.— Я только что хорошо выспался и отдохнул. Доберусь до Управления артиллерии и пешком.

Взобравшись на лошадь, Варя помчалась вперед, а Звонарев стал пробираться в Управление артиллерии. Один из снарядов поджег в порту цистерны с машинным маслом, и черный густой дым закрыл всю Золотую гору и район порта. Приходилось идти с трудом в клубах маслянистого черного дыма, непроницаемого для лучей солнца. Когда прапорщик добрался до квартиры Белого, то походил на негра.

— Отправляйтесь в ванну,— распорядился генерал, увидев Звонарева.

Помывшись и приведя себя в порядок, прапорщик отправился на доклад к генералу в Управление артиллерии, где он застал Тахателова и Гобято.

— Объявим премию за отыскание проклятой батареи. Сто рублей офицеру, двадцать пять солдату. Установим круглосуточное дежурство на Большом Орлином Гнезде, Перепелиной горе и на Высокой. С них открывается большой кругозор,— предложил Тахателов.

— Надо связаться с моряками. Они крепко заинтересованы в уничтожении этой батареи,— добавил Гобято.

— Следует привлечь местное китайское население, которое прекрасно знает окрестные горы и может сильно помочь в отыскании батарей,— проговорил Звонарев.

— Попрошу вас, Сергей Владимирович, по этому вопросу связаться с Петром Дмитриевичем Бутусовым.

У него среди китайцев много знакомых и друзей,— распорядился Белый.

На этом и порешили.

Едва прапорщик вышел из Управления, как встретился с Вен Фань-веем. После своего неудачного покушения на Танаку в Дальнем китаец вернулся в Артур к семье. Узнав об отходе русских войск и приближении японцев к Артуру, Вен хотел было тотчас уехать с женой и ребенком на джонке в Чифу. Но для этого надо было получить разрешение городского совета, и Вен обратился к Варе с просьбой помочь ему в этом деле. Варя рассказала отцу о намерении садовника. Белый велел передать китайцу, что японцев к самому Артуру не подпустят, и Вен успокоился.

Отступление русских снова заставило Вена подумать об отъезде из Артура, особенно когда начался обстрел осадными батареями города и порта. Но предварительно он решил пробраться в осадную армию, где находились его родственники, и поэтому согласился принять участие в разведке, организованной Бутусовым.

Вернувшись с рассветом, Вен решил лично сообщить Белому о том, что видел в японском тылу. Тут ему и встретился Звонарев. Китаец теперь часто видел прапорщика вместе с Варей и постепенно изменил к нему свое отношение.

— Здравствуй, лао Вен Фань-вей,— приветствовал его Звонарев.— Нашел батарею, которая обстреливает город и порт?

— Моя видала много-много батарея. Они шипко пуф-пуф делай. Какая в карабли, не знай. Моя хоти генерала Белая говори,— ответил китаец.

Прапорщик провел китайца в Управление артиллерии. Вен рассказал о том, что видел. Но, плохо зная русский язык, многого не сумел объяснить. Белый вызвал к себе Бутусова, который руководил разведкой и неплохо владел китайским языком. С его помощью удалось уточнить многие детали расположения вражеских осадных батарей.

Белый хотел было представить Вен Фань-вея к награде, но китаец отказался и лишь попросил помочь ему выехать, когда будет нужно, из Артура.

На другой день на флагманском броненосце «Цесаревич» состоялось совещание флагманов и командиров. Генерал Белый немедленно собрался в дорогу и взял с собой Звонарева.

Японцы перенесли огонь на стоящие на внутреннем рейде суда. «Ретвизан», «Победа» и «Цесаревич» усилен-

но осыпались снарядами. Прошло около получаса, пока к пристани Артиллерийского городка смог подойти паровой катер «Цесаревича». В момент его отхода один из снарядов угодил в борт броненосца и, разорвавшись, изрешетил катер. Кроме того, оказалась перебитой дымовая труба и штуртросы. Поэтому, прежде чем пускаться на нем в путь, надо было произвести необходимый ремонт.

Только около полудня попали наконец артиллеристы на заседание моряков. В отличие от прежних совещаний сегодня Витгефт ограничился лишь конкретными указаниями о выходе эскадры, объявил диспозицию, порядок прохождения тралящего каравана и еще раз повторил приказ о выходе наутро двадцать восьмого июля.

— Прошу вас, господа, помнить, что мы выполняем волю его величества, поэтому наши мнения должны остаться при нас. Я буду руководить эскадрой, сообразуясь с обстановкой. Поврежденных в бою судов эскадра поджидать не будет. В этом случае командиры должны действовать по способности, памятуя общую директиву — идти во Владивосток,— закончил свою речь адмирал.

— Пронеси, господи, через мины у Артура, а там мы сумеем драться с японцами,— ответил ему начальник штаба эскадры Матусевич.— Мины — вот главная наша опасность.

— А прорыв в иностранные порты допустим? — вдруг спросил Ливен.

— Он будет рассматриваться как бегство с поля сражения,— ответил Витгефт.

— Не согласен с этим,— возразил командующий отрядом крейсеров адмирал Рейценштейн.— В Артуре невозможно больше исправлять поврежденные суда вследствие обстрела порта с сухопутного фронта. Следовательно, корабли, не могущие добраться до Владивостока, должны пытаться пробиться хотя бы в нейтральные порты или, быть может, даже идти прямо навстречу Балтийской эскадре.

— Да она еще не вышла из Кронштадта,— усмехнулся Витгефт.— Едва ли Артур продержится до ее прихода сюда. Только это соображение и заставляет нас выйти в море на явный разгром. Авось потопим несколько кораблей Того и хотя этим поможем нашей второй эскадре.

— О нейтральных портах, идя во Владивосток, думать не следует, а то, наверное, все в них окажемся и до места назначения не доберется никто,— возразил ко-

мандир броненосца «Севастополь» капитан первого ранга Эссен.

— Вильгельм Карлович, а нельзя ли будет взять с собой из Артура семьи некоторых офицеров? — вдруг спросил младший флагман эскадры контр-адмирал князь Ухтомский.

— Я думаю, что можно будет допустить пребывание женщин на «Монголии», которая пойдет с эскадрой,— поддержал Матусевич.— Все равно вчера и сегодня из города и особенно порта туда перебрались многие семьи.

— Пожалуй, на «Монголии» соберется столько всяких пассажиров, что и раненым не останется места,— заметил Витгефт.

— Дело старшего врача лазарета урегулировать этот вопрос,— отозвался Матусевич.

На этом совещание моряков и окончилось.

— Василий Федорович,— обернулся наконец Витгефт к Белому, разговаривавшему с флагманским артиллеристом лейтенантом Кетлинским.— Я прошу вас прибыть к нам, чтобы обсудить вопрос, как нам бороться с этой паршивой батарейкой стодвадцатимиллиметровых пушек, которая нас обстреливает уже несколько дней.

— Я тоже хотел переговорить с вами по этому поводу. Сейчас с вашим флаг-офицером мы договорились о связи кораблей с нашими наблюдательными пунктами и завтра попробуем сбить батарею перекидным огнем с броненосцев.

Оба превосходительства оживленно заговорили. Звонарев, ожидая распоряжений, почтительно стоял в стороне.

— Вы это что, молодой человек, вместо службы в строю на Электрическом Утесе перешли в адъютанты? — подошел к нему Эссен.

— Я все время вел работы по постройке укреплений на сухопутном фронте, но на днях мне обещано возвращение на Утес,— ответил Звонарев.— Вы надеетесь на успех при выходе эскадры, Николай Оттович?

— Тот не солдат, кто не имеет маршальского жезла в ранце! Но, откровенно говоря, боюсь не столько японцев, сколько нашего адмирала. Вдруг опять при виде японцев сдрейфит и побежит в Артур, как это было десятого июня. Да и большинство наших командиров против выхода. Следовательно, они будут все время оглядываться на Артур и при первом предлоге повернут назад.

— В таком случае необходимо сменить ненадежных командиров.

 — Всех не сменишь. Беда наша в том, что у самого

адмирала настроение подавленное и полная неуверенность в себе.

Артиллеристы стали прощаться.

— До свидания во Владивостоке. Желаю вам, господа, полного успеха,— говорил Белый, пожимая руки морякам.

— А вам желаю успешно выдержать осаду и поскорее освободиться от блокады,— отвечал за всех Витгефт.

Генерал облобызался с ним и, растроганный, сел на катер.

Между тем бомбардировка прекратилась. Солнечный, ясный день приветливо встретил вышедших из полутемных помещений броненосца артиллеристов. Катер быстро доставил их на пристань.

На следующий день бомбардировка возобновилась с новой силой. С раннего утра посыпались снаряды в западный бассейн, где стояли все броненосцы. Один снаряд угодил в борт «Ретвизана» и нанес ему подводную пробоину почти в полквадратной сажени. Броненосец через нее принял пятьсот тонн воды и осел на один фут в воду. Одним из следующих снарядов был легко ранен в руку командир броненосца Шенснович и двадцать человек матросов. Это происходило на виду эскадры и произвело на всех удручающее впечатление.

Напрасно все шесть броненосцев громили перекидным огнем районы возможного расположения японских батарей, сотрясая до основания хрупкие домики в Старом и Новом городе. Бомбардировка неуклонно продолжалась. Стала очевидной невозможность дальнейшего пребывания эскадры в Артуре.

Как только прекратился обстрел, со всех пристаней двинулись к кораблям многочисленные шлюпки и катера. На некоторых из них восседали в ярких летних платьях лейтенантши, капитанши и представительницы артурского полусвета.

Плавучий лазарет «Монголию» целый день осаждали десятки катеров и шлюпок с многочисленными пассажирками, предлагавшими свои услуги в качестве сестер и санитарок. И хотя все штаты давным-давно были заполнены, все же пришлось принять счастливиц, имевших превосходительных покровителей. Так как разместить их в помещениях команды и медицинского персонала было невозможно, то им отвели одну из кают, предназначенную для раненых.

— Не успеем мы выйти из Артура, а нам уже некуда

будет принимать подобранных в бою,— возмущался главный врач лазарета Петров.

Известие об уходе на следующее утро эскадры еще днем облетело город. Все торопились на набережную, в последний раз полюбоваться стоящими на рейде судами. Остающиеся в Артуре морские офицеры — молодежь с завистью, а старшие с сожалением — глядели на темные силуэты кораблей.

— Кто из них будет еще плавать завтра в это время,— вздыхал пожилой капитан.

— Можно ручаться, что не все,— ответил ему собеседник.

— Не верю, чтобы наши самотопы рискнули вступить в бой с японцами,— басил тучный стрелковый капитан.— Как увидят Того, так и побегут куда глаза глядят.

— На месте Стесселя я бы предупредил моряков, что обратно в Артур им ходу нет,— вторил ему толстый полковник Савицкий.

— Без флота мы Артура долго не удержим,— задумчиво проговорил командир полевой батареи подполковник Петров.

Такие разговоры велись и на улицах, и в ресторанах, и на батареях. Моряки предпочитали отмалчиваться, чтобы не раздражать возмущенных полным бездействием флота сухопутных офицеров.

В морском собрании в этот вечер остающиеся в Артуре морские офицеры чествовали своих уходящих товарищей. Рекой лилось шампанское, произносились горячие тосты, пылкие клятвы умереть, но не посрамить Андреевского флага.

Накануне выхода эскадры Звонарев с Борейко и учительницами Пушкинской школы решили нанести прощальный визит в домик Ривы. Уже затемно они добрались до Нового города и застали Риву за последними приготовлениями. Все ценное было уложено, но обстановка квартиры оставалась целиком. Рива в форме сестры милосердия радостно встретила гостей.

— Я так рада, что уезжаю из Артура, а то за последние дни несколько снарядов разорвалось совсем близко от нашей квартиры. Боюсь только, чтобы в море не потопили минами «Монголию»,— вздыхала она.

— Будем надеяться, что все будет благополучно. Это нам здесь предстоит пережить тяжкие дни осады,— ответила Оля.

— Как вы поступите с квартирой? — справился Борейко.

— Оставлю на Куинсан. Быть может, Сережа временно поселится здесь? Вы часто бываете в этом районе. Куинсан приготовит вам обед, постирает белье,— одним словом, сделает все, что нужно такому заядлому холостяку, как вы,— лукаво улыбнулась Рива.

— В Артиллерийском городке найдутся особы, готовые всегда о нем позаботиться,— хитро поглядел на друга Борейко.

Звонарев покраснел, но не стал возражать.

Подали чай, разговор не клеился, все были взволнованы предстоящей разлукой и больше молчали.

— Пора двигаться,— поднялся Акинфиев.— Я довезу тебя до «Монголии».

— Надо перед дорогой посидеть и подумать о предстоящей дороге,— проговорила Леля.

Все на минутку присели, затем стали прощаться. Девушки целовались, мужчины обменялись рукопожатиями. Гурьбой вышли на набережную, где уже ожидал катер с «Севастополя».

Стояла тихая теплая звездная ночь. С моря тянуло прохладой. С фортов доносилась слабая ружейная перестрелка, прерываемая отдельными пушечными выстрелами.

— Отваливай! — скомандовал лейтенат, и катер быстро растаял в темноте.

Ночь была на исходе. Гавань с ее зеркальной поверхностью, темные громады судов, Тигровый полуостров, Золотая гора — все безмолвствовало. Вдруг что-то сверкнуло на «Цесаревиче». Трепетно замерцали фосфорические огоньки на мачте, и тотчас же огоньки появились на всех остальных судах. Вспыхнут — потухнут и опять вспыхнут. Вслед за этим сразу ожили безмолвные темные громады броненосцев и крейсеров. Над тихим артурским рейдом раздались резкие свистки боцманских дудок, шум голосов и громкие выкрики команды. Послышался топот многочисленных ног по палубам, засветились огнями иллюминаторы. Вскоре с кораблей раздался стройный тысячный хор матросов, певших утренние молитвы. На «Цесаревиче» оркестр заиграл гимн. Его подхватили на других кораблях. У Адмиральской пристани в порту выстроенный на набережной батальон Квантунского флотского экипажа с оркестром вторил эскадре. Толпа, успевшая собраться на берегу, обнажила головы.

— Нашему славному флоту ура! — закричал кто-то в толпе, и русский победный клич покатился по набе-

режным, перекинулся в порт, где его подхватили выбежавшие из мастерских рабочие и матросы флотского экипажа. Прошло с четверть часа, пока наконец эти клики стихли.

— Дал бы только им бог добраться до Владивостока! — слышались отдельные возгласы в толпе.

Небо на востоке постепенно светлело. Лучи крепостных прожекторов бледнели и гасли один за другим. Наступило тихое ясное утро, с гор подул прохладный норд-ост.

На мачте сигнальной станции, расположенной на Золотой горе, у выхода на внешний рейд, поднялось несколько флагов. Тотчас два портовых катера направились к преграждавшим проход в гавань бонам и начали их разводить. Вслед за ними двинулся легкий крейсер «Новик».

Неторопливо проплыл тралящий караван — четыре землечерпалки-грязнухи и два небольших парохода. Усиленно дымя, они построились попарно и, заведя тралы, двинулись вдоль берега на юг к бухте Белого Волка, где и остановились. За ними начали выходить на внешний рейд вперемежку крейсера, канонерки, миноносцы. Ровно в шесть часов утра появился из-за угла Адмиральской пристани мощный, изящный корпус флагманского броненосца «Цесаревич», с чуть трепещущим на фок-стеньге адмиральским флагом. Минут через пять, пробравшись через проход и минные заграждения, он отдал якорь на внешнем рейде, залитом ослепительным светом взошедшего солнца.

Зелено-голубая гладь горизонта была еще подернута утренним туманом, сквозь который чуть проступали силуэты сторожевых японских судов. Они пытались подойти поближе к Артуру, чтобы лучше рассмотреть маневры русской эскадры, но тотчас «Новик», густо задымив из всех своих труб, стремительно ринулся вперед, неся на носу огромный белый бурун. Стайка миноносцев наперегонки с ним тоже кинулась в сторону неприятеля. Раздалось несколько глухих выстрелов. На горизонте взметнулись столбы воды, и японцы поспешили скрыться в море. Сделав свое дело, «Новик» с миноносцами двинулся к эскадре. Дальнейший выход эскадры задержал «Ретвизан», спешно кончавший заделку пробоины, полученной накануне.

Нетерпеливый командир «Севастополя» Эссен двинулся было к выходу из гавани, но тотчас же был остановлен сигналом командующего флотом.

Едва «Ретвизан» двинулся с места, как замешкался «Пересвет». Не понимая, в чем дело, Эссен по семафору справился у командира броненосца Бойсмана о причине задержки и, узнав, что виноват Ухтомский, посоветовал ему освободиться от адмирала.

— Сразу у вас, Василий Арсеньевич, ход прибавится на два-три узла,— рекомендовал он Бойсману.

— Мне штабные крысы совсем дышать не дают. Лучше миноносцем командовать, чем плавать вместе с таким контр-адмиралом, как Ухтомский,— жаловался в ответ Бойсман.

Вмешательство Эссена все же возымело свое действие. «Пересвет» двинулся в проход. За ним следом пошел и «Севастополь».

Только в половине девятого утра, через три с половиной часа после выхода «Новика», эскадра сосредоточилась на внешнем рейде.

— Боевая эскадра, а, идя на прорыв, ползет, как черепаха,— возмущался Эссен.— Да за это время суда от Владивостока можно подтянуть к Артуру.

— Тем не менее адмирал Того что-то запаздывает,— заметил Акинфиев, находившийся в распоряжении командира.

— Ждет нас в открытом море, подальше от крепостных батарей,— ответил старший офицер капитан второго ранга Бахметьев.

Было девять часов утра. Изрядно парило. На море стояло марево тумана, сквозь которое опять замаячили японские суда. Эскадра все еще стояла на внешнем рейде, вытянувшись в кильватерную колонну вдоль берега от Золотой горы до Ляотешаня.

— Пора бы и трогаться,— нетерпеливо заметил Акинфиев.— Кажется, все в сборе.

С «Цесаревича» засигналили.

— «Флот извещается, что государь император приказал идти во Владивосток»,— доложил Эссену вахтенный офицер, разбиравший сигнал.

Вскоре корабли стали сниматься с якоря и двинулись за тралящим караваном курсом на юго-запад. Вслед за эскадрой должен был идти плавучий лазарет «Монголия» — пассажирский пароход водоизмещением около пяти тысяч тонн. Он был специально переоборудован для приема и лечения раненых. Довольно быстроходная «Монголия» могла развивать ход до семнадцати узлов, не уступая в скорости крейсерам «Диана» и «Паллада». Окрашенная в белый цвет, с ясно видимыми красными

крестами на бортах и флагах, она издали бросалась в глаза и резко отличалась от темно-серых боевых судов эскадры.

Командовал ею капитан Охотский, опытный моряк, хорошо знавший дальневосточные воды. Кроме моряков, на «Монголии» находились еще пять врачей и тридцать человек медицинского персонала Красного Креста. За день до выхода было принято на корабль также около двадцати жен и детей из семей морских офицеров. Таким образом, пароход имел уже довольно большое население, что сократило число имеющихся на корабле лазаретных коек до полутораста.

Задержавшись с приемом медикаментов, «Монголия» опоздала к выходу эскадры и догнала ее уже на внешнем рейде во время движения.

Среди медицинского персонала парохода находилась и Рива Блюм. Недавно окончившая ускоренные курсы сестер, она еще не вполне освоилась с работой и с виноватой улыбкой обращалась за помощью к другим сестрам.

Как только пароход вышел в море, все население плавучего лазарета высыпало на палубу. Вместе со всеми поднялась наверх и Рива.

— Не хотите ли полюбоваться эскадрой с капитанского мостика? Там все видно гораздо лучше, чем здесь,— предложил Риве провизор госпиталя Фейгельсон.

— Но нас туда не пустят,— усомнилась она.

— Разве есть на земле такое место, куда не пустили бы Фейгельсона? Капитан Охотский мой друг.

При появлении Ривы на мостике Охотский расшаркался перед ней и предложил ей морской бинокль.

На фоне темно-голубого неба была четко видна эскадра, вытянувшаяся в длинную кильватерную колонну. Впереди шли три пары тральщиков, за ними «Новик», а затем, густо дымя, двигались броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь» и «Полтава». Немного оттянувшись, шел отряд крейсеров — «Аскольд», «Паллада», «Диана». Миноносцы прикрывали эскадру с флангов, держась на обоих траверзах адмирала. Замыкали шествие четыре канонерки: «Бобр», «Гиляк», «Отважный», «Гремящий». «Монголия» пристроилась в кильватер миноносцам, идущим с западной стороны эскадры.

— Эх, нет нашего «Баяна»! — сокрушался Охотский.— Он один стоит больше, чем «Даша» и «Палаша», вместе взятые,— ткнул он биноклем на «Диану» и «Пал-

ладу».— Ход эскадры уж очень мал — всего шесть узлов. Так до Владивостока и в неделю не доберемся.

— Слева по корме появились дымки,— доложил вахтенный сигнальщик флотского экипажа.

— Вот Того! Ведет всю свою эскадру. Раз, два, три...— начал Охотский считать дымки приближающихся судов, но скоро сбился.

— На левом крамболе еще дымки,— опять показал сигнальщик,— и на правом траверзе — тоже.

— Никак, японцы начинают окружать нашу эскадру? — забеспокоился Охотский.— По приказу мы должны держаться против четвертого от головы мателота с противоположной противнику стороны, вне досягаемости артиллерийского огня. Но сейчас противник появился со всех сторон. Где же мы должны находиться?

В это время на «Цесаревиче» подняли новый сигнал: «Иметь ход десять узлов, соблюдать расстояние».

Эскадра постепенно начала прибавлять ход. Но не прошло и четверти часа, как «Цесаревич» круто бросился в сторону и застопорил машину. На мачте взвился сигнал: «Не могу управляться».

— Поломка! Не могли перед походом отремонтироваться как следует,— сердито пробурчал капитан.

Вся эскадра уменьшила ход. Остановился и плавучий лазарет.

Взоры всех с тревогой были обращены на адмиральский корабль. Воспользовавшись задержкой русской эскадры, японцы быстро приближались.

Сигналом с «Цесаревича» был отпущен под охраной канонерок и миноносцев второго отряда шедший впереди тралящий караван. Вскоре «Цесаревич» прибавил ход. За ним последовали и остальные.

Все корабли усиленно дымили, и над эскадрой стояло сплошное черное облако, сквозь которое с трудом пробивалось солнце. На горизонте все яснее выступала подходившая со всех сторон японская эскадра.

— Жаркий сегодня будет день,— говорил Охотский,— бой предстоит весьма сильный. Японцев вдвое или втрое больше наших.

Поравнявшись с «Отважным», Охотский в мегафон спросил у Лощинского указания, где ему находиться.

— Вернемся в Артур! — вместо ответа предложил Лощинский.

Мостик маленькой канонерки оказался внизу «Монголии». Бронзово-красный Лощинский, сняв фуражку,

вытирал свою лысую голову и, по обыкновению, добродушно улыбался.

Охотский призадумался и не сразу ответил на сделанное предложение. Несколько минут «Монголия» и «Отважный» шли рядом малым ходом по направлению к Артуру.

— С «Цесаревича» передают: «Монголии» следовать в кильватер колонны миноносцев»,— доложил сигнальщик.

— Вот и ответ на мои сомнения! — обрадовался капитан.— Счастливо оставаться в Артуре, ваше превосходительство! — прокричал он на «Отважный».

— Желаю успеха! — ответил уже издали Лощинский, и суда разошлись.

«Монголия» полным ходом устремилась на указанное ей флагманом место в хвосте отряда миноносцев.

Теперь стала видна вся эскадра. Впереди шел «Цесаревич», беспрерывно подавая эскадре различные сигналы. На судах их тотчас же повторяли. Слева, наперисечку курсу русской эскадры, выдвигались японские суда.

— «Микаса», «Асахи», «Фуджи», «Шикишима»,— перечислял сигнальщик.

— Откуда ты их знаешь? — спросил его Охотский.

— На «Петропавловске» при адмирале Макарове был старшим сигнальщиком. Там нас постоянно лепертили на японские корабли. Покажут вырезанное из картона судно, а мы должны узнавать, какой это корабль — наш или японский,— пояснил сигнальщик.

В это время зазвучал гонг, призывающий к завтраку.

— В кают-компании уже заняты все места, и некоторых даже некуда посадить,— сообщил, подымаясь на мостик, первый помощник капитана.— Война войной, а еда едой!

Русская эскадра в кильватерной колонне шла курсом на юго-восток, имея тринадцать узлов хода. В голове шли два новейшей заграничной постройки броненосца — «Цесаревич» и «Ретвизан», по своим боевым качествам не уступавшие любому из японских кораблей. Следовавшие за ними броненосцы «Победа» и «Пересвет» больше подходили к типу броненосных крейсеров, чем броненосцев, имея сравнительно слабую десятидюймовую артиллерию и недостаточное броневое прикрытие. Но для крейсеров ход их был слишком мал. Наконец, два концевых корабля — «Севастополь» и «Полтава» — являлись устаревшими тихоходными судами, только задерживающими

остальную эскадру. Эта разнотипность судов сразу дала себя знать. Без «Севастополя» и «Полтавы» ход русских судов мало чем отличался от японских, достигая шестнадцати — семнадцати узлов. С ними же трудно было бы идти даже по тринадцати узлов.

Еще перед выходом из Артура вносилось предложение идти на прорыв только с четырьмя быстроходными броненосцами, направив «Севастополь» и «Полтаву» вместе с канонерками для демонстрации к Дальнему, что привело бы к разделению японской эскадры и облегчило выполнение задачи для основной группы судов. Но Витгефт на это не согласился. Теперь было видно, насколько тормозили ход эскадры тихоходные броненосцы. Растянувшись чуть не на двадцать кабельтовых, эскадра фактически шла в двух группах. Впереди — четыре головных броненосца, за ними, сильно отставая, тянулись «Севастополь» и «Полтава».

Идущие сзади четыре быстроходных крейсера должны были следовать малым ходом и временами вовсе стопорить, чтобы не налететь на концевые броненосцы. Миноносцы двигались отдельной кильватерной колонной в стороне от главных сил.

Главные силы японцев состояли из четырех современных броненосцев и двух броненосных крейсеров новейшего типа. Все суда были более или менее однотипны и обладали эскадренным ходом в семнадцать узлов. Кроме того, к месту боя были подтянуты все остальные боевые отряды флота, но они находились вне сферы действия артиллерийского огня и только наблюдали за боем.

Сблизившись с русской эскадрой на восемьдесят кабельтовых, японцы открыли огонь из крупных орудий. Некоторое время эскадры шли почти параллельным курсом, ведя редкую перестрелку. Когда расстояние между эскадрами еще уменьшилось, флагманский корабль японцев пристрелялся по «Цесаревичу» и сигналом сообщил дистанцию остальным судам. Японские корабли открыли огонь по русским сразу на поражение. Началась сильнейшая артиллерийская канонада. Японцы и русские довели свой огонь до предела.

Нервно настроенные пассажиры «Монголии», как только грохот стрельбы усилился, бросив завтрак, устремились на палубу. Напрасно пытался Охотский задержать их внутри. Матросов, преградивших путь на палубу, оттеснили. Все с тревогой стали следить за перипетиями морского боя. Рива опять устроилась на капитанском мостике. Прежде всего она взглянула на «Севастополь».

Броненосец был весь окутан дымом и вел стрельбу своим правым бортом. На нем то и дело сквозь дым мелькали огненные языки. Корабль казался пустым. Наверху не было видно ни одного человека, только на мачте мелькали различные сигналы.

Во главе, окруженный разрывами снарядов, шел «Цесаревич». На нем беспрерывно появлялись огромные черные султаны от рвавшихся снарядов. В бинокль было видно, как на корме начался пожар. Огненные языки высоко вздымались вверх.

— Боже, какой ужас! «Цесаревич» горит! — воскликнула Рива, показывая на адмиральский корабль.

— Здорово нашим попадает! Смотрите, и на «Пересвете» начался пожар. На «Ретвизане» сбита половина мачты,— испуганно говорил Охотский.

— У японцев что-то незаметно таких разрушений. Даже на головном корабле видны лишь легкие дымки, не то от пожара, не то от разрыва наших снарядов...

Капитан с тревогой смотрел на все приближавшуюся неприятельскую эскадру.

— Совсем близко от нас падают снаряды,— озирался он боязливо на всплески воды.

В это время идущие впереди миноносцы по сигналу адмирала отошли еще дальше от линии броненосцев. «Монголия» отстала от эскадры. Японцы круто повернули «под хвост» русской эскадре и, недостижимые для пушек броненосцев, всей силой огня обрушились на концевые крейсера. Море вокруг них закипело от снарядов. Крейсера, в свою очередь, яростно отстреливались, окутавшись густыми облаками черного дыма. Беспрерывный гул выстрелов и взрывов, гигантские взметы воды создавали захватывающую дух картину стихийной мощи разрушения. Забыв в эту минуту обо всем, Рива не спускала глаз с крейсеров.

Но вот на переднем из них — «Аскольде» — взвились на мгновение разноцветные флажки, и четыре концевых корабля, круто повернув в сторону, полным ходом вышли из-под обстрела.

«Аскольд», густо дымя из своих пяти труб, летел впереди, а за ним поспевали «Новик», «Паллада» и «Диана».

— Молодцы, ловко выскочили! — восхищенно воскликнул Охотский.

Рива облегченно вздохнула и перевела бинокль на броненосцы. Они уже прекратили огонь. Пожар на «Цесаревиче» был почти потушен. На «Пересвете» тоже не

было видно огня. На всех кораблях стали появляться люди. Матросы суетились на палубе, наскоро исправляя полученные в бою повреждения, но крупных разрушений не было видно ни на одном из броненосцев.

— Пока, слава богу, наши корабли не сильно пострадали,— заметила Рива.

— Мы не видим бортов, обращенных к японцам. Там должно быть больше разрушений,— ответил капитан.— Но самое главное то, что мы прорвались через вражескую эскадру. Она осталась позади! — радовался капитан.

— Она может еще вернуться и догнать нас.

— Это не так просто. Мы ведь тоже не будем стоять на месте,— возразил Охотский.— Видите, как «Цесаревич» прибавил ходу? Наши старички «Севастополь» и «Полтава» едва поспевают за ним.

Японцы, продолжавшие идти прежним курсом, остались далеко позади. Можно было надеяться, что русской эскадре с наступлением темноты удастся укрыться и прорваться на север. На всех кораблях усиленно засемафорили. Сигнальщик, наблюдая в бинокль, сообщил окружающим их значение.

— На «Ретвизане» убитых нет, раненых десять, повреждения малы; на «Победе» трое убито, раненых двадцать, повреждений нет. «Пересвет» — нет ни раненых, ни убитых, ни повреждений.

— Здорово! — удовлетворенно заметил Охотский.

— «Севастополь» — потерь и повреждений нет. «Полтава» — большая пробоина в корме. Принято около трехсот тонн воды. Пятнадцать убитых, двадцать раненых.

— Вот странно, а от нас казалось, что на «Полтаве» все благополучно!

— «Аскольд» — сбита передняя труба, две пробоины. Убито: один офицер и десять матросов, ранено восемь матросов. На «Палладе» и «Диане» все в порядке,— сообщил сигнальщик.

— Раненых сейчас будут доставлять к нам? — спросил поднявшийся на мостик главный врач лазарета Петров.

— Едва ли! Это займет много времени, а нам надо удирать во все лопатки от японцев. Видите, они опять повернули за нами. Сейчас начнется настоящая погоня,— показал биноклем назад капитан.— Вот если какой-либо корабль потонет, тогда мы подойдем к месту катастрофы и будем спасать тонущих из воды.

— Даст бог, этого не случится! — с чувством проговорила Рива и еще раз посмотрела в бинокль на «Севастополь», который мирно шел в общем строю. Она радостно

улыбнулась сама себе: ее Андрюша был цел и невредим.

Вскоре на кораблях пробили отбой, и с «Цесаревича» просигналили: «Команде пить чай».

— Теперь и нам можно идти кончать прерванный боем обед,— проговорил Охотский.

На палубе стоял оживленный говор, смех, шутки. Настроение у всех после благополучно избегнутой опасности было повышенное.

— Кажется, нам сегодня посчастливилось,— улыбался главный врач.— Прорвались через японскую эскадру и теперь можем двигаться во Владивосток.

— Рано еще радоваться,— охладил его восторг капитан.— Того может вернуться, так как имеет большое преимущество в ходе.

— Пока он догонит, наша эскадра сумеет починить повреждения и снова соберется с силами.

Пассажирки обменивались впечатлениями. Каждая говорила об интересующем ее корабле, где находились либо муж, либо брат, либо возлюбленный.

— Капитан, миленький, узнайте фамилии убитых и раненых офицеров,— обращались они к Охотскому.

— Это не так просто, сударыня. Мы ведь не знаем, какие потери на кораблях.

— Сигнальщик же говорил вам, и мы слышали, что на «Аскольде» есть убитые, а на других нет.

Чтобы отвязаться от назойливых приставаний, капитан обещал справиться по семафору на названном корабле.

В кают-компании стучали ножи и стоял смутный гул общего разговора. Рива следила, чтобы больные получили все, что им полагается.

— Сестра Блюм! — окликнул ее главный врач и, отведя в сторону, шепотом сообщил: — К нам подходит японский крейсер. Очевидно, они хотят захватить «Монголию». Побудьте здесь, чтобы не произошло паники.

Рива испуганно посмотрела на него и побледнела. Главный врач понял, что она не справится с его поручением.

— Выйдите на палубу,— сказал он.— Там вам будет лучше.

Спотыкаясь и вся дрожа от волнения, Рива поднялась на палубу. Здесь уже собрался почти весь медицинский персонал: врачи, студенты-медики и перепуганные сестры. Ни капитана, ни его помощников не было. Все были очень взволнованы и с тревогой смотрели на быстро

приближающийся японский крейсер. Уже хорошо были видны стеньговые флаги с изображением восходящего солнца. На мачте то и дело появлялись различные комбинации флагов. На мостике сигнальщик, переодетый в штатское, разбирал вместе с молоденьким вахтенным начальником значение сигналов.

— Остановиться, спустить трап,— сообщали они с мостика японские приказания.

— Что с нами будет? — взволнованно допытывались все у Петрова.

— Мы находимся под охраной Красного Креста, и, следовательно, нам ничто угрожать не может,— успокаивал главный врач.

— Вдруг они нас уведут в Японию? — спросила Рива.

— Ну что ж. Будем сперва протестовать, а затем подчинуемся силе и пойдем, куда нам велят.

— С какой же это стати? Мы хотим оставаться с русскими, а японцы пусть, если хотят, устроят плавучий лазарет и следуют за своей эскадрой.

Пока на палубе спорили, крейсер успел подойти к «Монголии», став в полукабельтове, бортом к ней. Все невольно залюбовались им. Стройный, чистенький, весь как выточенный из серой стали, он казался нарядной яхтой, а не военным кораблем. Но направленные в сторону русских дула палубных орудий говорили о его враждебных намерениях.

У борта крейсера тоже столпились японские матросы, внимательно разглядывая невиданный ими плавучий госпиталь, рискнувший сопровождать эскадру в бою. От крейсера отчалила шлюпка. В ней находилось несколько вооруженных матросов и офицеров. Вахтенный начальник, приказав боцману выстроить команду, подошел к трапу для встречи японцев.

— Может быть, кто-нибудь из вас хорошо говорит по-английски? — спросил он, обернувшись к медицинскому персоналу.

— Ольга Александровна,— обратился Петров к одной из сестер,— вам придется взять на себя роль переводчика.

Как только шлюпка подошла к трапу, на палубу легко поднялись два японских морских офицера в сопровождении нескольких вооруженных матросов с примкнутыми к ружьям штыками-тесаками.

Подойдя к группе врачей, оба офицера вытянулись и отдали им честь, а затем старший из них на чистом русском языке произнес:

— Мы прибыли на ваше судно, чтобы удостовериться, не находится ли на нем военных чинов или какого-либо военного снаряжения. Если мы ничего не обнаружим, то вы будете тотчас же отпущены. В случае же находки военной контрабанды пароход будет задержан как приз.

— Смею вас заверить, господин офицер, что на «Монголии», кроме имущества Красного Креста, нет ничего,— ответил Петров.

— Это надо еще установить,— сказал японец и отдал приказание своим матросам.

Второй японский офицер направился на мостик проверять судовые книги, а матросы спустились вниз.

— Да это же парикмахер наместника, Жан! — узнала японца Рива.— Мосье Жан, вы это или не вы? — спросила она.

— Я сейчас не парикмахер Жан, а капитан-лейтенант императорского японского флота Кабаяси,— сухо ответил тот.

— Теперь и я вас узнала! И я! И я! — сразу раздалось несколько голосов.

Японец с надменной улыбкой раскланялся со своими бывшими клиентками. Затем он подошел к выстроенным на палубе матросам и санитарам и стал проверять их по списку.

Охотский с перепугу запрятался где-то в трюме. С Кабаяси остался лишь один из его помощников. Петров со своим персоналом спустился в кают-компанию, где среди пассажиров поднялась паника. Женщины громко плакали, дети вторили им, и все в один голос молили Петрова заступиться и не допустить, чтобы их увезли в Японию. Старший врач и сестры поспешили им сообщить о заявлении японцев.

— А вдруг они что-нибудь найдут? — тревожно спросила одна из пассажирок.

— Ничего они не могут найти, ибо у нас нет никаких грузов, не принадлежащих Красному Кресту.

— Вы, Геннадий Николаевич, забываете, что, во-первых, они сами могут подбросить что-нибудь запрещенное, а во-вторых, могут объявить незаконным пребывание пассажиров на нашем судне,— скороговоркой взволнованно произнес Фейгельсон.

— Гаагская конвенция не запрещает организациям Красного Креста брать под свою защиту женщин и детей,— возразил Петров.

 Вскоре Кабаяси спустился в кают-компанию и потре-

бовал список пассажиров. Его пришлось наскоро составлять.

Прошло с четверть часа в томительном ожидании. К Кабаяси начали подходить его подчиненные с докладами о результатах досмотра.

Капитан выслушивал их с невозмутимым видом и отдавал короткие распоряжения.

Все русские с нескрываемой тревогой следили за этими переговорами, стараясь по выражению лиц говоривших понять, о чем идет речь. Вдруг взволнованно влетел в кают-компанию провизор.

— Помилуйте! — обратился он к Петрову.— Они считают даже селитру военной контрабандой, а она положена по номенклатуре аптечных лекарств, и у нас ее всего пятьдесят унций.

Вслед за Фейгельсоном вошли двое японцев, неся в руках банку с злополучной селитрой.

Разобравшись, в чем дело, Кабаяси заявил, что селитра будет конфискована, а «Монголия» отпущена, если это разрешит адмирал Того.

Все облегченно вздохнули.

— Мы строго соблюдаем правила Женевской и Гаагской конвенций, свидетелями чего вы сейчас были,— обратился Кабаяси к русским перед уходом.

Японская шлюпка отошла. Вынырнувший откуда-то Охотский приказал дать полный ход. Русская эскадра успела уйти за это время довольно далеко, и пароходу пришлось поспешить, чтобы поскорее догнать ее.

Было около четырех часов дня. Солнце уже заметно склонялось к западу. Море по-прежнему было спокойно, а горизонт ясен. Справа, с западной стороны, японцы медленно нагоняли русскую эскадру, идущую полным ходом в направлении на мыс Шантунг. На артурских кораблях не было заметно повреждений, и они шли на разных дистанциях друг от друга. Крейсера двигались параллельной колонной с левой стороны, в десяти кабельтовых от броненосцев. Еще левее тянулись цепочкой миноносцы. К ним в кильватер пристроилась и «Монголия».

После посещения парохода японцами у всех настроение резко повысилось. Собравшись на палубе, все население парохода обменивалось впечатлениями о только что пережитом треволнении. С «Цесаревича» запросили, все ли благополучно на «Монголии», на что последовал положительный ответ. Было очевидно, что на флагман-

ском корабле беспокоились за судьбу плавучего лазарета.

Как только головной корабль японской эскадры вышел на траверз броненосца «Полтава», грянул выстрел из двенадцатидюймовки. Примеру броненосца последовали остальные корабли. Японцы не замедлили ответить, и вскоре бой разгорелся по всей линии. Японские снаряды, перелетая через русские корабли, начали падать невдалеке от «Монголии». Охотский поспешил отойти еще дальше в сторону.

С мостика были прекрасно видны обе сражающиеся стороны: ближе, в двадцати кабельтовых — русские, а в шестидесяти — семидесяти — японцы. Обе эскадры окутались дымом от выстрелов и взрывов, но японские снаряды при взрыве давали огромные столбы густого черного дыма, а русские — малозаметный зеленый дымок. Поэтому казалось, что русские броненосцы несут гораздо большие поражения, чем японцы. Особенно доставалось флагманским кораблям «Цесаревичу» и «Пересвету», которые временами совершенно скрывались в черном дыму.

— Наших-то как шпарят! — взволнованно проговорил Охотский.— А японцы, словно заговоренные, ни одного попадания!

— Вглядитесь повнимательнее, Измаил Дмитриевич, и увидите, что и у них есть поражения. Видите, зеленоватые дымки? Это и есть попадания наших снарядов,— возразил вахтенный начальник.

Все наличные бинокли и зрительные трубы были пущены в ход. Затаив дыхание, все следили за развертывающейся перед ними трагедией. Многие женщины начали плакать, особенно когда снаряды попадали в те корабли, на которых находились их близкие.

— Не могу, не могу! — истерично закричала вдруг одна из пассажирок при виде огромного облака дыма, окутавшего «Победу».— Там, наверно, не осталось ни одного живого человека!

Но в следующее мгновение броненосец вновь стал ясно виден, и на нем не было заметно никаких повреждений.

Разнервничавшихся дам пришлось чуть не насильно увести вниз.

Рива мужественно продолжала следить за «Севастополем». Вот на нем взвился вихрь огня и дыма, и тотчас начался пожар в носовой части. Молодая женщина закрыла от ужаса глаза.

Вслед за «Севастополем» загорелось на «Полтаве». Огненные языки высоко вздымались сквозь дым. В би-

покль виднелись белые точки суетящихся на палубе людей.

На «Пересвете» почти одновременно были сбиты стеньги на обеих мачтах. На «Ретвизане» снесло половину средней трубы.

По мере сближения эскадр стали яснее видны повреждения на японских кораблях. Стрельба их заметно ослабевала.

— Наши молодцами дерутся! — восхищался Охотский.— Неизвестно еще, чья возьмет.

Японские газеты так описывали этот бой:

«Получив известие о предстоящем выходе русской эскадры, адмирал Того поспешил сосредоточить на подступах к Артуру все находящиеся поблизости боевые суда своей эскадры — всего восемнадцать боевых кораблей, из них четыре броненосца, шесть броненосных крейсеров и восемь легких. Кроме того, была подтянута миноносная флотилия в составе пятидесяти миноносцев.

Но в генеральном сражении принимал участие лишь первый броненосный отряд, в составе четырех броненосцев и двух броненосных крейсеров новейшего типа, под начальством самого адмирала Того. Около полудня он увидел русскую эскадру, идущую курсом на юго-восток, в десяти милях впереди себя, и, пользуясь преимуществом хода, устремился ей навстречу.

Во время первого боя в японские суда попало несколько крупных снарядов, причинивших значительные повреждения. Для исправления их адмирал Того временно вышел из боя. Русская эскадра уже почти скрылась из виду, когда наконец японцы смогли последовать за ней. Второй бой шел на параллельно сближающихся курсах на дистанции пятьдесят один кабельтов. Сражение велось с необычайным ожесточением. Невзирая на численное превосходство японцев в тяжелой и особенно в средней артиллерии, русские упорно продолжали идти вперед, нанося им весьма значительные повреждения».

Адмирал Того находился в боевой рубке головного флагманского броненосца «Микаса». Он напряженно следил за ходом боя в подзорную трубу, временами отдавая отрывистые распоряжения. На его бледно-желтом, продолговатом, почти европейского типа, лице, с небольшой коротко стриженной полуседой бородкой, застыло сосредоточенное выражение. Внешне он сохранял полное спокойствие, ничем не выдавая все сильнее нараставшую тревогу за исход сражения.

Никогда еще русские не проявляли в бою столько выдержки и упорства, как сейчас. «Микаса» весь был окутан дымом от взрывов и возникающих на нем пожаров; из-за дыма временами русских почти не было видно. Грохот стрельбы смешивался с шумом разрывов попадавших в «Микасу» русских снарядов.

Почти все верхние надстройки были разрушены и снесены, на исковерканной палубе валялись неубранные трупы. Одно из орудий носовой башни было подбито, другое могло действовать с трудом. Кормовая двенадцатидюймовая башня тоже была выведена из строя, половина средней артиллерии левого борта не действовала. Не хватало прислуги для орудий.

Давно выбыл из строя командир броненосца капитан Хирота, были отправлены на перевязочный пункт почти все чины адмиральского штаба. В командование броненосцем вступил третий по старшинству капитан-лейтенант. От главного врача пришло донесение, что уже выбыло из строя десять офицеров и около двухсот матросов.

Адмирал вышел на мостик и оглянулся на идущие сзади корабли. Стоящий рядом юнга-горнист поспешил подать цейсовский бинокль. Вслед за адмиралом из рубки вышли флаг-офицеры и два сигнальщика. В это время русский снаряд попал в одну из дымовых труб, осколки застучали по броневой рубке и палубе. Адмирал поморщился и, приказав перейти на левое крыло мостика, стал разглядывать идущие сзади свои суда.

Горел «Асахи». Сквозь дым пожара были видны наполовину снесенная грот-мачта и развороченные верхние надстройки. Тем не менее броненосец продолжал интенсивно вести огонь. За «Асахи» чуть выступал «Фуджи». По медленной стрельбе можно было судить о наличии на нем значительных разрушений. На концевом крейсере «Якумо» еще были видны языки пожара. В это время четвертый от мателота броненосец «Шикишима» сильно метнулся влево и на мгновение стал отчетливо виден. Передний мостик был разрушен. Из кормовой башни сиротливо выглядывало лишь одно двенадцатидюймовое орудие, трубы были сильно помяты. Вскоре «Шикишима» опять лег на курс и скрылся за идущими впереди кораблями.

Адмирал оторвался от трубы и взглянул в сторону русских. Склонявшееся к западу солнце хорошо освещало эскадру. Несмотря на разрушения и пожары, она продолжала двигаться прежним курсом и не снижала интенсивности своего огня.

Того в задумчивости направился обратно в рубку. Страшный взрыв поблизости сильно толкнул его в спину. Сзади раздался негромкий крик. Адмирал оглянулся. На палубе корчился в предсмертной агонии юнга-горнист, все еще держа в руке исковерканный горн. Один из флаг-офицеров исчез, другой, превозмогая боль, зажимал рукой раненый бок.

— Где лейтенант Коноэ? — спросил его адмирал.

— Пал смертью самурая во славу нашего обожаемого Тенно,— ответил с трудом офицер побелевшими от страдания губами.

— Идите сейчас же на перевязку,— приказал ему Того, заметив кровь.

— Позвольте только убрать это,— поднял руку офицер, и тут адмирал заметил, что на украшавшей его грудь звезде Восходящего Солнца прилип окровавленный комочек.

Того брезгливо смахнул его, с сожалением глядя на свой испачканный белоснежный китель.

В рубке он кивком головы подозвал к себе капитана второго ранга Изиду, заменившего раненого начальника штаба. Офицер тотчас подошел и почтительно вытянулся в ожидании приказаний. Адмирал мгновение помолчал. В его голове вихрем пронесся целый рой мыслей. Тяжелое положение японской эскадры было очевидно. Встал вопрос о выходе из боя, но отступление обозначало провал основного плана войны — не допустить соединения Артурской и Владивостокской эскадр. С другой стороны, продолжение боя грозило такими повреждениями, после которых броненосный отряд может надолго выйти из строя и русские приобретут хотя бы временное превосходство на море. Правда, у острова Цусимы находится еще эскадра броненосных крейсеров адмирала Камимуры, а в Корейских шхерах скрывается три десятка миноносцев. Но зато к русским могут подойти на помощь владивостокские крейсера.

Осторожность все же взяла верх.

— Поднять сигнал: «Я имею передать приказ»,— обратился адмирал к Изиде.

— Готово,— через минуту доложил офицер.

— Эскадре отходить в Сасебо,— раздельно проговорил Того.

Изида с удивлением и испугом посмотрел на своего адмирала.

— Разве ваше превосходительство считает, что русские выиграли бой? — робко спросил он.

— Да.

Офицер широко раскрыл свои чуть раскосые черные глаза, затем взглянул в сторону неприятельской эскадры и радостно воскликнул:

— Флагманский корабль русских вышел из строя!

— Смотрите, «Цесаревич»! — вдруг крикнула одна из пассажирок.

Броненосец неожиданно круто бросился влево и при этом так накренился, что всем казалось, будто он сейчас перевернется.

По палубе и мостику пронесся крик ужаса. Все ожидали немедленной гибели «Цесаревича», забыв на несколько мгновений о себе, о «Монголии», обо всем окружающем. Но «Цесаревич» так же неожиданно выпрямился и, продолжая катиться влево, казалось, готов был таранить «Севастополь» или «Пересвет». Оба эти броненосца, давая ему дорогу, свернули в сторону противника.

Шедший за «Цесаревичем» «Ретвизан» сначала было пошел за флагманом, но затем быстро переложил руль и ринулся на японцев. Только «Победа» и «Полтава» остались на прежнем курсе. Строй эскадры был нарушен. Весь огонь японцев теперь сосредоточился на «Ретвизане», но, вследствие быстрого приближения его, снаряды давали перелет. Броненосец, полыхая огнями всех своих орудий, стремительно шел на «Микасу», который, не выдержав, начал поспешно отходить. Но остальные корабли русской эскадры не последовали за «Ретвизаном». Оказавшись ближе к японцам, чем к своим, и под ужасающим обстрелом всей эскадры противника, «Ретвизан» принужден был повернуть назад.

Прошло еще несколько мгновений. Русские броненосцы продолжали отстреливаться от неприятеля, но все уже лежали на разных курсах. Затем один за другим они в полном беспорядке начали поворачивать к Артуру.

На все еще продолжавшем описывать циркуляцию «Цесаревиче» взвилось несколько флагов.

— «Адмирал передает командование»,— расшифровал сигнальщик.

— Значит, Витгефт или убит, или тяжело ранен,— стуча зубами от волнения, проговорил Охотский.

— Когда погиб Макаров, все говорили: бог с ним, с кораблем, лишь бы вернулся адмирал, а сегодня можно сказать: бог с ними, с адмиралами, лишь бы корабли были целы,— утешал его главный врач Петров.

 Крейсера, следуя за флагманским «Аскольдом», по-

шли на сближение с броненосцами, но те продолжали идти нестройной кучей, на ходу обгоняя друг друга. При этом они стреляли во все стороны, так что два или три снаряда упали около «Монголии».

— Право руля! — скомандовал Охотский, и пароход начал поворачиваться кормой к эскадре. Несколько мгновений с мостика ничего не было видно за дымом из трубы.

Разбиты, отступают, мать их так-перетак! — заорал Охотский, неожиданно воспылав боевым азартом.

— Отступилась от нас царица небесная! — проговорил рулевой, снимая фуражку и набожно крестясь.— Много, поди, сегодня матросиков отправилось в царство небесное.

— Замолчи, дурак! И без тебя тошно! — оборвал его махтенный начальник.— Все корабли на плаву, они оправятся и снова вступят в бой.

Но броненосцы продолжали, отстреливаясь, нестройной толпой отходить по направлению к Артуру. Японцы не преследовали их, ограничиваясь лишь огнем с дальней дистанции. В это время крейсера подошли к идущему впереди всех «Ретвизану». На «Аскольде» подняли какой-то сигнал, и, густо задымив из всех труб, крейсер на всех парах ринулся на видневшийся поодаль японский отряд. За ним последовал «Новик». Оба они быстро исчезли в уже темнеющем на востоке море. Некоторое время издалека доносилась усиленная канонада, а затем все стихло.

Огромное, по-вечернему красное солнце коснулось горизонта. Последние лучи его освещали красноватым светом мерно колышущиеся волны, на фоне которых четко вырисовывались силуэты русских кораблей. «Ретвизан», сильно зарываясь на ходу носом, со снесенной наполовину передней трубой, уходил все дальше вперед. За ним шла, оседая на корму, «Полтава». Несколько поодаль двигались «Цесаревич», на котором была снесена часть верхних надстроек, и «Севастополь» с нелепо задранной вверх двенадцатидюймовой пушкой в носовой башне и развороченной передней трубой. В стороне виднелись «Пересвет» со сбитыми верхушками мачт и разрушенными кормовыми надстройками и «Победа», у которой были развороченны две передние трубы и зияла надводная пробоина с левого борта. Только «Диана» и «Паллада» не имели никаких повреждений.

Рива с отчаянием смотрела на эти избитые, искалеченные корабли.

Теперь, надо думать, наша эскадра уже оконча-

тельно вернется в Артур,— угрюмо проговорил Охотский.

— Полноте! Быть может, с темнотой мы опять ляжем на прежний курс,— отозвался поднявшийся на мостик Петров.

— Если повреждения незначительны, то нечего и возвращаться в Артур, а если они велики, то где же их там исправлять, да еще при бомбардировке с суши.

— Запасутся углем, водой, продовольствием, починятся и опять попытают счастья в бою.

— Запасов в Артуре нет. Крепость отберет и то, что имеется сейчас. Просто перепишут моряков в пехоту, пушки передадут на форты,— угрюмо бубнил Охотский.

— Неизвестно, сколько кораблей еще доберется до дому. Японские миноносцы так и лезут со всех сторон,— мрачно присоединился вахтенный начальник,— как бы и нам в этой драке не попало.

— Это шествие кораблей напоминает мне погребальную процессию,— заметил вахтенный начальник.

— Почему погребальную процессию? — спросила Рива.— Вы считаете, что на эскадре много убитых? — И слезы брызнули из ее глаз, напряженные нервы сдали.

— Пойдемте вниз! — взял ее под руку капитан.

Рива бросила последний взгляд на исчезающее за горизонтом солнце. Закат был ярко-красный, и казалось, будто море окрасилось кровью.

Ночь выдалась безлунная, но не очень темная. По небу стлались легкие, полупрозрачные облака, сквозь ровную пелену которых звезды светились мягким, рассеянным светом. С юга шла зыбь, «Монголию» порядочно качало.

В кают-компании позванивала посуда. Кое-кто начал укачиваться и поспешил лечь.

Плавучий лазарет продолжал идти параллельным курсом с броненосцами, держась в нескольких кабельтовых от них.

С наступлением темноты были зажжены все огни. Все иллюминаторы были открыты и освещены.

Этими мерами Охотский хотел предохранить пароход от случайных нападений японских миноносцев, которые, пользуясь темнотой, ринулись в атаку на отступающие русские суда. Но, двигаясь параллельным курсом с эскадрой, он тем самым указывал противнику ее местонахож-

дение, поэтому с «Пересвета» сигналом приказали или отойти и лечь на другой курс, или, потушив огни, подойти под охрану эскадры. Капитан «Монголии» предпочел находиться подальше от места схватки и вышел за пределы досягаемости артиллерийских снарядов. Увеличив ход, он стал обгонять медленно двигающуюся русскую эскадру.

Заметив это, пассажиры начали умолять капитана не уходить от броненосцев.

— Если же мы будем одни, то японцы наверное захватят нас и отведут к себе. Никто об этом и не узнает.

Охотский заколебался. Но в это время мимо парохода в сторону русской эскадры проскользнули легкими тенями японские миноносцы, и почти тотчас же в темноте заблистали выстрелы броненосцев и неподалеку в море упало несколько снарядов.

— Право руля! — испуганно скомандовал капитан, и «Монголия» на всех парах стала удаляться от эскадры.

Рива поднялась на палубу. Ночной ветерок приятно освежал лицо. Звезды мерцали над головой. Волны мерно покачивали быстро идущий пароход, изредка обдавая палубу мелкими солеными брызгами. Висящие на стрелках спасательные шлюпки тихо поскрипывали в такт качке. Из открытого люка доносилось ровное дыхание машины.

На палубе было пусто. Рива отошла к корме и, облокотившись на планширь, напряженно глядела в сторону русской эскадры. Канонада то затихала, то разгоралась с бешеной силой. Ни на одном из кораблей не светились прожекторы. Броненосцы скрывались во тьме, желая избежать минных атак.

«Как, однако, растянулась наша эскадра!» — подумала Рива.

В это время совсем по носу «Монголии» неожиданно выплыл силуэт большого военного корабля — пароход едва смог избежать столкновения с ним. Тотчас мимо борта проплыл, освещенный огнями с «Монголии», японский легкий крейсер. С него что-то кричали по-английски в мегафон, закончив свое обращение русской бранью.

Рива как зачарованная смотрела на серо-вороной корабль с чуть поблескивающими в темноте длинными тонкими пушками, из которых, быть может, сегодня были убиты ее друзья и знакомые на русских судах. И она содрогнулась при мысли, что в числе погибших может быть и ее Андрюша.

— Куда мы держим путь? — спросила она у подошедшего к ней Фейгельсона.

— Боюсь, что в преисподнюю! То нас обстреливали, сейчас чуть не протаранили, а впереди еще минные поля у Артура.

— Так мы возвращаемся домой? Но почему же тогда мы не идем параллельно эскадре?

— Чтобы японские миноносцы, упаси бог, не приняли нас за военный корабль и не отправили прямо на дно.

— Когда же мы попадем в Артур?

— Надо думать, что наш капитан не решится в темноте проходить минные заграждения, и мы будем на месте не раньше утра.

— Только бы наша эскадра добралась туда благополучно. Если какой-нибудь из кораблей потонет, то мы даже не сможем спасти раненых и тонущих.

— Сейчас надо думать о своем спасении, а не о помощи другим.

— Зачем же тогда «Монголии» было выходить в море?

— Про то знает начальство, а я всегда предпочитал морской стихии твердую землю.

Появившийся наверху Петров в бинокль осмотрел горизонт и, недовольно пробурчав: «Куда это нас несет нелегкая!» — поднялся на мостик. После короткого разговора с капитаном о назначении «Монголии» как плавучего лазарета Красного Креста, Петров приказал собрать на спардеке весь медицинский персонал и матросов и обратился к ним с речью:

— Друзья мои! Мы — госпитальное судно Красного Креста и можем свободно уйти в любой нейтральный порт или даже во Владивосток и оттуда вернуться домой в Россию. Японцы нас не задержат, но это будет бегством из осажденного Артура, где, как вы знаете, большая нехватка во врачах, сестрах, санитарах, медикаментах. Наша рентгеновская установка весьма совершенна технически. В Артуре же есть только одна слабенькая установка в морском госпитале. Куда же, по-вашему, нам следует идти — в Артур или в нейтральные порты?

Почти двести человек с напряженным вниманием слушали своего начальника. Темные силуэты людей чуть вырисовывались на фоне ночного неба.

— Можно мне? — раздался взволнованный голос одной из сестер. Тихая, скромная, обычно малозаметная маленькая девушка неожиданно осмелела.

 — По-моему, ответ может быть только один — назад

и Артур! Там мы нужны,— значит, туда и должны возвращаться. Конечно, в осажденной крепости мы легко можем погибнуть, но ведь на то мы и русские женщины, внучки севастопольских сестер, чтобы с нашими солдатами делить все трудности и опасности войны.

— Правильно, в Артур, к своим! Верно сказала сестра! — загудели в толпе.

— Вместе жили в Артуре, вместе будем и умирать,— громко проговорил один из матросов судовой команды.— Понадобится — пойдем на фронт, станем к пушкам, возьмем ружья.

— Ваше мнение, господа? — обратился Петров к врачам.

— Нас родина послала в Артур, там мы и должны остаться до конца войны. Уход в нейтральный порт будет дезертирством,— ответил за всех длинный, сухопарый младший врач Миротворцев, прибывший в Артур уже после начала войны.

— Придется моей жене овдоветь раньше времени,— прошептал провизор, но громко высказаться не посмел.

— Благодарю вас, друзья, за принятое решение. Русские люди, патриоты своей родины, иначе высказаться и не могли. Позвольте наш импровизированный военный совет считать закрытым,— с чувством проговорил Петров.— Капитан Охотский, прошу вас взять курс на Артур,— обернулся он к командиру «Монголии».

— Я снимаю с себя всякую ответственность, если мы будем потоплены миной или снарядом,— взволнованно ответил с мостика Охотский.

— Как работники Красного Креста мы должны рисковать своей жизнью во имя спасения других,— возразил ему Петров.

Несмотря на все опасения, «Монголия» благополучно подошла на рассвете к Артуру. Рано утром пошел сильный дождь. В предрассветных сумерках на горизонте затемнел массив Ляотешаня. Замедлив ход, «Монголия» уже при дневном свете осторожно остановилась далеко от берега, против самого входа. Тут же стояли «Севастополь», «Паллада» и миноносец «Бойкий». Справа, около бухты Тахе, виднелся «Ретвизан».

Почти всю ночь не спавшие пассажирки поспешили на палубу. Первое, что они увидели, была надводная пробоина в носовой части «Севастополя», наскоро заделанная деревом. На корме тоже зияла большая пробоина. Борт был усеян красными кругами с расходящимися во все стороны трещинками — следы прямых попаданий

японских снарядов. Разбиты обе мачты, разворочена передняя труба. Обуглившиеся, закопченные пожаром верхние надстройки, пушки с полуоборванными дулами — все это придавало броненосцу жалкий вид.

По всему кораблю, как муравьи в потревоженном муравейнике, сновали матросы, приводя его в порядок. На верхнем переднем мостике стоял Эссен со сбитой на затылок фуражкой и в мегафон отдавал различные приказания, а рядом с ним облокотился на поручни бледный, усталый Акинфиев.

Рива, сложив руки рупором, громко окликнула его и замахала платком. Лейтенант в мегафон сообщил, что он жив и здоров.

— Какие у вас потери? — послышалось сразу несколько голосов.

— Убитых нет. Ранено два офицера и пять матросов.

Вскоре показались идущие с юга в кильватерной колонне «Пересвет», «Победа» и «Полтава» с двумя миноносцами. Они изредка отстреливались от маячивших на горизонте японских кораблей. Таким образом, к Артуру собралась почти вся эскадра — не хватало «Цесаревича», «Аскольда», «Дианы», «Новика» и пяти миноносцев.

Высланные из Артура тральщики стали очищать для прохода судов рейд от мин. Со всех кораблей на «Монголию» повезли раненых.

Бездействовавший во время боя плавучий лазарет быстро стал наполняться. Весь медицинский персонал поспешил на свои места. Вслед за другими судами «Монголия» двинулась ко входу в гавань.

Ночь перед выходом эскадры адмирал Витгефт провел без сна. С вечера он беспрерывно совещался с командирами судов, отдавая последние распоряжения эскадре и остающимся в Артуре судам. Витгефт настроен был мрачно и высказал свое мнение о неизбежном разгроме эскадры в предстоящем бою. Напрасно старался его ободрить адмирал Матусевич, в противоположность командующему флотом преисполненный твердой уверенности в победе.

— Чего вы, Вильгельм Карлович, так расстроились? Бог не без милости, не так страшен Того, как его представляют! Конечно, без потерь дело не обойдется, ибо уклониться от боя мы не сможем. Но все же некоторым судам удастся прорваться во Владивосток,— уговаривал он Витгефта.

Адмирал в ответ только печально отмахивался.

— Что ни говорите, Николай Александрович, но завтрашний выход, по-моему, сплошная авантюра, которая заранее обречена на неуспех. Быть может, покойный Степан Осипович Макаров и смог бы выполнить поставленную нам задачу, но я не флотоводец и с ней не справлюсь,— тихим, слабым голосом возражал он Матусевичу.

Прибывающие на «Цесаревич» для получения последних распоряжений командиры судов получали подробную инструкцию, как им действовать в бою, после чего Витгефт, переходя на интимный тон, спрашивал каждого из них, надеются ли они на победу. Почти все командиры отвечали стереотипно:

— Как воля божья... Поможет Никола-угодник — одолеем японца, а не поможет — сумеем умереть с честью.

Всех командиров Витгефт на прощание целовал и отечески благословлял на ратный подвиг. Младшие флагманы были настроены различно. Князь Ухтомский откровенно заявлял, что он смотрит на выход не как на прорыв, а просто как на очередное боевое столкновение с японцами.

Зато командир отряда крейсеров Рейценштейн, только что произведенный в контр-адмиралы, бросил кратко:

— Я с крейсерами сюда не вернусь. Буду ли во Владивостоке, на дне ли моря или в нейтральном порту — не знаю, но твердо уверен, что артурских луж, по недоразумению именуемых Западным и Восточным бассейнами, я больше не увижу.

Витгефт горячо поблагодарил его за мужество и тут же разрешил ему в трудную минуту со своим отрядом действовать по способности.

Отпустив около полуночи свой штаб на отдых, адмирал вызвал с «Пересвета» своего сына.

Молодой офицер явился к отцу, преисполненный боевого задора. Он ни минуты не сомневался в победе и мечтал уже о бомбардировке японских островов. Настроение отца его обескуражило.

— Как же ты, папа, поведешь завтра эскадру в бой, если сам не веришь в победу? — изумился он.

— На эскадре всего несколько человек надеются на успех, остальные же лишь выполняют царское повеление, — устало заметил отец.

Старый адмирал ласково смотрел на сына, так напоминавшего своей наружностью покойную жену. Те же карие живые глаза, яркие пухлые губы и женственно-мягкий овал лица.

Адмирал припоминал долгую супружескую жизнь и вдруг неожиданно перевел разговор на семью. Подробно рассказал сыну о своем сватовстве к его матери, о появлении на свет Васи, вспоминал его детство. Затем перешел к наставлениям. Это было давно продуманное им до деталей духовное завещание.

— Почему, папа, ты говоришь так, как будто уверен в своей скорой смерти? — пытался было перебить мичман.

— Я и вызвал тебя так поздно, чтобы попрощаться. Все в руках божьих, но у меня предчувствие, что я погибну в завтрашнем бою.

Незаметно за разговорами пролетела ночь, и, благословив сына образком, Витгефт простился с ним и долго смотрел ему вслед, пока шлюпка не исчезла в предрассветном тумане...

Как только корабли начали выходить на рейд, адмирал поднялся на мостик и больше уже не сходил с него. Он безучастно следил, как медленно выходила на внешний рейд эскадра, предоставив всем распоряжаться Матусевичу.

Матусевич, прекрасно выспавшийся, был в приподнятом настроении, суетился, тормошил своих подчиненных, «фитилил» замешкавшихся командиров и весело напевал любимую арию из «Прекрасной Елены». Весь штаб постепенно начал обращаться к нему за всеми распоряжениями, а Витгефт лишь одобрительно кивал головой на все указания Матусевича.

Когда эскадра тронулась за тральщиками, Витгефт сел в принесенное для него на мостик мягкое кресло и стал молчаливо разглядывать в бинокль горизонт и идущую за «Цесаревичем» эскадру. Он подолгу останавливал свой взгляд на шедшем четвертым от головы «Пересвете», как бы надеясь увидеть на нем своего сына.

При появлении на горизонте отряда японских броненосцев адмирал отпустил в Артур тральщики и приказал «Новику» стать на свое место. Но когда «Цесаревич» вследствие порчи машины выкатился из строя, Витгефт сразу вышел из своей апатии и в резких выражениях начал выговаривать командиру броненосца капитану первого ранга Иванову. Изумленный непривычным тоном адмирала, командир попытался было возражать, но Витгефт приказал ему замолчать и озаботиться немедленным исправлением машины.

Чины адмиральского штаба с удивлением посматривали на своего всегда кроткого и спокойного адмирала.

Матусевич даже перестал напевать и одобрительно заметил:

— Хотя и не стоит сердиться из-за пустяков, но все же это лучше, чем сидеть в мрачном раздумье. Вот увидите, Вильгельм Карлович, мы сегодня побьем японцев,— подбадривал он командующего.

— Тьфу, тьфу, не сглазьте, Николай Александрович,— суеверно сплюнул через плечо адмирал.

Настроение адмирала не могло не отразиться на чинах его штаба, а через них и на всех офицерах броненосцев. Даже легкомысленная молодежь приуныла и мрачно поглядывала на идущий напересечку курса русской эскадры броненосный отряд адмирала Того. Ясно видимые японские корабли шли, как на параде. Точно соблюдая дистанцию и строго следуя в струе мателота, чуть поблескивая на солнце стальными дулами орудий, японцы быстро приближались.

Командир носовой двенадцатидюймовой башни, мичман Сполатбог, сидя в своем грибе над башней, наблюдал в щель за приближением японцев и удивлялся, что так долго адмирал не отдает приказа об открытии огня. Правда, уже оба орудийных комендора-хозяина возились около своих пушек и проверяли действия всех механизмов.

— Смотри, Гаркуша, не осрамись сегодня,— говорил комендор первого орудия, обращаясь к соседу.— Проверь как следует действие подъемных механизмов, чтобы в самый главный момент не заело.

— Небось, Федя, все будет в исправности, если только японец не повредит.

— Алексей Васильевич! — окликнул Сполатбога подошедший к башне старший артиллерист броненосца лейтенант Ненюков.—Помни, огонь открывать только тогда, когда противник будет ясно виден, и зря снарядов не бросать.

— Есть, есть. Как там Виля, все еще в похоронном настроении?

— Малость оживился и даже зафитилил Иванову, но в общем он больше думает о том, как бы уклониться от боя, чем как его выиграть.

— А Матусевич?

— Напевает шансонетку, рассказывает похабные анекдоты и на адмиральском мостике чувствует себя, как в морском собрании. Если бы не он, дело было бы окончательный гроб. Что твои, Гаркуша и Котин, чувствуют себя орлами?

— Так точно, вашбродь. Хоть сейчас готовы самого Тогу подстрелить,— ответил Гаркуша.

В это время пробили боевую тревогу, башня наполнилась матросами. Загрохотали лебедки подачи, медленно заворочались дула орудий. Сполатбог спустился вниз и сам проверил исправность орудий.

— Не суетись, работай без толкотни, смотри, чтобы все было в исправности,— предупреждал он.

С моря донесся тяжелый звук выстрела из крупного орудия, и вскоре справа по носу взметнулся столб воды.

— Началось... Господи, благослови,— сразу посерьезнели матросы.

Сполатбог поднялся на свое место.

За первым выстрелом последовали другие. Бой начался.

— Убрать прислугу мелкой артиллерии и всех свободных вниз,— распорядился Витгефт.— Открыть огонь по головному кораблю противника.

Сигнальщики бросились набирать нужные флаги. Матусевич внимательно разглядывал японцев.

— Четыре броненосца и два броненосных крейсера,— проговорил он.— Всего двадцать семь крупных и около пятидесяти шестидюймовых орудий против двадцати трех крупных и тридцати средних с нашей стороны. Превосходство не так уж велико.

Витгефт в ответ только тяжело вздохнул.

— Все-то вы, Николай Александрович, видите в розовом свете.

— Зато вы, Вильгельм Карлович, уж очень мрачно смотрите на все.

Разорвавшийся у носа корабля японский снаряд осыпал стоящих на мостике градом осколков. Ранило двух сигнальщиков. Появились носилки. Витгефт продолжал равнодушно сидеть в своем кресле, как будто ничего не случилось. Зато Матусевич сразу заволновался.

— Вы бы, Вильгельм Карлович, ушли в боевую рубку, а то здесь, не ровен час, пустяковым осколком зацепит,— предложил он.

— В рубке и без того тесно. Уйти одному я не считаю возможным, а всем нам все равно там не поместиться.

— Поднимитесь хотя бы на верхний мостик, там меньше падает осколков.

— Не все ли равно, где помирать,— мрачно отозвался командующий эскадрой и, отвернувшись, стал рассматривать противника.

Матусевич пожал плечами и вполголоса выругался.

Обе эскадры продолжали вести редкий огонь с дальней дистанции. Японцы пересекли курс русской эскадры и пошли контркурсом. Огонь с обеих сторон сразу усилился. «Цесаревич» грохотал всем правым бортом. В то же время в него один за другим попало несколько крупных снарядов, которыми броненосцу было нанесено несколько пробоин и разбит спардек. Осколки забарабанили по броне носовой башни.

Уловив момент, Сполатбог дал залп по головному японскому броненосцу «Микаса».

Как только откатившиеся орудия встали на свое место и были открыты замки для нового заряжения, вся башня наполнилась хлынувшими из дула едкими пороховыми газами. Прислуга сразу закашляла и зачихала, у многих начали болеть глаза.

— Наводить невозможно, вашбродь,— жаловался мичману Гаркуша.

— Открыть для проветривания броневую дверь! — распорядился Сполатбог.

Через некоторое время воздух в башне очистился, и матросы смогли снова войти в нее. При следующих выстрелах повторилось то же. Быстрая стрельба стала невозможной. Матросы жаловались на головную боль и с трудом обслуживали орудие.

Мичман вышел из башни и доложил об этом старшему артиллеристу, стоявшему впереди боевой рубки. Вслед за Сполатбогом о том же сообщили командиры других плутонгов. Создалось неожиданное и серьезное препятствие. Дувший со стороны японцев ветер мешал стрелять русским.

— Вызвать вторую смену из людей от мелкой артиллерии. Пусть после каждого выстрела чередуются и выходят наружу из башен, прячась за ними,— распорядился командир броненосца.

Стрельба продолжалась. При каждом попадании неприятельского снаряда стоящие открыто матросы бросались за укрытия, спасаясь от осколков. Большинство успевало укрыться, но некоторых все же задевало. То и дело раздавался громкий крик: «Носилки». Это бегание матросов вносило большой беспорядок.

Витгефт молчаливо созерцал картину боя.

Японцы, вначале усиленно обстреливавшие «Цесаревича», теперь перенесли огонь на концевые корабли. Когда крейсера ловким маневром вышли из-под обстрела, на мостике все зааплодировали. Даже Витгефт начал

улыбаться и приказал выразить крейсерам свое удовольствие.

Между тем японцы, продолжая идти прежним курсом, вскоре почти скрылись за горизонтом. Над поверхностью моря виднелись только трубы и мачты. Бой прекратился. Русская эскадра, развив ход до пятнадцати узлов, шла двумя колоннами к Корейскому проливу. На судах пробили отбой и велели команде пить чай.

На адмиральском мостике собрался весь штаб, командир и старшие специалисты броненосца. Началось оживленное обсуждение создавшейся обстановки. Запросили суда о повреждениях. Они оказались незначительными.

— Японцы, очевидно, сильно пострадали, так как оторвались от нас и сейчас, наверное, занимаются починкой,— уверял всех Матусевич.— Я своими глазами видел несколько попаданий в «Микасу» и «Ниссин». На последнем даже вспыхнул пожар.

Флаг-офицер Эллис и Кувшинников подтвердили, что почти на всех японских кораблях были видны значительные пробоины.

— Пока Того зализывает свои раны, мы успеем уйти подальше и с наступлением темноты сможем и вовсе скрыться от него,— вторил Матусевичу флагманский штурман лейтенант Азарьев.

— Ночью мы сможем скрыться от японцев ложными поворотами,— неожиданно оживился Витгефт.

Было видно, что и у него появилась надежда на благополучный исход боя. Эскадра продолжала идти в полном порядке, сохранив после первого боя всю свою боеспособность.

— Выпьем за наш успех,— предложил Матусевич и приказал подать на мостик завтрак себе и командующему эскадрой, отпустив остальных офицеров в кают-компанию.

Старший офицер броненосца капитан второго ранга Шумов доложил Витгефту, что одним из снарядов разрушено адмиральское помещение.

— Бог с ним совсем, лишь бы нам благополучно вырваться отсюда,— отозвался адмирал.— Пошлите ко мне моего вестового,— попросил он.

Когда вестовой пришел, Витгефт приказал узнать, сохранился ли портрет его покойной жены, стоявший на письменном столике, и если он уцелел, то принести ему.

Подали завтрак. Матусевич с обычным аппетитом смаковал каждое блюдо.

 Изысканный завтрак пришелся по вкусу и Витгеф-

ту. Он заметно повеселел, пробуя различные закуски.

— Не потребовать ли нам флакон Мумма,— предложил Матусевич после завтрака.

— Нет, уж шампанское будем пить, когда попадем во Владивосток,— отказался адмирал.

Перевалило за полдень, солнце начало склоняться к западу. По-прежнему стояла хорошая погода. Позавтракав, Витгефт сел поудобнее и, нежась на солнце, задремал.

Матусевич спустился с мостика и начал вместе с командиром обход броненосца. Матросы бодро вытягивались при виде начальства и бойко отвечали на все вопросы адмирала.

— Сколько японцев сегодня убил? — обратился Матусевич к стоявшему около башни Гаркуше.

— Трех офицеров и десятка два матросов, ваше превосходительство,— не сморгнув, ответил комендор.— Да еще один снаряд не разглядел в прицельную трубу. Думается, как бы не в самого ихнего адмирала угодил.

— Молодчина, врешь и не краснеешь! Спасибо за службу. А этот что у вас делает? — обернулся адмирал к Котину, который усердно протирал глаза.

— Японец на меня, ваше превосходительство, больно рассерчал, как я его двенадцатидюймовкой угостил, и со злости запорошил мне глаза,— улыбнулся в ответ матрос.

На спардеке на скорую руку приводили что можно в порядок. У правой кормовой шестидюймовой башни матросы, пользуясь перерывом, играли в орла и решку. Заметив начальство, они вскочили.

— Продолжай играть,— разрешил адмирал,— только смотрите, чтобы в игре с японцами нам выпал орел, а не решка.

— Если нам, ваше превосходительство, и выпадет решка, мы адмирала Тогова обжулим и перевернем орлом вверх,— ответил один из играющих.

— Молодцы, ребята! — похвалил Матусевич.

Спустившись затем вниз, он посетил раненых матросов. Судовой лазарет был разрушен одним из снарядов, и раненых временно поместили в кондукторской кают-компании. Многие из раненых были в сознании и, увидя адмирала, стали задавать ему вопросы о ходе боя.

— Подсыпали, значит, малость перцу японцам, коль они так скоро от нас отстали,— радовались матросы.— Небось теперь будут поосторожнее в драке!

— Веселый адмирал,— заметил один из раненых,—

он, сказывают, и морду бьет тоже весело, с прибаутками.

— Вот бы его заместо Витгефта. Тот с самого Артура сидит, как сыч, в кресле,— сокрушенно заметил один из флагманских сигнальщиков.

— Да. Нашему командующему настоятелем в монастыре быть, а не адмиралом. Все вздыхает да крестится. На него посмотришь — и на самого тоска нападает.

— Даве женину карточку ему вестовой принес, так он ее при всех поцеловал и в карман, как иконку, спрятал.

— Японцы с левого борта нас нагоняют,— сообщил вошедший фельдшер.

— Значит, еще будет драка,— угрюмо заметил сигнальщик.

В начале пятого эскадра адмирала Того, идя параллельным курсом с русской на расстоянии пятидесяти — шестидесяти кабельтовых, начала ее медленно нагонять. С каждой минутой становилось очевидней, что новый бой неизбежен.

На адмиральском мостике оба адмирала с командиром «Цесаревича» и флагманскими специалистами разбирали различные способы маневрирования эскадры, чтобы поставить неприятеля в невыгодное положение.

Начавшаяся перестрелка прервала совещание. Русская эскадра продолжала идти прежним курсом в кильватерной колонне, увеличив ход до пятнадцати узлов.

Японцы начали стрельбу с сильных перелетов по флагманским кораблям «Цесаревич» и «Пересвет». Но затем постепенно пристрелялись и стали засыпать русских снарядами. Русские очень энергично отвечали, так что бой шел с равным успехом для обеих сторон.

После пяти часов вечера в «Цесаревича» стало попадать особенно много снарядов. Воздух был буквально насыщен свистящими осколками. Но Витгефт упрямо продолжал оставаться на открытом нижнем боевом мостике. Поскольку здесь находился адмирал, рядом с ним поместился и весь штаб. Лица почти у всех побледнели и приняли то особенное, сосредоточенное выражение, которое бывает у людей, подвергающихся смертельной опасности.

Даже Матусевич перестал напевать и, стоя на правом крыле мостика, внимательно наблюдал за тем, что происходит на японской эскадре. Флаг-офицер мичман Эллис украдкой крестился при каждом новом попадании. У Азарьева тряслись от волнения руки. Оба сигнальщика испуганно шарахались в сторону при близких разрывах.

Один Витгефт продолжал спокойно стоять, облокотившись на спинку своего кресла. Временами он в бинокль смотрел на шедшие в кильватер «Цесаревичу» броненосцы. Но тучи дыма, окутывавшие всю эскадру, мешали что-либо разглядеть как следует. Видны были лишь облака черного дыма, сквозь который иногда проступали трубы и мачты.

Адмирал отошел к левому крылу мостика и погрузился в наблюдение за происходившим на «Пересвете». Броненосец был опоясан зеленоватыми огнями выстрелов.

— Молодцами отбиваются,— вполголоса проговорил подошедший к адмиралу Эллис.

— Сегодня, наша эскадра ведет стрельбу более выдержанно, чем японцы. Они явно нервничают и зря бросают много снарядов,— заметил стоявший тут же лейтенант Азарьев.

— Через час начнет темнеть, и если мы продержимся, то это будет равноценно выигранному бою,— произнес Витгефт.

— Конечно, продержимся! Смотрите, «Микаса» горит и стреляет все реже, на «Асаме» пожар, «Якумо» на время совсем вышел из строя. Адмирал Того, верно, чувствует себя весьма неважно,— ответил Эллис.

Вдруг двенадцатидюймовый снаряд разорвался над мостиком, ударившись в середину фок-мачты. Вслед за оглушительным грохотом все заволоклось густым дымом.

Сила взрыва была так велика, что даже матросы, стоявшие на верхней палубе около носовой башни, были сбиты с ног. Командир «Цесаревича», находившийся в этот момент впереди боевой рубки, воздушной волной был отброшен в сторону и потерял сознание. В самой боевой рубке сорвало с рельсов левый дальномер и сильно всех оглушило. У стоявшего около входа горниста Зубова лопнула барабанная перепонка в правом ухе. Решив, что его ударил кто-нибудь из офицеров, он вскрикнул от боли и тотчас же скороговоркой проговорил:

— Виноват, вашбродь, сейчас отойду в сторону!

Как только первый испуг миновал, все находившиеся в боевой рубке кинулись наружу. На мостике они увидели потрясающую картину. Вся палуба была забрызгана кровью. На ней вперемешку лежали тела офицеров и матросов, но Витгефта среди них не было. Матусевич, отброшенный к рубке, был придавлен другими. Он пытался приподняться, но, обессиленный полученными ра-

нами, падал снова. Когда его освободили, он прежде всего спросил, где Витгефт, и потерял сознание. Его снесли на перевязочный пункт. Неподалеку подавали признаки жизни еще несколько человек.

— Но где же адмирал?! — испуганно озирался подошедший в это время уже оправившийся командир «Цесаревича» Иванов.

— Вон,— хрипло проговорил один из матросов, с ужасом указывая на валявшийся далеко на палубе окровавленный кусок мяса с болтавшимся на нем адмиральским погоном.

Бросились разбирать валявшиеся трупы и между ними нашли оторванную по бедро ногу. По метке на белье определили, что она принадлежит Витгефту. Тут же лежали обезглавленные трупы Эллиса и Азарьева.

Тела убитых унесли вниз и окатили палубу водой.

Памятуя о той растерянности в эскадре, которая произошла во время гибели адмирала Макарова на «Петропавловске», когда командование было передано тому же адмиралу Ухтомскому, командир «Цесаревича» решил идти прежним курсом, не сообщая о гибели адмирала.

Между тем японцы, несколько обогнав русскую эскадру, стали охватывать их голову и отжимать ее к северу. Чтобы избежать этого, Иванов приказал положить право руля, повернув на два румба влево.

В это время двенадцатидюймовый снаряд ударился о верхний передний мостик и осыпал осколками боевую рубку. Часть из них попала в прорезь рубки, имеющую ширину около фута, переранила всех находившихся в рубке и уничтожила все приборы. Иванову перебило руку, и от боли он потерял сознание. Положенный направо руль так и остался в этом положении, вследствие чего никем не управляемый броненосец стремительно покатился влево и стал описывать циркуляцию.

Никто из находившихся вблизи рубки не заметил происшедшего в ней, и все решили, что эскадра по каким-то причинам меняет курс. Но когда крен броненосца достиг опасного предела, то матросы в ужасе стали выбегать из внутренних помещений на палубу и кинулись к борту. Было очевидно, что с кораблем что-то неладно. Офицеры бросились в рубку. Они увидели лежащего на палубе командира броненосца. Рядом, с развороченной грудью хрипел в предсмертной агонии старший судовой штурман лейтенант Никшич. Тут же вперемешку лежали раненые матросы и офицеры. Крикнули носилки, лейтенант Пилкин бросился к штурвалу, пытаясь вывести бро-

неносец на курс, но руль не действовал. Тогда лейтенант решил перевести управление на центральный пост и одновременно послал за старшим офицером, который должен был вступить в командование броненосцем.

Капитан второго ранга Шумов находился в носовой батарее. До него только что дошло известие о гибели Витгефта, и он решил подняться наверх, чтобы выяснить обстановку, но в это время броненосец сильно накренился на правый бок. Почуяв неладное, старший офицер поторопился выйти на палубу, где он встретил шедшего на перевязку командира броненосца.

— Что случилось, Николай Михайлович? — спросил встревоженно Шумов.— Где адмирал Матусевич?

— Адмирал тяжело ранен и отнесен к себе в каюту. Примите командование броненосцем и сообщите эскадре, что адмирал передает командование младшему флагману.

— Есть. Все будет исполнено.— И Шумов побежал наверх.

Прошло несколько минут, пока наконец старший офицер с помощью лейтенанта Пилкина и вернувшегося с перевязки старшины рулевого Лосева перевели управление броненосца на центральный пост. Одновременно был поднят сигнал о передаче командования адмиралу Ухтомскому. Но вследствие дыма от пожара, окутывавшего «Цесаревича», не все корабли разобрали этот сигнал и по-прежнему продолжали следить за флагманским броненосцем. Они тоже начали поодиночке ложиться на обратный курс.

Между тем «Цесаревич» плохо удерживался на курсе и из-за сильного повреждения дымовых труб начал отставать от других судов. Японцы, не осмелившиеся преследовать основную часть эскадры, поспешили напасть на израненный русский корабль. На нем сосредоточили огонь броненосцы и два отряда крейсеров. Но наступившая темнота мешала наблюдению за стрельбой, и «Цесаревич» не получил значительных повреждений.

Все крупные и средние орудия на нем продолжали действовать безотказно. Несколько удачных выстрелов броненосца вызвали пожар на одном из крейсеров противника, после чего и остальные поспешили отойти за пределы досягаемости русских орудий. Броненосцы вследствие значительных повреждений тоже вскоре отстали.

Налетевший туман скрыл броненосец от вражеских

взглядов. «Цесаревич» остался один. На норд-осте, в направлении уходящей эскадры, слышалась учащенная стрельба легкой артиллерии. Было видно, что японские миноносцы продолжали преследовать ее.

В наступившей темноте броненосец некоторое время двигался по неизвестному курсу,— все компасы на нем были испорчены. Пользуясь временным затишьем, Шумов собрал на мостик старших специалистов корабля, которые все были ранены, и начал советоваться с ними о дальнейшем. При свете ручного электрического фонарика по карте приблизительно определили местонахождение корабля: почти в ста милях к юго-востоку от Артура.

Первым высказал свое мнение флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский:

— Я полагаю, что при наличных повреждениях нам до Владивостока не добраться и необходимо вернуться в Артур.

— Сейчас попасть туда еще труднее, чем во Владивосток, так как на подступах к нему нас ожидают десятки японских миноносцев, от которых мы не сможем ни уйти, ни отбиться,— возразил минный офицер лейтенант Пилкин.

— Остается одно — пробираться в нейтральный порт, там починиться насколько возможно и затем идти во Владивосток,— решил Шумов.

— Но это — бегство от войны! Там нас, конечно, тотчас же разоружат,— взволнованно говорил весь забинтованный старший артиллерийский офицер лейтенант Ненюков.— Честь Андреевского флага не позволяет нам принять такое позорное решение.

— Что же вы предлагаете? — спросил Шумов.

— Немедленно идти на соединение с остальной эскадрой.

— Это невозможная вещь,— вмешался поднявшийся на мостик старший механик Корзун.— В левой машине снарядом погнут гребной вал, в передней кочегарке выведены из строя все котлы, трубы разрушены. Тяги нет, это вызывает огромный перерасход угля. Мы не можем давать больше тридцати оборотов в минуту, то есть иметь ход свыше шести-семи узлов при самой напряженной работе кочегаров. Уж по одному этому мы не в состоянии ни догнать нашу эскадру, ни уйти во Владивосток. Нам остается одна дорога — в нейтральный порт. Хорошо еще, если нам туда удастся добраться.

 — Вы всегда, Алексей Владимирович, любите все

представлять в мрачном свете,— возразил Ненюков.

— Факты, дорогой Дмитрий Васильевич, вещь упрямая.

Постепенно на мостике собрались и другие офицеры броненосца. Завязался горячий спор. Молодежь была за Ненюкова и настаивала на возвращении в Артур, если нельзя идти во Владивосток. Более пожилые находили целесообразным уход в нейтральный порт.

— Зайдем в Циндао. По правилам нейтралитета, существующим там, корабль любой воюющей страны может в порту починиться, пополнить запасы угля и продовольствия и затем продолжать свой путь,— предложил лейтенант Щетинин, размахивая забинтованной рукой.

Это мнение примирило всех. Решено было по способности двигаться в Циндао, расположенный на юге Шантунгского полуострова. До него оставалось около ста двадцати миль.

— Самая главная наша задача сейчас — это скрыться от японских миноносцев. Поэтому прежде всего необходимо произвести возможно большее затемнение броненосца. В случае же обнаружения противника не открывать боевых фонарей и вести огонь лишь в крайности, уклоняясь от мин изменением курса,— отдавал распоряжения Шумов.

Сухой и педантичный, он не пользовался любовью ни команды, ни офицеров. Но за истекший день он проявил столько хладнокровия и мужества в самые трудные минуты боя, что сразу приобрел авторитет у своих подчиненных.

— Есть, есть,— обрадованно ответили офицеры и разошлись по своим местам.

В то время как артиллеристы с обоих бортов усиленно вглядывались в окружающую темноту, остальные матросы, как могли, приводили в порядок все, что было возможно при отсутствии света. Палубы очищались от загромождавших их обломков, вместо снесенных трапов наскоро прилаживали деревянные, трюмный дивизион наспех заделывал многочисленные пробоины в корпусе корабля, которые, к счастью, были почти все надводные, и откачивал воду из затопленных помещений.

На перевязочном пункте два врача едва успевали перевязывать раненых. Больше половины раненых матросов вернулись в строй, и только человек пятнадцать были размещены по офицерским каютам и в адмиральской столовой. Известие, что «Цесаревич» идет в Циндао, было встречено общим одобрением.

— Думал я, что наш старшой только и умеет, что жалкие слова говорить да под винтовку ставить. Ан, оказывается, он очень даже башковитый командир,— разглагольствовал раненный в обе ноги сигнальный старшина Мокин.

— Да, многие его за сегодня добром помянут,— заметил старший врач Шплет, перевязывая писаря Кутова.— Можно ручаться теперь, что все наши раненые выживут, а у Гаврилова останется нога,— кивнул он на стонавшего рулевого с раздробленной ногой.

— Николе-угоднику свечку поставлю за старшого, ежели так будет, вашескородие,— прохрипел тот с трудом.— Мне без ноги лучше не жить. Что я буду делать у себя дома? Жена да трое детей, я один работник в семье.

— Не волнуйся. Как придем в порт, тебя первого отправим на берег. Сложим кость и загипсуем. Через полтора месяца танцевать будешь,— улыбнулся младший врач.

— Федор Лукич,— обратился к нему Шплет,— побудьте здесь, а я пойду проведать Матусевича.— И вышел в коридор.

Адмирал уже пришел в себя и стоически переносил боль. Он читал рассказы Мопассана, изредка громко смеясь. При этом он тотчас же начинал болезненно морщиться — тяжелое ранение в живот и ноги давало себя знать при малейшем движении.

— Как дела, дражайший эскулап? — фамильярно-дружески обратился он к вошедшему врачу.

— Плывем в Циндао, пока на море тихо и темно.

— Значит, Шумов молодцом справляется с делом?

— Офицеры им не нахвалятся. Матросы — и те добром вспоминают.

— Ишь ты! А еще два дня тому назад в Артуре мы с покойным Вильгельмом Карловичем думали его сменить как неавторитетного офицера. Как Николай Михайлович? — осведомился он о командире «Цесаревича».

— Рана у него пустяковая. Другой бы на его месте и не выходил из строя.

— Тоже сюрприз. Считался он боевым командиром, а оказался мокрой курицей.

— Ваше самочувствие как, Николай Александрович?

— Больно, а так ничего. Жарок около тридцати восьми. Во всем виноват покойник адмирал. Ну какого, спрашивается, рожна он торчал на мостике и нас с собой держал? Сидел бы в боевой рубке, или на верхнем мостике,

или даже на марсе. Все были бы если не целы, то живы. И я не валялся бы здесь как дурак. Сколько времени мне придется лежать?

— С месяц.

Адмирал облегчил свою душу крепким морским словцом и попросил дать ему марсалы.

— Выпьем за упокой души Вильгельма Карловича. Чудесный был человек. Мягкий, добрый, отзывчивый, храбрец первейший, только вот духом слабоват. Ну, да бог с ним, царствие ему небесное. Передайте Шумову мою благодарность и одобрение принятого решения. А Иванову посоветуйте от меня по-дружески поскорее поправиться,— говорил он, прощаясь с врачом.

Когда доктор вышел, Матусевич налил в бокал марсалы, поглядел на свет и начал пить мелкими глотками, причмокивая от удовольствия.

Командир броненосца полулежал у себя в каюте, положив раненую руку на подушку. Его слегка лихорадило, и он то и дело проводил ладонью здоровой руки по своему горячему лбу.

«Гангрена, отнимут руку»,— беспокойно думал капитан, прислушиваясь к боли.

О судьбе броненосца с момента передачи командования он не думал.

«Пусть там Шумов выкручивается, как хочет. Да и едва ли теперь кто нападет в темноте на след «Цесаревича»,— утешал он себя.

Приход врача отвлек его мысли.

— Адмирал рекомендует вам вступить в командование броненосцем,— проговорил врач, осмотрев больного.

— Но я себя очень плохо чувствую.

— На свежем воздухе вам будет лучше. Положите руку на повязку и будете спокойно сидеть в кресле. Я сейчас позову двух матросов. Они вас под руки проведут.

Поднявшись на мостик, капитан тотчас же сел в кресло, положил раненую руку на подушку, понюхал нашатырного спирта и затем уже подозвал к себе Шумова.

— Адмирал приказал мне вступить в командование, но я чувствую себя очень плохо. Так что прошу вас распоряжаться по-прежнему. Каков наш курс?

— Я приказал править по Полярной звезде, имея ее за кормой, так что можно считать, что мы идем на юг.

— Прекрасно. Когда доберемся до Шантунга, то свернем вдоль его берега и выйдем в Циндао. Где находятся останки адмирала и его штабных?

— Снесены в его каюту и накрыты адмиральским флагом.

— Завтра мы их погребем, если все будет спокойно. В случае особой нужды — разбудите, а я подремлю.— И командир, отпустив Шумова, поудобней уселся в кресле.

Ночь проходила спокойно. Постепенно нервное напряжение пережитого дня спадало. То тут, то там раздавался храп спящих матросов, прикорнувших на своих местах. Было очевидно, что японцы окончательно потеряли из виду «Цесаревича». Нашел низовой туман, плотно закрыв весь горизонт. Кое-как исправили один из компасов и, взяв курс на юг, пошли на малых оборотах. Команде разрешили повахтенно спать около орудий.

На рассвете открылись огни южного Шантунгского маяка. Продрогши на заре, Иванов очнулся от дремоты и, увидев маяк, взял курс на восток. Вскоре увидели берег Шантунгского полуострова и пошли вдоль берега на юг.

Проиграли побудку. Матросы, спавшие кто где придется, торопливо бежали к умывальникам и мылись холодной забортной водой. Затем быстро позавтракали и во главе с боцманами ринулись на приборку корабля.

Одновременно комиссия из старшего офицера и старших специалистов занялась осмотром полученных в бою повреждений.

На броненосце оказалось пятнадцать крупных пробоин выше и ниже ватерлинии. Фок-мачта была перебита посредине и удерживалась от падения только верхним мостиком. При каждом размахе она грозила рухнуть. Все попытки закрепить ее талями оказывались безуспешными. Трубы были изрешечены, задняя же разворочена сверху донизу; все прожекторы снесены, шлюпки избиты.

Вследствие подводных пробоин два отсека с правого борта оказались залитыми водой. Рулевое отделение было совершенно разрушено, руль поврежден. Внутри оказались разбитыми адмиральская каюта, лазарет и много других помещений.

— Здорово же нас разделали,— резюмировал Шумов после окончания осмотра.— С такими повреждениями нечего и думать о Владивостоке.

— Да. Для починки нам нужно не меньше месяца,— заметил Пилкин.

— Придется, видимо, разоружиться и выйти из игры,— задумчиво проговорил Ненюков.— Отвоевался наш «Цесаревич».

Эти слова тотчас же распространились по всему кораблю.

— Ежели до порта доберемся, там, значит, и станем на мертвые якоря до конца войны,— разглагольствовал Гаркуша.— Эх, и выпью за упокой души покойного адмирала!

— Погоди, неизвестно, что еще будет. Вдруг япошка, откуда ни возьмись, наскочит. Тогда не миновать нам рыбьего царства,— ответил Котин.

Около полудня команду выстроили на палубе перед уложенными в ряд трупами убитых. Все погибшие были зашиты в брезент, к ногам привязан груз. Справа, прикрытая адмиральским флагом, лежала отдельно нога Витгефта, рядом тела четырех офицеров и восьми матросов под общим Андреевским флагом. Судовой священник, отец Рафаил, все еще бледный от вчерашних переживаний, с трясущейся головой, слабым прерывающимся голосом служил панихиду. Летнее полуденное солнце палило обнаженные головы; ослепительно блестело море под глубокой синевой бездонного неба. Все это плохо гармонировало с разрушениями на броненосце, с лежащими на палубе трупами, от которых уже шел запах тления.

— Преклонивша колени, господу помолимся! — провозгласил священник и опустился на избитую и исковерканную снарядами и пожарами палубу. За ним последовали матросы.

— «Вечная память, ве-е-ечная память»,— выводил судовой хор печальную мелодию.

— Из земли взят и в землю отыдеши, яко земля есть,— пробормотал священник, осыпая покойников землей, принесенной матросом-причетником в ведре.

Панихида окончилась.

— Накройсь! — скомандовал вахтенный начальник.— Слушай на караул!

Матросы вскинули винтовки, офицеры блеснули обнаженными палашами. Приспустили наполовину кормовые и стеньговые флаги. Музыка заиграла «Коль славен». Командир броненосца, старший офицер и уцелевшие чины штаба эскадры подняли гроб с останками адмирала. Резко прогремел траурный салют из кормовых трехдюймовок. Останки адмирала Витгефта в последний раз торжественно проплыли под заунывные звуки музыки вдоль выстроенных во фронт матросов. Слабо плеснулась вода, принимая то, что осталось от незадачливого адмирала.

Затем были спущены остальные тела. Когда последнее соскользнуло с доски, Иванов скомандовал: «К ноге!» — и, выступив вперед, поблагодарил матросов за боевую работу.

— Мы направляемся в нейтральный порт, там починимся и с божьей помощью попытаемся прорваться во Владивосток,— закончил он свою речь.

Затем матросов распустили, а командир броненосца отправился с докладом к Матусевичу. Адмирал не имел уже такого бодрого вида, как накануне. Беспрерывные боли наложили отпечаток страданий на его побледневшее лицо. Он сильно нервничал. Выслушав доклад, Матусевич одобрил решение идти в Циндао.

— В сорочке вы родились, Николай Михайлович,— улыбнулся адмирал.— Надо быть очень счастливым, чтобы благополучно вывести из боя весь избитый броненосец и избежать при этом встречи с многочисленными японскими кораблями.

— Помимо счастья, необходимо также и уменье,— обиделся Иванов.

— Тут никакое уменье не помогло бы. Я объясняю нашу удачу лишь полной растерянностью японцев после боя. Не добить едва передвигающегося «Цесаревича» — это непростительное упущение со стороны японцев.

— Надо думать, что ваше превосходительство не в претензии за это на адмирала Того!

— Само собой разумеется. Как только починитесь, Николай Михайлович, с богом двигайтесь во Владивосток. Авось одному броненосцу удастся то, что не смогла выполнить эскадра.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, сейчас я едва стою на ногах, но как только оправлюсь — вновь попытаю счастья!

К вечеру того же дня «Цесаревич» добрался до Циндао, где через несколько дней был разоружен и интернирован до конца войны.

— Шесть узлов хода. И это боевая эскадра, идущая на прорыв в виду неприятеля! — возмущался командир отряда крейсеров адмирал Рейценштейн. Он стоял на мостике крейсера «Аскольд» и рассматривал в трубу маячившие на горизонте японские суда.

— Ход наш зависит от идущих впереди тральщиков. При большой скорости тралы всплывут на поверхность и перестанут выполнять свое назначение,— ответил находившийся рядом с ним командир корабля капи-

тан первого ранга Борис Николаевич Грамматчиков.

— Если мы будем и дальше идти с такой же скоростью, то, наверно, потерпим неудачу,— раздраженно продолжал адмирал.

Исполняющий обязанности флаг-офицера молоденький мичман Медведев вдруг резко протянул руку вперед и указал на плывущую невдалеке от крейсера гальваноударную мину.

— Вызвать караул для расстрела мины,— приказал Грамматчиков.

Вскоре двадцать матросов, выстроившись вдоль борта, дали несколько залпов. Мина затонула.

— Тральщики называются, так их перетак! — ругался Рейценштейн.— Тралили чуть ли не неделю и все же не сумели полностью очистить рейд. Я бы прописал ижицу этому толстому тюленю Лощинскому за такую работу! Передайте сигналом командующему: «Вижу слева плавающие мины».

— Есть,— ответил мичман и приказал флагманским сигнальщикам набирать нужные флаги.

В противоположность адмиралу, Грамматчиков с невозмутимым спокойствием продолжал наблюдать за происходящим. Культурный, образованный командир, Грамматчиков подобрал себе таких же офицеров. На крейсере был уничтожен мордобой, даже боцман Кулик боялся пускать в ход свои пудовые кулаки и крупно ругаться осмеливался лишь вполголоса. Грамматчиков происходил из артистической семьи и сам готовился стать музыкантом. С его матерью, известной в свое время скрипачкой, был хорошо знаком в молодости Макаров. Его-то рассказы о море и моряках пробудили в юноше страсть к морской службе. Подающий большие надежды пианист сменил концертный зал на палубу корабля и беккеровский рояль на скорострельное орудие. Но любовь к музыке осталась в нем навсегда. Грубоватый, бурбонистый Рейценштейн не мог прийтись по душе Грамматчикову. Адмирал, в свою очередь, недолюбливал командира «Аскольда» и считал его полуштатским человеком, не лишенным известного свободомыслия. Скрепя сердце Рейценштейн поднял на «Аскольде» свой флаг. Теперь ему предстояло идти в бой вместе с Грамматчиковым.

Следуя малым ходом за колонной броненосцев, «Аскольд» то и дело должен был стопорить машины, чтобы избежать столкновения с «Полтавой», идущей впереди.

Грамматчиков при этом только морщился, а адмирал отчаянно ругался.

— Команда имеет время обедать,— доложил адмиралу новый сигнал «Цесаревича» Медведев.

— Свистать к вину,— скомандовал вахтенный начальник мичман Житков.

По всему крейсеру понеслись резкие звуки боцманских и унтер-офицерских дудок.

На мостик подали пробу. Весь в белом, блистая чистотой, стоял навытяжку кок, держа поднос с поставленными на нем двумя мисками с борщом и кашей, солонкой и несколькими кусками черного хлеба. Первым пробовал Рейценштейн. Взяв ложку, он помешал подернутый янтарным жиром борщ и, подув на него, осторожно прикоснулся к нему губами и только после этого решился проглотить. Попробовав затем рисовую кашу и заев все хлебом, он состроил недовольную гримасу.

— Борщ превосходный, но каша вся в комьях. Рис надо варить на пару при минимальном количестве воды. И вообще рисовая каша — это совсем не то, что наша гречневая. Не правда ли? — спросил он у кока, продолжавшего стоять навытяжку.

— Так точно, ваше превосходительство. Силы от нее мало,— бойко ответил матрос.

Слева показались японские корабли. Все подняли бинокли, стараясь разглядеть приближающегося врага. Матросы спешно заканчивали обед и расходились кто куда отдохнуть перед боем. Большинство поднялось на палубу и с тревогой и любопытством следило за приближающимся врагом. Подошедший к ним артиллерийский офицер лейтенант Киткин стал называть типы видневшихся судов.

— Справа «Якумо», похожий на нашу «Диану», «Касаги», «Читозе»,— перечислял он.— Эти не страшны — легкие крейсера. Слева старые суда: броненосец «Чин-Иен», крейсера «Хасидате», «Мацушима», «Итцукушима» — тоже неопасные. Зато вон по носу напересечку нам идут главные силы — «Микаса», «Асахи», «Фуджи», «Шикишима». За ними броненосные крейсера «Ниссин» и «Кассуга». По мощности артиллерийского огня они немного даже превосходят наш броненосный отряд.

— Много их, вашбродь. Со всех сторон окружают нашу эскадру,— встревоженно заговорили матросы.

— Да, драка будет жаркой, комендоры должны сегодня особенно внимательно наводить орудия. Главное — не робей, тогда японцу несдобровать.

— Постараемся, вашбродь,— дружно ответили матросы.

Пробили боевую тревогу, и матросы разбежались по своим местам. Палуба опустела. Адмирал с командиром поместились в боевой рубке.

Расстояние до противника было слишком велико, и японцы огня не открывали. Когда они разошлись на контргалсах с отрядом броненосцев, обрушили на крейсера огонь шестидюймовых орудий правого борта «Аскольда». Старший артиллерист лейтенант барон Майдель, невзирая на обстрел, открыто стоял на мостике и голосом передавал приказания во все башни и батареи.

— Христиан Генрихович, не бравируйте напрасно! — окликнул его из боевой рубки Грамматчиков.

— Мне отсюда лучше виден противник и падение наших снарядов,— ответил Майдель.

В этот момент крупный снаряд попал в основание передней дымовой трубы и снес ее. Труба рухнула на левый борт, сломала планширь и, повредив палубу, повисла на растяжках. Густые клубы дыма быстро окутали верхнюю палубу. Осколками был смертельно ранен в спину навылет мичман Рклитский, Майдель сбит с ног, двое матросов убиты, несколько тяжело ранены. Все находившиеся в боевой рубке были слегка контужены. Рейценштейну нахлобучило фуражку по самые уши. Он испуганно крякнул и, обнажив голову, старательно ее ощупал — цела ли.

Тотчас после взрыва Грамматчиков вышел на мостик и приказал матросам сбросить упавшую трубу за борт.

Неожиданно крейсер содрогнулся всем корпусом, и густое облако желто-серого дыма поползло с кормы. Было очевидно, что туда попал крупный снаряд. Пробили пожарную тревогу. На ют устремились старший офицер капитан второго ранга Таше, боцман и несколько матросов.

Десятки снарядов высоко вскидывали воду около бортов крейсера.

— Поднять сигнал крейсерам: «Влево, больше ход»,— приказал Рейценштейн, разглядывая в бинокль идущие в кильватер «Палладу» и «Диану».

Грамматчиков положил право руля и полным ходом направился влево от колонны броненосцев.

Крейсера последовали за «Аскольдом» и через минуту вышли из-под обстрела, после чего легли на параллельный курс с отрядом броненосцев.

Во время перерыва в сражении крейсера опять

сблизились с броненосцами и по семафору флагами стали наводить справки о потерях и повреждениях.

Везде все было благополучно, так как крейсера весьма своевременно вышли из-под обстрела. Рейценштейн с Медведевым занялись составлением донесения на «Цесаревич» о результате боя.

Грамматчиков обошел крейсер и спустился в каюту к раненому Рклитскому. Юноша был в агонии. Судорожно раскрывая рот, он жадно глотал воздух, которого не хватало его наполненным кровью легким. Он что-то пытался говорить, но ничего нельзя было разобрать из-за клокотавшей в горле крови. Дико выпученные глаза уже ничего не видели. Вскоре он совсем затих. Командир тихонько поцеловал его в лоб и велел накрыть Андреевским флагом. Затем он навестил раненых матросов. Оба чувствовали себя удовлетворительно.

— Выходит, что эскадра, ваше высокоблагородие, прорвалась через японскую блокаду? — спросил гальванер-радист.

— Будем надеяться, что так.

— Через день-два тогда увидим Владивосток.

— Не торопись. День еще не кончился, стемнеет — будет видней, что и как.

Матросы, пользуясь передышкой, прилегли у орудий. Кое-кто дремал, другие переговаривались. На баке, в тени от щитов носового орудия, Киткин громко читал чеховские рассказы.

— «Хоть ты и седьмой, а дурак!» — под общий смех закончил он «Жалобную книгу».

Открыли, сдвинув броневые плиты, машинные люки. Красные от жары, все измазанные маслом и сажей, вылезали подышать воздухом кочегары и машинисты. С ними поднялся и розовощекий, белозубый младший механик Степанов. Его надетые на голое тело брюки и китель были измараны, в густых курчавых волосах торчал клок пакли.

— Шурка, да ты на трубочиста похож! — окликнул его с мостика Медведев.

— Хуже — на адского духа,— ответил, смеясь и расстегивая китель, механик.— Чуть не сжарился совсем. Когда снесло трубу, тяга сразу упала, дым повалил в кочегарку. Пришлось срочно выключить носовую кочегарку и лезть самому туда. Эх, нырнуть бы сейчас в море!..

— Зато вы там все целы и невредимы, а тут сейчас Алешу Рклитского и двух матросов убили.

 — Жаль беднягу. Так и не отыгрался, значит, он

в шахматы. Все обещал мне сделать два мата подряд, да не успел.

Вскоре броненосцы завязали перестрелку с японцами. Японские снаряды давали больше перелеты и ложились около крейсеров. Рейценштейн поспешил отвести свой отряд подальше от главных сил.

Матросы, затаив дыхание, наблюдали за боем.

Японские крейсера, видневшиеся на норд- и зюйд-вест, тоже издали следили за происходящим поединком.

— Жарко нашим приходится! Навалился вражина! Не выдюжить нашим...— слышались скорбные замечания матросов.

— Не скули зря! На войне без потерь нельзя,— подбадривал Киткин. Широко расставив свои длинные ноги, он в бинокль рассматривал японские крейсера.

— На «Асахи» пожар,— сообщал он.— У «Микасы» повреждена средняя труба. Это, верно, все «Ретвизан» чешет. Шенснович вошел в азарт и забыл даже свою обычную осторожность.

— Лейтенант, займитесь вашим прямым делом! — одернул его с мостика Рейценштейн.

— Есть заняться прямым делом! — насмешливо вытянулся офицер.

С уменьшением дистанции превосходство японской артиллерии усиливалось, так как на русских судах недоставало большого числа орудий среднего калибра — шестидюймовых, стодвадцатимиллиметровых и трехдюймовых. Хотя они и не были страшны для броненосцев, но все же разрушали верхние постройки и производили пожары. Это вызывало у матросов сомнение в исходе боя. Все чаще слышались вздохи и сердитая ругань.

Рейценштейн нервно бегал по мостику и тоже ругался неизвестно по чьему адресу. Грамматчиков, серьезный и спокойный, при каждом попадании снаряда в русский корабль неизменно говорил «так» и, сжав губы, переводил бинокль на следующее судно.

Когда «Цесаревич» вышел из строя, «Ретвизан» ринулся на японцев, а остальные броненосцы сбились в кучу. Рейценштейн заорал не своим голосом:

— Поднять сигнал: «Крейсерам следовать за мной!» Капитан Грамматчиков, ложитесь на обратный курс и самым полным ходом режьте нос броненосному отряду, иначе японцы нас сейчас раскатают сосредоточенным огнем с окружности в центр.

— Есть! Лево на борт! Вперед до полного! — ото-

звался капитан.— Христиан Генрихович, приготовьтесь открыть огонь с обоих бортов по японским крейсерам.

— Вы собираетесь идти на прорыв? — удивился адмирал.

— Если даже эскадра за нами не пойдет на прорыв, то мы все же увлечем за собой тяжелые крейсера противника и этим облегчим положение наших броненосцев.

— Адмирал передает командование,— доложил в это время Медведев. Рейценштейн и Грамматчиков, схватив бинокли, стали рассматривать сигнал на «Цесаревиче».

— Следовательно, в командование вступил Ухтомский, но на «Пересвете» сбиты обе стеньги и никаких флагов не видно,— произнес Рейценштейн.

— Возможно, что и Ухтомский тоже вышел из строя,— проговорил Грамматчиков.

— Тогда, значит, я вступаю в командование эскадрой, как следующий по старшинству,— решил Рейценштейн.— Поднять сигнал: «Эскадре следовать за мною»,— приказал он Медведеву.

На мачте крейсера взвилось несколько флагов. Сигнальщики следили, кто из кораблей отрепетует сигнал. Крейсеры тотчас один за другим подняли ответные сигналы, но ни один из броненосцев не отрепетовал, и, не обращая внимания на сигналы «Аскольда», они продолжали беспорядочной кучей идти в северо-западном направлении.

Рейценштейн приказал, уменьшив ход, сблизиться с броненосцами, продолжая держать поднятым прежний сигнал. Ни один корабль опять не принял его. Адмирал приказал «Аскольду» встать во главе броненосного отряда и еще раз попытался повести эскадру за собой, но снова безуспешно.

— Пойдемте на прорыв одними крейсерами,— предложил Грамматчиков.— Броненосцы Того начинают отходить на север, на месте остаются лишь «Чин-Иен» с «Шимами» и легкие крейсера. Надо думать, что с ними-то наша эскадра еще справится.

Рейценштейн оглянулся. Сразу за «Аскольдом», дымя из трех своих труб, шел «Новик», за ними тянулись «Паллада» и «Диана». Несколько сбоку разрозненно двигались броненосцы. К русской эскадре со всех сторон приближались японские крейсера, а за ними виднелись десятки миноносцев. Быстро темнело. Огни выстрелов, мало заметные днем, теперь казались значительно ярче. Оглядев горизонт, адмирал хотел посоветоваться с командиром «Аскольда» о направлении прорыва. Но

Грамматчиков уже сам повернул прямо на юг между двумя отрядами легких крейсеров и, развив ход до предела, помчался вперед. За «Аскольдом» последовал лишь «Новик», «Паллада» же с «Дианой» сразу сильно отстали, а затем вернулись к броненосцам.

Заметив идущие полным ходом русские крейсера, японцы сосредоточили на них весь свой огонь. Слева напересечку поспешил броненосный крейсер «Якумо», вооруженный восьмидюймовыми пушками, справа двигались четыре мелких крейсера.

— Самый полный вперед! — скомандовал в машину Грамматчиков.— Сосредоточьте огонь на «Асаме»,— приказал он Майделю.

— Есть,— отозвался лейтенант, и восемь шестидюймовых орудий — носовых и кормовых — открыли частый огонь по указанной цели.

— Сорок, тридцать пять, тридцать,— сообщали расстояние в кабельтовых с дальномера до цели.

Майдель ставил на электрическом циферблате эти дистанции, откуда они сообщались на батареи. Поворот ручки — и крейсер содрогнулся от бортового залпа. Расстояние до «Асамы» быстро уменьшалось, и действенность огня усиливалась.

При каждом попадании неприятельского снаряда Рейценштейн морщился и старался отойти в глубину рубки. Грамматчиков не отрывался от прорези и внимательно наблюдал за действием своих снарядов.

— Убавьте прицел на два деления, Константин Георгиевич,— обратился он к суетящемуся у дальномера младшему артиллеристу мичману Житкову,— как раз в борт попадете.

Расстояние до «Асамы» быстро уменьшалось. В бинокль были хорошо видны разрушения, произведенные стрельбой «Аскольда». Стволы обоих орудий носовой восьмидюймовой башни беспомощно задрались кверху. На переднем мостике начался пожар, и было видно, как, спасаясь от огня и дыма, выскакивали люди из боевой рубки. Трубы были сильно повреждены, на корме загорелись разбитые верхние надстройки. Японцы беспорядочно суетились на палубе, сметаемые русскими снарядами.

«Аскольд» продолжал идти полным ходом, содрогаясь корпусом от своих выстрелов и попаданий вражеских снарядов, артиллерия вела залповый огонь. Стрельба же японцев становилась все более беспорядочной и менее действенной. Наконец броненосный крейсер «Яку-

мо», в девять тысяч тонн водоизмещением, не выдержал и начал поспешно отступать перед легким бронепалубным «Аскольдом», имеющим меньше шести тысяч тонн водоизмещения. По крейсеру пронеслось громкое «ура».

Разделавшись с «Асамой», Грамматчиков ринулся на шедшие справа легкие крейсера «Акицушима», «Такосаго» и «Сума». Они бросились врассыпную. «Сума» замешкался; попав под обстрел, он мгновенно превратился в пылающий костер и поспешил спрятаться за другие корабли. Путь русским был свободен. Но тут из-за крейсеров вылетели четыре миноносца и кинулись на «Аскольда».

— Право руля! Прибавить оборотов! — скомандовал Грамматчиков в машину и устремился к ним навстречу.

— Что вы хотите делать? — спросил Рейценштейн.

— Таранить,— коротко бросил командир «Аскольда».

Расстояние до миноносцев было не более двадцати кабельтовых, и теперь оно быстро сокращалось. Японцы не сразу поняли, какая угрожает им опасность, а когда сообразили, то оказались уже в непосредственной близости к «Аскольду». Крейсер с полного хода врезался в один из миноносцев. Сильный толчок, пар и дым около бортов, крики упавших в воду людей, и все было кончено...

У второго миноносца попавшим снарядом был оторван нос, и корабль с полного хода зарылся в воду. В воздухе на мгновение мелькнули вращающиеся лопасти винтов. Миноносец исчез в пучине моря. Два последних миноносца попытались спастись бегством, но идущий за «Аскольдом» «Новик» подбил своим огнем сперва один, а затем другой.

«Аскольд» пошел полным ходом на юг. Пришедшие наконец в себя японские крейсера, в количестве восьми, кинулись в погоню, но добыча уже ускользнула. В наступившей темноте «Аскольд» потерялся из виду.

На корабле стали выяснять свои повреждения. В левом борту были обнаружены две большие подводные пробоины, несколько надводных, в которые на большом ходу заливалась забортная вода. Сильно повреждены трубы, вследствие чего тяга резко упала и ход снизился до пятнадцати — семнадцати узлов. От форсированной работы дымовых вентиляторов появились факелы. Опасаясь быть обнаруженным, «Аскольд» снизил ход до двенадцати узлов. Выяснилось, что угля хватит до Владивостока, если идти экономическим ходом.

— Но ведь тяга весьма ухудшилась, расход угля возрастет. Кроме того, мы приняли не менее двухсот тонн воды и имеем значительные пробоины,— горячился Рейценштейн.— В таком виде крейсер дойти до Владивостока не может.

— За ночь мы починимся и с рассветом постараемся уйти подальше в море с тем, чтобы обойти Японию с востока и прорваться в Сангарский или Лаперузов проливы. Много шансов, что мы попадем туда раньше броненосных крейсеров адмирала Того, а с легкими мы быстро справимся,— возразил Грамматчиков. Его поддержали и другие офицеры.

Видя, что ему не переспорить ни Грамматчикова, ни офицеров, Рейценштейн принял официальный вид и громким голосом приказал:

— Ввиду серьезности полученных в бою повреждений, считаю невозможным прорыв во Владивосток без значительного ремонта, который можно произвести лишь в нейтральном порту. Капитан Грамматчиков, потрудитесь вести крейсер в Шанхай.

— Но, ваше превосходительство, ближе до Циндао. Мы к полудню будем там, а завтра на ночь выйдем оттуда, пополнив запасы угля и воды и произведя необходимый ремонт,— возразил командир «Аскольда».

— В Циндао может повториться чемульпинский инцидент. Японцы заблокируют порт и потребуют нашего выхода. Приказываю идти в Шанхай,— оборвал разговор Рейценштейн.

— Есть,— вытянулся Грамматчиков и вместе со старшим штурманом лейтенантом Якимовым начал разбирать курс на Шанхай.

Расстроенный возражениями, Рейценштейн спустился в свою каюту.

— Чего это адмирал так уцепился за Шанхай? — удивился один из офицеров.

— Ларчик просто открывается. Еще в китайский поход он купил там себе дачу, где сейчас и проживает если не его супруга, то дама сердца,— пояснил поднявшийся на мостик Киткин.— Любви же, как известно, все возрасты и чины покорны, адмиралы, порой, даже больше мичманов.

...Итак, идем в Шанхай, где и попытаемся подремонтироваться, а затем рискнем в одиночку прорываться во Владивосток.

Без всяких приключений в сопровождении «Грозового» «Аскольд» утром 31 июля прибыл в Шанхай. Не-

медленно было приступлено к ремонтным работам. Выяснилось, что через неделю «Грозовой» сможет покинуть порт. «Аскольду» требовалось не меньше двух недель, чтобы быть готовым к выходу в море. Но тут выступили Соединенные Штаты Америки. Зная, что японский флот вынужден будет выслать часть боевых кораблей для блокады русских судов в Шанхае, что вызовет распыление и так сильно ослабленного в морском бою японского флота. Америка потребовала от Китая сокращения срока пребывания русских кораблей в Шанхае до одной недели. Одновременно Япония предупредила китайское правительство, что японский флот атакует «Аскольда» и «Грозового» в Шанхайском порту, если они к указанному сроку не покинут Шанхай. Несмотря на все протесты русского посла в Пекине, китайцы под давлением Америки и Японии предложили Рейценштейну в семидневный срок уйти из Шанхая или немедленно разоружиться.

Рейценштейн отнюдь в бой не рвался и не замедлил воспользоваться китайским ультиматумом для разоружения подчиненных ему кораблей. К седьмому августа крейсер и миноносец были полностью разоружены и остались в Шанхае до конца войны.

Водоизмещением около семи тысяч тонн, трехпалубный высокобортный, с массой наружных построек, крейсер «Диана» был спущен на воду в 1899 году уже устаревшим, вследствие затянувшейся более пяти с лишним лет постройки. Он был слабо вооружен, имел малый ход, плохо слушался руля и часто рыскал на курсе. Все это вызывало презрительное отношение всей эскадры к этим «богиням отечественного производства», как «Диана» и «Паллада» величались в Артуре. Матросы же называли свой крейсер просто «Дашкой».

Командовал «Дианой» в день выхода эскадры из Артура капитан второго ранга светлейший князь Ливен, из остзейских дворян. Он относился с глубоким презрением ко всему русскому и к самим русским. Даже с офицерами он разговаривал весьма редко и не иначе, как цедя слова сквозь зубы. С матросами же его разговор ограничивался самой забористой матерной руганью, так как, по мнению его светлости, матросы никаких других слов не понимали.

Старшим офицером на «Диане» был капитан второго ранга Семенов. Невысокого роста, толстый, коротконо-

гий, круглоголовый, он с утра до вечера катался шариком по всему крейсеру. Суетливый и мелочный, он способен был свести с ума своими придирками не только матросов, но и офицеров.

Оба начальника создали такой режим на «Диане», что скоро по всей эскадре матросы говорили о крейсере как о каторжном корабле.

Офицеров подбирал себе Ливен только из числа имевших твердо установившуюся репутацию беспощадно строгих начальников.

Так, перед самым выходом эскадры на крейсер был назначен с погибшего миноносца «Лейтенант Бураков» прославившийся на всю эскадру своей жестокостью в обращении с матросами лейтенант Колчак.

В ночь перед выходом «Диана» несла дежурство на внешнем рейде и стояла у прохода. Пропустив всю эскадру, она заняла место концевого в отряде крейсеров.

Во время первого боя на «Диане» никаких потерь не было. Только когда адмирал Того обрушился на концевые крейсера и вокруг них начали падать в большом количестве снаряды, слабые нервы светлейшего командира «Дианы» не выдержали, и он, не ожидая приказа своего флагмана, повернул в противоположную от противника сторону и поспешно вышел из-под обстрела.

Команде дали повахтенно ужинать, офицеры же, кроме вахтенных, сошли в кают-компанию.

— Ставлю два флакона Мумма по случаю наших боевых успехов! — объявил Семенов, председательствовавший за столом.

— Не сглазьте, Владимир Иванович,— суеверно остановил его один из офицеров,— день ведь еще не кончился.

— Вечером выпьем за последующие успехи,— отозвался Колчак.

Вестовые разнесли шампанское. Вино вскружило головы, настроение поднялось. Офицеры начали бахвалиться, вспоминая минувший бой.

— Наш светлейший без команды повернул и пустился наутек, когда жареным запахло,— съязвил Колчак.

— Зато вы, Александр Васильевич, развили такой огонь, что небу стало жарко! Сразу напугали Того,— отозвался Семенов.

Наверху пробили боевую тревогу. Все бросились по своим местам. Японская эскадра, нагнав русских, начала новый бой. Крейсера не принимали в нем участия, оставаясь лишь зрителями происходящего.

Ливен, как всегда молчаливый, с презрительной

усмешкой на своем холеном аристократическом лице, наблюдал с ходового мостика за развертывающейся перед ним картиной. Мимоходом забежавший на мостик Семенов пытался было завязать разговор.

— Нелепая вещь эта война. Я был в дружеских отношениях с командиром «Микасы», флагманского корабля Того, капитаном Номото. Не раз мы вместе пили шампанское в нагасакских кабаках, а теперь только о том и думаем, как бы поскорее уничтожить друг друга,— сказал он, обращаясь к своему командиру.

Но Ливен продолжал молчать, и старшему офицеру ничего не оставалось, как поскорее исчезнуть с мостика.

Как только «Аскольд» ринулся на прорыв, обгоняя наши броненосцы, «Диана» последовала было за ним, но замешкалась и стала прорезать строй броненосцев, едва при этом не столкнувшись с «Пересветом».

Японцы открыли по идущим в беспорядке русским судам усиленный огонь. Один из снарядов угодил в правый шкафут и разбил стрелу Темперлея, снес вентиляционные трубы, разворотил дымовую трубу. Одновременно осколками было взорвано несколько патронов в батарейной палубе и убито и ранено около двадцати человек, в том числе командир батареи — мичман Кондратьев. Начавшийся пожар стал быстро распространяться, грозя перекинуться в нижние патронные погреба.

Семенов с пожарным дивизионом кинулся тушить огонь, но в это время взорвалось еще несколько патронов. Матросы в ужасе разбежались. Чем бы все кончилось, неизвестно, если бы новый, попавший около ватерлинии снаряд не сделал огромной пробоины в борту. Хлынувшая сквозь нее вода быстро прекратила огонь. По колено в воде матросы бросились заделывать образовавшуюся пробоину. Едва они успели с ней справиться, как новый крупный снаряд попал в расположенный под лазаретом отсек, который быстро наполнился водой. Вода снизу подняла палубу лазарета. С треском срывались метлахские плитки, устилавшие пол. Сквозь образовавшиеся щели начали выбиваться вверх небольшие фонтанчики.

Тем временем «Диана» успела уже миновать эскадру. Впереди ясно виднелись бешено отстреливавшиеся от неприятеля «Аскольд» и «Новик».

Ливен призадумался. Ему совсем не улыбалось попасть в такую же переналку, как два передовых крейсера, и он резко скомандовал:

— Право руля!

«Диана», круто повернув влево, вступила в кильватер идущему за эскадрой крейсеру «Паллада».

— Нам не угнаться за адмиралом,— как бы в свое оправдание пояснил Ливен стоящему рядом Колчаку.

— Но мы нарушаем приказ адмирала следовать за ним! — возразил лейтенант.

— Не всегда бывает возможным выполнять распоряжения начальства. Я все же посоветуюсь со старшим офицером. Вызвать его ко мне! — приказал одному из ординарцев Ливен.

Через несколько минут на мостике появился запыхавшийся Семенов. Узнав, в чем дело, он, как хитроумный Улисс, предложил компромиссное решение:

— Сейчас мы последуем за эскадрой, а когда наступит темнота, оторвемся от нее и попробуем самостоятельно прорваться во Владивосток.

Оправдание было найдено...

Наступила ночь. Русская эскадра в полной темноте шла курсом на Артур двумя кильватерными колоннами — справа «Пересвет», «Победа», «Полтава», «Паллада» и «Диана», слева, далеко впереди — «Ретвизан», и за ним «Севастополь» и концевым — «Цесаревич».

Справа из темноты неожиданно появились чуть заметные силуэты небольших судов, быстро приближающихся к крейсеру. На них мелькнули красноватые огоньки минных выстрелов, после чего, резко повернув обратно, миноносцы скрылись во тьме. Море в эту ночь светилось особенно ярко, и подводное движение мин было хорошо заметно. Вот недалеко от «Дианы» появились две слабо светящиеся точки, приближающиеся к крейсеру.

— Право руля! — нервно скомандовал Ливен.

«Диана» медленно поворачивалась кормою к идущим торпедам.

Три сотни пар человеческих глаз с трепетом следили с корабля за все более увеличивающимися и быстро приближающимися светлыми пятнами. У всех была одна и та же мысль: «Попадет торпеда в крейсер или пройдет мимо?» Зловещие пятна приближались. Еще секунда — и они коснутся корпуса корабля, и тогда над ним высоко взметнется столб пламени, раздастся грохот взрыва, полетят во все стороны осколки, и десятки тонн воды обрушатся на палубу. Но торпеды уже попали в струю воды, отбрасываемую винтами, она их отталкивает, мешает их движению. Торпеды начинают замедлять свой ход, а затем и вовсе теряются за кормой. Опасность

миновала, и из сотен человеческих грудей вырывается вздох облегчения.

Теперь идти вместе с эскадрой стало опасно, поскольку на нее обрушились многочисленные миноносцы японцев. Сообразив это, Ливен положил право руля и полным ходом пошел на юг, стараясь возможно скорее выйти из опасной зоны.

Но по дороге все же не удалось избежать нападения. Пробили отражение минной атаки. Матросы бросились к мелкокалиберным орудиям. Блеснул золотисто-зеленоватый свет, раздался сухой, резкий выстрел трехдюймовок.

— Ваша светлость, ради бога, прекратите огонь! — истошным голосом закричал с палубы Семенов.— Мы этим будем только привлекать к себе неприятеля.

Орудия замолкли. Позади показался идущий в кильватер «Диане» миноносец. Сперва его приняли за японский и внимательно следили за ним. Но он не обнаруживал никаких враждебных намерений. Тогда рискнули запросить его позывные. Через мгновение замелькали ответные огоньки.

— «Грозовой»! — доложил сигнальщик.

Миноносцу предложено было подойти к крейсеру.

— Вы куда намерены двигаться? — справился Ливен у командира «Грозового» лейтенанта Бровцына.

— До Владивостока у меня не хватит угля, поэтому я думаю сперва побывать в Циндао, принять полный запас воды и угля, а затем идти по назначению.

— Избави вас бог заходить в Циндао,— неожиданно вмешался откуда-то из темноты Семенов.— Около него нас, наверно, подстерегают японцы. Надо идти возможно дальше. Быть может, даже в Россию.

— Едва ли нас за это похвалят,— спокойно отозвался мягким баритоном Бровцын.— Одним словом,— куда вы, туда и я.

— В таком случае прошу вас следовать за мной,— распорядился Ливен.

— Есть! — отозвался командир миноносца, и «Грозовой» отошел.

На море поднялся туман, и крейсер окончательно затерялся в нем. Команде разрешили спать посменно. Ливен, позевывая, передал командование Семенову и ушел отдохнуть.

Семенов в ходовой рубке при слабом свете лампочки, освещавшей компасную картушку, делал заметки в записной книжке, в героическом духе живописуя свою роль

в сегодняшнем бою. Его круглое, полное лицо было сурово нахмурено. Он то и дело прикладывал руку ко лбу, вспоминая различные перипетии минувшего дня.

— Что это там пузырь на ножках пишет? — шепотом спросил старший сигнальщик у ординарца, примостившегося невдалеке от боевой рубки.

— Верно, кто в чем сегодня провинился. Только что приходил с докладом боцман. Наябедничал на кого-нибудь.

— Дал бы бог целыми домой добраться, женку с детьми повидать...

— Князь наш вместе с пузырем — оба норовят где поспокойнее.

— Нет, пузырь за чином или крестиком к черту на рога полезет!

Матросы замолчали.

На крейсере воцарилась тишина. Только вахтенные сигнальщики из самых глазастых бодрствовали на мостике вместе с рулевыми и старшим офицером. С юга пошла крупная зыбь, от которой крейсер давал размахи до семи градусов на сторону. Навстречу «Диане» теперь попадались лишь китайские джонки. Сфера военных действий осталась позади.

Уже за полночь на палубу поднялся подвыпивший Колчак и, спотыкаясь в темноте на каждом шагу, стал выбирать место для ночлега. Блуждая по кораблю, он забрался на кормовой мостик, куда складывали на разостланный брезент тела убитых и умерших от ран. Их было всего несколько человек, и рядом оставалось много незанятого места. Лейтенант сложил свободный брезент в несколько раз и, хладнокровно улегшись с мертвецами, тотчас же уснул.

Среди ночи санитары принесли нового покойника. Приняв Колчака за труп, они решили, что неудобно класть офицеров вперемешку с матросами,— хотя и мертвое, но все же начальство! Схватив лейтенанта за плечи и за ноги, санитары довольно бесцеремонно поволокли его в сторону. Но тут «покойник» энергично вырвался из рук и разразился самой отчаянной руганью.

Санитары в ужасе отпрянули.

— Да, никак, оно живое! — с испугом проговорил один из них, в чем тотчас же окончательно убедился, получив здоровенную затрещину.

Другой санитар поспешно сбежал с мостика и спасся от побоев.

Разобрав, в чем дело, Колчак помог санитару уложить принесенный труп, сложил ему руки на груди и, понюхав воздух, проговорил:

— Кажется, еще не воняет?

— Никак нет, совсем свеженький, всего с четверть часа как преставился,— отозвался санитар.

— Поправь-ка, братец мой, брезент, чтобы мягче было спать,— приказал лейтенант и, отпустив матроса, продолжал неожиданно прерванный сон.

С наступлением дня, после детального осмотра всех имеющихся повреждений, на мостике был собран военный совет, чтобы решить, что дальше делать, куда идти. Разглагольствовал больше всех Семенов. Он убеждал идти в один из французских портов.

— Они наши друзья и союзники. Мы у них найдем и приют и помощь. А там попытаем счастья и попробуем прорваться во Владивосток. Или же нам поручат проведение крейсерских операций на путях к Японии. Тоже дело не плохое,— убеждал он.

— Но ведь ближайший французский порт — Сайгон. Он у черта на рогах. Да у нас и угля не хватит дойти туда,— возразил старший механик Кунст.

— Остановим первый встречный коммерческий пароход, перегрузим с него уголь, оставим ему только до ближайшего порта. Правительство потом заплатит за все,— ораторствовал старший офицер.

Ливен не замедлил присоединиться к его мнению. Сайгон был совершенно в стороне от театра военных действий. Трудно было ожидать появления там японской эскадры.

— Приказываю следовать в Сайгон,— проговорил князь официальным тоном.

— Есть идти в Сайгон! — тотчас же вытянулся Семенов.

Через две недели «Диана» пришла в Сайгон, до которого было вдвое дальше, чем до Владивостока. Там она разоружилась.

Быстроходный (до 25 узлов), легкий, бронепалубный крейсер «Новик» по своей конструкции представлял собой нечто среднее между миноносцем и крейсером. Для первых он был слишком велик (три тысячи тонн водоизмещения), для вторых имел недостаточно сильную артиллерию.

Японские крейсера того же типа были значительно

тихоходнее, но зато располагали более крупными орудиями.

Стройный трехпалубный красавец, со значительно приподнятым носом, «Новик» был гордостью всей русской эскадры. Им долгое время командовал капитан второго ранга Николай Оттович Эссен, лихой и отважный моряк. Он сумел подобрать себе такой же экипаж. Старший боцман крейсера Кащенко высматривал на всех кораблях наиболее бесшабашных матросов, которых затем Эссен выпрашивал у командиров. Сам он и все его офицеры прекрасно обращались со своим экипажем. Наказания были не в моде на «Новике», но в отношении службы были строгие требования, а частые выходы в море и боевые столкновения быстро дисциплинировали матросов.

Эссена сменил капитан второго ранга Максимилиан Федорович Шульц. Сухой педант, хотя и образованный моряк, он не сумел ужиться с доставшимся ему в наследство экипажем. Несколько офицеров подали рапорты о переводе на другие корабли.

Весть о выходе эскадры для прорыва во Владивосток временно оживила старый эссеновский дух. Команда опять с лету начала выполнять приказания, механики умудрялись за одну ночь производить переборку машин. Кащенко, кривоногий, рябой здоровяк, летал по всему крейсеру, вполголоса поругиваясь.

Много способствовал этому оживлению старший офицер лейтенант Порембский, старавшийся во всем подражать своему прежнему командиру. За Порембским тянулись и остальные офицеры. Это хорошо понимали и ценили матросы.

В день выхода эскадры «Новик» первым появился на внешнем рейде. До начала первого боя он шел форзейлем, ведя за собой эскадру. Затем присоединился к крейсерам, следуя непосредственно за «Аскольдом».

Так как противник находился вне пределов досягаемости для пушек крейсера, то «Новик» в бою участия не принимал. Настроение у матросов было спокойное и деловое. Они видели, что командир «своего характера не проявляет», а Порембский и другие офицеры обходили крейсер с шутками и прибаутками. Боцман Кащенко, выйдя на палубу, рассматривал японцев и сердито посвистывал.

— Была бы моя воля, отправил бы крейсера громить мелкоту, что видна на левом траверзе,— ткнул он рукой в отряд мелких японских крейсеров.— Будь у нас Николай Оттович, он кинулся бы на них.

— Да!.. Вернули бы нам его на прорыв! С ним духом долетели бы до Владивостока! Японец и разглядеть нас не успел бы.

— Авось и с нашим командиром как-нибудь дотопаем.

В это время японцы обрушились на хвостовые крейсера. Несколько снарядов упало невдалеке, обдав водой палубу.

— Старается, чтобы мне жарко не было,— усмехнулся комендор ютового орудия Нюрин, отряхиваясь.

При первом же выстреле Шульц скомандовал:

— Право руля!

«Новик» вышел из-под обстрела и пристроился вторым мателотом в колонне крейсеров.

Последующие три часа прошли в полном спокойствии, так как крейсера не участвовали и во втором бою.

— Витгефт — трус, боится пойти на сближение с японцами. Я бы на его месте сошелся на дистанцию пятнадцать — двадцать кабельтовых и жарил бы изо всех орудий. Кто первый отступит, тот и побежден! — хорохорился Шульц, следя за боем.

— К счастью для нас, адмирал держится другого мнения,— иронически возразил минный офицер лейтенант Штер.

— Почему к счастью?

— У японцев большое преимущество в средней и мелкой артиллерии, которую они с успехом могут использовать на малых дистанциях.

— Все это пустяки, просто у адмирала не хватает храбрости,— высокомерно заявил Шульц.

Когда же «Цесаревич» неожиданно вышел из строя и эскадра смешалась, Шульц снова растерялся.

— Что случилось? Что нам делать?

— Следите за адмиралом,— посоветовал ему стоявший на мостике Штер.

Матросы тоже в недоумении наблюдали за происходящим.

— Тикаем, значит, братцы, от японца,— мрачно проговорил Кащенко.

— Эх, нам бы Эссена сюда...— послышалось в толпе.

Но Эссена не было, а был Шульц, который поспешил последовать за броненосцами.

— На «Аскольде» поднят сигнал: «Следовать за мной»,— доложил сигнальщик.

— Есть! Держать в струе адмирала! — приказал Шульц, не понимая еще маневра Рейценштейна. Но ко-

гда «Аскольд» на всех парах ринулся навстречу японским легким крейсерам, Шульц оробел.

— Мы за ним не угонимся! «Паллада» и «Диана» остаются с эскадрой, нам тоже надо последовать их примеру,— быстро проговорил он.— Право на борт!

— Отставить! — резко вмешался Порембский.— Мы не имеем права отставать от «Аскольда», ибо ход у нас двадцать шесть узлов, а у него двадцать два, если не меньше. Самый полный вперед! — крикнул он в машину.

Шульц хотел было отстранить старшего офицера, но угрюмые лица офицеров и матросов заставили его сдержаться.

— Делайте как хотите, Константин Алексеич, я умываю руки. Вы будете отвечать за все, что может сейчас произойти,— наконец проговорил Шульц.

— Есть отвечать за все! — весело тряхнул головой лейтенант.— Борис Васильевич,— крикнул он в переговорную трубку механику,— идем на прорыв, выжми из машин все, что только можно!

— Есть! Будет сделано!

И без того быстрый ход «Новика» еще увеличился. Русская эскадра давно осталась позади. Крейсер, следуя за «Аскольдом», быстро сближался с противником. Штер и мичман Швейковский, командовавшие артиллерией, открыли сильный огонь по ближайшим японским судам.

Крейсер «Сума», попавший под обстрел «Аскольда», запылал, как костер, и поспешил отойти в сторону.

Матросы, охваченные возбуждением боя, не обращали внимания на свистящие вокруг осколки снарядов и изо всех сил старались ускорить стрельбу. Беспрерывно гремела подача, и на палубе скоро выросли целые штабеля стреляных гильз, которые не успевали убирать.

Одним из японских снарядов были перебиты фалы кормового флага. Заметив это, Кащенко в два прыжка оказался около него и быстро пристропил другой флаг.

— Чтобы японец ни одной минуты не видел корабля без его природного флага,— пояснял боцман впоследствии.

Когда миноносцы бросились на «Аскольда», то «Новик» повернул прямо на них. Никто не отдавал распоряжения стрелять по миноносцам, но комендоры сами взяли их на прицел и мгновенно потопили. В это время крупный снаряд с «Асама» угодил в левый борт вблизи переднего мостика. Осколки со звоном полетели на палубу.

Шульц был контужен воздухом и, в ужасе схватившись за голову, закричал:

— У меня оторвана голова!..

— Не волнуйтесь, Максимилиан Федорович, она у вас еще крепко держится на плечах,— успокоил его Порембский, продолжавший вести крейсер.

Вскоре снарядом был сбит стеньговый флаг на мачте. Он сперва подлетел вверх, а затем стал плавно опускаться. Заметив это, матрос второй статьи Петр Бобров, находившийся около машинного кожуха, пытался было поймать его на лету, но ветром флаг отнесло за борт.

— Эх, жаль, пропал наш флаг,— сокрушенно проговорил он, почесывая свою коротко стриженную голову, и побежал к боцману за новым. Получив его, он, по собственной инициативе, с поразительной быстротой, невзирая на сильный обстрел, забрался на марс и там принайтовил новый стеньговый флаг. Сделав свое дело, Бобров задержался на марсе и, помахивая японцам своей фуражкой, закричал:

— Шалишь, японец, нашего флага тебе все равно не сбить!

В машинном отделении тоже кипела напряженная работа. С мостика все время требовали увеличения числа оборотов. Старший судовой механик Жданов, красный от жары, носился по всему машинному отделению, следя за бесперебойной работой машин.

От взрыва снаряда сдвинулся с места один из подшипников правой бортовой машины. Для исправления его надо было остановить машину, что снизило бы ход корабля. Жданов заколебался.

— Дозвольте, вашбродие, я на ходу его исправлю,— обратился к нему жилистый и верткий машинный квартирмейстер Егор Кривозубов и, не дожидаясь ответа, стал закреплять на месте разболтавшийся подшипник.

Все с тревогой следили за движениями своего храброго товарища, и, когда он наконец выбрался обратно, Жданов с чувством проговорил:

— Молодчина! Твой поступок стоит подвигов комендоров наверху!

Скоро японские крейсера отстали и потерялись во мгле. Бой прекратился. Чтобы избежать факелов из дымовых труб, далеко видных в наступающей темноте, ход на «Новике» уменьшили до семнадцати узлов. Пробили отбой, команда получила приказ посменно, не отходя от орудий, ужинать.

Шульц воспрянул духом и, вновь закрутив вверх свои рыжие жиденькие усы, заявил:

— Я всегда был уверен, что «Новик» сумеет уйти от японцев.

Наступила туманная ночь. В море никого не было видно. Командир решил воспользоваться этим и остановить машину для ремонта. Сигналом запросили у адмирала разрешения на это, но ответа не получили. «Аскольд» быстро исчез с горизонта, и «Новик», оставшись один, тихо покачивался на морской зыби.

В машине начался аврал. В пылу боя не заметили, что одним из осколков пробита цистерна пресной воды для питания котлов. Когда же это обнаружили, то пресной воды почти не осталось.

— Питать котлы забортной водой,— распорядился Жданов.

— Этак до Владивостока мы совсем засорим котлы,— возразил младший механик Фрейлихман.

— Какой там Владивосток при такой плохой тяге! Расход угля в два раза больше нормы, а мы и так недоприняли свыше ста тонн. Надо идти в нейтральный порт и там грузить уголь,— ответил Жданов.

От питания забортной водой соленость в котлах сильно увеличилась, накипь быстро нарастала, парообразование стало падать. К тому же снизилось разряжение в холодильниках, и начали греться воздушные насосы. Пришлось вскрыть холодильники, в которых оказалось много морской травы, засосанной вместе с забортной водой. Кроме того, обнаружилась течь в некоторых трубках.

Матросы работали с ожесточением, хорошо понимая, что главнейшее преимущество крейсера — быстрота его хода.

Около полуночи машины были наконец исправлены, и крейсер двинулся дальше. Ночь прошла спокойно, а утром заметили на горизонте «Диану». Вскоре к «Новику» подошел миноносец «Грозовой» и справился о дальнейших намерениях Шульца.

— Иду в Циндао. Там приму уголь и направлюсь во Владивосток. Рекомендую то же делать и Ливену,— ответил командир «Новика».

К вечеру двадцать девятого июля «Новик» пришел в Циндао и, отдав салют нации в двадцать один выстрел, вошел в порт, где уже стоял миноносец «Бесшумный». Шульц тотчас же уехал к губернатору с просьбой разрешить погрузку угля.

За командира остался Порембский. Он сразу приступил к ремонту машин и котлов, запретив даже офицерам съезжать на берег.

Было около девяти часов вечера, когда Шульц вернулся на крейсер с разрешением губернатора.

Как только началась погрузка, Шульц под предлогом необходимости побывать на только что пришедшем в порт «Цесаревиче» поспешил опять уехать в город.

— С «Цесаревича» я отправлюсь в отель «Кайзерхоф», что на Нанкин-стрит. Прошу мне сообщить, когда погрузка будет близиться к концу.

— Что вы, собственно, забыли в «Кайзерхофе»? — напрямик спросил Порембский.

— Я хочу там повидаться с моряками и выяснить международную обстановку. От этого будет зависеть выбор нашего пути во Владивосток,— пояснил Шульц и исчез.

— Золотце, а не командир! — пробурчал ему вслед Кащенко.— Только и норовит, как бы с крейсера удрать! Николай бы Оттович небось не погнушался в такую минуту даже мешки с углем таскать.

— Да, одно слово — фон-барон! — отозвался Нюрин.

На «Цесаревиче» Шульц не застал ни Матусевича, ни Иванова, которых уже свезли в береговой госпиталь. Советоваться же с Шумовым о своих планах он счел ниже своего достоинства и поспешил в отель.

Было далеко за полночь, когда прибывший с «Новика» матрос доложил, что принято уже свыше двухсот тонн угля и погрузка скоро будет закончена.

Уборку крейсера решили произвести днем в пути, и в глухой предрассветный час «Новик» покинул Циндао. Огни порта быстро уходили назад, с моря шла крупная волна, бросая крейсер из стороны в сторону. На востоке одна за другой меркли звезды.

Шульц уселся в кресло на мостике и задумчиво пощипывал свою рыжую бородку. Надо было окончательно решить, каким же путем идти во Владивосток: напрямик через Корейский пролив или же вокруг Японии. Лично он предпочитал последний путь. Правда, путь вокруг островов был вдвое длиннее, чем через Цусимский пролив, и могло не хватить угля на всю дорогу, зато легко было затеряться в океанских просторах и незаметно подойти к северным проливам. Через Корейский же пролив можно было надеяться проскочить только ночью, да и то не наверное.

— Я намерен идти вокруг Японии,— объявил он Порембскому.

— Следовательно, мы пробудем в пути около недели.

 Трудно предположить, чтобы японцы не узнали о нашем

местонахождении и не выслали своих легких крейсеров к северным проливам.

«Новик» целый день шел курсом на юго-восток, избегая каждого дымка, замеченного на горизонте.

День прошел в хозяйственных работах. Матросы мыли и чистили крейсер, исправляли причиненные в бою накануне мелкие повреждения, заделывали пробоины, латали трубы. Машины то и дело приходилось останавливать для ремонта. Вместе с тем крейсер ежеминутно был готов к бою. Орудия были заряжены, комендоры повахтенно дежурили около них.

Шульц не принимал никакого участия в этих работах и целый день находился на мостике, оглядывая в бинокль пустынный горизонт. С офицерами он почти не разговаривал, ограничиваясь лишь сдержанными замечаниями.

Когда основные работы были окончены, команде разрешили отдыхать. Стояла прекрасная погода. Субтропическая жара смягчалась влажным морским ветром. Откуда-то издалека шла довольно крутая зыбь. Волны мерно покачивали «Новик».

— Эх, благодать-то какая! Солнышко греет, ветерок гуляет, морю-океану конца-краю не видать! — восторгались матросы.

Офицеры тоже отдыхали у себя в каютах. Доктор с долговязым мичманом Кнаррингом сражался в шахматы, сидя под тентом около ютового орудия. Мичман Швейковский в кают-компании наигрывал кек-уок и напевал какие-то шансонетки.

Порембский завалился спать в своей каюте под открытым иллюминатором, через который струился чистый морской воздух. К ночи отошли еще дальше к востоку и окончательно затерялись в океане.

Жизнь на корабле вошла в нормальную колею. С рассветом раздавались на верхней палубе минорные звуки утренней побудки. Матросы, спавшие не раздеваясь, бежали к умывальнику, чтобы облиться морской водой, но она была теплая и мало освежала. Затем матросы убирали палубу и другие помещения. Порембский вместе с Кащенко обходил крейсер. Остальные же офицеры, спавшие от жары на палубе, сходили в свои каюты продолжать прерванный сон до подъема флага. На мостике, кроме вахтенного начальника, рулевого и сигнальщиков, никого не было. Лениво оглядывая в бинокль бесконечные пустынные водные просторы, мичман Швейковский отдавал изредка мелкие распоряжения.

— Нам бы, вашбродь, так до самого Владивостока

идти,— улыбаясь, говорил сигнальщик Грубко,— тишь да гладь да божья благодать!

В полдень брали высоту солнца и определяли свое положение. Море по-прежнему было пустынно. Только изредка на горизонте появлялись дымки и вскоре исчезали, не приближаясь к русскому крейсеру.

Спокойствие нарушали лишь тревожные вести из машинного отделения. То в одном, то в другом котле лопались трубки. Приходилось перекрывать пар, уменьшая ход до десяти узлов. В машинах появился стук, холодильники тоже были неисправны. Машинная команда сбилась с ног, круглые сутки исправляя различные неполадки.

В связи с этим обнаружился огромный перерасход угля. Жданов пошел к Порембскому. Выслушав его, старший офицер сам спустился в машину.

— Ребята,— обратился он к матросам.— Надо сообща придумывать, как нам выйти из беды. Главное преимущество «Новика» перед японскими крейсерами — это большой ход. Если же мы его потеряем, то неизбежно станем легкой добычей для японцев.

— Нам, вашбродь, хоть бы на несколько часов застопорить машины. Мы успели бы перебрать холодильники, подтянуть сальники,— попросил машинный квартирмейстер Кривозубов.

— Растолкуйте Шульцу, в каком мы находимся положении. Дайте нам ночь простоять на месте, и мы справимся со всеми неполадками,— горячо проговорил Фрейлихман.

— Не согласится он на это,— задумчиво ответил Порембский.

Все же он решил переговорить с командиром. Но Шульц и слушать не захотел об остановке машин.

— У нас имеется три машины. Будем идти на двух, а третью ремонтировать,— ответил Шульц.

Когда начало темнеть, был отдан приказ:

— Команде плясать и петь песни!

Вахтенный мичман Кнорринг молодым баском передал распоряжение командира.

— Пошли все наверх! Плясать и петь песни! — заорал Кащенко.

Но матросы двигались вяло и не торопились исполнять это распоряжение. Присяжный гармонист гальванер Савельев, присев на лафет носового орудия, вместо плясовой заиграл грустную «Поехал казак на чужбину далеко, ему не вернуться в отеческий дом»,

Минорный тон пришелся по душе матросам, и они тихонько подхватили песню.

— Что вы завыли, как собаки на луну?! — сердито крикнул Шульц с мостика.— Жарь плясовую! — приказал он гармонисту.

Савельев заиграл русскую.

— Выходи в круг плясать! — скомандовал Шульц.

Но матросы жались и прятались друг за друга.

— Мичман Швейковский, прошу вас показать этим пентюхам, как пляшут русскую,— обратился командир к стоящему среди матросов мичману.

— Это в мои служебные обязанности не входит,— звонко, на весь корабль, отозвался офицер.

Шульц покраснел от бешенства и выкрикнул:

— Красненькую тому, кто первый запляшет!

Никто из матросов не польстился на деньги и не хотел выходить в круг.

— Наши матросы пока еще не циркачи, чтобы кувыркаться за деньги на потеху другим,— пробурчал себе под нос стоявший на вахте Кнорринг.

— Боцман, пляши! — приказал тогда Шульц.

— Есть плясать,— вытянулся Кащенко и, войдя в круг, прошелся вприсядку при гробовом молчании всей команды.

— Еще! — крикнул Шульц, когда Кащенко остановился.

Сурово сжав губы, с угрюмым выражением лица боцман продолжал плясать.

— Пляши, враже, як пан каже! — выкрикнул кто-то из толпы.

Матросы возмущенно загудели. Казалось, еще минута — и вспыхнет бунт. Почувствовав это, Порембский взбежал на мостик и злобно прошептал на ухо Шульцу:

— Прекратите сейчас же это издевательство над людьми, иначе они вас выбросят за борт!

Шульц метнул яростный взгляд на старшего офицера и громко крикнул все еще пляшущему Кащенко:

— Отставить!

— Есть отставить! — вытянулся боцман и, обтирая потный лоб красным платком, скрылся в толпе.

Нервно подергав себя за бородку, преисполненный гнева, Шульц быстро сошел с мостика и заперся в своей каюте. Матросы сразу же ожили и наперебой заговорили.

— Камаринского! — крикнул Швейковский гармонисту.— Бобров, выходи! Покажем, как умеют плясать на «Новике»!

Через минуту вся палуба ходила ходуном под десятками пляшущих ног. Раненые не уступали здоровым. Бобров, прижав к груди забинтованную руку, с особой страстью откалывал чечетку под аккомпанемент гармоники и лихой посвист матросов.

После пляски запели. Широкая русская песня понеслась над необъятными просторами океана.

Под вечер следующего дня на горизонте показался дымок, который начал быстро приближаться. Заподозрив в нем японский военный корабль, на «Новике» пробили боевую тревогу и приготовились к бою.

Через четверть часа корабль был остановлен. Он оказался торговым португальским судном «Цельтис», шедшим на запад.

Пароход осмотрели, но не нашли ничего подозрительного и отпустили с миром.

— Теперь нам надо торопиться во Владивосток, чтобы успеть проскочить через проливы, пока японцы не выслали навстречу свои суда,— обратился к командиру Порембский.— Они и так давно нас поджидают и в Лаперузовом и в Сангарском проливах, а может, кроме того, стерегут и севернее Сахалина.

— Спорить, конечно, трудно, но возможно, что погоню за нами пошлют лишь тогда, когда точно узнают наш маршрут.

В течение целой недели до шестого августа «Новик» двигался совершенно беспрепятственно, никого не встречая на пути.

Постепенно становилось холоднее, с севера набегали туманы, чувствовалось приближение холодного Охотского моря. Давно миновали широту Владивостока и подходили к Сахалину. Зародилась надежда, что под покровом тумана, может быть, и удастся проскочить незамеченными мимо японцев через проливы. Смущало только плохое состояние котлов. Из двенадцати пришлось выключить семь, холодильники тоже все время работали неисправно. Сократить расход угля не удавалось. Возникло опасение, что его не хватит до Владивостока.

— Зайдем на Корсаковский пост, что на южной оконечности Сахалина, догрузимся углем, произведем ремонт машин и ночью попытаемся прорваться через Лаперузов пролив,— сообщил Шульц свое решение Порембскому.

— Я лично не заходил бы в Корсаковку, а, пользуясь туманом, рискнул бы идти прямо в Японское море,— возразил Порембский. Но Шульц не согласился с ним.

Перед рассветом седьмого августа в десяти — двенадцати кабельтовых к северу открылся один из группы Курильских островов — Кунашири, на котором был маяк и телеграф. Японцы тотчас же заметили русский крейсер.

Стоявший на вахте Штер предложил Шульцу разбить маяк орудийным огнем, чтобы нарушить телеграфную связь с Японией.

— Нельзя! Выстрелами мы привлечем к себе внимание неприятельских судов, которые, быть может, находятся поблизости,— не согласился командир.

В результате не успел «Новик» еще скрыться из виду острова, как в Токио полетела телеграмма, извещавшая о его появлении около Южного Сахалина.

В шесть часов утра того же дня «Новик» бросил якорь у Корсаковского поста и послал баркас на берег за пресной водой и углем. Здесь никто не ожидал появления крейсера, и поэтому ничего для него не было приготовлено. В Корсаковке для погрузки угля на баржи не оказалось никаких приспособлений. Пришлось для ускорения погрузки собрать все местное население и воинскую команду. За отсутствием мешков и даже корзин уголь с берега подносили в простых ведрах, но и тех было мало.

Начальник поста отставной полковник Гиблый суетился, кричал на всех и только мешал погрузке.

Жданов воспользовался стоянкой, чтобы подремонтировать котлы и машины.

Стоял пасмурный, прохладный день. С берега тянуло смолистым запахом сосен и скошенного сена. На отлете высилось единственное в поселке двухэтажное каменное здание, обнесенное высокой стеной, с башнями на углах — местная каторжная тюрьма — да на пригорке виднелась деревянная церковь.

За облаками угольной пыли, окутавшими «Новик», трудно было разглядеть, что делается в море. Но около двух часов дня радист доложил, что в эфире слышны переговоры нескольких судов. Несомненно, это приближались японцы, хотя их еще не было видно. Шульц переполошился.

— Немедленно прекратить погрузку! Поднять пары во всех исправных котлах! — командовал он.

— Что вы, Максимилиан Федорович, намереваетесь делать? — спросил подошедший Порембский.

— Попробую прорваться через пролив.

— Стоит ясная погода, незамеченными мы не пройдем; у японцев, по крайней мере,— два судна. Наши ма-

шины не в порядке. Едва ли ваше намерение увенчается успехом.

— Что же, по-вашему, надо делать?

— Сейчас уйти на восток и к ночи потеряться в океане, а затем попробовать проскользнуть Сангарским проливом. Если там не удастся, вернемся сюда или в крайнем случае пойдем дальше на север, в Николаевск-на-Амуре.

— По-моему, проще всего атаковать врага и уничтожить, как Нахимов под Синопом,— говорил Шульц.

Как только на горизонте показался дымок, крейсер снялся с якоря и, развивая предельный ход, двинулся навстречу противнику. Пробили боевую тревогу и приготовились к бою. Порембский в бинокль разглядывал неприятельский корабль.

— Легкий крейсер, три трубы и две мачты. Быть может, это наш «Богатырь» из Владивостока? — недоумевал лейтенант.

— Никак нет, вашбродь,— доложил старший сигнальщик,— это японский корабль, на «Ниитаку» похож.

— Нам он не страшен, через полчаса он будет под водой,— с апломбом заявил Шульц.

— У него все же шестидюймовые орудия против наших стодвадцатимиллиметровых, да и ход двадцать узлов, какого мы сейчас долго дать не сможем. Было бы осмотрительнее не ввязываться в бой, пока он сам на нас не нападет.

Но Шульц ничего не хотел слушать. Как только расстояние до противника уменьшилось до сорока кабельтовых, Шульц приказал открыть огонь. Матросы, не раз видевшие под Артуром крейсера такого типа, отнеслись к противнику с некоторым пренебрежением. Но это был не потрепанный в боях «Ниитака», а однотипный с ним, совершенно новенький, только что спущенный крейсер «Цусима». Его артиллерия была в полной исправности, орудия не расстреляны, и первые же снаряды стали ложиться очень близко от «Новика».

— Ишь японец всурьез серчает,— зубоскалил Нюрин, комендор ютового орудия, старательно наводя свою пушку на врага.

Не успел он выстрелить, как снарядом противника снесло кормовой мостик, сбило машинные вентиляторы, а один из осколков впился в левый бок комендора.

— Да что же это, братцы! — испуганно вскрикнул он и медленно повалился на палубу.

 Стоявший неподалеку Штер был ранен в плечо.

— Не везет, чёрт возьми! — говорил он, морщась от боли.— Перевяжите-ка меня кто-нибудь.

Двое матросов тут же наскоро забинтовали рану, и Штер остался в строю.

Сражение становилось все упорнее. Обе стороны развили сильный артиллерийский огонь. Число попаданий с обеих сторон было почти одинаково. Но более крупные японские снаряды, к тому же начиненные сильнейшим взрывчатым веществом, производили очень значительные разрушения.

Вдруг «Новик» весь вздрогнул. Огромный столб черного дыма взвился на шканцах. Осколки снаряда полетели на мостик, разбив штурманскую и повредив командирскую рубку. Двое сигнальщиков и рулевой, обливаясь кровью, покатились на палубу.

Штуртросы оказались перебитыми, и управление перенесли в румпельное отделение, где рулевой привод еще действовал. Между тем японцы хорошо пристрелялись и несколькими попаданиями подряд нанесли «Новику» три подводные пробоины, сквозь которые хлынула вода. Ютовое орудие, выбитое снарядом из цапф, взлетело на воздух и придавило трех человек из пожарного дивизиона.

В дыму разрывов матросы метались по палубе, наскоро исправляя повреждения. Стрельба не прекращалась ни на минуту. То и дело вспыхивали выстрелы, гремели о палубу стреляные гильзы орудийных патронов. Лязгали открываемые и закрываемые орудийные замки, нории с шумом подавали на палубу новые патроны.

Наконец «Новику» удалось повернуть к берегу и разойтись на контргалсах с японским крейсером, который имел тоже весьма плачевный вид. Передняя мачта была снесена до половины, все три трубы исковерканы, заметен был сильный крен и рысканье на курсе, что говорило о потере способности управления крейсера.

«Новик» продолжал стрелять даже тогда, когда японцы прекратили огонь. Офицеры силой оттаскивали комендоров от пушек.

— Вашбродь, дозвольте еще один разок по японцу садануть,— упрашивали комендоры.— В самого ихнего командира попадем.

— Вали, только это будет последний выстрел,— уступил Штер. И выстрелы загремели один за другим.

Японский корабль был хорошо виден на светлом вечернем небе. Четко вырисовывались две его мачты с тремя дымящими трубами между ними. Вдруг против сред-

ней трубы взвилось зеленоватое пламя и поднялось негустое облако дыма. В следующий момент, когда дым разошелся, средней трубы не оказалось на месте, а вместо нее чуть возвышались бесформенные обломки.

— Ура! — пронеслось по крейсеру, и смолкнувшая было артиллерийская стрельба разгорелась вновь.

Японцы поспешили повернуться кормой к «Новику» и стали медленно удаляться.

— Полный вперед! — скомандовал при виде этого Шульц, но машины как раз в этот момент отказали, пар сел в котлах, холодильники начали перегреваться.

Шульц с сожалением взглянул на уходящий японский крейсер и повернул к Корсаковскому посту. Порембский быстро осмотрел повреждения: три подводных пробоины в корме, затоплены рулевое и сухарное отделения и кормовой патронный погреб. Вследствие этого корма села на три с лишним фута. Через пробоину у ватерлинии вода проникла в каюту старшего офицера и затем по коридору стала заливать кают-компанию и другие офицерские каюты. Половина котлов бездействовала.

Выслушав доклад Порембского, Шульц отчеканил:

— Ввиду тяжелых повреждений, полученных нами, я решил взорвать крейсер.

— Что?! — изумился лейтенант.— Впереди у нас целая ночь. За это время мы справимся с главнейшими повреждениями.

— Свозить команду на берег и приготовить всех к взрыву! — скомандовал Шульц.

Никто не двинулся с места.

— Братцы, да что же это такое? — выкрикнул Кащенко.— «Новик» хотят затопить, как негодный брандер!

— Попытаемся сперва справиться с течью и привести машины в порядок, а там уже видно будет, что делать,— примирительно заметил Порембский.

— На горизонте видны огни прожекторов,— доложил сигнальщик.

Все обернулись в указанном направлении. Три бледных полоски света скользнули у горизонта и исчезли, а затем появились опять. Японцы, видимо, разыскивали русский крейсер в наступившей темноте.

— По радио слышны переговоры нескольких судов,— доложил радист.— Их, по крайней мере, два, если не больше.

— Спустить шлюпки на воду! — скомандовал Шульц.

— Ваше высокоблагородие,— вышел из толпы матро-

сов Кащенко,— я с самого спуска «Новика» на воду служу на нем. Дозвольте мне и умереть здесь. Не хочу я уходить с него.

— Ведите нас в бой. Лучше умереть, чем топить наш «Новик». Долой командира! — раздались крики.— Небось Николай Оттович никогда бы этого и не подумал!

На мостике произошло замешательство.

— Вода продолжает прибывать, несмотря на работу всех помп,— доложил Тихонов.— Залита вся броневая палуба и принято не менее трехсот тонн воды.

Порембский приказал спускать уцелевшие шлюпки на воду; с берега потребовали баржи, начали свозить людей и самые необходимые вещи. «Новик» медленно погружался. Прожекторы больше не показывались на горизонте. Вскоре с севера налетел густой, холодный туман.

— Эх, будь он сегодня днем! Мы проскочили бы под носом у врага! — сетовал Порембский.

К утру «Новик» погрузился на дно, накренившись на правый борт. На поверхности остались трубы, мачты, шлюпбалки и значительная часть верхней палубы.

Из сопровождавших эскадру восьми миноносцев три вернулись в Артур, остальные прорвались и ушли в нейтральные порты, где и были разоружены.

Таким образом, из восемнадцати кораблей, вышедших двадцать восьмого июля, прорвались лишь девять — один броненосец, три крейсера и пять миноносцев, остальные вернулись в Артур.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Куинсан долго стучала в дверь спальни, пока Звонарев проснулся и подал голос. Он распахнул окно. Комната наполнилась ярким светом и свежим после ночного дождя воздухом. На мокрой мостовой еще блестели невысохшие лужи, из которых суетливые воробьи пили воду. На рейде после ухода эскадры было почти пусто. Издалека доносились глухие звуки орудийных выстрелов.

Звонарев кликнул служанку, которая уже приготовила таз с водой для умывания. Прапорщик, отфыркиваясь, торопливо умывался. Куинсан, хитренько улыбаясь рас-

косыми глазками, быстро болтала на русско-китайском диалекте.

— Моя ходи море, смотри, Рива жди. Нет Рива, нет Андруша. Моя плакай хоти. Сережа, Варя гуляй. Куинсан скучай.

— Ты это откуда узнала о Варе? — вскинулся Звонарев.

— Моя все о Сереже знай. Моя смотри, слушай и понимай. Сережа Варя люби, Рива нет.

— Ничего ты не понимаешь, милое дитя природы! Подавай-ка лучше завтрак.

Куинсан скрылась. Одевшись, Звонарев вышел в столовую. Пока он завтракал, служанка все время вертелась около него, то и дело игриво посмеиваясь и строя ему глазки.

«Она и впрямь недурна», — пригляделся Звонарев к желто-розовой грациозной девушке и тут только заметил сложную прическу на ее голове, с массой черепаховых гребней различной формы, новенькое шелковое кимоно и лакированные туфли на крошечных ножках.

— Не ожидаешь ли ты, Куинсан, сегодня жениха, что так принарядилась? — улыбнулся прапорщик.

— Моя жених нет. Моя Сережа люби.— И, прыснув от смеха, Куинсан, закрыв лицо руками, побежала из комнаты. Звонарев весело захохотал.

Собираясь уходить, Звонарев взял свой туго набитый планами портфель, оставленный им с вечера на диване в гостиной. Он был не совсем плотно закрыт. Это удивило прапорщика, и он проверил, все ли в нем на месте. Убедившись, что ничего не пропало, он сунул портфель под мышку и вышел. Куинсан провожала его до двери.

В штабе Кондратенко Звонарев узнал о возвращении части эскадры в Артур и поспешил за новостями в Артиллерийский городок. Около квартиры Белого он увидел генерала, уже садившегося на коня.

— Наша эскадра потерпела вчера поражение и утром вернулась обратно. Едемте на Золотую гору, там узнаем от моряков все подробности,— предложил Белый.

У сигнальной мачты морского ведомства они застали группу офицеров, во главе с командиром порта Артура адмиралом Григоровичем, и командира находившегося в доке крейсера «Баян» Вирена.

— Витгефт и Матусевич убиты, «Цесаревич» остался на месте боя, и его судьба неизвестна. «Аскольд», «Диана» и «Новик» не то прорвались и ушли во Владивосток, не то

погибли,— вместо приветствия сообщил Григорович Белому.

— А остальные почему вернулись?

— Вследствие сильных повреждений. «Ретвизан» опять получил пробоину, «Полтава» села на корму, «Пересвет» весь избит, на «Севастополе» отказали машины, а «Победа» и «Паллада» не рискнули одни идти на Владивосток.

— Все это, конечно, очень печально,— покрутил Белый свой пышный ус,— но меня несколько утешает то, что пять броненосцев и один крейсер смогут оказать большую помощь обороне крепости своими крупными орудиями. Да и экипажи судов будут немалой поддержкой для пехоты. Большие потери на кораблях?

— Из командиров судов тяжело ранен Бойсман и легко Шенснович. Пять офицеров убиты и около сорока ранены. Около полутораста убитых и раненых матросов. Подробности узнаем позже.

— Андрюша-то жив? — спросил Звонарев у стоящего рядом Сойманова.

— Сейчас справимся на «Севастополе». Вон он подходит вместе с «Палладой» и «Монголией»,— ответил лейтенант.— Справься, какие потери на «Севастополе» среди офицеров,— обернулся он к одному из сигнальщиков.

— Есть! — И матрос замахал флагами.

Звонарев перенес бинокль на идущую за боевыми кораблями «Монголию». На палубе толпились пассажиры, среди них было много женщин и детей, глядевших на давно надоевшие артурские виды. Кое-кто утирал платком глаза. Возвращение в осажденный и беспрестанно обстреливаемый город мало кого радовало. Изредка мелькало сестринское платье. Ривы не было видно.

— На «Севастополе» все благополучно. Убитых нет, ранено три матроса, и то легко,— доложил сигнальщик.

«Значит, Акинфиев цел, надо будет ему на днях нанести визит»,— подумал Звонарев.

Вскоре он простился с Белым и направился на Электрический Утес.

Обогнув Золотую гору, прапорщик еще издали разглядел, что около орудий батарей возились солдаты в белых летних рубахах. Тут же были видны домкраты для подъема орудий, пучки канатов и блоки полиспастов. На склонах Золотой горы солдаты пололи огороды. На берегу моря несколько артиллеристов тащили сети. Далеко на горизонте маячили небольшие японские суда. Несмот-

ря на ранний утренний час, солнце пекло немилосердно.

Звонарев, вытирая платком мокрый лоб, не спеша добрался до Утеса, сдал около конюшни лошадь и пошел к орудиям. Среди солдат он тотчас заметил богатырскую фигуру Борейко.

— А, Сережа! Каким ветром занесло тебя к нам? — приветствовал его поручик.— Проштрафился, что ли, что тебя изгнали из высшего общества, или надоело быть генеральским прихвостнем?

— Никогда им не был, а в данный момент офицеры нужнее в строю, чем в штабах.

— Ладно! Мы тебе сейчас же найдем дело. Поможешь мне так переоборудовать батарею, чтобы орудия имели круговой обстрел.

— Жуковский где?

— Верно, в канцелярии. Он все с желудком мается. Из-за этого и ушел с батареи литера Б. Белый решил всю нашу роту вернуть на Утес для скорейшей переделки батарей. Пошевеливайся, черти! — крикнул Борейко работавшим, рубахи которых и без того промокли от пота.

Звонарев пошел в канцелярию, на ходу здороваясь со встречными солдатами.

— Вы, вашбродь, насовсем до нас или только в гости? — спросил прапорщика Блохин.

Солдат сильно загорел и поправился. Звонарев даже не сразу узнал его.

— Да, совсем. Будем теперь вместе воевать. Ты чем сейчас занимаешься?

— Бонбардир-лабораторист. Приставлен перезаряжать снаряды. Заменяем в них порох пироксилином и мелинитом.

— В гору, значит, пошел, бомбардира получил? Пить-то бросил?

— По малости бывает,— смущенно ответил солдат.

— Весьма рад вас видеть, Сергей Владимирович,— поднялся навстречу прапорщику Жуковский.— Надолго ли к нам заглянули?

— Я откомандирован обратно в строй.

— Прекрасно! Коль скоро вы опять наш, я вам и поручу заниматься переоборудованием батареи. Это по вашей инженерной части. А то все неможется мне.— И он провел рукой по своему исхудавшему, плохо бритому лицу.— Что новенького и хорошенького принесли нам?

— Новость только одна: эскадра вернулась сильно потрепанная. Витгефт убит. Подробностей я не знаю.

— Это мы сами видели. Не везет нашим морякам.

Погибли Макаров, Витгефт, остался ничтожный Ухтомский. С продовольствием все хуже. Едва началась тесная блокада, а уже вводятся два постных дня в неделю.

— Нашей-то роте голод не грозит.

— Коли у других ничего не будет, все равно придется делиться своими запасами и самим голодать.

— Пусть Стессель и Белый отдадут своих коров и свиней.

— Для гарнизона это капля в море. Кроме того, Белый передал своих коров и свиней тому госпиталю, где работают его дочери.

Когда офицеры собрались, Жуковский объявил им о назначении прапорщика.

— Без вас я заведовал электрической станцией, там вечные неполадки, а я в этом деле не очень разбираюсь и прошу помочь мне,— обратился Гудима к Звонареву.

— С удовольствием, даже приму от вас совсем,— ответил прапорщик.

Жуковский согласился с этим предложением.

На дворе раздался сигнал к обеду. Солдаты, оставив работу, пошли к умывальникам, а затем собрались под навесом, служившим столовой.

Жуковский с офицерами пришел в столовую и, попробовав пищу, приказал петь молитву.

— Садись! — скомандовал капитан, когда пение было окончено.

— Проголодались люди,— подошел к Жуковскому Борейко.— С пяти часов ничего не ели, а утром вся еда — кипяток да хлеб. У нас есть почти сто пудов сэкономленной гречневой крупы. Если на завтрак давать хотя бы по десять золотников на человека, то ее нам хватит на полгода. За это время Артур будет или освобожден, или взят.

— Предложение дельное. Я поговорю с генералом.

— Упаси вас бог! Мигом прикажет сдать все излишки,— замахал руками поручик.

— Ну да бог с ним,— после минутного раздумья решился командир.— Семь бед — один ответ. Валяйте!

— Заяц, сюда! — рявкнул на всю столовую Борейко.— С завтрашнего дня будешь к утру готовить кашу-размазню да приправлять ее маслом.

— Слушаюсь. Сразу сытей солдатскому брюху будет.

— У нас, кажется, люди пока не голодают,— заметил Звонарев, вглядываясь в загорелые, упитанные лица солдат.

— Где воруют, там солдаты худые и голодные. Много,

Заяц, крадешь? — вдруг обернулся Борейко к артельщику.— Тимофеич! — подозвал он взводного Родионова.

Фейерверкер степенной походкой подошел к офицеру и взял под козырек.

— Жирен что-то Заяц больно стал.

— Они летом всегда жиру набираются. Об осень русак самый толстый бывает,— шутливо ответил Тимофеич.— Кроме того, сейчас все на хороших харчах раздобрели!

— Ладно! Верю, но глаз с тебя все же не буду спускать,— предупредил Борейко и отпустил артельщика.

Офицеры отправились к себе во флигель. Звонарев несколько поотстал. Проходя мимо домика фельдфебеля, он увидел жену фельдфебеля, старуху Саввичну, стиравшую в корыте белье. Поздоровавшись с ней, прапорщик справился, как она живет.

— И, какое тут житье, коль сраму не оберешься,— печально ответила старуха и смахнула с глаз навернувшуюся слезу.

Не понимая, в чем дело, Звонарев смутился и поспешил отойти.

Обедали, как и прежде, в столовой Жуковского. На хозяйском месте прапорщик, к своему удивлению, увидел Шуру Назаренко, одетую в дорогое шелковое кимоно, с перламутровыми гребнями в волосах. При появлении Звонарева девушка густо покраснела и застенчиво протянула ему руку, украшенную браслетом.

Звонарев был удивлен и озадачен, но из деликатности не решился спросить объяснения, стараясь догадаться сам. «Но что могло толкнуть на такой шаг скромную, застенчивую Шуру?» — задавал себе вопрос прапорщик.

Обед прошел довольно натянуто, и все облегченно вздохнули, когда трапеза была окончена. Звонарев зашел к Борейко.

— Давно это случилось с Шурой? — спросил он.

— Черт их знает, когда они успели снюхаться. А переехала Шурка к нему с неделю. За такие художества я бы Гудиму привлек к офицерскому суду,— хмуро и сурово говорил поручик, шагая по комнате.— Может, твоя амазонка сумеет повлиять на Шурку?

— Хорошо. При встрече скажу. Сам-то ты не пробовал говорить с Шурой?

— Я мужчина, а это дело женское, деликатное.

После обеденного перерыва оба друга направились на батарею. Солдаты толпились у орудий, которые были уже направлены в сторону сухопутной обороны. Сделать это

можно было лишь при помощи примитивных домкратов и полиспастов, так что центр тяжести всех усилий ложился на живую мускульную силу солдат. Каждый из взводов должен был переставить по одной пушке. Такая постановка дела очень заинтересовала солдат. Они усиленно обсуждали подробности предстоящих работ. Когда офицеры подошли к батарее, их встретили взводные.

— Мы, вашбродь, решили между собой пойти на спор — кто свою пушку раньше на новое место поставит,— проговорил Родионов.

— На что же вы об заклад бьетесь? — справился поручик.

— Да ни на что! Кто проиграет, тот на себе повезет победителей в казармы,— ответил Лепехин.

— Я же от себя выставляю победившему взводу ведро водки, чтобы не всухую ездить вам верхом,— заявил Борейко.

— Покорнейше благодарим! — откозыряли солдаты и поспешили к своим орудиям.

— Выпьет, значит, первый взвод! — уверенно проговорил Родионов.

— Это еще вилами на воде писано.

— Ты бери первый взвод, я возьму второй, а Гудиме дадим третий и будем состязаться. Хочешь? — предложил Борейко Звонареву.

— Пойдет ли на это Жуковский?

— Поговорим и сегодня же вечером приступим к работе. Только ты к ночи дай на батарею свет.

Узнав о предложении Борейко, Жуковский выразил желание сам принять участие и руководить третьим взводом.

Известие, что и офицеры будут участвовать в состязании, взбудоражило всех солдат.

— Изменил нам чертов Медведь,— возмущался первый взвод.— К начетчикам перебежал, а нам прапора подсунул.

— Держитесь теперь! Мы с Медведем покажем вам кузькину мать! — радовался Лепехин.

Третий взвод был польщен, что с ними сам командир роты, но особой уверенности в успехе у солдат все же не было.

— Медведь один пушку поднимает, а у нас командир совсем хворый. Больше в креслах сидит да в книжке читает.

Звонарев собрал к себе солдат, чтобы вместе обсудить план работы. Как всегда, он не столько распоряжался,

сколько советовался с ними. Родионов, Кошелев и числящийся в первом взводе матрос-сигнальщик Денисенко помогли распределить работу между людьми. Прапорщик объяснял, как лучше использовать механизмы.

Вскоре работа закипела.

Борейко, ругаясь и смеясь над неповоротливостью своих бородачей, орудовал рядом. Жуковский, по обыкновению, неторопливо, спокойно руководил работами третьего взвода. Люди деловито возились у орудия.

Лебедкин с прожекторной командой спешно налаживал освещение на ночь. Блохин не принимал участия в работах при орудиях, но сильно интересовался ходом состязания, особенно в своем первом взводе.

— Ты за какой взвод держишь, Блоха? — окликнул его Борейко.

— За тот, что выиграет, вашбродь! — бойко ответил солдат.— Тогда наверняка в рот водка попадет!

— Хитрый ты, я вижу! Даже от своего взвода отрекаешься.

— Какая же в нем сила, коль вас в нем нет?

— Если так, держи за второй, где я.

— У этих бородачей вся сила в бороды ушла. Без первого взводу вы, вашбродь, тоже не выдержите.

Борейко весело улыбнулся.

С наступлением темноты был объявлен перерыв на час.

Вечером Жуковский доложил в Управление артиллерии о ходе работ. В ответ было получено распоряжение к концу следующего дня закончить переоборудование батареи.

Ночь выдалась безлунная, звездная. Далеко на севере часто сверкали зарницы. На море было тихо, и белые щупальца прожекторов лениво передвигались по спокойной поверхности воды. Со стороны сухопутного фронта слышались отдельные артиллерийские выстрелы, ружейная и пулеметная трескотня.

Как только было налажено освещение, работы продолжались с прежней энергией. В первом взводе все шло гладко. Во втором взводе было шумнее всего. Не закрывая рта, кричал Борейко, оглушая солдат забористой, но не злобной бранью. В ответ солдаты прыскали со смеху или, боязливо крестясь, поминали «царя Давида и всю кротость его». Но взвод все же отставал в работе от других. В третьем взводе солдаты без суеты двигались около орудий, выполняя точные и ясные распоряжения Жуковского.

До полуночи время пролетело незаметно. Ровно в двенадцать часов Жуковский приказал кончать работы. Люди нехотя пошли в казарму. Первый и второй взводы шли вместе, третий несколько отстал. Солдаты Борейко и Звонарева, заметив это, осыпали насмешками незадачливый взвод Жиганова.

— Цыплят по осени считают,— загадочно ответил за всех сам Жуковский.

— Мы, вашескородие, не цыплят, а водку считаем, которая нам в глотку попадет! — отозвался Блохин.

Вскоре вся рота уже спала крепким сном, только часовые мерно прохаживались по батарее.

На следующее утро Звонарев проспал. Было около шести часов, когда он открыл глаза, работы шли полным ходом.

— Ты почему меня не разбудил? — набросился он на денщика.

— Поручик не приказали,— хитро улыбаясь, ответил солдат.

Прапорщик поспешил на батарею. Подоспел он как раз вовремя. Борейко отбирал у первого взвода подъемные тали. Окружив поручика, солдаты шумели.

— Ваш прапорщик еще спит, а без офицера пушки по закону поднимать не разрешается.

— Тащи тали на место! — распорядился прапорщик, узнав, в чем дело.

Пока первый и второй взводы возились около своих орудий, Жуковский начал поднимать пушку вместе с лафетом на раму.

— Вашбродь, третий взвод через час-другой окончит работу,— встревоженно сообщил Звонареву наводчик Кошелев.

Прапорщик пошел взглянуть на работу соседей. Пушка уже была поднята, оставалось лишь опустить ее на раму и соединить с ней лафет. Было видно, что Жуковский использовал свой большой служебный опыт и обогнал два других взвода.

— Итак, Николай Васильевич, мы с Борейко проиграли пари,— сказал Звонарев, подходя к капитану.

— Я держусь того же мнения. Уже через час я смогу открыть огонь из своего орудия,— ответил Жуковский.

— Это не по правилам,— запротестовал Борейко.— По закону воспрещается поднимать орудия вместе с лафетами.

— Что это вы, Борис Дмитриевич, вдруг законником

стали? На войне нельзя быть таким формалистом,— усмехнулся капитан.

— Я-то формалист? — возмутился Борейко.— Никогда им не был и не буду. Но мог произойти несчастный случай и кого-нибудь придавило бы.

— На войне с опасностью, да еще проблематичной, считаться не приходится, а теперь попрошу съездить в Управление артиллерии доложить об окончании работ, организовать связь Утеса с батареей литера Б и договориться об организации стрельбы.

— Вы бы сами съездили, Николай Васильевич.

— Не люблю разговаривать с начальством. Связь я поручаю Сергею Владимировичу, а артиллерийскую часть вам, Борис Дмитриевич.

Когда третий взвод закончил работу, солдаты бросились качать Жуковского и хотели было отнести его на руках к квартире, но Борейко отстранил их и подставил капитану свою спину.

— Садитесь, Николай Васильевич, мигом домчу до дому.

— Что вы, бог с вами, Борис Дмитриевич! — запротестовал капитан.

— Раз мы проиграли, то должны, по условию, везти третий взвод на себе. Жиганов, садись на Родионова, а остальные кто на кого хочет! — крикнул Борейко.

Солдаты кинулись седлать друг друга. Звонарев подсадил Жуковского, и вся кавалькада, под общий смех и улюлюканье, двинулась с батареи, благо было обеденное время.

Борейко и Звонарев уехали в город. Слева развертывалось безбрежное море, где все было тихо и мирно, только на горизонте маячили японские миноносцы, стерегущие Артур, да у берега взад и вперед двигались тральщики, вылавливая мины. Зато в Старом городе все было затянуто облаками дыма и пыли, сквозь которые виднелись взблески огня — шла бомбардировка. Над всем этим стоял сплошной гул, напоминающий раскаты грома. Улицы казались вымершими, нигде не было видно ни одного человека, лишь изредка проносились вскачь рикши или извозчик с раненым, подобранным на улице. Но вот, перекрывая все звуки, рявкнули двенадцатидюймовки со стоящих на рейде броненосцев, посылая свои снаряды в далекий японский тыл.

В Управлении артиллерии офицерам пришлось подробно рассказать о работе, проведенной на батарее.

В это время адъютант доложил о приходе Бутусова. Генерал тотчас его принял.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство, что зловредная батарея обнаружена моими разведчиками-китайцами. Вот схема расположения японских осадных батарей. Разыскиваемая нами батарея расположена за одной из сопок в районе деревни Шулинмин. Нанес ее на схему я со слов китайца. Кстати: из трех разведчиков-китайцев вернулся лишь один. Другого поймали японцы и отрубили ему голову. Третий погиб в перестрелке. Надо бы осиротевшим семьям выдать хотя временное пособие, а после войны назначить пенсию: ведь китайцы погибли на нашей службе и сделали большое дело. Эта помощь очень поощрит их сородичей. Они с охотой будут помогать нам, работая как разведчики в японском тылу.

— Стессель никогда не пойдет на это. Он считает, что лучшей наградой китайцам за их работу является виселица,— ответил генерал.

— Необходимо сначала проверить правильность полученных сведений, а затем уже награждать китайцев,— возразил Тахателов.

— Поручаю это дело вам. Свяжитесь с моряками и попробуйте проверить, что возможно, из доставленных китайцами сведений. Если они подтвердятся, то и представим к награде, а не выйдет это, выдадим сами денежные премии из наших экономических сумм,— обернулся к Тахателову генерал.

— Слушаюсь. Немедленно займусь им,— ответил полковник.

— А как же быть с семьями погибших? — напомнил Бутусов.

— Пока придется прибегнуть к частной благотворительности. Прошу принять от меня четвертной,— протянул Бутусову деньги генерал.

Тахателов и Звонарев тоже раскошелились. Всего собрали около ста рублей, которые Бутусов и взялся передать семьям погибших.

Хотя самих батарей обнаружить не удалось, но после обстрела указанного китайцем района зловредная батарея навсегда прекратила стрельбу.

После доклада Звонарев вышел на улицу. Здесь он встретил Варю, идущую к дому.

— Неужели вы сейчас из госпиталя? — спросил прапорщик.

— Да, а что?

— Но ведь город засыпается снарядами.

— Я сегодня отвозила больных моряков в морской госпиталь. Что нового на Утесе? Что поделывает Шурка Назаренко?

Звонарев вспомнил свой разговор с Борейко.

— Справляет свой медовый месяц.

— Вышла-таки за своего писаря! А сама уверяла меня, что скорее в петлю полезет, чем пойдет за него.

— Она вышла не за писаря.

— А за кого же? Уж не за вас ли, часом? Вы ей всегда нравились, сколько я ее ни уверяла, что из вас выйдет такой же муж, как из меня придворная фрейлина.

— Быть может, вы со временем и будете ею, героиня порт-артурской обороны.

— Кто же стал Шуркиным мужем?

— Гудима.

— Как Гудима? Я об этом ничего не слыхала. Когда была свадьба, в какой церкви, кто венчал? Расскажите все подробнее. Вы, конечно, были шафером?

— Венчались они вокруг ракитового куста, а когда — точно мне не известно.

— Не смейте говорить гадости! — сказала, краснея, Варя.

— Увы! Это печальная правда.

Варя с удивлением и испугом посмотрела на Звонарева.

— Я завтра же заеду к ней и выругаю как следует и заставлю вернуться домой.

— Но честь вы ей не вернете.

— Гудима, по-моему, поступил подло. Я это ему прямо скажу.

— Пожалуй, тогда вам будет лучше не приезжать к нам. Кроме неприятностей Шуре, ваше посещение не принесет ничего.

— Скандалить-то буду я, а не вы, поэтому вам и беспокоиться не о чем.— И Варя, тряхнув руку Звонарева, пошла домой.

Наступившие сумерки вынудили Белого отложить стрельбу до утра. Сообщив об этом по телефону Жуковскому, друзья решили использовать вечер для посещения Ривы, у которой они надеялись узнать подробности минувшего эскадренного боя.

Как только прекратилась бомбардировка, на улицы высыпали толпы народа. Открылись магазины, на «Этажерке» появились первые гуляющие, и вскоре бульвар заполнился публикой. Военный оркестр грянул бравурный марш, и жизнь забила ключом.

Борейко и Звонарев неторопливо шли вдоль набережной. К пристани то и дело подходили шлюпки военных судов. Раздушенные, все в белом, моряки направлялись к «Этажерке». Едва они появились там, как услышали по своему адресу свистки и громкую брань фланирующих по аллеям стрелков.

— Достукались наши моряки, что им нельзя даже показаться в городе,— бросил Борейко.— Я уверен, что, командуй броненосцами лейтенанты, наверняка хотя бы часть эскадры прорвалась во Владивосток... Не зайти ли нам по дороге в Пушкинскую школу за учительницами? — предложил вдруг он.

— Это совсем нам не по дороге. Скажи прямо, Боря, что тебе хочется повидать маленькую Олю.

— Я буду очень опечален, если с ней что-нибудь случилось.

— Собираешься жениться на ней?

— Кто же пойдет за такого пьяницу, как я... Так зайдем?

— Ладно.

Приятели свернули на Пушкинскую улицу. В двух-трех местах им пришлось сходить с тротуара, обходя поврежденные бомбардировкой здания, но школа не пострадала. Только каменная садовая изгородь в одном месте была разрушена да осколки повредили несколько деревьев. Навстречу им вышла маленькая жизнерадостная Оля Селенина.

— Никак, сам господин Топтыгин пожаловал к нам со своим другом! — приветствовала она гостей.— Пожалуйте в фанзу.

Офицеры последовали за ней. Здесь они застали Марию Петровну и Лелю Лобину. Гостей пригласили присесть.

— Мы к вам мимоходом по пути к Риве. Идемте вместе,— предложил Борейко.

Девушки вопросительно посмотрели на Желтову.

— Идите, а я дома посижу! — отпустила их Мария Петровна.

Обе учительницы бросились обнимать ее и убежали одеваться.

— Вас сильно сегодня обстреляли? — спросил Звонарев.

— Мы укрылись в погребе, но все же было довольно страшно.

— Почему вам не выстроят блиндаж?

— Мы люди маленькие, о нас и не помнят. Зато не-

подалеку отсюда, у Стесселя, строят гигантский блиндаж для скота.

Вскоре вернулись обе учительницы в сопровождении Стаха. Он еще сильно прихрамывал и передвигался, опираясь на палочку.

— Здорово, артиллеристы! — приветствовал он гостей.— Как воюете?

— В резерве сидим на Утесе и ждем у моря погоды. А ты как живешь?

— Раны почти закрылись! Мой командир полка Савицкий так обо мне соскучился, что прислал комиссию для освидетельствования моего здоровья. Мудрые эскулапы нашли, что я уже почти поправился.

— Подумайте, старший полковой врач заявил, что в строю Стаху не придется танцевать, а ходить можно и потихоньку,— возмущалась Лобина.

— Особенно в атаку! — усмехнулся Звонарев.

Простившись с Желтовой, все тронулись в путь. Впереди шли Енджеевский с Лелей, за ним Звонарев с Олей, а сзади тяжело выступал Борейко.

Подходя к домику Ривы, они еще издали услышали доносившееся через открытые окна пение.

— Наши аргонавты, очевидно, благополучно вернулись,— заметила Леля,— вот мы и узнаем все подробности морского боя.

Соловьем залетным юность пролетела,
Волной в непогоду радость прошумела,—

неслось из окна.

Время золотое было да сокрылось,
Сила молодая с телом износилась,—

подхватила подошедшая компания дружным хором.

Из окна выглянула Рива.

— Андрюша, к нам идут,— проговорила она, обернувшись в комнату.

Пение в комнате прекратилось, но на улице продолжалось с прежней силой:

Без любви, без счастья по миру скитаюсь,
Разойдусь с бедою, с горем повстречаюсь.

Особенно выделялись сильное сопрано Оли и мягкий, приглушенный бас Борейко.

Хозяева, вышедшие на крыльцо встречать гостей, зааплодировали.

— Живы и целы; значит, все в порядке,— проговорил поручик.

Девушки целовались, мужчины жали друг другу руки.

— Ну, рассказывай поскорее все, что с вами приключилось,— попросила Оля, когда все вошли в комнаты и уселись.

— Если бы вы знали, что я перечувствовала за все время боя! При каждом взрыве на «Севастополе» я была готова упасть в обморок от страха за Андрюшу. Нет, больше я в бою участвовать не хочу! — закончила Рива свое повествование.— Обрадовалась Артуру, как родной Одессе!

— Но почему же, собственно, эскадра вернулась обратно? — спросил Стах.

— По различным причинам,— ответил Акинфиев.— Во всем виноват Ухтомский. Он, вместо того чтобы с наступлением темноты собрать эскадру и попытаться еще раз идти во Владивосток, первый ринулся в Артур, а за ним и остальные.

— Но Эссен почему не попробовал прорваться с «Севастополем»? — заметил Звонарев.

— У нас стала правая машина, и мы потеряли ход. Идти дальше не могли. Как Эссен ни ругался, ничего поделать было нельзя.

— А «Ретвизан», «Полтава» и другие?

— На «Ретвизане» уже при выходе имелась пробоина в носу, а когда он бросился на японцев, то получил вторую пробоину в носовой части и принял через нее столько воды, что стал зарываться на ходу. Вполне естественно, что Шенснович заторопился в Артур. У «Полтавы» была разворочена корма и плохо действовал руль.

— В каком же состоянии был «Пересвет», что Ухтомский повернул в Артур? — продолжал допрашивать Стах.

— Злые языки говорят, что «Пересветом» командовал Бойсман, им самим командовал Ухтомский, а князем командовал целый триумвират женщин — его жена, Карцева и Непенина. Есть японская пословица, что если на корабле несколько капитанов, то он наверняка не придет в порт по назначению. Так случилось и тут. «Пересвет» в бою не получил серьезных повреждений, так же как и «Победа» и «Паллада». Все они могли продолжать путь во Владивосток.

— Струсили, что ли? — спросила Оля.

— Cherchez la femme, Ольга Семеновна. На «Победе» и «Палладе», возможно, тоже были дамы. Они то и дело падали от страха в обморок. Зацаренный с Сарнавским

вместо командования кораблями были заняты приведением их в чувство,— улыбнулся Акинфиев.

— Все зло всегда проистекает от женщин,— назидательно заметил Борейко.— Крепко намотай это себе на ус, Сережа, и берегись своей амазонки.

Женщины бурно запротестовали.

— Без нас вы, мужчины, никуда не годитесь,— сказала Рива.— Посмотрите на Стаха: человеком стал, как женился на Леле. Раньше ходил замурзанный и грязный; когда ел, когда не ел, а теперь все у него в порядке.

Разговор принял шутливый характер. Зажгли свет, закрыли окна и уселись за ужин.

— Что же вы, горе-мореплаватели, собираетесь теперь делать? — поинтересовался Борейко.

— Эссен думает, что Ухтомского отставят от командования. Тогда, быть может, наша эскадра еще раз попытает счастья в бою.

— А пока вас перепишут в морскую пехоту или в крепостную артиллерию,— заметил Борейко.

— Андрюшу уже назначили на Ляотешань командовать батареей,— сообщила Рива.

— Это только временно.

— До тех пор, пока ты не поправишься. Ляотешань сейчас самое тихое место в Артуре. Снаряды с сухого пути не долетают, с моря туда не стреляют. Спокойно, чистый воздух,— одним словом, настоящий санаторий,— проговорила Леля.

— Ты, Рива, с ним туда не поедешь? — спросила Оля.

— Меня не пустят.

— Значит, на время вы превратитесь в соломенную вдовушку? — хитро подмигнул Борейко.

— Не подкатывайтесь к ней, все равно она на вас и смотреть не хочет,— горячо отозвалась Оля, вызвав общий смех.

— Наш милый Медведь, кажется, попал на веревочку,— мягко улыбнулась Рива.

— Едва ли найдется женщина, которая заинтересовалась бы мной,— вздохнул поручик, украдкой взглянув на Олю.

— Женщина не женщина, а некий комарик проявляет к тебе большой интерес! — засмеялся Стах.

— Смерть боюсь я их! Жалит куда хочет, а его не поймаешь.

— Ведите себя как следует, так никто вас жалить не будет,— заметила Леля.— Ну, нам пора домой, а то мой

благоверный совсем устал,— погладила она по голове Стаха.

Гости стали прощаться. Куинсан, которая все время вертелась в столовой, кокетливо послала им вдогонку воздушный поцелуй.

— Кому это ты? — спросила Рива.

— Сережа! — И, фыркнув, убежала.

— Ай да Сергей Владимирович! Он, оказывается, без нас тут время даром не терял,— захохотал Акинфиев.

Звонарев сконфуженно пытался объяснить, в чем дело, но его никто не слушал.

— Не сносить тебе головы, если об этом проведает Варя,— предупреждал шутливо Борейко, еще более смущая прапорщика.

Проводив учительниц до Пушкинской школы, артиллеристы пошли к себе на Утес.

Как только Андрюша и Рива отправились на покой, Куинсан вышла из дому и быстро побежала на окраину города в небольшую полуразрушенную фанзу, где застала старого нищего. Она коротко передала ему подслушанные в столовой сведения о состоянии русских судов после боя двадцать восьмого июля, а также их намерения еще раз выйти в море. Выслушав ее, нищий поднес ей хризантему и попытался было обнять, но Куинсан со смехом увернулась и убежала.

На следующее утро Звонарев отправился к адмиралу Григоровичу за телефонным кабелем. Узнав, в чем дело, адмирал тут же написал приказание о выдаче требуемого материала.

Простившись с Григоровичем, прапорщик вернулся на Утес. Первое, что он услышал, подходя к своему крыльцу, был громкий голос Вари, доносившийся из открытого окна комнаты Гудимы.

— Одумайся! Вернись домой,— уговаривала она Шурку Назаренко.

Ответа Звонарев не расслышал.

Когда через четверть часа прапорщик вышел из своей комнаты, он застал в столовой Шурку, рыдающую на плече Вари, и возмущенного Гудиму.

— Это совершенно вас не касается, мадемуазель. Раз навсегда попрошу вас не вмешиваться не в свое дело.

— Шура — моя подруга, и я считаю ваш поступок по отношению к ней мерзким! — ответила Варя.

— Вы невоспитанная и грубая девчонка! Сегодня же

напишу обо всем вашему отцу и попрошу, чтобы он запретил вам появляться на Утесе! — угрожал взбешенный офицер.

— Пойдемте в комнату, Александр Алексеевич,— тащила Шура своего возлюбленного.

Варя с победным видом вышла на крыльцо.

— Как видите, я умею постоять не только за себя, но и за своих друзей,— хвасталась она Звонареву.

— Едва ли ваши действия будут одобрены дома.

— Что влетит мне — я знаю, но это не впервой,— тряхнула головой девушка.

Белый, узнав о жалобе Гудимы, запретил дочери бывать на каких бы то ни было батареях. Затем он написал Гудиме письмо, в котором, извиняясь за дочь, резко указал ему на неблаговидность его поведения в отношении Шуры Назаренко.

На следующий день на Утесе появились незваные гости: военно-санитарный инспектор крепости доктор Субботин в сопровождении нескольких врачей и интендантов. Жуковский справился о цели их прибытия на батарею.

— Здесь будет устроен лазарет для слабосильных и выздоравливающих после ранений солдат,— ответил Субботин.

— Без ведома Управления артиллерии я вас допустить не могу.

— Вы забываете, капитан, что я почти генерал по своему положению,— показал на свои погоны Субботин.

— Генерал от дизентерии,— пробурчал подошедший Борейко.

— Кроме того, есть сведения, что у вас имеются излишки продовольствия, не учтенного интендантством. Мне приказано осмотреть ваши склады и погреба,— вмешался интендантский чиновник.

— Без прямого приказа от генерала Белого я вам ничего не покажу,— сразу взволновался Борейко.

Спор был прекращен приказанием батарее немедленно открыть огонь по сухопутным целям.

— К орудиям! Цель номер тринадцать! — гаркнул Борейко во всю силу своих легких.

Солдаты и офицеры бросились по своим местам. Субботин со свитой хотели было обождать конца стрельбы, но грохот первого же залпа заставил их спешно ретироваться.

По окончании стрельбы Борейко подозвал артельщика, каптенармуса и объявил им о намерении интендантства отобрать продовольствие.

— Не имеют никаких правов этого делать! — вмешался подошедший Блохин.— Мы его так заховаем, что они ни во век его не найдут. Нароем ямы и зацементируем сверху.

Пока Борейко орудовал с солдатами, Жуковский вел дипломатические переговоры с Управлением артиллерии. Белый предложил капитану действовать по своему усмотрению.

— Я об этом ничего не знаю! — ответил он, давая понять, что не хочет вмешиваться в это дело.

Когда разговор кончился, к капитану подошел Борейко.

— Могут приходить искать. Три года будут шарить и ничего не найдут,— объявил он.

На следующий день Субботин снова появился на Утесе. Для подкрепления своего авторитета он пригласил с собой главного инспектора военных госпиталей Квантунской области генерала Церпицкого. Хотя территория Квантуна уже свелась до размеров крепости, Церпицкий продолжал оставаться в своей, ставшей мифической, должности. Одно время Стессель назначил было его командиром второй бригады в дивизию Кондратенко. Но в первом же бою на перевалах генерал проявил такую «слабонервность», что его немедленно отчислили на прежнюю должность.

Небольшого роста, толстенький, краснолицый, в золотых очках, он производил впечатление добродушного любителя поесть и послушать скабрезные анекдоты. Рядом с ним шествовал высокий, сухопарый, почти совсем седой Субботин с обычной брезгливой миной на лице. За начальством шли врачи и интендантские чиновники.

Стоял солнечный жаркий день. Церпицкий вытирал платком потную физиономию и лысеющую голову.

— Нельзя ли у вас достать стакан воды? — обратился он к Жуковскому.

— Разрешите вам предложить нашего хлебного квасу.

Генерал согласился. Холодный, прямо с погреба, душистый, пенистый квас привел Церпицкого в восторг.

— Судя по квасу, можно думать, что у вас хорошо кормят солдат, капитан! — обернулся он к Жуковскому.

— Это и не мудрено, если тратить на продовольствие много больше положенного от казны,— вступился интендант.

— Это надо еще доказать,— вмешался Борейко,— Зря языком трепать нечего.

— И докажу! — вспылил интендант.

Затем интендант с Борейко направились к погребу, а Церпицкий с медиками пошел в казарму. Бегло осмотрев ее, генерал особенно заинтересовался кухней. Он потребовал пробную порцию обеда. Ботвинья из свежей рыбы и рассыпчатая, сваренная на пару, рисовая каша весьма пришлись ему по вкусу. Приятно улыбаясь, Церпицкий долго смаковал пищу, проявив прекрасный аппетит. Затем он заглянул в казарму и, предложив врачам детально осмотреть ее и определить пригодность для размещения в ней лазарета, отбыл вместе с Субботиным.

Между тем Борейко с интендантом производил тщательный учет запасов в погребе. Излишков почти не оказалось, но это только усилило подозрение интенданта.

— Успели спрятать! — прямо заявил он поручику.

— Все, что найдете, будет ваше,— ответил поручик.

Выйдя из погреба и осмотревшись, чиновник прямо направился к месту, где была зарыта картошка. Внешне яма была так тщательно замаскирована, что, стоя даже рядом, невозможно было ее заметить. Стало очевидно, что кто-то указал интенданту это место.

— Прошу раскопать в этом месте, быть может, и найдем какой-либо клад! — насмешливо проговорил чиновник, заранее предвкушая свое торжество.

Борейко невозмутимо приказал Блохину и еще трем солдатам взять лопаты.

Солдаты принялись за рытье. Сняв верхний слой земли, они натолкнулись на скалу и, как ни долбили ее кирками и лопатами, ничего не могли сделать.

— Сплошной камень. Я надеюсь, что вы удовлетворены? — спросил Борейко у чиновника.

— Не совсем! — И он попытался сам копать. Но скала не поддавалась, и чиновник со вздохом сожаления отошел в сторону.

— Какая-то стерва указала место ямы! Блоха, разузнаешь кто и доложишь мне,— сердито говорил Борейко, направляясь в казарму.

— Не зря, значит, мы вчера разжились у моряков цементом. Недаром они уверяли, что он враз схватывается и через час его и ломом не пробьешь. На кораблях им заделывают мелкие пробоины,— проговорил наводчик Кошелев.

— Но как мы потом сами доберемся до картошки? — усомнился Борейко.

 — Не извольте беспокоиться, вашбродь. До своей

картошки, да не добраться? Не могет того быть. Буркой взорвем, а достанем,— успокоил Блохин.

Пока интендант тщетно пытался обнаружить скрытые запасы, врачи обсуждали возможность превращения казармы в лазарет.

— Работы по переоборудованию мы сможем произвести сами. У нас есть инженер, только укажите, что и как надо делать,— пояснил Жуковский.

— Кто имеется у вас из медицинского персонала?

— Ротный фельдшер и добровольная сестра Назаренко,— сообщил Жуковский.

— Пришлем еще одну сестру — и хватит,— обрадовались эскулапы.— Можно двигаться и домой. Как у вас дела, господин кладоискатель? Может, присоединитесь к нам? — спросили у подошедшего интенданта.

— Придется приехать в другой раз! По-видимому, все вывезено с батареи в потайное место,— сумрачно отозвался чиновник.

— Приезжайте хоть сто раз, ничего не сыщите! — усмехнулся Борейко.

После отъезда генерала и врачей Жуковский вызвал к себе Назаренко и спросил его напрямки, не он ли сообщил об излишках продовольствия на Утесе.

— Я себе, вашскродие, не враг! Сам из солдатского котла харчуюсь,— даже обиделся фельдфебель.

— Разыщи кто и доложи мне,— распорядился капитан.

Прошел день, другой, а виновный не находился.

Борейко ругал солдат и требовал найти доносчика во что бы то ни стало.

Наконец Родионов доложил, что донес интендантам писарь Пахомов.

— После службы он метит в жандармы, вот теперь и практикуется,— пояснил он.

— Я с ним расправлюсь сегодня же,— объявил поручик.

— Не стоит вам, вашбродь, об него руки марать. Мы сами тишком да миром накажем его так, что всю жизнь помнить будет.

— Чур, только не до смерти,— предостерег Борейко.— А то начнутся суды да пересуды, и командиру роты и мне может нагореть.

В ту же ночь писаря подкараулили, когда он вышел на двор, и устроили ему темную. Борейко сквозь сон слышал приглушенные крики и сопение, но вмешиваться не стал. Наутро, избитый до потери сознания, с переломан-

ными ребрами, Пахомов был отправлен в госпиталь, где провалялся больше месяца, но не посмел ничего рассказать о случившемся с ним происшествии.

На Утес неожиданно приехала Рива. Сойдя с линейки, она сняла свои два чемодана и беспомощно стала озираться вокруг.

— Зачем изволили к нам пожаловать, сударыня? — окликнул ее из окна Жуковский.

— Нельзя ли видеть Борейко или Звонарева? Я назначена сюда сестрой.

— Милости просим, сестрица,— приветливо проговорил капитан, выходя на крыльцо.— Позвольте, я поднесу ваши чемоданы.— И он ввел Риву в свою квартиру.— Я сейчас прикажу позвать поручика и прапорщика. Простите, не знаю вашей фамилии, сестрица.

— Блюм.

— Капитан Николай Васильевич Жуковский.

— Очень рада познакомиться.— И они обменялись рукопожатием.

— Ривочка, каким ветром занесло вас сюда? — спросил вошедший Борейко.

— Я назначена на Утес в лазарет для слабосильных, только я ничего здесь не знаю.

— Мы немедленно прикомандируем к вам Сергея Владимировича, он все покажет и расскажет,— улыбнулся Жуковский.

— Он и без этого станет около Ривочки на мертвые якоря,— заметил Борейко.

— Не смейте обижать Сережу, он славный мальчик и никогда ничего лишнего себе не позволит.

Вскоре появился и обрадованный Звонарев.

— Переселяйся-ка, брат, из своей комнаты ко мне. Она нужна Ривочке,— встретил его Борейко.

Появление Ривы на Утесе внесло оживление в жизнь батареи. Звонарев под различными предлогами целый день «советовался» с ней. Борейко подсмеивался над Акинфиевым, предсказывая появление у него неких костных новообразований на голове.

Жуковский целыми вечерами рассказывал ей о своей семье. Гудима усиленно подкручивал усы. Даже Чиж пытался быть элегантным кавалером, но успеха не имел. Шура, вначале стеснявшаяся присутствия Ривы, быстро сдружилась с ней. Солдаты на батарее — и те гадали, кто завоюет благосклонность Ривы.

— Не иначе, как прапорщик,— он за нею вовсю ухлестывает,— предрекал Лебедкин.

— Нет, ребятки,— вмешивался Блохин,— командир женат, у Гудимы — Шурка, у прапора — Варька, один наш Медведь холостяком ходит. Она ему и достанется, помяните мое слово,— уверял он.

Но поручик продолжал, к великому огорчению Блохина, относиться к Риве с чисто дружеской иронией.

Вечером, в день приезда Ривы, Борейко собрал солдат и организовал хоровое пение. В тихом вечернем воздухе понеслись стройные звуки мощного мужского хора.

Поручик перекрывал всех своим могучим басом. На небе мерцали по-южному яркие звезды. В воздухе проносились блестящими точками летающие светлячки, с берега доносился извечный шум прибоя, да по темной поверхности моря ползали бледные щупальца прожекторов. И над всем этим лилась широкая русская песня...

Из-за гор глухо доносилась отдаленная стрельба. Рива сидела как зачарованная рядом с Жуковским.

— Часто у вас бывают такие прекрасные концерты? — спросила она.

— Почти каждый день. Борис Дмитриевич большой мастак по этой части.

Спокойно текла жизнь на Утесе, и только доносившийся издалека глухой рокот стрельбы да рассказы о бомбардировках города напоминали о войне.

Семнадцатого июля японцы подошли к крепости и, освоившись с позициями, двадцать седьмого июля атаковали русских.

Им удалось занять передовые позиции крепости на восточном участке обороны — хребты Дагушань и Сяогушань. В течение первого и второго августа захватили они на Западном фронте горы Трехголовую и Передовую. Таким образом, к третьему августа на восточном участке они подошли к главной линии обороны и продвинулись по направлению к основным опорным пунктам Западного фронта — горам Высокой, Плоской, Дивизионной и Водопроводному редуту. Все это делало возможным общий штурм крепости.

Утром третьего августа прошел довольно сильный дождь, очистивший и освеживший воздух. На всем фронте было совершенно тихо. Артиллерия молчала, и лишь изредка раздавались одиночные ружейные выстрелы. И русские и японцы усиленно окапывались на своих позициях.

Около десяти часов утра со стороны Волчьих гор

появилась группа японских всадников с большим белым флагом и направилась к передовым позициям крепости. Выехавшему навстречу офицеру они объяснили, что майор японского генерального штаба Ямаоки желает передать генералу Стесселю письмо своего командующего.

— Я прошу вас, господин поручик, немедленно сообщить об этом вашему генералу,— любезно улыбаясь, проговорил майор.

— Сейчас же дам знать о вашем предложении по телефону в штаб крепости. Пока же не откажите в любезности подождать здесь. Я прикажу подать сюда чай и кофе.

Японцы низко кланялись. Вскоре подошли еще офицеры и стрелки, и между недавними врагами завязалась дружеская беседа. В наскоро разбитой палатке сервировали стол.

— Должен огорчить доблестных защитников Артура сообщением о гибели русского крейсера «Рюрик» в морском бою у Корейского пролива первого августа. Русская эскадра, как и в бою под Шантунгом, сражалась с таким исключительным мужеством, что адмирал Того счел нужным довести об этом до сведения нашего императора,— сообщил по-русски Ямаоки.

— А где наши суда, не вернувшиеся в Артур? — задали вопрос русские.

Майор так же обстоятельно рассказал о судьбе каждого корабля.

— Как велики ваши потери в этих морских боях?

— У нас их нет,— ответил японец.

Ему не поверили.

Вскоре прибыл начальник штаба Стесселя полковник Рейс. При его появлении все офицеры вскочили. Ямаоки представился полковнику и передал ему пакеты. Выпив затем по бокалу вина, русские и японцы разъехались по своим местам. Через четверть часа перестрелка возобновилась.

Стессель сам вскрыл пакет и начал рассматривать присланные бумаги. Они были на японском языке, и генерал мог разобрать лишь подписи.

— Генерал барон Ноги и адмирал Того. Интересно, что могут они писать мне?

— Я сейчас переведу, ваше превосходительство,— заторопился Рейс.— Тут имеется еще пакет морякам и небольшое письмо вашей супруге.

 Весть о присылке японского парламентера быстро об-

летела весь Артур. В штаб один за другим прибыли Фок, Кондратенко, Смирнов, Белый и адмиралы князь Ухтомский и Григорович.

— Вот и отлично,— приветствовал их Стессель.— Не надо никого и созывать. Сейчас же, как только будет сделан перевод, устроим военный совет.

В это время за мужем прислала Вера Алексеевна, которая была весьма обижена тем, что ее супруг даже не зашел к ней посоветоваться перед заседанием.

— В чем дело, Анатоль? Зачем ты так спешишь с обсуждением японских предложений? Сначала мы должны обсудить их в своем кругу, а то этот полоумный Смирнов начудит вместе с моряками.

Их разговор был прерван приходом Рейса. Полковник почтительно приложился к ручке генеральши.

— Я хотел передать вам перевод письма барона Ноги.

— О чем же он мне может сообщать? — заинтересовалась Вера Алексеевна. Она развернула письмо и прочла:

«Миледи! Пользуюсь случаем засвидетельствовать вам мое глубочайшее почтение и осмеливаюсь приложить к сему чек в десять тысяч долларов на «Чосен Спеши банк». Означенные деньги прошу вас обратить на дела благотворительности по вашему усмотрению.

С совершенным почтением

ваш покорный слуга барон *Ноги*».

— Как же я смогу реализовать это в осажденном Артуре? — проговорила она, рассматривая чек.

— Осада не может продолжаться вечно. К тому же японцы предлагают сдать крепость, не ожидая общего штурма.

— Кукиш с маслом увидят они, а не Артур! — вскипел Стессель.— Прочтите все их послания.

Рейс прочитал:

— «Господину высшему начальнику Российской армии в Порт-Артуре.

Имеем честь представить следующее: блестящая оборона Порт-Артура заслужила восхищение всего мира. Однако, будучи окружен с суши и моря превосходящими силами и без надежды на выручку, он в конце концов не может не пасть, как бы ни были талантливы военачальники и доблестны русские солдаты. Наша армия готова к штурму, и, когда это случится, судьба крепости будет решена. Поэтому, во избежание лишнего кровопролития, во имя человечности, мы предлагаем вам начать переговоры о сдаче. В случае вашего согласия благоволите о

том сообщить до десяти часов завтрашнего дня, то есть семнадцатого августа тридцать седьмого года Мейдзи.

С совершенным почтением.

Генерал барон *Ноги,* командующий осадной армией, адмирал *Того Хейхациро,* командующий блокирующим Порт-Артур флотом».

— Какая наглость! Предлагать сдать крепость за десять тысяч долларов,— возмутилась генеральша.

— Я им пошлю кукиш. Прикажу срисовать со своей руки и отправлю,— решительно заявил Стессель.— Что они еще нам пишут?

— Предлагают выпустить из крепости женщин, детей, иностранцев и священников до двух часов завтрашнего дня.

— Женщины нам нужны в госпиталях, так же как и священники, без матерей детвору не отправишь, иностранцы же могут разболтать наши секреты. Следовательно, и это предложение неприемлемо,— решила за мужа Вера Алексеевна.

— Но зато мы избавимся от лишних ртов,— заикнулся было генерал.

— Подумаешь, много осталось здесь: женщин — что-то около трехсот, детей полсотни, священников человек двадцать да десяток-другой иностранцев. Лучше бы ты отправил из Артура Смирнова и его прихвостней вместе с адмиралами.

— Вы как смотрите, Виктор Александрович? — обернулся Стессель к своему начальнику штаба.

— Как всегда, преклоняюсь перед умом глубокоуважаемой Веры Алексеевны и присоединяюсь к ее мнению,— расшаркался полковник.

На этом семейный совет окончился.

Через четверть часа Стессель громко зачитал на заседании полученные от японцев бумаги, благоразумно умолчав о письме к своей супруге.

— Я пошлю в ответ японцам фигу, срисованную с моей руки,— закончил он свою речь.

— Как? Что? — удивленно спросило несколько человек.

— Пошлю вот эту самую дулю.— И генерал протянул вперед кукиш.

— Вы это серьезно? — спросил Ухтомский.

— Если ваше сиятельство привыкли у себя заниматься шутками на броненосцах, то здесь, в штабе, я это делать никому не разрешаю.

 — В таком случае, как старший в Артуре морской

начальник, протестую против ответа подобного рода.

— Советую вам оставить протесты при себе, а то я не постесняюсь вас отправить к японцам.

— Ответ, предложенный начальником района, я считаю недостойным русского генерала,— проговорил Смирнов.

— Что же, по-вашему, я должен начать переговоры о сдаче? Предупреждаю, что каждый, кто только посмеет об этом заикнуться, будет мною немедленно повешен, невзирая на чины и занимаемое положение! — стукнул генерал кулаком по столу.

— Едва ли японцы поймут жест вашего превосходительства,— заметил Кондратенко.— Кукиш обозначает у японцев совсем не то, что у русских.

— А что именно?

— Так у них продажные женщины приглашают к себе мужчин.

Присутствующие постарались скрыть улыбки.

— В таком случае мы поясним, что это обозначает по-русски,— продолжал настаивать несколько смущенный Стессель.

— Не поймут и над тобой же будут смеяться,— ответил Фок.— Лучше, по-моему, ответить кратко: «Честь и достоинство России не могут допустить мысли о сдаче крепости, пока не исчерпаны все возможности обороны».

— Конец надо выбросить,— посоветовал Кондратенко.— В таком виде наш ответ как бы подает японцам надежду, что все же впоследствии Артур может быть сдан.

Стессель согласился с этим, и текст ответа был принят с поправкой Кондратенко.

— Теперь второй вопрос — выпускать ли из крепости женщин и детей? — спросил начальник укрепленного района.

Голоса разделились. Одни были за удаление женщин, другие против.

— Я тоже против,— заявил Стессель и повторил доводы своей жены.

Его неожиданно поддержал Смирнов.

— Дух защитников крепости будет подорван разлукой со своими семьями,— сказал он.

Фок многозначительно покрутил пальцем около своего лба, но не возражал.

Второе предложение японцев тоже было отклонено.

— Поручим полковнику Рейсу составить ответ и затем, переведя его на английский язык, завтра с ординар-

цем отправим к японцам,— закрыл собрание Стессель.

Вечером того же дня в будуаре Веры Алексеевны собрались Рейс, Фок и Сахаров. Обсуждался вопрос, как поступить с полученным чеком.

— Слишком малая сумма, чтобы ее принимать. Мы, слава богу, сейчас стараниями полицмейстера вполне обеспечены деньгами.

— Зато ко мне каждый день поступают жалобы на его незаконные действия,— сообщил Рейс.

— И что вы с ними делаете? — поинтересовался Фок.

— Отправляю ему же для расследования. Обычно после этого повторных жалоб не бывает.

— Остроумно,— одобрила генеральша.

— Какую бы вы сумму считали достаточной для нужд благотворительного общества? — осведомился Сахаров.

— Ровно в тысячу раз больше,— вместо Веры Алексеевны ответил Фок.

— Боюсь, что таких денег у японцев не найдется.

— Тогда мы как-нибудь обойдемся своими средствами,— произнесла генеральша.

— Так и прикажете ответить? — переспросил Рейс.

— Конечно. И верните им чек,— распорядилась Вера Алексеевна.

Гости стали прощаться.

На следующий день в положенное время японцам был вручен ответ на все их предложения.

Меркли звезды. Восток с каждой минутой светлел. Вскоре из-за горизонта показалось солнце.

Где-то вдали глухо прогремел выстрел, и в недвижном прозрачном воздухе послышался свист летящего снаряда. На окраине города взвился черный султан дыма. За первым выстрелом раздался второй, третий. Город еще спал. Звуки канонады будили жителей, которые в тревоге высыпали на улицу и пугливо озирались по сторонам. Несколько повозок, дотоле медленно плетущихся по улице, с страшным грохотом понеслись в карьер, будоража всех на своем пути.

Женщины, крестясь, торопливо уводили в погреба и подвалы детей.

На позициях при первом же выстреле все пришло в движение: на батареях закопошились артиллеристы, поворачивая орудия в нужном направлении, в фортах быстро изготовились к отражению штурма дежурные части. На валах увеличили число часовых. Резервы подтя-

нулись к передовой линии. Артур приготовился к встрече врага.

Канонада усиливалась с каждой минутой. Снаряды, попадая в брустверы фортов и батарей, поднимали столбы песку и земли.

Скоро все слилось в один сплошной рев. Первый штурм крепости начался.

В тыл потянулись вереницы носилок.

Стессель спал крепким сном, когда к нему явился с докладом Рейс. Вышла Вера Алексеевна и, узнав в чем дело, направилась будить мужа.

— Японцы пошли на штурм,— насилу растолкала она разоспавшегося генерала.

— Ворвались в город, началась резня? — задыхаясь от ужаса, пробормотал он.— Сейчас же подтянуть к штабу сотню казаков с пулеметами и орудиями,— бестолково выкрикивал Стессель, покрывшись холодным потом.

— Да успокойся ты, ради бога, Анатоль! Никто еще никуда не прорывался. Началась лишь общая бомбардировка. Рейс говорит, что после нее можно ожидать штурма. Смирнов, Горбатовский и Кондратенко выехали на атакованные участки,— сообщила Вера Алексеевна.

Наспех одевшись, от волнения не попадая в рукава, генерал, сразу осунувшийся и постаревший, вышел к своему начальнику штаба. Выслушав доклад, Стессель приказал подать себе верховую лошадь.

— Я еду на форт номер два, откуда виден хорошо весь обстреливаемый фронт,— громко проговорил он.

— Я тебя туда не пущу,— решительно заявила генеральша.— Тебе нечего соваться на передовую линию. Выбери себе безопасный пункт в тылу, откуда все было бы видно, и сиди на нем.

— Форт номер один почти не обстреливается, с него виден форт номер два и частично промежуток между ним и третьим фортом,— подсказал Рейс.

— А там имеются хорошие блиндажи? — осведомилась Вера Алексеевна.

— Так точно. Почти полутороаршинные бетонные своды,— доложил полковник.

— Что ж, поезжай,— вздохнула генеральша.— Только вы, Виктор Александрович, не позволяйте Анатолию рисковать собой, он такой неблагоразумный.

— Приложу все старания, чтобы уберечь его превосходительство.

Позавтракав, Стессель и Рейс отправились на форт номер один, далеко объезжая обстреливаемые участки.

Отсюда из-за дыма и пыли они почти ничего не видели, но зато здесь было совершенно спокойно, а любезный комендант форта не замедлил угостить начальство душистым чаем с коньяком. Здесь до самого вечера Стессель и провел время в полной безопасности. Правда, мирная беседа временами нарушалась получением тревожных донесений, но генерал тотчас отправлял их Смирнову или Кондратенко с надписью: «Предлагаю действовать по вашему усмотрению, сообразуясь с наличными обстоятельствами». Этим и ограничивалось все его руководство происходившим боем.

При первом же выстреле генерал Кондратенко поспешил выехать на позиции. Уже в дороге он убедился, что наиболее интенсивно обстреливается промежуток между фортами номер два и три, а также и расположенное за ним Большое Орлиное Гнездо. С последнего открывался прекрасный вид на весь Восточный и Северный фронт крепости. Туда генерал и направился. Вскоре его догнал Белый.

— Вы куда держите путь, Роман Исидорович? — спросил он.

— На Большое Орлиное.

— Значит, нам по дороге. Я решил там устроить свой наблюдательный пункт.

Спешившись в глубокой лощине, непосредственно в тылу Орлиного Гнезда, генералы стали взбираться на гору. По пути они встретили раненого матроса.

— Ты откуда, молодец? — приветливо спросил его Кондратенко.

— С этого самого, с Гнезда,— махнул назад рукой матрос.

— Что там делается?

— Шибко японец бьет, дыхнуть не дает даже. Нашего командира мичмана Вильгельмса сразу же убило, одну орудию испортило, так что всего одна пушка действует. Вот перевяжусь и обратно,— показал он на руку,— а то там наших осталось совсем мало.

— Спасибо за службу, ступай с богом!

— Рад стараться, ваше превосходительство! Только вы ховайтесь, а то, не ровен час, и зачепить может.

— Прекрасный народ эти моряки, смелый, понятливый, инициативный,— восхищался Кондратенко.— Вот что значит образование-то. Другой гальванер или минер заткнет за пояс нашего стрелкового офицера.

Подниматься по крутой тропинке, ведущей на вершину Гнезда, было довольно трудно. На полдороге генералы

остановились передохнуть. Перед ними развернулась широкая панорама обстреливаемого участка: справа, окутанный облаком пыли, чуть проступал форт номер два. Прямо, верстах в двух, виднелись старые китайские редуты номер один и два, обнесенные двумя рядами проволочных заграждений. В бинокль были видны полуразрушенные брустверы и укрывшиеся в тыловом рву солдаты. Слева отчетливо виднелся форт номер три.

— Наши батареи отвечают одним выстрелом на десять японских,— с беспокойством заметил Кондратенко.

— Многие из них и вовсе приведены к молчанию,— сказал Белый.— Опыт Цзинджоу нами использован недостаточно. Орудия видны как на ладони. Батареи, орудия которых замаскированы, как Залитерная, Заредутная и Волчья-Мортирная, и сейчас ведут интенсивный огонь. Надо будет сегодня же ночью замаскировать остальные батареи.

Генералы двинулись дальше. Появление их очень удивило коменданта форта капитана Кремнева.

— Ваше превосходительство, как вы сюда попали? Здесь вас могут ранить,— с тревогой сказал он.

— Мы привыкли делить труды и опасности со своими подчиненными. Что у вас делается? — отозвался Кондратенко.

— Отсиживаемся, ждем, пока стихнет стрельба, чтобы исправить повреждения и вынести тяжелораненых.

Кондратенко начал обходить укрепление. Снаружи на брустверах находились лишь часовые, остальные укрылись в блиндажах. Заглядывая в каждый блиндаж, генерал громко здоровался с солдатами и весело шутил. Вдруг вблизи разорвался снаряд, и мгновенно все заволоклось густой пеленой дыма.

Из ближайшего блиндажа выскочили два солдата и, схватив своего начальника дивизии за рукав, попросту втолкнули его внутрь блиндажа.

— Да разве ж можно, ваше превосходительство, Роман Исидорович! — с укоризной проговорил один из стрелков.

В тесном блиндаже, присев на скатанной шинели, Кондратенко вступил в беседу со стрелками.

— Как вы здесь харчитесь? — спросил он.

— Вечером с темнотой подвозят кухни, а вот с водой у нас плохо: жара, пить хочется, а воды мало, да она и протухает скоро,— сетовали солдаты.

— Японца-то не боитесь?

— Никак нет. Нам бы еще пару пулеметов, тогда ему

в наше Гнездо вовек не забраться,— убежденно ответили стрелки.

Генерал быстро делал заметки у себя в книжке.

Воспользовавшись прекращением бомбардировки, он двинулся дальше, а солдаты принялись за исправление разрушенных брустверов и очистку окопов. Матросы хлопотали у поврежденных орудий. Тут же давал указания Белый.

К нему подошел Кондратенко, и оба генерала направились в тыл.

— Теперь куда, Роман Исидорович? — спросил Белый, садясь верхом.

— Поищем Смирнова, он где-то на Скалистом кряже. Быть может, там и Стессель.

— Едва ли. Они вместе никогда не бывают.

— Да, странное у нас положение в Артуре. Фактически два коменданта, а кроме того, еще особый командующий фронтом, и все они между собой воюют. Изволь-ка тут маневрировать между тремя превосходительствами,— задумчиво проговорил Кондратенко.

— Я давно уже решил выслушивать приказания всех, а действовать по-своему или по согласованию с вами,— отозвался Белый.

— Какой, по-вашему, участок будет атакован?

— Самое слабое место в Артуре — это левый фланг. Если японцы прорвутся от Голубиной бухты к Ляотешаню, то Артуру будет мат в два хода. Но они, по-видимому, хотят открытой силой ворваться в город, форсировав линию между фортами номер два и номер три. Тут у них расположены осадные батареи и дороги к ним из Дальнего. Тут промежуток прикрывают всего два старые полевого типа редута — номер один и номер два.

Генералы доехали до соседнего хребта, носившего название Скалистого кряжа. За ним были расположены резервы и полевые батареи в запряжках.

Увидя генералов, к ним подошел командир Седьмого стрелкового артиллерийского дивизиона полковник Мехмандаров, широкоплечий человек с густой черной бородой.

— Мы, ваше превосходительство, с самого утра торчим здесь неизвестно зачем. Воды нет. Жара, пыль. Оводы беспокоят лошадей,— доложил полковник.

— Кто вас сюда направил?

— Гэнэрал Смирнов вызвал по тревоге,— с кавказским акцентом ответил полковник.

 — Вы не знаете, где он сам?

— Дальше, на хребте. Сидит за большим камнем, все что-то пишет, ни на что не обращает внимания,— досадливо проговорил Мехмандаров.

— Я сейчас переговорю с ним,— обещал Кондратенко.

После получасовых розысков Белый и Кондратенко нашли Смирнова вместе с его начальником штаба, тучным, высоким полковником Хвостовым. Генерал диктовал ему длиннейший приказ.

— Как хорошо, что вы приехали,— радостно встретил он прибывших.— Я разработал десять возможных вариантов штурма крепости и мероприятия против него. Вот послушайте! — И Смирнов, достав пачку исписанных листов, начал читать:

— «Вариант номер один. Штурмуются форты номер два и номер три. Частям Двадцать пятого стрелкового полка занять...» — Дальше шло подробнейшее перечисление вплоть до взводов, кому и куда двигаться в точно указанное до минут время.— Теперь об артиллерии послушайте, Василий Федорович! — И Смирнов начал перечислять, какие батареи и куда должны были стрелять, какими снарядами, на каком прицеле.— Теперь вариант номер два,— с увлечением продолжал комендант.

Белый сердито сопел.

Кондратенко нервно пощипывал бородку, посматривал то на Белого, то на Хвостова. Прошло не меньше часа, пока чтение кончилось.

— Ну как, Роман Исидорович, я, кажется, ничего не упустил? — обратился к генералу Смирнов.

— Едва ли возможно предусмотреть все, ваше превосходительство. А затем это распоряжение надо согласовать с генералом Стесселем.

— Он, наверно, отклонит мое предложение...— грустно заявил Смирнов.

«И хорошо сделает»,— не мог не подумать Кондратенко.

Смирнов продолжал:

— Отклонит... Не потому, что оно плохо, а как исходящее от меня. Не могли бы вы, Роман Исидорович, от своего имени доложить ему мои наметки?

— Стессель сразу же догадается, что оно исходит не от меня,— сказал Кондратенко вслух, а про себя подумал: «Так как я такой галиматьи никогда не предложил бы».

Генералы помолчали.

— Ваше превосходительство, большинство батарей сильно повреждены и не смогут поддержать стрелков при

штурме,— проговорил Белый.— Необходимо просить помощи у флота.

— Помимо Стесселя к морякам обращаться неудобно. Он же наверняка запротестует.

— Я беру на себя доложить ему об этом,— поддержал Белого Кондратенко.

Подъехал Мехмандаров и вновь попросил разрешения отвести батареи на водопой.

— А то уже две лошади пали от жары,— добавил он.

— Нет, нет. Этим вы нарушаете мой вариант номер три отбития японской атаки. Подождите до вечера,— приказал Смирнов.

— К этому времени у меня не останется лошадей в запряжках.

— Полевая артиллерия сейчас нам не нужна. Приготовлений к атаке нигде не видно. Дивизион, по-моему, можно отпустить,— заметил Кондратенко.

— Прошу не возражать, когда я приказываю! — вскинулся Смирнов.

— Слушаюсь! — вытянулся Роман Исидорович.— Василий Федорович, едемте дальше!

— Генерал Белый должен остаться при мне.

Белому оставалось только подчиниться. Кондратенко, ни с кем не прощаясь, вышел.

— Оставьте одну батарею на месте, а две отведите в ближний тыл на водопой,— приказал он Мехмандарову.

— Спасибо, Роман Исидорович! — горячо воскликнул полковник.— С этим упрямцем все равно ни до чего не договоришься.— И обрадованный командир дивизиона ускакал вперед.

Вечером на квартире у Стесселя собрались на военный совет Кондратенко, Белый, Фок, Рейс и адмирал Ухтомский. Не хватало только Смирнова, но он вместо себя прислал Хвостова. Выслушав доклады подчиненных, Стессель предложил высказаться о мерах усиления обороны крепости.

— Комендант представил свои соображения по этому вопросу,— доложил Рейс и протянул смирновские варианты.

Стессель стал читать их вслух. Среди присутствующих раздались отдельные смешки.

— Ерунда, галиматья, чушь!—бросил Стессель записки на стол.— Полковник Хвостов, предлагаю вам посоветовать вашему начальнику воздержаться в дальнейшем

от литературы подобного рода, иначе я до конца осады посажу его в сумасшедший дом.

— Давно пора! — с места отозвался генерал Никитин.— Ты еще, Анатолий Михайлович, не знаешь, что по его вине в Седьмом дивизионе сегодня пало от жары и отсутствия воды несколько лошадей.

— Назначаю комиссию для расследования этого дела под твоим председательством. Предлагаю за ночь принять все меры к устранению причиненных укреплениям повреждений,— приказал Стессель.

На Электрическом Утесе продолжалась прежняя размеренная жизнь. С утра все были заняты своими делами. Несколько раз батарея открывала огонь по сухопутным целям. Перед обедом ходили купаться. На море до самого горизонта все было спокойно, только непрерывный грохот, доносившийся из-за Золотой горы, свидетельствовал о продолжавшейся бомбардировке. После полудня над городом поднялось огромное облако черного дыма. Борейко приказал телефонистам узнать, в чем дело. Оказалось, что в порту горят склады с маслом, огонь перекинулся на соседние здания, и запылала почти вся территория порта.

— Дюжа горит, вашескородие. Японец по пожару бить стал еще сильнее. Не дает тушить,— окающей скороговоркой доложил старший телефонист Юркин.

— А на фронте что делается?

— Слыхать, японец штурм готовит. Генерал наш находится целый день на позициях.

Во время обеда поручик предложил Жуковскому сходить в город узнать, что там делается.

Капитан согласился и разрешил ему со Звонаревым отправиться на разведку.

Солдаты тоже были обеспокоены происходящим.

— Как бы японец не прорвался в город. Возьмет он нас голыми руками.

— Ишь вы какие трусливые стали, сразу так в руки и дадитесь! — вмешался в разговор Блохин.— Нас на Утесе триста человек, да три бабы, да восемь пушек. Чтобы нас одолеть, нужно цельную дивизию.

— Расхвастался ты, Блоха, не к добру,— улыбнулся Борейко.

— Ежели бы нам каждый день давали по стакану водки, ни в жисть японцу Артура не взять,— хитренько улыбнулся солдат.

— Не подговаривайся, не дам! Хочешь со мной идти в город?

— Так точно, мигом чистое надену.— И Блохин скрылся.

Вскоре все трое шли по шоссе в обход Золотой горы. Впереди шагал Борейко, за ним поспевали Звонарев и Блохин. Дойдя до хребта, поручик на мгновение остановился, чтобы осмотреться.

Город был затянут густым черным дымом. То здесь, то там вспыхивали разрывы. В воздухе беспрерывно шипели летящие во все стороны снаряды. С батареи Золотой горы, как из кратера вулкана, через равные промежутки времени вылетали огромные столбы пламени, и воздух прорезал шум двадцатипудовых снарядов. Слева сквозь дым виднелась ярко освещенная солнцем поверхность рейда со стоящими на нем броненосцами. Канонада достигла высшего напряжения.

— Ну и дела, мать честная! — проговорил Блохин.— Такого мы и под Цзинджовой не видели.

— Цела! — вдруг громко проговорил Борейко и ткнул рукой в пространство.

— Кто? — спросил Звонарев.

— Пушкинская школа, конечно!

Прапорщик понял, что все путешествие его друг затеял с целью повидать маленькую учительницу с голубыми глазами, и, усмехнувшись, сказал:

— Хитришь ты, Боря, по-детски! Навыдумывал с три короба, а оказывается, надо всего-навсего узнать, цела ли твоя дама сердца.

— Заткнись, не до тебя! — буркнул в ответ поручик и пошел дальше.

Улицы были пусты. Жители прятались в погребах и подвалах, и только неугомонные мальчишки выглядывали из-под подворотен при каждом близком падении снаряда. Блохин шел, вполголоса ругаясь.

Неподалеку впереди раздался взрыв, и все вокруг заволоклось известковой пылью. В развороченном доме пронзительно завыла собака.

— Жаль пса, должно быть, сильно зацепило. Эх, житуха пошла в Артуре! — бормотал солдат.

Подождав, пока рассеется пыль и упадут последние осколки, пошли дальше. Тротуар и мостовая были завалены грудами камней и строительного мусора. Двухэтажный кирпичный дом стоял разрушенный от крыши до фундамента. Была видна внутренность комнат: диван, покрытый ковром, неубранная кровать; в кухне хлестала

вода из поврежденного крана. В клетке валялся вверх лапками попугай, кошка испуганно металась по чердаку. Людей нигде не было.

— Вовремя ушли,— заметил Блохин.

Борейко все ускорял шаги, пока не оказался перед двухэтажным зданием Пушкинской школы. Она была цела. Правда, около виднелись воронки от снарядов и во многих окнах не хватало стекол. Офицеров окликнули из подвала. Нагнувшись, Звонарев увидел толпу перевязанных людей, теснившихся в небольшом помещении.

— Да здесь раненые,— сообщил он,— с ними, верно, находятся и сестры.

За углом обнаружили дверь в подвальное помещение. Согнувшись чуть не вдвое, Борейко шагнул вниз по лестнице. Навстречу шла Мария Петровна.

— Вы ранены? Прибыли на перевязку? — испуганно спросила она.

— Пока все целы и пришли проведать, как вы живете,— ответил поручик.

— Какое уж тут житье, когда ежеминутно ждем смерти. С утра сидим здесь в тесноте и духоте. Скоро ли все это кончится?

— С темнотой, надо думать, наступит передышка. Укрытие бы вам устроить...

Офицеры обошли вокруг дома.

— Я здесь покумекаю на этот счет, а тебя попрошу выяснить обстановку на позиции. На обратном пути зайдешь за мной,— предложил Борейко другу.

— Ладно. Пошли, Блохин, дальше,— согласился Звонарев.

По мере удаления от порта снаряды падали все реже. Дойдя до Нового китайского города, расположенного за окружающей город стеною, путники вздохнули свободно. Улицы были полны любопытных, которые издали наблюдали за бомбардировкой.

— Как вас не зашибло на улицах? — удивленно смотрели они на Звонарева и Блохина.

— Мы заговоренные, нас осколки и пули не берут, только шашкой достать можно,— отшучивался солдат.

Миновав город, они увидели перед собой линию ближайших укреплений. За поворотом дороги открылась Залитерная высота, а за ней чуть выступала батарея литеры Б. Над ней вились дымки шрапнелей вперемешку с черными фонтанами гранат. По дороге в тыл тянулись рикши и извозчики с ранеными, подводы со строительны-

ми материалами; пылили зарядные ящики, дребезжали интендантские повозки.

Блохин расспросил о происходящем на позициях.

— Вторые сутки бьет японец, не дает даже кухни подвезти,— жаловались солдаты.

— А штурму не делает?

— Пока не видать, может, к ночи и полезет. Небось понимает, что долго в разбитых окопах не усидишь.

Вдруг над Залитерной взвился огромный столб огня и черного дыма, который образовал конус, обращенный вершиной вниз. Он быстро рос, заволакивая Залитерную и все вокруг. Затем дым медленно отделился от земли и превратился в темное облако. Только тогда донесся глухой удар взрыва и стали видны бегущие во все стороны люди.

— Залитерная взлетела на воздух,— испуганно закричал Звонарев, и оба артиллериста опрометью бросились бежать к батарее.

Когда они поравнялись с перевязочным пунктом, устроенным на Залитерной, то туда уже сносили раненых и убитых с батареи. Одним из первых принесли ее командира штабс-капитана Высоких. Он был страшно обожжен при взрыве. Все тело представляло собой сплошной волдырь, лицо было обезображено до неузнаваемости. Он еще слабо стонал, но вскоре затих.

Легкораненые солдаты брели группами и в одиночку. Вскоре с батареи литеры Б поднесли еще двух офицеров — старых знакомцев Звонарева по Цзинджоускому бою — подпоручика Садыкова и поручика Соломонова. У первого в черепе застрял осколок гранаты, и он был без сознания. Соломонову повредило обе ноги, но он крепился и не стонал, только бледное лицо и холодный пот на лбу говорили о тяжких страданиях. Увидя Звонарева, Соломонов попросил у него водки. Прапорщик развел руками.

— Очень прошу вас, достаньте мне хотя бы денатурату, а то я сдохну немедленно,— молил офицер.

Звонарев беспомощно огляделся.

— Сергей Владимирович, ваша барышня тут! — вдруг проговорил Блохин.

— Какая барышня? — не сразу понял Звонарев.

— Да Варька, то бишь генерала Белого дочка. Вон там в куточке нагнулась над носилками. Может, они спиртику для их благородия достанут.

Прапорщик окликнул Варю.

 — Вы как тут очутились? — спросила она, подходя к

Звонареву. Ее белый передник был весь испачкан в крови, даже на косынке виднелись красные пятна. Волосы растрепались и выбились наружу.

Прапорщик передал просьбу Соломонова.

— Сейчас принесу.— И Варя скрылась.

Блохин побежал с радостным известием к раненому офицеру. Вслед за ним явилась и девушка со стаканом вина.

— Пейте, оно вас подкрепит! Куда вы ранены? — И Варя начала быстро разбинтовывать ноги Соломонова...— Раны не тяжелые, важно только их не загрязнить.

В это время к пункту подъехал Белый и, увидя Звонарева, подозвал его к себе.

— На батарее литеры Б и Залитерной не осталось ни одного офицера. Отправляйтесь сейчас же туда. Наладьте сначала стрельбу на Залитерной, а затем займитесь литерой Б. Я вызываю с Утеса вашу роту. До ее прихода вам придется орудовать одному,— распорядился генерал.— Ты не из седьмой роты? — обернулся он к Блохину.

— Так точно, ваше превосходительство, из седьмой!

— Ездить верхом умеешь?

— Сызмальства лошадей пас.

— Отвезешь мое приказание на Утес.

Через минуту Блохин, по-разбойничьему свистнув, карьером вылетел на дорогу.

— Заезжай в школу! — едва успел крикнуть ему вдогонку прапорщик. Солдат кивнул головой и скрылся.

Звонарев стал прощаться.

— Смотрите, на батареях очень опасно. Сегодня уже убито четверо и ранено трое артиллерийских офицеров, а солдат осталось меньше половины. Не геройствуйте, пожалуйста,— с тревогой в голосе проговорила Варя.— Обещаете?

— Ведь я всем известный трусишка! — улыбнулся прапорщик в ответ.

— Если что с вами случится, сообщите — я мигом прилечу,— пообещала Варя.

— А вы заходите на Залитерную отдохнуть. Я, верно, до утра буду занят исправлением повреждений.

Варя потянулась к Звонареву. На мгновение ему показалось, что она хочет его поцеловать, и он с удивлением взглянул на нее. Девушка смутилась и поспешила отойти.

— Быть может, я и воспользуюсь вашим приглашением,— уже издали проговорила она.

На Залитерной был полный разгром. На правом флан-

ге батареи зияла огромная яма взорванного порохового погреба. Вокруг все было засыпано землей, обломками бетона, обгорелыми досками. Тут же валялось с десяток растерзанных трупов. Едко пахло дымом и горелым мясом. Из четырех орудий только левофланговая морская пушка Армстронга сохранилась в целости. По батарее бродило несколько артиллеристов. Звонарев подозвал их.

— Я прислан к вам командиром,— сообщил он.— Что произошло здесь во время боя вчера и сегодня?

— Вчерась он бил все мимо, так как не видел батареи. Сегодня же с самого утречка он вывесил на небо колбасу, с нее увидел батарею и зачал чесать прямо по ней. А потом как вдарит в погреб. Кого порвало, кого разметало на пятьдесят сажен кругом.

Прапорщик распорядился снести тела убитых за батарею и заняться исправлением бруствера, затем он отправился на батарею литеры Б.

Обогнув Залитерную гору и расположенные на ее склоне стрелковые окопы, Звонарев стал подниматься по дороге к батарее литеры Б. С обеих сторон она была ограждена так называемой Китайской стенкой — валом, построенным еще германскими инженерами при сооружении ими крепости Порт-Артур для китайцев. Вал имел полторы сажени высоты и до двух с половиной толщины. Заросший травой, он прекрасно сливался с местностью, почему его особенно удобно было использовать для обороны промежутков между фортами и укреплениями.

Обстрел литеры Б. еще продолжался. Батарея молчала. Солдаты сидели по блиндажам, изредка выглядывая наружу.

Вместе с фейерверкером прапорщик обошел батарею. Уцелели всего три пушки. Земляные брустверы были снесены снарядами, обнажился бетон.

С профессиональным интересом Звонарев тщательно рассматривал все повреждения. Солдаты с удивлением следили, как он ползал на коленях и ощупывал в бетоне воронки от снарядов, измеряя их глубину и диаметр.

— Ну, вот что, ребята, довольно по казематам сидеть. Айда починять платформы и брустверы! — скомандовал Звонарев.

Вскоре все здоровые и легкораненые засыпáли выбоины и исправляли орудийные платформы.

Звонарев прошел на командный пункт, который, как и на Залитерной, представлял собою броневую башенку с

 прорезью впереди. Сквозь нее виднелись два ряда стрел-

ковых окопов с проволочными заграждениями. Далеко внизу копошились темные фигурки японцев. Вечерело. Солнце склонялось к вершинам синеющих вдали Волчьих гор. В долинах уже легла вечерняя тень. Бомбардировка стихала. Потянуло прохладой. В тылу задребезжали подъезжающие кухни. Наступала тревожная, полная неожиданностей ночь.

Когда Звонарев вернулся на батарею, в темноте показалась крупная фигура Борейко.

— Что у вас тут делается? — справился он.

Звонарев подробно доложил.

— Темно очень, при ручных фонарях работать приходится. Прожектор не действует,— заключил он доклад.

Один из солдат сообщил:

— Вчера днем на батарею прислали какую-то диковинную пушку — короткая, медная, на жабу похожа. Сказывали — для освещения, вместо ракет. Только никто не поймет, как ею пользоваться.

— Где она? — спросил Борейко.

Из крайнего каземата вытащили маленькую медную пушчонку на деревянном лафете.

— Полупудовая, гладкостенная, с дула заряжающаяся мортира для стрельбы брандскугелями — зажигательными снарядами,— определил Борейко.— Снаряды к ней есть?

— Так точно! Диковинные такие — два железных донышка, соединенных прутиком, а внутри невесть что — по цвету серое да едкое.

— Такими снарядами полвека назад в Севастополе стреляли по деревянным морским кораблям и крепостным постройкам, чтобы их поджечь.

— Нельзя ли ее сейчас попробовать? — попросил Звонарев.

— Только где-нибудь подальше от батареи, чтобы не навлечь на нее огня японцев.

Мортирку на руках снесли в сторону и установили за Китайской стенкой. Затем в дуло насыпали пороху, забили бумажным пыжом и вставили бочкообразный брандскугель. В запальное отверстие вложили запальную деревянную трубку и при помощи длинной палки с горящим фитилем на конце — пальника — подожгли.

Мортирка выпалила со страшным грохотом и перевернулась навзничь. Брандскугель огненным шаром с шипением взвился к небесам, довольно хорошо освещая местность. Описав крутую траекторию, он огненным ядром упал в расположение японцев. Оттуда донеслись вопли

ужаса, а вслед за тем затрещал частый ружейный огонь. Артиллеристы закричали от восторга.

— Не пондравилось, видать, японцу наше угощение. Жареным мясом запахло! Нельзя ли, вашбродь, еще «кухню» им послать?

Но поручик не разрешил и направил всех обратно на батарею.

Вскоре с тыла донеслось громкое пение, сопровождаемое молодецким посвистом:

Солдатушки, браво, ребятушки!
А где ваши жены?
— Наши жены — пушки заряжены,
Вот где наши жены!

— Наши топают,— узнал Борейко разбойничий свист Блохина.

Он не ошибся. На батарее появились Жуковский с Гудимой, а за ними подошла вся рота.

— Я с Алексеем Андреевичем останусь здесь, а вас с Сергеем Владимировичем попрошу с первым взводом отправиться на Залитерную,— решил капитан, выслушав доклад Борейко.

— Слушаюсь! Первый взвод ко мне! Пошли на свою батарею! — скомандовал Борейко.

На Залитерной было гораздо спокойнее, чем на батарее литеры Б. Ружейные пули сюда не залетали, снаряды попадали реже. Вдоль батареи были разложены костры, около которых грелись солдаты. С приходом утесовцев все оживились. Всю ночь до рассвета артиллеристы приводили в порядок орудия и блиндажи. Звонарев с Лебедкиным, Смекаловым и Юркиным налаживали поврежденный прожектор, электрическое освещение, исправляли водопровод, мастерили козырьки над орудиями для маскировки. Перед рассветом появилась усталая Варя.

— Сережа, по твою душу пришли! — закричал Борейко, увидев ее.

— Я так устала, что валюсь с ног,— пожаловалась Варя.— Высоких умер полчаса назад, Садыков лежит без сознания, у Соломонова сложный перелом обеих ног.

— Жаль Высоких,— вздохнул Борейко.— Идите-ка, прекрасная амазонка, спать в наш блиндаж,— смилостивился он.— На сон грядущий вас перекрестит и поцелует ваш ненаглядный Сереженька.

— Медведь, пощадите, я так утомлена, что не могу вас наградить оплеухой за вашу дерзость.

 Звонарев отвел девушку в свой блиндаж.

Работы продолжались всю ночь. Уже засерел восток, когда сон окончательно свалил всех. Люди заснули где придется, подложив под себя шинели или прямо на земле.

— Вставать! Японец лезет на штурм! — оглушительно рявкнул Борейко.— К орудиям, зарядить картечью!

На батарее сразу зашевелились. Солдаты, протирая глаза, бежали по своим местам.

Захлопали орудийные замки, задвигались хоботы орудий. Номера торопливо подносили из погреба картечь и картузы с порохом.

— Готово! — один за другим докладывали фейерверкеры.

— Следи за гребнем; как там появятся японцы — так и бей! Сережа, останешься на батарее, а я буду на наблюдательном пункте,— распорядился поручик.

Звонарев осмотрелся. Солнце едва взошло, в лощинах еще лежали предрассветные тени. Где-то за горой слышалась сильная ружейная перестрелка, прерываемая беспорядочными орудийными выстрелами. Издали доносился протяжный крик — не то «ура», не то «банзай». Когда первая суета улеглась, солдаты настороженно стали оглядываться по сторонам, разыскивая врага. Но ни спереди, ни справа, ни слева никого не было видно.

— Вашбродь, разрешите выслать вперед людей японца постеречь! — попросил Блохин.

Прапорщик отправил несколько человек налево от позиций, а сам вышел на дорогу к батарее литеры Б. Она вся была окутана дымом и пылью, сквозь которую то и дело вспыхивали молнии выстрелов. На подступах к батарее виднелись густые японские цепи, сметаемые картечью. За батареей беспорядочно столпились ушедшие из окопов стрелки. Было хорошо видно, как офицер наспех выстраивал их для контратаки.

— На «литербе» японский флаг! — закричал Блохин.

Среди батареи на бруствере колыхалось белое полотнище с красным кругом посредине.

— Вашброды! — подбежал к прапорщику телефонист Юркин.— Поручик приказали идти на выручку.

Не успел Звонарев сообразить, что ему делать, как Блохин и десятка два солдат уже бежали с винтовками наперевес по дороге к атакованной батарее. Артиллеристов нагнала рота стрелков из резерва. Но японцы уже отошли от батареи. Первое, что прапорщик увидел, был раненный в ногу Гудима. Он наскоро перевязывал-

ся с помощью своего денщика. Жуковский суетился около орудий, стараясь наладить стрельбу. Потерь не было.

— Счастливо отделались! — превозмогая боль, говорил Гудима.— Стреляли на картечь до последнего, а когда хватились ружей, то они оказались в казематах,— спасибо стрелки выручили.

— Трусы, опозорили наш Утес! — ругался Блохин.— Мы под Цзинджовой держались до конца и отступили, лишь когда никого уже на позиции не осталось.

— Тебе хорошо было на Залитерной, а нас здесь окружили, и не особенно хотелось, чтобы нам выпустили кишки,— оправдывался Лепехин.

Жуковский приказал Звонареву обстреливать японцев во фланг из расположенных на левом фланге полевых пушек. Эти пушки обслуживались солдатами третьего взвода, наводчики которого, Гнедин и Воблый, отличались своей точностью и аккуратностью в работе, но были медлительны, за что им не раз попадало от Борейко. Звонарев застал их за обыскиванием двух японских трупов.

— Вашбродь, это вам! — преподнес Гнедин японскую карту Звонареву.

На карте подробно были нанесены все батареи Порт-Артурской крепости, с указанием калибров установленных пушек, расположения прожекторов и пороховых складов. Прапорщик был весьма удивлен осведомленностью японцев.

Во второй половине дня японцы снова бросились на штурм. Они быстро овладели выдвинутыми вперед редутами номер один и два и Куропаткинским люнетом. Жуковский поспешил к Звонареву.

— Сергей Владимирович, дела наши плохи, того и гляди, противник прорвется к нам в тыл. В случае отхода вы со взводом останетесь в прикрытии,— распорядился он.

— А Залитерная как?

— Пусть уж там Борейко сам заботится о себе. Самое большее — поддержим его своим огнем во фланг наступающим.

В это время японцы местами уже перебрались через Китайскую стенку и начали подниматься на Залитерную гору и расположенное в полуверсте восточнее ее Малое Орлиное Гнездо. Повернув в эту сторону пушки, Звонарев открыл шрапнельный огонь. Гнедин и Воблый неторопливо наводили орудия и после каждого выстрела,

прикрыв глаза рукою, внимательно следили за разрывами снарядов.

— Прицел, вашскородие, надо бы прибавить на одно деление, а трубку укоротить,— посоветовали они Звонареву.

— Ладно, только не копайтесь, сейчас дорога каждая секунда! Живо наводи! Пли!

Но ни Гнедин, ни Воблый не умели торопиться. Наконец прапорщик не вытерпел.

— Пошел к черту, тебе только блох ловить, а не штурм отбивать! — прогнал он наводчика и сам сразу начал давать вдвое больше выстрелов, но меткость их была все же хуже, чем у Гнедина.

— Зря снаряды раскидываете, вашбродь,— заметил обиженный Гнедин.

Затем Звонарев прогнал и Воблого.

— Становись правильным, а Жиганов будет наводчиком. Вали, Жиганов, вовсю! — приказал он фейерверкеру.

Выстрелы загремели один за другим. Номера едва успевали накатывать пушки на место. Неожиданный обстрел с фланга и тыла заставил японцев откатиться назад. Заметив это, соседние батареи взяли японцев под перекрестный огонь. Устилая землю трупами, толпы японцев стремительно бросились в тыл и тут на них обрушилась собственная артиллерия, стремясь остановить отступление. Но все было напрасно. Японские солдаты без оглядки бежали. С русских укреплений исчезали один за другим флаги Страны Восходящего Солнца. Стрельба затихала.

— Отбой! Поставить орудия на место! — приказал прапорщик.— А вас, обоих наводчиков, я отправлю на Залитерную, к поручику, он научит вас шевелиться поживее,— набросился он на Гнедина и Воблого.

Те удивленно смотрели на всегда спокойного и выдержанного офицера.

— Вы спасли положение на батарее, Сергей Владимирович! Опоздай вы на минуту-другую с открытием огня, японцы захватили бы вторую линию обороны и путь в город был бы открыт,— подошел Жуковский.

Фок раздраженно ходил по своему кабинету. Перед ним почтительно стоял Сахаров.

— Поймите меня,— горячился генерал.— Я не могу задерживать резервы до бесконечности. С самого утра мне не дают покоя Смирнов и Кондратенко. Из всей моей

дивизии у меня осталось всего три батальона. Мне с большим трудом удалось убедить Стесселя сохранить их как личную охрану его и его штаба.

— Заверяю ваше превосходительство, еще полчаса-час — и японцы ворвутся в город. Только не давайте больше ни одного солдата из резерва,— горячо уверял Сахаров.

— Но все дело могут испортить моряки. Они очень храбры и беспощадно колотят этих проклятых японцев.

— Мною приняты меры, чтобы они не попали туда, куда надо.

— Какие там меры. Они по собственной инициативе свернули на атакованный участок и сейчас подходят к Залитерной и Орлиному Гнезду вместо первого форта, куда их направили.

— Не поспеют! Батарея литеры Б приведена к молчанию, редуты и форт номер два взяты...

— Справьтесь об обстановке у телефонистов,— кивнул Фок.

Сахаров исчез.

— Полный успех! Взята Китайская стенка. Залитерная окружена, Орлиное Гнездо штурмуется,— доложил вернувшийся Сахаров.— Стессель совсем потерял голову и идет сюда. Кондратенко неизвестно где, Смирнов тоже.

— Кондратенко на Большом Орлином Гнезде и оттуда руководит всеми действиями. На Смирнова мне наплевать. Я все равно не стану с ним считаться. Попробую уговорить Стесселя не давать больше людей из резерва.

Вошел Стессель, совершенно расстроенный и подавленный. Он растерянно озирался по сторонам.

— Александр Викторович, что делать? Японцы, того и гляди, ворвутся в город и учинят резню, как при взятии Артура в китайскую войну.

— Прежде всего стянуть сюда, к штабу, все оставшиеся резервы и казачью сотню, для того чтобы в случае прорыва мы имели под рукой силу. Это предохранит нас от японцев в первый момент, а затем можно будет с ними вступить в переговоры.

— Но Кондратенко требует помощи, он уверен, что сможет отразить штурм, если ему пришлют хотя бы два батальона. У тебя сколько осталось?

— Три батальона.

— Отправь на позицию два, а один пусть находится здесь.

— Не дам ни одного солдата!

 — Почему?

— Не хочу подыхать раньше времени и тебе не советую! Мы старики и сами себя защитить уже не сможем, не говоря о твоей семье. Один батальон будет смят немедленно, и представь себе, что тогда произойдет!

— Это, конечно, так, но еще лучше японцев вовсе не допускать в город.

— Это не в наших силах!

— Кондратенко надеется...

— Охота тебе его слушать!..

— Смирнов ручается за успех!

— Бред сумасшедшего.

В дверь постучались, появился запыленный конный ординарец с пакетом от Кондратенко. Стессель вскрыл его трясущимися руками.

— «Огнем батареи литеры Б атакующие колонны были буквально сметены, блестящей контратакой моряков противник всюду отброшен за линию фортов в исходное положение. Для закрепления достигнутого успеха прошу выслать в мое распоряжение два батальона. Считаю, что город в безопасности. Кондратенко»,— прочитал генерал.— Слава тебе господи,— набожно перекрестился он.— Отправить требуемые резервы.

— Надо еще проверить это сообщение. Кондратенко человек увлекающийся и часто видит не то, что есть, а что ему хочется,— сухо заметил Фок.— Надо подождать!

— Телефонограмма от генерала Белого,— доложил вошедший адъютант князь Гантимуров.

— «Все атаки отбиты, отступающих преследую огнем всех своих батарей. Нахожусь на Орлином Гнезде. Артур вне опасности. Белый»,— прочитал Стессель.

— Отправить резервы! Объявить в приказе благодарность морякам и артиллеристам,— распорядился уже успокоившийся Стессель.— Я буду у себя в штабе.

— Слушаюсь,— нехотя ответил Фок.— Черта лысого я отправлю батальоны до темноты,— бормотал он, когда Стессель вышел.

— Сорвалось! — мрачно прошептал Сахаров.— Черт бы побрал этих артиллеристов! На литере Б сидит Жуковский с Электрического Утеса... Белый знал, кого послать на эту батарею!

— Прошу помнить, что я сделал все зависящее, чтобы задержать резервы,— напомнил Фок.

— Уговор дороже денег, ваше превосходительство. Тем более что сегодняшняя обстановка может повториться еще не раз. Разрешите откланяться.

В тот же вечер, когда стемнело и небо покрылось густыми грозовыми тучами, по военной дороге, идущей вдоль линии укреплений, ехали верхом три генерала, Смирнов, Кондратенко и Белый, со своими ординарцами.

— Хотя вы, Роман Исидорович, и не считаете целесообразным разработку различных планов штурмов крепости, но сегодняшние атаки почти в точности повторили мой вариант номер восемнадцать. Только контратака была произведена фронтально, а не во фланг, как у меня,— обратился Смирнов к Кондратенко.

— Всего, ваше превосходительство, предусмотреть невозможно! Я хотя и незнаком с упомянутым вами вариантом, но тем не менее довольно легко нашел единственно правильное в наших условиях решение — и контратака увенчалась успехом.

— Не помоги вам батареи Василия Федоровича, еще неизвестно, чем бы все кончилось!

— Я был твердо убежден, что артиллеристы и моряки не замедлят прийти на помощь пехоте, и, как видите, не ошибся.

— Боюсь только, что слишком много израсходовано снарядов. Вам, Василий Федорович, надо быть поэкономнее, стрелять только наверняка и не разбрасывать огонь батарей по нескольким целям.

— Указания вашего превосходительства мною будут приняты к неуклонному руководству,— отозвался Белый.

Наступил серый, холодный рассвет. После прошедшего ночью ливня густой туман затянул все ложбины сплошной молочной пеленой. Глухо раздавались одиночные ружейные выстрелы и тотчас же замирали в неподвижном воздухе.

Звонарев поднялся на бруствер батареи литеры Б и в бинокль оглядел горизонт. Вдали синели Волчьи горы, справа чуть проступал Дагушань, слева торчало Большое Орлиное Гнездо, а внизу все было скрыто медленно колыхающимися облаками. Даже расположенные в сотне саженей впереди окопы казались подернутыми дымкой. Стрелки во весь рост ходили вдоль своих окопов. Кое-где еще догорали ночные костры. Все было спокойно.

Прапорщик сошел вниз и, доложив обстановку на фронте Жуковскому, отпросился на Залитерную, где у него остались вещи. По пути рядом с ним брели с ночных работ на передовых позициях команды саперов. Навстречу тарахтели запоздавшие кухни и провиантские повозки.

Звонарев уже подходил к самой Залитерной, когда сзади раздалось несколько глухих взрывов, а за ними частая ружейная стрельба. Движение по дороге сразу ускорилось. Быстрее зашагал и прапорщик. Перестрелка нарастала. Скоро все слилось в один сплошной гул. Несколько беспорядочных орудийных выстрелов ворвалось в этот хаос звуков.

Добравшись до Залитерной, прапорщик кинулся на наблюдательный пункт. С горы было видно, как сверкали огни выстрелов в еще полутемных низинах. Полоска огней быстро приближалась к чуть заметной Китайской стенке. Вскоре из тумана начали появляться сначала одиночные стрелки и матросы, затем группы, и наконец показались быстро отходящие цепи русских. Было очевидно, что начался новый штурм. Прапорщик устремился на батарею и впопыхах едва не сбил с ног Борейко.

— В чем дело? — спросил Борейко.

— Атака, японец уже поднимается на Залитерную, скорее огонь!

— К орудиям! Картечью! — закричал поручик.— Ты отправляйся к правому флангу, а я буду на левом,— наспех распоряжался он.

Артиллеристы, еще не вполне очнувшиеся от сна, полуодетые, босые, суетились около орудий.

— Наводи прямо в гребень, бей без команды, но не суетись. Слышали, черти полосатые?! — вопил во всю силу своих легких поручик, стоя на одном из траверсов батареи.

У левых орудий на взводе стоял Родионов. Тут же вертелся без особого дела Блохин. Едва успели зарядить пушки, как впереди показалась первая японская цепь. Один за другим прогремели выстрелы, и картечь с визгом и воем понеслась навстречу врагу, сметая все на своем пути. Но тотчас появилась новая цепь, за ней еще и еще. Стрельба стала неровной.

— Вашбродь, японец заходит слева! — закричал вдруг Родионов.

— В ружье! — рявкнул Борейко.— Стрелять лишь правыми орудиями!

Артиллеристы бросились разбирать винтовки, готовясь принять в штыки обходящие цепи.

— Не горячись, целься вернее,— спокойно покрикивал Звонарев.— Бери цели во фланг.

Но солдаты сами старались изо всех сил. Их лица были красны от натуги, рубахи промокли от пота. Огля-

дываясь по сторонам, они в то же время быстро ворочали пушки в нужном направлении.

Обойдя батарею с тыла, японцы с криком «банзай» кинулись в штыки. Борейко, размахивая саблей, первый с ревом бросился на них. Началась рукопашная схватка. Сперва артиллеристы оттеснили врага, но затем начали отходить перед численно превосходящим противником. Орудийная стрельба прекратилась. Все взялись за ружья. Огромная фигура Борейко возвышалась над всем побоищем. Он крошил направо и налево, рядом с ним орудовали Родионов, Кошелев и Лебедкин. Вдруг шашка поручика разлетелась в куски от удара об японский штык. Борейко отскочил назад и, нагнувшись, схватил гандшпуг — саженный, окованный железом дубовый брус, и, размахивая им над головой, опять ринулся на японцев. Первый ряд их был буквально сметен, остальные в ужасе отступили назад. Тогда Родионов и Лебедкин, вооружившись банниками, бросились за своим командиром. Этим страшным орудием они дробили головы, ломали руки, сбивали с ног. Японцы дрогнули и побежали, артиллеристы ринулись за ними. К ним на помощь подоспели стрелки, и враг был окончательно отброшен.

Едва успели устранить эту опасность, как обозначился обход справа. Звонарев с несколькими солдатами открыл по ним безуспешную стрельбу из ружей. Японцы быстро приближались и вскоре вновь сошлись в штыки. В это время прапорщик увидел, как с батареи литеры Б в тыл врагу ринулись на выручку Залитерной второй и третий взводы. Впереди бежал, нелепо размахивая шашкой, Жуковский. Фуражка у него свалилась, но он ничего не замечал. Солдаты быстро обогнали капитана и врезались сзади в цепи наступающих. Блохин с группой солдат кинулся за ними. Японцы смешались и бросились назад.

— К орудиям! — закричал Борейко. Сам став за наводчика, он дал выстрел картечью по отступающим; за ним открыли огонь и остальные пушки, довершая разгром противника.

Отброшенные назад к Китайской стенке, японцы были здесь атакованы с флангов подоспевшими стрелками и моряками, которые отрезали им путь отступления. Началось беспощадное избиение окруженных. На пространстве квадратной версты несколько тысяч русских в белом и японцев в зеленом в одиночку и группами дрались врукопашную. Ни японская, ни русская артиллерия не осмеливались обстрелять это побоище, до такой степени все перемешалось. Но к русским подходили новые и новые ре-

зервы, и вскоре зеленый цвет был совершенно поглощен белым. Тотчас японская артиллерия открыла ураганный огонь по месту сражения, добивая своих и чужих раненых. Русские поспешили укрыться за Китайской стенкой.

При первых орудийных выстрелах Варя побежала на Залитерную с перевязочным материалом и йодом. Пробежав с полдороги, она неожиданно оказалась перед японцем, озиравшимся по сторонам. Вид бегущей женщины его озадачил. Он не сразу сообразил, надо ли ему колоть эту бегущую русскую. Воспользовавшись этим мгновением, Варя швырнула ему в лицо банку с йодом. Японец взвыл от острой боли в глазах, стараясь стереть едкую жидкость. Девушка тем временем успела скрыться за поворотом. На батарее она уже не застала японцев и немедленно принялась перевязывать многочисленных раненых.

Борейко, с окровавленным гандшпугом в руках, в разорванном в клочья кителе, без фуражки, с повязкой на голове, осматривал с высоты бруствера свою батарею. Все было в целости, и если бы не десяток-другой японских трупов и большое число раненых, никто бы не сказал, что здесь только что разыгрался кровавый эпизод войны. Увидев Варю, он с сердцем плюнул:

— Опять принесла ее нелегкая!

Солдаты тотчас же столпились около девушки, ожидая своей очереди для перевязки.

— Смирно! — заорал Борейко.

Солдаты вытянулись, обернувшись к поручику.

— Спасибо за службу геройскую! Всем выдам по чарке водки.

— Рады стараться, покорнейше благодарим! — рявкнули в ответ артиллеристы.

— Тимофеич, выясни, кто у нас ранен или убит!

— Убитых, слава богу, нет, а раненых изрядно,— ответил Родионов, у которого тоже были перевязаны голова и левая рука.

— Двадцать человек,— доложил он через минуту,— из них пятеро тяжело.

— Значит, целых осталось всего пятнадцать. Маловато, надо будет просить пополнения. Прапорщик где?

— На «литербу» ушедши. Там тоже есть раненые,— сообщил Блохин, кривясь от боли в простреленном плече.

— Откуда там раненые?

— Капитан самолично пошли нам на выручку с вторым и третьим взводом.

— Сам-то он цел? — забеспокоился Борейко.

— Так точно. Вот они идут к нам.

Борейко оглушительно скомандовал «смирно» и, соскочив с бруствера, подошел к командиру роты с рапортом.

— Бросьте эти церемонии, дорогой! Какие у вас потери? — остановил его Жуковский.

Поручик доложил.

— А у вас? — в свою очередь, спросил он.

— Трое ранено и один убит.

— Жаль беднягу...

Поблагодарив затем солдат за службу, капитан подошел к Варе.

— Вы наш ангел-хранитель! Чуть бой, а вы уже на батарее. Я сейчас пришлю сюда Мельникова вам на помощь.

— Боюсь, чтобы меня отсюда не прогнал Борейко, он смотрит на меня волком...

— ...хоть и сам нуждается в вашей помощи.

— Подождет Мельникова, а я займусь тяжелоранеными. Софрон Тимофеевич, подходи! — ласково обернулась она к Родионову.

— Он мне в морду штык сует, ну я и схватился за него рукой и порезал пальцы, да и голову тоже не предохранил. Кабы не Заяц, закололи б меня,— рассказывал фейерверкер.

— А что Заяц сделал? — поинтересовался Жуковский.

— Когда японец меня совсем уже брал на штык, он вскочил на него сзади и укусил за ухо. Тот от неожиданности не устоял на ногах и упал, тут его и прикололи. Вон за батареей лежит. Заяц с него на память башмаки снял — видите, красуется теперь в них.

Варя обернулась. Окруженный солдатами, артельщик, заложив руки в карманы, важно расхаживал по батарее в японских ботинках с обмотками.

— Знай наших! Приеду в Свенцяны, все с зависти полопаются, как я начну давить в них фасон,— шутливо хвастался он.

За Родионовым к Варе подошел Блохин. Пока ему очищали сквозную пулевую рану в плече, он морщился, но терпел, когда же ввели туда йодистый томпон, он разразился отборнейшей руганью, но тотчас опомнился.

— Ты не слухай, сестрица, это я для облегчения душевного,— поспешил оправдаться он.

— Потерпи, сейчас конец,— уговаривала его Варя, вводя глубоко в рану зонд.— Вставлю турундочки — и все.

Перевязка раненых уже заканчивалась, когда к батарее подъехали Белый и Кондратенко. Борейко в своем

живописном неглиже поспешил скрыться. Жуковский, как всегда, при виде начальства сразу растерялся, пискливым голосом подал команду и, заикаясь, отрапортовал. Оба генерала тепло поздоровались с ним и поблагодарили за блестящее отражение атаки.

— Вы сами, говорят, зарубили двух японцев,— заметил Белый.

— Откуда вы это знаете, ваше превосходительство?

— На батарее литеры Б нам все рассказал Звонарев.

Капитан сделал досадливый жест.

— Я увидел, что Залитерная находится в опасном положении, и поспешил на помощь. Только и всего. Борейко, тот действовал героически со своими солдатами. Больше половины людей ранены, в том числе и он.

— Не скромничайте, Николай Васильевич! Мы все хорошо знаем вашу личную храбрость и неустрашимость в бою.

Оглянувшись, Белый увидел свою дочь за перевязкой.

— Так вот где ты пропадаешь? — накинулся он на нее.— Ищем ее по всему Артуру. Пошли в госпиталь, там ее нет, на перевязочном пункте тоже нет, а она, оказывается, лазит по батареям. Постыдилась бы людей — грязная, растрепанная, в стоптанных туфлях. Сейчас же отправляйся домой и приведи себя в порядок.

— Варя вчера и сегодня самоотверженно работала под огнем,— вступился Жуковский.

— И совершенно напрасно. В госпиталях не хватает сестер, а здесь и санитары справятся.

— Все любовь,— бросил вскользь подошедший Борейко.

Варя ответила ему уничтожающим взглядом.

— Просто дурь,— сердито буркнул Белый.

Разобиженная девушка, демонстративно попрощавшись только с солдатами, все же не утерпела и зашла в офицерский блиндаж, где находился телефон. Вызвав Звонарева, она пожаловалась на несправедливость.

— И Борейко гонит, и папа сердится. Но все равно завтра буду опять на пункте. Вы же помните, что береженого и бог бережет.— И девушка повесила трубку, тяжело при этом вздохнув. Затем она гордо прошла мимо Борейко и скрылась за поворотом дороги.

Генералы осмотрели батарею и отбыли в штаб Стесселя, пообещав прислать пополнение из моряков.

Стессель собирался уже покинуть штаб, когда Кондратенко и Белый подъехали к крыльцу.

— Пойдемте, господа, обедать, за столом мы обсудим все интересующие вас вопросы,— любезно пригласил он гостей.

В столовой их встретила Вера Алексеевна. Приветливо поздоровавшись, она распорядилась прибавить два прибора.

Пока генералы совершали предобеденный туалет, подошел Никитин. Он выглядел еще больным после только что перенесенной дизентерии.

— Владимир Николаевич! Как я рада вас видеть,— заспешила к нему навстречу генеральша.

— Первый выход мой к вам, драгоценная матушка Вера Алексеевна. Если бы не вы, давно лежал бы я в земле сырой. Пожалуйте ручку, благодетельница вы моя.

— Для вас, Владимир Николаевич, у меня все найдется. Ведь вы мой рыцарь без страха и упрека.

— Таким и останусь до самой гробовой доски! — пылко заверил ее генерал.

Все заняли места. Пока генеральша разливала суп, мужчины занялись водкой и закусками. Особенно отличался Никитин. Рюмка за рюмкой с быстротой молнии исчезали в его глотке. Одновременно лицо его принимало неестественно красный цвет, а мысли приобретали необычайную легкость.

— Слыхал, Анатолий Михайлович, о новом подвиге нашего артурского Архимеда — Смирнова? — обратился он к Стесселю.

— Опять начудил где-нибудь?

— Сидел это он, сидел и вдруг изобрел новый способ артиллерийской стрельбы при помощи высшей математики и тому подобной ерундистики. Это открытие так его потрясло, что он, забыв обо всем, как был, выскочил на улицу и побежал прямехонько к Василию Федоровичу. Чуть невыразимые по дороге не потерял! — захохотал Никитин.

— Отдайте графин, Владимир Николаевич,— решительно потребовала Вера Алексеевна.

— Одну распоследнюю,— взмолился генерал. Но хозяйка уже спрятала водку.

Стессель покатывался со смеху, слушая болтовню своего друга и наблюдая за его войной с Верой Алексеевной.

— Это тебе не я! Здесь потачки не получишь.

Кондратенко и Белый тоже улыбались в усы.

 — А Фокушка-то наш тоже отличился,— продолжал

Никитин.— Приказал ты отправить все резервы на позиции. Значит, и ему тоже надо с ними отправиться, а идти не хочется, больно сильно японец стреляет. Ну, и объявил он, что ввиду праздничного дня резервы задерживаются до завтра.

— Какого же святого он праздновал? — спросила генеральша.

— Труса праздновал, матушка Вера Алексеевна,— выпалил Никитин.

Его шутка на этот раз не вызвала смеха.

— Я тоже хотел доложить вам, Анатолий Михайлович, что ваше распоряжение об отправке резервов на позицию генералом Фоком выполнено не было. Это едва не привело сегодня к прорыву нашей второй линии,— проговорил Кондратенко.

— Подобное поведение Фока совершенно недопустимо! — возмутилась Вера Алексеевна.— Он уже перестал считаться с тобой, Анатоль, он должен твердо помнить, что в Артуре всякое твое слово для всех является законом.

— Подайте мне рапорт, Роман Исидорович. Я сам займусь этим делом,— распорядился Стессель.

— Дело и так ясное. Раз Фок не хочет тебя слушать, его необходимо отстранить,— вмешалась Вера Алексеевна.

— Пожалуй, я так и сделаю! Завтра же отдам приказ об отчислении его в мое распоряжение,— решил Стессель.

— Как же обстоят дела на позициях? — осведомилась Вера Алексеевна у Кондратенко.

— Все атаки отбиты, особенно отличились артиллеристы — банниками отбивались от японцев на Залитерной и ходили в штыки на батарее литеры Б. Зато и потери велики, из ста двадцати офицеров семь убито и двадцать три ранено.

— Какой ужас! А кто командиры на этих батареях?

— С Электрического Утеса — Жуковский, Борейко, Звонарев,— сообщил Белый.

— Мосье Звонарев тоже отличился? — поинтересовалась генеральша, обращаясь к Белому.

— Об этом лучше спросить Варю,— улыбнулся Кондратенко.— Она днюет и ночует около той батареи, где находится прапорщик.

— Совсем отбилась от рук. Запру ее дома, пусть помогает матери по хозяйству,— сердито отозвался Белый.

— В окошко выпрыгнет, в трубу вылетит, а к своему

милому доберется: девчонка боевая! — поддел Стессель.

Обед кончился. Гости стали прощаться.

Вечером Стессель пригласил к себе Фока и в дружеской форме предложил ему временно отдохнуть.

— Тебе Смирнов с Кондратенко посоветовали убрать меня? — в упор спросил Фок.

— Твое недомогание заставляет позаботиться о твоем здоровье, и, кроме того, ты останешься моим советником.

Генерал просил дать ему время подумать и отсрочить приказ до следующего дня, на что Стессель и согласился. Вернувшись домой, Фок тотчас же вызвал к себе Сахарова и сообщил ему о полученном распоряжении.

— Вот и отлично! — обрадовался капитан.— Вы ни за что сами не будете нести ответственности, и в то же время ваше влияние на Стесселя еще увеличится.

— Так-то оно так. Но все же авторитет мой будет умален, ибо фактически меня отстраняют от дела.

— Себе на голову. Вы отныне будете посторонним беспристрастным наблюдателем. Никто вам не помешает давать критическую оценку происходящим событиям. Эти отзывы можно рассылать в письменном виде в назидание всем начальникам вплоть до командиров полков.

— Не собираетесь ли из меня на старости лет сделать писаку-шелкопера?

— Ваше превосходительство недооцениваете значение печатного слова, им можно достигнуть многого.

— Что же, например?

— Внушения массам нужных идей; подрыва авторитета определенных лиц.

— Я начинаю вас понимать.

— В этом я никогда не сомневался! Письмецо о промахах, действительных или мнимых, Смирнова, Кондратенко и других неугодных вашему превосходительству лиц может иметь весьма серьезные последствия. Их можно отправлять простой почтой, чтобы с содержанием могли познакомиться также и писари, а через них и широкие солдатские массы.

— Вы считаете, что таким образом можно влиять на настроение гарнизона?

— Так точно! Писаря — это прирожденные сплетники и паникеры. От них всегда идут самые нелепые и поэтому кажущиеся солдатам наиболее правдоподобными слухи.

— Тифонтай прекрасно умеет подбирать себе друзей и служащих! Такого прохв... проныру, как вы, днем с огнем не сыщешь. Вы далеко пойдете, Василий Васильевич!

— С вашей помощью, ваше превосходительство...— расшаркался Сахаров.

Друзья расстались, а на следующий день был объявлен приказ об освобождении Фока от должности начальника общего резерва крепости с назначением в распоряжение Стесселя.

К одиннадцатому августа штурм прекратился. В руках японцев остались лишь совершенно разрушенные редуты номер один и два в промежутке между фортами номер два и три. За время штурмов японцы потеряли свыше 15 000 человек. Русские потеряли 3000. Сознание одержанной победы высоко подняло моральный дух гарнизона. Даже Стессель счел нужным обратиться к солдатам со следующим приказом: «Слава вам, доблестные защитники Артура, грудью своей отстоявшие русскую твердыню на Дальнем Востоке! В течение недели вы без смены, без отдыха выдерживали натиск во много раз численно превосходящих вражеских полчищ. Вы под руководством героических начальников, генералов Фока, Кондратенко, Никитина и Белого, показали, на что способен русский солдат в бою. Все мои приказания выполнялись быстро и точно, в чем я лично мог убедиться, беспрерывно находясь на атакованных участках. Приказ прочесть во всех ротах, сотнях, батареях и командах».

— Стессель — на передовых позициях!.. Будет чем посмешить сегодня солдат на вечерней перекличке,— захохотал Борейко, прочитав это произведение.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

После штурмовых дней на позициях настало затишье. Редко-редко в раскаленном, знойном воздухе летних артурских дней раздавался одиночный орудийный выстрел. Целыми днями солдаты лежали в тени блиндажей и козырьков, предаваясь отдыху. На батареях литеры Б и Залитерной жизнь шла размеренным чередом. Шесть дней каждый взвод проводил на позициях, а затем на двое суток шел на отдых на Утес. С солдатами менялись и офицеры.

Открытый на Утесе околоток для слабосильных был почти пуст. Рива и Шура вполне справлялись с работой.

Гудима, опираясь на палочку, тихонько бродил по двору, наводя порядок среди артиллеристов и выздоравливающих.

Рассчитав, что Звонарев должен находиться на Утесе, Варя утром прискакала верхом. Подъехав к батарее, она, как всегда, оставила лошадь около кухни и отправилась в офицерский флигель. Там она прошла к комнате Звонарева и постучала в дверь. В ответ послышался женский голос, просивший немного обождать. Варя мгновенно насторожилась — голос показался ей знакомым. Кроме того, самый факт нахождения женщины в этот час в комнате Звонарева возбудил в ней ревнивые предположения. Варя нетерпеливо топала ногами, дверь наконец отворилась, и она оказалась лицом к лицу с Ривой. От неожиданности и удивления Варя несколько мгновений была совершенно неподвижна. Рива была тоже не менее удивлена и во все глаза смотрела на гостью. Она не понимала, зачем так рано Варя могла оказаться на Утесе.

— Войдите, пожалуйста,— первая опомнилась Рива.

Девушка вошла и быстрым взглядом окинула комнату. На вешалке у двери вперемешку висели женские платья и офицерские кителя, под ними красовались ботфорты со шпорами рядом с лакированными дамскими туфельками. На столе лежали крахмальные манжеты и приготовленная для починки мужская рубаха, но самого Звонарева не было.

— Где он? — глухо спросила Варя. Лицо ее запылало багровым румянцем.

— Сережа? Он на Залитерной.

То, что Рива назвала Звонарева просто по имени, окончательно нарушило душевное равновесие Вари.

— Вы зачем здесь? — резко спросила она.

— Я здесь живу,— ответила Рива, не понимая раздражения гостьи.

— Вы... Вы завлекли его, мерзкая тварь, вы хотите сделать его несчастным на всю жизнь, но... но это вам не удастся! — трясясь от ярости, закричала Варя и, хлопнув дверью, вылетела наружу.

— Позвольте, вы не поняли!..— кинулась было ей вслед Рива, но Варя, ничего не помня от горя и обиды, одним махом взлетела на свою Кубань и, огрев ее нагайкой, карьером понеслась с Утеса. Слезы градом катились по ее лицу, косынка съехала с головы, волосы растрепались. Она стремилась скорее повидать Звонарева и выяснить характер его отношений с Ривой. Ее самолюбие было больно уязвлено.

«Как мог этот низкий человек так долго обманывать меня, утверждая, что между ними ничего нет! Заставлю его публично сознаться в этой связи и порву с ним окончательно! — вихрем неслись мысли в голове девушки.— Я-то ему верила, я-то о нем заботилась...»

Затем с чисто женской логикой она начала подыскивать оправдание для Звонарева.

«Не столько виноват он, сколько эта подлая тварь. Очевидно, она пренагло явилась к нему сама и стала с ним жить, а он... шляпа, тряпка, не мог устоять и забыл обо мне! — всхлипнула Варя при этой мысли.— Быть может, он и вообще обо мне не думает,— пришла она к совсем печальному выводу, но тотчас его отвергла.— Думал и будет думать, и никому я его не отдам».

Размышляя таким образом, она доскакала до города. На Пушкинской улице ее окликнули.

— Варя, что случилось? Куда ты мчишься в таком неприличном виде? Посмотри на себя! Как тебе не стыдно появляться на улицах такой растрепанной.

Девушка оглянулась и увидела на тротуаре Веру Алексеевну.

— Ни-че-го! — все еще сквозь слезы отозвалась она.

— Сойди с лошади и пойдем к нам. Ты приведешь себя в порядок,— распорядилась генеральша.

Варя повиновалась.

Пока Варя приводила себя в порядок, Вера Алексеевна продолжала выспрашивать о том, что ее так огорчило. Девушка сперва отнекивалась, но затем все рассказала и при этом опять так расплакалась, что ее пришлось отпаивать водой.

— И охота тебе убиваться из-за какого-то Звонарева! Да он твоего ногтя не стоит! Есть много более достойных, чем этот противный прапорщик...— уговаривала генеральша.

— Он совсем не противный...

— Что ты в нем нашла? Случайный человек на военной службе, наверное, из поповского рода, гол, как сокол, невоспитан и к тому же, оказывается, грязный развратник!

— Неправда! Это она во всем виновата.

— А почему, собственно, эта мерзкая тварь оказалась на Утесе? Что ей там делать? Тут что-то неспроста!

— Приехала к нему...

— Только ли поэтому? — подозрительно спросила Вера Алексеевна.

— Не знаю!

— Я займусь ею сама сегодня же, и мы ее уберем оттуда на Ляотешань или Голубиную бухту. Туда твой красавчик не особенно разъездится.

Варя просияла.

— Эх, Варя! На тебя давно заглядывается наш Гантимуров, а ты и не замечаешь!

— Отвратительный слизняк!

— Неправда! Молод, интересен, старинного княжеского рода, принят в высшем свете. Правда, за душой у него ничего нет, но зато ты не бесприданница. Будешь княгиней, быть может, попадешь ко двору.

— Весь скользкий, мягкий, противный,— брезгливо ответила Варя.

— Ладно! Я с твоей матерью поговорю об этом. Она тебя наставит на путь истинный, а пока поезжай-ка ты домой. С такой заплаканной физиономией стыдно на людях показываться.

Варя взглянула в зеркало на свое распухшее от слез лицо, красные глаза и, попрощавшись, отправилась домой.

Как только она уехала, Вера Алексеевна приказала позвать к ней жандармского поручика Познанского.

— Честь имею явиться, ваше превосходительство! — вытянулся он перед генеральшей.

Она милостиво протянула ему руку, к которой поручик почтительно приложился.

— Садитесь, пожалуйста. Я пригласила вас к себе, чтобы попросить мне помочь в одном деле.

— Весь к вашим услугам,— расшаркался жандарм.

Генеральша рассказала о пребывании Ривы на Утесе.

— Эта жидовка наводит меня на подозрение. Что ей делать на Утесе, и почему она поселилась именно у Звонарева, который долгое время состоял при Кондратенко и досконально знает расположение и состояние всех укреплений Артура?

— Прикажете все расследовать?

— Не только расследовать, но и обезвредить эту тварь.— И генеральша состроила презрительную гримасу.

— Слушаюсь! Немедленно будет исполнено! Разрешите идти? — Познанский вскочил и мгновенно исчез за дверью. Затем он направился в штаб Стесселя. Зайдя к начальнику штаба полковнику Рейсу, он попросил у него приказа о производстве обыска в квартирах — Ривы в Новом городе и Звонарева на Электрическом Утесе и их аресте в случае обнаружения подозрительных материалов.

— Прапорщика Звонарева? — удивился Рейс.— Вы ведь знаете, что это протеже Кондратенко и почти зять Белого. Без ведома начальника района не могу,— отказал Рейс.

— Это распоряжение самой Веры Алексеевны.

Полковник испытующе посмотрел на Познанского.

— Хорошо! Я проверю потом ваше заявление.

Через четверть часа жандарм вышел с нужной бумажкой в кармане. По дороге к себе он мысленно набросал план действий. На Электрический Утес ему ехать не хотелось, так как он опасался столкновения с артиллерийскими офицерами, которые не переносили жандармов. В домике же Ривы можно было рассчитывать и на поживу при обыске. Поэтому, придя в жандармское управление, он предложил своему начальнику ротмистру князю Микеладзе отправиться на Утес. Ротмистр, не отличавшийся сообразительностью, согласился. Вскоре оба жандарма двинулись в путь.

На Утесе Микеладзе сперва зашел к Гудиме, предъявил свои полномочия и с ним отправился в комнату Звонарева. Появление жандармов повергло Риву в неописуемый ужас. Она совершенно растерялась, заплакала и бессвязно уверяла, что она ни в чем не виновата.

Ротмистр не замедлил счесть все это за косвенное доказательство своих подозрений и рьяно принялся за обыск. В результате были обнаружены завалявшийся старый план Артура, несколько неоконченных проектов батарей с объяснительной запиской к ним. Захватив все это, жандармы увезли с собой и Риву.

— Добрались-таки и сюда, сволочи,— выругался Лебедкин, издали наблюдавший с солдатами за происходящим.

— Нет нашего поручика. Он бы ее в обиду не дал. Живо бы прогнал отсюда этих стервецов,— поддержали солдаты.

— Я сейчас поеду на Залитерную с обедом,— вмешался Заяц,— и сообщу все прапорщику.

— Только лети духом, чтобы они скорее тебя не добрались туда.

— Кухня-то сегодня полупустая, мигом доберемся. Белоногов, запрягай,— скомандовал Заяц своему помощнику.

Доставив арестованную на гарнизонную гауптвахту, Микеладзе отправился на Залитерную за Звонаревым. Прапорщика там не оказалось. Предупрежденный Зайцем, он отправился на батарею литеры Б посоветоваться

с Жуковским. Борейко же при виде жандарма не замедлил взъерошиться.

— Если бы прапорщик и был здесь, то все равно я не допустил бы его ареста. А пока что прошу освободить батарею от вашего присутствия,— отрезал он ошарашенному ротмистру.

— Вы забываете, что я прибыл по распоряжению штаба Стесселя.

— Прибыли вы не ко мне, нужного вам лица здесь нет. Поэтому ваше пребывание на Залитерной совершенно излишне. Эй, подать экипаж начальника жандармского управления! — приказал поручик.

— Но хоть укажите, где сейчас находится Звонарев.

— Мне это совершенно неизвестно.

Микеладзе нехотя направился к экипажу.

— Вашбродь, прапорщик Звонарев просят вас к телефону,— подбежал в это время денщик Борейко.

— Идиот,— зашипел на него поручик, но было уже поздно. Жандарм быстро обернулся.

— Вот и прекрасно. Я сейчас переговорю с ним и попрошу его приехать сюда,— проговорил он.

Но вместо прапорщика ротмистру пришлось говорить с Жуковским.

— Поскольку я не получил от своего начальника никаких распоряжений относительно Звонарева, я не считаю возможным выполнить ваше требование,— ответил капитан.— Вам придется лично предъявить мне приказ об аресте.

— Не могу же я этого сделать по телефону.

— Остается одно — прибыть ко мне на литеру Б.

На фронте было тихо, и это придало храбрости жандарму. Скрепя сердце он отправился к Жуковскому.

— Николай Васильевич, гоните эту сволочь в шею и без разрешения Белого Сережу не выдавайте,— тотчас же проинструктировал своего командира Борейко.

Увидев подпись Рейса, Жуковский заколебался и предложил Звонареву самому решить, что ему делать.

— Раз есть приказ, надо ему подчиниться,— со вздохом проговорил Звонарев.

— Я же немедленно обо всем сообщу в Управление артиллерии. Все, конечно, быстро выяснится,— обрадовался Жуковский.

Звонарев стал прощаться. Солдаты недоумевающе спрашивали друг у друга, почему забирают прапорщика.

— Донос на него был, что он японцу в руку играет,— сообщили наиболее осведомленные телефонисты.

— Чепуха все это! То-то он позавчера не менее батальона побил да покалечил, когда сам из пушки с Жигановым стрелял.

— Это, знать, он для отводу глаз!

— За такой отвод японец небось его не поблагодарит.

— Прощайте, братцы! Дай вам бог удачи! — обратился к ним Звонарев.

— Счастливо! Скорей до нас вертайтесь назад,— хором ответили артиллеристы.

Пока Микеладзе орудовал на Утесе и батарее литеры Б, Познанский тоже не терял времени. Подойдя к домику Ривы в Новом городе, он предусмотрительно оцепил его, а затем, обойдя со двора, стал стучать в заднюю дверь.

Куинсан тихо беседовала со старым китайцем, почтительно выслушивая его указания, когда раздался стук в двери. Выглянув в окно, она увидела, что дом оцеплен жандармами. В страхе она сообщила об этом своему гостю.

— Что бы ни случилось, говори одно: не знаю, не знаю, не помню, все отрицай. Русские жандармы и власти особенной понятливостью не отличаются. Не думаю, чтобы они смогли разоблачить меня, а тем более тебя,— наставлял старик девушку.

— Может, постучат и уйдут? — предположила Куинсан.

— Это молодой жандарм, поручик Познанский,— разглядел в щелку старик.— Он обязательно ворвется в дом. Захочет отличиться. Будь с ним особенно осторожна...

Все окна были закрыты, внутри не было слышно ни малейшего движения, домик казался пустым. Поручик призадумался. Принадлежи дом только Риве, он без стеснения выломал бы двери и произвел обыск. Но ему прекрасно было известно, что дом находится в аренде у лейтенанта Акинфиева. Вломиться в квартиру морского офицера — значило иметь крупные неприятности с флотским начальством. Это не сулило Познанскому ничего хорошего.

– Постучи посильнее в последний раз, а там придется обождать чьего-либо прихода, чтобы попасть внутрь,— распорядился он.

С энергией жандармы забарабанили во все окна и двери. От их чрезмерного усердия посыпались кое-где стекла.

— Осторожнее, косолапые идиоты! — прикрикнул поручик.

— Слыхать, ходют, вашескородие,— обрадованно доложил один из унтеров.

— Отворяй дверь живо, сволочь,— заорал Познанский, заметив в одном из окон Куинсан.

Девушка поспешила выполнить приказание.

— Ты оглохла, что ли, дура,— накинулся на нее жандарм.

— Моя сипи, сипи, ничего не слышай,— пробормотала, низко кланяясь, испуганная Куинсан.

Войдя в дом, жандармы бросились обшаривать все закоулки и вскоре извлекли из одной кладовушки старого нищего.

— Моя старая папа,— бросилась к нему Куинсан. Нищий казался страшно испуганным и усиленно кланялся.

— Шпион, сволочь! — проговорил Познанский, дергая его за косу.

— Моя чесни китайса,— со стоном проговорил старик, откидываясь назад.

— Что ты тут делаешь, старый хрыч? — буркнул Познанский.

— Куш, куш мала-мала.

— Моя чифан[1] ему дай,— вмешалась Куинсан.

— Недурна канашка,— взял ее за подбородок жандарм.— У такой обезьяны и такая дочка! Силин, нет ли там отдельной комнаты? Мне надо поговорить по секрету с ней,— обратился он к своему старшему унтер-офицеру.

— Спальня имеется, вашбродь, в ней кровать пуховая,— понимающе улыбнулся Силин.

— Вы тут присмотрите за стариком, чтобы не сбежал,— распорядился поручик.

— Не извольте беспокоиться — углядим, вашбродь,— успокоил Силин.

Старик сидел на табуретке, совершенно безучастный ко всему окружающему.

— Эх, старик! — обратился к нему один из жандармов, оставшихся на кухне.— Дело твое худое есть, будет тебе кантами.— И он выразительно ударил себя ребром ладони по шее.

— Моя чесни китайса.

— А зачем долго не отпирал дверь?

— Шибко ломайло, шибко старашно.

[1] Чифан — еда, обед.

Унтер закурил и стал поглядывать в двери комнат, другой перебирал кастрюли, выбирая себе по вкусу. Старик неожиданно метнулся в сторону и исчез за дверью.

— Стой, куда? — бросились за ним жандармы.

Старику удалось бы убежать, но на его несчастье, выбегая во двор, он налетел на одного из расставленных снаружи унтеров. На крик сбежались остальные жандармы и сам Познанский, не успевший «допросить» Куинсан.

— Вяжи стервеца, да покрепче! — распорядился Силин.— Старый, а силы больше, чем у молодого.

Избитого, связанного по рукам и ногам нищего заперли в сарай и рядом с ним посадили караульного. Познанский больше не сомневался, что пойманный — шпион, и, обрадованный удачей, торопился закончить обыск. Ничего подозрительного найдено не было.

Через полчаса старика и Куинсан под конвоем отвели на гауптвахту, а Познанский поспешил с докладом к Микеладзе. Затем они отправились в штаб Стесселя. Ознакомившись с делом, генерал приказал весь материал отправить к председателю крепостного суда, генералу Костенко.

Вернувшись домой, Варя, чтобы отвлечься от своих грустных мыслей, усиленно занялась хозяйством, помогая матери.

Рива не выходила у нее из головы. Она ломала голову над тем, как разъединить ее с Звонаревым. В помощь Веры Алексеевны она не верила.

Найду лейтенанта, который содержит ее, и все расскажу ему,— наконец решила она.

Но ни его фамилия, ни теперешнее местонахождение ей не были известны. Варя решила попытаться узнать фамилию Ривиного друга у старшего писаря Управления артиллерии Севастьянова, который был в курсе всех артурских дел.

— Петр Евдокимович, не знаете ли фамилию того моряка, который содержит эту... Риву? — спросила она его.

— Вы хотите сообщить ему о ее аресте?

— Как аресте?

— Разве вы не знаете, барышня? Ее забрали вместе с прапорщиком Звонаревым.

— Звонарев арестован? — побледнела Варя.

— По распоряжению полковника Рейса. Обвиняется чуть ли не в шпионаже.

— О господи! Да кому же могла прийти в голову такая нелепая мысль?

— Не знаю. Сейчас они на гауптвахте, а вечером их будут судить.

У Вари подкосились ноги, и она опустилась на табуретку, почти теряя сознание.

— Вам нехорошо, барышня? Я сейчас принесу воды,— засуетился Севастьянов.— Да вы не волнуйтесь. Их, наверное, генерал Костенко оправдают.

Преодолев минутную слабость, Варя поспешила домой.

— Папочка, Сереж... Сергей Владимирович арестован! — влетела она в кабинет отца.

— Да, знаю, какое-то недоразумение,— спокойно ответил Белый.

— Его сегодня судить будут! — с отчаянием проговорила Варя.

— Тем лучше. Костенко его знает по работе и, конечно, быстро разберется во всем.

Варя постояла несколько секунд в нерешительности.

— А его не повесят, папа?

— За что? Разве за то, что сбил тебя совсем с панталыку. Так за это надо прежде всего тебя драть, чтобы дури в голове было меньше.

— Все это неправда, папа! — смущенно проговорила девушка и поспешила выйти.

— Скорее к Костенко,— шептала она, выходя из дому.

Костенко по-прежнему жил на так называемых дачных местах, расположенных в седловине между отрогов Золотой и Крестовых гор.

Варя застала его отдыхающим после обеда.

— Не приказали до вечера будить,— сообщил девушке денщик.

— Он знает, что сегодня состоится заседание суда по делу о шпионстве?

— Нынче почти каждый день кого-нибудь судят,— равнодушно ответил солдат.

Подождав немного, Варя решительно вошла в дом и поскреблась в дверь кабинета, но ответа не последовало. Тогда она осторожно открыла дверь и тихонько окликнула генерала.

— Кто там? — спросонок не разобрался Костенко.

— Это я,— вошла девушка.

— А, попрыгунья-стрекоза! Входи, входи. Зачем ко мне залетела?

— Он совсем ни при чем, это все она! — заволновалась Варя.

Костенко протер глаза и удивленно уставился на свою гостью, которая, захлебываясь и глотая слова, довольно бестолково рассказала о цели своего посещения.

— Вы, Михаил Николаевич, обязательно должны его освободить,— закончила она.

— Так это о твоем дружке сердечном дело идет? Но ведь там замешана еще какая-то особа. Я сначала думал, что просто идет разговор о шпионах, и тут разговор короткий: вздернуть, и дело с концом. А тут, оказывается, целый роман с контрабасом, даже с двумя,— лукаво подмигнул он.

— Даю вам честное слово, что он ни при чем! — сложила на груди руки девушка.

— Было бы очень просто разрешать судебные дела на основе таких заявлений,— расхохотался Костенко.— Дай-ка я еще посмотрю присланный материал.— И он, оседлав очками свой нос, стал читать донесения жандармов.

— Интересно знать, что послужило началом дела. Тут имеется лишь предписание штаба Стесселя о производстве ареста. Но почему было отдано такое распоряжение, неясно,— бормотал генерал.— Ну, тут все пустяки, а это посерьезнее. Так, так! Прямых улик нет, но косвенные имеются, и их придется проверить,— резюмировал прочитанное Костенко.— Я лично не думаю, чтобы этот, как его... Звоников...

— Звонарев,— поправила Варя.

— Ну, все равно, чтобы он был замешан! Простое стечение обстоятельств.

— Вы пригласите папу в свидетели?

— Зачем беспокоить Василия Федоровича?

— Это же его офицер, он может дать о нем отзыв, и Кондратенко тоже.

— Конечно, суд примет во внимание мнения таких почтенных людей.

— Тогда я приведу папу на суд. А мне можно будет присутствовать на заседании?

— Не полагается. Дело пойдет при закрытых дверях.

— Хоть одним глазком посмотреть, что там будет делаться...

— Там видно будет.

Варя распрощалась и упорхнула, а Костенко, охая и кряхтя, стал собираться на службу.

После долгих настояний Варе все же удалось угово-

рить отца побывать на суде, Кондратенко же она так и не нашла.

Было около шести часов вечера. Дневной жар понемногу начал спадать. С моря потянуло прохладой. На улицах города появились гуляющие. Японцы молчали. На «Этажерке» играла музыка. С кораблей съезжали моряки. Китайцы-лоточники расположились у входа на бульвар.

Варя с отцом, свернув с набережной, направились к гарнизонному собранию, где обычно заседал военный суд. По дороге их нагнал уже немолодой, полный адъютант крепостной артиллерии, призванный из запаса прокурор порт-артурского окружного суда, поручик Азаров.

— Вы куда торопитесь, Иван Иванович? — спросил его генерал.

— Я назначен сегодня выступать в качестве обвинителя на заседании суда.

— Так это вы будете доказывать, что Звонарев виноват? — коршуном накинулась на него Варя.

— Зная ваши симпатии к нему, ограничусь требованием его расстрела, а не повешения.

— Как? Расстрелять? — не поняла шутки девушка и громко всхлипнула.— Он совсем невиновен,— сквозь слезы проговорила она.

— Не смей реветь на улице,— рассердился Белый,— иначе мы сейчас же отправимся домой! Вот уж действительно, «что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом»!

— Не волнуйтесь, Варя, все кончится пустяками,— успокаивал девушку Азаров.— Против нашего Сергея Владимировича обвинение очень слабое.

— А кто будет защитником?

— Капитан Вениаминов, командир Саперной батареи.

— Петр Ерофеич? — спросила Варя.

— Он самый.

— Где его можно видеть?

— До заседания суда едва ли поймаете. Он будет готовить защитительную речь.

— Я ему помогу.

— Он и без твоей помощи обойдется. Сядешь около меня,— остановил ее отец.

Гарнизонное собрание помещалось в одноэтажном кирпичном здании и имело снаружи казарменный неуютный вид. Внутри обстановка была тоже неказистой.

 Одна из комнат служила залом заседания, а в сосед-

ней каморке происходили совещания суда. Перед зданием был разбит небольшой цветничок с несколькими аллеями. Сюда направился Белый с дочерью. К ним тотчас же стали подходить артиллеристы. Первым подошел, как всегда отдуваясь, Тахателов.

Появился Вениаминов. Варя бросилась к нему навстречу.

— Вы его защитите, Петр Ерофеич? Он — в чужом пиру похмелье.

— Вы имеете в виду мосье Звонарева?

— Ну конечно!

— Я надеюсь на его полное оправдание, что же касается остальных...

— Я интересуюсь только Сергеем Владимировичем.

Капитан улыбнулся и хотел что-то сказать, но его позвал Костенко.

Варя вышла из палисадника на улицу. К собранию подходила группа подсудимых. Впереди шел Звонарев, поддерживая бледную, едва стоящую на ногах Риву. Варя даже не поверила сразу, что это та самая интересная женщина, которую она видела сегодня утром. Прапорщик тоже имел растерянный, испуганный вид. Увидев девушку, он слабо ей улыбнулся.

— Все будет хорошо, Сергей Владимирович! — громко крикнула Варя, желая его подбодрить.

Конвойные совсем не обращали внимания на офицера, всецело занятые наблюдением за стариком нищим и Куинсан.

— Не отставай,— то и дело покрикивали на них солдаты.— Все равно убечь не дадим!

На небольшом расстоянии от арстованных тихонько шел Вен Фань-вей, внимательно вглядываясь в старого китайца, устало бредущего рядом с солдатами. Вен то равнялся с ним, то заходил вперед, стараясь возможно лучше разглядеть арестованного. Особенно привлекал внимание Вена глубокий шрам на шее старика. Сомнений не было — этого «старика» он хорошо знал... Увидев Варю с отцом, Вен подошел к ним и нерешительно остановился.

— Что тебе, Вен? — спросила Варя.

— Надо мало-мало говори,— ответил Вен, кланяясь.

— Я слушаю, Вен,— довольно рассеянно отозвалась Варя.

— Я знай старик. Он генерал Танака,— шепотом проговорил Вен.

— Что ты говоришь несуразицу! — удивилась девуш-

ка.— Откуда здесь взяться Танаке? Просто, быть может, переодетый шпион?

— Я говори правда — это Танака,— настаивал садовник.— С нима Куинсан. Тоже японса есть.

Взволнованная Варя поспешила передать это отцу.

— Чепуха, не может этого быть! — отмахнулся генерал.

— Послушай, папа, это надо проверить. Едва ли Вен стал бы говорить чепуху. Помнишь, у нас была карточка из Владивостока. Танака там был военным агентом. Та, что в большом альбоме. Пусть Вен ее быстренько принесет сюда. Я напишу маме записку, дай карандаш...

Черкнув несколько слов, Варя подозвала Вена.

— Вен, голубчик, сбегай домой, отдай маме эту записку, возьми карточку и быстро обратно.

Схватив записку, Вен бросился бежать.

Вскоре началось заседание суда. В небольшой комнате поставили накрытый красным сукном стол и с треугольной призмой зерцала. Около окна, за загородкой, поместились подсудимые, окруженные конвоем. На стульях расселись свидетели: Микеладзе с Познанским и участвовавшие в обыске жандармы. В стороне от них сел Белый и другие артиллерийские офицеры. Варя проскользнула в комнату и забралась в оконную нишу, спрятавшись за портьерой.

Делопроизводитель суда по списку стал проверять наличных свидетелей и подсудимых. Затем из задней комнаты вышел Костенко в сопровождении членов суда, артиллерийских капитанов Страшникова и Вамензона. Варя поморщилась — оба офицера были известны как жестокие формалисты и педанты. Началась процедура привода к присяге свидетелей.

Вечернее солнце заглянуло в окно и ярко осветило старика. Тот зажмурился и отодвинулся в тень. Варе вдруг показалось знакомым его лицо.

Началась судебная процедура. Микеладзе и Познанский подробно изложили дело.

— Откуда получил полковник Рейс сведения о наличии шпионской организации? — спросил Вениаминов.

— Из секретных источников, не подлежащих оглашению,— без запинки ответил Познанский.

Солнце продолжало освещать подсудимых, и старик все сильнее ерзал на месте, укрываясь в тени. Костенко изредка посматривал в его сторону.

Члены суда тихонько переговаривались между собой.

 — Эта куколка совсем недурна,— шепнул Страшни-

ков на ухо Костенко, кивнув на Куинсан,— жаль будет вешать!

— Старый греховодник! Смотрите, жена узнает, пропишет вам ижицу,— отозвался генерал.

— И жидовочка хороша, только уж очень испугана,— вставил Вамензон, происходивший сам из крещеных евреев-кантонистов.

Внимание Костенко все больше привлекало упорное нежелание старика быть освещенным солнцем. Генерал даже засопел от раздражения. Варя не сводила глаз с Звонарева.

Перешли к допросу подсудимых. Прапорщик чуть дрожащим голосом дал подробные объяснения по всем пунктам. Затем наступила очередь Ривы. Она сбивчиво начала говорить, что ничего не знает и ни в чем не виновата.

— А ее отец часто бывал у вас? — спросил Азаров, указывая на нищего.

— Не особенно, ему подавали милостыню, кормили и отпускали с миром, ничего плохого о нем сказать не могу.

— Кто чаще всего посещал вашу квартиру?

— Моряки с различных судов.

— Не вели ли они разговоров на служебные темы? О положении эскадры, распоряжениях начальства?

— Говорили о своих делах, я в них мало разбираюсь.

— Кто из сухопутных офицеров бывал у вас?

— Поручик Борейко, прапорщик Звонарев... кажется, больше никого.

— Звонарев у вас не ночевал? — в упор спросил Вамензон, краем глаза поглядывая на Белого.

Варя, Рива и прапорщик одновременно вспыхнули.

— Ни разу!

— Это верно? — обернулся к Звонареву Костенко.

— Подтверждаю своим честным словом,— твердо ответил прапорщик, краснея еще пуще.

На все обращенные к Куинсан вопросы она односложно отвечала:

— Моя не знай.

Наконец перешли к допросу старика. Он встал и усиленно закланялся, бормоча что-то невнятное себе под нос. Костенко старался припомнить, где он видел это лицо.

Внимательно смотрел на старика и генерал Белый. В руке он держал фотографию. На ней был изображен Танака в полной парадной форме военного консула.

— Не могу припомнить, где я видел это лицо,— обратился к Белому Костенко.

— Сейчас мой садовник сообщил дочери, что этот старик — переодетый генерал Танака. Я ему не поверил, а теперь и меня берет сомнение — вот фотография,— признался Белый.

Костенко, в свою очередь, стал разглядывать фотографию. Заметив это, арестованный отвернулся в сторону, как бы пряча лицо от падающих на него лучей солнца.

— Поверни-ка его мордой к свету,— приказал Костенко солдатам.

Те без церемонии повернули китайца. Костенко ясно увидел шрам на шее арестованного. Был этот шрам заметен и на фото.

На лице генерала появилось выражение величайшего изумления. Он даже привстал со стула и, пристально смотря на старика, заикаясь проговорил:

— Ва... ва... ваше превосходительство, неужели это вы?

Нищий сделал было непонимающее лицо.

— Он! Я тоже его узнала! — сорвалась с места Варя.

Старик мгновенно преобразился. Сразу выпрямившись, он с приятнейшей улыбкой вежливо раскланялся с Костенко и Варей.

— Не буду отрицать, это я,— на чистейшем русском языке ответил он.

В комнате произошло движение. Белый вскочил со своего места и громко вскрикнул:

— Генерал Танака!

— Здравия желаю, ваше превосходительство,— приветствовал его японец.

Конвойные, разинув рты, следили за происходящим. Рива и Звонарев, позабыв о своих горестях, с изумлением смотрели на своего соседа по скамье подсудимых. Только Куинсан по-прежнему продолжала сидеть, безучастно смотря себе под ноги.

— Подать генералу кресло,— первым опомнился Костенко.

Двое жандармских унтер-офицеров со всех ног кинулись исполнять это распоряжение. Танака, поклонившись, уселся в него с чувством собственного достоинства.

— В подсудимом мною и генералом Белым опознан генерал-майор императорской японской армии барон Танака, бывший военный агент во Владивостоке. Прошу это занести в протокол,— торжественно заявил Костенко, когда общее волнение в зале несколько улеглось.— Вы

подтверждаете это, ваше превосходительство? — обратился он к японцу.

— Вполне, ваше превосходительство.— И оба генерала церемонно раскланялись.

— Приступим в таком случае к продолжению судебного заседания.

— Не сочтете ли возможным, ваше превосходительство, сообщить суду, с какого времени вы находитесь в Артуре? — задал вопрос Азаров.

— С начала военных действий.

— Чем вы изволили заниматься?

— Выполнял поручения его величества императора Японии.

— В чем же они состояли?

— В оказании посильной помощи императорской японской армии.

— В какой форме она выразилась?

— К своему великому сожалению, я лишен возможности ответить на этот вопрос.

— Признаете ли вы в таком случае себя виновным в предъявленном вам обвинении?

— Конечно, нет! Я как солдат обязан выполнять беспрекословно любые приказания своего божественного императора.

На этом допрос окончился. После речи Азарова и Вениаминова суд удалился на совещание. Присутствующие в зале офицеры гурьбой столпились около подсудимых. Белый дружески поздоровался с Танакой.

— Ваша дочь, Василий Федорович, так выросла, что совсем стала невестой,— проговорил японец, кланяясь издали приветствовавшей его Варе. Затем внимание Вари вновь перешло к Звонареву. Пробравшись к нему, она шепотом сообщила о своих переговорах с Костенко и Азаровым.

Суд совещался недолго. Костенко предложил оправдать Звонарева за недоказанностью обвинения, а остальных приговорить к смертной казни через повешение.

— Звонарева бы следовало все же для острастки подержать на гауптвахте: вольнодумен и в бога не верит,— заикнулся было Вамензон.

— Не следует забывать, что он почти родственник Белого. Генерал по личному почину явился даже на суд, чтобы дать показания в его пользу,— напомнил Костенко.

— Из уважения к мнению вашего превосходительства, а также к моему командиру, я не буду возражать

против оправдания прапорщика,— поспешил согласиться Вамензон.

На этом и порешили.

— Встать, суд идет! — скомандовал дежурный комендант.

Костенко в сопровождении членов суда вошел в помещение. В зале сразу заволновались.

— «По указу его императорского величества,— начал читать председатель суда,— порт-артурский военный суд и так далее... признал прапорщика Звонарева невиновным и постановил из-под стражи освободить».

У Вари вырвался вздох облегчения, и она чуть не запрыгала на месте от радости, дальнейшее чтение она слушала вполуха.

— «Повесить... повесить... повесить»,— закончил чтение генерал.

Рива ахнула и потеряла сознание. Звонарев едва успел ее подхватить. Произошло замешательство.

Куинсан же и Танака сохранили присутствие духа.

— Приговор может быть обжалован генералу Стесселю, которому принадлежит право конфирмации,— разъяснил Костенко осужденным.— Объявляю заседание суда закрытым.

— Поздравляю вас, Сергей Владимирович, с освобождением,— с чувством проговорил Белый.

— И я тоже,— подскочила Варя.— Вы, кажется, и не рады.

— Надо спасти Риву во что бы то ни стало! — вместо ответа проговорил прапорщик.

— У нее и без вас найдется достаточно спасителей,— не удержалась Варя.

— Надеюсь, ваше превосходительство не в претензии на нас за несколько своеобразное проявление гостеприимства,— подошел Костенко к японцу.

— Ни в какой мере, ваше превосходительство! Незваный гость хуже татарина, по вашей русской пословице, а я как раз и принадлежу к числу таковых.

— Не имеете ли каких-либо пожеланий? Все возможное мною будет исполнено с величайшей радостью!

— Я тронут любезностью вашего превосходительства! Единственно, о чем я осмеливаюсь просить,— это о разрешении мне принять ванну и переодеться. Нельзя ли приобрести хотя бы плохонький костюм? Иначе боюсь, что в моем рубище я всех перепугаю, когда попаду в царство теней.

— Немедленно распоряжусь о том и другом.

Танака поблагодарил его поклоном.

— Увести подсудимых, за исключением его превосходительства,— распорядился Костенко.

Уже пришедшую в себя Риву и Куинсан вывели конвойные.

— Я сейчас разыщу Андрюшу и все сообщу ему,— успел предупредить Звонарев Риву.

Варя издали сердито наблюдала за происходящим.

— Не беспокойтесь. Петр Ерофеич сумеет защитить вашу... приятельницу лучше любого из ее многочисленных друзей. Прощайте, неблагодарный,— проговорила Варя и направилась к выходу.

— Ах, да! Я и забыл поблагодарить вас за хлопоты!

— Ваши благодарности можете оставить при себе.

В соседней с залом заседания комнате в ожидании выхода Танаки из ванной, где его мыл один из вестовых, сидели Костенко, Вамензон и Страшников.

— Танаку я знаю лет десять, с тех пор как он был еще майором во Владивостоке. Общительный, тактичный, он был принят во многих домах, особенно военных и морских. Считался ярым русофилом. Бывал в Питере и Москве. Незадолго до начала войны он был отозван в Японию. Перед отъездом его чествовали в военном собрании, поднесли даже на память альбом с фотографиями. И вдруг такая неожиданная и неприятная встреча! — развел руками Костенко.

— На суде он держался прекрасно,— заметил Вамензон.

Появление японца, чисто вымытого, выбритого, в хорошем суконном костюме, прервало их разговор.

— С легким паром, ваше превосходительство,— приветствовал его Костенко.

— Не знаю, как мне и благодарить ваше превосходительство за вашу любезность. Я столько месяцев был принужден вести скотский образ жизни, что испытал поистине райское блаженство, моясь в ванне.

— Разрешите предложить вам ужин в нашей скромной компании?

— Сочту для себя за высокую честь разделить вашу трапезу.

Страшников отправился отдать нужные распоряжения. Вскоре был накрыт стол на четыре персоны, появились закуски, хлопнули пробки, завязалась оживленная беседа, и только стоящий у входной двери часовой с винтовкой нарушал эту мирную картину.

После ужина Костенко лично отвез в экипаже японца

на главную гауптвахту, при этом их сопровождал эскорт из конных жандармов, но трудно было понять, то ли он конвоировал арестованных, то ли составлял почетную охрану.

Караульный начальник штабс-капитан Чиж, до которого уже дошли сведения о японском генерале, встретил осужденного весьма почтительно и отвел ему лучшее помещение в офицерском отделении. Сдав Танаку, Костенко отправился с докладом на квартиру к Стесселю.

— Так это правда, что пойманный оказался японским генералом? — встретила его Вера Алексеевна.

— Совершенно верно! Я и прибыл, чтобы лично доложить обо всем происшедшем.

— Пройдемте в кабинет, там муж и Рейс.

Костенко подробно рассказал о заседании суда.

— Позвольте вам, ваше превосходительство, представить на конфирмацию приговор,— закончил он свою речь.

Стессель обмакнул было перо, чтобы наложить резолюцию, когда неожиданно вмешалась Вера Алексеевна:

— Как хочешь, Анатоль, а Танаку расстреливать, а тем более вешать нельзя!

— Это почему?

— Какой же ты непонятливый! Он хоть и японский, но все же генерал. Что же получается — солдаты и вдруг станут казнить генерала! Это же прямой подрыв дисциплины. У них в мыслях не должно быть возможности поднять руку на генерала. А то сегодня они будут расстреливать Танаку, а завтра додумаются бог знает до чего.

— Не назначать же для его расстрела офицеров?

— И не надо.

— Что же, по-твоему, надо делать? Не могу же я его помиловать или выслать к японцам.

— Виктор Александрович, Михаил Николаевич, вы меня понимаете? — обратилась она к Рейсу и Костенко.

— Вполне! — в один голос ответили оба.

— Вот и прекрасно. А тебе, Анатоль, я потом все подробно объясню.

— Что же мне теперь-то делать? — спросил совсем сбитый с толку Стессель.

— Пиши: «Приговор утверждается. В отношении генерала Танаки смертная казнь через повешение заменяется расстрелом»,— продиктовала Вера Алексеевна.

 В это время в передней раздался звонок, в дверях ка-

бинета показалась робкая фигура худощавого священника.

— Мир дому сему! Разрешите войти,— несмело проговорил он.

— Отец Петр! — узнала Вера Алексеевна.— Милости просим.

Священник вошел, перекрестился на икону в углу и затем отвесил всем поясной поклон.

— Зачем пожаловали, батюшка? — справился Стессель.

— Был я сейчас на главной гауптвахте, хотел напутствовать в лучший мир осужденных. Двое язычников отвергли меня, третья же, иудеянка, не токмо просила отпустить грехи ее заблудшей души, но и выразила желание перейти перед смертью в православие. Поелику стало мне ведомо такое ее желание, решил я предстательствовать перед вами об отложении ее казни.

— Знаем мы этих жидовок! Когда приспичило, так готова любую веру принять, чтобы спастись,— злобно бросила генеральша.

— Я ходатайствую не о смягчении участи сей самаритянки, но об отложении казни на один-два дня, пока она успеет ознакомиться с правилами и догмами православной церкви.

— Мы допустили в суде и так некоторую натяжку, вынеся ей смертный приговор. Она, как несовершеннолетняя, казни не подлежит. Поэтому, я думаю, можно удовлетворить ходатайство его преподобия,— заметил Костенко.

— Это та самая жидовка, что живет в Новом городе, черненькая такая, хорошенькая? — спросил Стессель.

— Вы, ваше превосходительство, обладаете прекрасной памятью,— заметил Рейс.

— Особенно на молоденьких девиц,— сердито добавила Вера Алексеевна.

Наступило минутное молчание. Отец Петр в ожидании смотрел то на Стесселя, то на его жену.

— Вам, батюшка, довольно двух-трех дней? — спросил Рейс.

— Истинно так!

— Я думаю, можно отсрочить казнь. Повесить всегда успеем,— высказала свое мнение генеральша.

— Что же мне писать? — спросил Стессель.

— «Исполнение приговора в отношении осужденной Блюм отложить до восприятия ею святого крещения, дабы она предстала перед престолом всевышнего оза-

ренной светом истинной веры»,— продиктовал Костенко.

— Теперь все? — И Стессель размашисто подписался.

— Анатоль, я хотела бы повидать этого Танаку.

— Удобно ли это будет?

— Я председательница Порт-артурского благотворительного общества и член общества Красного Креста. На нашей обязанности лежит забота о пленных.

— Но Танака просто шпион.

— Генерал не может быть шпионом! Он прибыл в Артур с целью военной разведки. И тебя могли бы таким же образом отправить в Японию.

— Ну, положим, у нас до этого дело не доходит.

— Итак, я еду, а ты как хочешь. По-моему, и тебе следует съездить повидать его.

— Это будет похоже на визит с моей стороны.

— Я думаю, ваше превосходительство, вы можете побывать на гауптвахте под видом проверки караула и ознакомления с содержанием арестованных,— посоветовал Рейс.

— А вы как смотрите, Михаил Николаевич? — обратился Стессель к Костенко.

— С юридической точки зрения вы имеете полное право посетить Танаку.

— Раз так — едем! Эй, кто там! Прикажите заложить экипаж! — крикнул денщикам генерал.

Через полчаса коляска остановилась перед гауптвахтой. Караульный начальник Чиж отдал рапорт генералу и провел его в помещение для арестованных.

— Генерал Танака здесь,— подвел он чету Стессель к одному из карцеров.

Когда дверь отворилась, первой вошла Вера Алексеевна. Танака вскочил и почтительно приложился к протянутой ему руке.

— Я пришла, чтобы как представительница Красного Креста узнать, не могу ли я чем-либо облегчить ваши последние часы,— нараспев проговорила генеральша.

— Весьма тронут вашей любезностью, сударыня! Единственно, что бы я хотел,— это выкурить хорошую сигару и выпить бокал шампанского за ваше здоровье,— рассыпался японец, усиленно кланяясь.

— Вашу просьбу легко выполнить. Ты не будешь возражать? — обернулась она к Стесселю.— Мой муж,— представила она его Танаке.

— Я очень сожалею, что мне пришлось с вами познакомиться в такой обстановке. Но вы, конечно, как солдат понимаете, что война имеет свои законы,— извиняю-

щимся тоном произнес Стессель.— Кроме того, я хотел бы знать ваше мнение, как военного, об обороне Артура.

— Меня все время поражала та энергия, с которой фактически заново создавалась под вашим мудрым руководством Порт-артурская крепость. Нам придется принести большие жертвы в борьбе за нее.

Стессель расплылся в приятной улыбке.

— Весьма польщен подобной оценкой своей скромной деятельности. Не имеете ли вы претензий?

— Конечно, нет. Прошу принять мою глубокую благодарность за тот прием, который я встретил на суде и после него,— чуть иронически ответил японец.

Затем генеральская чета отбыла.

Дома ее ожидал Рейс уже с готовым приказом о приведении приговора в исполнение и Сахаров, о чем-то оживленно беседовавший с полковником.

Капитан любезно вызвался доставить Танаке сигары и вино, обещанные Верой Алексеевной, к которым генеральша добавила еще и конфеты.

— Так вы, Виктор Александрович, озаботитесь, чтобы все было в порядке? — мимоходом бросила генеральша полковнику.

— Все будет сделано, ваше превосходительство,— почтительно наклонил голову Рейс.

Приехав на гауптвахту, Сахаров передал японцу привезенное. Танака пригласил его и Чижа составить ему компанию. Воспользовавшись тем, что штабс-капитан вышел, Сахаров вручил Танаке небольшой сверток и перекинулся с ним несколькими короткими фразами.

— Я попрошу вас, господин капитан, передать эти конфеты моей маленькой соотечественнице — Куинсан. Пусть она перед смертью полакомится,— попросил Танака.

— Немедленно исполню ваше пожелание.— И капитан скрылся.

Танака быстро развернул пакет и рассовал находящиеся в нем вещи по карманам.

Получив конфеты, задумавшаяся Куинсан оживилась. Она прежде всего тщательно пересмотрела все обертки конфет и в одной из них нашла крохотную шифрованную записку.

«Все будет хорошо. Мужайся. Завтра будем на воле».

Подписи не было, но Куинсан знала, кто это написал. За долгую совместную разведывательную работу Куинсан привыкла верить Танаке. Раз он говорил, что завтра она будет на воле, значит, это будет так. Танака

прислал ее любимые конфеты. И успокоенная, ободренная доброй вестью девушка принялась за лакомства. Едва она проглотила последнюю конфету, как почувствовала себя плохо. На короткое мгновение мелькнула страшная догадка: «Он отравил меня, чтобы я не проговорилась». Но в следующее мгновение сознание покинуло Куинсан, и со слабым стоном она упала на пол.

В коридоре, куда выходили камеры арестованных, Сахаров задержал Чижа и начал что-то говорить ему на ухо.

— Таким образом, вам представляется едва ли не единственный в вашей жизни случай легко и быстро разбогатеть,— закончил он полушепотом.

Еще более понизив голоса, они быстро заговорили, затем в руки Чижа перешла пачка кредиток, и оба офицера вернулись к Танаке.

Японец уже разлил вино по бокалам и, посмотрев свое на свет, предложил собутыльникам чокнуться.

— Не заложить ли нам банчишку? — предложил Чиж.

— Увы, я не располагаю средствами,— отозвался генерал.

— Прошу принять от меня небольшой заем,— протянул Сахаров ему пачку кредиток.

— Но как же я их вам верну в случае проигрыша?

— На том свете угольками.

Все весело захохотали.

— Прошу делать игру,— провозгласил Чиж,— снимите, ваше превосходительство.

Все потянулись к картам.

В этот день в карауле был третий взвод утесовской роты. Взводный фейерверкер Жиганов, исполнявший обязанности рунда — помощника караульного начальника, сидел за маленьким столом и прислушивался к тому, что рассказывал бомбардир Ярцев. Монотонной, ритмической скороговоркой окающего волжанина он повествовал о Бове-королевиче и Василисе Прекрасной.

— Ну и мастер же ты брехать, сказочник,— лениво заметил взводный,— язык, видать, у тебя без костей.

— Выдался нам денек! То прапорщика нашего привели, то шпиёнов. Стеречь их надо в оба глаза, не ровен час, сбегут, тогда от суда не отвертимся,— лениво проговорил разводящий.

— Кто сбежит-то? Девка в юбках запутается, японец с штабс-капитаном пьянствует,— отозвался Жиганов.— Увидишь, его с почетом в карете, как сюда, повезут прямо к японцам,— получите, мол, ваше японское превосхо-

дительство, а то у нас и своих генералов хватит,— продолжал шутить Жиганов.

— Небось ежели бы он оказался солдатом, так ему бы вместо кресла на суде в рыло заехали и на экипаже сюда не повезли,— заметил Ярцев.

— Я его по шеям прикладом двинул, когда он на суд уходил. Пришлось-таки мне, хотя и не нашего, а все же генерала стукнуть,— вмешался тихий веснушчатый солдат Грунин.

— И руки не отсохли?

— Какое, еще больше раззуделись...

— Тогда не знал, кто он такой. Небось сейчас не ты его, он тебя по роже хлестнет и в ответе не будет.

— Генерал, братуха, всегда генерал, а простой солдат всегда простым солдатом и останется,— вздохнул Жиганов.

— Скоро уже смена, надо людей будить,— поднялся Булкин.

Вскоре смена ушла.

— Разрешите мне на минутку выйти по известной надобности,— обратился Танака к Чижу.

— Сию минуту, ваше превосходительство,— только позову караульного. Эй, Грунин, возьмешь винтовку и проводишь арестованного в уборную,— распорядился Чиж.

В сопровождении солдата японец направился по коридору. Чиж и Сахаров остались одни в камере, продолжая игру в карты.

— Давайте перекинемся в штосс,— предложил Сахаров.

— Бита-дана, бита-дана! — начал раскладывать карты направо и налево Чиж.— Бита! Позвольте с вас получить, многоуважаемый Василий Васильевич.

Капитан протянул ему пятерку.

Прошло минут десять.

— Пора! — проговорил Чиж.

— Подождем еще минут пять.

— Время стоит денег, по американской пословице.

Сахаров протянул несколько бумажек.

Подождав еще, штабс-капитан поднялся.

— Грунин! Почему до сего времени арестованный не вышел? — обратился он к солдату.

— Оправляются еще.

— Постучи посильнее, пора ему выходить.

Солдат начал кулаком бить в дверь, но ответа не последовало.

— Выломать дверь! — не своим голосом заорал Чиж.— Выслать двоих для осмотра здания снаружи.

В караулке поднялась суматоха, Булкин и несколько человек выскочили наружу. В уборной было пусто, решетка в окне выломана.

— Под суд пойдешь, мерзавец! — накинулся на Грунина штабс-капитан с кулаками.

— Виноват, вашбродь,— едва смог прошептать солдат своими изуродованными губами.

— Марш под арест! Разводящий где? Ты что смотрел? Тоже под суд пойдешь! Я выучу вас, как нести службу его императорского величества! — бушевал Чиж.

— Надо сейчас же дать знать в штаб Стесселю о побеге,— напомнил Сахаров.— Я возьму это на себя.

— Буду вам очень признателен. А я пока организую розыски поблизости...

Капитан не торопясь дошел до штаба и, разбудив уже спавшего Рейса, сообщил ему о случившемся.

Полковник распорядился тотчас же вызвать Микеладзе, Познанского и полицмейстера Тауца. Когда те явились, начальник штаба предложил им немедленно принять самые энергичные меры к поимке бежавшего.

— Едва ли поиски увенчаются успехом: ночь темная, прошло порядочно времени, он легко мог скрыться среди китайцев, но поискать все же надо,— меланхолически закончил Рейс.

— Найду хоть на дне морском, даю честное слово жандарма! — пылко проговорил Микеладзе.

— Вы, князь, будете мне нужны утром! Полицмейстер и ваш помощник справятся и без вас,— ответил Рейс.

Тауц и Познанский понимающе переглянулись.

Поймать Танаку не удалось. Обо всем утром Рейс доложил Стесселю.

— Кроме того, женщина, приговоренная к виселице, была найдена мертвой у себя в камере. Вскрытием установлена смерть от отравления.

— Тем лучше, меньше хлопот. Караульного начальника, разводящего и конвойного, прозевавших Танаку, предать немедленно суду,— распорядился генерал.

Суд состоялся в тот же день. Чиж был приговорен к трехмесячному аресту после войны, Жиганов к разжалованию в рядовые, Грунин же, как главный виновник, к расстрелу. На этот раз Стессель, не читая, утвердил приговор. Ночью Грунин был казнен.

 Когда весть об этом дошла до Залитерной батареи,

то Борейко, не стесняясь присутствием солдат, разразился самой непечатной бранью по адресу Стесселя и всех генералов вообще.

— Сами, сволочи, японца выпустили, а Грунина под расстрел подвели! — возмущался поручик.

Не менее Борейко возмущен был и Вен Фань-вей. Он понимал, что и побег и укрывательство японского генерала — дело одних рук, порт-артурских властей. Перебирая в памяти всех знакомых ему русских начальников и тех, о которых ему рассказывали его соплеменники, он пришел к выводу, что это дело рук Сахарова.

В конторе Тифонтая, где сейчас распоряжался капитан, служило немало китайцев на самых разнообразных должностях. Танака мог всегда с ведома Сахарова и при его помощи скрыться среди них.

Вен не посмел поделиться своими подозрениями с Варей, зная, что это может стать известным через нее или ее знакомых самому Сахарову. Тогда ему грозила смерть из-за угла.

На улицах Артура часто подбирали убитых ночью разрывами снарядов или ружейными пулями китайцев. Расследования не велось — убитые считались жертвами войны.

Все это заставляло подумывать Вен Фань-вея о скорейшем отъезде из Артура. Но для выезда из Артура надо было получить разрешение штаба крепости. И Вен снова обратился к Варе с просьбой помочь ему вывезти семью из Артура. Белый был занят делами обороны, и ему некогда было думать о чем-либо другом. Приходилось ждать. Скрепя сердце китаец покорился этой необходимости.

Через несколько дней о бегстве Танаки стали забывать. Дело Ривы, по просьбе моряков, передали им. Звонарев вернулся на Залитерную, и счастливая Варя ежедневно появлялась там под каким-либо предлогом. Японцы возобновили бомбардировку фортов и города. Жизнь крепости опять наполнилась военными событиями. Кондратенко наметил целый ряд мер к улучшению обороны, в частности, решено было построить новые батареи. Но орудий больше в крепости не было, пришлось просить их у моряков.

Для переговоров с адмиралом Ухтомским и его начальником штаба Виреном отправились Белый и Кондратенко. Разговор начался с взаимного ознакомления с положением крепости и флота.

— Эскадра через несколько дней закончит исправле-

ние всех повреждений и опять будет вполне боеспособна,— сообщил Ухтомский.

— Следовательно, вы повторите попытку уйти из Артура,— разочарованно проговорил Белый.

— Не собираемся, Василий Федорович. И я и Роберт Николаевич Вирен — оба мы противники выхода эскадры. Если прошлый раз дело случайно обошлось сравнительно благополучно, то теперь нам грозит неизбежная гибель всех судов вследствие колоссального превосходства японских сил.

— Но, очевидно, Того сейчас занят исправлением своих кораблей. Судя по рассказам, у него тоже выбыло из строя несколько судов, так что еще неизвестно, насколько он сильнее вас,— заметил Кондратенко.

— Если у него даже вдвое больше поврежденных кораблей, чем у нас, то и тогда японцы все же значительно сильнее. Поэтому мы больше об уходе из Артура не думаем. Пусть уж к нам приходит Рождественский, навстречу ему эскадра, конечно, выйдет. Для этого и держим все корабли в боевой готовности.

— Не слышно, чтобы вторая эскадра вышла из Кронштадта. Значит, раньше, чем через два с половиной — три месяца, то есть к ноябрю, ожидать ее в Артуре нельзя. За это время многое может измениться.

— Надеюсь, что до того времени крепость сдавать вы не собираетесь?

— Вообще сдавать Артура никто не станет, разве возьмут его штурмом.

— Мы, конечно, поможем вам огнем своих орудий и десантом.

— Еще большую помощь флот может оказать своими орудиями и снарядами,— вмешался молчавший до того Белый.— Нам нужно около сотни орудий мелкого и среднего калибра с комплектом снарядов к ним.

Адмиралы, видимо, не ожидавшие такого оборота разговора, замялись.

— С судов нельзя снять ни одной пушки без ущерба для их боеспособности,— промямлил Вирен.

— Разоружите ваши мелкие суда — «Забияку», «Гайдамака», транспорт «Ангару», стоящие в порту миноносцы, негодные для дальнейшей службы вследствие полученных повреждений,— предложил Кондратенко.

— Вы, Роман Исидорович, замечательно осведомлены о том, что и где у нас имеется,— удивился Ухтомский.

— Меня интересует все, что может усилить оборону крепости. Каюсь, на днях под вечер заглянул к вам в порт

и собрал нужные мне сведения,— улыбнулся в усы генерал.

Немного поспорив, моряки уступили.

— Теперь поговорим об использовании судовой артиллерии крупного калибра для нужд сухопутной обороны,— предложил Белый.— Пока что стрельба судов является в значительной степени пустой тратой снарядов.

— Производимой по вашей же просьбе,— вставил Вирен.

— Совершенно верно, но в боевой обстановке минувших дней было не до этого. Каждому кораблю необходимо иметь свой наблюдательный пункт на берегу, с которым он был бы связан телефоном. Кроме того, я укажу всем районы для обстрела. Тогда при проявлении цели сразу будет ясно, какому судну открывать огонь.

— Завтра же к вам будут направлены старшие артиллеристы со всех броненосцев и крейсеров,— заверил Ухтомский.

На этом деловой разговор и кончился. Гости и хозяева перешли в столовую. Вскоре подъехали все еще перевязанный после ранения 28 июля командир броненосца «Ретвизан» Шенснович и командир «Севастополя» Эссен. Шенснович попросил разрешения зачитать докладную записку о дальнейшей деятельности флота.

— Вопрос этот решен,— мы остаемся в Артуре, пока он будет держаться, и лишь в крайнем случае попытаемся уйти хотя бы в нейтральные порты,— сразу запротестовал Вирен.

— Я предлагаю прорываться из Артура поодиночке и прежде всего имею в виду «Баяна». Он обладает ходом в двадцать узлов. Выйдя с темнотой из Артура, к рассвету крейсер будет уже милях в ста — ста двадцати от Артура, то есть достигнет Циндао.

— Скоро наступит осень с ее длинными темными ночами и частыми туманами. При таких условиях вести тесную блокаду на море невозможно,— поддержал Шенсновича Эссен.— Я тоже готов попытать счастья на своем тихоходном броненосце.

— Вы забываете о бесчисленном количестве мин, которыми еженощно японцы забрасывают наш внешний рейд. Прежде чем прорвать блокаду, придется миновать винегрет из плавающих в море мин,— возразил Ухтомский.

— Их и вытралить можно.

— Это привлечет внимание японцев, и они будут начеку.

Простившись с моряками, генералы отправились с докладом к Стесселю.

У него они застали городского комиссара подполковника Вершинина. Выше среднего роста, с окладистой бородой, он был похож на нижегородского купца. Это сходство увеличивалось окающим говором Вершинина. Он был сильно взволнован.

— Поскольку вы являетесь артиллерийским офицером, в которых сейчас большой недостаток, вам надлежит сдать гражданские дела и принять батарею по указанию генерала Белого,— сердито говорил Стессель.

— Я назначен комиссаром высочайшим приказом и без повеления Петербурга своего поста не оставлю,— возразил подполковник.

— Я предам вас военно-полевому суду за отказ выполнить мое распоряжение в осажденной крепости. Чтобы завтра мой приказ был выполнен. Марш отсюда! — уже прикрикнул Стессель.

Вершинин неловко, совсем не по-уставному, повернулся и вышел.

— Зажирел и совсем распустился,— обернулся Стессель к входящим Кондратенко и Белому.

— Как артиллерийский офицер Вершинин никуда не годится: отстал и позабыл все, что раньше знал. Мне его и даром не надо,— взмолился Белый.

— Тогда поручу ему уборку трупов, пусть хоть этим будет полезен,— решил Стессель.

В это время Вершинин уже сидел в кабинете Рейса. Дрожащим от волнения голосом он умолял начальника штаба помочь ему избавиться от строевой службы.

— Виктор Александрович, будьте благодетелем, избавьте от строевой службы. За благодарностью не постою.

Полковник задумался.

— Боюсь, что генерал закусил узду. В таком случае ничего с ним не сделаешь. Будет рвать и метать, если не подчинитесь. Разве что сходите к Вере Алексеевне. Она одна может сладить с мужем в любое время.

— Недолюбливает меня генеральша. Отказал я ей в проведении налога на нужды благотворительного общества. Незаконно это, а она разгневалась.

— Внесите от себя тысчонку-другую на дела общества. Может, она и положит гнев на милость.

Откланявшись, Вершинин направился все же к Вере Алексеевне. Генеральша приняла его весьма сухо; хотя дары и приняла, но помочь не обещала.

— Я в служебные дела мужа не вмешиваюсь. Придется к слову — спрошу, в чем дело.

С этим перепуганный комиссар и отбыл домой.

В ту же ночь Вершинин во главе команды жандармов и китайцев приступил к уборке трупов. Его все время тошнило. Он не мог переносить трупный запах. Чуть живой Вершинин вернулся поутру домой и, ругая на чем свет стоит Стесселя, приступил к сбору денег для нового подношения всесильной генеральше.

За столом Вера Алексеевна прислушивалась к разговору мужчин.

— Так, значит, моряки целиком пошли нам навстречу? — переспросил Стессель, выслушав Белого и Кондратенко.

— Вполне. Были очень любезны,— засвидетельствовал Белый.

— Что это с ними случилось? Чуют, видно, что в Артуре начинает пахнуть жареным и без нас им крышка. Того — в море, Ноги — на суше, а они — как мусор в проруби — посредине. Не знают, куда им податься,— проговорил Стессель.

— Вонь на позициях невозможная. Не знаю, как с ней и бороться. Жарко, трупов масса. Ужасающие миазмы,— заметил Кондратенко.

— Субботин рекомендует совать в нос паклю, смоченную в скипидаре. Я уже отдал об этом приказ.

— Едва ли это очень приятно,— усомнился Белый.

— С солдатней церемониться нечего.

Гости стали прощаться.

На другой же день на Залитерной батарее ротный фельдшер Мельников раздавал солдатам паклю.

— Закладай в нос, чтобы дохлым японцем не воняло,— пояснил он.

Блохин засунул, потянул в себя воздух и громко чихнул.

— Мусорное дело: щекотно, и все же слыхать.

— Обмакни в скипидар, тогда ничего не учуешь.

Солдат последовал его совету и тотчас выдернул паклю из носа.

— Кто такую глупость придумал? В носу свербит, аж слезы катятся, долго не вытерпишь,— возмутился он.

— Приказ генерала Стесселева!

— Пусть он тую паклю со скипидаром себе под хвост сунет, авось поумнеет! — под общий смех проговорил Блохин.

С наступлением темноты прибыли китайцы под командой жандармов для уборки трупов. На этот раз среди мобилизованных китайцев оказался и Вен Фань-вей. Вместе с другими он рыл длинные и глубокие ямы, в которые крюками стаскивали уже сильно разложившиеся и отравляющие воздух вонью трупы японцев. Особенно много убитых лежало между Залитерной батареей и Китайской стенкой. Убитых русских уже свезли на военное кладбище, на поле остались лишь тела японцев. Работа была трудная, и приходилось часто делать короткие перерывы. Выбившиеся из сил китайцы валились прямо на землю и старались уснуть, но это не всегда удавалось: мешал сильный ружейный и артиллерийский огонь. Работая, Вен заметил одного китайца, который не столько занимался уборкой трупов, сколько старался поближе пробраться к укреплениям, приглядывался к ним, видимо, изучая состояние русских батарей и валов. Китаец припадал к земле, чтобы на фоне неба отчетливее видеть, что происходит на русских укреплениях. Это показалось Веню подозрительным, он невольно вспомнил бежавшего после суда Танаку. Желая проверить свои подозрения, садовник подошел к незнакомцу и попросил у него закурить. При свете спички Вен внимательно поглядел на своего собеседника и сразу узнал в нем Танаку, каким видел его на суде. Но шея у Танаки была забинтована платком: шрама не было видно. Танака тоже внимательно поглядел на Вена, но не узнал его. Глубоко надвинутая на голову шапка скрывала его обрезанное ухо.

— Зачем ты замотал шею? — спросил Вен.

— От грязи вскочил нарыв,— с некоторым акцентом ответил китаец.

Акцент окончательно убедил Вена в правоте его подозрений. Перед ним был его злейший враг. Вен пожалел, что не захватил с собой нож. Он мог бы затеять драку и попытаться убить японца.

Можно, конечно, было снова выдать Танаку русским властям, но теперь Вен твердо знал, что русское начальство снова отпустит Танаку на свободу.

Убирать трупы приходилось около самой Залитерной батареи. Здесь у костра сидели солдаты-артиллеристы, среди которых Вен увидел и Блохина,— он его еще помнил по Цзинджоу. Подойдя к костру, Вен окликнул солдата.

— Ты ко мне, что ли, лао? — спросил солдат, вглядываясь в лицо китайца.— Да, никак, одноухий приятель? Здорово. Зачем припожаловал?

Вен поделился своими подозрениями относительно Танаки.

— Не может того быть,— изумился Блохин, но все же побежал с докладом к Борейко.

— Врет что-то твой китаец. Танака не окончательный дурак, чтобы оставаться в Артуре,— не поверил поручик, но все же разрешил трем солдатам с винтовками под командой Блохина отправиться на поимку «мифического», как он выразился, Танаки.

— Вали, Блоха, и душа из тебя вон, ежели не приведешь сюда этого «любопытного» китайца,— напутствовал поручик Блохина.

Вен вместе с солдатами направился к уборщикам трупов. В темноте было трудно сразу найти китайца с обмотанной шеей. Но тот уже издали заметил белые рубахи русских солдат и поспешно юркнул в толпу. Вен с солдатами бросился за ним, но безуспешно: темнота скрыла от Вена его врага.

Хмурые и недовольные, ругая Вена, солдаты возвращались на Залитерную. Вен немного поотстал, надеясь все же найти пропавшего. Вдруг на него неожиданно напали сзади и ударили ножом в спину. Обливаясь кровью, Вен повалился на землю. На его крик бросился Блохин и успел заметить убегавшего в темноту человека. Солдат кинулся вдогонку, успел прикладом сбить беглеца с ног, но при этом упал сам, выронив винтовку из рук. Тут подоспели другие солдаты, но беглец уже успел скрыться.

Охая и отчаянно ругаясь, поднялся Блохин на ноги.

— Где Вен? — спросил он у солдат.— Здорово его саданули? Живой?

— Живой. Мы его уже отправили на перевязочный пункт.

В тот же вечер в изящном будуаре на квартире Сахарова лежал на диване весь перевязанный Танака и громко стонал от боли.

Сахаров вполголоса отчитывал японца:

— Вы ведете себя крайне неосторожно. Разве можно появляться даже ночью среди китайских рабочих. Они все здесь знают друг друга. Вы зря лезете на рожон, зная, что ваше вторичное разоблачение неминуемо кончится виселицей. Кроме того, вы погубите и меня. Вам надо немедленно покинуть Артур. Иначе я ни за что не ручаюсь...

— Замолчите, Сахаров. Вы плохо работаете. Поэтому мне лично приходится собирать нужные сведения...

— Они будут у вас утром,— оправдывался Сахаров.

— Они нужны сейчас, чтобы утром в нашем штабе знали, куда следует направлять атаки наших войск,— сердито ответил Танака и со стоном перевернулся на бок.— Как мне сегодня пришлось удирать от солдатни! На бегу я вывихнул ногу, да еще получил удар прикладом. Успокойтесь, уеду при первой возможности отсюда. С меня хватит,— пообещал Танака.— Найдите только этого одноухого китайца, который опознал меня на суде и выдал солдатам сегодня. Он должен быть уничтожен. Это мое категорическое требование.

Вен оказался довольно тяжело ранен. Прошло немало времени, когда он смог наконец выехать вместе с семьей на джонке из Артура.

Прошло несколько дней. В крепости спешно исправляли повреждения и возводили ряд батарей на второй линии обороны — Скалистом кряже и между Орлиными Гнездами. Стессель осторожно объезжал спокойные участки и благодарил солдат за проявленное в боях геройство. В штабах писались победные реляции и составлялись огромные наградные списки. У Веры Алексеевны толпились десятки людей, чающих того или другого ордена.

Генеральша благосклонно принимала подношения и, сообразно с их размерами, испрашивала у мужа подателям награды.

В один из этих дней в Артур пришла китайская шхуна из Чифу, на которой прибыл с пакетом от Куропаткина переодетый китайцем хорунжий Христофоров. Прямо из военного порта, куда шхуна была приведена дежурным миноносцем, он направился в штаб Стесселя. Хорунжего принял Рейс, так как Стессель был в отъезде.

— Хорошие ли новости привезли нам? — осведомился полковник.

— Неплохие! Его величество повелел считать с первого мая всему артурскому гарнизону месяц службы за год. Кроме того, назначил генерала Стесселя своим генерал-адъютантом по случаю рождения наследника, а полковника Семенова своим флигель-адъютантом. Затем генералу Стесселю пожалован орден Георгия третьей степени за бой под Цзинджоу, за тот же бой генералу Фоку — золотая сабля с бриллиантами, а Надеину орден Георгия четвертой степени.

Новости быстро облетели Артур. В штаб поспешили все, кто только был свободен от службы. За Стесселем послали двух конных ординарцев.

Как только полученные бумаги были расшифрованы, Рейс тотчас же направился к Вере Алексеевне и ей первой сообщил текст полученных телеграмм. Генеральша сразу расцвела.

— Анатоль — генерал-адъютант, придворный! Вот никогда в жизни не поверила бы этому!

— И напрасно, матушка Вера Алексеевна,— появился в комнате на правах друга дома Никитин.— Я всегда предрекал, что супруг ваш и повелитель будет не токмо генерал-адъютантом, но и генерал-фельдмаршалом! Вот помяните мое слово. Пока пожалуйте, матушка, вашу генерал-адъютантскую ручку,— склонился Никитин,— и примите мои горячие поздравления с царской милостью.

Вера Алексеевна поблагодарила.

— Только насчет Цзинджоу как-то неудобно получается. Ведь в Артуре все знают, что Анатоля там не было, да и потеряли мы там семьдесят орудий. Лучше отдать в приказе «за бои на передовых позициях»: суть дела не изменится. Фок и Надеин не будут возражать, и никто ничего не посмеет сказать,— обернулась она к Рейсу.— Как вы думаете, Виктор Александрович?

— Вполне разделяю мнение вашего превосходительства.

Вечером того же дня на квартире у Стесселя состоялось чествование нового генерал-адъютанта и кавалера ордена Георгия третьей степени. Потянулись поздравители. Далеко за полночь шла веселая пирушка.

Однако не все приняли известия о наградах так, как в семье Стесселя. Узнав о своем награждении, генерал Надеин переполошился.

— Жа што мне дали крешт? — недоуменно шамкал старик.— Я его не жаслужил. Тут проижошла ошибка. Чарю неверно доложили. Вше это надо выяшнить.

Он поспешно покинул свой блиндаж за Скалистым кряжем, где поселился с самого начала тесной блокады, приказал подать себе лошадь и направился к Стесселю.

Появление старика было встречено восторженно. Все знали его строптивый характер и визит к Стесселю расценили как проявление с его стороны уважения и преданности к вновь пожалованному генерал-адъютанту. Вера Алексеевна сама повела его к столу и усадила рядом с собой. Надеин был по-старинному галантен и своим беззубым ртом шамкал витиеватые комплименты хозяйке дома.

— Вас ведь тоже можно поздравить, Митрофан Алек-

сандрович, с монаршей милостью,— обратилась к нему генеральша.

— Тут произошла ошибка, верно, моя фамилия шлучайно попала в приказ.

— То есть как случайно? Мой муж представил вас к награде, и вы ее получили.

— Я не шовершал никаких подвигов, доштойных штоль великой награды. Надо чарю напишать, што получилашь ошибка.

— Быть может, вы считаете, что и Анатоль зря получил свои награды? — обиделась генеральша.

— О вашем шупруге ничего шкажать не могу, так как не жнаю, жа что он награжден.

Затем Надеин отозвал Стесселя в сторону и изложил ему свои сомнения. Генерал долго не мог понять, о чем ему говорят.

— Дали вам крест — радуйтесь и не беспокойте зря священную особу монарха! — посоветовал он Надеину.

Но старик не унимался.

— Делайте как хотите. Я совершенно не одобряю ваших намерений, но запретить вам писать об этом не могу,— обозлился Стессель.

Надеин поспешил откланяться и отправился к себе.

Вечером того же дня он старательно выводил гусиным пером — стальных не признавал — на толстой пергаментной бумаге: «Всепресветлейший, Державнейший Государь Император, Царь Всемилостивейший...» — и излагал все свои сомнения в связи с получением награды.

Когда послание Надеина было вручено Стесселю, он сердито бросил его Рейсу.

— Положите под сукно, а этому старому дураку сообщите, что отослано с первой почтой в Чифу.

На Залитерную батарею последние новости привез Звонарев. Войдя в блиндаж к Борейко, он громко проговорил:

— Получены телеграммы: Стесселя...

— Убирают ко всем чертям? — обрадовался поручик.

— ...наградили званием генерал-адъютанта и крестом третьей степени.

— Это, верно, по ходатайству японского микадо за то, что он отпустил Танаку.

— Фока тоже наградили...

— За потерю цзинджоуских позиций?..

Солдаты были возмущены и удивлены.

— Не слыхали, чтобы генерал Стессель был из ге-

роев! Уж наш Белый больше заслужил: денно и нощно скачет по батареям,— говорил Блохин.

Известие о зачете месяца артурской службы за год произвело гораздо большее впечатление.

— Теперь, значит, как война кончится, все поедем по домам,— мечтал Белоногов.

— Скоро мира не дождешься! — возразил Блохин.— Вот если бы наш брат солдат делами ворочал, мигом бы с японцами договорились.

— С генералами-то ихними, что ли?

— На хрен они нам сдались! С солдатами же, конечно. Они небось тоже по своим бабам скучают.

— Больно у тебя все просто, Филя! Иди-ка на «литербу», отнеси капитану рапортичку о расходе снарядов,— распорядился взводный Родионов.

На следующий день был назначен торжественный парад на одной из площадей, укрытых от японского обстрела. День выдался ясный. Море искрилось на солнце. Японцы не беспокоили. Артур ожил; по улицам сновали прохожие, магазины бойко торговали. На площади, невдалеке от дома Стесселя, были выстроены покоем войска. Посредине высился покрытый серебряной парчой аналой, около которого, блестя ризами, собралось все артурское духовенство. Стессель с огромной свитой стоял впереди и громким шепотом торопил священников. Наконец протодьякон провозгласил последнее многолетие «богоспасаемому граду сему и его жителям», и молебствие кончилось. Выйдя на середину, Стессель зычным голосом зачитал царские телеграммы и поздравил гарнизон с царской милостью. Затем от свиты отделился Фок и начал речь в честь Стесселя:

— Генерал-адъютант — приближенное к царю лицо. Он представляет в Артуре священную особу государя императора. Генерал Стессель — наша слава, наша гордость, наш вождь. Под его руководством мы не пропадем. Ура артурскому герою!

Гремел оркестр, Фок и Стессель торжественно поцеловались.

После парада к генерал-адъютанту подошел с поздравлениями Эссен. Стессель, как всегда, был с ним отменно вежлив и любезен.

— У меня есть просьба к вашему превосходительству,— обратился моряк к генералу.

— Заранее готов ее исполнить, Николай Оттович.

— Весьма вам признателен за ваше благосклонное отношение к моей скромной персоне. Я хотел вас про-

сить о помиловании госпожи Блюм, осужденной якобы за шпионаж вместе с генералом Танакой.

— Разве ее еще не повесили?

— Никак нет! Со вчерашнего дня она православная. Дело вчера разбиралось в военно-морском суде под моим председательством, и мы решили просить о ее помиловании.

— Счастлив ее бог. Черт с ней, пусть живет, но чтобы я о ней ничего больше не слыхал,— смилостивился Стессель.

Эссен поспешил поблагодарить и отошел в сторону, где его ожидал уже Акинфиев.

В тот же день Варя Белая увидела на «Этажерке» Риву под руку с Акинфиевым и очень удивилась. Ее соперница опять оказалась на воле. За разъяснениями она отправилась к Желтовой.

— Завтра ее свадьба с лейтенантом,— пояснила Варе Мария Петровна.

Варя запрыгала и бросилась целовать Желтову.

— Как я всему этому рада — она на свободе, и...

— ...и больше не угрожает твоему счастью с Звонаревым,— докончила учительница.

Девушка еще раз крепко ее поцеловала.

Отрядная церковь была ярко освещена.

В церкви находился Эссен с группой своих офицеров, среди которых стоял взволнованный и раскрасневшийся Андрюша Акинфиев. У алтаря Борейко договаривался с причтом о подробностях венчания. Тут же стоял Звонарев в белых перчатках, с букетом цветов в руках.

— Невеста что-то опаздывает,— недовольно бурчал поручик.

Наконец в церкви появилась Рива в сопровождении обеих учительниц и Желтовой.

— Становитесь рядом. Жених справа, невеста слева, возьмитесь за руки,— командовал Борейко.— Сережа, дай ленту связать их руки, чтобы не убежали из-под венца,— шутил он.

— Подойдите, брачующиеся,— пригласил священник, и молодые подошли к аналою.

Обряд начался. Прапорщик посменно с Борейко держали венец над Ривой и Акинфиевым. Когда служба подходила к концу, в церковь вошла Варя Белая с букетом чайных роз. Она с трудом протолкалась вперед и

внимательно осмотрелась вокруг, затем тихонько подозвала к себе одного из матросов и попросила его передать невесте букет после венчания. Сунув матросу в руку рублевку, она надвинула на лоб сестринскую косынку и поспешно вышла из церкви. В дверях обернулась на жениха и невесту и, радостная, сбежала на паперть.

— Жена да убоится своего мужа! — провозгласил дьякон.

— Да не дюже,— в тон ему прогудел на ухо Риве Борейко.

Обряд венчания окончился. Все направились к молодым с поздравлениями. Подошел и матрос с букетом.

— Барышня-сестрица приказали вам его передать,— доложил он.

— Какая сестрица? — удивилась Рива.

— Не могу знать. Субтильная такая, все глазами по сторонам зыркает. Платочек обронили.— И он протянул небольшой, обшитый кружевцем носовой платок.

Из церкви молодые с гостями направились в маленький домик Ривы в Новом городе.

Эссен и Желтова, бывшие посажеными отцом и матерью, благословили молодых иконой. Оля и Леля осыпали их рисом, а Борейко во всю силу своих могучих легких прокричал: «Горько молодым!» Андрюша и Рива смущенно целовались под аплодисменты гостей.

— Теперь горько шаферам и шаферицам,— ответил Андрюша.

— Горько, горько! — поддержали остальные.

Звонарев осторожно приложился к щечке Лели Лобиной, зато Борейко, поставив маленькую Олю на стул, наградил ее таким поцелуем, что получил немедленно звонкую оплеуху.

— Этот медведь не целуется, а кусается,— обиженно объявила девушка.— Я так и думала, что он сейчас меня проглотит. Не смейте больше ко мне прикасаться, косолапый!

— Так я же, можно сказать, любя,— оправдывался поручик и опять был награжден пощечиной, на этот раз совсем легонькой.

— Не говорите глупостей. Кто же поверит, что такой страшный зверь способен на нежные человеческие чувства. Уж, во всяком случае, не я!

— Как известно, дурной пример заразителен, чья теперь очередь? — спросил Эссен.

— Сережи Звонарева и его амазонки,— ответил Борейко.

— Да, кстати, я получила от неизвестной сестры прекрасный букет роз,— сообщила Рива.— Себя она не назвала, но обронила, уходя, вот этот платок. Кто бы это мог быть?

Леля Лобина с Желтовой принялись рассматривать платок.

— Да ведь это Вари Белой,— узнала Леля.— Пахнет аптекой — значит, ее. Она ведь не признает духов и предпочитает благоухать конюшней или карболкой.

— Молодчина Варя! Я всегда говорила, что она — прекрасный человек! — с жаром проговорила Оля.

— Я очень, очень тронута ее вниманием и прошу вас, Сережа, горячо поблагодарить ее за меня,— проговорила Рива.

— Боюсь, что я ее увижу не скоро, Ривочка.

— Во-первых, я больше не Рива, а Надежда Сергеевна Акинфиева, а для друзей — просто Надя, и, во-вторых, вы сегодня же увидитесь с ней. Она, наверно, сама вас найдет и подробно расспросит про свадьбу. Для нее все это представляет большой интерес. Мы, женщины, как известно, очень любопытны во всем, что касается любви.

Отъезжающих на Ляотешань молодых пошли провожать до пристани, где уже ожидал разукрашенный флагами паровой катер с «Севастополя». В последний раз прокричали «горько молодым» и чокнулись остатками вина. После этого, отдав концы, катер заскользил по гладкой поверхности уже темнеющего рейда. Компания разошлась.

Около дома Стесселя Звонарев неожиданно встретился с Варей. Можно было предположить, что девушка его поджидала.

— Надежда Сергеевна Акинфиева просила вам передать свою благодарность за букет.

— Я такой не знаю!

— Вы еще будете отрицать, что не были сегодня в церкви на ее свадьбе...

— Это вам приснилось!

— ...и там потеряли свой носовой платок?..

— Разве там? А я-то искала, искала,— выдала себя Варя.

— Значит, это были вы? — торжествовал Звонарев.

— А хоть бы и так!

— Вы меня тронули этим поступком. Никак не ожи-

дал, чтобы свирепая амазонка была способна на такую мягкость по отношению к «потерянной», как вы говорите, женщине.

— Она раньше была такой, а раз на ней женились, значит, она исправилась и стала настоящей дамой,— серьезно проговорила Варя.

— Вы восхитительны в своей наивности, Варя!

— А вы... просто глупый и ничего не понимаете. Ну, расскажите подробно, как все было,— подхватила она Звонарева под руку.

Прапорщику пришлось проводить девушку до самого дома, по дороге живописуя все происходившее на свадьбе.

— Теперь, Варя, очередь за вами. Гантимуров спит и во сне видит вас своей женой.

— Я никогда не выйду замуж за такого противного слизняка, как он!

— А за неслизняка?

— Еще подумаю, но он должен быть, во всяком случае, много умнее и догадливее, чем вы.— И Варя убежала, издали помахав рукой на прощанье.

Звонарев, улыбаясь, пошел обратно. Он впервые подумал о ней как о своей возможной жене. И хотя он постарался прогнать эту мысль из головы, но она невольно возвращалась к нему.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

После августовских штурмов японцы подошли на Восточном фронте обороны к форту номер два, батарее литеры Б и Куропаткинскому люнету на двести — двести пятьдесят шагов. Передовые укрепления соседнего Северного фронта — Кумирненский и Водопроводный редуты — оказались при этом сильно выдвинутыми вперед и стали простреливаться во фланг и отчасти даже с тыла. Гарнизон редутов составляли роты Двадцать шестого Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника Семенова, штаб которого расположился в непосредственной близости от них в деревне Палиджуан.

Едва оправившись от ран, Енджеевский, прихрамывая и опираясь на палочку, направился к Семенову.

— Зачем же вы ушли из госпиталя в таком виде? —

спросил полковник.— Ведь вы форменный калека!

— Выписан после освидетельствования комиссией Четырнадцатого полка, признавшей меня годным к строевой службе.

— Ну и отправляйтесь тогда в Четырнадцатый полк к Савицкому. Пусть он что хочет, то и делает с вами.

— Разрешите мне принять по-прежнему охотничью команду.

— На руках, что ли, вас будут носить в разведку?

— Авось на четвереньках поспею за солдатами.

— Ладно уж! Вы мне сейчас, откровенно говоря, очень нужны. Без вас в охотничьей команде все пошло вверх дном, и я не знаю, что делается под носом. Ну, желаю всего лучшего! — И Семенов крепко пожал руку поручика.

— Лучший офицер у меня в полку,— бросил он адъютанту, когда Стах вышел.— Только всегда с начальством не в ладах!

Узнав о возвращении Енджеевского, стрелки-охотники, побросав все свои дела, кинулись к нему.

— Евстахий Казимирович? Вот радость-то какая! Без вас дело у нас совсем расклеилось.

Стах начал расспрашивать, что произошло в его отсутствие. Оказалось, что заменивший его поручик Минят сместил едва ли не всех начальствующих из нижних чинов.

Енджеевскому пришлось всех возвращать на прежние места.

Стах перераспределил также и людей между взводами, чтобы старые, наиболее опытные разведчики равномерно попали в каждый из них. Взводами стали командовать простые солдаты, иногда из штрафных, но опытные и лихие разведчики, а плохие унтеры стали в строй рядовыми.

Вечером, за обедом в штабе полка, Семенов предупреждал Стаха:

— Что касается произведенных вами перемещений среди нижних чинов, то ответственность за них возлагается целиком на вас.

— Неплохо бы такую перестановку произвести и во всем Артуре,— заметил Енджеевский.

Семенов сбоку взглянул на него, хитро улыбаясь, и, поправив свои новенькие золотые флигель-адъютантские аксельбанты, спросил:

— Вы поручили бы мне заведовать дивизионным обозом, а сами приняли бы командование дивизией?

— О нет! Прежде всего убрал бы куда-либо подальше Стесселя, Фока, Никитина, Рейса — на Ляотешань, что ли, и посадил бы под крепкий караул. Романа Исидоровича поставил во главе обороны, а в помощь ему дал бы вас и Третьякова.

— А Смирнова куда?

— Учителем арифметики в Пушкинскую школу.

Семенов громко захохотал.

— Придумали вы ему место!

И поспешил переменить тему разговора.

— Я слыхал, что под Ляояном должен произойти генеральный бой между нашими и японцами. Говорят, много шансов на нашу победу,— проговорил он.

— Будут японцы под Артуром сидеть смирно — значит, в Маньчжурии им наступили на хвост; полезут на штурм — значит, мы побиты под Ляояном,— отозвался Стах.

Для Стаха охотники выбрали большой просторный погреб под разрушенной кумирней. Японцы, разбив па́году, больше не стреляли в этом направлении. Стрелки расчистили подступы к нему, подмели помещение, натащили свежего душистого сена и по возможности придали жилью уютный вид. Отправив солдат в разведку, утомленный за день Енджеевский с удовольствием вытянулся на сене и погрузился в дремоту. Охраняя сон командира, два охотника по своему почину улеглись у входа. Ночь выдалась сырая, с моря наползал туман, заполняя все низины и овраги. На позициях было тихо.

— Теперь дело у нас пойдет,— тихо проговорил один из стрелков.— Поручик наш — человек правильный, солдата насквозь видит.

— Наш Стах своих в обиду не даст.

— Беречь его следует и от японских пуль и от начальства.

После полуночи разведчики стали возвращаться. Они хотели было тотчас разбудить Енджеевского, но стража не позволила.

— Соберутся все, тогда разом и доложите, а то до утра всю ночь беспокоить зря человека будете.

Стрелки охотно соглашались и тут же укладывались на землю.

Утром, выслушав доклады солдат, Енджеевский удивился одновременности их возвращения, но никто не выдал ему причины этого. По донесениям разведчиков, вырисовывалась ясная картина сосредоточения довольно значительных сил противника против Западного

фронта и подготовки к новому штурму, о чем свидетельствовало сооружение ряда осадных батарей в этом районе.

О результатах разведки Стах доложил Семенову.

— Похоже, что Ляоян-то отдали,— задумчиво проговорил полковник, разглядывая на карте вновь нанесенные батареи и траншеи.— Сейчас с конным ординарцем пошлю донесение Роману Исидоровичу.

Поручик выбрал одного из своих стрелков и велел ему по дороге заехать в Пушкинскую школу с запиской, к которой он присоединил полевые цветы для Лели. Заметив это, охотники быстро набрали огромный букет. Один из разведчиков, поляк-садовник, с большим вкусом подобрал цветы и преподнес Стаху.

— Для Елены Федоровны,— сказал он.

Енджеевский был очень тронут.

«И этих людей смеют презрительно называть «сволочью»,— подумал Енджеевский и тепло поблагодарил солдата.

Кондратенко появился в Палиджуане около полудня и направился прямо к Енджеевскому. Еще раз выслушав доклад о результатах разведки, генерал попросил провести его на такое место, откуда он мог бы видеть возможно больше. Стах вызвал Денисова.

— Есть такое место, ваше превосходительство, только в версте впереди наших окопов. Днем туда можно добраться лишь ползком.

Без долгих размышлений Кондратенко переоделся в солдатскую рубаху, надел чью-то не очень чистую фуражку и с биноклем в руках отправился за фельдфебелем. Стах из-за ранения не мог идти с ним и издали наблюдал за продвижением генерала. Семенов сердито напустился на поручика.

— Как вы не отговорили Романа Исидоровича от посещения наблюдательного пункта? Где это видано, чтобы генерал, как простой стрелок, целую версту полз на животе!..— кипятился полковник, наблюдая в бинокль за двумя серыми фигурами, ползущими далеко впереди русских окопов.

Енджеевский старался как мог успокоить полковника. Все же оба провели весьма тревожный час, пока наконец Кондратенко вернулся. Потный, запыленный, генерал был возбужден и доволен своей вылазкой.

— Все видел и высмотрел! Данные разведки подтвердились полностью. Я разглядел даже еще несколько новых батарей в этом районе. Несомненно, готовится

штурм, только не Западного фронта, а против вас! — предупредил он Семенова.

Отдав затем еще ряд приказаний по усилению обороны Северного участка, генерал уехал. Семенов со Стахом и адъютантом засели за детальную разработку плана обороны полкового участка.

Прошло несколько дней.

В ночь на третье сентября неожиданно обнаружилось наступление до роты японцев от Шушуина на передовые окопы Кумирненского редута, расположенные в непосредственной близости к этой деревне. Енджеевский решил атаковать их с флангов и отрезать от своих. С этой целью он вызвал команду разведчиков. Не желая беспокоить уже спавшего Семенова, он договорился с командиром штабной конвойной роты, и они двинулись на врага.

— Шуму не поднимать, не стрелять, действовать штыком и прикладом,— поучал Енджеевский охотников.

По сигналу — крику совы — русские бросились в штыки. Произошла короткая кровавая схватка. Соблюсти полную тишину не удалось, кто-то крикнул от боли, грянул ружейный выстрел, в воздухе засверкали ручные ракеты японцев. Ночь оживилась шумом боя. Пришлось разбудить Семенова, который ввел в бой еще две роты из резерва. Заговорили крепостные батареи. Только к рассвету стихла наконец стрельба.

В числе захваченных пленных оказались два офицера. У них нашли приказ по Маньчжурской армии о разгроме русских под Ляояном и приказ Ноги о предстоящем новом штурме Артура, «...дабы возможно скорее смыть позор затянувшейся осады со знамен Страны Восходящего Солнца»,— цветисто писал командующий японской осадной армией.

Семенов, невыспавшийся и злой, диктовал адъютанту реляцию о происшедшем. Он постарался скрыть факт самовольных действий своих офицеров, приведший к ночной стычке и значительным потерям, и подчеркивал положительные результаты разведки.

Почему вы меня не разбудили на час раньше? Все было бы в порядке. Японцы наступают, мы обороняемся, а теперь изволь доказывать,— брюзжал полковник.— Стессель этого случая не пропустит.

— Бог не выдаст, Стессель не съест! — отшучивался Стах, хотя и понимал, что подвел своего командира.

К вечеру неожиданно приехал Фок и заявил, что при-

слан для расследования «ночного инцидента». Он просидел до глубокой ночи, учинив форменный допрос офицерам и многим из солдат. Почуяв неладное, Семенов сообщил о визите Фока Кондратенко. Последний тотчас же прибыл в штаб Двадцать шестого полка.

— Рад вас видеть, Александр Викторович, в добром здравии,— приветствовал он Фока.— Зачем изволили пожаловать?

— Прислан начальником района для проверки поступивших в штаб сообщений о вопиющих безобразиях в Двадцать шестом полку.

— Мне о таковых ничего не известно. Наоборот, Двадцать шестой полк я считаю лучшим, надежнейшим в моей дивизии.

— Очень жаль, но должен вас разуверить в этом. Большего беспорядка, чем у флигель-адъютанта Семенова, нельзя себе и представить! Офицеры — нигилисты и либералы, самовольно, без ведома командира, вводят в бой чуть ли не весь полк, несут напрасные потери, и все из желания заслужить славу героев.

— Прошу конкретнее, ваше превосходительство: кто в чем виноват?

— Семенов в том, что совершенно распустил полк, Енджеевский в самовольстве, приведшем к бессмысленным потерям, а вы — в недостаточном надзоре за полками вверенной вам дивизии.

— Вы доводите об этом до моего сведения по поручению Стесселя?

— Нет, это мои выводы после ознакомления с положением в Двадцать шестом полку.

— Они меня не интересуют! Поскольку я являюсь начальником сухопутной обороны, то я сам и доложу обо всем начальнику района. Подать генералу лошадь! — громко приказал Кондратенко.

— А если я не уеду? — зло сощурил глаза Фок.

Кондратенко нервно заходил по двору, быстро соображая.

«Рубить сплеча, опереться на свои полки и моряков, арестовать Фока, Стесселя, предать суду, самому принять общее руководство обороной, сместив Смирнова? — быстро неслись мысли в его голове.— Но ведь полки Четвертой дивизии — Тринадцатый, Четырнадцатый, Пятнадцатый — пойдут за Фоком, может возникнуть междоусобие, а тут на носу новый штурм. Нет, не сейчас! Лучше в другой, более подходящий момент». И Кондратенко облегченно вздохнул. Решительные и крутые меры были

не по нем, и он с радостью ухватился за спасительную отговорку о предстоящем штурме.

— Надеюсь, вы не станете упорствовать, Александр Викторович? — уже мягче проговорил Роман Исидорович.

— Хорошо, но я отсюда еду прямо к Стесселю,— пригрозил Фок.

— Значит, нам по дороге,— чуть насмешливо заметил Кондратенко.

— Нет, уж избавьте! И до сей поры, и до моей гробовой доски наши дороги никогда не совпадали и не совпадут,— с необычайной для него пылкостью проговорил Фок.

Генералы раскланялись и разошлись.

Узнав о происшедшем, Стессель растерялся. Недавно сместив Фока, он теперь стоял перед дилеммой смещения Кондратенко и заменой его Фоком. Сомнения решила Вера Алексеевна:

— Без Кондратенко Артур не продержится больше двух недель. Мы не знаем точно, что делается у Куропаткина, поэтому назначение Фока еще рано.

Все же Стессель счел долгом отдать следующий приказ по войскам Квантунского укрепленного района:

«В ночь со 2-го на 3-е сентября 26-го В.-С. стрелкового полка поручик Енджеевский, не доложив командиру полка, самовольно взял охотничью команду, штабную конвойную роту и пошел производить различные геройские поступки, не имеющие никакой ясной цели, а показывающие: 1) что есть офицеры, которым ничего не стоит бессмысленно загубить несколько десятков солдатских жизней да потом еще доказывать, что он молодец и герой, и 2) в 26-м В.-С. стрелковом полку наблюдается полное отсутствие порядка. Предписываю Енджеевского отрешить от должности, зачислить в нестроевую часть и отнюдь ни к каким наградам не представлять. Командиру 26-го В.-С. полка флигель-адъютанту полковнику Семенову объявляю строгий выговор за отсутствие внутреннего порядка в полку, начальнику же 7-й В.-С. стрелковой дивизии генералу Кондратенко ставлю на вид.

Генерал-адъютант *Стессель*»

— Теперь японцы могут спать спокойно. Конец вылазкам,— резюмировал Кондратенко, прочитав приказ.

На следующий день Стах был назначен смотрителем

лазарета при Пушкинской школе. Все учительницы, и в особенности Леля, остались весьма довольны таким оборотом дела.

Звонарев и Борейко орудовали на Залитерной батарее, стараясь возможно лучше замаскировать ее от наблюдений противника. Прапорщик, кроме того, занимался укреплением блиндажей и пороховых погребов, перекрывая их сверху рельсами и бетоном. Летняя жара постепенно спадала, изредка проходили теплые дожди. Засохшие летом деревья вновь оделись свежей листвой. На фронте было почти спокойно. Японцы изредка обстреливали форты и батареи, перенеся огонь в тыл на город и порт, но к бомбардировкам портартурцы уже привыкли и научились быстро покидать обстреливаемые участки.

— Сегодня он бьет все время по району Пушкинской школы,— беспокоился Борейко, оглядывая город в бинокль.

— Теперь там работает Стах. Он занялся вместе со своими легкоранеными охотниками приведением здания в оборонительное состояние,— сообщил Звонарев.

— Не сообразишь даже, повезло ему или нет. Отставлен от наград — зато оказался в тылу около жены,— задумчиво заметил Борейко.

— Тебе-то у Оли везет или нет?

— Не знаю, что и ответить. Пожалуй, скорее удача, но, во всяком случае, не такая, как у тебя с Варей.

— Варя, по крайней мере, оригинальна: сперва огреет плеткой, а затем крепко поцелует.

К батарее подошел ординарец, ведя за собой лошадь под офицерским седлом.

— Прапорщику Звонареву пакет,— протянул солдат.

Звонарев торопливо его распечатал и прочитал:

— «Ввиду ранения командира Саперной батареи капитана Вениаминова вам предлагается срочно принять командование этой батареей. Об исполнении донести. Генерал Белый».

— Вот так фунт! Где находится эта Саперная батарея? — обернулся прапорщик к Борейко.

— В версте от Нового города. Строилась еще в мирное время, бетонная, пушки шестидюймовые, береговые. Место открытое и сильно обстреливается. Одним словом, тебе там в случае атаки на Западный фронт будет весело.

— Нельзя ли взять с собой несколько человек наших? Дело будет вернее.

— Некого! Половина роты ходит перевязанная. Может, потом кого-нибудь подошлю,— пообещал Борейко.

Простившись со своим другом и солдатами, прапорщик сел на лошадь и тронулся в путь. Ехать пришлось медленно, так как Старый город обстреливался японцами. В Новом городе его из окна окликнул Андрюша. Узнав о назначении, лейтенант предложил Звонареву пользоваться своей квартирой.

— Отсюда тебе будет совсем близко.

Расспросив Акинфиева о делах, офицер двинулся дальше и через полчаса прибыл на Саперную батарею. Матросы и солдаты, обслуживающие батарею, не спеша приводили в порядок полуразрушенные брустверы и траверсы.

При появлении прапорщика солдаты и матросы вытянулись. Поздоровавшись с ними, он объявил о своем назначении командиром.

— Нам про то ничего не известно,— сумрачно возразил унтер-офицер моряк.

— Раз я довел до твоего сведения, значит, известно! А теперь марш по своим орудиям, да работать поживее! — приказал Звонарев.

Батарея довольно сильно страдала от ежедневных обстрелов, даже бетонные сооружения были полуразрушены. Действовали только морские пушки.

После осмотра Звонарев решил замаскировать орудия или хотя бы прикрыть номерных щитами. Нуждались в усилении и бетонные казематы. Собрав вечером солдат и матросов, он подробно изложил им свои намерения. Артиллеристы несколько усомнились в возможности такого переоборудования, зато матросы сразу же поняли его мысль.

— В порту наберем броневых листов и приклепаем их к пушкам, а то потребуем снять щиты с негодных старых судов — «Всадника», «Забияки» и других,— предлагали они.— Вы бы, вашбродь, поговорили с капитаном второго ранга Клюпфелем, они у нас ведают всей морской артиллерией, которая свезена на сухой путь.

Прапорщик решил на следующий же день заняться этим.

Наблюдательный командирский пункт тоже был оборудован весьма примитивно. Во время стрельбы приходилось высовываться по пояс над бруствером и в бинокль наблюдать за падением своих снарядов. Звонарев велел

сделать над головой перекрытие из железных балок и мешков с землей.

Утром, едва взошло солнце, приехал Белый. Легко соскочив с лошади, на ходу расправляя пышные усы, он быстро подошел к батарее.

— Вашбродие, наш генерал прибыли,— разбудили еще спавшего Звонарева.

— Когда сюда явились? — спросил прежде всего прапорщика Белый.— Где и как столуетесь?

— Вчера ел из солдатского котла.

Выслушав затем предположения прапорщика о переустройстве батареи, генерал коротко бросил:

— Все это отлично, но японцы готовят новый штурм, проверьте пристрелку всех целей, сейчас не до переделок, а там видно будет, что и как.— И генерал отправился на соседнюю батарею.

День прошел спокойно. Звонарев дал несколько выстрелов, чтобы ознакомиться с целями, по которым была пристреляна батарея.

В это время к нему неожиданно подошел Блохин.

— В ваше распоряжение прибыл, вашбродь! — гаркнул он.

Офицер от неожиданности даже вздрогнул.

— Тебя поручик прислал?

— Так точно! Поди, грит, присмотри, чтобы их благородие кто-нибудь на Саперной не обидел,— с добродушной усмешкой ответил солдат.

— Ты пришел один?

— Никак нет, со мной Ярцев-сказочник да Юркин-телефонист.

Обрадованный прибытием своих, прапорщик посвятил их в планы переустройства орудий и батарей.

Вскоре начался методический обстрел батареи сразу с нескольких сторон.

— Будет теперь черт до вечера сюда стрелять,— бурчали солдаты.

Разыскать хорошо укрытые за складками местности японские батареи не удавалось. Саперная же с вновь насыпанными брустверами четко вырисовывалась на самой верхушке сопки.

Японскими снарядами брустверы были снесены до основания, одно из орудий подбито, завалился пустой пороховой погреб. Несколько снарядов попало и в командирский блиндаж, в своде которого появились зловещие трещины. Прапорщик решил отвести людей с батареи в тыл.

Отойдя с полверсты, Звонарев укрыл людей в глубокой промоине, а сам отправил донесение в штаб Ирмана, начальствовавшего над этим участком.

Началось томительное сидение на солнцепеке. Днем на минутку появился Кондратенко, указал место новой позиции батареи и уехал.

Собрав вокруг себя матросов и солдат, прапорщик сообщил им о переносе орудий и распределил работу между артиллеристами и моряками.

С наступлением темноты все дружно принялись за дело. Вскоре подошли саперы, а затем и моряки. С ними прибыл инженер-капитан — старый знакомый Звонарева по Цзинджоу.

— Опять пришлось свидеться,— пожал он руку прапорщику.— Я займусь фортификационными работами, а вы орудуйте с пушками,— предложил он.

Звонарев согласился.

Блохин, взявший на себя роль инструктора по оборудованию позиций, громко покрикивал на работающих, изощряясь при этом в такой виртуозной брани, что даже видавшие виды матросы покатывались со смеху.

— Ты, служба, часом, не плавал на «Новике» или не состоишь в родстве с тамошним боцманом Кащенко? — допытывались они.

— Плавал я только по Волге-матушке, да и то с поверхности на дно. Там и присказкам своим научился от волжских бурлаков и сам кое-что придумал.

— У вас на Залитерной все такие весельчаки?

— Без малого все. Забрался было япошка к нам на Залитерную, да как увидел нас с банниками и гандшпугами, так и убег.

— Один вид твой разбойничий в расстройство привести может,— поддел его матрос Луговой и тотчас же был награжден оплеухой.

— Потише, черт, кость сломаешь! — отмахнулся он.

Ночь выдалась лунная, ясная. Можно было работать без фонарей. Японцы изредка стреляли по Саперной, что несколько затрудняло работы. Подъемных механизмов не было, и приходилось все тяжести поднимать вручную. По исконному русскому обычаю, моряки затянули «Дубинушку» в артурском изложении:

Японец-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А артурский матрос, коль работать невмочь,
Так затянет родную «Дубину».

Пели дружно, с явной издевкой, но Звонарев делал вид, что этого не замечает.

— Вашбродь, до вас барышня приехали,— доложил Ярцев, хитро улыбаясь.

Прапорщик вспыхнул, поняв, что разговор идет о Варе Белой.

— Папа приказал привезти вам обед, чтобы вы тут не умерли с голоду,— проговорила девушка, протягивая ему тяжелые судки с едой.

Она умолчала, что все «приказание» отца состояло в коротко брошенной за столом фразе: «Твой прапор сидит второй день не жравши на Саперной». Хоть Варя и запротестовала тогда: «Совсем он не мой, и поголодать ему полезно, не будет таким мямлей»,— тем не менее вместо отдыха после дежурства в госпитале она занялась стряпней и затем отправилась на батарею.

Отойдя в сторонку, они расположились с судками. Проголодавшийся прапорщик быстро проглотил борщ, котлеты и крем. Варя только вздыхала, что не принесла больше.

— Долго вы тут будете сидеть? — справилась она.

— Пока не вернется Вениаминов, он лежит в десятом госпитале.

— Он ранен легко и больше недели там не задержится. Где бы в Новом городе можно заняться приготовлением для вас обедов?.. Уж больно далеко добираться сюда из дому.

— Зачем вам утруждать себя?

— А вдруг вы умрете с голоду, тогда меня замучит совесть. И батюшка нас в институте учил: «Накорми осла алчущего!»

— Не очень-то лестное для меня сравнение.

— Я хотела сказать: вола алчущего, хотя вы больше походите на... зайца. Серьезно, где тут можно найти кухню?

— В домике Ривы, ныне Нади Акинфиевой. Совсем недалеко отсюда.

— Меня туда пустят? Только на кухню...

— Так и быть, замолвлю за вас словечко! — съязвил Звонарев.

— В таком случае устраивайтесь сами, как хотите,— обиженно поднялась Варя.

— Смилостивьтесь над голодающим! — взмолился прапорщик.— Давайте завтра, если около полудня будет спокойно, вместе и заглянем в домик Акинфиевых и к Вениаминову,— предложил он.

Рассерженная девушка молчаливым кивком головы выразила свое согласие и направилась к застоявшейся Кубани.

Усталость от предыдущей бессонной ночи заставила прекратить работу уже вскоре после полуночи из опасения несчастных случаев, так как при подъеме тяжелых пушек и лафетов они срывались иногда на землю и могли кого-нибудь придавить.

Японцы молчали, ограничиваясь редкой ружейной стрельбой. Наутро, решив, что предстоит спокойный день, Звонарев дал необходимые указания солдатам и отправился в Новый город.

Десятый госпиталь, где находился на излечении Вениаминов, помещался в недостроенной городской гостинице. Прапорщик вошел в большой светлый вестибюль, поднялся по мраморной лестнице на второй этаж и быстро нашел палату, в которой лежал командир Саперной батареи. Он застал Вениаминова играющим в карты со своими соседями.

— Очень рад вас видеть, Сергей Владимирович. Зачем изволили пожаловать в эту юдоль печали и страданий? — приветствовал он Звонарева.

Прапорщик объяснил причину своего посещения.

— Жаль, жаль! Я полтора месяца продержался на старой позиции. Правда, днем у меня не было никакого движения на батарее, и стрелял я лишь изредка, в крайнем случае. Постараюсь возможно скорее вернуться в строй.

В палату вошла сестра — высокая стройная блондинка. Она, улыбаясь, подошла к капитану.

— Пойдемте, я вас перевяжу в последний раз.

— На позиции он умрет на другой же день от тоски по вас, Лолочка.

Сестра улыбнулась и вышла. Вениаминов последовал за ней, сразу сильно захромав. В дверь опять постучались.

— Еще гости. Войдите! — отозвался уже немолодой офицер-стрелок.

В палате появилась Варя.

— Где Вениаминов? — обратилась она к Звонареву, ни с кем не здороваясь.

— Здравствуйте, очаровательная незнакомка! — подчеркнуто вежливо приветствовал ее пожилой офицер.

— Прошу меня простить за мою невежливость. Я очень тороплюсь.— И Варя низко присела перед ним.— Пойдем в перевязочную,— повернулась она к прапорщику, узнав, где капитан.

По коридору они прошли до самого конца.

— Подождите здесь, а я загляну туда.— И девушка скрылась за дверью.

Вскоре она появилась вместе с капитаном.

— Я вас немедленно бы выписала, вы совсем здоровы,— говорила она сердито,— а эту сестрицу в кавычках удалила бы из госпиталя. Такие особы только мешают работать.

— Кто это так не понравился вам? — спросил Звонарев.

— Наша Лолочка! Варя у нас человек строгих нравов и никакого легкомыслия не допускает,— ответил Вениаминов.

— Здесь имеются врачи, которым предоставлено судить о целесообразности пребывания в госпитале той или иной особы...— заикнулся было прапорщик.

— ...и которые сами готовы ухаживать за такими «сестричками»,— не замедлила принять вызов Варя.

— Пошли к главному врачу получать документы и деньги,— предложил капитан.— Я решил вернуться на Саперную.

Все трое отправились во двор, где помещалась канцелярия госпиталя.

В коридоре они опять встретились с Лолой.

— Я слыхала, что вы выписываетесь, Петр Ерофеич, и что косвенной причиной этого являюсь я? — И она вскользь взглянула на Варю.

— Я не могу быть на вас в претензии, очаровательное создание, хотя и с большой грустью расстаюсь с вами,— рассыпался Вениаминов, но, заметив свирепый взгляд Вари, поспешно распрощался.

Через полчаса все трое уже шли по набережной. С балкона вслед уходящему капитану махала платком Лолочка.

— Не смейте оборачиваться! — зло прошипела Варя Звонареву, когда он захотел ответить на прощальное приветствие.— К вам-то оно ни с какой стороны не относится.

Пройдя несколько кварталов, Вениаминов свернул к своей квартире.

— Теперь пойдем к Акинфиевым,— предложил Звонарев.

— А если она там? — боязливо заметила девушка.

— Вы же сами признали, что она исправилась.

— Конечно, это так, но все же...— замялась Варя.— Я как-то не могу заставить себя относиться к ней, как к порядочной женщине,— призналась она.

— При ближайшем знакомстве вы быстро измените свое мнение о ней,— убеждал Звонарев.

Варя все же с некоторым смущением подошла к квартире Акинфиевых. Дома их не оказалось.

Войдя в комнаты, Варя тотчас же принялась внимательно разглядывать всю обстановку, при этом на ее лице застыло выражение детского любопытства, смешанного с некоторой брезгливостью.

— Грязь, беспорядок, надо все перемыть и перечистить,— распорядилась она, осмотрев кухню.

Матрос-денщик удивленно поглядывал на новоявленную хозяйку, но возражать не посмел.

Заглянув затем в буфет, Варя окончательно рассердилась, обнаружив и там полный хаос. Забыв обо всем, она принялась наводить порядок. Денщик только поспевал выносить на двор мусор и грязную воду.

— Жду вас в шесть часов вечера к обеду, а пока можете уходить,— приказала она Звонареву.

Прапорщик повиновался.

На батарее он застал прихрамывающего Вениаминова. Окруженный солдатами, капитан подробно расспрашивал обо всем происшедшем в его отсутствие.

Начавшаяся на фронте усиленная канонада отвлекла их внимание. Оба офицера отправились на наблюдательный пункт.

Полуденное солнце ярко освещало лежащие впереди сопки. Простым глазом можно было разглядеть, как осадные батареи сосредоточили огонь на Кумирненском и Водопроводном редутах. В этом районе начали скапливаться японские резервы. Была видна перебежка отдельных групп и цепей.

— Попахивает новым штурмом,— заметил Вениаминов.— Мы могли бы хорошо обстрелять отсюда неприятельские резервы, но батарея, как назло, не действует.

— Пойдемте на Зубчатую, может, хоть она откроет огонь,— предложил Звонарев.

— Командиром там некто Страшников, недавно переброшен с Тигрового Хвоста, невероятный трус. Он скорее умрет, чем решится стрелять без приказания из Управления артиллерии.

Когда нужное приказание было получено, Звонарев отправился на Зубчатую гору. Она находилась всего в нескольких десятках саженей от Стрелковой, за неглубокой лощинкой. В отличие от последней, фронт ее имел вид дуги, и орудия смотрели в разные стороны, но при этом она была прекрасно замаскирована.

За батареей под прикрытием обрывистого склона горы виднелись палатки и землянки стрелкового резерва. Тут же жил и сам Страшников. Он сидел у входа в свое убежище и грелся на солнце. Несмотря на летнее время, капитан был в пальто и с шарфом на шее. Он любезно пригласил Звонарева выпить стакан чаю. В блиндаже даже днем горела керосиновая лампа. Прапорщик разглядел широкую двухспальную кровать с горой подушек; на столе, сбитом из некрашеных досок, шипел самовар.

«Совсем по-домашнему устроился»,— подумал Звонарев и тут увидел, к своему удивлению, моложавую пышную блондинку с энергичным лицом.

— Знакомься, Нюсик,— обратился капитан к ней.— Известный тебе по рассказам прапорщик Звонарев.

— Как же, как же! С Электрического Утеса, будущий зять Белого,— затараторила мадам Страшникова, бесцеремонно разглядывая гостя.— Одобряю Варин вкус: молод, здоров, румянец во всю щеку, застенчив,— продолжала капитанша.

Офицер действительно покраснел, но не столько от смущения, сколько от раздражения.

— Зачем изволили к нам пожаловать? — деловито справилась Страшникова.

— Нас заставляют стрелять,— ответил ей муж.

— Этого еще только не хватало! Мало вчерашнего разгрома Саперной, так хотят, чтобы и мы подверглись той же участи. И не подумаем открывать огня!

— Что же мне сообщить в Управление артиллерии? — спросил Звонарев.

— Доложите, что приказание передали, а остальное вас не касается.— И она сердито повернулась к мужу.— Не правда ли, Миша?

— Пожалуй, так лучше всего. Разреши чайку, Нюсик, предложи рому, у нас еще из довоенных запасов.

Пока прапорщик пил чай, капитанша занялась ротными делами.

— Фельдфебель тут никуда не годится,— жаловалась она мужу.— Смотрит волком, что-то бурчит мне в ответ. Ты его подтяни. Затем скажи солдатам, чтобы не смели ругаться в моем присутствии.

Поблагодарив за чай, Звонарев встал из-за стола.

— Разрешите мне взглянуть все же на батарею,— попросил он.

— Только, чур,— не привлекать внимания японцев. Начнется обстрел, я же женщина слабая, не выношу гро-

хотя,— за мужа ответила капитанша.— Я сама провожу вас.

Под конвоем Страшниковой прапорщик прошелся вдоль орудий. Стоило ему взглянуть через бруствер, как его бесцеремонно потянули за рукав:

— Не высовывайтесь! Пройдем на наблюдательный пункт, оттуда можно незаметно осмотреть японские позиции.

Встречные солдаты вытягивались, отдавая честь. Страшникова милостиво здоровалась с ними.

— Здравия желаю, барыня! — выкрикивали артиллеристы, по-уставному дико выпучивая глаза на мадам Страшникову.

На командирском пункте Страшникова довольно толково указала прапорщику цели, какие батарея могла обстрелять днем и какие ночью.

— В случае нужды вы, Анна Павловна, свободно можете заменить здесь своего мужа,— заметил Звонарев.

— Что вы, я совсем не знаю правил стрельбы! В хозяйстве другое дело. Там опытный женский глаз во всем разбирается скорее и лучше, чем мужской.

— Не разрешите ли сделать хотя бы несколько выстрелов? Японские резервы прекрасно видны отсюда, и с первого же выстрела им можно нанести большой урон.

— Не знаю уж, право. Разве для вашего удовольствия... Только не много.

Одна за другой прогремели четыре пушки.

Разрывы легли очень удачно. В бинокль было видно, как резервы бросились врассыпную.

— Ура! — закричал Звонарев.— Еще две-три очереди, и все разбегутся.

— Довольно! Хорошенького понемножку! — решила капитанша.

Вернувшись на Саперную, Звонарев со смехом рассказал обо всех Вениаминову.

— Бой-баба! Они, в сущности, поменялись ролями. Командует ротой жена, а дома сидит муженек. В общем — один из многочисленных артурских анекдотов,— резюмировал капитан.

Вскоре на Саперную батарею неожиданно приехал Кондратенко.

— Куда стреляют японцы? — спросил он.

— По-видимому, идет подготовка к штурму Кумирненского и Водопроводного редутов,— доложил прапорщик.

— Весьма возможно! Вы уже поправились, капитан? Тогда я у вас похищу Сергея Владимировича, а то у меня не осталось ни одного адъютанта.

Через десять минут Звонарев был в седле и широкой рысью едва поспевал за генералом.

Около железной дороги, во второй линии обороны, они разыскали штаб Семенова.

— Как дела? — бросил Кондратенко, пожимая руку полковнику.

— Артиллерийским огнем разрушены все укрытия. К тому же японцы подвезли горное орудие и расстреливают редут в упор. Я просил Белого сосредоточить огонь всех батарей на атакованном фронте.

— Лейтенант с «Баяна» здесь?

— Так точно. Он установил по два миномета на каждом редуте, но бомбардировка так сильна, что пользоваться ими сейчас невозможно.

— Хотите познакомиться с новым видом артиллерийского оружия — морским минным аппаратом, стреляющим минами по неприятельским окопам? — обернулся Кондратенко к Звонареву.

— С большим удовольствием.

— Тогда пройдемте на Водопроводный редут.

— Там очень опасно, Роман Исидорович! Я могу прапорщику дать туда провожатого, если уж его так интересуют минные аппараты.

— Я тоже хочу посмотреть их действие в бою.

И генерал направился к позиции.

Минуя деревню Палиджуан, где были сосредоточены резервы и перевязочные пункты, они по длинному ходу сообщения прошли на редут.

Временно обстрел почти прекратился. Это дало возможность спокойно добраться до нужного места. Правда, при этом два или три раза их все же обсыпало землей и камнем поцарапало Звонареву щеку.

— Первая рана за всю войну,— заметил он, стирая кровь с лица.

— Будем надеяться, что и последняя,— ответил генерал.

На Водопроводном редуте стрелки торопливо исправляли нанесенные бомбардировкой повреждения. Увидев Кондратенко, они наскоро отряхивались и отдавали ему честь. Генерал на ходу здоровался с ними, как всегда внимательно вглядываясь в солдатские лица.

— Большие у вас потери? Налажена эвакуация раненых? Люди накормлены? Патронов достаточно? В чем

ощущаете недостаток? — забросал он вопросами подошедшего коменданта редута.

Офицер начал что-то длинно докладывать в ответ. Генерал поморщился. Затем поймал за плечо одного из стрелков, старательно укладывавшего на бруствер мешки с землей.

— Сыт? Патроны есть? Чего тебе не хватает?

— Утром снедали, тогда же и патронов давали,— утирая со лба пот, ответил солдат и вдруг, спохватившись, вытянулся: — Виноват, ваше превосходительство, дюже за работой запарился, сразу вас не признал. Артиллерии бы нам побольше, а то он бьет, а наша все молчит, даже обида берет!

— Молодчина! Продолжай работать, а об артиллерийской помощи я позабочусь.

— Рад стараться!

— Справитесь с японцем? — спросил Кондратенко другого стрелка.

— Как не справиться, коль надо,— улыбнулся солдат.— Особливо ежели вы сами, ваше превосходительство, с нами будете.

Генерал ласково потрепал его по плечу и пошел дальше. В исходящем углу редута находился на деревянном основании минный аппарат. Когда Кондратенко со своей свитой подошел к нему, его заряжали.

Высокий, с живым, веселым лицом, лейтенант, заметив генерала, вытянулся и скомандовал «смирно». Кондратенко попросил продолжать работу. Сигарообразная мина длиной около сажени своим концом высовывалась из дула аппарата.

Лейтенант попросил генерала отойти в сторону.

— В случае неудачного выстрела может произойти преждевременный разрыв. Поэтому надо быть осторожным,— пояснил он.

Кондратенко отодвинулся на несколько шагов и прислонился к брустверу. До японцев было около сотни шагов.

— Пли! — скомандовал лейтенант.

С легким шумом, окутанная легким облачком дыма, мина, как огромная рыба, взвилась в воздух и, описав правильную траекторию, упала в место работ японцев. Прошло несколько секунд, и высоко вверх взлетел огромный султан дыма и пыли. Вместе с ним поднялись в воздух камни, бревна, части человеческих тел, лопаты, кирки... Уцелевшие японцы в ужасе убегали в тыл.

Стрелки без команды ринулись за ними. Завязалась рукопашная схватка. Через минуту неприятельские окопы были уже заняты. Не вытерпев, Кондратенко вскочил на бруствер и последовал за солдатами. Стрелки, увидав своего генерала, приветствовали его громовым «ура».

— Спасибо за геройскую атаку! — во весь голос крикнул Кондратенко.

В это время японская артиллерия возобновила обстрел с новой силой.

— Вы бы, ваше превосходительство, вернулись назад,— подошел бородатый стрелок.— Не ровен час, зацепит. Мы уж тут сами справимся.

— Коль вы гоните меня, делать нечего — придется уйти,— усмехнулся тронутый заботой генерал.

Вернувшись на редут, Кондратенко приказал его коменданту отправиться в занятые окопы, а сам подошел к миномету.

— Какова скорость стрельбы? — справился он у лейтенанта.

— Не чаще чем раз в пятнадцать минут выстрел.

— Жаль! Если бы удавалось выпускать мину хотя бы каждые пять минут, то минометами можно было бы заменить орудия. Нельзя ли увеличить их число?

— Это не безопасно, так как для вывода из строя миномета достаточно маленького осколка или даже ружейной пули.

— Сергей Владимирович, ознакомьтесь с устройством аппарата и возьмите на себя их установку на Высокой. Лейтенант окажет вам нужное содействие.

— Слушаюсь! Я дам в помощь своего минного квартирмейстера Буторина. Он покажет, как они устанавливаются. Дело не хитрое,— ответил моряк.

Прапорщик вместе с генералом двинулись в обратный путь. По дороге они свернули на Кумирненский редут. Тут разрушений было еще больше. Ров наполовину засыпан, бруствер обвалился. Везде валялись трупы и стонали раненые.

— С минуты на минуту ждем штурма,— доложил генералу комендант редута поручик Дунин-Слепец.

В это мгновение крики «банзай» возвестили, что японцы кинулись на редут. Из траншей выскочили саперы с бамбуковыми лестницами и ручными гранатами, за ними, с примкнутыми штыками,— штурмовые колонны. Артиллерийский огонь сразу смолк, дым начал рассеиваться. Звонарев подхватил валявшуюся винтовку и приготовился защищать себя и Кондратенко.

— Рота, залпом пли! — закричал поручик, вскакивая на бруствер и размахивая обнаженной шашкой.

Раздался дружный оглушительный треск ружей, за ним еще и еще. Заработал единственный уцелевший пулемет. Трое японцев прорвались к месту, где находился Кондратенко, один из них бросил ручную гранату. Генерал быстро нагнулся, укрывшись за развалинами бруствера. Взрыв на мгновение оглушил и ослепил его, но затем он опять выпрямился.

— Целы? — кинулся к нему Звонарев.

— А вы? — вопросом же ответил Кондратенко.

Рядом на земле корчился в предсмертных судорогах стрелок, другой громко стонал, держась за правый бок.

— Ваше превосходительство, противник отошел в исходное положение, не приняв штыковой контратаки! — доложил Дунин.

— Нам никакие враги не страшны с такими молодцами! Только берегите их, елико возможно. Они опора и гордость Артура,— ответил генерал.— Я еду к Белому с просьбой сосредоточить огонь всех батарей на вашем участке.

После грохота, шума и нервного напряжения боя в Палиджуане казалось совсем тихо и спокойно, только где-то вверху мелодично пели редкие ружейные пули.

— Жарковато сейчас было! — облегченно вздохнул прапорщик.

— Впереди предстоят еще более горячие часы. Надо торопиться к Белому.

— Разрешите мне вернуться на Саперную,— попросил прапорщик.

— Да, да, и сообщите Вениаминову о данном вам поручении, договоритесь с Ирманом о минных аппаратах,— напутствовал его генерал.

— Не чаял вас и в живых видеть! — встретил Вениаминов прапорщика.— Я все время наблюдал в бинокль за тем, что происходило. Здорово японцы навалились на редуты!

Узнав о поручении, данном Звонареву, капитан завздыхал.

— Хоть до вечера-то побудьте у меня. Ваши солдаты — Блохин с компанией — чуть не передрались с остальными на работе. Для них вы и Борейко — высшие авторитеты. Со мной они спорят, а лейтенанту Блохин нахально заявил, что тот ничего не понимает в постройке батареи, за что, конечно, был избит.

— Разрешите мне взять их с собой. Они мне будут очень полезны.

— Работать невозможно,— подошел к прапорщику Блохин,— что им ни говоришь, не слухают, а ихний офицер так в рыло кулаками и лезет,— показал он на свой подбитый глаз.

Звонарев сообщил ему о предстоящей работе.

— За вами, Сергей Владимирович, мы повсюду идти согласны,— обрадовался солдат.

Вечером от Вари прибыл вестовой — матрос с запиской: «Жду к обеду. В.»

— Так что барыня, то бишь — барышня, наказывали, чтобы вы непременно сейчас шли до дому,— торопливо доложил он.

Сговорившись с Вениаминовым, прапорщик решил на час сходить в город.

— Вы ранены? — спросила Варя, увидя кровь на лице у Звонарева.

— Нет, поцелован японской красавицей по имени шимоза.

— Надо смазать йодом во избежание нагноения,— с апломбом проговорила девушка.

В доме все блестело чистотой. Полы были вымыты, гардины выстираны, медные предметы начищены, все расставлено в порядке, нигде ни пылинки.

— Потрудились вы изрядно,— заметил прапорщик, оглядывая комнаты.

— Была не квартира, а свинюшник! Ваша Ривочка редкостная неряха и грязнуля,— тараторила Варя.— Мы с Афанасием тут все вверх дном перевернули. Он такой забавный! Пол называет палубой; мыть ее, по его,— лопатить, чистить — надраивать. Все сокрушался, что в полу нет каких-то шпигатов для стока воды. Мы с ним теперь друзья. Он вашу Ривочку не одобряет. По его мнению, она особа несамостоятельная. Он и меня считал за «офицерскую барышню» и верить не хотел, что я генеральская дочь, потому что я хорошо умею мыть полы, стирать белье.

— А меня за кого же он принимает? — перебил ее Звонарев.

— За моего возлюбленного...

— И вы этим, конечно, весьма польщены?

— Польщена! Да мне стоит лишь пальцем пошевельнуть, как у моих ног будут полковники, если не генералы!

— Вроде Костенко!

Варя захохотала.

— Ох, уморил! Крестный в роли донжуана!

За обедом чинно сидели вдвоем. Афанасий подавал, Варя разливала суп, а Звонарев уплетал все за обе щеки. В дверь постучали. Варя сорвалась с места и побежала открывать.

— Кондратенко! — через минуту влетела она обратно.— Вас спрашивает!

Прапорщик поспешил навстречу генералу.

— Прошу прощенья за беспокойство,— извинился генерал.— Я хотел вам указать место для установок минных аппаратов. Заехал на Саперную, и мне указали ваше местопребывание.

— Может быть, Роман Исидорович, между делом вы отобедаете с нами? — предложила Варя.

— Не откажусь, проголодался сегодня основательно, да, кроме того, обед у вас, наверно, очень вкусный, недаром же вы дочка Марии Фоминичны — великой мастерицы по кулинарной части.

Генерал отдал должное всем блюдам, чем очень обрадовал Варю.

— Я и не знал, что у вас в Новом городе такая хорошенькая квартирка, Сергей Владимирович,— заметил он.

Варя вспыхнула.

— Это не его, это одного морского офицера, который живет на Ляотешане,— сбивчиво объясняла она, поняв свое неловкое положение.

— Не беспокойтесь, я не выдам вашего секрета Марии Фоминичне. К тому же Сергей Владимирович известен нам всем своим скромным поведением,— улыбнулся генерал и начал прощаться.

— Вы куда поедете? — справилась Варя.

— В Старый город. Хочу повидать Василия Федоровича.

— И я отправлюсь с вами домой,— попросила девушка.

— А Сергей Владимирович останется здесь? — спросил Кондратенко.

— Он уже поел, и больше ему тут делать нечего. Пусть отправляется на позиции,— сурово проговорила девушка.

— Там сегодня неспокойно.

— Будьте осмотрительны, Сергей Владимирович,— уже мягче, но все же в наставительном тоне предупредила Варя.

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — шутливо вытянулся Звонарев.

На Саперной прапорщика уже поджидали матросы с Буториным. Вместе с утесовцами они отправились на Высокую, где надо было установить два миномета. Гора являлась тактическим ключом всего Западного фронта, так как господствовала над всеми укреплениями этого района. С нее открывался вид на Старый и Новый город, гавань со стоящей в ней эскадрой, и, заняв ее, японцы получили бы прекрасный наблюдательный пункт для своей осадной артиллерии. Это поставило бы под угрозу расстрела все русские суда, а также тылы крепости. Руководители обороны и осаждающие одинаково понимали значение Высокой и готовы были сражаться за нее до последней возможности.

В мирное время на Высокой горе совершенно не имелось оборонительных сооружений, только после начала войны на ней были устроены два ряда полевых окопов с проволочными заграждениями и открыто установлены шестидюймовые крепостные и другие пушки. Но уже во время августовских штурмов пушки, засыпаемые неприятельскими снарядами, не смогли действовать. Поэтому Кондратенко решил теперь усилить оборону горы двумя минометами.

Прибыв в штаб Ирмана, Звонарев попросил дать ему подробные указания о месте расстановки минометов.

— Вы решили вместо артиллерии заняться минным делом? — иронически спросил Ирман.

— Я это делаю по личному распоряжению генерала Кондратенко.

— Подпоручик Гаев, проводите прапорщика на гору. Пусть договорится относительно минометов с капитаном Стемпковским,— распорядился Ирман.

На вершину горы вела крутая и плохо разделанная дорога. В темноте Звонарев и его спутники то и дело спотыкались о неровности, встречавшиеся на пути.

— Почти два месяца занимаем здесь позиции, а инженеры никак не могут удосужиться улучшить сообщение,— возмущался Гаев.

Коменданта горы нашли в прочном блиндаже из десятивершковых бревен. Он прежде всего предложил им выпить и закусить. От выпивки Звонарев категорически отказался и настоял на немедленном начале работ. Стемпковский, не желая расставаться с бутылкой, послал вместо себя с прапорщиком молоденького подпоручика Яковлева. Гаев из любопытства последовал за ними.

Вершину горы составляли две расположенные рядом сопки с небольшой ложбиной между ними.

Направленный в сторону противника склон был настолько крут, что давал возможность далеко забрасывать мины. Здесь и решено было установить один из минометов.

— С фронта позиция труднодоступна,— пояснил Яковлев,— зато благодаря наличию больших мертвых пространств она легко обходится с флангов. В целях улучшения их обороны мы заложили там фугасы.

В окопах правой сопки оказалась рота Квантунского флотского экипажа. Среди матросов нашлось несколько минеров, которые вызвались помочь в работе.

Вскоре доложили, что на гору поднимаются телеги с минометами. Прошло добрых четверть часа, пока наконец они добрались до вершины. Артиллеристы с любопытством осматривали привезенное. Блохин попробовал даже приподнять за дуло один из аппаратов.

— Детские пушчонки, вашброды! — презрительно оценил он.— Далече с такого орудия не пальнешь!

Зато мины вызвали его восхищение.

— Неужто она вся до краев полна пироксилином? — недоверчиво осведомился он, похлопывая по корпусу почти саженной мины.

— На три четверти. В хвосте для веса насыпан песок,— пояснил Буторин.

Ярцев с Юркиным занялись проводкой телефона от блиндажа коменданта к минометной позиции. Около полуночи к месту работ подошли Стемпковский вместе с лейтенантом Гурским, который хромал и опирался на палку.

— Водопроводный редут взят, Кумирненский чуть дышит, но и его уже обходят с обоих флангов,— сообщил он.

— А минометы? — спросил Звонарев.

— Два разбила артиллерия, один мы сами взорвали, один попал в лапы японцам.

— Теперь они нас из них же будут обстреливать,— вздохнул Стемпковский.

— Снизу вверх из минометов стрелять трудно, особенно при такой крутизне, как у вас,— успокоил его Гурский.

— Завтра навалятся на нас и на Длинную. Начнется тогда баня! — вздохнул капитан.— Пошевеливайся, ребята, чтобы к рассвету все было кончено! — крикнул он солдатам и матросам.

Но торопить никого не приходилось. Каждый прекрасно понимал, что все работы нужно закончить ночью, так

как днем всякое движение на гребне горы немедленно вызывало артиллерийский обстрел. Оставив Буторина наблюдать за ходом установки, офицеры отправились по окопам. Стемпковский высказывал свои соображения относительно обороны горы:

— Наши слабые места — это фланги, особенно слева. Здесь японцы смогут подойти довольно близко. Сюда и надо поставить миномет, хотя бы в офицерском блиндаже. Он у нас очень прочный, с бетонным перекрытием. В нем есть окно, в которое можно просунуть дуло минного аппарата.

Осмотревшись, лейтенант пришел к заключению, что установить миномет в блиндаже действительно удобно.

— Тут под прикрытием можно работать и днем,— сообразил Звонарев.

Когда части миномета были доставлены в блиндаж, к удивлению Звонарева, во главе солдат и матросов оказался Блохин.

— Ты, я вижу, уже стал инструктором по минометному делу? — спросил его прапорщик.

— Мы, вашбродь, на Утесе поручиком Борейко ко всему приучены: из пушек стрелять, рыбу ловить, огороды разводить, батареи строить. Пошевели мозгой, когда дело делаешь,— и все будет в порядке! — ответил солдат.

Минный аппарат занял половину помещения. Пришлось убрать стол, оставив лишь офицерские походные кровати.

Восток начинал чуть сереть. Стихнувшая было около Кумирненского редута стрельба разгорелась с новой силой. Пулеметная и ружейная трескотня, рев артиллерии сливались в один сплошной гул.

— Японцы пошли в решительную атаку,— заметил лейтенант.— К утру, надо думать, они займут редут, тогда очередь будет и за нами.

Стемпковский в ответ только выругался.

Пользуясь первыми проблесками дня, Гурский и Звонарев обошли гору, побывали в передовом окопе и определили место наиболее вероятного скопления японцев.

— Местами тут такие крутые склоны, что по ним легко можно скатывать старые китайские круглые ядра с дистанционными трубками,— проговорил прапорщик.

— Идея недурна! Только не ядра, а наши гальваноударные мины. Они прекрасно катятся, а подтянув пружину ударника, можно добиться, чтобы они взрывались лишь при сильном ударе, например при падении. Завтра же попробую что-нибудь придумать в этом направлении.

Буторин доложил об окончании установки минометов. Проверив работу, офицеры нашли все в порядке.

— Теперь можно и на отдых. Я с матросами к себе на «Баян», а вы куда? — справился лейтенант.

— Останусь здесь до вечера, а там будет видно, что дальше делать.

Звонарев нашел поблизости недоконченный блиндажик и устроился в нем.

Это была узенькая щелка, вырубленная в скале. Взрослый человек с трудом мог туда протиснуться. Наскоро очистив его от земли и мусора, прапорщик раздобыл охапку соломы и улегся.

Обстрел Высокой начался около полудня. Несколько десятков осадных орудий одновременно обстреливали гору. Оберегая людей, Стемпковский оставил в окопах часовых для наблюдения за противником, а остальных отвел в ложбину в тылу. Методично, неторопливо японцы начали разрушать колючую проволоку впереди окопов, блиндажи и ходы сообщения.

Разбуженный канонадой, Звонарев выглянул наружу. Первое, что он увидел, был Блохин, едущий верхом на Буторине. За ними следом шло несколько человек матросов и солдат. Совершенно не обращая внимания на обстрел, они громко хохотали.

— Прячьтесь, дурьи головы! — кричали им из соседних блиндажей.

— Не имеет права японец в меня попасть, пока Буторин не довезет меня до места,— шутливо ответил Блохин.— Чем я не генерал Стесселев? Лошадь, правда, у меня малость похуже его рыжей кобылы, зато я сам — герой! Смирно! Отвечать, как генералу! — завернул он одно из своих кудрявых ругательств.

Солдаты и матросы от смеха схватились за животы. Подъехав к прапорщику, Блохин спрыгнул на землю и вытянулся.

— В ваше распоряжение прибыл. Что прикажете делать?

— Надо поскорее расширить эту ямку, здесь переждем обстрел,— распорядился прапорщик.

— Сей секунд! — И солдаты принялись за работу.

После полудня к огню осадных батарей присоединились две японские канонерки, которые, подойдя к берегу Малой Голубиной бухты, тоже начали обстреливать Высокую. Восьми- и девятидюймовые снаряды, попадая

в окопы, сносили сразу целые участки, разрушали колючую проволоку и делали невозможным пребывание людей на горе.

Под прикрытием этого огня японская пехота небольшими группами перебегала в мертвые пространства на подступах к горе, постепенно накапливаясь здесь для атаки.

Отойдя довольно далеко в сторону, Звонарев с одного из отрогов Высокой наблюдал за происходящим.

— Нам бы сюда мортиры! С их помощью мы живо выкурили бы японцев из-за укрытий,— вздыхали стоявшие рядом стрелки.

— К сожалению, они имеются только на береговом фронте, да и то крупного калибра — девяти, одиннадцати дюймов, и перенести их в этот район невозможно,— ответил прапорщик.

— Тогда установили бы хоть минометы.

— Но они не могут забросить снаряд дальше ста шагов, а до японцев около полутора верст. К вечеру они подойдут вплотную к вершине горы, тогда и постреляем минами.

— Поздно будет, придется сматываться в Новый город, если не на Ляотешань,— мрачно бурчал Стемпковский.

— Японцы пошли в атаку! — взволнованно проговорил Звонарев и побежал на гору.

По южному, обращенному к городу, склону Высокой двигались из резерва густые цепи стрелков. Японская артиллерия в этот момент перенесла огонь в тыл, и русские, спасаясь, рассыпались во все стороны.

Звонарев кинулся к блиндажу, в котором был расположен миномет. За ним последовали Буторин и Блохин. Добравшись до места, они тотчас бросились к окну, стараясь рассмотреть происходящее перед ними. Японские цепи захватили нижний ярус окопов и теперь устраивались в них. Попытки отдельных групп подняться выше отбивались сверху ружейным огнем русских.

— Вашбродь, не пустить ли нам мину? — предложил Буторин.

— Надо сначала связаться с комендантом. Разыщи Стемпковского и спроси, действовать ли минометом? — приказал прапорщик Буторину.— Юркин, следи за левым флангом, не станут ли его обходить японцы. Блохин, смотри за правым, Ярцев — впереди!

 Так как склон горы не был выровнен, то, пользуясь

оврагами и промоинами, японцы стали понемногу пробираться вверх.

Блохин не выдержал и, вскинув свою трофейную японскую винтовку, начал стрелять. Несколько темных фигурок одна за другой припали к земле и перестали двигаться, но остальные продолжали карабкаться вверх.

— Слева он совсем в тыл забрался,— доложил Юркин.

Звонарев обернулся. Из небольшой промоины выскакивали поодиночке и группами японцы и с ружьями наперевес стремительно бежали по направлению к резервам. Справа, в обход горы, появилась еще одна цепь.

Вершина оказалась почти окруженной. В это время сбоку, как из-под земли, выросла рота моряков. Впереди, размахивая блестевшим на солнце палашом, бежал офицер, а за ним со штыками наперевес — матросы. При виде моряков японцы растерялись и в следующее мгновение были смяты и отброшены. Расправившись с этим врагом, моряки повернули вправо. Но тут японцы, устрашенные только что происшедшим, сразу же обратились в бегство, теряя по пути оружие и амуницию.

— Здорово! — восхищенно бросил Блохин.— По-нашенскому, по-утесовски дерутся матросы!

— Проволоку режут! — внезапно крикнул Ярцев.

Пока прапорщик следил за происходившим в тылу, с фронта к окопам подобрались до роты японцев и, прорвавшись через проволоку, кинулись в штыки. Звонарев торопливо дернул за спусковую ручку миномета. Мина упала в центре атакующих, разметав их во все стороны.

Стрелки и матросы бросились врукопашную, на плечах японцев ворвались в нижние окопы и выбили оттуда врага. Остатки японцев откатились к подошве горы. Атака была отбита. Тут только вернулся Буторин, придерживая раненую руку.

— Здорово же вы миной шандарахнули! Сразу японцы наутек пошли! — с восхищением заметил он и доложил: — Комендант приказал вам действовать, как хотите.

К блиндажу подошел морской офицер, командовавший ротой, выдвинутой из резерва. Прапорщик, к своему удивлению, узнал в нем Акинфиева. Андрюша оброс бородой, возмужал и выглядел бодрым и здоровым.

— Какими судьбами ты оказался здесь? — спросил Звонарев.

— Ввиду опасного положения у Высокой нас утром перевели с Ляотешаня в Новый город, а оттуда направили сюда. А ты что делаешь? — Приятели разговорились.

— Надя перебралась в город. Она была очень удивлена порядком в квартире. Афанасий не мог объяснить толком, что за барышня орудовала у нас, но мы догадались, что это была Варя, особенно когда он рассказал, как она командовала.

— Пожалуй, они еще встретятся сегодня,— задумчиво проговорил Звонарев.

— Ну так что ж? Моя жена очень будет рада с ней познакомиться.

— Варя резковата на язык и может иногда, даже нехотя, обидеть своей прямолинейностью.

— У Нади хватит такта остановить ее.

Офицеры вышли из блиндажа. Вечерело. Солнце быстро опускалось в море за Голубиной бухтой. С наступлением темноты обстрел совсем прекратился.

— Пойдем к нам обедать,— предложил Акинфиев приятелю.

Через полчаса офицеры подходили к домику. Первое, что они там увидели, были Надя и Варя, дружно накрывающие стол. Варя подробно рассказывала хозяйке о том, как следует расставлять посуду, свертывать салфетки, стелить скатерть. Та слушала ее с добродушной улыбкой.

— Вот и наши мальчики,— проговорила она, увидев в окно подходивших офицеров. Варя поморщилась, но смолчала.

Войдя в комнату, Звонарев представил ей Акинфиева.

— Борода вам не к лицу,— сказала Варя.— Она вас старит, а вы совсем еще молоденький, вроде Сережи, то есть Сергея Владимировича,— тотчас поправилась девушка.

Лейтенант удивленно посмотрел на нее.

— Расскажите лучше, как вы попали сюда,— вмешался Звонарев.

— Как мадемуазель Белая попала сюда? — перебила Акинфиева.— Около пяти часов, когда начали сильно стрелять на Высокой, я выскочила посмотреть на улицу, что там делается. Вернувшись же домой, застала гостью. И так как мы давно знаем друг друга, то вместе принялись за стряпню.

— Обед готов, прошу садиться,— объявила Варя, входя в роль хозяйки.— Вымыли руки? Покажите,— обернулась она к прапорщику.— Все мужчины такие грязнули, что за ними надо смотреть, как за маленькими.

 Завязался общий разговор. Офицеры рассказывали

об отбитых атаках. Надя ахала и пугалась. Варя слушала молча.

— Неужели же сразу после обеда вы опять вернетесь в этот ад? — спросила Акинфиева.

— Им не привыкать к таким переделкам, по крайней мере Сергею Владимировичу. Под Цзинджоу, да и в августовские штурмы на Залитерной, тоже временами приходилось туго, но в конце концов все обошлось благополучно,— отозвалась Варя.

— Вы известная артурская героиня, готовая ежеминутно кинуться в бой,— улыбнулся Акинфиев.— Надя же никогда на передовых позициях не бывала, а двадцать восьмого июля чуть не умерла от страха в двадцати милях от места боя.

— Неправда! Мы находились вблизи эскадры. Но даже издали было жутко смотреть на происходящий бой.

— На Высокой, наверное, есть перевязочный пункт. Хотите, мы на это время устроимся туда сестрами? — предложила Варя.

— Ой, нет! Я с ума там сойду от ужаса... Грохот, стрельба, кругом раненые; где-то впереди, в самом опасном месте — Андрюша и Сережа! Я не такая храбрая, как вы,— поспешила отказаться Надя.

— Нас, верно, к утру отведут уже в тыл, так как все атаки отбиты и вряд ли скоро повторятся. Сережа передаст свои минометы и тоже освободится,— проговорил Акинфиев.

После обеда мужчины стали собираться обратно на позицию. Надя вытащила массу теплых вещей и пыталась укутать мужа. Варя занялась «продовольственным вопросом». Она до того нагрузила Звонарева бутербродами, термосом, судками, что он запротестовал.

— Не хотите? Нам здесь больше останется, а вы будете голодать ночью!

На прощанье Надя долго целовала мужа. Варя и Звонарев ограничились энергичным рукопожатием.

Когда офицеры ушли, Надя предложила Варе ночевать у нее. Девушка отказалась.

Они дружески расстались.

Первая половина ночи прошла спокойно. Под покровом темноты несколько сот человек работали над восстановлением окопов, блиндажей, проволочных заграждений. Звонарев с Гурским занялись установкой новых минометов и выяснили возможность сбрасывания под гору шаровых мин.

После полуночи небо затянулось тучами, заморосил мелкий, по-осеннему холодный дождик. Воспользовавшись этим, японцы без артиллерийской подготовки, без единого выстрела и крика кинулись в атаку. Застигнутые врасплох, русские, отбиваясь только кирками и лопатами, были смяты и, в беспорядке кинувшись из нижних окопов, остановились лишь на самой вершине. Полная темнота делала невозможным применение артиллерии.

Только с рассветом удалось разобраться в обстановке. И опять заговорила осадная артиллерия, подготовляя новый штурм Высокой.

Решительной атакой японцы овладели соседней горой Длинной и оттуда начали обстреливать во фланг позицию на Высокой. Поражаемые бесчисленными снарядами с фронта и пулеметами с фланга и тыла, роты русских быстро таяли.

В самом начале бомбардировки осколком был выведен из строя последний миномет, и Звонарев со своими солдатами вернулся к штабу Ирмана. Отсюда, как на ладони, было видно все поле сражения. Слева, в мертвом пространстве, накапливались новые резервы атакующих. Складки местности укрывали их от артиллерийского огня крепости. Это обстоятельство особенно беспокоило Ирмана.

— Эти резервы можно обстрелять из полевых орудий слева, со стороны Голубиной бухты,— предложил Звонарев.

— Но их придется выдвинуть далеко вперед за наше сторожевое охранение, а это опасно. Заметив, японцы могут их немедленно уничтожить. А впрочем, попробуйте рискнуть,— согласился полковник.

— Слушаюсь! — вытянулся прапорщик.

— Желаю успеха! Я дам вам взвод скорострельных пушек. С ними вы зайдете в тыл противнику и обстреляете его скопления у подошвы Высокой горы.

Подозвав к себе утесовцев, Звонарев спросил, согласны ли они идти с ним.

— С вами — хоть к черту в пасть! — первым высказался Блохин. К нему присоединились Ярцев и Юркин.

В распоряжение Звонарева были предоставлены два орудия второй батареи четвертой артиллерийской бригады и несколько канониров в качестве номеров. Прапорщик решил вести орудия лишь на коренном уносе, чтобы было менее заметно. Пушки замаскировали тюками сена, и они стали похожи на простые телеги с фуражом. Для

уменьшения шума при движении колеса обернули соломой.

Звонарев повел орудия далеко в обход и вышел почти к Голубиной бухте. Здесь русские и японские позиции разделяла пологая долина почти в четыре версты шириною. По дну ее, среди зарослей уже засыхающего гаоляна, вилась узенькая проселочная дорога. Японцы и русские косили тут гаолян на топливо и сено для лошадей. По молчаливому соглашению обе стороны не обстреливали этих отрядов фуражиров. Поэтому орудия, замаскированные под повозки, не привлекли к себе внимания японцев.

Вскоре взвод миновал последние русские заставы и оказался между враждующими армиями. Звонарев с Блохиным шли шагах в ста впереди, внимательно оглядывая местность. За ними, чуть погромыхивая, двигались пушки. Шествие замыкали пять человек.

Вскоре их обстреляли свои же.

— Вам глаза, что ли, позастило, аль вы не видите, в кого палите! — начали ругаться артиллеристы.

Не в меру рьяные секреты поспешили прекратить огонь. Наконец взвод добрался до небольшого перевала, откуда были хорошо видны все японские тылы у Высокой. Во впадине на половине горы собралось до двух полков, готовящихся к штурму. Было ясно видно, как японские солдаты и офицеры, лежа и сидя на земле, подкрепляли свой самурайский дух коньяком. Из тыла к ним беспрерывно подходили все новые и новые резервы. К вершине горы ползли разведчики.

— Живо с передков! — скомандовал Звонарев.

Орудия осторожно сняли и на руках выкатили из высокого гаоляна. Отсюда до цели было около полутора верст. Блохин и Ярцев стали за наводчиков, Юркина же оставили при передках, чтобы в случае нужды поскорее их подать к орудиям. Ничего не подозревая, японцы заканчивали последние приготовления к атаке. Раздался резкий и протяжный звук военного горна. Солдаты вскочили и сплошной массой двинулись на гору. Прапорщик, стоявший несколько поодаль за кустарником, торопливо скомандовал:

— Прицел сорок, угломер триста-ноль. Орудиями — правое, огонь!

Воздух рассекли два резких выстрела, и снаряды с завыванием понеслись в атакующих. Несколько десятков убитых и раненых японцев остались на месте, остальные же бросились в разные стороны.

— Беглый огонь! — скомандовал Звонарев. Но солдаты без команды уже посылали снаряд за снарядом, поражая обезумевшего от страха и неожиданности врага. Японцы беспорядочной толпой выбегали из-за укрытия и тотчас же попадали под сосредоточенный огонь крепостных батарей. Множество трупов покрыло склоны Высокой.

Рыча от восторга, Блохин с Ярцевым давали выстрел за выстрелом. Звонарев, оглохший от непрерывного грохота, наблюдал в бинокль за происходящим впереди.

Было видно, как японские офицеры, избивая солдат шашками, старались навести среди них порядок, но никто не слушался. В этот момент с горы стремительно ринулась лавина стрелков и матросов. Остатки японцев в полном беспорядке бросились наутек. Высокая опять была отбита русскими.

— Патронов больше нет,— доложил Блохин.

— В передки! — скомандовал Звонарев.

Ездовые, стоявшие на ближнем отъезде, всего в пяти шагах от орудий, тотчас же осадили передки к самым орудиям, и в следующую минуту обе запряжки уже неслись вскачь по дороге. Опомнившиеся наконец японские батареи открыли огонь по уходившему взводу. Несколько снарядов, посланных японцами вслед, разорвались очень близко, осыпав землю свинцовым дождем. Почти у русских линий в переднем орудии была убита лошадь. Быстро освободившись от нее, взвод продолжал свой путь, хотя и замедленным ходом. Воспользовавшись этим, японские аванпосты решили захватить заднюю пушку и кинулись за ней.

— Вашескородие, разрешите пугануть их,— попросил Блохин.

— Валяй! — махнул рукой прапорщик.

Сняв орудие с передков, артиллеристы сделали вид, что хотят стрелять. Японцы опрометью бросились назад. Через пять минут взвод был уже в безопасности.

Когда Звонарев явился с докладом к Ирману, полковник ограничился лишь упреком в напрасной, по его мнению, гибели лошади.

Звонарев хотел было со своими солдатами вернуться на Саперную батарею, но его встретил Гурский и настойчиво просил повременить с уходом.

— Нам надо будет еще оборудовать позицию для минометов. Без этого Ирман вас не отпустит,— уверял лейтенант.

Звонарев согласился. Вместе со своими артиллеристами он поместился в одном из свободных блиндажей.

— Сегодня японцу перцу подсыпали малость, будет утесовцев помнить! — заметил Блохин.

— Всех вас я представляю к крестам,— ответил Звонарев.

— Ежели за всякую малость их давать, то скоро и вешать некуда будет! — бросил Блохин.

— Соснуть, что ли, пока тихо? — проговорил Юркин.

Скоро он и Блохин задремали.

Ярцев вытащил из кармана измятую, засаленную книжку и, шевеля губами, начал водить пальцем по строчкам. По его скуластому загорелому лицу разлилось выражение умиленного восторга. От удовольствия он иногда зажмуривал даже глаза, повторяя про себя понравившиеся ему выражения.

— Что ты читаешь? — спросил заинтересованный прапорщик.

Ярцев смутился.

— Так, пустяковые сказки,— ответил он нехотя.

Книжка оказалась «Русланом и Людмилой» в дешевом народном издании.

— Это же прекрасная вещь! Ты знаешь, кто был Пушкин?

— Великий стихотворец. Сказки у него, как песни, сами на голос просятся.

— Как это ты добрался до Пушкина?

— Я сызмальства остался сиротой. Поп один научил меня грамоте. Как-то попалась мне книжка господина Пушкина, с тех пор ровно свет увидел, все стишки его в голове вертятся.

— Оказывается, ты поэт! Сам-то стихи сочиняешь?

— Куда мне! Я вот наизусть хочу выучить «Руслана» и «Полтаву», а сам придумать ничего не могу, складу не получается,— печально вздохнул Ярцев.

— За проявленную сегодня храбрость я награжу тебя книгой Пушкина. Крест же получишь само собою.

— Вашбродь, Сергей Владимирович, по гроб жизни буду вам благодарен! — весь расцвел солдат, даже привстав от волнения.— Чем ни на есть, а отслужу вам! Креста же мне вовсе и не надо.

Было уже темно, когда появился Акинфиев. Он был утомлен и бледен.

— Пойдем ужинать,— пригласил он.

Звонарев охотно согласился.

Надя уже ждала их с ужином.

— Сережа сегодня отличился! — поспешил сообщить жене Акинфиев и рассказал о вылазке.

— Крест, значит, получите. То-то Варя обрадуется! Она давно всем уши прожужжала о ваших подвигах.

— Ей, несомненно, надо бы надеть эполеты. Нет ли у вас сочинений Пушкина? — перевел разговор Звонарев.

— Зачем вам? Варе, что ли, любовные послания в стихах писать? — удивилась Акинфиева.

Надя встала из-за стола и вернулась с двумя томиками Пушкина.

— Избранные произведения,— протянула она их прапорщику.— Вам с Варей подарок от меня и Андрюши.

Звонарев поблагодарил.

Приход Блохина прервал разговор.

— Так что вас лейтенант Гурский требует,— доложил он.— Минометы хотят ставить.

Прапорщик поднялся. Блохин умильно поглядывал на стол с едой.

— Вы голодны? — заметив это, спросила Надя.

— Никак нет! Только что поужинали, но глотка что-то пересохла.— И в доказательство он несколько раз негромко кашлянул.

— Разве тебе чарки не выдали? — удивился Акинфиев.

— Так точно, выдали! Должно, горло ветром продуло, как сюда шел. Першит — сил нет,— с серьезным видом уверял солдат.

Надя засмеялась и налила ему стакан водки.

— Это вам лучше всего поможет,— улыбнулась она.

Простившись с хозяевами, Звонарев направился к Высокой. Было темно. Высокая тонула во мгле. По дороге к ней тянулись повозки со строительными материалами, кухни, лазаретные двуколки. Навстречу шли раненые, санитары несли убитых. Вскоре показалась длинная вереница стрелков. Каждый из них держался за пояс или за плечо идущего впереди. Спотыкаясь, солдаты то и дело, как слепые, наталкивались один на другого.

— Что это такое? — удивился Звонарев.

— Слепаки идут — больные куриной слепотой. Они с темноты до рассвета, как курицы, ничего не видят. На ночь их отводят в тыл,— пояснил Блохин.

Вскоре повстречалась и еще такая колонна, затем на Звонарева налетел солдат, который шел с протянутыми вперед руками.

— Помогите, братцы, добраться до светлого места,— попросил он.

— И мне, и мне тоже! — послышались с разных сторон голоса из темноты.

— Помоги-ка им, Блохин,— распорядился Звонарев.

— Эй, которые тут есть слепцы, вали ко мне! Миром поведу вниз! — заорал Блохин.

Со всех сторон — в одиночку, по двое, по трое — стали подходить спотыкающиеся темные фигуры.

— Становись, друг за дружку держись, в ямы не вались и за мной катись! Шагом марш! — скомандовал артиллерист, и новая вереница двинулась в тыл.

— Сколько же у вас в роте таких больных? — справился у одного из солдат прапорщик.

— Половина. На ночь в роте остается всего человек шестьдесят — семьдесят зрячих.

Отыскав Гурского, Звонарев пригласил его на гору.

— Сию минуту. Я хотел вам показать наши шаровые мины. Не хотите ли полюбоваться? Они лежат около блиндажа.

Когда вышли наружу, прапорщик увидел несколько больших стальных шаров различных размеров.

— Эти, побольше,— на двенадцать пудов, средние — на восемь, а маленькие — на шесть. Благодаря круглой форме они хорошо катятся под гору и, ударяясь с разгона о препятствие, взрываются,— пояснил моряк.

— Знатная штука! — появился из темноты Блохин.— Гостинец первый сорт для японцев.

Едва офицеры прошли несколько шагов, как неожиданно со всех сторон раздались крики «банзай». Началась беспорядочная ружейная стрельба, временами заглушаемая грохотом взрывов ручных гранат. В темноте появились отдельные фигуры бегущих в тыл солдат.

— Стой! В чем дело? — закричал выскочивший из блиндажа Стемпковский, хватая их за шиворот.

— Японец полез, вашброды!.. Видимо-невидимо... Подкрался в темноте и сразу в штыки. В нижнем окопе всех чисто побил.

— Подтянуть резервную роту! — приказал капитан.— Вас, господа офицеры, прошу подняться наверх и помочь мне навести там порядок.

Офицеры тотчас же отправились на гору. Блохин неотступно следовал за Звонаревым.

— Намазывай, ребята, пятки — ловчей бежать будет! — кричал он отступающим солдатам.

Те отругивались. Засунув два пальца в рот, Блохин по-разбойничьи свистнул и закричал:

— А ну, вертай назад, ребята! Довольно свои задницы японцам показывать. Ура! — и бросился вперед на гору.

Один за другим солдаты начали останавливаться. Вслед за Блохиным устремилась добрая сотня стрелков. Звонарев тоже что-то кричал, уговаривал солдат вернуться, но в темноте не были видны его офицерские погоны, и поэтому на него не обращали внимания. В конце концов и он побежал вслед за Блохиным в толпе стрелков. Контратакой удалось отбить лишь правую вершину горы, на левой же японцы успели закрепиться и отбили все атаки русских. Судьба Высокой опять висела на волоске.

Звонарев нашел Гурского в одном из блиндажей правой сопки. Лейтенант был легко ранен в руку и наскоро перевязывался при свете керосиновой коптилки.

— Опять проворонили, сволочи! Не менее двух полков японцев заняли гору. Изволь-ка теперь выбивать! Надо действовать немедленно, а то к утру так окопаются, что их не выкуришь.

— Вашбродь! — появился в дверях Буторин.— Японец засел в бетонный блиндаж, поставил пулемет и не дает нашим подойти. Пока не разрушим блиндажа, нам его не выбить.

— Как же это сделать?

— Подползти и закидать подрывными патронами,— предложил матрос.

— Надо сначала разобраться, где наши и где японцы, а то угодишь прямо им в лапы. Кого бы отправить в разведку?

— Мы можем,— отозвался из-за двери Блохин.— Юркин со мной пойдет, а сказочник останется с прапорщиком.

— Откуда вы взялись? — удивился Звонарев.

— Мы за вами, вашбродь, что ниточка за иголочкой. Где вы, туда и мы поспеваем,— отозвался Ярцев.— Как услыхали свист Блохина, к нему и кинулись, а затем и вас нашли.

— Надежные ребята? — спросил Гурский, кивнув в сторону артиллеристов.

— Вполне.

— Вот и отлично! Вы пойдете в обход справа, а ты, Буторин, возьмешь кого-нибудь с собой и зайдешь слева,

Разведать надо подступы до самого блиндажа, только осторожно. Поняли?

— Так точно! — ответили разведчики.

Солдаты и матрос вышли.

— Познакомьтесь пока, Сергей Владимирович, с устройством подрывных патронов,— предложил моряк.— Я думаю ими забросать блиндаж. Вы атакуйте его справа, а я слева,— распределил он роли.

Подрывные патроны представляли собой шестифунтовые пироксилиновые шашки с коротко обрезанным бикфордовым шнуром в качестве запала. Его надо было зажечь от тлеющего фитиля и затем бросить.

— Лежа дальше двадцати шагов такую тяжесть не забросишь,— заметил Звонарев.— Подползти же незамеченным на более близкое расстояние очень трудно.

— Да, дело рискованное. Может быть, вы хотите отказаться от него?

Прапорщик посмотрел на серьезное, чуть насмешливое лицо собеседника.

— Я давно бы вас поставил об этом в известность, господин лейтенант.

— Что так официально? Все мы люди, все человеки, и все за свою шкуру трясемся! Я откровенно скажу про себя — боюсь, но иду. Думаю, что и вы испытываете то же чувство.

— Ради чего вы идете на риск? В чаянии награды, из удальства или хотите пощекотать свои нервы опасностью?

— Ни то, ни другое. Знаю, что это — долг перед родиной,— задумчиво ответил лейтенант.— Так же, как и вы,— добавил он, помолчав.

— Родина — отвлеченное, но великое понятие. Его часто даже не сознаешь, но в конечном счете все делаешь именно для нее,— согласился Звонарев.

Вернувшийся Блохин подробно доложил, как легче всего добраться до блиндажа. Затем подошел Буторин. Условившись окончательно о действиях обеих партий, Звонарев и лейтенант вышли наружу и двинулись к цели. Быстро пройдя окопы, занятые стрелками, они разделились. Звонарев с Блохиным поползли влево, укрываясь в каждой яме, в каждой воронке.

Ночь стала светлее. Сквозь разорванные тучи временами проглядывал лунный серпик на ущербе. Над головами посвистывали пули. Японцев не было видно, и только короткие, сухие звуки выстрелов указывали их расположение. Неожиданно по горе скользнул луч про-

жектора. Звонарев и Блохин мгновенно припали к земле. Лежавшие вокруг неубранные трупы прекрасно их маскировали, и луч света медленно прополз мимо. Двинулись дальше, останавливаясь при каждом шорохе.

Временами прапорщику казалось, что у него сердце готово выскочить из груди. Он останавливался, чтобы перевести дух и взять себя в руки. Мгновениями он совсем уже решал вернуться назад и отказаться от намеченного предприятия, но рядом слышалось сильное приглушенное дыхание Блохина, который, ловко лавируя между препятствиями, безостановочно двигался вперед, и Звонареву становилось стыдно за свое малодушие.

— Уже скоро доберемся,— шепнул Блохин и начал сворачивать вправо.

Вдруг перед ними выросла темная фигура японского часового. Оба замерли на месте. Но часовой смотрел куда-то вверх и не замечал их. Постояв немного и крякнув по-утиному, он повернул к своим окопам. Прапорщик и солдат облегченно вздохнули.

До блиндажа было уже совсем близко. Его гребень ясно темнел на фоне неба. Отчетливо доносились голоса японцев. Выбрав воронку побольше, оба лазутчика забрались в нее, тесно прижавшись друг к другу.

— Начинайте, Сергей Владимирович,— шепнул Блохин и, вытащив из жестяной коробки зажженный фитиль, поочередно приложил его к запалам шашек, которые загорелись с легким треском. Затем, быстро вскочив, Звонарев и Блохин изо всей силы швырнули патроны в сторону японцев и тотчас припали к земле.

Раздался оглушительный грохот, дождем посыпались комья земли, доски, камни. Вслед за этим грохнули еще два взрыва справа, и, как бы в ответ им, в самом блиндаже вспыхнул ослепительный огонь, сопровождаемый страшным грохотом. Переждав немного, Звонарев осторожно поднял голову. Блиндаж осел посредине и ярко горел изнутри. С диким ревом японцы стремительно выскочили из окопа и, давя друг друга, без ружей, без амуниции, исчезли за горой.

— Бей их, крой, мать перемать!..— вскочил Блохин и бросился за ними.

— Куда ты? — звал его Звонарев.

Солдат, размахнувшись, кинул вслед бегущим еще один патрон, увеличив панику среди японцев. Все русские окопы оказались пустыми. Звонарев поднялся и

подошел к взорванному блиндажу. Тут он при свете пожара увидел Гурского и Буторина.

— Все вышло как нельзя лучше, Сергей Владимирович,— радостно встретил его лейтенант.— Теперь надо окончательно добить японцев. Тащи-ка сюда наши гостинцы! — крикнул он матросам.

Из темноты выкатили три шаровых мины и, подняв на руках на бруствер, начали полегоньку сталкивать под гору.

— Осторожней,— предупредил Гурский, вскакивая сам на бруствер.

Звонарев последовал за ним. По изрытой земле мина передвигалась с большим трудом, ее все время приходилось поддерживать с разных сторон. Скрывшись в нижнем окопе, японцы начали обстреливать русских.

«Попадет пуля в мину — всех разнесет в клочья»,— подумал Звонарев, задерживаясь из осторожности на месте.

— Поднажми,— донесся до него хриплый голос Блохина и тяжелое дыхание натужившихся людей.— Пошла! Ложись!

Едва успел прапорщик распластаться на земле, как внизу раздался оглушительный взрыв.

На горе показались матросы и бросились вниз со штыками наперевес. Через десять минут вся гора до самой подошвы была очищена от врага.

Высокая вновь стала русской.

Звонарев и Гурский пошли в тыл.

Обходя трупы и стонущих раненых, они добрались до блиндажа, откуда были выбиты японцы. На них пахнуло дымом и отвратительным запахом горелого мяса.

— Мне подвезло: второй патрон угодил прямо внутрь и взорвал там ручные бомбочки. Это и напугало так японцев,— пояснил лейтенант.

В штабе Ирмана офицеры застали Кондратенко. Генерал поблагодарил их за успешное выполнение трудной задачи.

— Что же касается солдат, то я уже заранее выпросил для них у Стесселя кресты. Сколько всего у вас человек?

У меня трое и артиллеристов трое,— доложил моряк.

— Пожалуйста, передайте им кресты в торжественной обстановке,— протянул ордена Кондратенко.—

О вас обоих также сделаю представление, а теперь можете отправиться на вполне заслуженный вами отдых.

Офицеры откланялись. На дворе уже светало. С моря дул сырой, холодный ветер. С Высокой тянулись в тыл вереницы раненых и идущих на отдых солдат. Среди них Звонарев увидел и своих утесовцев. Подозвав их, он вручил каждому крест.

— Чествовать вас будем уже на Залитерной,— предупредил он.

— Бутылки две за него дадут,— заметил Блохин, подкидывая свой крест на ладони.

— Как тебе не стыдно так говорить! — возмутился прапорщик.

— Так он у меня уже второй, вашескородие. Если все сохранять, так и вешать их скоро будет некуда,— усмехнулся солдат.

— А тебе, Ярцев, кроме того, от меня обещанные книги,— протянул прапорщик томики Пушкина.

— Покорнейше вас благодарю, Сергей Владимирович! — с большим чувством ответил сказочник.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Отдыхать артиллеристы направились на Саперную батарею. За время их отсутствия строительство сильно продвинулось. Помимо площадок для орудий, были сооружены хорошие, просторные блиндажи для солдат и Вениаминова. Матросы и артиллеристы уже копошились около своих орудий. Более простая технически установка крепостных пушек была почти закончена, моряки же еще только регулировали свои лафеты.

— Здорово, чалдоны! — приветствовал работающих Блохин.

— Здравствуй, варначья душа! — отозвался Луговой.— Не пришибли-таки тебя японцы, а следовало: одним лешаком на свете меньше бы стало!

Звонарев прошел к Вениаминову. Сладко потягиваясь со сна, капитан предложил прапорщику расположиться у него.

— Японцы нас не тревожат, стрелять не собираюсь и с работой людей не тороплю. Успеем еще навоеваться всласть. Можете спокойно и беззаботно почивать хоть до самого вечера. Я же загляну на Зубчатую, к Анне Павловне,— зван на пирог по случаю двадцатипятилетнего

юбилея каторжных работ, именуемых супружеской жизнью.

— Батарею-то когда надеетесь закончить?

— Дня через два, с вашей помощью. Ну, отдыхайте!

Долго спать прапорщику все же не пришлось. Вскоре после полудня на батарею прискакала Варя, ведя в поводу другую оседланную лошадь. Она передала пакет из Управления артиллерии с приказом утесовцам вернуться на Залитерную. Узнав об этом, Вениаминов запротестовал:

— Я не сумею сам достроить батарею, поэтому Сергея Владимировича не отпущу.

— Мое дело маленькое,— передать вам пакет, а там как знаете, Петр Ерофеич,— отозвалась девушка.

— Я же прекрасно понимаю тайные пружины, вызвавшие это распоряжение,— хитро улыбнулся капитан.— Готов ежедневно отпускать к вам мосье Звонарева.

— Я здесь совершенно ни при чем! На что мне нужен ваш прапорщик! — вздернула нос Варя.— Он герой не моего романа. Я таких клякс не люблю!

Пока они пикировались, Звонарев проснулся и вышел к ним.

— Собирайтесь, поедемте со мной, я привела вам лошадь,— распорядилась Варя.

— Слушаюсь, госпожа свирепая амазонка! — вытянулся прапорщик.

— Не отпущу, хоть что хотите делайте, не отпущу! — вцепился в него Вениаминов.— Вас, кроме того, приглашала к себе Страшникова,— уговаривал Звонарева Вениаминов.

После длительных переговоров было решено, что сначала они все втроем отправятся с визитом на Зубчатую батарею, а затем уже Звонарев поедет в Управление артиллерии.

— Блохин, Ярцев, Юркин! — позвал прапорщик.— Отправляйтесь на Залитерную, довольно здесь погостевали.

Солдаты мгновенно собрались.

— Разрешите по дороге зайти на Утес? — попросили они.

— Только не застряньте в кабаке.

— Никак нет, разве что, идя через мосточек, ухватим кленовый листочек,— скроил умильную рожу Блохин.

— Я тебе ухвачу! — пригрозил прапорщик.

Солдаты откозыряли и ушли.

Оставив лошадей на Саперной, Варя вместе с Звонаревым и Вениаминовым пешком направилась на Зубчатую.

Батарея была украшена флагами. В стороне тянулись длинные ряды столов, уставленных мисками и котелками. Парадно одетые солдаты выстроились у своего блиндажа. Тут же около аналоя расхаживал священник в золотой ризе. Чета юбиляров приветливо встретила гостей. При виде Вари Страшникова расплылась в улыбке.

— Как мило со стороны ваших родителей вспомнить о нашем семейном торжестве и прислать вас к нам,— пропела она, целуя девушку.

У Вари от удивления даже рот раскрылся. Ей и в голову не приходило, что ее могут принять за посланницу. Сообразив это, она поспешила принести поздравления и наилучшие пожелания капитанше. Сам Страшников, несмотря на теплый день, был в парадном мундире, при всех орденах. Вениаминову и Звонареву пришлось извиниться за свой будничный вид.

После молебствия с провозглашением многолетия юбилярам все направились к накрытым для солдат столам. Каждому было выдано по чарке водки, паре соленых огурцов и куску солонины. Фельдфебелю и фейерверкерам капитанша подносила чарку собственноручно. Присутствие начальства явно стесняло солдат, и они ели без особой охоты.

Звонарев по приглашению капитана с трудом проглотил сильно наперченную соленую бурду, именуемую щами, и наполовину протухшую солонину.

— Не правда ли, очень вкусно? — спросила его Анна Павловна.

Из вежливости прапорщик выразил одобрение, но Варя простосердечно заметила:

— В госпитале кормят гораздо лучше.

— Но там же больные.

Вениаминов поспешил перевести разговор на менее щекотливую тему:

— Анна Павловна прекрасная хозяйка, в чем вы сейчас и убедитесь, отведав ее пирогов.

Капитанша не замедлила пригласить гостей в блиндаж, где уже был накрыт стол.

— В тесноте, да не в обиде. Прошу рассаживаться, где кто может,— говорил Страшников.

 Обед оказался изысканным, вкусным и сопровож-

дался обильной выпивкой в виде различных наливок и настоек.

— Мы решили пустить в ход все свои запасы. Ведь неизвестно еще, долго ли мы проживем. Один шальной снаряд — и жизнь будет оборвана,— вздыхала капитанша.

— Что ты, Нюсик! Бог не без милости, как-нибудь уцелеем,— поспешил успокоить супруг.

— Ваш блиндаж настолько прочен, что его с одного попадания не разрушишь,— заметил Звонарев.

— Две недели работала почти вся рота,— с удовольствием пояснил капитан.

Появились песельники-солдаты. Они затянули какую-то заунывно-торжественную кантату в честь своего командира. Затем последовали различные церковные песнопения, которым умиленный Страшников подпевал во весь голос.

Пиршество закончилось шампанским под крики гостей «горько молодым». «Молодые» с двадцатипятилетним стажем супружеской жизни торжественно облобызались и прослезились.

— Сколько они друг другу испортили крови за это время! — шепнул Звонарев на ухо Варе.

— Меньше, чем вы мне за последние дни своей никому не нужной бравадой,— ответила она.

Гости отправились обратно на Саперную.

— Интересно, во что обошлось Страшниковым сегодняшнее торжество? Накормить целую роту — это чего-нибудь да стоит,— заметил Звонарев.

— Святая наивность! — отозвался Вениаминов.— Конечно, ни во что! Солдат накормили и напоили за счет артельных сумм, а нас угощали тоже, верно, на экономические суммы, имеющиеся в каждой роте.

— Значит, мы сегодня объедали солдат, которых и без того отвратительно кормят? — спросила Варя.

— Вы ставите вопрос уж слишком ребром, мадемуазель,— уклонился от ответа капитан.

— Знала бы, так ни за что не пошла бы на Зубчатую. Мне в горло не полез бы кусок!

Добравшись до Саперной, Варя и Звонарев распростились с Вениаминовым и сели на лошадей. Когда они проезжали мимо дома Акинфиевых, их из окна окликнула Надя. Поздоровавшись, она упрекнула прапорщика:

— Зачем вы все время рискуете собой, милый Сережа? Хорошо раз, хорошо два, но когда-нибудь это кон-

чится плохо для вас. Хоть бы вы, Варя, запретили ему лезть бог знает куда очертя голову.

— А что он еще выкинул? — строго спросила девушка.

Надя подробно рассказала о приключениях Звонарева в последние дни.

— Никогда не поверю, чтобы этот трусишка был способен на такие дела. Все это страшно преувеличено,— притворно усомнилась Варя.

Акинфиева начала уверять ее в достоверности своих сообщений.

— Так и быть, намылю ему голову,— пообещала девушка, прощаясь с лейтенантшей.

— С каких это пор вы стали для нее «милым Сереженькой»? — недовольно спросила Варя, когда они отъехали.— Откуда такая интимность?

— С Надюшей мы старые друзья, с самого моего приезда в Артур.

Варя нахмурилась и вздохнула.

Затем она ускакала вперед, чтобы скрыть свое смущенье. Прапорщик не стал догонять ее.

Доложив Белому обо всем происшедшем, Звонарев направился на Залитерную. Там он застал Борейко за конструированием «артурского пулемета» — приспособления, позволяющего одному человеку стрелять одновременно из десяти винтовок. Тут же находился и инициатор этого дела, стрелковый капитан.

— Шметилло,— отрекомендовался он с мягким польским акцентом.

— Игнатий Брониславович решил для использования старых китайских винтовок Манлихера соединить их вместе таким образом, чтобы один человек мог сразу стрелять из всех,— пояснил Борейко.

— Кое-что у меня при этом не получилось, и я решил обратиться к друзьям артиллеристам. Вы народ ученый, не то что мы.

— Сережа у нас настоящий инженер-механик и быстро раскумекает, что и как.

Звонарев осмотрел предложенное Шметилло приспособление. В общей деревянной раме соединялись десять параллельно расположенных винтовок. При помощи металлического стержня, касающегося всех спусковых крючков, можно было произвести одновременный выстрел из всех ружей. Но заряжать каждое из них

приходилось отдельно. Встал вопрос, как добиться и одновременного действия винтовочного затвора.

Просидев до вечера, все три изобретателя добились все же одновременности заряжания. Шметилло был в полном восторге.

— Не знаю, как мне вас и благодарить! Вы меня выручили из большой беды. У меня не хватало людей для обороны своего участка. Теперь же каждый десяток стрелков я заменяю одним, потерь будет меньше, огонь сильнее, и отдыхать люди станут больше.

Капитан ушел, пригласив артиллеристов к себе в окопы на пробу «артурских пулеметов».

— Как дела, Боря? — справился Звонарев, когда Шметилло ушел.

— Скучища, друг мой! Бывают дни, когда не делаем ни одного выстрела. Я занялся хозяйственным оборудованием батарей. Под горой устраиваю кухню для нас и батареи литеры Б, при ней погреб для продуктов и баню, чтобы не приходилось бегать на Утес.

— Одним словом, мы окончательно переселяемся сюда. Наши-то квартиры на Утесе останутся за нами?

— Утес как основная наша база, конечно, сохраняется, и наши комнаты тоже. Кстати, слыхал, командовать батареей Утеса назначен капитан Андреев, а Жуковский остался лишь командиром батарей литеры Б и Залитерной.

— Вот как! Я мало знаю Андреева, но слыхал, что он был тяжело ранен и контужен во время августовских боев.

— У него до сих пор трясутся голова и руки.

— Нечего сказать, хорош командир!

— На Утесе наших всего один взвод. Все — нестроевщина. С ними и Андреев справится.

Вскоре поручик переоделся, побрился, надушился одеколоном и отправился в город.

— Будь добр, побудь на батарее, а я загляну в «экономку», может, что-либо и выужу там, — попросил он прапорщика.

Оставшись один, Звонарев обошел позицию и осмотрел вновь сооружаемые помещения.

— Блохин, Ярцев и Юркин явились? — справился он у Родионова.

— Никак нет, не прибыли еще.

— Загуляли где-то по дороге, черт бы их побрал! Заберет их патруль, неприятности не оберешься, — недовольно проговорил Звонарев.

— Они не из таковских, отобьются или удерут,— успокоил фейерверкер.

Между тем Борейко неторопливо шагал по улицам города, раскланиваясь со знакомыми. Однако путь его вел совсем не в ту сторону, где был расположен магазин офицерского экономического общества, и он довольно скоро оказался около Пушкинской школы. Тут у него неожиданно запершило в горле, что заставило его несколько раз прокашляться густым протодьяконским басом. Как бы в ответ на это открылось окно в нижнем этаже школы, и на подоконнике появилась Оля Селенина с гитарой в руках. Заметив девушку, поручик почтительно снял фуражку и раскланялся с ней. Учительница в ответ помахала рукой.

— Куда путь держите, Борис Дмитриевич? — крикнула она.

Офицер поспешно подошел к окну и, поздоровавшись, ответил на вопрос.

— Послушайте, что я вам сейчас спою:

Баламутэ, выйды з хаты,
Хочу тэбэ закохаты,—

чистым, сильным голосом начала Оля.

Борейко тихонечко подпевал ей:

...Закохаты, тай забуты...

Девушка сделала небольшую паузу и, наклонившись к Борейко, выразительно закончила:

...Все ж вы, хлопци, баламуты!

— Не правда ли, Борис Дмитриевич? — лукаво улыбнулась она.

— Положим, это не совсем так,— несколько смущенно отозвался поручик.

— Теперь вы что-нибудь спойте мне.

Борейко прокашлялся и, глядя влюбленными глазами на сидящую на подоконнике учительницу, с чувством запел:

Ты ж мэнэ пидманула,
Ты ж мэнэ пидвела,
Ты ж мэнэ, молодого, с ума-розума звела.

Оля аккомпанировала ему на гитаре.

Затем, как бы спохватившись, она соскочила на пол.

— Что же это я держу вас под окном. Идите в сад, в «экономку» вы все равно уже опоздали. Она рано закрывается.

Поручик прошел в калитку. Навстречу ему кинулся с лаем пушистый дворовый пес Полкан.

— Пройдемте в дальнюю аллею! — предложила вышедшая с гитарой Оля и увела его в глубь сада. Здесь они уселись на широкой скамейке под акациями. Полкан улегся у их ног. Сначала они вполголоса пели дуэтом, а потом завели длинный тихий разговор. О чем у них шла речь — знали только они.

В уснувшем городе слышен был лишь заливистый собачий лай да изредка тарахтела запоздавшая фурманка или извозчик. С фортов донеслась редкая ружейная перестрелка, на рейде каждые полчаса отбивались склянки. С моря потянулся туман. Перевалило за полночь, когда наконец Борейко и Оля встали с мест и направились к садовой калитке. Залежавшийся пес лениво потянулся и пошел за ними.

Прощаясь, поручик низко наклонился и осторожно поцеловал руку девушки. Оля почему-то вздохнула и, приподнявшись на цыпочки, быстро поцеловала Борейко в губы. В следующее мгновение она с тихим смехом скрылась на крыльце.

Ошеломленный поручик постоял на месте, поглядел ей вслед и в глубокой задумчивости зашагал по дороге.

На одном из перекрестков ему повстречалась торопливо идущая по мостовой группа людей. Они сердито перебрасывались между собой короткими фразами. Вглядевшись, поручик разобрал, что городовые вели двух солдат. Борейко прошел бы мимо, но его неожиданно окликнули.

— Вашбродь, помогите!

Борейко сразу очнулся. Вглядевшись, он узнал Блохина и Юркина.

— В чем дело? — шагнул он на дорогу.

— Так что, вашбродь, мы задержали их за дебош в кабаке,— доложил старший городовой.

— Отпустить! Я их сам накажу.

— Никак невозможно, очень они наскандалили, мне два зуба выбили, другому под глаз фонарь подставили.

— Врешь, чертов фараон, это вы на нас набросились с кулаками, а мы только отбивались,— возразил Блохин, сплевывая кровь из рассеченной губы.

— Пошли! — приказал солдатам Борейко, не обращая внимания на полицейских.

— Мы не согласны, не пущай их, ребята! — приказал старший городовой.

Благодушное настроение мигом слетело с поручика,

— Не пущай? — взревел он и со всего маху ударил полицейского.

Как ни крепок был годовой, но удара не выдержал и повалился на землю.

— Бей,— в свою очередь заорал Блохин, опрокидывая другого полицейского, а затем так ткнул ногой в живот третьего, что тот со стоном присел на мостовую.

— Айда! — скомандовал Борейко, и артиллеристы зашагали за ним.

— Завтра поставлю обоих под винтовку, чтобы на будущее время не срамились на весь Артур,— бурчал Борейко.— Не могли от фараонов отбиться...

— Их, вашбродь, целый десяток на нас навалился. Двух мы выбросили из окна, одного покалечили, а остальные нас поволокли,— оправдывался Юркин.

— Каждый из вас должен справиться с десятком городовых, а вы вдвоем перед шестью спасовали. Осрамлю перед всей ротой, чтобы другим неповадно было.

Солдаты виновато вздыхали.

Заспавшийся после бессонных ночей под Высокой Звонарев утром с удивлением увидел Борейко за стаканом чая, а не водки, как обычно.

— Что это на тебя, Боря, напала трезвость? В «экономке», что ли, не стало горилки?

— Попробую в виде опыта пополоскать себе кишочки китайской травкой. А как ты думаешь — смогу ли я совсем бросить пить? — огорошил он вопросом прапорщика.

Звонарев с удивлением взглянул на своего друга и, увидя его серьезное, сосредоточенное лицо, понял, что Борейко не шутит.

— Конечно, сможешь! Не сразу, а постепенно, понемногу отвыкнешь, так же, как курильщики бросают табак.

Поручик в ответ шумно вздохнул и рассказал о ночном приключении с Блохиным и Юркиным.

— Стоят теперь, архангелы, под винтовкой, всем на посмешище,— закончил он.

— Так я и знал, что они напьются,— с досадой проговорил Звонарев.— Я их еще от себя выругаю как следует!

Выйдя из блиндажа, он увидел солдат, окружавших Блохина и Юркина. Из толпы сыпались остроты по их адресу. Юркин стоял молчаливый и безучастный ко всему окружающему, зато Блохин беспрерывно вертелся на месте, виртуозно отругиваясь. Его, видимо, самого занимало создавшееся положение — попасть под винтовку

за недостаточно решительное противодействие фараонам! Этого еще с ним никогда не случалось.

— Медведь — зверюга с понятием, заздря не накажет! А за дело и постоять можно,— ораторствовал он.— Есть грех — обмишулился, не сумел убечь от крапивного семени — и получи!

— Вашбродь, разрешите уйти,— взмолился солдат, когда Звонарев подошел к нему.— Силов моих нет слухать, как они надо мной изгаляются!

— Вы это что наделали? — вместо ответа накинулся на них прапорщик.— Не только не разрешу уйти, а попрошу еще добавить по два часа, чтобы впредь не безобразничали.

Вскоре подошел Борейко.

— Хороши, нечего сказать! Осрамили Утес на весь Артур. Смеются над вами — и поделом! Пусть все в роте знают: заберет кого-либо полиция, пощады от меня не жди. Ну, пошли ко всем чертям, растяпы! — отпустил он наказанных.

Звонарев хотел было протестовать, но, увидев, какую умильную рожу состроил Блохин, засмеялся и махнул рукой.

Офицеры завтракали в своем блиндаже, когда денщик неожиданно доложил:

— Неизвестный генерал на батарею пришли.

— Кого это еще принесло? — недовольно буркнул поручик и вышел встречать неведомое начальство. Прапорщик последовал за ним.

По батарее шел Никитин, на ходу здороваясь с солдатами.

— Здорово, артиллеристы-батарейцы!

Удивленные утесовцы вразброд отвечали генералу.

Приняв рапорт Борейко, Никитин осведомился, не был ли на Залитерной Стессель.

— С момента сооружения Залитерной здесь его превосходительства не видели!

— Он собирался сегодня побывать у вас.

— Весьма польщены столь высокой честью.

Генерал прошелся вдоль фронта батареи, задавая различные вопросы.

— Я всю жизнь свою прослужил в мортирном полку и понятия не имею о крепостных пушках и правилах стрельбы из них,— признался он.

— Чем же изволите сейчас ведать, ваше превосходительство? — справился Борейко.

— Председатель комиссии по наблюдению за тем, что-

бы в ночное время люди не спали на позициях,— важно сообщил генерал.

Поручик чуть заметно усмехнулся.

— Весьма ответственная должность.

— Да, если хотите,— нахмурился Никитин, почувствовав насмешку.

После обхода позиции Борейко предложил генералу позавтракать, а Звонареву велел навести порядок на батарее и предупредить, когда появится Стессель.

Солдаты усердно принялись за уборку. Заинтересовал и их Никитин. Начались расспросы — кто он, чем ведает, зачем пришел на батарею. Прапорщик подробно рассказал, что знал.

— Выходит, он вроде старшего ночного сторожа в Артуре,— решил Блохин.— Только где же у него погремушка?

— Какая погремушка? Трещотка, что ли?

— Она самая.

— Сделай да поднеси ему,— засмеялся Звонарев.

— Мигом сварганим из старого железа, только как бы у меня потом из-за этого голова не затрещала,— зубоскалил солдат.

Пользуясь затишьем на фронте, Стессель решил объехать батареи второй линии. Здесь было совершенно безопасно и в то же время можно было с чистым сердцем послать реляцию о посещении передовых позиций.

Артиллеристы едва успели закончить уборку, как на дороге показался известный всему Артуру экипаж, запряженный парой серых в яблоках лошадей.

Прапорщик поспешил в блиндаж. Там он застал Никитина и Борейко, усиленно выпивающих и закусывающих. Не привыкший к гомерическим порциям поручика, генерал уже с трудом двигал языком.

— Подъезжает Стессель,— сообщил Звонарев.

— Разрешите встретить его превосходительство? — обратился поручик к Никитину.

— Конечно, конечно. Он ведь любит почет. Сразу раздуется, как индейский петух, думает, что тогда его и впрямь за умника ненароком сочтут,— пролепетал с трудом генерал.

Офицеры вышли, оставив своего гостя в обществе целой батареи недопитых бутылок и опорожненных стаканов.

Стессель вышел из экипажа и приказал выстроить солдат за орудиями. Когда это было исполнено, он громко поздравил солдат с отбитым штурмом и поблагодарил

за службу. Обходя по фронту, генерал сделал Борейко замечание за плохую выправку солдат. Особенно возмутил его Блохин, у которого фуражка блином сидела на голове, пояс спустился вниз, на лице застыла глупейшая улыбка.

— Что за олух! — закричал Стессель.— Голову выше, брюхо подбери! — И генерал ткнул солдата в живот.

Эффект получился совершенно неожиданный. Перегнувшись вперед, солдат громко икнул. Стессель даже онемел от удивления.

— Поставить этого идиота на шестнадцать часов под ранец, чтобы вел себя прилично в присутствии генерала,— приказал он, обретя наконец дар слова.— Не солдаты, а папуасы какие-то!

Неизвестно, сколько бы времени он возмущался, если бы не увидел приближающегося к нему Никитина. С блаженно-пьяной улыбкой на багровом лице, пошатываясь и заплетаясь на каждом шагу, Никитин еще издали посылал своему другу воздушные поцелуи. Стессель нахмурился.

— Ты уже успел зарядиться! — недовольно проговорил он.

— Успел, Толя, но только самую капелечку! Не сердись, дай я тебя поцелую.— И Никитин обнял Стесселя.

— Довольно, Владимир Николаевич. Тебе, я вижу, надо немного отдохнуть. Поедешь сейчас со мной.

— Только не хмурься, Толя. Ведь в молодости и ты не был схимником! Помнишь, как перед третьей Плевной мы с тобой в собрании дербалызнули? Ты еще на четвереньках под столом ползал, лаял по-собачьи и кусал дам за ноги! Ведь тоже был когда-то шалунишкой!

— Едем! — решительно подхватил Стессель его под руку.

— Да куда ты меня тащишь? Позволь хоть попрощаться с моим новым приятелем. Люблю его, как сына. Заметь — это лучший артиллерист в Артуре! — И Никитин облобызался с Борейко.

— Подавай! — нетерпеливо махнул рукой кучеру Стессель, но Никитин уперся.

— Хочешь, я тебя свезу в одно тепленькое местечко? — предложил он, хитро улыбаясь.— Девочки там — пальчики оближешь!

Стессель свирепо молчал и продолжал вести Никитина к экипажу.

— Нет, постой! — вырвался последний.— Да ты не бойся, я твоей мегере ничего не скажу! Ведь все знают,

что ты сидишь у ней под башмаком и она бьет тебя туфлей по голове.— Никитин громко захохотал. Окончательно выведенный из себя, Стессель втолкнул своего друга в экипаж и приказал трогать.

— Смирно! — скомандовал вслед уезжающему начальству Борейко, отдавая честь.— За этакое генеральское представление,— обернулся он к Звонареву,— не жалко и полсотни заплатить. Разойтись!

Солдаты бросились в разные стороны. Блохин тут же прошелся колесом и к вящему удовольствию всех повторил свой нехитрый трюк со Стесселем.

— Воображаю, как попадет Никитину за сегодняшнее! — заметил Звонарев.

— У него хоть в пьяном виде мозги начинают шевелиться по-человечески, а у Стесселя они уже окончательно и бесповоротно застыли на месте.

Жизнь на Залитерной шла своим чередом. Звонарев то конструировал «артурский пулемет», то придумывал, как пропустить электрический ток в проволочные заграждения, то принимался за проектирование воздушного шара, на котором Борейко должен был подняться на высоту тысячи футов с целью обнаружения осадных батарей. Докладные записки с Залитерной градом сыпались в Управление артиллерии, где их аккуратно подшивали в папки.

Поручик каждый вечер отправлялся в «экономку» и возвращался поздно ночью. Звонарев часто встречался с Варей, приносившей обеды. Девушка все прочнее входила в жизнь прапорщика — заботилась о его питании, белье, следила за порядком в блиндаже, разносила денщика за грязь и неаккуратность. Между ними установились хорошие, дружеские отношения. Варя не очень командовала, а Звонарев избегал дразнить ее.

Солдаты тоже привыкли к Варе и звали ее «нашей сестрицей» и «прапорщиковой барышней». Один Блохин непочтительно величал ее просто Варькой, но при встречах тоже был вежлив.

Пользуясь отсутствием офицеров на батарее, солдаты вечерами собирались у костров и слушали Ярцева. Последний с необычайным воодушевлением и подъемом торжественным речитативом декламировал «Полтаву» и «Руслана и Людмилу», вызывая бурные восторги своих слушателей. Чеканный стих пушкинских произведений зачаровывал всех звучностью и красотой. Лежа на земле, лицом к огню, солдаты восторженными восклицаниями выражали свои чувства. Даже Блохин, сначала было

забраковавший «Руслана и Людмилу», теперь, переваливаясь с боку на бок и лениво почесываясь, удивленно-радостными восклицаниями приветствовал особенно понравившиеся ему места.

— Сказка эта так сама на песню и просится,— мечтательно произнес Белоногов.— Вот бы хором спеть было хорошо.

— Подожди, дальше еще лучше будет,—улыбаясь счастливой улыбкой, отвечал Ярцев и переходил к «Полтаве», за которой следовал «Медный всадник». «Евгений Онегин» имел меньший успех.

— Про господ оно, нас мало касаемо,—зевал Блохин,—ты бы, сказочник, лучше про попа Балду сбрехнул.

Проходя как-то мимо Ярцева, Борейко поинтересовался, что он читает.

— И нравится? —справился он.

— Раззявя рты слухают, вышбродие.

Поручик хмыкнул носом.

— Некрасова поэта знаешь?

— Малость слышал, но по-настоящему не видел.

Борейко достал однотомник сочинений Некрасова и в один из вечеров, присев к солдатскому костру, прочитал на выбор несколько отрывков. Когда он кончил, солдаты продолжали некоторое время сидеть молча.

— Не понравилось, что ли? —спросил поручик.

— Какое не понравилось! —отозвался Блохин.—Да разве разрешается про такое писать? —недоверчиво спросил он.

— Ты думаешь —запрещенное? —усмехнулся Борейко и, раскрыв первую страницу, показал: —Читай, коль грамотен: «Разрешается цензурой».

— Чудно даже, чтобы про господ так писать,— все еще сомневался солдат.

С этого вечера Некрасов стал любимым поэтом. Чтецом выступал сам взводный Родионов. Низким, рокочущим басом он неторопливо читал «Кому на Руси жить хорошо», «Орина, мать солдатская» и другие поэмы. Блохин располагался рядом и пристально глядел ему в лицо, повторяя следом за фейерверкером отдельные фразы. Один Ярцев по-прежнему предпочитал Пушкина и, устроившись в отдалении, умиляясь втихомолку, читал на память целые главы из «Евгения Онегина».

Иногда завязывались общие разговоры. Излюбленными темами были: скоро ли кончится война и что после нее будет.

— Без бунта дело, братцы, не обойдется,— заявил однажды Блохин.— Как до дому доберемся — помещицкую землю промеж себя поделим, а попервах всех генералов да офицеров побьем.

— Что ж, ты и Медведя убьешь? — иронически спросил Родионов.

— Зачем? Он у нас за главного будет.

— Так ведь он офицер.

— Душа в нем солдатская, нашего брата нутром чует.

— И водку лакать здоров, тебе под пару,— усмехнулся Родионов.

— Не в том дело,— отмахнулся солдат.— Дюже умный зверюга.

— А Сергунчика нашего куда денешь?

Блохин призадумался.

— Варьке отдадим, пусть с ним милуется.

— Он и без тебя на ней скоро женится.

— Она на нем женится, а он детей нянчить будет,— под общий хохот не задумываясь ответил Блохин.

— Кондратенку как? — спросил Кошелев.

— То пусть Медведь решает, он башковитый.

Перебрали всех известных им офицеров и решили, что большинству из них придется «открутить башку».

— Черт с ними, пусть себе живут, лишь бы скорей войне конец и по домам разойтись, пока целы,— окончил разговор Родионов.— Пора и по блиндажам. Кто ночью-то дневалит?

В блиндаже Родионов обратился к фельдшеру:

— Слыхал, появилась в Артуре новая болезнь, от которой у человека зубы выпадают, а сам заживо гниет, скорбут, что ли?

— Скорбут — цинга. На перевязочном пункте говорили, что в Четырнадцатом полку были случаи. У нас быть ее не должно — она делается от плохой пищи. Харчи наши пока что подходящие.

— Все же надо людей предупредить. Завтра перед обедом о ней скажи да заодно посмотри, нет ли больных. Она, говорят, прилипчивая.

*

В один из спокойных дней Звонарев отправился на батарею литеры Б, где давно уже не был. Прочные бетонные казематы служили достаточно надежным прикрытием от бомбардировок, и солдаты находились здесь в относительной безопасности. Сидя под прикрытием брус-

вера прямо на земле, они чинили свою одежду, обувь, брились, стриглись, пили чай из котелков... Картина была самая мирная, и только посвистывание пуль где-то вверху да взлетающие временами на гребне маленькие фонтанчики пыли говорили о войне. Прапорщик прошел к каземату, где помещался Жуковский. Капитан встретил его совсем больной, исхудавший, почерневший, с глубоко запавшими глазами. Он едва стоял на ногах.

— Желудок совсем замучил. Я уже подал рапорт о болезни командиру артиллерии. Хочу хоть недельки две пожить на Утесе, авось поправлюсь. Здесь же на хозяйстве останется Гудима, благо он устроился совсем по-семейному с Шурой.

Звонарев, в свою очередь, рассказал капитану о генеральском посещении, не забыл упомянуть и о вечерних прогулках Борейко в город.

— Дай бог, дай бог! Может, женится — переменится, бросит пить! Талантливейший человек, а водкой губит себя! — вздохнул капитан.— Пойдемте-ка к Гудиме.

Штабс-капитана они застали за писанием дневника. Тут же с рукоделием сидела Шура, конфузливо поднявшаяся навстречу гостям.

— Приготовь нам чаю,— бросил ей Гудима, здороваясь с вошедшими.— Сейчас из Управления передали по телефону, что вам разрешено уехать на Утес, Николай Васильевич.

— Тогда я попрошу вас поскорее составить передаточный акт. Пойдемте займемся этим.

Жуковский и Гудима вышли. Звонарев остался с Шурой, хлопотавшей над керосинкой.

— Вы давно здесь? — справился прапорщик.

— Приехала вместе с Алексеем Андреевичем.

— И не страшно вам?

— На Утесе бывало страшнее. Кроме того, мне там папаня с маманей проходу не давали. Вернись да вернись домой,— жаловалась Шура.

Как только Гудима освободился, Звонарев вместе с ним отправился в стрелковые окопы. Прапорщику хотелось посмотреть на действие «артурских пулеметов» Шметилло. Офицеры прошли на пехотную позицию. Прочно устроенные бревенчатые блиндажи и козырьки хорошо предохраняли солдат от ружейных пуль, шрапнели и действия малокалиберной артиллерии. От осадных же орудий эти полевые укрепления защитить не могли. Стрелки по большей части дремали в укрытиях, и только одиночные часовые неустанно следили за врагом.

— Мои солдаты все время мастерят нечто вроде перископа, чтобы иметь возможность скрытно вести наблюдение за японцами, да у них что-то не получается,— вместо приветствия обратился к артиллеристам вышедший навстречу Шметилло.— Может быть, вы и тут поможете мне?

— Я привел нашего инженера, он и окажет вам полное содействие,— указал Гудима на Звонарева.

Капитан поблагодарил и предложил артиллеристам зайти выпить чаю.

— Где Харитина? — оглянулся капитан.— Пусть разогреет чай.

— Ушедши в тыл,— отозвался денщик.

— Это что еще за баба появилась у нас, ясновельможный пан? — улыбнулся Гудима, закручивая усы.

— Вдова-солдатка, добровольно пошла в полк рядовым. Носит солдатскую одежду и числится стрелком. Непривередлива и очень храбра. Несколько раз ходила в штыки, на моих глазах приколола японца, а как разойдется, то и я побаиваюсь ее!

— Обязательно познакомлюсь с ней,— решил Гудима.

Поболтав с полчаса, артиллеристы двинулись обратно. На батарее они застали Шуру, беседующую с солдатом-стрелком. Среднего роста, довольно полный, безусый, с мягким продолговатым лицом, он сразу обратил на себя внимание офицеров.

— Переодетая баба,— определил Гудима.— Тебя как зовут? — спросил он.

— Рядовой седьмой роты Двадцать пятого Восточно-Сибирского стрелкового полка Харитон Короткевич,— грудным женским голосом ответил солдат.

— Не слыхал я что-то у мужиков такого голоса, да и вид тебя выдает! Ежели ее вымыть да приодеть — ничего бабенка получится,— обернулся штабс-капитан к Звонареву.

Харитина — это была она — густо покраснела и свирепо взглянула на офицера.

— Ишь сердитая какая, мордашка! Зачем к нам пришла?

— К сестрице, на хворобу пожаловаться, вашбродь.

— На женскую, что ли? А то у вас самих есть ротные фельдшера,— допытывался Гудима.

Харитина невнятно что-то забормотала в полном смущении.

— Оставьте ее в покое, Алексей Андреевич,— заступился Звонарев.

Когда офицеры отошли, Харитина кивнула вслед штабс-капитану и хмуро спросила:

— Кто эта сволочь?

Шура покраснела.

— Тот, что с тобой разговаривал,— Гудима, а другой — Звонарев.

— Так это и есть твой? Ни в жизнь не спуталась бы с таким. А второй ничего, мухи, видать, не обидит зря, стеснительный. У него тоже зазноба есть?

— Нет, один он. Правда, к нему имеет приверженность дочка нашего генерала. Варей звать. Встречала, может? Все верхом скачет.

— Озорная такая,— знаю. На барышню и не похожа.

Харитина по-солдатски сплюнула через зубы и вздохнула.

— Ты бы лучше к молодому ушла: и красивый и человек хороший — бить, ругать не станет.

— Солдаты-то тебя, Харитина, не обижают? — поспешила переменить разговор Шура.

— Пробовали было, так я живо отучила. Зато от офицеров проходу не было. Потому к капитану ушла: боятся его и не трогают.

— А в Артур как попала?

— С шести лет осталась сиротой и пошла работать по людям. Как годы подошли — вышла замуж за лакея при станционном буфете. Жили хорошо, только вот бог деток не давал. Взяли на воспитание сиротку-китайчонка. Война началась. Забрали мужа в Артур, осталась я одна с малолетком. Опостылело все. Решила ехать к мужу. Подстриглась, переоделась железнодорожником и добралась в Артур. Командир полка, спасибо ему, разрешил мне состоять при полковом лазарете. Так и жила до августа, а на самое преображение ранили моего... Он через три дня и помер. Поплакала на могилке, да и решила за него с японцами посчитаться...

Появление Звонарева прервало их разговор.

— Отнесите, пожалуйста, Харитина, этот чертеж своему капитану,— попросил он.

Харитина старательно свернула бумагу и, отдав честь, ушла.

— Вот вам, Шура, и подруга здесь нашлась. Не знаете, как она попала в солдаты?

Шура передала прапорщику историю Короткевич.

— Зря это она вернулась в полк: шла бы работать в госпиталь, там женщин не хватает, а в окопах и без нее обойдутся. Да и вам, по-моему, здесь делать нечего.

Жили бы у своих на Утесе, все постепенно и вошло бы в норму.

Шура неожиданно всхлипнула и залилась слезами.

— Хоть бы вы меня не попрекали!

— Я и не думал вас обижать,— растерялся Звонарев.— К слову пришлось.

— С чего ты нюни распустила? — неожиданно появился Гудима.— Иди в блиндаж и приведи себя в порядок. Не терплю слезливых и сопливых физиономий!

«Не сладко, однако, живется бедной девушке»,— подумал прапорщик и двинулся на Залитерную.

Борейко уже ждал его с завтраком. Выслушав рассказ прапорщика, поручик ругнул Гудиму, пожалел Шуру и выразил желание познакомиться с Харитиной.

— Занятная бабенка, не приходилось еще встречать таких. Поинтереснее многих наших барынь и барышень.

— Оли Селениной, например?

Борейко насупился и сердито засопел.

— Каждая хороша в своем роде,— примирительно буркнул он после минутного молчания.— Какой у тебя паршивый язык стал в последнее время, Сережа! Это все влияние твоей милейшей амазонки. Та на редкость умеет говорить всякие неприятности и при этом еще с невинным видом,— недовольно бурчал поручик.

Стук в дверь перебил этот разговор.

— Войди! — крикнул Борейко, думая, что это солдат.

Но на пороге появился странный субъект, бритый, одетый в офицерскую форму без погон, с белой повязкой на левой руке, на которой четко виднелись две буквы — «В. К.».

— Дворянин Ножин,— представился он, отдавая честь.

— Попович Борейко,— поднялся поручик навстречу гостю.

На лице Ножина появилось выражение растерянности и удивления.

— Я вас не понимаю...

— Вы изволили довести до моего сведения, что принадлежите к благородному российскому дворянству. Поэтому я почел за должное сообщить вам, что я происхожу из кутейников,— не моргнув глазом ответил Борейко.— Что касается тебя, Сережа, то, право, не знаю, кто ты по своему происхождению.

— Из интеллигентов, если такое сословие имеется,— улыбнулся Звонарев.

— Очень приятно,— пожал ему руку Ножин, все еще не оправившийся от удивления.

— Прошу садиться. Иван, подай стакан! — скомандовал Борейко денщику.— Чем могу быть вам полезен?

— Я состою военным корреспондентом артурской газеты «Новый край»...

— Артурская сплетница тож,— проворчал поручик.

— Я не согласен с такой оценкой нашей деятельности.

— Описываете мифические генеральские подвиги, а о настоящих героях — солдатах и матросах — молчите. Послушать вас, так весь Артур держится на Стесселе, Никитине, Фоке и прочей сволочи. И все свое внимание уделяете тому, что сказала, что подумала и о чем не думала Вера Алексеевна, какой готовят обед у генерала Смирнова, сколько раз мадемуазель Белая встречалась с Звонаревым,— гудел Борейко.

— Оставь меня в покое, Борис! — вспыхнул прапорщик.

Ножин недоумевающе глядел на обоих офицеров.

— Мадемуазель Белую я не имею чести знать, и вообще о ней, насколько мне известно, никогда ничего не писалось!

— Зато, наверное, знаете мадемуазель Селенину. Ведь вы, кажется, живете рядом с Пушкинской школой?

— Эту маленькую и очень свирепую учительницу, которая беспрерывно меня терзает своей музыкой и пением? Увы, знаю, и даже слишком хорошо!

Звонарев торжествовал, ехидно поглядывая на Борейко.

— Ольга Семеновна обладает прекрасным слухом и недурным голосом,— заметил Борейко.

— Надо добавить: на твой вкус и взгляд,— подсказал Звонарев.

— Конечно, иногда бывает приятно послушать и ее, но после целого дня канонады так хочется тишины и покоя...

— Пьете? — перебил Ножина Борейко, наливая водку в стаканы.

— Пью, но только рюмками.

— В чужой монастырь со своим уставом не суйтесь! На Залитерной рюмок и в заводе нет, поэтому прошу.— И поручик протянул корреспонденту стакан.— Ваше здоровье!

Ножину ничего не оставалось, как выпить, Борейко не замедлил вновь наполнить стакан.

— Не могу, ей-богу, не могу больше,— уверял корреспондент.

— Я выпил за ваше здоровье, надеюсь, что вы, хотя бы из любезности, ответите мне тем же.

Пришлось гостю ещё раз опорожнить свой стакан. Он быстро начал хмелеть.

— Разрешите осмотреть батарею? На свежем воздухе мне будет лучше.

— Милости прошу! — И они вышли из блиндажа.

Солнце еще достаточно сильно грело. От жары Ножину стало еще хуже, и он поторопился отойти в сторону. Вернувшись через некоторое время, он умылся, привел себя в порядок и, извинившись за причиненное беспокойство, предложил сфотографировать батарею вместе с солдатами и офицерами.

— Я этого не разрешу,— нахмурился Борейко.

— Снимок не будет помещен в газете.

— Если вы это сделаете, я настою на вашем расстреле. В Артуре и так достаточно шпионов,— заявил поручик.— Не угодно ли вам пройтись вместе со мной в стрелковые окопы? Оттуда вы сможете заснять японские укрепления. Надо думать, они им известны лучше нашего и едва ли заинтересуют их.

— Судя по вашим словам, можно подумать, что «Новый край» издается для штаба Ноги, а не для жителей и гарнизона осажденного Артура.

— Во всяком случае, для него она представляет во много раз больше интереса, чем для местных аборигенов и гарнизона.

— Ваша точка зрения совпадает со взглядами генерала Стесселя по этому вопросу.

— Сомневаюсь, чтобы это было так! Газета в Артуре нужна, но газета, хорошо снабженная новостями извне и совершенно не касающаяся вопросов обороны, поскольку они секретны.

— Мы и пишем о том, что произошло два-три дня тому назад...

— Чем и облегчаете работу японской разведке.

— Имеется, кроме того, специальная военная и морская цензура...

— Но в ней сидят или олухи, или предатели, разрешающие вам печатать о положении наших войск,— не унимался Борейко.— Пойдемте-ка лучше к стрелкам. Там вы сможете вблизи полюбоваться на наших желтолицых друзей, которые уже скоро восемь месяцев учат нас уму-разуму и, в частности, военному делу.

— А там не очень опасно?

— Я думаю, что чувство страха незнакомо представителю доблестного российского дворянства.

— Да, конечно, но все же...

Борейко повел своего гостя не по ходам сообщения, а напрямик, укрываясь лишь за складками местности. Японцы вскоре заметили их и открыли ружейный огонь. В воздухе запели пули. Ножин весь съежился, втянул голову в плечи и пугливо наклонялся при каждой близко пролетавшей пуле.

— Много, видно, у вас знакомых среди японцев, что вам приходится так часто раскланиваться!

— Дорога, знаете, здесь неровная, боюсь споткнуться и внимательно смотрю себе под ноги...

— Этак вы ничего не увидите! Поднимемся на холм, что вправо. Там хорошо видна вся линия японских траншей.

Но его спутник вдруг споткнулся и присел на землю.

— Ой, больно! Нога подвернулась, и, верно, растянулись связки... Помогите мне добраться до окопов.

Поручик сгреб Ножина под мышки и быстро доволок его до ближайшего блиндажа. Затем он велел позвать Шметилло.

— Гости к вам пожаловали, Игнатий Брониславович. Потомственный дворянин и военный корреспондент газеты «Новый край» господин Ножин,— торжественно представил Борейко.— Объят желанием сфотографировать японцев, осаждающих Артур.

Шметилло поморщился и довольно сухо поздоровался со все еще охающим корреспондентом.

— Пройдемте в передовой окоп, там всего шагов пятьдесят до противника. Отдельные фигуры то и дело показываются над бруствером.

— Благодарю вас, я и здесь увижу все, что меня интересует,— залепетал Ножин.

— Отсюда что-либо снять трудно — слишком далеко, а там до японцев рукой подать,— уговаривал Шметилло.

Отчаянно охая и сильно хромая, незадачливый корреспондент поплелся за офицерами.

— Здесь начинается ход в передовой окоп — сейчас налево, но дальше передвигаться можно только ползком,— указал Шметилло.

— С больной ногой я едва ли туда проберусь,— нерешительно проговорил Ножин.

— Харитина, проводи их благородие в секрет,— приказал капитан.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие. Пожалуйте за мной,— повернулась она к Ножину...

— Право же, мне трудно...

— Ты и есть знаменитая Харитина? — приподнял за подбородок голову молодой женщины Борейко.— Глаза ясные, чистые, видать — девка хорошая. Певунья?

Харитина сперва смутилась и хотела высвободиться, а затем, взглянув на приветливую физиономию поручика, с улыбкой ответила:

— В девках самой голосистой считалась на селе.

— Вот и отлично! Заходи вечерком к нам на Залитерную, а то у нас одни мужики и не хватает женского голоса. Да ты не бойся,— успокоил он, увидев недоверие в глазах Харитины,— у нас народ смирный.

— Если капитан пустят...

— Разрешит, не сомневайся. А теперь проводи-ка их благородие.

Ножин скрепя сердце пополз вперед. Вечерело, солнце косыми лучами освещало русские окопы, японские же были в золотистой дымке пыли.

— Отсалютуем, что ли, нашему гостю? — предложил Борейко и, не дожидаясь ответа, выстрелил из самодельного пулемета. Наглухо укрепленный с помощью кольев в землю, пулемет дал резкий залп. Поручик радостно захохотал.

— Вот так здорово! Даже самому страшно стало.

Встревоженные японцы тотчас появились у бойниц бруствера.

— Снимайте! — заорал Борейко, сложив руки рупором, и, припав к прикладу крайней винтовки, выпустил раз за разом всю обойму.

В ответ загремели сначала одиночные выстрелы, а затем залпы. Их дополнили гулкие взрывы ручных гранат.

— Заварилась каша! Теперь до темноты не успокоятся,— заметил Шметилло.

— Как бы Харитину не задело,— забеспокоился Борейко.

— Она баба обстрелянная, сумеет спрятаться, а вот щелкоперушку может и зацепить.

— Наука ему впредь будет.

В этот момент в окопе появился без шапки, в разорванном кителе, весь измазанный Ножин и, бессмысленно оглянувшись вокруг, кинулся бежать вдоль окопа.

— Поберегите ногу, она у вас, того и гляди, сломается! — кричали ему вдогонку Шметилло и Борейко, но

корреспондент с быстротой молнии мчался по направлению к батарее литеры Б.

— Он теперь, пока не добежит до своей редакции, ни за что не остановится,— усмехнулся капитан.

Подошла смеющаяся, тоже измазанная Харитина, держа в руке фуражку Ножина.

— Ох, и напугались они, когда началась стрельба: припали ничком к земле и только просют: «Спаси, Харитинушка, озолочу». Я им говорю: «Ползите обратно пошвыдче, авось пуля не заденет». Они и задали стрекоча! Что же я теперь с ихней фуражкой делать буду?

— Коль скоро писатель наш бросил ее при бегстве, значит — это твои военные трофеи. Нацепишь на нее свою кокарду и будешь носить,— решил Шметилло.

— А вдруг они вернутся?

— Не вернется,— заверил Борейко.— Значит, придешь к нам, Харитина? На батарее так и спрашивай: «Где у вас тут живет главный Медведь».

— Слушаюсь. Спрошу поручика Медведева,— не поняла Харитина, чем еще больше развеселила поручика.

* * *

Сахаров расхаживал по кабинету. Мягкие ковры заглушали шаги, и только шпоры тихо позванивали при каждом движении. Капитан был в отличном расположении духа. Ему только что удалось обжулить морское ведомство почти на пятьдесят тысяч рублей, продав портовому управлению украденную у него же медную электрическую проволоку. Дело было так. Один из его агентов, служащий Управления порта, ежедневно выписывал фиктивные требования на провода для различных кораблей эскадры. Когда таким образом весь провод оказался израсходованным, его преспокойно вывезли якобы на позиции и доставили на склад. Как только это было выполнено, Сахаров отправился к адмиралу Григоровичу с предложением приобрести «случайно обнаруженные на складах провода», образец которых он захватил с собой.

— Благодетель вы рода человеческого, Василий Васильевич,— обрадовался адмирал.— Прямо из петли меня вынимаете. Сколько за него хотите?

Капитан назвал такую цифру, что даже у видавшего виды адмирала зашевелились от изумления волосы на голове.

— Побойтесь вы бога,— взмолился он.— Половину дам, а больше ни копейки, и в случае острой нужды прибегну к реквизиции.

— Это будет невыгодно нам обоим, ваше превосходительство. Я предлагаю вам десять процентов стоимости — и дело в шляпе.

— Вы меня за младенца считаете, капитан?

— Никак нет, за адмирала!

— А проценты предлагаете обер-офицерские!

Вскоре сошлись в цене, и в порт через те же ворота, на тех же подводах была доставлена и сложена на прежнем месте партия проводов.

Все это капитан вспоминал с видимым удовольствием. Приход служащего с бумагами отвлек его от приятных размышлений. Среди присланных пакетов оказался и небольшой голубой конверт, надписанный мелким женским почерком, пахнущий духами. Капитан отложил его в сторону. Отпустив служащего, занялся чтением коротенькой любовной записочки, содержащейся в конверте, затем он подогрел ее на спичке и прочел выступившие между строк отдельные фразы, после чего записку сжег и пепел развеял.

Полистав висевший на стене календарь, Сахаров что-то прикинул в уме и приказал подать экипаж. Через полчаса он был опять у Григоровича, но на этот раз флаг-офицер адмирала задержал его в приемной, таинственно шепнув:

— У его превосходительства сидят два иностранных корреспондента, только что прибывшие в Артур.

— Какие? Откуда? — изумился капитан.

— Сегодня на рассвете дежуривший в проходе катер с «Полтавы» заметил идущую по направлению к Артуру шлюпку под французским флагом. Он привел ее в порт. В ней и оказались два корреспондента. Сейчас Григорович беседует с ними.

— Какие же новости они привезли нам?

— Плохие! Ляоян сдан, Куропаткин отступает к Мукдену, Балтийская эскадра еще в России, японцы усиленно высаживаются в Дальнем,— махнул рукой лейтенант.

— Может, все это враки?

— К сожалению, нет! Они захватили с собой американские и английские газеты и журналы. В них приведен ряд фотографий с трофеями, взятыми японцами в Ляояне.

— Чем же все это объяснить?

— Полной нашей неподготовленностью в военном отношении. В мирное время больше учились маршировать, чем стрелять.

 — Таким образом, надежда на скорое освобождение

Артура отодвигается на неопределенное время,— вздохнул Сахаров.

— Если, конечно, он будет когда-либо освобожден. Все, что я вам говорю,— строго секретно, гарнизон ничего не должен знать об этом,— спохватился моряк.

Вскоре Григорович освободился, и капитан прошел к нему в кабинет.

— Слыхали новости, Василий Васильевич? — прежде всего спросил адмирал.

— Узнал, вернувшись к себе домой, и приехал сюда их проверить.

— Так, значит, у вас имеются известия о Ляояне из своих частных источников?

— Из Чифу, откуда доставили мне письма и газеты.

— Какой же вы делаете вывод из всего этого?

— Просьба не позже завтрашнего дня учинить со мной полный денежный расчет за продажу порту проводов, и по возможности в золотой валюте.

— Так и быть, три четверти суммы выплачу золотом,— согласился адмирал.

Сахаров благодарно поклонился.

Перед уходом капитан заглянул в комнату, где допрашивались прибывшие корреспонденты. Один из них, рослый, рыжий, курчавый, с золотыми передними зубами, предъявил карточку сотрудника газеты «Чикаго дейли ньюс» Джека Эмерсона, второй — низкий, толстенький, подвижной брюнет, с лихо закрученными в стрелки усиками и эспаньолкой, оказался корреспондентом газеты «Матэн» Жаком Лямбреже. Никаких разрешений из штаба Маньчжурской армии на посещение Артура у них не имелось. Путешествие свое они, по их словам, предприняли на свой страх и риск.

Поздоровавшись, Сахаров присел и стал прислушиваться к допросу. Лейтенант Макалинский, которому поручено было это дело, любезно угощал корреспондентов чаем с ромом и печеньем. Оба иностранца снисходительным тоном отвечали на задаваемые вопросы. Вскоре лейтенант вышел из комнаты.

— Вы и есть мосье Сахаров, которого нам рекомендовали? — спросил Лямбреже по-французски.

— Он самый,— подтвердил Эмерсон, хитро улыбаясь.

— Господин Эйдельзон? — удивленно воскликнул капитан по-русски.— Я только сегодня получил известие о предстоящем вашем приезде сюда и поторопился в порт.

— Вы не ошиблись, Василий Васильевич...

— Но почему вы превратились в Эмерсона?

— Мало ли что может случиться!.. Нам нужно осмотреть город, порт, батареи и повидать самого Стесселя или его начальника штаба. Мы ждем от вас помощи в этом отношении.

— Сделаю все, что могу. Но не опознает ли Стессель вас?

— Едва ли. Он, конечно, не помнит в лицо бедного артурского «жидка», которого в ответ на поклон изволил наградить площадной бранью.

— Сейчас повидаю Григоровича.— Сахаров вышел.

Ему удалось быстро уговорить адмирала отправить корреспондентов в штаб Стесселя.

— Пускай там с ними разбираются, как хотят,— махнул рукой адмирал.

Через пять минут оба «иностранца» в экипаже Сахарова уже катили в штаб генерал-адъютанта.

Вера Алексеевна была сильно заинтересована прибытием в осажденный Артур «знатных иностранцев», к тому же представителей крупнейших заграничных газет. Особенно приятно было это еще и потому, что Вера Алексеевна впервые выступала в роли жены овеянного мировой славой боевого генерал-адъютанта русского императора. Это весьма льстило ее самолюбию и заставило особенно тщательно подготовиться к встрече интересных гостей.

Сам генерал отсутствовал с раннего утра, объезжая форты и батареи. В ожидании его возвращения Вера Алексеевна решила принять их запросто, в домашней обстановке. Дежурный ординарец казак в передней получил приказание пропустить гостей, не задерживая. Генеральша пригласила переводчиком князя Гантимурова, так как считала, что титулованный переводчик произведет сильное впечатление на корреспондентов и придаст импозантность ей самой.

Нарядная Вера Алексеевна, не по годам моложавая и интересная, вышла в гостиную. Сахаров торжественно представил обоих «иностранцев» превосходительной хозяйке. Лямбреже с французской галантностью рассыпался в комплиментах по адресу «порт-артурской героини, которой восхищается весь мир». Ему вторил Эмерсон. Генеральша была приятно польщена и начала расспрашивать гостей о последних новостях.

Завязалась дружеская беседа, во время которой Вера Алексеевна подробно сообщила о деятельности порт-ар-

турского благотворительного общества, председательницей которого она состояла. Попутно она осветила положение в артурских госпиталях и указала общее число больных и раненых офицеров и солдат, что тотчас же было записано в корреспондентские блокноты. Для большей верности из штаба доставили точную ведомость всех госпиталей и вручили ее гостям. Затем вопрос, естественно, перешел на болезни в гарнизоне и причины, их вызывающие. С печальным вздохом генеральша повествовала о свирепствующих в Артуре цинге, тифе, дизентерии.

— Причиной всего этого, конечно, является голод. Солдаты уже давно питаются кониной и не видят свежих овощей. Кроме того, со взятием Водопроводного редута приходится пользоваться грязными дворовыми колодцами.

Корреспонденты едва успевали записывать все эти сведения. Подробнейшая информация о состоянии города и крепости была закончена как раз к тому моменту, когда появился сам Стессель. В серой рубахе, таких же брюках и высоких сапогах, с генерал-адъютантскими аксельбантами и Георгиевским крестом на шее, высокий, плечистый, он имел весьма внушительный вид. Оба «иностранца» вскочили и удостоились крепкого рукопожатия.

— Зачем изволили пожаловать? Что привело вас в Артур? Надеюсь, вы будете скромны и не проявите чрезмерного любопытства? — приветствовал их через переводчика генерал.— Что это за сволочь и что им тут надо? — спросил он по-русски Сахарова.

Капитан поспешил объяснить Стесселю.

— С ними нужно быть полюбезнее, Анатоль,— предупредила Вера Алексеевна.— Весь мир будет читать, что они напишут о нас. Я приглашу их к обеду. Накормим, напоим, они и нас помянут добром!

— Не возражаю. Приглашай, а заодно позови и наших генералов — Фока, Никитина, Белого, Кондратенко.

За обедом хозяева и гости обменялись приветственными тостами, плотно покушали, хорошо выпили. Эмерсон и Лямбреже старательно записали все меню обеда и вскользь осведомились у Стесселя, как долго может продолжаться оборона крепости.

— До освобождения Артура Маньчжурской армией остался месяц-другой,— ответил генерал.

«Иностранцы» в осторожных выражениях рассказали о неудачах у Ляояна.

— Чушь, ерунда, враки! Не Куропаткин, а японцы стремительно отступают к Артуру. Это все пленные на

допросе в один голос показывают,— уверял Стессель.

Корреспонденты дипломатично промолчали. Фок, внимательно наблюдавший за разговором, попросил разрешения вечером побеседовать с ними поподробнее.

— Вы сколько дней собираетесь здесь пробыть? — в упор спросил Никитин, уже успевший зарядиться.

— Сколько разрешит его превосходительство, наш гостеприимный хозяин.

— Да, по мне, живите хоть до конца осады! Только предупреждаю — все ваши корреспонденции будут просматриваться в моем штабе.

— Само собой разумеется, господин генерал,— согласился Эмерсон.

По окончании обеда перешли в гостиную. Для увековечения исторического момента несколько раз снялись всей группой. Фотографировали сначала «иностранцы», а затем Гантимуров, Рейс и другие члены штаба генерал-адъютанта.

Поблагодарив за гостеприимство, корреспонденты попросили разрешения побыть на позициях и осмотреть город, чтобы воочию убедиться в положении Артура. Стессель охотно разрешил и направил с ними в качестве сопровождающих Сахарова и Гантимурова.

— Хотите видеть лучшую нашу батарею — поезжайте на Залитерную,— посоветовал Никитин, еще не забывший гостеприимства Борейко.

На двух экипажах, под эскортом казаков, «иностранцы» отправились осматривать город и крепость.

Борейко и Звонарев отдыхали в своем блиндаже, когда денщик доложил о приезде гостей. Недовольно бурча, поручик оделся и вышел.

Появление Сахарова и Гантимурова в сопровождении двух штатских его удивило. Капитан начал было объяснять, кто и зачем пожаловал на батарею, но Борейко, увидев, что Эмерсон и Лямбреже приготовились снимать позиции, ринулся к ним и без стеснения отобрал аппараты.

— Фотографировать не разрешу,— решительно заявил он.

— Сам генерал Стессель позволил им снимать,— вмешался Гантимуров.

— Пусть они его и снимают, а здесь я хозяин и съемки не допущу.

«Иностранцы» сердито заговорили, требуя возвращения своих фотоаппаратов. Сахаров смущенно извинялся перед ними.

— Уезжайте-ка отсюда подобру-поздорову,— посоветовал им Борейко.— Знаете, незваный гость хуже татарина, особенно в военное время. Откуда они взялись? Морда вон того, рыжего, что-то мне знакома,— приблизился он к Эмерсону, вглядываясь в его лицо.

Корреспондент побледнел и поспешил отойти.

— Ба, да это никак наш артурский ростовщик Янкель Эйдельзон! Ну конечно, он самый! Его надо немедленно задержать как шпиона.

— Вы ошибаетесь! Мистер Эмерсон никогда в Артуре не был и по-русски ни слова не понимает,— возразил Сахаров.

— Да что вы мне рассказываете! Посмотрите, есть ли у него шрам с левой стороны головы! Два года тому назад я смазал его по уху, да так, что пришлось потом платить штраф за нанесенное увечье,— настаивал поручик, подходя к Эмерсону.

Корреспондент, усиленно жестикулируя, протестовал, продолжая в то же время пятиться назад.

— Господин корреспондент говорит, что в Артуре действительно проживал похожий на него родственник и вы его смешали с ним,— сообщил Гантимуров.

— А ну-ка, покажи свою башку, Янкель! — протянул руки Борейко.

— Сейчас же отпустите господина Эмерсона,— остановил поручика Сахаров.— Если даже ваше заявление справедливо, то оно должно быть сначала проверено в штабе. Поедемте, господа, обратно,— обернулся он к своим спутникам.

Последние не заставили повторять приглашения и поторопились к экипажу.

— Я сейчас отправлю рапорт Стесселю обо всем этом,— крикнул им вдогонку поручик.

— Не страшно,— успокоил по-английски Сахаров Эмерсона.— Рапорт можно и под сукно положить. Все-таки как вы неосторожны! Прежде чем ехать сюда, вам необходимо было изменить свою наружность, а то, извольте видеть, какой получился камуфлет!

По возвращении в штаб Сахаров рассказал о случившемся Рейсу и спросил, что же делать дальше.

— Борейко известный алкоголик, мало ли что ему могло показаться с пьяных глаз. Не обращайте на это внимания и продолжайте свое путешествие,— разрешил полковник.

После этого «иностранных» гостей повезли на батарею Золотой горы, где, не в пример Борейко, командир

ее, капитан Зейц, встретил их очень любезно, охотно разрешил ее снять, став сам на переднем плане, показал и другие укрепления, которые были видны отсюда, сообщил о помощи флота и степени готовности его к выходу в море. Одним словом, он совсем очаровал своих гостей. После Золотой горы проехались по городу, заглянули ненадолго к городскому комиссару Вершинину, который рассказал им о тягостях, переживаемых оставшимися мирными жителями города. Корреспонденты и его запечатлели на фотографической пластинке...

Борейко хотел лично отправиться в штаб Стесселя, но затем раздумал.

— Не примут меня там, а если и примут, то не поверят. Больно у меня репутация неважная. Да и Стессель, верно, еще не позабыл своего последнего посещения Залитерной и вряд ли обрадуется при виде меня. Где твоя амазонка, Сережа?

— Зачем она тебе понадобилась?

— Попросил бы ее съездить к Стессельше и все ей рассказать. Та, наверное, настоит на их немедленном аресте. Сделай милость, Сережа, поезжай туда. Генеральша тебя знает, даже приглашала к себе, воспользуйся этим,— просил Борейко.

— Если бы вместе с Варей,— колебался Звонарев.

— Супружеский, так сказать, визит,— усмехнулся поручик.

— Не в том дело. Она там свой человек, а я нет.

— Вашбродие, пишите письмо, я его самой генеральше Стесселевой в руки передам,— предложил Блохин.

— Там тебя дальше порога не пустят с твоей физиономией. С генеральшей родимчик случится, когда она увидит твою рожу.

— Тогда сказочника пошлите. Он с лица чистый, и голос у него ласкательный.

— Мямля, не подойдет. Так отправишься, Сережа?

Прапорщик нехотя согласился.

Вера Алексеевна приняла Звонарева благосклонно и даже удостоила поцелуя в лоб, когда Звонарев приложился к ее ручке. Выслушав с интересом сенсационное сообщение, она живо проговорила:

— Мне тоже все время казалось, что я где-то видела это лицо, но не могла вспомнить где. Теперь припоминаю... Я хотела купить у него золотой кулон за пять руб-

лей, а он просил двадцать и не уступил. Я очень тогда рассердилась. Сейчас разбужу Анатоля.

Но генерал, выспавшийся после сытного обеда, сам появился в гостиной.

— Прикажу сегодня же обоих мерзавцев вздернуть, а потом Костенко задним числом оформит это с судейской точки зрения,— тотчас решил Стессель.— Вот и наш Ножин тоже... Я приказал отобрать у него разрешение посещать позиции, а если он его нарушит — повешу без всяких разговоров.

— Давно пора. Он то и дело выбалтывает секреты и пишет в газете не про тебя, а про Смирнова. Можно подумать, что Смирнов, а не ты главное лицо в Артуре,— поддакнула Вера Алексеевна.

— Не следует все же забывать, что они — иностранные подданные,— робко заметил Звонарев.

— Да, мы это совсем упустили из виду,— быстро согласилась генеральша.

Решено было пригласить на совет Рейса. Полковник не замедлил явиться и посоветовал без шума выпроводить незваных гостей тем же путем, как они прибыли в Артур.

— Я сейчас пошлю Григоровичу просьбу отправить их в море. Пусть плывут куда хотят,— откланялся Рейс.

— Как ваши дела с Варей, мосье Звонарев, когда свадьба?

— Этот вопрос не поднимался...

— Не скромничайте, юноша. О вас с Варей щебечут все воробьи на крышах,— улыбнулась генеральша.

Звонарев откланялся.

— Благодарю вас от лица службы за проявленную бдительность,— церемонно пожал ему руку Стессель.

Когда корреспонденты вернулись в штаб, Рейс сообщил им, что Стессель нездоров и не может их принять. Гостей отвели в отдельную комнату и приставили к ним, как будто для посылок, казака. Оба «иностранца» просили передать их глубокую благодарность Стесселю и занялись приведением в порядок своих заметок. Об инциденте с Борейко они сочли за лучшее умолчать. Вскоре пришел Фок. Он по-немецки попросил поподробнее рассказать ему все последние мировые новости. Эмерсон ответил ему на том же языке. Разговор постепенно принял интимный характер.

Мы хорошо осведомлены о роли вашего превосходительства в деле обороны Артура,— с ударением на слове «роли» проговорил Эмерсон.

— К сожалению, я сейчас не у дел и мое влияние здесь ничтожно.

— Если Кондратенко называют душой обороны, то вы, ваше превосходительство, без сомнения, являетесь ее мозгом.

— Что же тогда остается на долю Стесселя?

— Кулаки, которые, как известно, всегда направляются головой.

— Вы не лишены остроумия, герр Эмерсон.

— Поскольку нам удалось установить связь непосредственно с вами, мне думается, что прочие передаточные инстанции становятся излишними,— перешел на деловой тон Эмерсон.

— Вы имеете в виду Сахарова?

— Хотя бы его.

— Но он очень много знает и потому, в случае чего, несомненно обидится и может сильно навредить нам.

— От него можно легко избавиться. Артур ведь осажденный город; произойдет, например, несчастный случай при бомбардировке, что ли...

— Я этот вопрос обдумаю.

— Теперь о деталях связи с вами,— уже вполголоса проговорил Эмерсон, и они перешли на шепот.

— Вы очень неосторожны, герр Эмерсон. А что, если я передам вас куда следует?

— Ваше превосходительство не сделает такой глупости, хотя бы из боязни огласки некоторых документов, писанных вашей рукой и доставленных нам капитаном Сахаровым.

— Эта сволочь, значит, сумела-таки обеспечить себе отступление?

— Капитан — человек осторожный и дальновидный.

— Но не дальновиднее нас с вами.

— С этим я вполне согласен.

Фок поднялся и, поблагодарив за приятную беседу, удалился.

Было уже совсем поздно, когда в окно постучался Ножин. Дежуривший казак долго не хотел пускать его, пока он не вручил свою визитную карточку.

— Мы очень рады видеть артурского коллегу по профессии,— приветствовал его Лямбреже, соскучившийся во время долгого визита Фока, когда разговор велся на малопонятном ему немецком языке.

Боязливо озираясь по сторонам, Ножин начал говорить об узурпаторстве Стесселя, его трусости и глупости, полном неумении руководить осадой; рассказал о не со-

всем чистых торговых операциях Веры Алексеевны, превознося одновременно Смирнова, как истинного вдохновителя и героя обороны. Оба «иностранца» слушали его с величайшим интересом и обещали принять все меры к разоблачению дутой славы Стесселя. Ножин ушел, окрыленный надеждой, что ему наконец удастся свести старые счеты с генерал-адъютантом и его супругой.

На следующее утро Гантимуров вежливо сообщил, что господ корреспондентов в порту ожидает их шлюпка, которая и будет отбуксирована в море. Затем поручик попросил вернуть ему все имеющиеся при них блокноты и фотографические пластинки. «Иностранцы» запротестовали, но затем исполнили это требование, предварительно вырвав все наиболее нужные им листки и сохранив самые интересные негативы. Одновременно в руки князя перешло несколько крупных американских банкнот. Тут же ему был передан и разговор с Ножиным.

С Золотой горы видели, как далеко в море к шлюпке с корреспондентами подошел японский миноносец и принял их на борт.

— Жаль, послушался Рейса и выпустил этих щелкоперов,— выругался Стессель, узнав об этом.— Но Ножин так легко не отделается. Виктор Александрович, прикажите Микеладзе и Тауцу учредить за ним самый строгий надзор и отберите у него корреспондентскую карточку.

День семнадцатого сентября выдался серый, дождливый, но теплый. На фронте продолжалось затишье, изредка нарушаемое одиночными орудийными выстрелами. В городе тоже было спокойно. С утра по оживленным улицам двигались толпы людей. Во всех уцелевших от бомбардировки церквах усиленно благовестили. Шла подготовка к торжественному богослужению по случаю именин «самой» — Веры Алексеевны. К Отрядной церкви, игравшей роль артурского кафедрального собора, стекались многочисленные богомольцы: военные — в мундирах при орденах и лентах, штатские — во фраках, моряки — в треуголках, несколько застрявших в городе дам — в шелковых и бархатных платьях, солдаты — в новом обмундировании.

Около девяти часов подъехал и экипаж генерал-адъютанта, из которого вышла сама превосходительная именинница со своим супругом в придворном мундире. Она проплыла через наполненную до отказа церковь к своему бархатному коврику, лежавшему у самого амвона. По дороге она милостиво кланялась во все стороны, а Стес-

сель на ходу пожимал руки генералам и полковникам, удостаивая всех остальных кивком головы.

После парадной литургии и молебна о здравии «благодетельницы града сего болярыни Веры», с провозглашением ей многолетия, Вера Алексеевна приняла поздравления от присутствующих в церкви и вышла на паперть, где были выстроены без оружия солдаты от различных полков, офицеры же вместо сабель и палашей держали в руках пышные букеты цветов. Мадам Стессель в сопровождении блестящей свиты генералов и полковников прошла по фронту. Солдаты приветствовали ее громкими криками «ура», а офицеры, почтительно целуя ее ручку, преподносили букеты.

Особое внимание генеральша уделила девятой роте крепостной артиллерии, которой командовал Вамензон. Вера Алексеевна обратилась к солдатам с речью, призывая их к ратным подвигам под руководством их доблестного командира.

Затем Гантимуров зачитал приказ о награждении крестами некоторых артиллеристов, и генеральша собственноручно нацепила их на груди новоиспеченных героев: фельдфебеля, каптенармуса, писарей и одного рядового. На этом парадная часть окончилась, и превосходительная чета отбыла домой.

Вскоре к дому Стесселя стали один за другим подъезжать экипажи. Одним из первых подкатил экипаж Белых, на передней скамеечке которого скромно восседала Варя в форменном сестринском платье. Она поглядывала по сторонам, рассеянно слушая наставления матери, как ей следует вести себя в обществе.

— Будь любезна со всеми, не фыркай на молодых людей, не смейся громко, не гримасничай... Помни, что по твоему поведению будут судить о нас,— наставляла Мария Фоминична свою дочку.

— Знаю я все это, мама, но что мне делать, если меня так и разрывает от смеха при виде напыщенно-глупых физиономий гостей и хозяев? Так и хочется расхохотаться, выкинуть какую-нибудь штуку...

— Слушай, что́ тебе говорит мать, и не смей дурить, Варвара,— вмешался Белый.— Я сам послежу за тобой.

Девушка со вздохом замолчала.

В гостиной было уже много народу. На диване сидела Вера Алексеевна в окружении дам и высших чинов. Заметив Белых, она поспешила им навстречу и по-родственному перецеловалась со всеми. Варя склонилась перед ней в глубоком реверансе и принесла свои почтитель-

ные поздравления, после чего отошла в сторону. К ней тотчас же приблизился Гантимуров и рассыпался в комплиментах. Девушка выслушала его со скучающей гримаской и попросила:

— Найдите мне стул и принесите чаю, я хочу пить.

Князь исчез и через минуту появился с креслом, сопровождаемый денщиком с подносом в руках. Варя поблагодарила его и принялась за чай, рассеянно прислушиваясь к болтовне своего кавалера.

— Как ваша работа в госпитале? Я часто вижу вас проезжающей туда верхом. Вы настоящая артурская Афина Паллада, вам недостает только шлема и копья.

Варя мило улыбнулась, а про себя подумала:

«А ты — просто шут гороховый, которому не хватает только дурацкого колпака и погремушки!»

Генерал-адъютант по случаю именин своей строгой супруги и повелительницы был в ударе и громко хохотал, сотрясаясь при этом своим монументальным корпусом. Рядом с ним маленький, щупленький, скромно улыбающийся Кондратенко выглядел невзрачным и незначительным. Фок, как всегда, хитро ухмылялся в седенькую бородку и изредка вставлял едкие замечания по чьему-либо адресу.

В соседней комнате около столика с выпивкой, в окружении нескольких партнеров, прочно обосновался Никитин.

Варя начала подумывать, как бы ей скрыться из гостиной. В это время в дверях появился Надеин в старинного покроя мешковатом парадном мундире, с крестами и лентами на груди. В руках он торжественно нес позолоченный складень. Приблизившись к имениннице, он раскрыл его и шамкающим старческим голосом произнес:

— Пожвольте вам, матушка, поднешти ображ ваших небешных покровительниц — Веры, Надежды, Любови и матери их Шофии. Он хранилша у меня с нежапамятных времен, как шемейная швятыня. Отныне он принадлежит вам, наша общая жаштупница перед Анатолием Михайловичем.

Растроганная Вера Алексеевна приняла и поцеловала образ, а затем облобызалась со старым генералом и усадила его около себя.

— Где же Георгиевский крест, недавно пожалованный вам государем? — справился Стессель, подходя к нему.

— Не шмею надевать его, пока не получу подтверждения от чаря-батюшки.

— Боюсь, что вам долго придется ждать.

— Беж этого не вожложу на шебя штоль вышокой награды, которой не шчитаю шебя доштойным.

Посидев еще немного, Надеин откланялся и ушел.

— Совсем из ума выжил, старый дурак! — проговорил ему вслед Стессель.

Вскоре затем приехал Костенко. Мелко семеня постарчески несгибающимися ногами, с теплым шарфом на шее, он имел весьма комичный вид. Многие иронически заулыбались. Варя это заметила и обиделась за своего крестного. Как только генерал со всеми поздоровался, девушка подлетела к нему.

— Крестненький, идемте ко мне,— повела она генерала к своему креслу.

— Тише, тише, стрекоза, того и гляди, опрокинешь меня,— запротестовал Костенко.— Нет ли тут сквозняка, а то я простужусь. На дворе-то ведь уже осень!

— Не беспокойтесь, здесь ниоткуда не дует, тепло и очень уютно. Князь, достаньте еще стул,— обратилась она к Гантимурову.

— Тебе всегда тепло в присутствии кавалеров, а меня старая кровь уже не греет,— зябко поежился генерал.

— Гантимуров нагоняет на меня только холод и тоску смертную. Какой-то он липкий, скользкий и противный, не люблю я его.

— И я тоже! Опытным судейским глазом вижу — прохвост и кончит скамьей подсудимых. Ему верить нельзя, несмотря на то, что он и князь. Твой румяный прапор куда лучше! Где он сейчас?

— Сидит на Залитерной,— покраснела Варя.— Вы слыхали, крестненький, как он отличился под Высокой?

— Читал о нем в приказе. Молодец! Теперь крест получит наверняка.

— Я всегда говорила, что он очень храбрый, но скромный до застенчивости. Не правда ли?

— Что же он не делает тебе формального предложения, коль он такой храбрый?

— Со мной он форменный трусишка.

— Это верно, ты хоть кого запугаешь!

Их разговор был прерван грохотом разрыва. Гости всполошились и бросились к окнам.

— Никогда раньше снаряды так близко от нас не падали,— заволновался Стессель.

— Это результат посещения иностранных корреспондентов,— заметила Вера Алексеевна.

— Остается только еще раз пожалеть, что я их не вздернул, как хотел сначала,— буркнул генерал.

Новый, еще более сильный взрыв сотряс весь дом до основания.

Большинство присутствующих поспешило во двор. Еще не разошедшийся столб черного густого дыма указывал место падения снаряда. До него было около полуверсты.

— Наверно, опять начался обстрел с моря двенадцатидюймовыми снарядами. Среди осадных батарей таких крупных калибров не может быть,— проговорил Белый.

Резкий свист и шипенье возвестили о приближении со стороны фортов очередного японского гостинца. Стало очевидным, что стреляют с суши, а не с моря. На этот раз взрыва не последовало.

— Надо сейчас же разыскать снаряд и выяснить его калибр,— заторопился Белый.

Стессель, тоже появившийся на крыльце, отправил на поиски нескольких казаков-ординарцев.

Начавшаяся бомбардировка заставила гостей поторопиться с отъездом. Первыми уехали адмиралы, за ними тронулись и остальные.

— Господа! Господа! — кричала им вслед именинница.— Прошу помнить, что обед отнюдь не отменяется, а только переносится на вечер. Жду всех к себе обязательно!

Белый, Кондратенко, Ирман и Мехмандаров в ожидании результатов поисков снаряда задержались у Стесселя. Мария Фоминична и Варя с Верой Алексеевной удалились во внутренние комнаты. Там генеральша показала полученные ею сегодня подарки — бриллиантовое колье, поднесенное Сахаровым от фирмы Тифонтая, брошь с рубинами — от гражданского населения Артура и ряд более мелких драгоценностей — от различных лиц и организаций города. Варя с интересом примеряла на себя кольца, брошки, кулоны.

— Для твоей свадьбы у меня давно припасены серьги с рубинами.— И генеральша показала их Варе.

Девушка не выказала особенного восторга.

— Ты сегодня все время любезничала с князем. Не правда ли, он очень мил? Прекрасная для тебя пара.

В ответ Варя только вздохнула. Вера Алексеевна истолковала это в пользу своего протеже.

— Подумай только — княгиней будешь, быть может, станешь придворной дамой. Побываешь во дворце на балах.

— Я и танцевать-то не умею и, кроме того, собираюсь жить на хуторе, а не в Петербурге.

— Это ты говоришь по молодости лет и под влиянием учительниц Пушкинской школы, известных своим либерализмом и распутным поведением. Напрасно вы ее туда пускаете, Мария Фоминична.

— Совсем они не распутные и даже очень скромные,— заступилась Варя.

— То-то одна из них прямо объявила себя женой какого-то офицера, хотя и венчалась с ним только вокруг ракитового куста.

— Леля — гражданская жена Стаха...

— Таких жен можно сколько угодно найти во всех вертепах.

— Неправда, Леля совсем не потерянная, а Оля и не замужем,— пылко запротестовала девушка.

— По тому, как ты разговариваешь со старшими, можно судить, среди кого ты вращаешься. Поди-ка погуляй на дворе, пока я поговорю с твоей матерью.

Варя, красная от возмущения, вылетела из комнаты и наткнулась на Гантимурова, который, видимо, поджидал ее у двери.

— Куда вы так спешите, мадемуазель? — увязался он за девушкой.

— Хочу посмотреть, куда стреляют японцы.

— Вы не боитесь бомбардировки?

— Около нашего госпиталя каждый день падают снаряды.

На дворе они застали казака, приехавшего с докладом о найденном снаряде.

— Дюже глубоко в землю ушел, а дырка от него огромадная — голова пролезет. Полиция пригнала китайцев с лопатами, чтобы его выкопать.

В это время Рейс принес сообщение, что на втором форту крупный снаряд пронизал земляное перекрытие, двухэтажный бетонный свод каземата и, разорвавшись внутри, вывел из строя около ста солдат и двух офицеров.

— Василий Федорович, едемте туда немедленно,— предложил Кондратенко.— Там, наверно, найдутся осколки, по которым мы и определим его калибр.

Белый тотчас согласился.

— Подвезите меня по дороге к госпиталю, папа,— попросила Варя,— мне пора на дежурство.

— Ладно уж! Только, чур, не дальше,— ответил Белый.

 Через несколько минут оба генерала, как были в па-

радной форме, с Варей катили на форт номер два. По дороге они увидели дым от нескольких таких же огромных взрывов на батареях Залитерной и литеры Б и решили завернуть сначала туда. Варя соскочила у своего госпиталя, но, подождав, пока экипаж скрылся за поворотом, пешком направилась тоже на Залитерную. Она была обеспокоена, и ей хотелось поскорее узнать, все ли там благополучно.

На Залитерной Борейко показал генералам две саженной глубины воронки.

— Какого калибра, по-вашему, снаряды? — справился Кондратенко.

— Ровно одиннадцать дюймов. Вот извольте посмотреть на донышко.

— Да не может быть! — в один голос воскликнули генералы.

— Как японцы смогли доставить такие большие пушки под Артур? — удивился Белый.

— Дальний-то им целехонек достался, и железную дорогу наши войска при отступлении почти не испортили. Одним словом, все было сделано, чтобы облегчить подвоз крупных орудий к Артуру,— иронически заметил Борейко.

Наступило молчание. Кондратенко хмурил брови и нервно пощипывал свою бородку. Он чувствовал себя врачом, неожиданно определившим смертельное заболевание у своего пациента. Для него сразу стало очевидным, что отныне дни Артура сочтены. Подавив в себе поднявшееся волнение, он спокойно проговорил:

— Интересно ознакомиться с их действием по нашим бетонным укреплениям.

— Едва ли многие из них выдержат такое испытание,— отозвался Борейко.

Сильный взрыв за горой прервал их разговор.

— Как бы не по нашей литере Б,— забеспокоился Борейко.— Эй, сбегай кто-нибудь посмотри! — обернулся он к солдатам.

Но Блохин уже выскочил на дорогу.

— В аккурат по самой позиции, в правый каземат, из него и сейчас дым идет! — заорал он во всю мочь.

Все бросились на батарею литеры Б. Генералы с Звонаревым оказались сзади.

— Сергей Владимирович,— обернулся к прапорщику Кондратенко,— быстренько подсчитайте, какой слой бетона и земли могут пробить такие снаряды.

— Мне надо знать вес бомбы и ее конечную скорость.

— Двадцать пудов, а скорость — около тысячи футов в секунду,— ответил Белый.

Звонарев, откозыряв, направился в блиндаж. Первые же подсчеты показали, что взрыв такого снаряда может выдержать только двухаршинный бетон, прикрытый сверху саженным слоем земли и камня. Ни на одном из укреплений сухопутного фронта таких бетонных сооружений не было. Он понял, что против одиннадцатидюймовых снарядов Порт-Артур совершенно безоружен. Взяв листок с подсчетом, он побежал к генералам. Они уже дошли до батареи. В тыл шло несколько человек с носилками, которые сопровождала Шура Назаренко.

— Много у вас пострадало? — справился Белый, когда она поравнялась с генералами.

— До смерти никого не убило, а придавило в каземате двоих,— кивнула на носилки девушка.

— Отправьте их в Сводный госпиталь к Варе или в Пушкинскую школу, там за ними будет хороший уход.

Разрушения на батарее литеры Б оказались не особенно велики: пробило свод каземата, причем рельсы, заложенные в бетон, выдержали.

Солдаты толпой обступили генералов и внимательно прислушивались к их разговору.

— Видать, теперь Артуру скоро конец,— вздохнул Жиганов.— Супротив таких пушек ничто устоять не сможет.

— На все воля божья,— отозвался Лепехин.— Надо бы молебен отслужить о спасении от новой напасти.

— Хоть с утра до вечера поклоны перед образом бей — все одно ничего не поможет,— вмешался Блохин.

— По-твоему, выходит, что японский бог сильнее нашего? — обиделся Лепехин.

— Генералы да инженеры их башковитее наших, вот тут в чем дело! — ответил Блохин и, оглянувшись на начальство, быстро зажал себе рот.

— Заделать ночью дыру мешками с землей,— распорядился Белый, обращаясь к Гудиме.

С батареи литеры Б генералы отправились на форт номер два, а Борейко с Звонаревым и солдатами — на Залитерную.

— Ну, каковы результаты ваших подсчетов? — на ходу вполголоса справился Кондратенко.

Прапорщик протянул листок с цифрами. Генерал молча взглянул на него и сунул в карман.

— Я дома проверю еще раз, а пока попрошу не разглашать полученных результатов,— предупредил он.

На Залитерную тем временем пришла Варя. Увидев Шуру с носилками, она тотчас же распорядилась поместить солдат в одном из блиндажей и вызвала по телефону из госпиталя рикш для перевозки раненых.

Борейко и Звонарев застали обеих девушек за перевязкой раненых.

— Вы уже успели прилететь сюда на помеле, ведьмочка? — с притворным ужасом говорил Борейко.

— А ну вас! — отмахнулась от него Варя.

Отправив раненых, она зашла в офицерский блиндаж к Звонареву.

— По какому случаю ваш батюшка и Кондратенко сегодня появились у нас в парадной форме? — спросил прапорщик.

— Сегодня же именинница Вера Алексеевна. Они и приехали сюда прямо от Стесселя.

— Вот оно что! День тезоименитства порт-артурской некоронованной царицы! То-то во всех церквах попы с утра дилимбонили! — захохотал Борейко.

— Вера Алексеевна — первая дама в Артуре, поэтому к ней так все и относятся,— возразила Варя.

— А вы у нас первая амазонка. Надо думать, что в день ваших именин казаки устроят общую джигитовку, а я, так и быть, в вашу честь заставлю солдат целый день ездить друг на друге верхом.

— За что вы меня так не любите, Медведь? — неожиданно спросила Варя.

— А за что мне, собственно, вас любить?

— Но я все же приношу пользу у вас на батарее как сестра и к тому же фельдшер!

— Как фельдшер вы нашему Мельникову в подметки не годитесь.

— Неправда, он уже все позабыл, что знал, а я сдала экзамены на круглые пятерки.

— Еще бы — генеральская дочь и родственница самого Стесселя! Хоть бы вы и рта на экзамене не открыли, все равно пятерки получили бы. Да захоти вы сейчас — наши эскулапы вам и докторский диплом преподнесут, лишь бы угодить начальству и получить какой-нибудь орденок или крестишко.

— Все это неправда. Вы злитесь потому, что сами за всю войну не получили ни одной награды.

— Где уж нам! Я только понять не могу, за какие великие прегрешения господь бог хочет наказать Сережу, наградив такой супругой, как вы.

Варино терпение лопнуло, и, дрожа от негодования, она налетела на поручика.

— Вы бестактный, грубый и противный человек! Но постойте, я на вас найду управу у Оли Селениной! Она вам прочтет хорошую нотацию о правилах вежливости,— не обрадуетесь!

Борейко сначала весело смеялся, но затем нахмурился и вышел.

— Ох, и сердитые вы оба с поручиком! — обернулась Шура к Варе.— Того и гляди, подеретесь.

— Смотри и учись, как с мужчинами надо обращаться. Им потачки ни на грош давать нельзя. Вы, конечно, проводите меня немного, Сергей Владимирович?

— Боитесь, чтобы вас еще не обидел Медведь?

— С ним я и без вас справлюсь.

Солнце уже склонялось за Перепелиную гору. Слышалась довольно оживленная ружейная перестрелка. На Орлином Гнезде грохотали пушки. Борейко, собрав вокруг себя солдат, беседовал с ними на различные темы. Заметив Варю, он с нарочитой вежливостью раскланялся с ней.

— Надеюсь, мадемуазель, до нескорого свидания?

Девушка в ответ свирепо погрозила ему кулаком. Солдаты громко захохотали.

Вернувшись после объезда позиций в штаб Стесселя, Белый и Кондратенко подробно доложили обо всем виденном.

— Значит, все пустяки! — неожиданно резюмировал генерал-адъютант.

— Мы беззащитны против таких крупных снарядов, в этом вся трагедия,— заметил удивленный Кондратенко.

— Василий Федорович мне всегда говорил, что орудия крупных калибров очень недолговечны. Сделают сто выстрелов и приходят в негодность. Выпустят японцы сотню-другую снарядов и успокоятся.

— Одиннадцатидюймовая батарея Золотой горы сделала уже по нескольку сот выстрелов из каждого орудия и все же продолжает стрелять,— проговорил Белый.

— Но как? Большая часть ее снарядов попадает на город и наши позиции. Если японцы начнут так же бомбардировать нас, им же будет хуже! Пойдемте-ка к столу и выпьем за здоровье именинницы, которую даже японцы почтили салютом из своих новых пушек.

Вернувшись за полночь в свою квартиру, Кондратенко снял с себя парадный мундир и, вынув бумажку с расчетами Звонарева, внимательно проверил их. Все оказалось правильным. Встав из-за стола, генерал в задумчивости заходил по кабинету. Полученные на днях сведения о поражении русских под Ляояном и отходе Куропаткина к Мукдену настроили его на мрачные размышления. Надежда на скорую деблокаду крепости со стороны суши становилась с каждым днем все более призрачной. Балтийская эскадра продолжала находиться в России и, следовательно, могла прибыть в Артур не раньше января. Появление тяжелых осадных мортир предрешало падение крепости в течение ближайших двух-трех месяцев и неминуемо влекло за собой гибель всей эскадры. Даже своевременное прибытие эскадры Рожественского не могло спасти Артур. Плачевный исход войны казался Роману Исидоровичу неизбежным. Жгучий стыд за опозоренную родину сменялся вспышками гнева на бездарное правительство, приведшее к такому позорному концу.

Невольно ему вспоминалась собственная жизнь. Сын старого кавказского солдата, после полувековой службы получившего прапорщичий чин, он учился на медные деньги. Трудовая жизнь началась для него рано. Мальчиком он на тифлисских базарах продавал искусственные цветы и другие мелкие безделушки, которые делали его сестра и мать-белошвейка. С третьего класса маленький Рома уже дает уроки своим более состоятельным товарищам и этим не только содержит себя, но и помогает родным. Наконец счастье улыбнулось — ему удалось поступить в военно-инженерное училище, а затем в академию, которые он окончил блестяще. Молодой инженер направляется на родной Кавказ, на строительство Батумской — Михайловской, как она тогда называлась,— крепости. И тут лицом к лицу сталкивается с продажностью и казнокрадством инженеров и подрядчиков. Он попытался бороться с этим. Очень быстро произошел конфликт — на предложенную ему взятку он ответил пощечиной. Начался длинный судебный процесс, в котором он явился подсудимым. В результате Роман Исидорович навсегда решил бросить инженерную деятельность.

Не желая расставаться с любимым и родным ему военным делом, он поступил в Академию генерального штаба, которую также окончил с отличием. Дальше началась служба в строю, которая раскрыла перед ним картину полной неподготовленности русской армии к войне,

где боевое обучение подменялось шагистикой и парадами. Невежество, некультурность и казнокрадство офицеров делали невозможным освоение современной техники войны. После нескольких выступлений на эту тему за Кондратенко прочно установилась репутация беспокойного, неуживчивого командира. От него поспешили избавиться, сплавив его на Дальний Восток.

Сюда он попал к моменту возвращения русских войск из китайского похода. Трезво оценивая состояние частей, он пришел к выводу, что этот поход «только понизил боеспособность и развратил их, приучив к легким победам над почти безоружным противником».

В Артуре его встретили недружелюбно. Фок откровенно завидовал его карьере, Стессель смотрел свысока на «слишком ученого» генерала. Но Роман Исидорович прекрасно знал, что, кроме генералов, еще существует русский народ, одетый в серые солдатские шинели, из которого вышел он сам и кровную связь с которым он постоянно чувствовал. Не раз он видел, как каверзы и прямое предательство завистливых генералов разбивались о солдатскую преданность родине.

Перед его мысленным взором одна за другой проходили картины мрачного будущего, ожидающего Артур. Он ясно сознавал, что дальнейшая оборона крепости повлечет огромные, ненужные жертвы среди гарнизона и особенно среди солдат. Спасти их от напрасной гибели, избавить родину от позора могло лишь быстрейшее окончание войны. Но трудно было рассчитывать, чтобы в Петербурге вняли голосу благоразумия и поспешили с заключением мира.

«Остается одно последнее средство — обратиться непосредственно к царю, через головы наместника, министров и придворной камарильи,— размышлял Кондратенко,— и сделать это может и должен Стессель, как генерал-адъютант, имеющий право обращаться непосредственно к монарху. Нужно только убедить его в необходимости такого шага».

После долгих колебаний Кондратенко решил изложить свои соображения в письменной форме, чтобы в истории остался след от его попытки спасти родину от грозящего ей неминуемого позора, а солдат — от бесцельной гибели.

Роман Исидорович сел за стол и начал быстро писать:

«Ваше превосходительство, многоуважаемый Анатолий Михайлович!

В настоящее время, пока Порт-Артур держится, наши

неудачи на других театрах войны нельзя считать особенно унизительными. Но если к потере Ляояна и к другим поражениям присоединится падение Артура и гибель находящегося здесь флота, то, в сущности, кампания будет безвозвратно проиграна. Наш военный неуспех примет унизительные для русского достоинства размеры.

Рассчитывать на своевременную выручку Порт-Артура нашей беспрерывно отступающей на север армией или все еще находящимся в Кронштадте флотом, по-моему, невозможно. Единственным почетным выходом из такого положения является поэтому заключение немедленного, до падения Порт-Артура, мира, который, несомненно, можно (до сдачи Артура) установить на неунизительных для народного самолюбия условиях (свободного пропуска гарнизона с оружием и знаменами к Маньчжурской армии и флота — во Владивосток, денежная компенсация за уступку Артура японцам и т. п.).

Очень вероятно, что государю доносят о военных событиях неправильно, искажая существующую действительность. Истинное, правдивое донесение может устранить большую беду для нашей родины.

Поэтому, как высший представитель здесь государственной власти и лицо, облеченное царским доверием, не сочтете ли Вы возможным шифрованною телеграммой на имя государя донести о действительном положении дел здесь, на Дальнем Востоке.

Настоящее письмо мною написано ввиду моей глубокой уверенности в необходимости такого шага для блага моей родины и Вашего сердечного отношения ко мне.

Вашего превосходительства покорный слуга

Р. Кондратенко».

Прочитав письмо еще раз, Роман Исидорович разбудил денщика и приказал ему с утра доставить его к Стесселю.

В окнах уже серел туманный рассвет. С чувством честно исполненного долга Кондратенко разделся и лег спать.

Встав, как всегда, в семь часов утра, Стессель собирался совершить свою обычную утреннюю прогулку верхом по берегу моря, когда ему подали письмо Кондратенко.

Удивленный генерал вскрыл конверт и быстро прочитал написанное. На лице его выразились растерянность

и изумление. Как во всех трудных случаях жизни, он поспешил за советом к своей супруге.

Генеральша, утомленная именинными хлопотами, еще нежилась в постели и была сильно недовольна появлением мужа.

Стессель прочитал послание Кондратенко.

— Как, по-твоему, я должен реагировать на это?

— Прежде всего необходимо сохранить письмо. Оно может очень пригодиться впоследствии. Писать царю, конечно, нельзя, иначе выйдет, что Куропаткин и Алексеев обманывают его, а ты их выводишь на чистую воду,— рассудила генеральша.

— Кондратенко, ввиду явного упадка его духа, пожалуй, придется заменить в должности начальника сухопутной обороны Фоком,— не совсем уверенно проговорил генерал-адъютант.

— И не думай об этом! Фок через два дня сдаст Артур, а отвечать за это будешь ты, а не он. Вечером ты поговори с Кондратенко и объясни, почему невозможно сделать так, как он предлагает. Остальным, даже Рейсу, об этом ни слова! — предупредила совсем уже проснувшаяся Вера Алексеевна.

Не встретив сочувствия у Стесселя, Кондратенко не стал настаивать на своем предложении и с удвоенной энергией принялся за развитие и воспитание боевых качеств солдат и офицеров.

Часть четвертая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вследствие болезни Жуковского Звонарев перешел с Залитерной на батарею литеры Б.

В одну из ночей он был разбужен взрывом тяжелого снаряда. Шипение и свист новой бомбы заставили его вскочить с походной кровати и отпрыгнуть к дальней стене каземата. Но взрыва на этот раз не последовало. Звонарев ощупью пробрался к выходу и приоткрыл дверь. В лицо ему пахнула ночная свежесть. С батареи доносился неясный гул встревоженных солдатских голосов.

— Сергей Владимирович, вы не спите? — окликнули его из темноты. По голосу прапорщик узнал Гудиму.

— Тут и мертвые проснутся, не то что живые... В чем дело?

— Ночной салют одиннадцатидюймовых осадных мортир. Два снаряда легли за батареей.

Со стороны японцев мягко донеслись выстрелы и почти тотчас же послышался рев приближающихся снарядов.

— Закройсь! — крикнул солдатам Звонарев и юркнул в каземат.

От взрыва бетонный пол заходил под ногами, с потолка посыпалась известка. В дверь сильно ударил не то осколок, не то камень, отброшенный взрывом. Выждав несколько секунд, прапорщик выглянул наружу. Места падения снаряда не было видно, но солдаты бежали к траверсу между третьим и четвертым орудиями. Звонарев поспешил за ними. В темноте он с трудом рассмотрел кучу бетонных осколков, валявшихся на земле.

— Зарядный погреб завалило, — доложил взводный Лепехин.

— Хорошо, что порох не взорвался.

— Принесите-ка свет, — распорядился вынырнувший из темноты Гудима. — Пострадавшие есть?

— Никак нет. После первых снарядов все дневаль-

ные и часовые попрятались по бетонным казематам и уцелели.

Принесли несколько фонарей. При их слабом свете разглядели, что разрушены лишь край бруствера да небольшая часть порохового погреба. Торчали в разные стороны изогнутые рельсы.

— Ну и сила же в этих бомбах! — изумлялся Гудима, рассматривая разрушения.

— Ничего себе: снаряд — двадцать пудов, разрывной заряд — пять пудов шимозы — японского мелинита; а тут попало сразу две бомбы,— пояснил Звонарев.

— Летит! — вдруг не своим голосом заорал кто-то, и солдаты сломя голову ринулись к укрытиям. На месте остались лишь Гудима, Звонарев и Лепехин.

— Спасайся! — толкнул Лепехина прапорщик.

Фейерверкер тряхнул головой, расчесал пальцами свою жиденькую бороденку и спокойно ответил:

— Бог не без милости, вашбродь, а чему быть, того не миновать.— И остался на месте.

Все трое нервно вслушивались в стремительно нараставший свист. Звонарев чувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. В сознании остро билась одна мысль, одно желание — бежать, укрыться, пока не поздно. Но вместо этого он громко зевнул и срывающимся голосом спросил, который час.

— Сейчас посмотрю,— глухо ответил Гудима, и в этот момент над ними пронесся со свистом снаряд и упал далеко за батареей.

— Слава тебе господи! — сняв шапку, закрестился Лепехин.— Чуток прицел поменьше, и в аккурат было бы по нас.

— Без четверти три,— наконец разглядел стрелку часов Гудима.— До рассвета ничего разбирать не стоит, пойдемте-ка по домам.

Выпустив несколько снарядов, японцы замолкли.

— Это вам, Сергей Владимирович, не Залитерная, на которую с августа не залетело ни одного снаряда,— обернулся штабс-капитан к Звонареву.— Здесь редкая ночь проходит спокойно.

Жизнь на батарее литеры Б оказалась гораздо беспокойнее, чем на Залитерной,— сказывалось ее расположение в первой линии обороны. В течение дня батарея по нескольку раз открывала огонь и сама часто подвергалась обстрелу. Ружейные пули почти беспрерывно посвистывали над головой, до передовых японских траншей было меньше тысячи шагов,

Звонарев усердно занялся исправлением разрушенных казематов и траверса. Работать приходилось урывками: днем японцы внимательно следили за всем происходившим на батарее. Дело подвигалось медленно. Солдаты второго и третьего взводов работали вяло, неохотно.

— Спешить-то некуда, вашбродь,— оправдывался Лепехин.— Лучше повременим, пока японец успокоится, не то все равно разнесет снарядами...

Японцы с каждым днем усиливали обстрел. Не зная, что еще предпринять, чтобы ускорить работы, Звонарев позвонил по телефону к Борейко и попросил у него совета.

— Позови-ка к телефону Лепехина и Жиганова, я с ними поговорю,— предложил поручик.

Оба взводные пришли несколько растерянные и смущенные. Борейко говорил коротко, но внушительно, фейерверкеры сбивчиво оправдывались, затем обещали, что сегодня же все будет исполнено.

— Чем ты им пригрозил, что они так завертелись? — поинтересовался прапорщик.

— Сказал, что вечером побываю на батарее и оторву им головы, если ремонт не будет закончен. А что смотрит Гудима, ведь он у вас за старшего?

— Занят Шуркой, перископами и своим дневником.

Едва начало темнеть, как солдаты дружно принялись за работу. Лепехин усердно подгонял своих бородачей.

— Чего вы так испугались? — спросил Звонарев.

— Так ведь поручик обещал у всех бороды выдрать по волоску,— весело ответил взводный.

В третьем взводе работа тоже кипела.

— Днем обязательно, грит, до вас дотопаю и, ежели не все будет готово, задеру насмерть. Так и ревет в телефон,— рассказывал взводный Жиганов.

— Он могет! Не потрафишь — башку сорвет, потрафишь — водки поднесет! С таким и работать весело,— говорили солдаты.

Довольный успешным ходом работ, прапорщик вернулся в каземат. Вскоре туда пришел Гудима: он был недоволен тем, что Звонарев обратился не к нему, а к его заместителю.

— Я не люблю ссор, Сергей Владимирович, и не хочу нарушать хорошие отношения с вами, но все же вам следует помнить, что командую батареей я,— поднялся Гудима.

Звонарев промолчал и отправился в стрелковые окопы, к капитану Шметилло. Капитана он застал спящим

в блиндаже. Харитина возилась около входа, перетирая посуду.

Прапорщик поздоровался с ней и пошел вдоль окопов. Стрелки почти все спали в укрытиях, и только несколько часовых через самодельные перископы наблюдали за врагом. До японцев было не больше ста шагов. Слева они подошли местами почти вплотную к проволоке перед Китайской стенкой; справа, пользуясь оврагом, они стремились обойти батарею литеры Б с фланга.

— Не спит, не ест японец, все роет, как крот,— обернулся к прапорщику часовой.— Нет у нас маленькой пушки, чтобы до него хоть бомбочку добросить. Мы пробовали приспособить ружья: приделаем к бомбочке деревянную палку, засунем ее в дуло и стреляем. Бывает, летит шагов на пятьдесят, а то и более, а другая тут же и рвется. Двоих уже ранило...

— Мы поставим у нас пару минометов для обстрела японцев. Ты не из команды поручика Енджеевского? — спросил Звонарев.

— Так точно, и вас во время боев на перевалах видел. Дозвольте узнать, как вы догадались, что я оттуда?

— По твоей изобретательности.

— Евстахий Казимирович нас всегда учили думать над своим делом, и капитан Шметилло тоже очень одобряют солдатские выдумки, награждают.

— Чем же?

— Разно бывает. Кому консервы дают, кому чай и сахар, кому новые сапоги либо шинель.

Прапорщик попросил показать подходящие для установки минометов места. Стрелок охотно повел его по окопу. Звонарев наметил прекрасные укрытия для людей и мин. Тут же удобно было установить и минометы.

— Мы не знаем только размеров площадки, а то приготовили бы и ее,— пояснил солдат.

Звонарев указал. Вдвоем со стрелком они разметили землю.

Вернувшись к блиндажу Шметилло, прапорщик застал его уже одетым. Харитина хлопотала, накрывая стол.

— Прошу чайку с ромом,— пригласил капитан.

Звонарев сообщил о выборе места для минометов.

— С наступлением же темноты хочу осмотреть проволочные заграждения, чтобы обдумать, как через них лучше пропустить электрический ток.

— Это предприятие опасное. От проволоки до японцев всего сорок шагов. Только в дождь и туман можно проползти вдоль нее и осмотреть.

— Я провожу их благородие,— отозвалась Харитина.— С неделю назад облазила без малого весь участок, когда подбирала наших раненых.

— А верно. Она вам может очень пригодиться — ползает, как змея. Где она так научилась — и не знаю!

— Белку в Сибири добывала, а она, чуть где шорох или треск,— сразу уходит. На охоте и наловчилась стрелять и неслышно подкрадываться.

Пока офицеры, обсуждая детали, пили чай, Харитина расположилась возле блиндажа стирать белье. Разорвавшийся поблизости снаряд обдал ее землей.

— Который день начинаю стирку, а он не дает! — пожаловалась Харитина, входя в блиндаж.

— Заметь, откуда стреляют, а мы попросим артиллеристов уничтожить батарею.

— Да справа, за двойной горой, где дерево растет. В аккурат за ним и будет.

Звонарев и Шметилло вышли наружу. Из ближайшей бойницы капитан показал предполагаемое место расположения батареи.

— Наша цель номер пять,— узнал прапорщик,— сегодня же займемся ею.

Прощаясь, Звонарев предложил Харитине стирать белье в бане на Залитерной.

— Заодно и сами помоетесь.

— Как же я пойду вместе с мужиками? — покраснела Харитина.

— Выгоните их, а если одной страшно, возьмите с собой за компанию Шуру Назаренко,— вдвоем веселее будет.

На батарее литеры Б Шура сообщила прапорщику, что Гудиму вызвали в Управление артиллерии и что он, Звонарев, оставлен за старшего на батарее.

Было за полдень, когда Звонарев увидел неторопливо приближавшегося Борейко в сопровождении Блохина. Поручик тряхнул прапорщику руку, ласково погладил по голове Шуру и пошел вдоль фронта орудий. Завидя его, кое-кто из солдат не спеша поднимался навстречу, другие продолжали сидеть на земле. Борейко нахмурился.

— Жратвы, что ль, много в брюхе, что никак с земли не подыметесь? — сердито спросил он.— Встать!

Солдаты вскочили и вытянулись.

— Садись! Встать! Садись! — командовал поручик, пока лица солдат не покрылись потом.— То-то же, черти клетчатые, а то зажирели здесь без меня! — уже добродушно сказал он.

В третьем взводе Борейко обратил внимание на хмурые, сонные лица солдат.

— Жиган,— окликнул он взводного,— почему твой народ невеселый? Харчи плохи или вошь заела?

— Никак нет! Кубыть все с одного котла едим и не жалуемся, и в баню на той неделе ходили, помылись, обстирались.

— Они, вашбродь, по вас скучают,— вставил Блохин.

— Я их сейчас повеселю. Гармонь с тобой, Жиганов?

— Так точно!

— Тащи.

Через минуту взводный уселся на бетонном обломке и растянул свою «тальянку».

— Барыню! — скомандовал Борейко.

Блохин с присвистом пошел вприсядку. Солдаты сгрудились вокруг, но никто не выходил на середину.

— А ну, Лепеха-воха! Покажи, как кержаки пляшут,— подтолкнул взводного поручик.

— Я, вашбродь, не умею, да и беса тешить не хочу,— отнекивался солдат.

— Он над вами, дурнями бородатыми, и так день и ночь потешается. Можно подумать, что ты и на свет божий появился с Библией в руках.

Солдаты захохотали. Лепехин досадливо оглянулся на них и, не встретив сочувствия, швырнул фуражку на землю и пошел за Блохиным.

— Ай да Лепехин! Я и не знал, что ты такой мастер! — подзадоривал Борейко.

Увидев Шуру, прибежавшую поглядеть, поручик крикнул ей:

— А ну, пройдись-ка с ним в паре,— и вывел на середину круга смущенную девушку.

Лепехин, красный и мокрый от пота, продолжал остервенело бить землю каблуками. Сердитое вначале выражение лица сменилось ухарской улыбкой. И когда Шура, закинув вверх руку с платочком, павой проплыла перед ним, он молодецки гикнул и пустился в такую присядку, что все открыли рты от удивления.

— Как пляшет, черт! — восхищался Борейко и вдруг сам пустился в пляс.

Солдаты один за другим последовали за ним.

— Расступись, дай русской душе развернуться! — орал Блохин, расталкивая солдат.

Пройдя один-два круга, Борейко отошел в сторону и, утирая пот со лба, кивком головы подозвал Звонарева.

— Какие у тебя есть интересные цели? — вполголоса спросил он.

— Номер пять. Шметилло просил обстрелять, но без разрешения начальства открывать огня не разрешается.

— А начхать мне на всех! — махнул рукой поручик.— К орудиям! — громко скомандовал он.— Цель номер пять, бомбою! Живо, черти!

Солдаты опрометью бросились по местам. Борейко взобрался на бруствер и, широко расставив ноги, смотрел по сторонам. Его огромная фигура четко вырисовывалась на фоне неба.

— Вашбродь, как бы вас не задело. До японца тут недалече,— подошел к нему Лепехин.

— От меня пули отскакивают. Эй, третье орудие, не копаться! Филя, поди подскипидарь их! — крикнул он Блохину, который в ожидании приказаний стоял внизу у бруствера.

— Готово! — докладывали один за другим фейерверкеры, поднимая руки.

Орудийные номера в ожидании выстрела прижались к брустверу. Оглядев батарею, Борейко взмахнул рукой.

— Первое! Второе! — заорал Лепехин, и два огненных столба вылетели из дул орудий.

— Третье, четвертое! — подхватил Жиганов.

Пушки с грохотом отлетели назад по наклонной раме лафета и затем медленно скатились на прежнее место. Борейко в бинокль наблюдал за разрывами.

Японцы не замедлили ответить. Вдали резко прозвучали выстрелы, и в следующее мгновение на батарею с визгом обрушилось несколько снарядов.

— Целик лево, два, прицел больше на одно деление. Батарея — залпом! — командовал поручик.— Не суетись, на японские гостинцы не оглядывайся, делай все с толком! — приказывал он, следя за работой орудийных расчетов.

Обменявшись с японцами несколькими залпами, Борейко прекратил огонь.

— Построиться за орудиями! — приказал он, соскакивая с бруствера.

Когда распоряжение было выполнено, он прошел вдоль фронта, всматриваясь в раскрасневшиеся от движения лица солдат.

— Разойдись!

С веселыми шутками и смехом артиллеристы пошли по блиндажам.

— Шура! — окликнул Борейко стоявшую около своего каземата девушку.— У тебя лишней юбки нет?

— Зачем она вам понадобилась? — удивилась Шура.

— Хочу прапорщику подарить.

Шура так и покатилась от смеха, прикрыв лицо передником. Звонарев покраснел, но сдержался и торопливо прошел в каземат.

— Парень ты, Сережа, не плохой — не трус и не дурак, но командир из тебя, прости, как из чего-то пуля! У тебя тут не люди, а золото, а ты хнычешь, что они никуда не годятся. Сумей подойти к ним, и они заработают, как черти.

Затем он подозвал Блохина.

— Пошли, Филя, домой!

— Чудище, а не человек,— кивнул вслед Борейко Лепехин.— Такой хоть кого расшевелит, у него и мертвяки запляшут. Нагрешил я сегодня, прости господи!

— Ничего, отмолишь,— успокоил его Звонарев.

Через день на батарее литеры Б появились матросы с «Баяна» с двумя минометами. За ночь их установили в намеченных местах и тотчас решили испробовать. Пригласили Звонарева и Гудиму, с Залитерной явились Борейко с Блохиным. Солдаты с любопытством наблюдали за приготовлениями.

— Вашбродь,— подошел Денисов,— не пощупать ли нам японца, когда он испугается? Заглянем к нему в окопы, пошарим в ближнем тылу, глядишь — чем-нибудь и разживемся.

— Ты же знаешь, что вылазки строго запрещены начальством.

— Так оно, вашбродь, ничего не узнает. Мы скажем, что японец напал на нас первый.

Капитан долго раздумывал.

— Эх, куда ни шло,— наконец согласился он.— Бери своих охотников, винтовки, бомбочки и приготовься к атаке. Но только дальше первой линии, чур, не лезть.

Денисов исчез. Капитан приказал изготовить все самодельные пулеметы и следить за действиями охотников, чтобы вовремя прийти на помощь. Борейко и Звонарев устроились возле миномета. Блохин вертелся тут же, объясняя стрелкам устройство и действие минометов.

Заметив место, где японцы особенно усиленно возились, туда направили первую мину. Эффект получился разительный. От взрыва обвалился бруствер на значительном протяжении, в воздух полетели бревна, щепки, лопаты. Около сотни людей с криком бросились в тыл.

Денисов со своим отрядом охотников кинулся им вслед. Через минуту первая и вторая линии неприятельских траншей были заняты стрелками. Оставшиеся на позиции солдаты, не дожидаясь команды, последовали за охотниками.

— Куда вы, назад! — пытался было их остановить Шметилло, но солдаты не слушались, и капитан, махнув рукой, отправился вслед за ними.

— На всякий случай надо подготовиться к отражению атаки,— заметил Гудима,— я пойду на батарею.

— А мы с Сережей прогуляемся к японцам в гости,— отозвался Борейко и взобрался на бруствер. Прапорщик последовал за ним.

Вылазка оказалась на редкость удачной. Охотники прорвались далеко в тыл и дошли почти до линии японских полевых батарей. Борейко и Звонарев миновали одну за другой шесть линий и траншей и вышли в глубокий овраг в тылу. Здесь они нашли Шметилло. Из траншеи появилась улыбающаяся Харитина, на шее у нее висела пара биноклей, на поясе болталась шашка.

— Набрала всего, в хозяйстве пригодится. Нате вам, вашбродь, а то у вас такой нет.

— Сколько за нее хочешь?

— Долг платежом красен,— за баню это.

Справа и слева участилась ружейная стрельба. Японцы переходили в контратаку. Со всех сторон стекались охотники, отстреливаясь на ходу.

— Сила его, вашескородие! Не менее батальона, с двумя пулеметами,— подошел Денисов.

Шметилло оглянулся. Вечерело, с северо-востока надвигался туман, с каждой минутой становилось темнее. Вспышки ружейных выстрелов делались все ярче. Солдаты кучками проходили в тыл, то и дело оглядываясь на выстрелы.

— Пора и нам двигаться,— заметил Борейко.

— Валите, авось мы и сами отобьемся от японцев.

Начавшийся затяжной уже по-осеннему холодный дождь не позволял японцам до утра вернуть утерянные окопы, а перед рассветом последние охотники Шметилло, разрушив все блиндажи и засыпав окопы, вернулись благополучно назад. За минометами прочно укрепилась слава страшного оружия, против которого японцы не могут устоять.

Наступила дождливая осень. Солдаты, спавшие почти всегда под открытым небом, стали прятаться в блиндажи.

Скученность немедленно вызвала усиленные заболевания. Теперь уже не приходилось думать об отдыхе на Электрическом Утесе. Людей едва хватало для обслуживания батарей. Утесовцы прочно обосновались на батареях литеры Б и Залитерной и начали готовиться к зиме. Размокшая от дождей почва затрудняла боевые операции, и военные действия сводились лишь к орудийной и ружейной перестрелке, да Шметилло изредка пользовался своими минометами для разрушения японских укреплений.

Японцы даже в дождливые дни продолжали возводить новые траншеи. В одну из ночей Звонарев был разбужен дежурным по батарее.

— Вашескородие, японец на штурм лезет,— взволнованно доложил он.— Штабс-капитан велели вас разбудить.

Торопливо надев шинель и сунув в карман наган, прапорщик вышел из каземата. Ночь выдалась темная. Моросил мелкий дождь. Со стороны стрелковых окопов доносилась ружейная стрельба, слышались крики. Лучи слабых японских прожекторов, чуть пробившись сквозь сетку дождя, остановились на русских окопах, как бы показывая своим частям направление атаки.

— Сергей Владимирович, пройдите на правый фланг и пустите несколько ракет и светящихся снарядов,— распорядился Гудима.— Я на всякий случай велю зарядить пушки картечью. Если японцы прорвутся, встречу их как следует!

Прапорщик направился к указанному месту.

— Установить все три станка,— приказал он ракетчикам.— Угол возвышения пятьдесят градусов.

Солдаты с ручными фонарями выволокли переносные станки, вложили в каждый по ракете и зажгли фитили.

Вымокший на дожде стопин плохо разгорался, затем огонек медленно пополз вверх по нитке, и ракеты, зашипев и выбрасывая сноп искр, взвились к небесам. Рассыпавшись в воздухе на тысячи огненных звездочек, они ярко осветили впереди лежащую местность. Прапорщик увидел в ста саженях колонну, обходящую батарею справа. Японцы, поблескивая штыками, бежали густой массой в промежуток между батареей литеры Б и соседним фортом номер один.

— Тащи мортиры! — приказал Звонарев.— Пальба светящимися ядрами, полным зарядом!

Солдаты кинулись к маленьким медным пушчонкам.

 Со страшным грохотом, перевернувшись при выстреле

навзничь, мортирки выбросили свои огненные шары, которые врезались в наступающих. При ярком свете брандскугелей было видно, как японцы сразу замедлили бег, смешались, а затем и вовсе остановились. Одновременно с Залитерной загремели частые выстрелы, и в японцев с визгом полетели снаряды. Это Борейко, заметив опасность, угрожавшую батарее литеры Б, поспешил ей на помощь. В стрелковых окопах застучал пулемет. Атака была отбита.

Вскоре перестрелка постепенно стихла.

— Отбой! Разойтись по казематам! — издалека донеслась команда Гудимы.

Звонарев приказал убрать ракетные станки и мортиры.

— Зайдите ко мне на минуточку, Сергей Владимирович,— позвал его штабс-капитан.

В командирском каземате Звонарев застал все еще бледную от волнения Шуру. Гудима, отряхивая мокрый плащ, знаком пригласил прапорщика к столу.

— Чай готов, Шура? — спросил он у девушки

— Сейчас подам.

— Расскажите, чем вы привели Шметилло в восторг?

В двух словах Звонарев передал все происшедшее.

— То-то стрелки вас и Борейко величают своими спасителями от верной гибели!..

Затрещал телефон. Гудима снял трубку.

— А, Боря! У нас все благополучно, нет ни раненых, ни убитых. Спасибо за помощь, донесу обо всем подробно в Управление артиллерии. Не будь тебя, сидели бы сейчас японцы на нашей батарее. Звонарев? Жив и здоров. Передаю трубку.

— Здорово! — раздался голос Борейко.— Оказывается, твоя Варвара большая мастерица по кухонной части. Второй раз съедаю твои обеды и пальцы облизываю. Тут есть еще письмецо тебе. Слушай, прочту: «Сэр, послезавтра вы должны по делам службы побывать в отряде Романовского. К двенадцати часам дня лошади будут оседланы. Я еду с вами. Хорошо? В.».

— Ты не знаешь, Боря, зачем меня туда посылают?

— Чтобы твоя Брунегильда имела возможность день твоих именин провести с тобой после длительной разлуки. Она сама придумала эту поездку, о чем мне по секрету и сообщила. Ну, будь здоров!

Утром Звонарев отправился в стрелковые окопы, чтобы подробнее узнать обо всем происшедшем ночью. Уже

издали он заметил большие разрушения в проволочном заграждении. Козырьки над окопами на многих участках тоже были повреждены, брустверы снесены, окопы полузасыпаны.

— Поберегитесь, вашбродь, а то сегодня японец дюже сердитый, попало ему ночью на орехи,— предупредил стрелок Звонарева.

— Капитан-то цел?

— Слава богу, пока целы. Они ночью в самую свалку лезли, кругом смерть, а они — как заговоренные. Только фуражку с них сбило да погон сорвало.

— А Харитина?

— Герой-баба! От командира ни на шаг не отставала. Двух японцев заколола, хотя ее саму чуть на штыки не подняли — стрелки спасли.

Подошла Харитина.

— Здравия желаю, вашбродие! Здорово вы нам вчера подсобили своими ракетами да огненными бонбами. Сразу все, как днем, стало видать, тут мы и всыпали японцам.

— Это с Залитерной открыл огонь Борейко.

— Медвежья батарея, значит, не подкачала,— улыбнулась Харитина.— Солдаты там все как на подбор, под стать своему командиру — здоровые да красивые, не то, что наша пехотная мелкота.

— Вы бы и переходили в артиллерию.

— Без капитана не пойду, а они ведь пехотинец.

— Где он сейчас?

— В блиндаже горюет. Игнатий Брониславич всегда о своих солдатах печалится, ровно сродни они ему.

Прапорщик застал Шметилло сидящим в мрачном раздумье за столом и поздравил с удачным отбитием ночного штурма.

— Но какой ценой! — горько усмехнулся капитан.— Потерял столько прекрасных разведчиков — один лучше другого.

— На войне не без жертв,— пытался успокоить его Звонарев.

— Но все же надо стараться, чтобы их было возможно меньше.

Выяснив обстановку, прапорщик вернулся на батарею.

— Вам телефонограмма,— протянул Звонареву бумажку Гудима.

Командир артиллерии приказывал прапорщику прибыть на следующий день в Управление за получением указаний по рекогносцировке артиллерийских позиций

и наблюдательных пунктов в районе расположения отряда капитана Романовского.

Сигнальная пушка на Золотой горе грохнула как раз в тот момент, когда Звонарев входил в Управление артиллерии. Одновременно на судах, стоящих на рейде, послышался перезвон склянок, отбивавших полдень. Справившись у адъютанта, в Управлении ли Белый, Звонарев постучал в генеральский кабинет. Дверь приоткрыл полковник Тахателов. Красный от возбуждения, он спорил о чем-то с генералом.

— Согласно распоряжению вашего превосходительства в Управление артиллерии прибыл,— отрапортовал прапорщик Белому.

— Спросите его, Василий Федорович, он с батареи литеры Б и, наверно, был свидетелем и участником ночной атаки,— вместо приветствия проговорил Тахателов.

— Была ли необходимость стрельбы на Залитерной позапрошлую ночь во время японской атаки? — обратился к Звонареву генерал.

— Своим огнем она спасла положение. Таково мнение и Гудимы и командира стрелков капитана Шметилло.

— Рапорт Гудимы я уже получил, а о донесении Шметилло мне пока ничего не известно.

— Я же говорил, ваше превосходительство, что ему надо отдавать в приказе не выговор, а благодарность! — торжествующим тоном воскликнул полковник.

— Но он грубо нарушил все инструкции об открытии огня. Стольников прав, жалуясь на его недисциплинированность.

— Какая тут может быть дисциплина, когда японцы голыми руками забирают батарею! Молодец Борейко! Вы, Василий Федорович, как хотите, а я ему от себя скажу большой спасиба,— с кавказским акцентом проговорил Тахателов.

— Я знаю ваши неизменные симпатии к Борейко, вы всегда горой стоите за него.

— Говорю прямо — люблю, как сына! Пусть пьяница, скандалист, но все же лучший офицер у нас в артиллерии.

— Слов нет — Борейко прекрасный артиллерист, но крайне недисциплинирован, никогда не знаешь, что он выкинет.

— На войне надо считаться только с реальной обстановкой и действовать сообразно с ней. Она же ни в какие инструкции уложиться не может. Спасибо надо говорить Борейко, а не ругать его,— не унимался Тахателов.

— Спасибо я не скажу, а ограничусь напоминанием о необходимости беречь снаряды. Стольников подал рапорт о болезни. Вместо него я назначаю Жуковского, который поправился. С Борейко они старые друзья. Перемещать же Борейко я просто боюсь. На Залитерной он прижился и сидит спокойно, на новом же месте тотчас начнет переделывать все по-своему. Хлопот с ним не оберешься!

— Что прикажете мне делать, ваше превосходительство? — почтительно справился Звонарев.

— Обратитесь, дюша мой, к Варе. Она уже за вас получила все инструкции,— дружески похлопал прапорщика по плечу Тахателов.

— Прошу ко мне завтракать, благо уже наступил адмиральский час. Там я все и объясню,— пригласил Белый офицеров.

За столом вспомнили, что сегодня день Сергия Радонежского и что, следовательно, Звонарев именинник. Варя захлопала от радости в ладоши.

— Я и забыл — у нас во второй и одиннадцатой ротах сегодня ротные праздники. Надо заехать их поздравить,— вспомнил генерал,— а пока выпьем за присутствующего именинника и пожелаем ему счастья.

— Вместе с Варей,— добавил Тахателов и захохотал.

Звонарев покраснел и взглянул на часы.

— Мне надо поторапливаться,— проговорил он.— Теперь рано темнеет.

Белый в двух словах объяснил Звонареву задание: выбрать позиции для батарей и найти наблюдательные пункты между Голубиной бухтой и деревней Яхуцзуй, что около укрепления номер пять Западного фронта.

— Участок занят отрядом капитана Романовского, штаб которого расположен в деревне Юдзянтунь Южный. Этот пакет передайте капитану,— закончил Белый.

— Вы-то зачем едете со мной? — справился прапорщик у Вари, когда они двинулись в путь.

— С вами?! Не слишком ли много чести! Я еду по распоряжению главного врача нашего госпиталя, чтобы передать медикаменты и перевязочные материалы в Западный отряд.

День выдался довольно теплый, ясный. Японские батареи, воспользовавшись улучшением погоды, начали усиленно обстреливать внутренний рейд и порт. Несколько снарядов упало около Артиллерийского городка.

— Придется ехать вокруг Пресного озера, чтобы миновать район обстрела,— решила Варя.

Миновав Старый город, они очутились в Новом городе. Здесь было тихо. Пользуясь теплым солнечным днем, публика, в большинстве раненые, прогуливалась по набережной. Среди гуляющих Варя и Звонарев увидели Вениаминова под ручку с Лолочкой. Прапорщик хотел было их окликнуть, но Варя ударила нагайкой его лошадь.

— Не смейте здороваться с ними! — грозно зашипела девушка.

Не позволила она своему спутнику и завернуть к дому Акинфиевых.

— На обратном пути полюбуетесь на вашу ненаглядную Наденьку, которая так эффектно натянула вам нос, выйдя замуж за вашего же друга! — иронизировала Варя.

Проехав мимо морского госпиталя, они свернули на дорогу, ведущую к Голубиной бухте. Здесь было тихо. По дороге двигались, скрипя огромными колесами, китайские арбы, тарахтели две-три военные повозки.

С моря тянул прохладный солоноватый ветер. Лошади, радостно пофыркивая, шли широкой рысью. Кубань, легкая и грациозная, красиво перебирала своими точеными ножками в белых чулочках. За ней следовал более крупный и тяжелый Дон, поекивая селезенкой.

Скоро Варя и Звонарев увидели перед собою деревню Юдзянтунь. У крайних домов, преграждая дорогу, стоял длинный стол, за которым сидело человек двадцать офицеров. Тут же рядом в канаве копошились денщики, откупоривая бутылки. Несколько поодаль песельники выводили какую-то залихватскую мелодию.

Заметив приближающихся всадников, сидевший на председательском месте полковник, в котором Звонарев узнал Ирмана, махнул рукой. Офицеры вскочили с бокалами в руках, хор грянул веселую песню.

Звонарев начал было придерживать лошадь, но Варя, ударив Кубань нагайкой, карьером понеслась навстречу расступившимся перед нею офицерам, птицей перелетела через накрытый стол и помчалась дальше. Дон тоже ринулся вперед и с размаху взял этот своеобразный барьер, причем Звонарев едва не вылетел из седла. Сзади раздались дружные аплодисменты.

Догнав Варю только за деревней, прапорщик сердито спросил:

— Что за фантазия пришла вам в голову брать с маху такие препятствия? Я чуть не упал и не покалечил Дона.

— Ну и чудак вы! Не ускачи мы, нас напоили бы допьяна.

— Я отказался бы от выпивки.

— Ирман приказал бы вам выпить, как старший в чине. И вообще отказываться страшно неприлично. Какой же вы тогда офицер? Мне было бы стыдно ехать с вами! А так вы против своей воли даже заслужили аплодисменты.

— Они предназначались вам, а не мне.

— Конечно, честь барьера гораздо больше принадлежит Дону, чем такому горе-ездоку, как вы, который сидит на лошади, как собака на заборе. Ну вот и Юдзянтунь. Справа у большой фанзы виден красный флаг, и около стоят заседланные лошади. Там, верно, и помещается штаб Романовского. А вон дальше, на кумирне, флаг Красного Креста. Я туда и поеду. Когда освободитесь, заезжайте за мной.

— Хорошо.

Варя вздохнула.

— Мне бы очень хотелось проехать с вами до самого моря, но боюсь, что Романовский будет этим недоволен...

— Я упрошу его взять вас с собой.

— Я буду тиха, скромна, одним словом — пай-девочка. Так ему и скажите.— Варя подняла лошадь в галоп..

— Прошу садиться, господин Звонарев,— придвинул Романовский стул прапорщику.

Звонарев сел и, пока Романовский читал бумаги, осмотрелся вокруг. Фанза, которую занимал капитан, была чистая, просторная; в узорчатых окнах вместо обычной у китайцев цветной бумаги блестели стекла. На стене против окон висела подробная карта Артура с нанесенными на ней укреплениями и две большие схемы севастопольской обороны. На столе лежали какие-то книги. В глубине виднелась складная походная кровать.

— Значит, вы желаете проехаться со мной вдоль расположения моего отряда? — закончил чтение капитан.

— Так точно. Если, конечно, это вас не затруднит.

— Нисколько, погода прекрасная, и я с удовольствием прокачусь верхом.

Капитан позвал денщика и приказал седлать лошадь.

— Мы отправимся сначала на берег моря, а затем проедем вдоль фронта по направлению к Артуру,— объяснил капитан.— Возможные позиции и наблюдательные

пункты я нанес на эту карту, которую возьму с собой. Это ускорит и облегчит нашу работу.

— Со мной приехала мадемуазель Белая, дочь нашего генерала. Она хотела бы сопутствовать нам,— робко проговорил прапорщик.

— Она интересная? — улыбнулся капитан.

— Весьма своеобразна, во всяком случае.

— И прилично ездит верхом?

— Очень.

— Буду рад с ней познакомиться.

Подъехав к кумирне, где расположился отряд Красного Креста, они вызвали Варю. Узнав о приезде начальника отряда, на крыльцо вышел врач.

— Нас можно поздравить: мы наконец получили необходимые нам медикаменты и перевязочный материал,— радостно сообщил он.— Нам его любезно доставила сестра Белая.

— Позвольте поблагодарить вас, мадемуазель, и выразить свое удовольствие по поводу предстоящей совместной прогулки,— протянул руку девушке капитан.

Через пять минут они ехали по направлению к Голубиной бухте — Варя посредине, офицеры по бокам.

— Вы прекрасно сидите на лошади, мадемуазель,— заметил Романовский, критически осматривая Варю.— Повод держите крепко, лошадь хорошо слушается вас. Дать вам в руки меч и копье, и вы станете воплощением девы-воительницы.

— Я всего лишь скромная казачка,— ответила девушка, польщенная похвалой.

Вскоре впереди открылась Голубиная бухта. В нескольких десятках саженей от берега из воды торчал остов миноносца «Внушительный», взорванного здесь 11 февраля командой при приближении японцев. Исковерканные трубы, обломанные мачты и сиротливо стоявшие на палубе пушки четко виднелись на лазурно-голубом фоне воды.

— Памятник трусости наших морячков. Вместо того чтобы принять бой, они поспешили выброситься на берег и взорваться,— высокомерно заметил Романовский.

Выехав к берегу севернее Юдзянтуня, всадники направились к небольшому скалистому, на полверсты выдающемуся в море мысу, именуемому Промежуточной горкой. На нем виднелись стрелковые окопы, а дальше, маскируясь со стороны моря,— скорострельная пушка и несколько фанз. На ближайшей из них висел маленький флажок. Сюда Романовский и направил своего коня.

Спешившись, офицеры вошли в дом, а Варя пошла навестить знакомых китайцев. При появлении начальника отряда из-за стола вскочило несколько человек.

Один из присутствующих, штабс-капитан Соловьев, отдал рапорт Романовскому.

— Прошу вас, господа, отправиться к своим частям, я обойду весь участок,— обратился к ним Романовский.

Офицеры поспешили выйти из фанзы, за исключением Соловьева.

— Сейчас мы втроем — пардон, вчетвером, я упустил из виду мадемуазель Белую — направимся к деревне Шаньятоу. Побываем на горке, что к северу от нее. Там расположены окопы сборной роты штабс-капитана Соловьева.

— Придется немного обождать, пока приведут мою лошадь,— предупредил Соловьев.— Мы тем временем пройдемся к ближайшим окопам.

В нескольких сотнях шагов по берегу виднелась скала высотою в тридцать — сорок саженей, на вершине которой был устроен полукругом окоп, фронтом на север и запад. Отсюда открывался широкий вид на бухту и море, а также и на прибрежные холмы, занятые японцами.

Романовский, на ходу здороваясь со стрелками, прошел вдоль окопа и поднялся на бруствер. Звонарев и Соловьев последовали за ним. Звонарев осмотрелся. Скала, на которой они находились, вдаваясь в море, делила Голубиную бухту на две части: меньшую — северную, берег которой был занят японцами, и бóльшую — южную, оставшуюся за русскими. На стороне японцев было заметно движение. В море плавало много парусных и весельных шлюпок. На берегу суетились рыбаки, вытаскивая сети. Им помогали небольшие группы японских солдат. Несколько ближе к русским японцы косили пожелтевший гаолян, тут же рядом паслись лошади.

— Картина совсем мирная,— заметил Звонарев.

— Да, стреляют здесь редко. Мы экономим снаряды, а японцам стрелять не по чем — все голо и пусто. У нас здесь так мало войска, что задирать неприятеля нам не приходится.

Подошедший солдат доложил, что лошади заседланы.

— Где же мадемуазель Белая? — оглянулся Романовский.— Вы не видели сестры милосердия, что приехала с нами? — спросил он у стрелков.

— Они находятся в фанзе, в которой стоят артиллеристы, и подпоручик с ними.

Звонарев и Романовский застали Варю в разгаре операции. Она старательно обмыла нарыв и ловко вскрыла его. При этой операции солдат то и дело вскрикивал от боли, но Варя не обращала на него никакого внимания.

— Грязь у вас, господин подпоручик, поразительная. Все солдаты завшивели. Не мудрено, что они болеют в таких антисанитарных условиях,— вполголоса отчитывала Варя молодого офицера.

Романовский молча наблюдал эту сцену. Заметив его, подпоручик забормотал в ответ что-то неразборчивое.

— Нужно сегодня же вынести и проветрить все тюфяки, а фанзу вычистить и побелить, а то у вас лошади прекрасно убраны, а люди живут по-свински,— наставляла девушка.

— У кого еще что болит? — спросила она солдат.

— У меня сильно тело свербит, сестрица,— проговорил один из них.

— Сними рубашку.

Пока солдат раздевался, Варя обернулась и, увидав капитана, нахмурилась.

— Я, конечно, очень признателен вам за проделанную работу, мадемуазель, но сначала следовало бы спросить на это у меня разрешение,— заметил Романовский.

— Я сам попросил сестру осмотреть солдат. Наш фельдшер заболел, и мы лишены всякой медицинской помощи,— заступился за Варю подпоручик.

— В таком случае мне остается лишь извиниться перед мадемуазель Белой, а вам указать, что добровольные сестры не располагают знаниями даже ротного фельдшера.

— Я сдала фельдшерский экзамен, работаю в госпитале и знаю наверняка много больше, чем ваши ротные эскулапы! — сердито отозвалась Варя.

— Опять неудача,— деланно засмеялся Романовский.— Еще раз извиняюсь. Вы клад: ездите верхом, как Брунегильда, лечите не хуже самого Эскулапа и воинственны не менее Афины Паллады!

Путь до Шаньятоу был проделан без приключений. Романовский разговаривал с Соловьевым, а Звонарев с Варей ехали сзади.

— Терпеть не могу этого задаваку: «Я начальник отряда, потрудитесь меня слушать, я предупреждаю»,— передразнивала Варя Романовского.— Папа — генерал и то так не разговаривает со своими подчиненными. Давайте отстанем от них совсем или поедем другой дорогой.

— Мне неудобно. Я ведь командирован в его распоряжение.

Варя вздохнула и замолчала.

Соловьевская горка, как ее называли по имени командира оборонявшей роты, оказалась полевым укреплением усиленной профили с двумя рядами проволочных заграждений и прочными блиндажами для стрелков. На флангах стояли два пулемета, а несколько сзади, около деревни, находилась скорострельная пушка. С этой позиции открывалась огромная панорама от Голубиной бухты на западе до горы Высокой на востоке, то есть на протяжении почти восьми верст. Прекрасно были видны японские тылы в районе Высокой. И Звонарев с удивлением заметил, что японцы успели уже взобраться почти до половины горы.

— Однако они времени даром не теряют,— проговорил он, указывая на неприятельские траншеи.

— Зато мы о них совсем не думаем. Будь у нас здесь хотя бы две старые шестидюймовые пушки, никогда японцы не смогли бы не только взять, но и приблизиться к Высокой. Прошу вас обо всем этом довести до сведения вашего начальства,— ответил капитан.

Проходя мимо группы солдат-стрелков, капитан неожиданно велел некоторым из них раздеться. Поеживаясь от свежего ветра, стояли голые люди. Осмотрев их, Романовский брезгливо потрогал заношенное грязное солдатское белье, кишевшее вшами.

— Мадемуазель Белая кое в чем права. Вши и грязь могут оказать большее влияние на длительность обороны крепости, чем все осадные батареи, вместе взятые. Поэтому борьба с ними не менее важна, чем с японскими шпионами и пушками. Господин штабс-капитан, намотайте это на свой длинный ус.

Прозябшие солдаты поспешили натянуть на себя одежду, вполголоса ругая начальство.

Уже вечерело, когда офицеры вернулись в деревню, где оставалась Варя. Увидя Звонарева, она торжественно потрясла объемистым мешочком.

— Я достала чесноку, который сейчас в Артуре на вес золота. Здесь его фунтов десять. Это все китайцы, им спасибо надо говорить,— пояснила девушка.— Обещал завтра принести нам домой большую рыбу, которую еще и сам не поймал.

— Рыболовство строго запрещено приказом Стесселя,— напомнил Звонарев.

 — Есть-то все хотят, и солдаты и офицеры. Поэтому

начальство и смотрит сквозь пальцы на нарушение этого распоряжения. Китайцы знают, как надо ловить здешнюю рыбу и где она больше всего водится. Если бы не наши китайские друзья, то мы давно бы голодали.

— Значит, и я еще не умер с голоду благодаря китайцам? — спросил прапорщик.

— Конечно. Ели конину и чумизу, а теперь при их помощи питаетесь прилично,— пояснила Варя.— Вы покончили с делами?

— Так точно, госпожа амазонка,— откозырял прапорщик.

— Тогда поехали домой.

— Разрешите считать мою задачу выполненной? — спросил прапорщик у Романовского.

— Вполне.

Свернув на Юдзянтунь, Звонарев и Варя пустили коней рысью и, миновав деревню, вскоре оказались на окраине Нового города. Солнце уже садилось, но на западе четко выступали Высокая и окружающие ее горы. Царила полная тишина,— очевидно, на позициях шла вечерняя смена частей. Вдруг на батарее Золотой горы взлетел огромный столб огня, сопровождаемый целой тучей искр, за ним другой, третий. Донеслись гулкие звуки выстрелов, многократно повторенные эхом.

— Зейц старается. И когда он только спит? Каждую ночь будит меня своей канонадой,— проговорила Варя.

С тротуара их окликнули. Звонарев узнал Сахарова.

— Откуда путь держите? — поинтересовался, здороваясь, капитан.— Я так давно не видал вас, что решился даже задержать на дороге.

— Мы знакомились с расположением войск на левом фланге,— важно заявила Варя.— Сергей Владимирович интересовался артиллерийскими позициями, а я постановкой медицинской части.

— Которую она нашла в полном беспорядке, за что и объявила Романовскому выговор,— закончил Звонарев.

— Если не очень устали, милости прошу заглянуть ко мне — тут рядом. Третий раз справляю новоселье с момента начала тесной блокады. Сюда покуда снаряды еще не залетают. Я хотел бы показать мадемуазель Варе несколько японских кимоно, а также кое-какие безделушки.

— На десять минут можем зайти,— решила Варя, соскакивая на землю.

Появившиеся денщики взяли лошадей.

Небольшая, в три комнатки, уютная квартира Саха-

рова вся утопала в коврах: они лежали на полу, висели на стенах, покрывали кушетку, служили портьерами на дверях. Всюду красовались различные безделушки в виде драконов, рыб и мифических животных. В углу под иконой находился большой золоченый Будда с неизменным лотосом в руках.

Капитан провел своих гостей в спальню и распахнул большой гардероб. В нем висело несколько десятков кимоно всевозможных цветов и размеров, из самых разнообразных материй — тяжелые парчовые, вышитые золотыми и серебряными драконами, и совсем невесомые, из тончайшего шелка, похожего на паутину, и теплые, на вате, с меховыми воротниками, сплошь расшитые разноцветным бисером. Драконы, змеи, лотосы, хризантемы, цапли, вишни — все это переплеталось в сложном узоре вышивки. Варя с чисто женским любопытством рассматривала эту своеобразную коллекцию.

— Откуда они у вас?

— Досталось от одного знакомого. Я лишь постарался сохранить их от порчи. Разрешите предложить вам, мадемуазель, один из них на выбор.

— Что вы, Василий Васильевич, мне просто неудобно принимать такие подарки! — отнекивалась девушка.

— Мне они достались даром, и я, откровенно говоря, не знаю, что с ними делать. Вам же может пригодиться. Поэтому позвольте из личной симпатии к вам и из уважения к вашим родителям, которые всегда так мило относятся ко мне, сделать маленький подарок. Вы доставите мне этим большое удовольствие,— упрашивал Сахаров.

Соблазн взял верх, и небольшое, совсем прозрачное кимоно, которое все можно было собрать в горсть, перешло в собственность Вари. Она захотела тут же его примерить. Мужчины вышли в соседнюю комнату.

— Каково положение у Романовского? — справился капитан.— Я очень интересуюсь этим участком, так как вся моя связь с внешним миром идет через Голубиную бухту. Нельзя ли взглянуть на вашу карту?

Прапорщик любезно протянул свой планшет. Сахаров быстро перенес к себе линию сторожевого охранения с наличными укреплениями. Затем он расспросил о дальнейших планах обороны и мерах к усилению этого участка. Звонарев подробно рассказал все, что ему было известно по этому поводу. Капитан его поблагодарил.

— Позвольте в знак моей признательности подарить вам маленькую безделушку,— протянул он Звонареву

брошку в виде красивой бабочки филигранной работы.

— Благодарю вас, но я, право, не знаю, что мне с ней делать.

— Подарите мадемуазель Белой, она ей, наверно, понравится. Не конфузьтесь, молодой человек. Мы все были когда-то молоды и ухаживали за девушками,— ласково потрепал он по плечу прапорщика.

Последнему ничего не оставалось, как принять подарок.

— Не правда ли, оно мне очень к лицу? — впорхнула в комнату Варя в темно-вишневом, расшитом золотом и серебром кимоно.

— Минуточку, сейчас раздобудем гребень и веер.— И Сахаров вышел из комнаты.

Звонарев молча протянул девушке подарок капитана.

— Какая прелесть! Это Василий Васильевич вам дал? — восхищалась Варя.

— Нет, мне прислали ее от китайского богдыхана. Кстати, с вашим продолговатым лицом и довольно-таки основательным носиком вы мало походите на дочерей Страны Восходящего Солнца.

— Я, конечно, гораздо красивее их!

— Какое самомнение: те хорошенькие куколки, а вы — просто кубанская амазонка.

— А ну вас, замолчите! — рассердилась Варя.

Выбрав из принесенных Сахаровым вееров и гребней наиболее подходящие к ее кимоно, девушка потребовала зеркало и стала перед ним охорашиваться.

— Похожа я на гейшу? — спросила она у капитана.

— Конечно, только гораздо красивее.

— Вот видите! — торжествующе обернулась Варя к Звонареву.

— О вас последнее время много говорит князь Гантимуров,— вкрадчиво сообщил Сахаров.

— Я не переношу его.

— Зато он от вас без ума.

— Если он вздумает высказать мне свои чувства, то боюсь, что он останется без головы. Ну, нам пора. Большое, большое спасибо вам, Василий Васильевич.

Сахаров приложил руку ко лбу.

— Нет ли у вас средства от мигрени?

— Можно достать фенацетин. Завтра же вам привезу. Вид у вас не совсем здоровый. Дайте-ка руку,— перешла на докторский тон Варя.— Учащенный пульс, небольшой жарок. Покажите язык,— я уже кое-что понимаю в меди-

цине. Обложен, надо немедленно же обратиться к врачам. Сейчас в связи с недостатком и ухудшением качества воды сильно распространяется брюшной тиф.

— Не пугайте, ради бога! Мне гадалка давно предсказала, что я умру от тяжелой болезни.

— Завтра с утра навещу вас по дороге в госпиталь,— на прощанье подтвердила Варя.— Теперь прямо домой,— обернулась она к Звонареву, когда они сели на лошадей.

Луна закрылась тучами, с моря налетел туман, и Артур утонул во мраке. Спотыкаясь на каждом шагу, лошади медленно двигались по разбитым бомбардировкой улицам города. Когда путники миновали доки и свернули к Артиллерийскому городку, до их слуха долетел из придорожной канавы тихий плач. Варя сразу остановила лошадь.

— Кто тут? — громко спросила она, вглядываясь во тьму.— Сергей Владимирович, чиркните спичку.

Всхлипывания сначала прекратились, а затем послышались вновь. Не дожидаясь, пока Звонарев зажжет огонь, девушка соскочила с лошади. Прапорщику удалось наконец зажечь спичку. При ее слабом свете Варя увидела бедно одетого ребенка лет десяти — двенадцати, вытиравшего кулаками заплаканное лицо.

— Сегодня избу разбило, тятьку убило,— сквозь слезы ответил он на вопрос Вари.— А мамка еще в апреле умерла.

— Пойдем со мной, я тебя накормлю и устрою. Как тебя звать-то?

— Вася Зуев... Куда вы меня поведете?

— В Артиллерийский городок. Перестань плакать и пойдем,— распоряжалась Варя.

Мальчик повиновался.

Скоро они добрались до дому.

— Здесь живет усатый генерал,— проговорил Вася.

— Да. Это мой папа.

Мальчик недоверчиво покачал головой.

Отдав конюхам лошадей, Звонарев и Варя направились в дом. Вася неожиданно заупрямился и не захотел идти с ними.

— Боюсь я! Генералы — они сердитые.

— Мой папа совсем не сердитый, не упрямься,— уговаривала мальчика Варя.

Вася стоял в нерешительности.

— Иди без разговоров,— рассердилась Варя и повела мальчика за руку.

— Мама, посмотри, какого я тебе привела внука,— весело закричала она из передней.

— Чего еще придумала? — отозвалась Мария Фоминична, выходя в переднюю.— Где ты подобрала этого хлопчика?

Варя рассказала.

— Видать, плохо кормленный, такой худой и совсем раздет. Накорми его, а я поищу для него что-нибудь из одежды. Смотри только не воруй, а то выгоню,— пригрозила Белая.

Вася густо покраснел и что-то пробормотал себе под нос.

— Не обижай его, мама! Он хороший, честный, только бедный мальчик. Не правда ли, Вася? — ласково погладила Варя его по голове.— Сначала я его выкупаю.— И Варя поспешила увести его в ванную.

Звонарев тоже умылся, а затем направился с докладом в кабинет к генералу. Белый внимательно его выслушал.

— Я попрошу вас нанести линию расположения отряда Романовского мне на карту. Что касается его соображений о значении занимаемого им участка, то нам это хорошо известно.

Вскоре Мария Фоминична пригласила их к ужину. Проголодавшийся за день прапорщик отдал должное всему, что находилось на столе. Только к концу ужина появилась Варя.

— Вымыла я Васю зеленым мылом с головы до пят, обстригла его лохмы, накормила до отвала и уложила спать,— тараторила она.— Велела себя называть тетей Варей. Он будет у меня на побегушках здесь и в госпитале.

— Ты прежде всего присмотрись, что он за ребенок,— охладила пыл дочери Мария Фоминична.

— Что же вы не похвастаетесь полученным от Сахарова подарком? — спросил Звонарев.

— Я совсем забыла! — спохватилась Варя и выбежала из комнаты.

Через некоторое время она появилась в кимоно, с брошкой на груди.

— Не правда ли, мамочка, оно прехорошенькое, совсем как из паутинки, и очень мне к лицу! Бабочка словно живая.

— Почему, собственно, Сахарову вздумалось делать тебе такие подарки? — недоумевала Мария Фоминична.

— Он говорил, что не знает, куда девать это кимоно.

Брошку же я получила от Сергея Владимировича, а он от Сахарова.

— Сахаров большой умница и хитрец, никогда ничего зря не делает. Очевидно, вы ему зачем-то нужны. Наверное, он скоро что-либо попросит у вас,— предупредил Белый.

— Я напишу ему письмо с благодарностью,— добавила Мария Фоминична.

Прапорщик начал прощаться.

— Куда вы? Неужели отправитесь на ночь глядя пешком к себе на батарею? — заволновалась Варя.— Мама, а почему бы Сергею Владимировичу не переночевать у нас, хотя бы в папином кабинете?

— И в самом деле! Оставайтесь-ка, молодой человек, утром мы вместе с вами побываем у Кондратенко и окончательно решим, что нам делать на участке отряда Романовского,— решил Белый.

— Вот и отлично! — захлопала в ладоши Варя.

— Вы с Варей совсем на дружеской ноге,— улыбнулась Мария Фоминична.

— Она все время так самоотверженно заботится обо мне. Я глубоко благодарен ей за это и весьма ценю ее дружбу,— ответил Звонарев, невольно краснея под внимательным взглядом Марии Фоминичны.

Через полчаса прапорщик уже лежал в чистой постели, на мягком кожаном диване.

Перед сном Мария Фоминична зашла в комнату дочерей. Катя уже лежала под одеялом, а Варя нетерпеливыми рывками расчесывала на ночь свои длинные волосы.

— С каким бы я удовольствием обрезала эти противные косы. С ними одна только морока,— сердилась она.

— Коса — девичья краса,— заметила Мария Фоминична.— Да не торопись ты так.

— На что мне нужна эта краса?

— Не тебе нужна, а людям, твоему будущему мужу.

— Я замуж не пойду!

Катя громко расхохоталась.

— То-то ты с Звонарева глаз не сводишь и готова с ним скакать верхом хоть на край света.

— Слушай, Варя,— серьезно проговорила Мария Фоминична,— сегодня у меня была Вера Алексеевна и сватала тебя за князя Гантимурова.

— Ты же, мама, сама говоришь, что мне еще рано думать о замужестве.

— Верно! Но люди, видно, считают, что ты уже заневестилась, и засылают сватов.

— Надеюсь, ты ее выпроводила не солоно хлебавши?

— Обещала поговорить с тобой. Теперь ведь вы, молодежь, сами все решаете, старших не спрашиваете,— вздохнула Мария Фоминична.

— А как ты самокруткой шла за папу? Небось тоже не спрашивала разрешения у деда с бабкой? — возразила Варя.

— Не тебе судить твоих родителей, дерзкая девчонка! — вспыхнула мать.— Не о нас речь, а о тебе.

— Давай, мама, условимся, что ты всех женихов будешь отваживать. Я, мамочка, свой выбор уже сделала и менять его не собираюсь!

Мария Фоминична с удивлением посмотрела на посерьезневшее лицо дочери.

— Но если он тебя не выберет? — спросила она.

— Выберет! Как он посмеет не выбрать! — упрямо проговорила Варя.

— Я буду только рада этому, он юноша хороший. Ну, спите, детки.— И Мария Фоминична вышла.

Когда Звонарев проснулся и торопливо оделся, генерал уже ушел в Управление.

— Почему меня не разбудили? — спросил прапорщик у Вари, которая встретила его у входа в столовую.

— Воспитанные люди прежде всего здороваются — это раз. Во-вторых, папа сам не велел вас будить, чтобы вы хоть немного отдохнули после длительного пребывания на позициях. А в-третьих — садитесь пить чай,— скомандовала девушка.

В столовой сидели Мария Фоминична, Катя и Вася. Последний был наголо острижен и сиял от восторга, глядя на свои новые брюки и рубаху. Его круглое, в веснушках, лицо со вздернутым носом и живыми глазами было преисполнено сознания собственного достоинства.

Когда прапорщик занял свое место за столом, мальчик дружески ему улыбнулся, как старому знакомому.

— Вы не настоящий офицер,— неожиданно проговорил он.

— Это почему?

— У вас на груди птица,— показал Вася на золотого орла — значок технологического института,— значит, вы инженер, а не офицер.

После чая Звонарев и Варя с Васей отправились в Новый город.

— Вы проводите меня в госпиталь, по дороге мы зайдем к Сахарову,— распорядилась Варя.

День выдался пасмурный, прохладный, бомбардиров-

ки не было, с позиций чуть доносилась ружейная и артиллерийская стрельба. У артиллерийской пристани покачивалась одинокая ярко раскрашенная лодка. На носу с обеих сторон красовались два рыбьих глаза, а вдоль извивался желто-розовый дракон со страшно выпученными глазами. Китаец-лодочник грелся на солнце.

— Эй, вставай, ехать будем! — подбежал к нему Вася.

Китаец вскочил.

Варя с Васей сели на переднюю банку. Звонарев поместился сзади. Китаец оттолкнулся от берега и, ловко вращая весло, заставил лодку быстро двигаться вперед. Вася не спускал с него восхищенных глаз.

— Вот здорово-то! Я хотел было тоже научиться юлаюла, но у меня ничего не вышло,— проговорил он.— Я вчерась совсем собрался в Двадцать пятый полк. Есть там такая переодетая солдатом тетя Харитина, она бы пристроила у себя, а тут вы наехали.

— Мы знаем Харитину. Этот дядя находится на позициях рядом с ней. Он и расскажет ей про тебя все.

— Я сам с ним поеду.

— Я тебя туда не пущу.

Вася призадумался. Ему и хотелось побывать на самых позициях, где идет «настоящая война», но он боялся рассердить «тетю Варю».

Сахаров с трудом поднялся с дивана им навстречу.

— Я принесла лекарство, но вид у вас совершенно больной, вам надо немедленно же лечь в госпиталь,— сразу определила Варя.— Хотите, я сейчас это устрою?

— Говорят, в Красном Кресте благоустроеннее, чем у вас в Сводном госпитале? Лучше уход, питание и даже врачи...

— Просто они богаче нас, и у них все есть. Я могу сбегать и туда.

— Не смею вас беспокоить. Да, вас, кажется, можно поздравить? Сейчас заходил Гантимуров и сообщил, что сама Вера Алексеевна решила вас сосватать.

Звонарев удивленно посмотрел на Варю.

— Она вчера была у нас и говорила с мамой. Я решительно отказалась. Гантимуров внушает мне отвращение.

— Между нами говоря, я разделяю вашу антипатию к князю, да, кроме того, есть и другие обстоятельства, в силу которых я только приветствую ваше решение.

— Не секрет, какие именно?
— Именно секрет.
— Тогда прошу извинения. Мы отправимся устраивать вас в Мариинскую больницу Красного Креста.
— Хочу воспользоваться вашим присутствием и послать вашему батюшке короткую деловую записку.— Сахаров присел к столу.— Вот и все,— протянул он Варе маленький конверт.
— Быть может, Сергей Владимирович побудет со мной, пока вы будете в отсутствии? — попросил Сахаров.
— С величайшим удовольствием,— отозвался прапорщик.
Варя в сопровождении Васи ушла.
— Я не знаю, каков характер отношений между вами и мадемуазель Белой, но несомненно, что вы очень с ней дружны.
— Не больше.
— Пусть так. Я хотел вас предупредить, что у Гантимурова наследственный сифилис. Он пытался и еще будет пытаться стать ее женихом. Как друг, вы должны обо всем предупредить Варю.
— Мне не совсем это удобно, я лучше передам это самому генералу.
— Я ему написал, но на всякий случай ставлю и вас в известность. Князь зарится на приданое мадемуазель Белой.
— Разве она так богата?
— Кое-что имеется. А князь вообще непорядочная личность. Многое я мог бы вам порассказать, да, к сожалению, вы редчайший гость у меня. Надеюсь, вы не забудете меня в госпитале?
— Постараюсь посещать вас возможно чаще, как только мне позволят обстоятельства. Варя же, конечно, будет вас навещать каждый день.
Раздался стук в дверь, и вскоре появился Фок. Сахаров болезненно скривился.
— Ужасно голова болит. Прошу, ваше превосходительство, извинить, что я не вышел вам навстречу,— приподнялся с дивана капитан.
— Сидите, сидите, Василий Васильевич. Вам нужен полный покой,— успокоил его Фок.
— Собираюсь ложиться в госпиталь Красного Креста...
— И правильно сделаете! Я за последнее время довольно хорошо познакомился под вашим руководством

с ведением дел Тифонтая и, если понадобится, могу временно заменить вас, приглядывая за служащими. Глаз у меня на жуликов и прохвостов острый. Недаром в жандармах служил!

— Буду благодарен. Этим вы мне окажете неоценимую услугу.

— Все на этом свете имеет свою цену в золоте — и жизнь, и честь, и совесть; все продажно, дорогой Василий Васильевич. Весь вопрос только в том, сколько что стоит.

Возвращение Вари прервало разговор.

— Через час вас будут ждать в Мариинской больнице. Пока устроитесь в палате на двоих, а затем перейдете в одиночку. Я буду заходить к вам каждый день, а если понадобится, то и подежурю у вас.

— Не знаю, как мне вас и отблагодарить, милая барышня. Останусь вашим должником до самой своей смерти!

Варя и Звонарев откланялись.

Оставшись вдвоем с Сахаровым, Фок сразу изменил тон.

— Поскольку вы ложитесь в больницу, необходимо, чтобы все ваши связи перешли ко мне.

— Короче, вы хотите меня отстранить под благовидным предлогом? — едко усмехнулся Сахаров.— Так знайте же — если вы мне напортите в Артуре, то я в международной прессе раскрою вашу роль.

— Дорогой Василий Васильевич, да как у вас язык повернулся произнести такие слова! Я, быть может, и прохвост, но, во всяком случае, не дурак. Нет, милый друг, вы определенно больны, тяжело больны! Ложитесь в госпиталь, поскорее выздоравливайте, и мы еще много поработаем с вами вкупе и влюбе на общую пользу,— обнял Фок Сахарова за плечи.

Капитан исподлобья недоверчиво смотрел на своего собеседника, стараясь разгадать, где кончается комедия и начинаются настоящие дружеские чувства к нему.

— Я хотел бы вам верить, ваше превосходительство,— наконец глухо произнес он.

— Дурак, дорогуша, тот, кто кому-нибудь или чему-нибудь верит. Оставьте веру богомольным старушкам. Мы же, реально мыслящие люди, должны знать, а не верить,— с ударением на слове «знать» ответил Фок.— А теперь собирайтесь в путь-дорогу,— уже деловито проговорил он.

Сахаров, держась рукой за голову, подошел к секретному шкафу и вынул оттуда пачку бумаг.

— Здесь вы найдете все, что вас интересует по части моих связей.

Фок небрежно взглянул на них и, сложив вдвое, спрятал в нагрудный карман своего сюртука. Лицо его попрежнему было невозмутимо и непроницаемо.

— Мне удалось уговорить Веру Алексеевну взяться за сватовство этого шалопая Гантимурова к дочери Белого. Теперь, надо думать, что векселя обретут реальную ценность. Сейчас я посмотрел на эту девчонку, и, ей-богу, мне жалко стало, что она достанется такому мерзавцу, как наш князь.

«Не достанется!» — подумал Сахаров и велел денщику подать экипаж.

Вечером того же дня Фок с очками на носу сидел за письменным столом и с чисто немецкой педантичностью изучал толстые гроссбухи дел тифонтаевских предприятий. Вошедший денщик доложил о приходе Гантимурова.

— Я потерпел неудачу у мадемуазель Белой. Сейчас Вера Алексеевна передала мне от ее имени решительный отказ,— не здороваясь, проговорил князь.

— Кто же помешал вам? Неужели этот румянощекий прапор?..

— Нет, это мерзавец Сахаров. Он сообщил Белым, что я болен наследственным сифилисом.

— Вы это знаете наверняка?

— Он и раньше грозил мне сообщить обо всем Белому.

Князь встал и нервно зашагал по комнате.

— Я готов задушить этого подлеца своими руками!

— За то, что он спас порядочную девушку от опасности заболеть неизлечимой болезнью? Картина, достойная богов!

— Я решил его убить, он от меня не уйдет!

— С моей стороны возражений не встречается. Скажу больше: если вы не ликвидируете Сахарова любым способом, то я передам вас в руки военно-полевого суда по обвинению в государственной измене,— резко проговорил Фок.— Я вас больше не задерживаю, поручик князь Гантимуров,— уже с обычной холодной насмешкой закончил генерал.

Побледневший князь вытянулся, щелкнул шпорами и, не прощаясь, вышел из кабинета.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С возвращением Жуковского на батарею литеры Б Звонарев после почти двухнедельного отсутствия вновь переселился на Залитерную, чему Борейко очень обрадовался.

— Соскучился я по тебе, дружище,— гудел он.— Я тут много о чем передумал с солдатами. Нам нужно начать подкопы под японские траншеи и взрывать их на воздух. Они теперь близко подошли к форту, и надо начинать подземную войну.

— Поезжай в штаб Кондратенко и изложи ему на словах свой план. Он ведь очень ценит и поощряет всякую инициативу, особенно младших офицеров и солдат.

Поручик отрицательно покачал головой.

— Ругать начальство я умею, но разговаривать с ним совсем не горазд. Возьмись-ка ты сам за это дело, Сережа. Ты ведь свой человек во всех штабах и у всех генералов и их дочерей. Кстати, как поживает твоя девавоительница?

— Обзавелась мальчиком... Подобрала бездомного ребенка-сироту и как бы усыновила его.

— Его усыновила, тебя «умужила»... Так к концу войны у нее на руках окажется целое семейство! — шутил поручик.

Приход писаря Пахомова с целым ворохом бумаг нарушил этот разговор.

— Здорово, Пафнутьич! Как воруется со штабс-капитаном на Утесе! — приветствовал его Борейко.

— Здравия желаю! Воровством мы не занимаемся.

— Свежо предание, а верится с трудом! Чем порадуешь?

— Огорчить вас должен. Приказано все продовольственные излишки сдать интендантству.

— У нас их и нет.

— Штабс-капитан сообщили, что имеются.

— Пусть у него и берут, коль у него есть, а в роте нет.

— Завтра для приемки приедут на Утес интендантские чиновники.

— Иван! Покличь ко мне Родионова и Зайца! — приказал Борейко денщику.

В блиндаж вошли Родионов и Заяц.

— Честь имеем явиться, вашброды! — вытянулись солдаты.

— Отберешь сейчас, Тимофеич, десять человек с винтовками и боевыми патронами. Пойдете со мной на Утес,— объявил поручик.

— Что ты задумал, Борис? — с беспокойством спросил Звонарев.

— Пойду выручать наши запасы. Добром не отдадут — силой возьму.

— Ты с ума сошел. Позвони хоть Жуковскому и поговори с ним.

— Теперь на Утесе он не хозяин, а каков будет разговор с Андреевым, узнаю на месте.

Через минуту отряд маршировал за поручиком.

С наступлением темноты к батарее подъехали три подводы с провиантом под охраной вооруженных артиллеристов.

— Живо разгружай и сейчас же назад, пока интенданты не явились! — громко скомандовал Родионов.— Поручик там ждут.

Прапорщик спросил, что произошло на Утесе.

— И смех и грех, вашбродие! Поручик приказал нам открыть погреб и продукты нагрузить на подводы. Штабс-капитан выскочили, кричат солдатам, грозят судом и расстрелом, а поручик от них только отмахиваются. Пришел новый командир, бородатый такой, давай тоже кричать. Но нашего поручика разве перекричишь? Слабосильные, как сообразили, что мы провиант хотим забрать,— на нас с костылями да клюками, чуть было не смяли. Пока крик шел, мы подводы и нагрузили.

Вскоре появился сам Борейко.

— Знаешь дорогу к батарее литеры А? — спросил он у Звонарева.— По пути там есть незаконченные блиндажи. В них я и устрою на сегодняшнюю ночь временный продовольственный склад, а то с минуты на минуту может нагрянуть погоня за продуктами. Вали, Сережа, а я буду гостей встречать.

Через минуту Звонарев отправился с гружеными подводами в указанное Борейко место.

Не успел прапорщик добраться, как началась довольно сильная ружейная перестрелка. Молчавшие сначала крепостные батареи одна за другой открыли огонь. Вскоре загрохотал весь Восточный фронт. Батареи литеры Б и Залитерная тоже полыхали огнями выстрелов. Взволнованные артиллеристы торопились с выгрузкой подвод.

Оставив около склада караул из трех человек, прапорщик поспешил обратно на Залитерную. Он нашел Борейко в блиндаже. Тот протянул ему для подписи акт. В нем значилось, что при подъезде к Залитерной снарядами были разбиты три подводы с продовольствием и убита одна лошадь.

— Около перевязочного пункта действительно разбило одну повозку и убило лошадь. Мы сейчас все перетащим сюда, и дело будет в шляпе,— весело говорил Борейко.— Подпишет и Николай Васильевич, а Чиж с интендантами останутся в дураках.

Утром на батарею приехали Белый и Кондратенко. Борейко чистосердечно все рассказал Белому. Генерал посмеялся и тут же утвердил представленный ему акт.

— Оставшиеся на Утесе продукты все же придется поделить с интендантством,— предупредил он.— Вы и так успели захватить хорошую их часть.

Поручику ничего не оставалось, как согласиться с этим предложением.

Пока Белый разговаривал с Борейко, Кондратенко отозвал в сторону Звонарева.

— Сергей Владимирович, я опять имею на вас некоторые виды. Сейчас начнется новый этап борьбы за Артур — война под землей, в минных галереях. Не хотите ли вы принять в ней участие?

— Но я в этом деле полный профан!

— Научитесь. Я думаю сначала вас направить в распоряжение Сергея Александровича Рашевского. Вы будете у него помощником. В его ведении участок обороны от батареи литеры Б до третьего укрепления. Работа сосредоточится на втором и третьем фортах. Дело, конечно, опасное, но интересное.

Узнав о сделанном Звонареву предложении, Белый запротестовал:

— Он мне нужен в Управлении. У меня всего два инженера — он и Гобято. Того взяли моряки для своей секретной работы, этого хотите забрать вы...

— При первой же надобности, Василий Федорович, обязуюсь вернуть его вам в целости и сохранности,— уверял Кондратенко.

— Этого вы никак гарантировать не можете, коль скоро направляете его в самые опасные места.

— Бог не без милости, будем надеяться на лучшее. Завтра или послезавтра и приступите к своим новым обязанностям,— предупредил Кондратенко Звонарева.

Борейко тоже был крайне недоволен новым назначением своего друга.

— Мелькнешь на батарее искрой малой и опять исчезаешь! — бурчал он.— Нет чтобы на месте посидеть, как порядочному человеку.

Прослышав о новом назначении Звонарева, Блохин не замедлил тотчас явиться в офицерский блиндаж.

— Зачем пожаловал? — спросил Борейко.

— Разрешите мне, вашбродь, с прапорщиком идти японца из-под земли взрывать.

— А я с кем останусь?

— Мало ли еще у нас народу!

— Блоха-то у меня одна...

— Другую можно завести, много их вокруг прыгает.

— Когда найду — тогда и отпущу.

Солдат вздохнул и вышел.

Через минуту явился с тем же Родионов.

— Я, вашбродь, шахтер и привык копаться под землей.

— Чем тебе здесь не житье?

— Скушно больно! Когда-нибудь выпустит батарея десяток снарядов и опять на неделю замолчит.

— Мне и самому невесело. Но, верно, японец нас скоро порадует — на штурм пойдет. А коль скучно — Харитиной займись, баба стоящая!

— Я, вашбродь, женат. А на Харитину наш сказочник виды имеет.

— Я тебя, Тимофеич, никуда не отпущу, ты моя правая рука на батарее.

Затем появился Юркин.

— Ты-то что в минном деле понимаешь?! — накинулся на него Борейко.

— Рвут их электрическим проводом, а я как телефонист умею провод прокладывать и к батарее его присоединять,— бойко ответил солдат.

— Черт с тобой! Иди, если прапорщик возьмет.

Уже под вечер осторожно постучал в дверь Ярцев и сконфуженно попросил Звонарева взять его с собой на минные работы.

— А Харитина как же? — спросил Борейко.

Солдат сильно покраснел.

— Они на меня и смотреть не хотят, это только солдаты с зависти сплетки плетут, а я тут совсем ни при чем.

— Спрошу у Харитины, так ли это.

— Верно слово — ни при чем, только ей не говорите ничего, серчать на меня будет.

— А ты и струсил? С японцами под землей воевать хочешь, а бабы испугался! Пока не поженитесь — не отпущу,— решил поручик.

— Можно? — раздался за дверью женский голос.

Борейко подскочил, как на пружинах, и, быстро застегнув китель, окинул взглядом, все ли в порядке в блиндаже.

— Кто это? — спросил Звонарев.

— Они...— неопределенно бросил Борейко и шагнул к двери.— Милости прошу!

На пороге появилась Оля Селенина, а за ней Леля, Варя, Стах. Шествие замыкал Вася с судками в руках.

— Не ожидали такого нашествия? — проговорила Оля, здороваясь с мгновенно просиявшим Борейко.— Решили вас навестить всей компанией.

— Очень рады, пожалуйте...

— Это Варя подбила нас на прогулку сюда.

— Совсем нет! Стаху надо было побывать в окопах на батарее литеры Б, мы и решили его проводить до Залитерной,— запротестовала девушка.

— ...благо здесь находится Сережа Звонарев,— тотчас поддел Борейко.— А это еще что за хлопчик? — заметил он Васю.

— Варин сын,— ответила Оля.

— Да ну! Я и не знал, что у амазонок родятся сразу такие большие ребята.

— Не пытайтесь быть глупей, чем вы есть,— нахмурилась Варя.

— Как тебя звать, герой? — спросил поручик.

— Вася.

— Так, значит, это тебя недавно подобрали на дороге? Какой ты худой да хилый! Кормить его надо побольше!

Мальчик, поставив судки на стол, спрятался за Варей и с недоверием смотрел на огромного поручика.

— Пойдемте во двор, а то тут очень тесно,— предложила Леля.

— Вы хорошо знакомы со стрелковыми окопами впереди батареи литеры Б? — спросил у Звонарева Стах.— Я назначен начальником этого участка обороны вместо Шметилло.

— А он куда переводится?

— Пока на отдых, в резерв, а затем — где понадобится, туда и назначат. Вы часто заглядываете в стрелковые окопы?

Звонарев рассказал о положении на батарее и сообщил о своем новом назначении.

Борейко повел гостей по батарее. Варя здоровалась с знакомыми солдатами.

— Ты здесь совсем своя,— удивилась Оля.

— Они вместе с нами были под Цзинджоу и во время августовских штурмов,— отозвался Родионов.— Всех наших раненых перевязывали.

— И водочкой угощали,— подошел Блохин.— Давно я ее что-то не пробовал.

— Разве поручик тебя не угощал?

— Да они сами ее пить перестали,— сокрушенно вздохнул солдат.— Когда-никогда стаканчик пропустят.

— Так, значит, все же пьет? — настаивала учительница.

— Какое уж это питье! То ли дело раньше!

— Пропал теперь Медведь,— шепнула Звонареву на ухо Варя.— Будет ему от Оли. Он ее все уверяет, что бросил совершенно пить.

Вася все время вертелся около пушек, с большим любопытством разглядывая их.

Он залез было на лафет, но его оттуда прогнали, затем нырнул в блиндаж.

— Куда, пострел! — набросился на него Блохин.— Еще стыришь что-нибудь!

Обиженный мальчик вернулся к взрослым.

Со стороны кухни показались Шура и Харитина с узелками в руках.

— Здравствуй, Шура! — окликнула подругу Варя.

Девушка сконфуженно сунула узел Харитине и направилась к учительницам.

— Да это, никак, Васятка Зуев! — удивилась Харитина, увидев мальчика.— Что ты тут делаешь? Поди, батька тебя по всему городу ищет!

— Тятьки-то уж нет — убило его,— проговорил Вася и громко всхлипнул.

— Да что ты! Когда же это случилось? — начала расспрашивать мальчика Харитина.

Утирая глаза кулаками, Вася поведал ей свою грустную историю.

— Бедная ты моя сиротинушка! — гладила его по голове молодая женщина.— Кто-то теперь о тебе позаботится!

Забыв о своем солдатском положении, Харитина совсем по-бабьи причитала над ребенком. Варя подошла к ней.

— Я взяла его к себе и пока устроила при Сводном госпитале,— пояснила она.

— Только вы, сестрица, не обижайте его, сироту,— просила Харитина.— Молодая вы, под горячую руку и прибить можете, а у него ни отца ни матери... Отдали бы вы его мне, барышня?

— Так вы же на позиции, в окопах,— там ребенку совсем не место.

— Жил бы здесь, на Залитерной, я к нему приходила бы.

— Поручик Борейко не позволит этого, да в госпитале и безопаснее.

— Там от больных смердит. Как нанюхаешься, так и есть не хочется,— неожиданно запротестовал Вася.

— Привыкнешь.

Учительницы, Борейко и Стах издали наблюдали за этой сценой.

— Смени, Харитина, брюки на юбку,— посоветовал Борейко.— Окрутил бы я тебя с кем-нибудь из своих добрых молодцев, да поселилась бы на кухне вместе с хлопчиком. И все было бы в порядке.

— Я никому не отдам Васю,— запротестовала Варя.

— Он не вещь, чтобы его отдавать или не отдавать,— вмешалась Оля.— Где тебе, мальчик, больше нравится?

Вася посмотрел на ласковое лицо Харитины, суровое — Вари, на учительницу, Борейко и Звонарева и развел руками, не зная, что ответить.

— Раз не нравится у меня, тогда иди к Харитине,— решила за него Варя.

Вася испуганно взглянул на нее. У него еще свежи были воспоминания о том, что для него сделала Варя, а главной приманкой в будущем являлась велосипедная команда, куда его обещала устроить девушка. С другой стороны, ласковая Харитина была ближе и роднее ему. Ребенок тихо и печально подошел к Варе.

— Пока тетя Харитина ходят в солдатах, я хочу быть у вас,— почти шепотом проговорил он.— Только чтобы я ездил на лисопете.

— Мал, мал, а хитрости у тебя, хлопчик, больше, чем у взрослого! — усмехнулся Борейко.

— Я хочу пройти сейчас к Шметилло. Вы не проводите меня? — обернулся к Звонареву Стах.

— С удовольствием, с нами, верно, пойдет и Харитина.

— Сей секунд, вашбродь, только белье захвачу,— по-солдатски ответила Харитина.

— Мы вас подождем здесь,— предупредила Стаха Леля.— Только вы долго не задерживайтесь.

Офицеры и Харитина вышли.

Солнце уже скрывалось за сопками, в долинах стоял вечерний туман. С фронта доносились редкие ружейные выстрелы, чередующиеся с короткими пулеметными очередями.

Вскоре им повстречался бывший фельдфебель охотничьей команды Денисов. Завидев поручика, он вытянулся во фронт и громко ответил на приветствие. Радости фельдфебеля не было предела, когда он узнал о назначении Стаха.

— Вашбродь, Евстахий Казимирович, позвольте, я сейчас всех наших позову.— И Денисов опрометью бросился вперед.

Через минуту десятка два радостно возбужденных стрелков ринулись навстречу поручику, заполнив весь окоп.

— Здорово, молодцы! — приветствовал их поручик.

Солдаты в ответ рявкнули так оглушительно, что перепуганные японцы не замедлили дать несколько ружейных залпов.

— Японцы тоже вас приветствуют, Евстахий Казимирович, по случаю прибытия на передовые позиции,— усмехнулся Звонарев.

— На днях мы заведем с ними более близкое знакомство,— ответил Стах и начал расспрашивать своих солдат о позиции, питании, потерях.

Появился Шметилло и неторопливо зашагал к солдатам.

— Что за шум, почему беспорядок? — крикнул он издали.

— Все в полном порядке, Игнатий Брониславович. Я беседую с вашими молодцами,— ответил Енджеевский, здороваясь с капитаном.— Завтра прибуду к вам на смену со своими охотниками.

— Наконец-то нас оттягивают в тыл! Уже больше месяца, как мы тут кормим вшей. Рады будете отдохнуть? — обернулся Шметилло к солдатам.

Те замялись и не отвечали.

— Аль не рады? — удивился капитан.

— Дозвольте нам, ваше высокоблагородие, остаться с поручиком Енджеевским,— выступил за всех Денисов.

— То есть как это остаться? Всем перевестись в охотничью команду?

— Тем, которые прежде служили у поручика в команде, и еще человек с десяток. С мирного времени мы с Евстахием Казимировичем вместе. И под Цзинджовой бы-

ли, и на перевалах... Сжились, можно сказать, вместях.

— Я без командира полка этого разрешить не могу. Шутка ли, сразу сорок лучших моих стрелков уйдут в охотники. Да и обидно мне это слышать. Кажется, вам у меня жилось не плохо.

— Так точно, вашескородь, вы о нас заботу имели,— ответили стрелки.

— В чем же тогда дело?

— Поручика-то мы до вас еще знали, и они всех нас знают,— сбивчиво пояснили солдаты.

— Как хотите! — махнул рукой все еще обиженный Шметилло.— Околдовали вы их совсем, Евстахий Казимирович.

— А мне к вам, вашбродь, можно? — чуть слышно спросила протолкавшаяся к Стаху Харитина.

— Подойдет она к нам, ребята? — спросил у солдат Енджеевский.

— Так точно, подойдет. Бой-баба, другого стрелка за пояс заткнет! — послышались ответы.

— Можете остаться,— решил Енджеевский.

— А Залитерная как же? — спросил Звонарев.

— Я до вас буду в гости ходить,— улыбнулась Харитина.

— Мы вам уж и жениха подобрали,— продолжал Звонарев,— и про Васю, значит, забыли?

Харитина глубоко вздохнула и призадумалась. Ей не хотелось расставаться со стрелками, с которыми она успела сжиться, не хотелось оставлять привлекавшую ее своей опасностью жизнь разведчика, тянуло и к полюбившемуся ей ребенку.

— Подумаю я до завтра,— решила она наконец.

— Хорошо. Значит, артиллеристы и впрямь вам пришлись по сердцу,— улыбнулся Стах.

— Мальчонку-сироту жалко,— ответила Харитина и отошла.

Заглянув ненадолго в блиндаж к Шметилло, Енджеевский и Звонарев направились обратно. Они подошли к батарее во время вечерней переклички. Родионов при свете фонаря по списку выкликал фамилии солдат, построенных за орудиями. Несколько поодаль, около костра, стоял Борейко и рассматривал какие-то бумаги. Гости пили чай за небольшим столом у блиндажа. Уткнувшись головой в Варины колени, дремал Вася.

По окончании переклички Родионов подошел с рапортом к Борейко.

 — На вечерней перекличке люди налицо оказались

все, и за день никаких происшествий не случилось. Прикажете петь молитву?

— Подожди. Сейчас прочту приказ начальника сухопутной обороны генерала Кондратенко.— Борейко зашагал к солдатам.— Дай-ка сюда фонарь.

Заинтересованные Звонарев и Енджеевский последовали за ним. Варя не утерпела и, переложив голову мальчика на колени Лели, тоже подошла.

Прокашлявшись, поручик громким, протодьяконским голосом начал:

Приказ № 36
по войскам сухопутной обороны
крепости Порт-Артур.
25 сентября 1904 года

Прошу всех господ офицеров разъяснить нижним чинам, что упорная оборона крепости, не щадя своей жизни, вызывается не только долгом присяги, но весьма важным значением Порт-Артура, как необходимого для России порта на Дальнем Востоке. Упорная оборона до последней капли крови, без всякой даже мысли о возможности сдачи в плен, вызывается сверх того еще тем, что японцы, предпочитая сами смерть пленению, без всякого сомнения произведут в случае успеха общее истребление. Вследствие весьма важного значения Порт-Артура не только государь, но и вся наша великая родина с напряженным вниманием следит за ходом обороны, весь мир заинтересован ею. Приложим же все наши силы и нашу жизнь, чтобы оправдать доверие царя, матушки России и достойно поддержать славу русского оружия на Дальнем Востоке.

Приказ прочесть во всех ротах, батареях, сотнях и командах.

Подлинный подписал начальник сухопутной обороны Порт-Артура

Генерал-майор Кондратенко

— Все поняли? — спросил Борейко, закончив чтение.

— Так точно, поняли,— оборонять, значит, Порт-Артур, как самую Россию,— хором отозвались солдаты.

— На молитву! Шапки долой! Запевай, Белоногов,— распорядился Борейко.

За столом остались Варя и Звонарев. Девушка оперлась на стол и внимательно смотрела на прапорщика.

— Так зачем вы пошли в минеры? Хотите прослыть героем?

— Еще под Цзинджоу вы установили, что у меня

заячья душа и, конечно, не замедлили об этом оповестить всех своих друзей и знакомых.

— Не дразните меня! Будете голодать, тогда обо мне вспомните.— И Варя вышла из-за стола. Звонарев, посмеиваясь, последовал за ней.

Невдалеке стояли, обнявшись, обе учительницы и Шура Назаренко с Васей. Борейко усиленно размахивал руками, дирижируя импровизированным хором.

— Прекрасно! — одобрил Стах, когда хор смолк.— Кто лучше — хор или регент,— сказать трудно.

— А как вы находите, Ольга Семеновна? — спросил поручик.

— Ничего. Но наши ребятишки в школе поют не хуже,— с напускным спокойствием ответила девушка.

— Вашбродь, пехоцкий капитан просют обстрелять цель номер шесть,— неожиданно вырос перед Борейко дежурный телефонист.

— К орудиям! — рявкнул поручик.

Артиллеристы со всех ног бросились к своим пушкам.

— Батарея, залпом! — скомандовал Борейко.

— Первый взвод готов!

— Второй готов!

— Пли!

Четыре огненных смерча осветили на короткое мгновение солдат, прижавшихся к брустверу, стоящих поодаль оглушенных учительниц и испуганно кинувшегося бежать от батареи Васю. Не успели пушки стать на место, как поручик вновь скомандовал, раздался залп, затем еще и еще.

— Пехоцкие благодарят и просют прекратить стрельбу,— доложил телефонист.

— Отбой! Пробанить орудия, а затем продолжим пение.

Солдаты бросились чистить пушки.

Учительницы стали прощаться.

— Спасибо вам, солдатики, за прекрасные песни,— обратилась к артиллеристам Оля.— Давно мы так хорошо не проводили время, как сегодня.

— Заходите еще к нам, барышня,— за всех ответил Родионов.

— Обязательно придем, до свидания,— проговорила Оля.

Не успел Звонарев проснуться, как в блиндаж вошел, поеживаясь от утренней свежести, инженер-подполковник Сергей Александрович Рашевский.

— Приношу свои извинения, Сергей Владимирович, что побеспокоил вас в столь раннюю пору,— чуть заметно картавя, проговорил он, поглаживая свою густую черную бороду,— пожалуйста, продолжайте лежать. Я заехал к вам на минутку, чтобы условиться о времени и месте встречи с вами.

— В любое время и в любом месте, господин подполковник,— ответил Звонарев.

— Для вас я — Сергей Александрович, с этого начнем. Вы человек штатский, и стеснять вас официальным титулованием не хочу. Роман Исидорович вчера очень обрадовал меня, сообщив о вашем назначении. Хотя мы раньше встречались не очень часто, но о вас у меня сложилось вполне определенное хорошее мнение как о человеке и инженере.

— Весьма благодарен за столь лестную для меня оценку и постараюсь ее по возможности оправдать.

— Я в этом не сомневаюсь. Теперь о деле. В одиннадцать часов дня я попрошу вас быть в штабе Восточного фронта обороны, у Скалистого кряжа. Там мы вместе с генералом Надеиным и комендантами фортов обсудим план минных работ. Засим позвольте откланяться. Еще раз прошу извинения за причиненное беспокойство.— И Рашевский, чуть согнувшись в двери, вышел из блиндажа.

Вскоре ввалился Борейко, дежуривший ночью на командирском наблюдательном пункте. Он продрог и теперь стремился поскорее согреться.

— Ива-а-ан! — крикнул он денщика.

По интонации голоса денщик решил, что поручику требуется водка. Наполнив ею до краев стакан и отрезав большой кусок черного хлеба, он явился на зов поручика.

Борейко потянул носом запах водки и отвернулся.

— Убери и больше никогда не приноси!

Иван оторопело посмотрел на офицера.

— Да как же это, Борис Дмитриевич, можно! — возмутился солдат.— Всю ночь на дворе мерзли и вдруг не желаете выкушать водки. Этак и простудиться недолго!

— Вон, сатана! — вдруг взревел поручик.

Денщик мгновенно исчез. Звонарев громко хохотал, лежа в постели.

— Здорово же тебя прикрутила Олечка! Видать, и впрямь — любовь не картошка, не выбросишь за окошко!

— Нишкни, Сергей! И без тебя на душе муторно,— взмолился Борейко.

— Выпей уж, Боря, в последний разок! Я не Блохин и ничего не скажу твоей мучительнице.

— Так это он ей сообщил? Иван, позови сейчас же Блохина! Я ему голову с плеч сорву! — грозился поручик.

Вошел Блохин.

— Ты что же... Подводить меня вздумал? Рассказал все обо мне учительнице? — накинулся он на солдата.

— Так я же, Борис Дмитриевич, не знал, что вы к ней приверженность имеете.

— Я те пропишу такую приверженность, что до самой смерти не забудешь! — вскипел офицер.

— И я, уж так и быть, выпью с тобой, Боря. Иван, принеси-ка водки! — вмешался Звонарев.

— Пошел вон, Иван, и если принесешь водку — пришибу на месте! — крикнул Борейко.

— Сходи-ка за ней ты, Блохин!

— Сей секунд, Сергей Владимирович!

— Назад, чертова Блоха! — рявкнул поручик, но солдат уже выскочил из блиндажа.

Через минуту он осторожно вошел, с опаской поглядывая на поручика. Тот, сердито сопя, давился горячим чаем, закусывая черным хлебом.

— Хорошо пахнет водочкой, Боря. Не хочешь ли понюхать?

Борейко только прорычал что-то себе под нос.

— Выпьем, Блохин, за здоровье маленькой учительницы! — предложил Звонарев.

— За нее завсегда выпить можно,— осклабился солдат.

Чуть пригубив стакан, Звонарев отдал его Блохину.

— Покорнейше благодарю,— во весь голос заорал тот и, опрокинув водку в рот, поставил стакан на стол около Борейко.

Поручик в бешенстве сбросил его на пол.

— Марш отсюда, Блоха, иначе сгною под винтовкой!

Солдат мгновенно скрылся за дверью.

— Олечка — хорошенькая девушка, но зачем же стаканы бить, Боря? — ехидничал Звонарев.

— Ива-а-ан, водки! — крикнул вдруг поручик.

— Так-то, Боря, лучше!

Выпив подряд три стакана, Борейко лег и мгновенно заснул.

День выдался серый, туманный. Тяжелые тучи низко нависли над сопками. Временами побрызгивал мелкий холодный дождь. С фронта глухо доносились отдельные ружейные выстрелы. Звонарев поморщился. Перспектива

идти по такой погоде за три версты до штаба Надеина была не из приятных.

На батарее, кроме дневальных в накинутых на плечи брезентовых плащах, никого не было видно. Над блиндажами, в которых помещались солдаты, чуть вились дымки. Внизу около кухни Белоногов рубил дрова. Пара артельных лошадей со спутанными ногами медленно бродила поодаль, пощипывая скудную артурскую траву.

Вдруг слева, со стороны батареи Малого Орлиного Гнезда, один за другим четко прогремели четыре выстрела. Затем открыла огонь Заредутная батарея. Зататакал пулемет, оживилась ружейная перестрелка.

— Родионов! — громко позвал Звонарев.

Из крайнего правого блиндажа показалась рослая фигура фейерверкера.

— Я ухожу в штаб Восточного фронта, поручик спит после ночного дежурства. Зря его не буди,— предупредил Звонарев и зашагал к штабу Надеина. Там он застал Рашевского, комендантов фортов: номер два — капитана Двадцать пятого полка Рязанова, номер три — штабс-капитана Булганова, укрепления номер три — поручика Фролова. Ожидали только прихода Кондратенко, чтобы открыть заседание.

В большом, прочно построенном блиндаже Надеина на стенах были развешаны карты восточного участка обороны и отдельные планы фортов номер два, номер три и укрепления номер три. На последних были нанесены и японские окопы. Звонарев удивился, увидев, как они близко подошли к фортам номер два и номер три. Было очевидно, что развитие постепенной атаки крепости быстро шло вперед.

Появление начальника инженеров крепости полковника Григоренко оторвало прапорщика от созерцания планов и карт. Полковник сообщил, что Кондратенко прислал его вместо себя.

— Гошпода, прошу жанять мешта,— обратился Надеин к присутствующим и сел за стол.

Генерал был в своем допотопном сюртуке с двумя рядами близко поставленных медных пуговиц; его длинная белая борода придавала ему вид библейского святого.

Рядом с Надеиным поместились Григоренко и Рашевский, затем сел начальник штаба западного участка капитан Степанов, за ним, по чинам, заняли места прочие офицеры. Звонарев оказался в самом конце.

— Шеводня мы должны обшудить вопрош о мерах борьбы ш японшким продвижением при помощи шап,—

прошамкал Надеин.— Шергей Алекшандрович, прошу.

Рашевский подошел к карте и в нескольких словах объяснил свой план.

— Японцы подошли к форту номер два настолько близко, что, конечно, в ближайшие дни начнут вести мину под контрэскарпную стенку форта. Бороться с этим мы можем лишь контрминами. К этой работе надо приступить немедленно. К сожалению, у нас очень мало обученных солдат-минеров.

— Разрешите мне сказать, ваше превосходительство? — попросил Звонарев.

Все обернулись в его сторону. Григоренко презрительно сощурился, глядя на прапорщика. Остальные офицеры смотрели скорее удивленно, чем враждебно. Один Рашевский приветливо улыбался, стараясь этим подбодрить смутившегося молодого человека.

— У нас на Залитерной есть солдаты, знакомые с рудничными работами. Они сами просятся в минеры. Имеются, верно, такие же знатоки и в других частях. Надо только вызвать желающих заняться этим делом.

— Командиры запротестуют. Эти солдаты нужны всем, так как они обычно прекрасно роют окопы, строят блиндажи и вообще отличаются сообразительностью и инициативой,— возразил Булганов. Но Рашевский поддержал Звонарева:

— Прекрасное предложение! Убежден, что генерал Кондратенко с ним согласится.

— Кроме того, у нас почти нет шанцевого инструмента,— проговорил Рязанов.

— Это я возьму на себя,— ответил Григоренко.— Опасаюсь только, что вызванные охотники из бывших шахтеров далеко не всегда окажутся хорошими минерами, как предполагает прапорщик. Да и роль его самого на нашем совещании мне непонятна: артиллерист по роду службы, технолог по образованию — он едва ли что-нибудь смыслит в минной войне...

— Сергей Владимирович зарекомендовал себя при постройке фортов и батарей и лично известен генералу Кондратенко,— пояснил Рашевский.

— Раз он протеже самого начальника сухопутной обороны, то я, конечно, не смею возражать против мудрых предначертаний его превосходительства,— иронически отозвался Григоренко, опять презрительно прищуриваясь на Звонарева.

Обсудили еще некоторые детали. Генерал закрыл собрание.

— Мы с вами, Сергей Владимирович, и капитаном Рязановым направимся отсюда на форт номер два,— предупредил Рашевский.— На Григоренко вы не обращайте внимания. У него прескверный характер. В любое время он готов наговорить неприятностей младшим офицерам.

Выйдя из блиндажа, Звонарев неожиданно увидел одноногого солдата в фуражке с красным околышем и с набором крестов и медалей на груди. Он узнал в нем машиниста, вместе с которым вел последний состав из Нангалина в Артур.

— Здравствуй, дедушка,— приветствовал его прапорщик.

— Здравия желаю вашему благородию,— сурово ответил старик, видимо, не узнавая его.

— Забыл, как вместе на паровозе из Нангалина ехали четырнадцатого мая?

— А и вправду вы! — обрадовался старик.— Запамятовал было совсем вас, да вы будто и старше с лица стали.

— Что делаешь здесь? — справился прапорщик.

— Состою при их превосходительстве Митрофане Александровиче господине генерале Надеине,— важно ответил солдат.— Мы вместях с ним были в Севастополе, на четвертом бастионе. В те поры они были еще штык-юнкером, затем прапорщиком, а теперь, вишь, до полного генерала дослужились.

— А ты что в чинах отстаешь?

— Даже вроде назад иду. Был о двух ногах, а остался при одной, другую в крушении потерял.

Вскоре Рашевский, Рязанов и Звонарев уже шагали по дороге к форту номер два. День постепенно прояснялся, тучи поредели и поднялись вверх, выглянуло солнце, смоченные туманом и дождем придорожные кустарники блестели. Перестрелка оживилась. Со стороны гавани раздались громовые раскаты двенадцатидюймовых морских орудий броненосцев.

— Стрельба разгорается,— заметил Звонарев.— Хорошо еще, что не все японские снаряды рвутся. Мы их собираем и отправляем в арсенал, там их перезаряжают и вновь стреляют, благо у японских орудий обратная нарезка.

Перевалив через скалистый кряж, офицеры оказались перед Китайской стенкой. Японцы тотчас же заметили их по светло-серым шинелям, блестящим пуговицам и погонам. В воздухе запели ружейные пули. Прапорщик

невольно ускорил свои шаги. Рашевский продолжал неторопливо объяснять Рязанову план минных работ. Капитан тоже не выказывал признаков волнения. Звонарев устыдился своей нервности и задержался, поджидая их.

— Здесь останавливаться не следует, Сергей Владимирович. Вы служите прекрасной мишенью для противника,— обратился к нему Рашевский.— Пойдемте, господа, поскорее, не стоит искушать свою судьбу.

И все трое поспешили укрыться за бруствером Китайской стенки. Она достигала вместе с наложенными наверху мешками полуторасаженной высоты и вполне прикрывала от взоров и пуль. Вдоль стенки глубоко в земле были устроены блиндажи для стрелков. Несколько обложенных досками ступенек вели в их узенькие двери.

Скоро офицеры добрались до форта номер два. В плане он представлял собой неправильный пятиугольник, расположенный на выдвинутой вперед возвышенности. Передний фас его выходил на северо-восток, боковые — на восток и север, а два тыловые, так называемые горжевые фасы, или просто горжа, были обращены к Китайской стенке. Форт со всех сторон был окружен высеченными прямо в скалистом грунте рвами глубиной до трех саженей. Рвы эти простреливались из расположенного тут же бетонного капонира. От последнего вдоль наружной стенки рва шла контрэскарпная галерея, которая при помощи подземного бетонного хода — потерны — соединялась с задней частью форта и с двухэтажной бетонной казармой. Здесь и помещался гарнизон крепости — две роты стрелков.

Для того чтобы попасть на форт, необходимо было перейти через деревянный мост, расположенный на полторы сажени ниже, во рву. К мосту была проложена стремянка.

— Прошу здесь долго не задерживаться. Сход на мост обстреливается пулеметным и ружейным огнем с редута номер один,— предупредил Рязанов своих спутников.

Как бы в подтверждение его слов, неожиданно в воздухе засвистели пули. Офицеры отскочили назад, выжидая конца стрельбы.

— Заметили. Теперь будут следить, и без риска на мост не попадешь,— нахмурился Рашевский.

— Оп-ля! — крикнул весело Звонарев и с размаху прыгнул, минуя стремянку, на мост. Несколько пуль свистнули рядом.

— Целы? — крикнул сверху Рашевский.

— Вполне.

— Мы за вами, к сожалению, последовать не можем, нам не по возрасту такие прыжки,— заметил Рашевский.

— Сходите, прапорщик, в казарму и прикажите выслать сюда человек пять с переносными железными щитами. Мы ими прикроемся и пройдем,— решил Рязанов.

Звонарев перешел через мост, вошел в сводчатые ворота казармы и первому встречному стрелку передал распоряжение капитана.

Через несколько минут солдаты с большими щитами в руках вышли на мост и стали на стремянке.

Заметив этот маневр, японцы открыли учащенный огонь. Пули звонко защелкали по железу. Рашевский и Рязанов быстро спустились вниз, все обошлось благополучно.

— Сегодня же ночью устройте скрытый подход к мосту и прикройте его мешками,— приказал Рашевский.

Офицеры направились к тыловому капониру. В амбразуры его выглядывали тонкие дула скорострельных малокалиберных морских пушек, предназначенных для фланкирования заднего рва.

Через ворота они вошли в казарму. Вдоль стены были расположены двухъярусные нары. В помещении было накурено, душно. Дежурный, громко скомандовав «смирно», подлетел с рапортом.

— Не надо,— остановил его подполковник.

Миновав казарму, спустились вниз в потерну. Здесь было сыро и темно. Впереди чуть светилась небольшая керосиновая лампочка, тускло освещая идущие вниз ступеньки.

— Да тут шею сломишь,— заметил Звонарев.— Надо устроить покатый ровный спуск без ступенек, затем усилить освещение.

— Много надо сделать, Сергей Владимирович, да нет на это ни времени, ни материалов,— возразил Рашевский.

— Готов взять на себя спланирование спуска и устройство на форту электрического освещения. Кстати, установим и прожектор,— предложил Звонарев.— Электрические провода достанем у моряков.

Миновав затем длинную, узкую контрэскарпную галерею, слабо освещаемую лишь через узкие стрелковые бойницы, офицеры наконец попали в капонир.

При входе офицеров стрелки вскочили на ноги.

Поздоровавшись, Рашевский направился к тому ме-

сту, где в бетонной стенке были сделаны ниши, из которых намечалось выведение минных галерей в сторону противника.

— Пробьем стену и поведем галерею прямо вперед по направлению к японцам. Работать будем укороченными лопатами и кирками, а скальные работы придется вести при помощи молотов и долот,— подробно объяснял подполковник Звонареву.

Рашевский с прапорщиком пошли назад. Перед уходом Звонарев решил осмотреть внутренний дворик форта, окруженный двухсаженными валами. В углах имелись площадки для противоштурмовых орудий, обычно укрытых в блиндажах под брустверами. Скалистое дно дворика было лишь спланировано землей, с тыловой стороны он прикрывался невысоким земляным барбетом, являющимся запасной тыловой позицией внутри форта. На брустверах стояло несколько часовых, у пушек сидели артиллеристы.

Прапорщик прошел к площадке для противоштурмовых орудий и осторожно выглянул наружу. Прямо за рвами форта, у самых проволочных заграждений, виднелись линии японских траншей. От них в тыл зигзагами шли ходы сообщений. Вправо, за батареей литеры Б, синело море, влево, внизу, вилось приспособленное к обороне полотно железной дороги. Над ней навис тяжелый массив, увенчанный фортом номер три.

— Вы бы, вашбордь, сховались,— обратился к Звонареву один из часовых.— Не ровен час, японец подстрелит.

В подтверждение этих слов мелкий снарядик с шуршанием, похожим на шелест воробьиных крыльев, упал во дворике и негромко разорвался.

Прапорщик вернулся в каземат Рязанова. Здесь он нашел Рашевского, за стаканом чая беседующего с капитаном и двумя молодыми офицерами.

— Знакомьтесь, Сергей Владимирович, ваши будущие соратники по минной войне — прапорщик Берг и поручик Дебогорий-Мокриевич.

Берг, румяный, рыжеватый блондин из немцев, приветливо встал навстречу. Поручик, чуть кивнув своей волосатой головой, ограничился пожатием руки. Он сразу не понравился Звонареву манерой держаться, скрипучим монотонным голосом и неприятно шепелявой речью. Договорились, что через день артиллеристы с Звонаревым примут участие в рытье минных галерей.

— В таком случае завтра я нанесу визит морякам в порт. Постараюсь повидать самого адмирала Григоро-

вича и с помощью Белого и Кондратенко раздобыть паровой котел, машину, динамо и нужную электрическую аппаратуру,— решил Звонарев, поднимаясь с Рашевским из-за стола.

Они благополучно миновали мост и направились вдоль Китайской стенки по направлению к батарее литеры Б.

Пройдя с версту, офицеры оказались на Куропаткинском люнете — батарее шестидюймовых полевых мортир. Пушки стояли совершенно открыто за невысоким бруствером.

— Так ставить мортирную батарею просто преступление! — возмутился Звонарев.— Отчего бы ее не отнести саженей на двадцать в тыл, врыть орудия глубоко в землю и полностью использовать крутизну мортирной траектории?

— Не собираетесь ли вы перетащить и эту батарею, как Саперную? — улыбнулся Рашевский.

— Готов немедленно заняться этим,— пылко ответил прапорщик.

— Жаль, что вы так поздно появились в Артуре. Год тому назад здесь еще ничего не было построено. Тогда ваши фортификационные таланты развернулись бы полностью,— шутил Рашевский,— но переделывать надо чуть ли не всю крепость, что сейчас, конечно, невозможно.

За Куропаткинским люнетом они распрощались.

На следующее утро, под проливным дождем, прапорщик через весь Артур шагал в Управление артиллерии. Пелена дождя закрывала город и гавань от взоров японцев и мешала обстрелу. Каскады воды, низвергаясь с окружающих город сопок, неслись к гавани, заливая тротуары и мостовую. Спасаясь от дождя, Звонарев завернул в Сводный госпиталь. Подойдя к длинному одноэтажному зданию, он спросил в вестибюле о Варе. Ждать пришлось довольно долго.

Наконец Варя появилась. Она была сильно утомлена и без стеснения все время зевала.

— Я не спала две ночи,— объяснила она,— к нам перевели много тяжелораненых из других госпиталей; беспрерывно идут операции и перевязки. Раздам лекарства и уйду. Подождите меня.

Через четверть часа они вместе вышли из госпиталя.

— Зайдем по пути в Мариинскую больницу проведать Сахарова,— предложила Варя.— Он будет очень рад.

Миновав площадь, они подошли к большому двух-

этажному зданию готической архитектуры, на главном фронтоне которого красовался большой красный крест. Варя провела Звонарева до просторной светлой палаты на четырех человек. В одном из больных прапорщик узнал Сахарова. Капитан сильно осунулся, пожелтел, лицо заросло густой щетиной полуседых волос. Глубоко ввалившиеся темные глаза лихорадочно горели.

— Весьма рад видеть,— оживился Сахаров.— Не подаю руки, чтобы не передать заразы. Как мило с вашей стороны навестить болящего старика.

— Вы получаете диетическое питание? — сразу приняла докторский тон Варя.— При лечении брюшного тифа главное — строгое соблюдение диеты. Это необходимо для поддержания сил.

— Пока что у меня есть все, за исключением хорошего сердца. Оно износилось раньше времени...

Варя взяла скорбный лист, просмотрела температурную кривую, ознакомилась с назначением. Сахаров пытливо следил за выражением ее лица.

— Насколько я понимаю, все идет вполне нормально, даже сердечные лекарства назначаются вам в умеренных дозах,— значит, особой надобности в них нет,— проговорила девушка, заметив взгляд капитана.

Лицо больного просветлело.

— Мне тоже говорили, что тиф в самой легкой форме, авось и мое сердце выдержит.

— Ни минуты в этом не сомневаюсь. Я принесла вам кизилового варенья.

— Не знаю, как и благодарить вас за ваше внимание ко мне,— растроганно ответил больной.— Что нового на фронте?

Звонарев сообщил о положении на фронтах, о планах обороны.

— Электропровод есть у моряков в порту. Я недавно сам им продал. Сейчас черкну Григоровичу записку. По старому знакомству он должен помочь моему другу.

На прощанье Звонарев пожал сухую и горячую руку капитана, а Варя обещала навещать его ежедневно.

— Не знаю, чем и как смогу отблагодарить вас обоих по выздоровлении! Во всяком случае — свадебный подарок за мной,— обещал Сахаров.

— Ой, что вы, мы об этом и не думаем,— за себя и прапорщика ответила девушка.

— Если сейчас не думаете, то скоро додумаетесь. Со стороны-то виднее. Я прошу вас, милая Варя,— позвольте мне так называть вас,— зайдите в мою контору, тут на-

против, около мельницы, и передайте эту записку господину Шубину. Он у меня является главным доверенным лицом во время моей болезни,— попросил капитан.

— С большим удовольствием, немедленно побываю там,— ответила девушка.

— Врачи говорят, что Сахаров совсем плох, у него никуда не годное сердце,— шепнула она Звонареву, когда они вышли из палаты.— Интересно, что он написал.— И она развернула записку.

На ее лице выразилось полное разочарование. На бумаге было нарисовано несколько иероглифов.

— Надо попросить кого-нибудь ее прочитать,— сказала она.

— Этого еще не хватало! — И, отобрав записку, Звонарев спрятал ее.

Шубин оказался пожилым человеком с круглыми черепаховыми очками на носу. Он рассыпался в любезностях и сообщил, что все распоряжения Сахарова будут немедленно исполнены.

— А о чем он пишет? Я все хотела понять, что эти значки обозначают, и не могла! — улыбнулась Варя.

— Господин Сахаров хотел сохранить в секрете свои намерения, и он воспользовался китайской письменностью, тем более что кое-что касается непосредственно вас.

— Что именно, скажите, пожалуйста! Василий Васильевич никогда не узнает об этом,— попросила Варя.

— Дело очень щекотливое, и я не имею права ничего сообщить вам при всем моем горячем желании исполнить вашу просьбу,— отказался Шубин.

День прояснился, и японцы начали обычный обстрел города и порта. Снаряды падали у подножья Золотой горы. Батареи Тигровки и броненосцы открыли ответный огонь. Грохот временами доходил до того, что разговаривать на улице было трудно.

— Не придется мне сегодня идти домой,— вздохнула Варя.— Золотая гора своей пальбой так и не даст заснуть целый день. Проводите меня в Пушкинскую школу. Там, забравшись в подвал, я сумею отдохнуть.

У Пушкинской школы они расстались. Звонарев обещал на обратном пути на Залитерную зайти к Варе и направился к Григоровичу.

Командира порта он застал дома и изложил ему свою просьбу от имени Кондратенко.

— Удивительное дело! Вы, сухопутные, все время на чем свет стоит ругаете нас, моряков, и в то же время за всем обращаетесь к нам! Нет у меня электрических про-

водов. Так и передайте генералу,— стукнул ладонью по столу адмирал.

Звонарев вспомнил о записке Сахарова и передал ее Григоровичу.

— Как здоровье милейшего Василия Васильевича? Не повезло ему, бедняге. Обязательно побываю у него в больнице,— сразу переменил тон адмирал.

Прапорщик подробно сообщил ему все, что знал.

— Жаль, жаль! Такой хороший человек и вдруг может умереть от тифа... Сколько же и чего вам нужно? Только из уважения к просьбе Василия Васильевича в последний раз иду вам навстречу.

Звонарев протянул ему заранее приготовленный список требуемого имущества. Григорович, не просматривая его, положил резолюцию об отпуске. Обрадованный таким исходом дела, прапорщик поспешил откланяться.

В этом районе на берегу моря было тихо, и Звонарев отдыхал от обычного грохота и шума передовых позиций. Электрический Утес, бывший в начале войны самой боевой батареей Артура, теперь обратился в спокойную тыловую позицию, и только задранные вверх дула орудий, повернутых в сторону сухопутного фронта, напоминали о войне.

Батарея была загружена выздоравливающими солдатами самых различных полков. Тут же мелькали черные бушлаты матросов с броненосца «Пересвет», обслуживающих пушки.

В офицерском флигеле Звонарев застал нового командира Электрического Утеса, капитана Николая Николаевича Андреева. Высокого роста, широкоплечий, с расчесанной надвое скобелевской бородой, он имел бы представительный вид, если бы не беспрерывно трясущиеся после контузии голова и руки. Тут же находился командовавший матросами лейтенант Любимов, коренастый шатен, младший врач крепостной артиллерии Зорин и Варина сестра — Катя. Звонарев застал их всех за столом. Хозяйничала Катя.

Отказавшись от обеда, Звонарев вместе с Катей отправился на розыски своих чемоданов. Он не сразу узнал свою бывшую комнату. Заново оклеенная новыми обоями, чистенькая, аккуратно прибранная, она превратилась в очаровательную девичью светелку. Катя осматривала белье.

— Я сейчас заштопаю,— взялась она за иголку.

Звонарев начал смущенно ее благодарить и отказываться.

— Пустяки! Я думаю, Варя давно отучила вас от условностей, называемых приличиями. Она и раньше не очень-то соблюдала их, а теперь и вовсе ни с чем не считается. Давно вы ее видели?

Прапорщик рассказал об утренней встрече.

— До вас ей никто не нравился, а вы сразу покорили ее суровое сердце. Сейчас, кроме вас и хирургии, она ничем не интересуется. Не знаю, отвечаете ли вы ей взаимностью, если нет — то придется пожалеть мою взбалмошную, но все же очень милую сестрицу.

— Мы с Варей большие друзья...

Катя внимательно посмотрела на него и чуть заметно улыбнулась.

Выйдя на крыльцо, Звонарев увидел перед казармой странное зрелище. Человек двадцать раненых и перевязанных солдат стояли под винтовками. Один держал костыль под правой рукой, а на левом плече у него лежало ружье, у другого винтовка была на правом плече, так как левая рука была на перевязи, у третьего была забинтована вся голова, и он ее наклонял набок, чтобы не задеть за винтовку. У крайнего были перевязаны обе руки, и все же винтовка каким-то образом держалась на плече. Перед наказанными расхаживал Чиж и, площадно ругаясь, тыкал солдат кулаками то в живот, то в лицо.

— Я вас приведу в христианский вид! Не поможет винтовка — испробуете розг, а там — на фронт, коль ноги носят! Фельдфебель, кто у тебя еще значится провинившимся? — обернулся он к подбежавшему к нему рысцой Назаренко.

Вытащив из-за обшлага бумагу, фельдфебель зачитал несколько фамилий.

— Всем по десять часов, а эту сволочь завтра через одного перепороть,— распорядился Чиж, отходя от солдат.

Поодаль группа матросов угрюмо следила за происходившим. К Звонареву подошел Любимов и, взяв его под руку, отвел в сторону.

— Чиж, по-моему, сумасшедший маньяк, садист, ненавидящий солдат. Добром это не кончится. В один прекрасный день не эти калеки, так мои матросы его прикончат.

— Не думаю, чтобы это многих опечалило.

— Это верно, но ведь пойдет суд, расстрелы, что может вызвать новый бунт, в котором и мы с вами можем пострадать.

Прапорщик пообещал обо всем этом довести до сведе-

ния артиллерийского начальства. В это время к нему подошла старая фельдфебельша, мать Шуры, и низко поклонилась.

— До вашей милости, Сергей Владимирович,— проговорила она.

— Здравствуйте, Саввична, как живете?

— Бог грехи терпит, носит еще земля. Хотела я спросить вас о дочке своей: что она — жива, цела? Умом кляну ее, а сердце все же тоскует. Одно ведь дите у меня на свете...

— Жива и здорова, вчера была на Залитерной.

— И не одумается, не бросит его, окаянного!.. Сбил с пути глупую девку, опозорил, а потом бросит. Кому она такая будет нужна? Другой раз думаю, уж лучше бы убило ее...— вздохнула Саввична.— Коль увидите, передайте ей мое родительское благословение.

Простившись с Саввичной, Звонарев зашагал по береговой дороге в Артиллерийский городок. В Управлении он застал Тахателова. Узнав о возможности получить в порту электропровод, Тахателов пришел в восхищение.

— Хитер, как муха, наш прапорщик! Кого хочешь на кривой объедет! Недаром Варю вокруг пальца обвел,— смеялся полковник.

— Эка невидаль, глупой девчонке вскружить голову! — бросил Белый.— Провод достать куда труднее! Загляните, пожалуйста, ко мне, жена вас хотела видеть,— переменил он тон.

Мария Фоминична встретила Звонарева вопросом, где Варя и почему она давно не была дома. Прапорщик поспешил успокоить ее, рассказав и о Варе и о Кате.

— За Катю я никогда не беспокоюсь, она глупостей не наделает, а вот что взбредет в голову Варваре — этого никто предвидеть не может. Вас-то она кормит?

Звонарев поблагодарил.

— Пока есть чем, будем вас питать, как можем. Муж считает вас одним из самых нужных офицеров в артиллерии. Увидите Варю, передайте, чтобы она завтра обязательно пришла домой; поди, вся грязная! Да и мальчонку с собой пусть приводит.

Звонарев вышел. Вечерело. Стрельба по городу прекратилась, и прапорщик быстро дошел до штаба Кондратенко.

Там он застал подполковника Рашевского, Науменко и Бутусова. Они благодушествовали за чаем. Прапорщику тотчас предложили чай с лимоном, который уже

был большой редкостью в Артуре. Звонарев доложил Рашевскому о достигнутых успехах.

— Великий вы мастер говорить с начальством. На что Григорович крепок, как кремень, и того сумели уговорить,— заметил Рашевский.

Звонарев рассказал о магическом действии записки Сахарова. Все трое присутствующих громко расхохотались.

— Ворон ворону глаз не выклюет, рука руку моет,— в один голос проговорили Науменко и Бутусов.

— Умение со всеми ладить — драгоценнейшее свойство человеческого характера,— заметил Науменко.

— Сам Роман Исидорович является образцом такого человека. Даже с нашими артурскими генералами, враждующими друг с другом, он один со всеми сохраняет дружеские отношения.

— Самое главное — он завоевал горячие симпатии Веры Алексеевны, не раболепствуя перед ней и сохраняя чувство собственного достоинства,— произнес Бутусов.— Я когда-то служил вместе со Стесселем в Ростовском гренадерском полку. Я был прапором, а он поручиком. Он и тогда не блистал умом, хотя и был прекрасным строевиком, танцором, весельчаком и выпить был не дурак. Там же в полку служил и отец Веры Алексеевны, капитан Иевлев. К пятидесяти годам он едва добрался до капитана, зато обзавелся шестью дочерьми. Одной из них и была Вера Алексеевна.

— Чем же ее прельстил Стессель? — поинтересовался Науменко.

— Не век же ей было сидеть у отца на шее. Девка она была умная, энергичная. Быстро раскусила своего будущего супруга и решила сделать ему карьеру. Заставила держать экзамен в Академию генерального штаба, но он три раза ездил и три раза провалился. Тогда по совету Куропаткина, друга детства Стесселя, он перевелся на Дальний Восток. Служить здесь было спокойнее и легче было выдвинуться. Так с помощью жены Стессель сделал карьеру, получил крест и чин генерала.

— А помните, как в тысяча девятьсот третьем году здесь побывал Куропаткин проездом из Японии? Принимали его с треском и помпой! — проговорил Рашевский.— Тогда на маневрах Фок брал Артур, а Стессель защищал. Фока признали побежденным, а Стессель за особое отличие по службе получил генерал-лейтенанта. И тут, конечно, не обошлось без Веры Алексеевны.

— Хорошо жить за спиной такой жены,— улыбнулся Науменко.

— Сам Стессель временами держится другого мнения. Не раз пытался удрать от нее, но она крепко держала его на привязи,— улыбнулся Бутусов.

— Как ни странно, а несомненно судьба Артура в какой-то степени зависит от капризов пусть не глупой, но все же женщины, совершенно не разбирающейся в военном деле,— задумчиво бросил Рашевский.

— Пока ее продовольственные запасы не иссякнут, она не будет настаивать на немедленной капитуляции. Сейчас она загребает большие деньги, продавая свою живность по умопомрачительным ценам,— отозвался Бутусов.

— Мы должны быть готовыми ко всяким случайностям. Никто не знает, о чем думает и о чем не думает госпожа Стессель,— иронически заметил Рашевский.

— Одна надежда на Романа Исидоровича. Он сумеет в нужную минуту повлиять на Стесселя и его жену,— отозвался Науменко.

Денщик пригласил всех на другую половину дома к Кондратенко.

Отдохнувший генерал приветливо поздоровался с ними и выслушал доклад Рашевского. Одобрив намеченные мероприятия по сооружению минных галерей и сделав несколько замечаний, Кондратенко перешел на артурские темы.

— Сегодня видел Анатолия Михайловича. Он клятвенно уверял меня, что в течение октября Куропаткин обязательно перейдет в наступление и к ноябрю, самое позднее к началу декабря, Артур будет освобожден. Эскадра Рожественского уже вышла из Либавы и, следовательно, в январе — феврале будет здесь. Тогда превосходство на море будет на нашей стороне, и к лету будущего года война закончится,— сообщил генерал.

— Значит, надо ждать очередного японского штурма,— резюмировал Науменко.

— Это почему? — удивился Кондратенко.

— Во-первых, если правда, что Куропаткин действительно будет наступать, то вполне естественно, что японцы приложат все силы, чтобы возможно скорее освободить свою осадную армию, взяв Артур, и, во-вторых, подобные известия исходят из штаба района каждый раз, когда получаются сведения об увеличении осадной армии.

— Пожалуй, вы правы, Евгений Николаевич,— отозвался Рашевский.— В куропаткинскую победу я не верю.

После Тюренчена, Вафангоу и Ляояна трудно рассчитывать на быстрый успех. К весне, быть может, и удастся Маньчжурской армии перейти в наступление, но едва ли Артур доживет до того времени.

— Вы, Сергей Александрович, чрезмерный пессимист! Наступление Куропаткина тотчас же заставит японцев оттянуть часть своих сил от Артура, что сделает невозможными новые штурмы, а без них мы сможем протянуть до весны. В этом-то и заключается взаимодействие полевой армии и крепости,— пояснил Кондратенко.

— Дотянем до весны, если только Вера Алексеевна не сдрейфит и не капитулирует,— шутливо заметил Науменко.

— В Артуре преувеличивают влияние мадам Стессель на мужа. Дальше распределения наград она не идет,— запротестовал генерал.

— Сильно ошибаетесь, Роман Исидорович, недавно я узнал от самого Рейса, что Вера Алексеевна заступалась за вас перед мужем, когда вы в июле самовольно уехали на передовые позиции на Зеленых горах,— ответил Науменко.

— Все это сплетни, которые я не хочу даже слушать! — рассердился Кондратенко и встал.

Офицеры поспешили откланяться. Звонарев направился к Пушкинской школе. Уже совсем стемнело, лучи японских прожекторов скользили по вершинам гор. На улицах началось обычное ночное движение по направлению к фортам и обратно.

Выспавшаяся за день Варя с распущенными волосами расхаживала по небольшой гостиной. В углу, в качалке, с рукоделием в руках сидела Мария Петровна, на диване примостилась Леля, за роялем наигрывала что-то Оля.

— Вы мне прожужжали уши, твердя о женском равноправии,— кипятилась Варя,— почему же я должна ждать, пока мне сделают предложение, а не могу сама предложить жениться на мне?

— Это будет нескромно с твоей стороны,— возразила Мария Петровна.— Как ты будешь чувствовать себя, если получишь отказ? Скажут, что ты вешалась на шею и была отвергнута?

— И что же из того? Раз мужчинам не стыдно получать отказы, то, значит, и мне этого нечего стыдиться,— не уступала Варя.

— Одним словом, ты собираешься объясниться в любви Сереже Звонареву? — заметила Оля.

— Я ему на шею не вешаюсь, как ты Борейко.

— Что за вульгарный тон у тебя, Варя! Я просто люблю этого большого младенца и не скрываю этого от него. Быть может, со временем мы и поженимся, а может, и разойдемся,— задумчиво ответила маленькая учительница.

Стук в наружную дверь прервал разговор. Варя поспешила скрыться в другую комнату. Вошел Борейко со свертком.

— Привет честной компании! Разжился ослятиной и занес вам,— положил он сверток на стол.

— И совершенно напрасно. Вам самому надо питаться,— возразила Мария Петровна.

— Мы на позициях изредка постреляем, а вы тут в тылу работаете не покладая рук, вам поэтому и есть надо больше,— уверял поручик.— Не был у вас сегодня Звонарев?

— Варя, где твой Сережа? — крикнула Леля в соседнюю комнату.

— Мой он не больше, чем твой,— появилась Варя, заплетая на ходу косу,— обещал вечером зайти из штаба. А вы почему, господин Медведь, удрали с батареи?

— Там остался Жуковский, а меня отпустил в город.

— Какие новости, Борис Дмитриевич? — справилась Мария Петровна.

— Простите, я еще не успел их придумать,— с невозмутимым видом отозвался поручик.

— Вот и Сережа, легок на помине,— вскочила с места Леля и пошла открывать дверь Звонареву.

Борейко поместился около Оли у рояля. Она открыла ноты с романсами и стала наигрывать одной рукой.

— Спойте что-нибудь дуэтом,— попросила Мария Петровна.— После целого дня тяжелой работы в госпитале приятно послушать пение.

Когда прапорщик со всеми поздоровался и уселся на диване между Варей и Лелей, Оля взяла несколько аккордов и запела:

Не искушай меня без нужды...

— Не искушай...— подхватил поручик, и голоса их красиво сплелись.

Звонарев внимательно слушал. Свет лампы, стоящей на рояле, падал на разгоревшееся, радостное лицо Оли. Уголком глаза Оля косилась на своего партнера и улы-

балась ему. Борейко не сводил с девушки восхищенных глаз. Было видно, что они поют друг для друга и ничего не замечают вокруг себя.

За первым романсом последовал второй. Все, за исключением Вари, громко аплодировали певцам.

— Ну, хватит! — наконец решила Оля и, захлопнув крышку, встала из-за рояля.— Пусть теперь сыграет или споет кто-нибудь другой, например Варя.

Сев за рояль, Варя заиграла, напевая вполголоса:

Иль мне правду сказали,
Что будто моя лебединая песня пропета...

— Чушь-то какая невероятная! — остановилась она.— И есть же дураки и дуры, которым это нравится! То ли дело Кармен.— И девушка бойко заиграла хабанеру. Пальцы ее сразу приобрели быстроту и четкость, лицо разгорелось, глаза заблестели.

Меня не любишь, но люблю я,
Так берегись любви моей!

— Слушай, Сережа, и наматывай себе на ус,— не преминул заметить поручик.

— Я и так уж забрался на второй форт, спасая свою жизнь...

Варя свирепо поглядела на прапорщика и вдруг заиграла «Варшавянку».

Мария Петровна тревожно посмотрела на окно и поплотнее захлопнула ставни.

— Нам пора и до дому, Сережа,— поднялся Борейко.

— Сейчас подадим чай, а до тех пор вас не отпустим,— встала с места Оля и вышла из комнаты. За ней последовала Варя.

Выпив по стакану чая, офицеры стали одеваться. В это время раздался стук в дверь, и звонкий детский голос прокричал:

— Тетя Варя у вас?

— Вася прислан за мной из госпиталя,— догадалась Варя, открывая дверь.

— Дохтур главный Протопопов просит вас приттить. Сейчас принесли двух тяжелых, а хирургической сестрицы нет,— одним духом выпалил запыхавшийся мальчик.

— Ладно уж, приду,— вздохнула девушка.— Ты ел? Садись пить чай.

Мария Петровна взяла мальчика под свое покровительство, наделила огромным куском хлеба, намазанным вареньем, и налила чаю.

Через пять минут Варя, Борейко и Звонарев уже ша-

гали по темным улицам, ежеминутно спотыкаясь по дороге. В конце концов офицеры подхватили девушку под руки и довели ее до госпиталя. Вася торопливо шагал за ними.

— Итак, до скорого свидания,— пожала руки своим спутникам девушка.— За вашу сегодняшнюю любезность прощаю вам, Медведище, многие передо мной прегрешения!

Прапорщик проснулся. Рядом на складной кровати храпел неопрятный и трусоватый Рязанов. От него шел густой запах давно не мытого человеческого тела и водочного перегара. У окна посапывали Дебогорий-Мокриевич и младший офицер стрелковой роты, глуповатый и пошловатый Карамышев. На столе чадила сильно прикрученная керосиновая лампа. Было темно и холодно. Снаружи изредка доносились глухие звуки не то артиллерийской стрельбы, не то взрывов ручных бомб.

Прапорщик, спавший одетым, встал и поднял фитиль лампы. Его слегка лихорадило. За девять месяцев войны он привык к опасностям и почти не думал о них. Ему вспомнилось, как вначале, еще на Электрическом Утесе, при каждом появлении на море японской эскадры страх закрадывался в его душу, сковывая движения и путая мысли. Постепенно он научился владеть собою. Сегодня впервые им овладел безотчетный, неопределенный страх. Звонарев попытался стряхнуть с себя это гнетущее чувство и не смог.

«Предчувствие? — подумал он, и тотчас же его трезвый ум запротестовал.— Устал, сдают нервы»,— решил он, но, достав из-под подушки листок бумаги, неожиданно для себя написал письмо Варе.

«Милая Варенька, плохо себя чувствую. Что-то давит душу. Думаю — убьют меня скоро. Если это случится — не горюйте. Вы в Артуре самый близкий мне человек, поэтому я к вам и обращаюсь в минуту душевной слабости. Не плачьте, если это вообще разрешается амазонкам и валькириям. Ваш *С*. Пожалуй, можно ограничиться и одной первой буквой. Как вы думаете, госпожа Брунегильда?»

Заклеив письмо в конверт и написав адрес, прапорщик сунул его в папку, где хранились его расчеты и чертежи, и задумался. На столе лежали неоконченные проекты минных галерей. Надо было работать.

Со времени пребывания на форту внешний мир Звонарева страшно сузился, ограничиваясь подземными

работами и событиями вокруг. Форт стал ему казаться уединенным от всего мира островом, окруженным вражеской стихией — японцами. Все интересы, разговоры, мысли, действия исчерпывались тем, что делают или собираются делать японцы и как этому противодействовать. Артур, Электрический Утес, даже Залитерная стали чем-то далеким и неощутимым. О Борейко, Варе, учительницах прапорщик вспоминал как о людях, находившихся за тысячу верст от форта номер два. Их заботы, треволнения перестали его интересовать, поскольку они не были связаны с происходившим здесь, на окруженном с трех сторон и сильно пострадавшем передовом укреплении осажденной крепости.

Прапорщик старательно вычерчивал карандашом наличные минные галереи и намечаемое в дальнейшем их развитие. От этого занятия его оторвал хриплый голос Дебогория-Мокриевича, спрашивавшего, который час.

— Пять часов двадцать минут утра,— ответил Звонарев, взглянув на часы.— Сейчас японцы будут сменяться, надо пойти послушать, что у них делается.

— Не мешает,— отозвался саперный поручик и, повернувшись на другой бок, опять захрапел.

Звонарев отложил чертежи, потянулся, сложил свои бумаги и вышел из каземата. Сразу же его охватила ночная сырость, и он поспешил войти в казарму. Едва он отворил дверь, как ему в нос ударил тяжелый, спертый воздух. Сказывалось полное отсутствие вентиляции. Больше сотни людей спало на двухъярусных нарах. Дневальные сидели на табуретках или расхаживали по проходу. Завидя Звонарева, дежурный по роте подскочил с рапортом.

— Где спят мои артиллеристы? — спросил Звонарев у дежурного.

— Все уже вышедши на работу и с ними два плотника.

Миновав казарму, прапорщик направился в потерну. Вместо прежних ступеней теперь в нее вел пологий спуск. Здесь ему повстречалось несколько солдат. По их запачканным землей шинелям Звонарев догадался, что они из минной галереи.

— Смена уже произошла? — спросил он.

— Так точно. В левой галерее заступили артиллеристы.

— Ночью все было спокойно?

— Японец тоже где-то землю долбит, а где — не разберешь,— отвечали солдаты.

Миновав контрэскарпную галерею, прапорщик оказался в капонире. Здесь два плотника сбивали крепежные рамы, у задней стены возвышалась куча вынутой земли и камней. Наклонившись, Звонарев заглянул в прорытый туннель. Из глубины доносились стук лопат и ломов, приглушенные человеческие голоса. Работа шла полным ходом.

— Блохин! — окликнул прапорщик.

— Он в левой галерее,— доложил один из плотников.

Прапорщик пошел к следующей галерее. В орудийных капонирах, прямо на полу, на соломе спали стрелки. Около стояли часовые, наблюдая за происходившим во рву. Около левой галереи был разложен небольшой костер, дым от которого уходил в бойницу. Тут же сидел Юркин и подогревал в котелке чай. Поздоровавшись с ним, прапорщик спросил, где Блохин.

— Роется в галерее вместе с Лебедкиным. Прошли уже с пол-аршина после смены. Грунт тут мягкий, копать легко.

— Сколько человек сейчас внутри?

— Трое: Блохин с помощником и один относчик.

Через минуту из галереи показался стрелок. Мешок по дороге прорвался, и солдат рукой зажимал дыру, отчаянно при этом ругаясь. Увидев Звонарева, он сконфуженно замолчал и понес землю к бойнице.

Приказав солдатам подождать своего возвращения, Звонарев, согнувшись, нырнул в галерею.

Вокруг была непроглядная тьма. Приходилось продвигаться ползком, так как высота галереи была всего метр с четвертью, и все же прапорщик то и дело стукался головой о крепление. Пушистая сибирская папаха несколько предохраняла голову от ударов. Шашка и шпоры были сняты, в кармане лежал электрический фонарь.

Вдали слабо мерцал огонек масленого фонаря, то появляясь на мгновение, то исчезая. Земля попадала за шиворот, липла к ногам. Преодолев половину расстояния, Звонарев окликнул Блохина.

— Ау, кто там прет? — отозвался Блохин.— Никак, Сергей Владимирович?

Звонарев присел на корточки и стал разглядывать крепление. Рамы отстояли одна от другой на пол-аршина и больше. Дальше их и вовсе не было, хотя грунт был и не из твердых.

— Сколько всего прошли? — справился прапорщик.

— Четыре с половиной сажени. За сегодня, может, и до шести саженей доберемся,— ответил Блохин.

— Почему не крепите?

— Нет готовых рам, а ждать неохота. Как наготовят, сразу все и поставим на место. Японец где-то сильно бьет. Я в толк не возьму — сверху или сбоку. Вот послухайте, вашбродь.— И солдат затих.

Прапорщик уловил слабый, едва различимый стук в земле. Раздавался он спереди, но выше или ниже галереи — разобрать было невозможно.

Звонарев добрался до конца галереи. Блохин и Лебедкин полулежали у стены. Тут же валялись лопаты, кирки и несколько дерюжных мешков.

Лебедкин взял в руки комочек земли и растер его между пальцами.

— Совсем тощая глина, почти песок, так и сыплется,— проговорил он.

— Поэтому надо обязательно крепить потолок, иначе может произойти обвал,— заметил прапорщик.— Отправляйся-ка, Лебедкин, в капонир и поторопи плотников, а я побуду здесь, послушаю, что делается у японцев.

Оставшись вдвоем, Звонарев и Блохин стали вслушиваться в окружающую тишину. Из-за недостаточного притока воздуха дышать было трудно, лампа горела тускло и отравляла воздух своим чадом. Вдруг справа послышался довольно сильный удар, и с потолка посыпалась земля.

— Бьет из пушек либо кидает бомбочки,— пояснил Блохин.

— Сколько, по-твоему, до поверхности земли? — спросил Звонарев.

— Кто его знает, надо думать, не меньше полутора сажней. Мы шли с уклоном четверть на аршин длины.

— Значит, углубились почти на сажень против пола капонира и находимся в двух, двух с половиной саженях под землей,— подсчитал Звонарев.

Несколько новых ударов вызвали значительное осыпание. Большой ком земли попал в лампочку. Она затухла. Все погрузилось в непроницаемый мрак. Ругаясь, Блохин полез в карман за спичками. Прапорщику стало жутко.

— Пошли-ка от греха туда, где есть крепления,— проговорил он и, повернувшись, ощупью полез на четвереньках. В то же мгновение над головой сильно грохнуло, сверху обрушилась земля. Звонарев закричал, пытаясь освободиться, но под страшной тяжестью распластался на дне галереи.

Сколько времени прошло с момента обвала — он не представлял себе. Вокруг по-прежнему было темно, сверху давила тяжесть, но около рта образовалось пустое пространство, в которое откуда-то проникал воздух. С трудом ему удалось пошевелить правой рукой. Постепенно высвободив ее и подняв кверху, он ощутил над собой пустоту. Затем удалось освободить и левую руку. Чуть приподнявшись, Звонарев громко позвал Блохина и удивился слабости своего голоса.

Неожиданно он увидел над головой небольшое светлое пятно и понял, что в галерею попал снаряд, обрушив ее. Светлое же пятно над головой — дно воронки от снаряда. Прапорщик обеими руками начал разгребать рыхлую, чуть влажную землю.

— Блохин, Блохин!..— несколько раз окликнул он. Ответа не последовало. Через несколько минут Звонарев уже встал во весь рост, причем голова его оказалась как раз на уровне воронки. Рядом виднелись поваленные колья проволочного заграждения, темной ниткой чернела проволока на сером фоне позднего осеннего рассвета. Где-то высоко с резким шипением пролетел снаряд и гулко разорвался.

«А вдруг японцы заметят воронку и захотят занять ее? — мелькнула мысль.— Тогда они сразу же увидят отверстие и не преминут бросить в него бомбочку, или наши угодят сюда ручной гранатой». И Звонарев поспешно опустился вниз.

— Блохин! — изо всей силы закричал он.— Отзовись!

Он прислушался, и ему показалось, что из-под земли донесся слабый стон. Прапорщик начал быстро разгребать руками землю прямо перед собой. Вскоре его рука наткнулась на что-то твердое.

«Сапог!» — мелькнула догадка. По положению ноги прапорщик примерно определил, где должна была находиться голова солдата, и принялся еще быстрее рыть. Через минуту он уже увидел солдатскую фуражку. Ею было прикрыто лицо Блохина. Мертвенно-бледное, с закатившимися вверх зрачками глаз, оно выглядело совершенно безжизненным.

— Блохин! — наклонившись к лицу, крикнул он. Но тот оставался неподвижным. Напрасно Звонарев тормошил его, дул в лицо. Отчаявшись, он решился на последнее средство — осторожно запустил спичку в нос Блохину и легонько пощекотал. Нос дрогнул, лицо сморщилось, и наконец солдат сильно чихнул.

— Жив! — радостно воскликнул прапорщик.

Солдат тихо простонал, закрыл глаза и чуть слышно прошептал:

— Выпить бы... водочки.

— Потерпи немного, сейчас нас отроют. Я подниму тебе голову повыше.— И Звонарев нагреб земли к изголовью Блохина.

Возясь с ним, он совсем забыл обо всем остальном и неожиданно явственно услышал сзади стук лопат и говор. Помощь была близка.

— Вашбродь, Блохин, откликнитесь! — донеслось до него сквозь толщу земли.

— Мы живы, скорей копайте! — изо всех сил закричал прапорщик и опасливо оглянулся на дыру вверху.

— Потерпите чуток, Сергей Владимирович, через полчаса доберемся до вас! — Прапорщик узнал голос Лебедкина. Застучали лопаты.

Скоро Блохин совсем оправился.

— Нам бы начать копать им навстречу,— посоветовал он все еще слабым голосом.

— Ладно уж, лежи. Я один буду действовать. Лишь бы не произошло нового обвала,— отозвался прапорщик и принялся обеими руками разгребать землю навстречу своим спасителям.

Минут через сорок напряженной работы показался свет лампочки, и еще через четверть часа Звонарев был уже в капонире. За ним вынесли на руках Блохина. Дебогорий-Мокриевич стоял около входа в галерею и приветствовал появление прапорщика насмешливым замечанием:

— Беда, коль артиллеристы берутся не за свое дело! Мой вам дружеский совет — сегодня же вернуться на свою батарею.

— Благодарю, я в ваших советах не нуждаюсь и прошу их оставить при себе,— резко ответил Звонарев и отошел к Блохину, около которого хлопотали солдаты.

— Глотнуть бы водочки,— тихонько попросил солдат,— мигом очухаюсь.

— Не водки тебе надо, мерзавцу, а розог! Как ты, сволочь, смел рыть дальше без крепления? — накинулся на него подошедший саперный поручик.

— Это сделано по моему личному распоряжению для ускорения работ,— вступился Звонарев.— И поскольку я отвечаю за ведение минной галереи, то прошу не вмешиваться не в свое дело. Ваше присутствие здесь я нахожу совершенно лишним.

— Ваше поведение хоть и объясняется пережитым

страхом, но все же недопустимо на военной службе, о чем я подам рапорт по команде.— И разобиженный Мокриевич ушел.

— Чистая зануда, а не человек! — сказал Лебедкин.— Как только вас засыпало, мы с Юркиным кинулись выбирать землю и послали сказать коменданту. Они прислали сюда поручика. Он и начал нам разные слова говорить, что можно и чего нельзя... Я говорю: люди, мол, там задохнуться могут, пока мы собираться будем. А он — раз меня в морду...

Звонарев решил сходить в офицерское помещение вымыться и заодно захватить водки для Блохина. Он застал Рязанова и Карамышева играющими в гусарский винт вдвоем. Его появление не вызвало у них ни удивления, ни радости, как будто ничего особенного не случилось.

— Вещички ваши я уже отправил в штаб фронта,— думал, что вам аминь пришел,— неторопливо проговорил капитан.

— Почему же вы так поспешили? Теперь мне даже умыться нечем.

— Возьмите мое мыло и полотенце. Вот и списочек вещей из штаба.

Звонарев прочитал его.

— А где же мой бинокль и фляга? — удивился он.

— Вместо них к вещам приложено пять рублей деньгами. Бинокль приобрел за четыре с полтиной поручик Карамышев, а фляга лежит у меня под подушкой.

— Но ведь это чистый грабеж! Бинокль стоит минимум двадцать пять рублей, а фляга-термос — три,— возмутился прапорщик.

— Продажа состоялась с публичного торга в присутствии всех наличных офицеров форта, следовательно, закон соблюден.

Звонарев не стал слушать дальнейших рассуждений капитана, а просто взял свою флягу с его постели и снял со стены бинокль.

— Прошу чужих вещей без разрешения не брать! — вскинулся Карамышев.— И, кроме того, зачем вам нужен бинокль в подземной галерее?..

— Чтобы его здесь не украли.— И прапорщик направился обратно в капонир.

Там он застал Мокриевича, с эпическим спокойствием избивавшего стоявших перед ним Лебедкина и Блохина. Поручик неторопливо тыкал кулаком в зубы то одного, то другого и негромко при этом приговаривал:

— Будете знать до самой смерти, как исполнять мои приказания! Прикажу умереть — и умрете, а не умрете — пристрелю, как паршивых собак!

У Лебедкина уже заплыл левый глаз, у Блохина до крови были рассечены губы, но оба солдата стояли навытяжку, не смея защищаться.

— Сейчас же прекратите это безобразие,— ринулся вперед прапорщик,— и уходите отсюда, или я за себя не ручаюсь.— И схватил стоявшую около стены винтовку.

— Блохин, Лебедкин, Юркин, в ружье!

Саперный поручик пытался было что-то сказать, но Звонарев разразился по его адресу такими дикими выкриками, что Мокриевич поспешил скрыться.

— Не стоит, вашбродь, так из-за нас беспокоиться,— уговаривал Звонарева Блохин.— Солдатская морда, по мнению начальства, на то и существует, чтобы по ней бить,— утирал он кровь с разбитого лица.

— Шли бы вы, Сергей Владимирович, отдохнуть,— предложил, в свою очередь, Лебедкин.— Чать, и вам сегодня не сладко пришлось, когда земля обрушилась.

— Сейчас не до этого. Надо немедленно произвести забивку всей обрушившейся галереи, чтобы японцы по ней не смогли проникнуть сюда,— распорядился Звонарев.

Позвали саперных солдат и стрелков, назначенных в помощь артиллеристам. Прапорщик объяснил им свои намерения.

— Без поручика никак не можем делать этого,— заупрямились саперы,— они нас со свету сживут, хотя и мы думаем, что по-вашему будет лучше.

— Ладно, идите в галерею, а я тут буду орудовать со своими артиллеристами.

— Мы вам подсобим, вашбродь,— неожиданно отозвалось несколько стрелков, слушавших разговор прапорщика с саперами.— Поручик нам не указ, мы под ним не ходим.

Через пять минут работа закипела. Наполненными землей мешками закладывали обвалившуюся часть галереи. Заодно наглухо забили и дно воронки.

За этим делом незаметно прошел день. Стемнело, и пришлось зажигать свет. Вскоре солдатам принесли ужин. Стрелки и саперы расположились группами около котелков. Артиллеристы тоже сунулись было со своими котелками, но получили решительный отказ.

— Комендант приказал для них ничего не давать. Пусть, грит, убираются с форта подобру-поздорову со

своим прапорщиком,— сообщил вернувшийся ни с чем Юркин.

Блохин замысловато выругался и вопросительно посмотрел на Звонарева.

— Я сейчас схожу сам и выясню этот вопрос. В крайнем случае вернемся на Залитерную. Там нас, наверно, накормят.

Рязанов удивленно уставился на Звонарева, когда тот обратился с просьбой накормить солдат.

— Вы еще здесь? Советую вам возможно скорее исчезнуть с форта. У меня лежит рапорт поручика Дебогория-Мокриевича, в котором он обвиняет вас в открытом неповиновении и грубом нарушении воинской дисциплины. Я должен вас немедленно арестовать и направить в штаб района.

— Сейчас идет разговор не обо мне, а о солдатах. Прошу их накормить!

— Ваших разбойников я немедленно же прикажу выгнать в три шеи. Они вносят дезорганизацию в среду стрелков и саперов!

Неизвестно, чем бы кончился этот разговор, не появись в каземате Рашевский.

— Рад вас видеть в добром здравии, Сергей Владимирович,— крепко пожал он руку прапорщику.— Расскажите подробно, что с вами произошло. Признаюсь, не ждал видеть вас живым, когда мне в штабе показали донесение капитана Рязанова и присланные им ваши вещи. Письмо ваше мадемуазель Белой отправлено.

«Бедная Варя только зря будет беспокоиться!» — подумал прапорщик, совсем забывший о ночном послании.

Он подробно рассказал Рашевскому все перипетии минувшего дня, вплоть до своего изгнания с форта. Подполковник слушал молча, теребя свою бородку и делая заметки в полевой книжке.

— Сколько у вас было денег, Сергей Владимирович? — внезапно спросил он.

— Сто двадцать четыре рубля с копейками.

— В штаб доставлено всего двадцать четыре рубля.

— Украли по дороге, мерзавцы! — покраснев, воскликнул Рязанов.

— Советую вам, капитан, эти деньги поискать,— обернулся к нему Рашевский.

Затем он прочел рапорт Мокриевича и спокойно проговорил:

— Все это, конечно, сплошная чепуха. Поручика я переведу на форт номер три, куда он сейчас и отпра-

нится. Все работы здесь я поручаю прапорщику Звонареву. Артиллеристов надо немедленно накормить, капитан. Пойдемте в капонир.— И Рашевский поднялся со стула.

— Скажите откровенно ваше мнение о порядках на этом форту,— спросил он по дороге Звонарева.

— Да тут никакого порядка нет! Офицеры сидят в своем блиндаже, а солдаты обороняют форт по своему разумению. Вернее всего, главным командиром и покровителем форта состоит исконный заступник земли русской — Николай-угодник,— улыбнулся прапорщик.

— Придется сменить командира. Рязанова отправим в другое место, Карамышеву поручим произвести вылазку и определить направление японских галерей.

— Лучше уж я возьму это на себя. Он едва ли сумеет, или, вернее, едва ли захочет выполнить как следует.

— Заставим. Не доставит нужных сведений — пошлем в разведку еще раз, пока не добудет того, что нам нужно.

Осмотрев работы на месте, Рашевский одобрил все мероприятия прапорщика и поблагодарил за службу артиллеристов.

— Здорово ж тебе физиономию помяло при обвале,— заметил подполковник, взглянув на Блохина.

— Это его изукрасил Мокриевич,— ответил Звонарев.

— И тебя тоже? — спросил у Лебедкина Рашевский.

— Так точно, ваше высокоблагородие.

— Тяжел на руку поручик. Очевидно, еще не очень изголодался,— заметил подполковник.— И об этом я доложу Кондратенко. Он органически не переваривает «дантистов». Не дать ли вам и вашим солдатам день-другой передышки, а то вы здесь уже чуть ли не неделю без отдыха?

Не откажемся.

— Тогда я завтра вам пришлю на смену саперов, но эту ночь вам придется еще провести здесь.

Звонарев поблагодарил за внимание.

На обратном пути из капонира в плохо освещенной потерне они неожиданно встретились с Варей.

Да не бегите сломя голову, вам же говорят, что он жив и здоров,— слышался из темноты голос Борейко, едва поспевавшего за девушкой.

Но Варя, рискуя разбить лоб, стремительно неслась вперед, пока не налетела на офицеров. Не разобрав в темноте, кто перед ней, она схватила за руку Рашев-

ского и дрожащим от слез и волнения голосом воскликнула:

— Вы живы, целы, Сереженька?.. Если бы вы знали, что я пережила сегодня! Как только получила ваше письмо, бросилась в штаб, попросилась на фронт — не пускают, пошла на Залитерную к Медведю. Тут и он зашевелился и приволок меня прямо сюда! — быстро говорила девушка, вглядываясь в лицо Рашевского.

— Хоть я и Сереженька, но не тот, какой вам нужен,— тихонько освободил свою руку подполковник.

— Ах, извините, я совсем голову потеряла от волнения! Я думала, считала... не увижу.— И Варя неожиданно громко всхлипнула, уцепившись на сей раз уже за Звонарева.

— Успокойтесь, милая Варя, ведь все обошлось благополучно,— тихонько гладил припавшую к его груди девушку прапорщик.

Рашевский и Борейко из деликатности пошли вперед.

— Вы должны немедленно, сегодня же, сейчас же уйти с этого проклятого форта, иначе я совсем рехнусь! Слышите, Сергей Владимирович?

— Мне разрешают завтра отлучиться отсюда на один день.

— Нет, вы не должны, не смеете возвращаться сюда, я этого не хочу, вы должны пожалеть меня. Я пойду к Кондратенко и попрошу за вас, откажет — брошусь перед ним на колени и не встану, пока он вас не отпустит отсюда,— быстро бормотала Варя.

— Лучше вам не вмешиваться в это дело. Как только минная галерея будет окончена, меня отпустят на Залитерную.

— И опять пошлют в какое-нибудь пекло...

— Весь Артур сейчас в таком же положении. Побольше спокойствия, Варюша. Завтра я буду на Залитерной, приходите и вы туда. Поговорим обо всем,— уговаривал Звонарев девушку.— Ну, будьте молодцом. Нас, верно, уже ждут.

Миновав казармы, они прошли в офицерский каземат. Тут они застали Борейко, Рашевского и Рязанова. Последний был смущен и взволнован.

— Прапорщик меня неверно понял, тут явное недоразумение, смею вас в этом уверить,— бормотал он.— Вот и ваши сто рублей нашлись, они случайно завалились в ящике стола,— проговорил Рязанов, протягивая деньги.— Теперь, кажется, все на месте?

 Звонарев сухо поблагодарил его.

— Поскольку все здесь улажено, можно двигаться и домой,— стал собираться в обратный путь Рашевский.

— И мы с вами,— присоединились Борейко и Варя.

— Сергей Александрович, а здесь нельзя устроить перевязочный пункт, как у Авророва? — спросила Варя.

— Отчего нельзя — можно. Но кто за это возьмется?

— Я...

— Тогда нельзя,— решительно ответил Рашевский.

— Это почему? — вскинулась Варя.— Я, то есть мы с Сергеем Владимировичем, оборудовали пункт номер два у Залитерной, и нас даже Кондратенко похвалил.

— Нельзя потому, что вы при каждом разрыве снаряда или бомбы будете бросать раненых и бежать разыскивать Сергея Владимировича,— ответил Рашевский.— Он тоже будет беспокоиться о вас.

— Он обо мне и не думает! Если бы это было так — он не согласился бы пойти сюда на минную работу.

— А записку забыли? — спросил Звонарев.

— Один раз в счет не идет...

Звонарев и Рязанов проводили гостей за мост и вернулись в каземат. Мокриевича уже не было. Карамышеву было дано задание организовать вылазку, и он, пользуясь темнотой, пытался найти наиболее удобный путь для выхода с форта.

— Надеюсь, вы на меня не в претензии, Сергей Владимирович, за те небольшие шероховатости, которые сегодня имели место,— проговорил Рязанов, почувствовавший необыкновенное расположение к прапорщику после разговора с Рашевским.

Звонарев буркнул что-то неопределенное и откланялся. Он решил ночевать сегодня не в офицерском каземате, а в капонире, около места работ. Там он застал своих солдат за ужином. В бачке плавали несколько бобов и разваренная картошка.

— От такой еды никакой силы не может быть у человека. Бурда да в придачу китайская чумиза,— ворчал Блохин.— Скорей бы попасть к себе на Залитерную!

— Ничего удивительного, если солдаты болеют от такой пищи,— проговорил прапорщик.

— Мы для себя займем этот каземат. Пусть он будет нашим, артиллерийским,— решил после еды Блохин.— А ну, пехтура, вались отсюда и забирай с собой всех своих вшей,— обернулся он к стрелкам, толпившимся вокруг.

— У тебя, что ль, их нет? — обиделся один из стрелков.

— Есть, как не быть, да другого фасона — антиллеристского образца тысяча восемьсот семьдесят седьмого года.

— Что же, они не кусаются, что ли?

— Нас не трогают, а пехоцких загрызают до смерти,— зубоскалил Блохин.

Утомленные за день Звонарев и Блохин задремали на охапке гаоляна, брошенной на пол. Прапорщик вспомнил Варю, ее сегодняшнее неподдельное волнение и остро почувствовал, как прочно она уже вошла в его жизнь, эта славная, так привязавшаяся к нему девушка.

«Скорее бы кончилась война, тогда можно будет и попытать счастья в семейной жизни»,— со вздохом подумал Звонарев, погружаясь в глубокий сон. Около полуночи прапорщик проснулся от холода и пошел посмотреть, что делается на месте работ. Два сапера и два стрелка под руководством Лебедкина усердно рыли колодец, углубляя галерею, и в мешках выносили землю. В забитом конце туннеля чуть прослушивались стуки японцев, ведущих подкоп.

«Надо возможно скорее выяснить направление и характер их работ»,— подумал Звонарев, входя в капонир. Он поделился своими соображениями с солдатами.

— Пойдем, Сергей Владимирович, сами на разведку,— предложил Блохин, тоже очнувшийся от сна.— Сейчас ночь, темно, постараемся пробраться к японцу в гости. Быть может, и узнаем кое-что.

Оставив Лебедкина за старшего, прапорщик вместе с Блохиным отправился к Рязанову. Капитан сидел за столом и пил водку. Перед ним стоял взволнованный Карамышев в испачканной землей шинели.

— Как хотите, Василий Петрович, а я больше туда не пойду. Японцы завели маленьких собак, очень чутких, которые сразу же начинают лаять, едва заслышат малейший шорох, и этим предупреждают о нашем приближении.

Звонарев сообщил о своем желании лично произвести разведку японских работ.

— Приветствую ваше намерение. Если вы руководите минными работами, вам и книги в руки. Не желаете ли выпить «русский флаг»?

Звонарев отказался, зато Карамышев с видимым наслаждением налил в стакан сначала водки, затем синий пеперминт и сверху красный абрикотин. Не смешивающиеся между собой жидкости составили основные цвета русского флага, откуда и произошло название напитка.

Проглотив одним глотком стакан, поручик сразу побагровел.

— Может быть, вы теперь рискнете повторить вылазку вместе с прапорщиком? — спросил Рязанов, усмехаясь в усы.

— Нет, сегодня я уже достаточно наигрался в жмурки со смертью. Отложим до завтра. Я немного прилягу.— И через мгновение поручик храпел на весь каземат.

Рязанов молча пил водку.

— Пройдемте по форту,— предложил он Звонареву.

Они спустились из офицерского каземата в расположенный внизу пустой пороховой погреб, а затем попали в нижний этаж горжевой казармы. Прикрытый верхним этажом, землею и прослойкой камней, он являлся самым защищенным убежищем на форту.

Едва они открыли дверь, как им в нос ударил крепкий запах йодоформа, карболки и еще каких-то лекарств. К этому примешивался обычный солдатский дух — пота и немытого тела. Первое, что они увидели, войдя внутрь, было несколько трупов, лежащих на нарах.

— Убрать, пока не завоняли,— распорядился Рязанов.

Рядом с убитыми лежало человек десять раненых. Санитары поили их водой, подбинтовывали раны и по возможности старались подбодрить своих пациентов. В воздухе плавали облака густого махорочного дыма, который раздражал глаза и горло. Керосиновые лампочки тускло светили.

— Открыть дверь, проветрить! Накурили так, что дышать невозможно,— распорядился Рязанов.

Звонарев обратил внимание на то, что многие солдаты были полураздеты.

— Как же они выскочат по тревоге? — спросил он.

— Здесь помещается резервная полурота. Она вызывается не сразу, поэтому у солдат будет время одеться,— пояснил капитан.

В конце казармы был устроен склад бомбочек. Несколько сот их лежало прямо под нарами, на которых лежали солдаты. Тут же стояли цинковые ящики с ружейными патронами.

— Почему все это находится здесь, а не в пороховом погребе? — удивился Звонарев.

— Покорно благодарю! Погреб помещается рядом с нашим казематом. Стоит одному снаряду попасть в него, и мы взлетим на воздух, а тут и более укрыто, и при

взрыве пострадает солдатня, а не мы,— спокойно ответил капитан.

Обойдя нижний этаж, они по лестнице поднялись вверх. Тут картина была несколько иная. Солдаты сидели или лежали на нарах с винтовками, почти никто не спал. В любую минуту вся рота могла выйти с оружием в руках. Около входа стояли приготовленные к действию пулеметы с вдетыми лентами. Рядом дремали пулеметчики. При появлении офицеров солдаты вскочили и вытянулись. Рязанов неторопливо прошел вдоль нар, осматривая стрелков.

Несколько глухих взрывов, донесшихся со стороны внутреннего дворика форта, отвлекли внимание капитана.

— Японец сегодня сильно волнуется с самого вечера, как бы не полез на штурм,— забеспокоился Рязанов.

— Он, ваше высокоблагородие, слышит, как мы роемся под землей, и трусит, что его могут взорвать. Со страху и бомбочки бросает,— вмешался Блохин.

— Я вернусь в свой каземат,— проговорил капитан,— вас же попрошу понаблюдать с брустверов, что делается у противника.

Звонарев повиновался. На дворе было очень темно. Низко нависли тяжелые тучи, шел нудный осенний дождь, сквозь который с трудом пробивались лучи прожекторов.

Когда глаза привыкли к темноте, прапорщик различил фигуры часовых, припавших к бойницам. Несмотря на темноту, ружейная перестрелка не замолкала ни на минуту.

— Берегись! — крикнул Блохин и толкнул Звонарева за прикрытие. Почти тотчас блеснул яркий огонь и грохнул взрыв ручной гранаты.

Поднявшись затем на бруствер, Звонарев и Блохин стали вглядываться в окружающую темноту. За пеленой дождя японские окопы едва выступали чуть заметной полоской. На ней то здесь, то там вспыхивали на мгновение огоньки ружейных выстрелов.

— Вот бы сейчас пойти в разведку,— проговорил Блохин.

— Завязнешь в грязи и заплутаешься в темноте,— возразил Звонарев.

— Никак нет! В такую погоду только и ползать к японцу в гости. Давайте сходим сейчас на укрытый ход,— предложил он.— Там до врага рукой подать: может, что ежели и не увидим, то услышим.

Звонарев замялся. Укрытый ход представлял собой узенькую, в аршин шириной, тропинку, которая шла по наружному краю рва вдоль крыши контрэскарпной галереи. Даже днем там легко было оступиться и упасть с трехсаженной высоты в ров. Теперь же двигаться по нему было во много раз опаснее. С наступлением темноты здесь выставлялись часовые. Поколебавшись немного, он все же согласился. Они осторожно миновали дворик и зашли к Рязанову, которому сообщили свои наблюдения и планы.

— Желаю успеха, хотя и уверен в противном,— напутствовал их капитан.

Добираться до укрытого пути пришлось ощупью, на четвереньках. Их окликнул испуганный голос часового:

— Кто идет?

Узнав, кто идет и зачем, он вызвался проводить их до самого капонира.

Заметив движение, японцы открыли ружейный огонь и начали бросать бомбочки. Одна упала к самым ногам Звонарева. В темноте чуть заметной точкой тлел бикфордов шнур. Прапорщик остолбенел от ужаса. Еще мгновение, и фунтовый заряд пироксилина взорвется у его ног, убьет или искалечит на всю жизнь. Звонарев как зачарованный смотрел на тлеющий огонек, не двигаясь с места.

— Пошла дальше,— спокойно проговорил стрелок, сталкивая бомбочку в ров, где она тотчас же взорвалась.

Тут только прапорщик вполне осознал, какой опасности он только что избежал.

— Спасибо тебе, братец! — схватил он солдата за руку.

— Э, что, вашбродие! Пустое это. За ночь-то сколько их таких перекидаешь в ров,— неторопливо рассказывал стрелок.

Добравшись до крыши капонира, Звонарев хотел было высунуться и посмотреть вперед, но в это время луч японского прожектора остановился против этого места. Опять пришлось томительно ожидать, пока он сдвинется в сторону. Прапорщик стал дрожать от холода.

— Пошли назад,— предложил он Блохину.

— Подождем еще малость, Сергей Владимирович. Сосчитаю до ста: коль прожектор не уйдет — поползем домой.

Не успел он просчитать и до пятидесяти, как луч угас и опять стало совершенно темно. Блохин мигом вскарабкался на бруствер и пополз вперед. Звонарев

и двое часовых остались ожидать на месте. До японцев здесь было всего шагов тридцать. В тишине ясно слышался их гортанный говор, стук лопат, звяканье железа и тонкий, пискливый лай маленьких сторожевых собачонок.

— Ох, и вредные же они! За сто шагов русского человека чуют, а на своих не лают,— сообщил шепотом один из стрелков.

Прислушиваясь к разговору, Звонарев внимательно всматривался туда, где скрылся Блохин.

— А ну, потише, послушаем, что впереди делается,— остановил он солдат.

— Вы, вашбродь, не очень высовывайтесь, может и заметить,— предупреждали стрелки.

Вдруг впереди у японцев звонко залаяла собака.

— Почуяла, стерва,— буркнули в один голос солдаты.— Будет теперь баня.

После полуминутного молчания посыпались ружейные выстрелы, полетели бомбочки. Прапорщик и стрелки припали к самому брустверу.

— Пропал, черт рябой,— проговорил один из стрелков, имея в виду Блохина.

Переждав минуту, Звонарев все же рискнул на мгновение высунуться из-за бруствера и чуть не ударился лицом о сапоги ползущего назад Блохина. Солдат удивительно тихо и неслышно спустился на укрытый путь.

— Ничего не видел, а где работают — слышал: чуть правее нашего.

Прошло не меньше четверти часа, пока японцы наконец успокоились. За это время несколько бомбочек опять упали совсем рядом с прапорщиком, но он уже спокойно скидывал их в ров, где они и рвались.

— Надо придумать такую бомбочку, чтобы она взрывалась от удара,— заметил Блохин.— Пошли обратно, Сергей Владимирович.— И артиллеристы тихонько двинулись вдоль бруствера.

Рязанов крепко спал, положив голову на стол. Рядом с ним стоял недопитый стакан водки.

— Разрешите, вашбродь? — проговорил Блохин и, не дожидаясь ответа, опрокинул водку себе в рот.— Сразу веселее на сердце стало,— улыбнулся он.

Карамышев храпел на кровати. Прапорщик не захотел будить офицеров и вместе с Блохиным направился в капонир.

Проходя через казармы, Звонарев обратил внимание на то, что сегодня здесь почти никто не спал. Посредине

на нарах сидел бородатый и уже не молодой солдат и рассказывал сказку. Стрелки — кто лежа, кто сидя — расположились вокруг и, дымя цигарками, внимательно слушали.

— Почему не спите? — обратился офицер к вскочившим при его появлении солдатам.

— Японец что-то больно разыгрался нынче. Все время бомбочки бросает. Как бы не полез на нас,— пояснил один из унтеров.

— Ну, пошли, Блохин,— заторопил Звонарев.

— Пехтура народ скучный — никакого тебе веселья нет у них в голове. То ли дело у нас: Белоногов споет — душа радуется, Заяц представит — живот от смеха лопается, поручик рыкнет — так всего до печенок проберет! — разливался Блохин, идя за офицером.

В контрэскарпной галерее солдаты тоже бодрствовали у костров, разложенных прямо на бетонном полу. Дым клубами плыл по потолку.

— Удивительное дело! Сегодня все офицеры спят, а солдаты глаз не смыкают,— сказал прапорщик.

— Держут форт, чтобы невзначай его японец не захватил.

— Об этом должны прежде всего беспокоиться командиры, а затем уж солдаты.

— Солдат сам обо всем подумает,— ему начальство совсем даже без надобности. Сказано — держи форт, они и держат его всем миром.

Работы в минных галереях шли полным ходом. Лебедкин распоряжался всем — и стрелками и саперами. Юркин помогал ему, объясняя, что и как надо делать. Солдаты беспрекословно их слушали, признав авторитет артиллеристов.

— С обеих гальдерей японцев слышно. В левой — справа, а в правой — слева. Видать, они роют между нашими,— доложил Лебедкин.— Отросток бы теперь дать ему напоперек.

Звонарев побывал в обеих галереях, послушал доносящиеся стуки и согласился с мнением Лебедкина.

— Завтра саперы начнут рыть боковую галерею,— сообщил он солдатам.

Было около трех часов утра, когда он наконец улегся на соломе рядом с уже храпевшим Блохиным.

Утром прибыл с несколькими саперами прапорщик минной роты Берг. Передав ему работу, Звонарев со своими артиллеристами зашагал на Залитерную. Тут толь-

ко он почувствовал, как сильно устал морально и физически за десять дней, проведенных на втором форту.

После бани и крепкого сна Звонарев сразу даже не мог понять, где он находится. Не хотелось открывать глаза, во всем теле ощущалась приятная свежесть. Прапорщик прислушивался к полузаглушенным разговорам в блиндаже: как шмель, гудел Борейко, его то и дело перебивал чей-то прерывистый сердитый шепот. На столе позвякивала посуда. Извне глухо доносилась стрельба. Затем хлопнула дверь, и звонкий голос Васи возвестил:

— Тетя Харитина сейчас принесет подогретый обед!

— Тише ты, разбудишь Сергея Владимировича,— остановил его голос Вари.

— Не беда, если и проснется. Дрыхнет целый день без просыпу,— отозвался Борейко.

Звонарев открыл глаза и сладко зевнул.

— Агусеньки, Сереженька! — наклонился над ним поручик.

Вася громко засмеялся, за что и получил шлепок от своей строгой наставницы.

— Добрый вечер, Сергей Владимирович,— неожиданно приветствовала его Леля.— Ну-с, Борис Дмитриевич, пойдемте к столу, пусть наши голубки здесь на свободе поворкуют.

За обедом Варя потребовала подробного рассказа о событиях, происшедших на втором форту.

— Вы туда больше не вернетесь,— объявила она, протягивая прапорщику бумагу.

«Вы временно откомандировываетесь на форт номер три,— с удивлением читал Звонарев,— где вам надлежит организовать работу прожекторов. Начальник штаба капитан *Степанов*».

— Как она к вам попала? — спросил он, подозрительно поглядывая на девушку.

— Шла мимо штаба, справилась у Степанова о вас. Узнав, что я иду к вам, он и всучил мне это послание.

— Это называется из огня да в полымя. На третьем форту еще беспокойнее, чем на втором. Его почти беспрерывно обстреливают одиннадцатидюймовыми бомбами.

— Тогда вы не идите на этот форт, пока не переговорите с Рашевским,— сразу забеспокоилась Варя.

— Наше дело маленькое, куда велят, туда и пойдем...

В дверь постучали, и вошла Харитина, в женском платье, повязанная платком.

— Здравствуйте, Сергей Владимирович,— приветствовала она прапорщика.— Вы будто похудели на форту.

— Здравствуйте, Харитина. Решили перейти в свое природное положение?

— Попробую; а может, и опять в окопы потянет.

— А Шметилло где?

— Капитан находятся на укреплении номер три. И меня туда звали, да я здесь на Залитерной застряла.

— Это все наш сказочник Ярцев виноват.

— Ой, что вы! — густо покраснела молодая женщина.— Он тут совсем ни при чем. Мне поручик приглянулся. Высокие они, такие видные. Сердце у них ясное, чистое, а что пьет — не беда. Кто же из мужиков-то не пьет,— убежденно проговорила Харитина.— Пойдем-ка со мной, сынок,— позвала она Васю.— Я тебя малость причешу, а то смотри, какой ты стал вихрастый.

Вскоре после их ухода в блиндаж торопливо постучался Родионов. Его обычно спокойное и суровое лицо выражало сильное волнение.

— Нельзя ли вас попросить к нам в блиндаж, сестрица? — обратился он к Варе.— Надо перевязать раненого.

— Сергей Владимирович, где бинты? — вскочила Варя.

— Что случилось? — торопливо спросил Звонарев, накидывая шинель.

— Блохин, черт пьяный, сказочника изувечил,— сердито ответил фейерверкер.— Как пришел утром с форта и узнал, что Харитина проводит с Ярцевым все время, так и начал к тому приставать. А сейчас явился откуда-то пьяный и сразу полез в драку. Ярцев, обороняясь, хватил его табуреткой по башке, а тот, варначья душа, японским тесаком сказочнику голову рассек.

— Блохина немедленно связать и посадить под арест.

— Скрутили уж. Здоровый он, впятером едва осилили. Пришлось даже малость прикладом стукнуть.

В крайнем блиндаже на нарах лежал с окровавленной повязкой на голове Ярцев. Около него плакала, утирая слезы концами головного платка, Харитина.

— Егорушка, соколик ты мой ненаглядный! За что тебя злодей убил-покалечил,— причитала она.

Варя вместе с Мельниковым начала перебинтовывать раненого. Слева над ухом зияла большая резаная рана.

— Черепные кости целы. Рана неопасная, поверхно-

стная,— обернулась Варя к Звонареву.— Его надо сейчас же на подводе отправить в госпиталь с моей запиской. Пусть положат в мою палату на полу. Завтра я его устрою как следует.

Пришедшему Борейко Звонарев и Родионов подробно доложили о случившемся.

— Придется Харитину с батареи убрать. Пока она никому предпочтения не давала — все шло хорошо, а как предпочла сказочника — все остальные просто с ума посходили. Крики, брань, драки... Возьмите ее к себе в госпиталь,— обернулся он к Варе.

— Не знаю, захочет ли она,— неуверенно заметила Варя.

— Здесь я ее держать больше не стану. Готов командовать тысячей мужчин, но ни одной бабой командовать не хочу.

— Бабой! Грубиян вы этакий,— возмутилась Варя.

Вскоре раненого отправили в госпиталь с Харитиной, Лелей и Васей. Борейко приказал держать Блохина связанным до утра.

Варя и Звонарев отправились в штаб Кондратенко. Было уже совсем темно. По чуть заметной во тьме дороге, все время спотыкаясь и поддерживая на ходу друг друга, они добрались до места.

— Мы пришли спросить, нужно ли Сергею Владимировичу отправляться завтра на форт номер три,— обратилась Варя к встретившему их Науменко.

— Приказ касается прапорщика Звонарева и совсем не обязателен для вас, мадемуазель,— шутливо ответил ей подполковник. Затем он в двух словах объяснил Звонареву задание.

— Я тоже буду проситься на форт номер три, на перевязочный пункт к доктору Авророву,— проговорила Варя.

— Заранее предупреждаю, что вам в этом будет отказано.

Прапорщик пошел проводить Варю в госпиталь.

— Как здоровье Сахарова? — спросил Звонарев, когда они проходили мимо больницы Красного Креста.

— Представьте, выскочил. Тиф принял лизисную форму, температура спадала постепенно, и он на пути к полному выздоровлению. Давайте зайдем к нему.

— Не поздно сейчас?

— Со мной пропустят в любое время.

Сахарова они застали в одиночной палате дремлющим. Он сильно осунулся. Варя осторожно потрогала

его руку. Она была влажная и холодная. Не желая его беспокоить, они тотчас вышли. В коридоре они неожиданно встретились с Гантимуровым. Князь любезно раскланялся и сообщил, что он принес Сахарову лимоны.

— Он спит, его нельзя будить,— предупредила девушка.

— Я на одну секунду, только положу их к нему на стол.— И Гантимуров вошел в палату.

Он тихонько подошел к больному и окликнул его. Капитан не ответил. Поручик оглянулся. Взгляд его упал на плохо закрытую форточку. Гантимуров подошел к окну, широко распахнул ее. Струя сырого, холодного воздуха сразу ударила в больного. Князь поспешно вышел, старательно прикрыв за собой дверь. На его лице появилось выражение злобного торжества. В вестибюле он нагнал Варю и Звонарева, еще раз учтиво с ними раскланялся и скрылся за дверью.

— Как ни верти, Блохин, выходишь ты сволочью,— сурово говорил Борейко, сердито глядя на стоявшего перед ним солдата.— Посмотри на свою рожу — черт на ней в свайку играл! Голос у тебя грубый — лаешь, а не говоришь. Двух слов без площадной брани не выговоришь. Куда тебе до сказочника! Тот и лицом чист, и голосом тих, и речь у него ласковая. Конечно, он, а не ты пришелся Харитине по нраву.

Блохин глубоко вздохнул. При этом его изувеченное в драке лицо страшно перекосилось.

— Я, вашбродие, у ней попрошу прощенья, что Ярцева попортил.

— Чтобы она тебя огрела по башке поленом? Дело не в том. Как мог ты кинуться с оружием на своего же брата солдата? И из-за чего? Бабу не поделили?

Борейко говорил необычно для него спокойно, с грустью глядя на Блохина.

— Сегодня из-за бабы сказочника порезал, завтра еще кого-нибудь пристукнешь. Нам на батарее таких солдат не надо. Откомандирую я тебя на минные работы на форт номер два. Баб там и близко нет,— авось башка твоя проветрится. Я спрашивал солдат, что с тобой делать. Они так и просят — пусть уходит, может, одумается. Такой разбойник, что своих калечит, нам не нужен.

Блохин побагровел и прерывающимся от волнения голосом спросил:

— Неужто насовсем от себя гоните, вашбродь?

— Сейчас — да, а там видно будет, как дело пойдет.

— Вашбродь, что я за проклятущий такой, что со мной никто и знаться не хочет? Разрешите хоть с прапорщиком быть...

— Спроси об этом у него. Возьмет — будешь, не возьмет — значит, и ему поперек горла стал. Так-то, брат Филя. Проштрафился — иди замаливай грехи. По закону я должен был отдать тебя под суд.

— Так, может, потом и обратно возьмете? — с надеждой в голосе спросил солдат.

— Хорошего человека отчего не взять, а дряни нам не надо.— И поручик отошел.

Через пять минут Блохин с узелком под мышкой уходил с батареи. Солдаты, сумрачные, молчаливые, старались на него не глядеть, даже когда он заговаривал с кем-нибудь.

— Прощайте, братцы, да не поминайте лихом, коль смерть приму на форту...

Никто ему не ответил.

— А жаль Блоху. Парень он не плохой,— неожиданно обернулся Борейко к Родионову.

— Проучить его, Борис Дмитрич, надо, чтобы на всю жизнь запомнил,— ответил фейерверкер.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Через несколько дней Звонарев получил приказ отправиться на форт номер три.

Около штаба Восточного фронта он застал роту «баянцев», пришедшую в резерв. Моряки в черных бушлатах, высоких сапогах, с винтовками и подсумками своим видом напоминали больше морскую пехоту, чем матросов. Командовал ими Павлик Сойманов. Поздоровавшись с ним, прапорщик справился, зачем здесь моряки.

— Прибыли на помощь форту номер три и укреплению номер три. К вечеру должны будем сменить в них часть гарнизона. Пока же стоим неизвестно зачем,— жаловался лейтенант.

В свою очередь, прапорщик рассказал ему о своем назначении на третий форт.

 — Значит, вместе будем! — обрадовался Сойманов.

Появление Фока верхом на лошади заставило их отойти к своим частям.

— Здорово, матросня! — приветствовал моряков генерал, прибавив при этом, как всегда, матерщину.

Моряки рявкнули что-то похожее на ответную брань. Но Фок только добродушно улыбнулся и тут же завернул несколько совершенно нецензурных выражений, вызвавших громкий смех среди солдат и матросов. Довольный произведенным эффектом, Фок слез с лошади и, подозвав офицеров, вошел с ними в штабной блиндаж. Надеин и Степанов поднялись ему навстречу.

— Генерал Стессель приказал мне подробно ознакомиться с положением на вашем участке и обо всем доложить ему,— проговорил Фок, пожимая им руки.

— Шлушаюшь,—прошамкал Надеин.— Капитан Штепанов шейчаш вше доложит вашему превошходительштву.

Начальник штаба подошел к карте и подробно стал объяснять, что происходит на каждом форту и батарее.

— Выходит, что японцы присосались к фортам второму и третьему и укреплению номер три. Сколько же времени они, по-вашему, смогут еще продержаться? — спросил Фок, делая заметки в записной книжке.

— Ждавать их я не шобираюшь,— отрезал Надеин, но Фок на него даже не посмотрел, ожидая ответа Степанова.

— Я вполне разделяю мнение его превосходительства,— ответил капитан.

— Нет таких крепостей, которые не сдавались бы, тем более нет таких фортов. Нужно заранее определить срок ее возможной обороны и своевременно подготовиться к ее очищению.

— Шрок обороны иштечет тогда, когда на форту не оштанетшя жащитников. Пока я жив, форты жданы не будут, ешли мне даже это прикажут! — разволновался старик, тряся от возбуждения своей длинной белой бородой.

— Надо, Митрофан Александрович, всегда исходить из реального соотношения сил, а не из личных побуждений и чувств. Мне тоже совсем не хочется, чтобы форты были сданы, но предусмотреть эту возможность необходимо.

— Генерал Кондратенко больше заботится об укреплении фортов, чем о сроке их сдачи,— заметил чуть насмешливо Степанов.

— Надоел мне этот умник! В Артуре сложилось мнение, которое, к сожалению, разделяет даже Стессель, что Кондратенко все знает, все может и, кроме него, в крепости нет ни одного толкового человека. По-моему же, он приносит больше вреда, чем пользы. Возьмите, например, избыток солдат в окопах. Зачем это? Это ведет только к излишним потерям. Зря льется солдатская кровь. Если война затянется и через месяц Куропаткин не будет у Цзинджоу, то Артур обречен на капитуляцию.

— Ошобенно при наличии таких генералов, как ваше превошходительштво,— не утерпел Надеин.

— Вы, очевидно, переутомлены от слишком долгого пребывания на позициях, и вам следует отдохнуть,— спокойно, не повышая голоса, чуть поблескивая своими холодными серо-голубыми глазами, ответил Фок.

— Пока у меня ешть шилы, буду нешти шлужбу его величешства.

— Итак, господа, я хотел бы, чтобы вы продумали вопрос о пределе обороны атакованных фортов и в письменной форме доставили генералу Стесселю ваши соображения.

— Прошу предштавить и этот приказ в пишьменной форме,— потребовал Надеин.

— Сегодня же получите.

— Тогда и подумаем, што нам ш ним делать, а равно и ш теми генералами, которые отдают такие прикажания! — весь трясся от негодования Надеин.

— Вредно так волноваться в ваши почтенные годы,— с издевкой проговорил Фок, поднимаясь со стула.

Через минуту он уже трусил мелкой рысцой, направляясь в тыл.

Степанов бегло ознакомил Звонарева с положением на форту и попросил его вечером прийти с докладом в штаб.

— Вообще я считаю ваше постоянное пребывание на фортах ненужным. Вы — инструктор, а не офицер гарнизона, поэтому вы должны ночевать при штабе. Пока желаю счастливого пути,— пожал ему руку капитан.

Воспользовавшись некоторым затишьем, Звонарев и Сойманов напрямик пошли к форту. Военная дорога здесь шла узкой лощиной почти до самого форта, который возвышался на крутой каменистой сопке.

Комендант форта штабс-капитан Булганов, подвижной, веселый человек лет тридцати, приветливо встретил гостей и провел их в конец казармы, где за занавеской он расположился с двумя младшими офицерами и ветери-

нарным врачом Авроровым. Доктор заведовал на форту перевязочным пунктом.

— Правда, воздух у нас не лучше, чем в остальной казарме, и далеко не спокойно, зато нижние чины всегда у меня на глазах, а мы — у них. Это обеспечивает непосредственную и постоянную связь с ними, что очень важно в военное время,— пояснил он Сойманову и Звонареву.— Прошу закусить чем бог послал,— не то конинкой, не то ослятинкой. Отдельной кухни от солдат у нас нет, питаемся из общего котла.

— И жестоко страдаем желудками,— докончил Авроров.

— Вода, правда, у нас привозится из города в бочках и часто бывает несвежая, от этого болеем и мы и солдаты, но улучшить водоснабжение все же не удается,— продолжал капитан.

Узнав о цели визита своих гостей, он предложил вместе пойти осмотреть форт.

— Пока он еще не окончательно разбит одиннадцатидюймовыми бомбами. Вчера, сволочи, десять снарядов влепили, засыпали наполовину левый ров, отбили угол капонира, разрушили горжевой бруствер. Мы всю ночь провозились потом с починкой.

Следуя за Булгановым вдоль казармы, Звонарев обратил внимание на то, что при проходе офицеров солдаты продолжали спокойно сидеть и заниматься своими делами. Некоторые из них подходили к командиру с различными вопросами. Капитан держался с ними просто, шутил, хлопал по плечу и шел дальше. Заметили это и прибывшие с Звонаревым солдаты.

— Комендант-то здесь не очень форсистый, вроде нашего поручика, не то что на втором форту,— говорили они.

Из казармы, по короткой потерне, они вышли во внутренний дворик форта и оказались перед четырехорудийной батареей шестидюймовых пушек, примыкавшей к правому брустверу. Одно из орудий было подбито и лежало на боку. Артиллеристов не было видно.

— С час тому назад попали,— указал Булганов на лежавшую на земле пушку.

— И все потому, что она стоит открыто,— вставил Сойманов.— На Скалистом кряже, где мы, моряки, строим новые батареи, все орудия устанавливаются на обратных скатах.

— Наконец-то за ум взялось ваше начальство,— отозвался Звонарев.

Из бокового блиндажа батареи появился молодой поручик Соломонов, которого Звонарев раньше встречал на цзинджоуских позициях. Раненный в ногу на батарее литеры Б во время августовских боев, он и сейчас еще ходил с палочкой.

— Привет артурскому Архимеду,— поздоровался он с прапорщиком.— Ваше появление у нас сразу же подняло мой слабеющий дух. Не желаете ли заглянуть ко мне в келью?

— Мы, Александр Александрович, сейчас заняты и зайдем к вам на обратном пути,— ответил за Звонарева капитан.— Лихой артиллерист, но любит заложить за галстук,— заметил он, когда они отошли от батареи.

Внутренний дворик вдоль и поперек был загроможден траверсами из мешков для предохранения от пуль и осколков.

— Нас обстреливают с трех сторон. Брустверы недостаточно высоки, поэтому и приходится так загромождать внутренность форта,— пояснил Булганов.

Офицеры подошли к выходу в бетонную потерну, ведущую в капонир, расположенный в переднем рву. Потерна проходила через передний бруствер и спускалась под дном рва. У входа в нее стояли противоштурмовые пушки и пулеметы, приготовленные к быстрому выдвижению на валы форта при атаке. Обслуживались они матросами с «Пересвета», которые помещались в небольшом каземате рядом. Миновав слабо освещенную потерну, офицеры попали в капонир.

В отличие от второго форта, он был приспособлен для ружейно-пулеметной обороны и поэтому имел только узкие стрелковые бойницы. Они пропускали настолько мало света, что внутри капонира царил полумрак. Присмотревшись, Звонарев увидел несколько матросов и стрелков. Некоторые стояли, приложив ухо к задней стенке капонира.

— Слышно что-нибудь? — справился Булганов.

— Так точно. Постучит, постучит и перестанет,— ответил один из них.

— Какой здесь грунт? — поинтересовался прапорщик, прижав ухо к стене.

— Сплошь скала, и притом такая твердая, что лом — и тот часто не берет, не говоря уже о кирках и лопатах.

— До японцев, по-моему, не меньше двадцати пяти — тридцати саженей, если судить по силе доносящихся звуков.

— Они свою траншею ведут как раз на таком расстоянии.

— Раз так, то трудно определенно сказать, роют ли они траншею или ведут минную галерею,— решил Звонарев.— Все же следует незамедлительно приступить к противоминным работам. Крепления стен и крыши у вас, конечно, не потребуется. Я сейчас могу наметить и места для минных галерей,— предложил он.

Капитан вытащил план форта, на котором были нанесены линии японских траншей. При взгляде на карту стало очевидным их стремление возможно скорее продвинуться именно к капониру. В ближайшем будущем должна была начаться подземная борьба в непосредственной близости к форту.

— Не следовало допускать занятия японцами передних окопов,— заметил Звонарев,— теперь они оттуда легко могут опередить нас в продвижении под землей. Минная же галерея в непосредственной близости от капонира потеряет свой смысл.

— Это почему?

— Ведя подземные работы, мы стремимся подойти под противника и взорвать его. Вблизи же от стен капонира такой взрыв будет опасен прежде всего для нас, так как может разрушить капонир,— пояснил Звонарев.

— Быть может, уже и поздно начинать работы?

— О нет, время еще не упущено, но мешкать, конечно, не следует.

— Сейчас же пришлю сюда стрелков для работ. Саперов у меня нет.

— Со мной пришли два артиллериста, которые уже знакомы с ведением минных галерей. Они и будут руководить стрелками.

— Я могу прислать матросов. Среди них имеются шахтеры,— предложил Сойманов.

— Вот и отлично. Общее руководство возьмет на себя прапорщик Звонарев, в помощь вам я прикомандирую своего «фендрика», а сам перееду из казарм в помещение при входе в потерну. Оттуда мне будет близко до любого места форта.

— Но зато не очень удобно и весьма беспокойно,— заметил прапорщик.

— На войне с этим считаться не приходится. Очень признателен вам, господа, за все указания,— пожал руки гостям Булганов.— Заходил сюда вчера саперный поручик Мокриевич,— мямлил, мямлил, так ни с чем и ушел.

Подозвав солдат и матросов с «Баяна», Звонарев под-

робно разъяснил им, как приступить работам, что надо делать и чего следует опасаться. Булганов тоже слушал и старательно делал заметки.

— Если вас и не окажется на форту, я сам все растолкую солдатам,— улыбнулся он.— Пока на фронте тихо, давайте-ка полюбуемся на панораму, открывающуюся с нашего богом спасаемого форта.

— Надо думать, что помимо господа бога и гарнизон принимает в этом некоторое участие,— вставил Сойманов.

Все направились к выходу из капонира, сталкиваясь в полутемных узких переходах. Едва успели они выйти на дворик, как раздалось хорошо знакомое шипенье одиннадцатидюймовых бомб.

— Наша! — крикнул Булганов и, схватив за руки Звонарева и Сойманова, бросился обратно в потерну.

Едва они скрылись в ней, как на дворе взвились два огромных столба дыма, сопровождаемые страшным грохотом. Тысячи осколков и камней с визгом разлетелись во все стороны. Сойманов упал на землю, а капитан налетел на пулемет и сильно расшиб колено. Матросы и артиллеристы, не успевшие еще выбраться из потерны, побежали назад в капонир. Когда наконец офицеры пришли в себя и вновь выглянули наружу, они увидели, что левый боковой бруствер снесен почти наполовину, а сложенные из мешков траверсы разметаны по всему внутреннему дворику форта.

Свист новых снарядов заставил всех вернуться в потерну и переждать здесь обстрел. Снаряды с ревом взрывались, уничтожая все вокруг и до основания сотрясая весь форт.

— Пронеси, господи, и помилуй,— набожно крестились солдаты при каждом новом взрыве.

— Это, пожалуй, будет почище морского боя. Там дистанция до цели все время меняется, и поэтому попасть гораздо труднее, а тут и батарея и цель неподвижны,— можно все снаряды класть чуть ли не в одну точку,— заметил Сойманов.

— По-видимому, к третьему форту пристрелялись сразу несколько батарей и теперь решили его смести с лица земли,— проговорил Звонарев.

Он с опаской поглядывал вверх на свод потерны, откуда сыпалась бетонная пыль.

— Ты боишься, что потерна завалится? — спросил его Сойманов.— Я думаю, она рассчитана с большим запасом прочности.

 — На обстрел шестидюймовыми снарядами, а не

одиннадцатидюймовыми,— пояснил прапорщик.— Эти могут свободно пронизать любое перекрытие на форту.

— Я этого и не подозревал. Значит, мы фактически совершенно беззащитны! — испуганно вскочил Булганов.— О чем же вы, инженеры, думали, когда строили форты? За это всех вас надо отправить в Сибирь на каторгу или просто расстрелять!

— От этого форты прочнее не станут,— философски заметил Сойманов.

— Надо немедленно же принять меры к усилению бетонных перекрытий!..

Яркий сноп огня у входа в потерну заставил всех броситься на землю. Раздался страшный грохот, посыпались целые глыбы бетона. Булганов пронзительно вскрикнул и сразу умолк. Несколько небольших бетонных осколков ударили Звонарева по голове, но папаха предохранила его от ранения. Рядом с ним Сойманов отряхивался, вставая на ноги. В группе матросов и солдат кто-то громко стонал.

— Капитан-то наш убит или только обмер от страха? — чуть иронически справился лейтенант, наклоняясь к Булганову.— Кажись, жив, только малость животом приболел,— потянул он воздух носом.

— У меня началась тифозная дизентерия,— охая, поднимался комендант форта.

Звонарев обернулся к солдатам. В темноте можно было разобрать лежавшую на земле фигуру. Чиркнув спичкой, прапорщик нагнулся к раненому и в ужасе отпрянул. Большой осколок снаряда врезался в лицо матросу, превратив его в кашу.

— Аминь! — сказал Сойманов, снимая фуражку.

— Аминь! — как эхо отозвались солдаты и матросы.

Капитан приказал послать за носилками, и тут только все увидели, что вход в потерну был завален обломками бетона с землей.

— Попали в ловушку, черт возьми! — проговорил Сойманов.

Звонарев подошел к засыпанному месту. Проход был завален до самого верха. Ни лопат, ни кирок под руками не оказалось. Надо было вручную разгребать землю и разбирать камни.

— Айда, ребята, разбирать завал,— обернулся Звонарев к солдатам и, показывая пример, начал вытаскивать камни.

С десяток рук сразу же потянулось за ним. Работа двигалась медленно. Несколько новых взрывов поблизо-

сти увеличили обрушение свода. Прошло добрых полтора часа, пока наконец показался дневной свет. Капитан успел вылезти наружу, когда со стороны тыловой казармы показался десяток-другой стрелков с кирками и лопатами, предводительствуемых доктором Авроровым.

— Где же офицеры? Почему они не сразу пришли к нам на помощь? — накинулся на врача Булганов.

— В горжу тоже были попадания снарядов. Ранены подпоручики Жилин и Турский. Убито десять солдат, а ранено свыше тридцати. Я едва успел перевязать,— сообщал Авроров.

— Это возмутительное безобразие! Вы начали оказывать помощь солдатам и забыли о коменданте! Что делал артиллерийский поручик Соломонов?

— Пьян, пришлось ему дать нашатырного спирта, чтобы он хоть немного пришел в себя.

— Под суд! Расстреляю! — бешено орал капитан, наседая на врача.

— Наша! — вдруг крикнул Сойманов и кинулся бежать к казарме.

Забыв обо всем, капитан бросился за ним. Звонарев прислушался, но знакомого свиста снаряда не было слышно, и он не торопясь пошел по дворику.

— Лейтенанту с перепугу все время мерещатся выстрелы из мортир,— усмехнулся один из артиллеристов.

— И выходит, что ты совсем дурак,— вступился за своего офицера матрос с «Баяна».— Лейтенант нарочно крикнули, чтобы капитан поскорее убрался отсюда.

Веселое и хитрое выражение лица Сойманова, поджидавшего Звонарева у казармы, подтвердило правоту этих слов.

— Здорово я разыграл этого капиташу! Мигом смылся и прямо в уборную! — хохотал Сойманов.

— Вы, что ли, господин доктор, будете руководить работами по восстановлению потерны? — спросил у Авророва прапорщик.

— Стрелки и без меня это сделают. Я иду к раненым. Среди них есть тяжелые. Трудно одному здесь работать, так как никто не решается поселиться вместе со мной. Уйти же зазорно,— сам сюда напросился.

— Хотите, пришлю к вам сестрицу? — неожиданно для самого себя предложил Звонарев, вспомнив о Варе.

— Дайте мне лучше двух толковых санитаров. За это я вам скажу большое спасибо, а от сестричек — благодарю, отказываюсь! — замахал руками Авроров.

Звонарев почувствовал облегчение. Теперь он был гарантирован, что Варя сюда не попадет. Сегодняшний обстрел показал ему, как опасно пребывание на этом выдвинутом вперед форту.

Воспользовавшись наступившим затишьем, он поднялся на барбет и выглянул за бруствер. По берегу реки Лунхе вилось разрушенное местами полотно железной дороги. Насыпь ее служила прикрытием для японских ходов сообщения. Левее, на соседней горушке, чернели валы укрепления. Между ним и фортом лежала глубокая лощина, преграждаемая расположенной несколько сзади, за Китайской стенкой, Курганной батареей. Справа торчали развалины капонира. Еще дальше можно было разглядеть и форт номер два. Последний был гораздо лучше применен к местности, чем третий форт.

«Молодчина Кондратенко,— подумал Звонарев,— талантливо использовал рельеф для целей обороны».

Прямо в тылу возвышался, доминируя над всеми фортами и укреплениями района, скалистый утес — обычный наблюдательный пункт Кондратенко, почти беспрерывно обстреливаемый японцами.

В непосредственной близости от рвов, на самом гласисе форта, темнели два ряда японских окопов. Звонарев не замедлил привлечь внимание японцев, по нему сделали несколько выстрелов. Прапорщик сошел вниз и направился в казарму.

В горжевом рву, как муравьи в развороченном муравейнике, толпились солдаты, исправляя причиненные бомбардировкой разрушения. Булганов, весело покрикивая, бегал между ними. Он уже успел успокоиться, но лисковое, дружеское обращение с солдатами на этот раз показалось Звонареву неискренним.

— Шевелись, дружочки! Надуем японца, чтобы к утру все опять было в прежнем виде. Он разбивает, а мы восстанавливаем. Ему это скоро надоест, и он уйдет от Артура,— говорил Булганов.

Верили солдаты ему или нет, прапорщик понять не мог, но работали они дружно. Комендант попросил Звонарева и Сойманова остаться до прибытия на форт офицеров взамен выбывших из строя.

Было далеко за полночь, когда Звонарев вернулся в штаб. Кроме дежурных телефонистов, все спали. Наскоро поужинав холодной кониной и горячим чаем из термоса, Звонарев, не раздеваясь, улегся на свою раскладушку.

* * *

— Прошу вас, ваше превосходительство, сегодня же сдать все дела генералу Горбатовскому,— сердито приказал Стессель.

— Шлушаюшь,— дрожащим от волнения голосом ответил Надеин, стоявший около генерал-адъютантской лошади.

— Вам, Митрофан Александрович, надо хорошенько отдохнуть. Посмотрите, на что вы стали похожи — похудели, осунулись, мешки под глазами. Как вы ни крепитесь и ни храбритесь, а годы берут свое,— уже гораздо мягче проговорил Стессель.

— Отдыхать будем, ваше превошходительштво, в могиле. Ежели я уже не пригоден жа штароштью для командования вшем фронтом, то ражрешите мне принять хотя бы роту в первой линии, ш ней я авошь еще шправлюшь,— просил Надеин, глядя слезящимися глазами на монументально восседавшего на коне Стесселя.

— Что вы, у меня этого и в мыслях не было, Митрофан Александрович! Поживите в городе неделю-другую, отоспитесь, сходите в баньку,— старался успокоить старика генерал-адъютант.

— Как милошти, прошу у вашего превошходительштва оштатьша на фронте вмеште ш шолдатами на любой должношти — хоть шанитаром или кашеваром.

— Какой же вы упрямец, Митрофан Александрович. Жена, узнав, что вы будете в Артуре, велела мне передать вам приглашение на обед на завтра.

— Премного благодарен матушке Вере Алекшеевне жа штоль милоштивое внимание ко мне. Прошу передать ей мою глубокую прижнательношть.

— Сейчас сюда прибудет генерал Горбатовский, а вы отправитесь в мое распоряжение,— теряя терпение, повторил приказание Стессель.— Мои адъютанты все разосланы по фортам. Просьба откомандировать в мое распоряжение на сегодня одного из чинов вашего штаба.

— Шлушаюшь! — ответил Надеин.— Федор Вашильевич, кого бы мы отдали беж ущерба для дела? — обратился он к Степанову.

— Прапорщика Звонарева. Собирайтесь поживей, молодой человек, и отправляйтесь сопровождать генерал-адъютанта. Возьмите мою лошадь, а то она сильно застоялась.

Через десять минут прапорщик уже ехал в свите генерал-адъютанта, неторопливо следовавшего по улицам

Старого города. Густой туман мешал японцам, и они ограничивались обстрелом наудачу города и порта.

— Мерзейшая погода,— ежился Стессель.— Хорошо только, что япошата молчат и наши артурцы смогут немного отдохнуть от обстрела.

Свернув влево, они выехали на Пушкинскую улицу. Почти все дома в Старом городе были разрушены. Только почтовая контора еще уцелела. На Пушкинской улице виднелись развалины нескольких домов — магазина и склада Чурина, городской читальни, типографии газеты «Новый край» и других. Возле разрушенного здания типографии уныло бродил редактор-издатель газеты полковник Артемьев. Вместе со своими сотрудниками он под обломками разыскивал уцелевшие части печатных машин.

Подозвав его к себе кивком головы, Стессель выразил ему свое соболезнование в постигшей беде, но тут же не преминул прибавить:

— Я думаю, что оборона Артура от этого не пострадает. Газета, да еще в условиях осажденной крепости, излишняя роскошь. Пусть читают мои приказы, в них написано все, что нужно и можно знать гарнизону и жителям города.

— Я все же собираюсь возобновить газету, но уже в Новом городе. Сейчас подыскиваю подходящее здание.

— Только без какого бы то ни было участия в ней этого мерзавца и японского шпиона Ножина,— сразу загорячился генерал, вспомнив сообщения «иностранных» корреспондентов.

— Воля вашего превосходительства будет строго выполнена,— поспешил заверить полковник.

Миновав Старый город, разрушенную железнодорожную станцию с разбитыми и исковерканными вагонами на путях, генерал-адъютант решил побывать на Зубчатой и Саперной батареях, благо сегодня там было совершенно тихо и безопасно.

Вениаминов встретил генерала далеко впереди позиции и почтительно шел у генеральского стремени, на ходу докладывая о положении дел. За убылью артиллерийских офицеров он командовал обеими батареями и переселился в прекрасно оборудованный блиндаж Страшникова на Зубчатой.

Спешившись, Стессель зычным голосом поздоровался с солдатами, затем даже рискнул забраться на бруствер и, став во весь рост, внимательно разглядывал в бинокль сквозь туман японские позиции. Поблагодарив за службу

Вениаминова и солдат, генерал направился уже обратно. В это время где-то далеко чуть слышно прогремел выстрел и затем послышался свист приближавшегося снаряда.

— Сюда, кажется,— беспокойно проговорил генерал-адъютант, ускоряя шаги.

Впереди и несколько сбоку вырос фонтан дыма, раздался грохот, запели осколки. Забыв обо всем, Стессель ринулся к спасительным блиндажам, придерживая рукой шашку, и в этот момент небольшой осколок ударил его в правый висок. Генерал охнул и со всего размаху повалился на землю. Его фуражка отлетела далеко в сторону. Свита бросилась его поднимать. Несколько капель крови алели на седеющих волосах генерала.

— Генерал-адъютант убит или смертельно ранен! — не своим голосом закричал Вениаминов, падая на колени рядом с лежащим на земле Стесселем.— Скорей носилки, позвать врачей! — командовал он, прикладывая свой носовой платок к голове раненого.

Сопровождавшие генерала казаки и солдаты бросились исполнять эти приказания. Звонарев опустился на землю рядом с Вениаминовым и помогал ему привести в чувство Стесселя. Генерал был бледен и едва заметно дышал, но кровавое пятно на платке почти не увеличивалось.

— Где я, что со мной? — чуть слышно спросил наконец генерал и попытался приподняться.

— Ради бога, ваше превосходительство, лежите спокойно и не двигайтесь, иначе у вас выпадут мозги из головы,— трагически проговорил Вениаминов.

«Если только они у него есть»,— не смог не улыбнуться про себя Звонарев.

Слова капитана и особенно тон, каким они были произнесены, вновь повергли Стесселя в беспамятство.

— Пойдите за носилками сами, Сергей Владимирович,— все сильнее нервничал Вениаминов.

Но к месту происшествия уже со всех сторон бежали санитары с носилками в руках. Раненого генерал-адъютанта бережно перенесли в ближайший солдатский блиндаж, и здесь ротный фельдшер сделал первую перевязку. Стессель уже вполне оправился и теперь только морщился от боли. Вениаминов разослал целую роту стрелков и артиллеристов на поиски врача. Как на грех, воспользовавшись затишьем на фронте, все доктора уехали в тыл за медикаментами и перевязочным материалом.

 Наконец нашли молодого врача Красного Креста Ми-

ротворцева. Он осмотрел рану и поспешил успокоить генерала:

— Сущие пустяки, царапина, а не рана. Через неделю все заживет.

Все еще бледное лицо Стесселя сразу побагровело.

— Очевидно, вы, доктор, не хирург по специальности. У меня страшно болит вся правая половина головы и пульсирует в мозгу. Вероятно, треснули черепные кости и начинается кровоизлияние в мозг,— сердито проговорил он.

— Да этого быть не может, ваше превосходительство,— простодушно уверял врач.— Случись это, ваше состояние было бы гораздо тяжелее. С такими ранами мы возвращаем стрелков в строй.

Последняя фраза окончательно вывела генерала из себя.

— Вы, очевидно, забываете, что я генерал, а не солдат, если позволяете себе разговаривать подобным тоном. Доложите обо всем егермейстеру Балашову. Хотя вы и не военный врач, но чинопочитание обязательно и для вас.— И генерал, не прощаясь, вышел из блиндажа.

— Быть может, прикажете подать экипаж? — почтительно справился Вениаминов.

— Как-нибудь доберусь и верхом,— ответил Стессель.

С помощью двух ординарцев он водрузился на свою смирнейшую кобылу и шагом тронулся по дороге. Раздавшиеся сзади разрывы шрапнелей сразу же придали бодрости его превосходительству, который не замедлил перевести свою лошадь на рысь, а затем в галоп. Постепенно прибавляя аллюр, вся кавалькада вскоре уже карьером неслась по узким улицам. Встречные повозки и экипажи при виде бешено мчавшегося генерал-адъютанта с перевязанной головой спешно сворачивали в сторону, люди мгновенно цепенели, отдавая честь или снимая фуражки перед грозным начальством. Проскакав добрых пять верст, Стессель около своего дома перешел в шаг.

Как ни быстро мчался генерал, но все же телефонограмма о его тяжелом ранении уже дошла до штаба. Немодленно же Рейс кинулся с нею к Вере Алексеевне. В доме поднялась невообразимая суматоха. Забыв обо всем, генеральша в одном капоте, с непокрытой головой выбежала навстречу своему супругу и тут же на улице, заключив его в свои объятия, истерически разрыдалась. Девочки-воспитанницы бросились на колени перед своим

благодетелем и наперебой целовали ему руки. Рейс, Водяга, Гантимуров и еще с полдюжины штабных офицеров кинулись поддерживать под руки свое начальство. Успокаивая взволнованную жену, генерал-адъютант милостиво раскланивался по сторонам и благодарил окружающих за проявленное сочувствие.

Звонарева все наперебой расспрашивали, что и как произошло на злосчастной Зубчатой батарее. Он десять раз повторил несложный рассказ о происшедшем.

Едва Стессель вошел в свой кабинет, как появился Никитин, за ним — Фок, Церпицкий, Белый. За генералами пришли полковники и все желающие так или иначе выразить свое сочувствие генералу. Целый сонм врачей во главе с егермейстером Балашовым и артурским Пироговым — главным хирургом крепости доктором Гюббенетом, еще раз осмотрели и вновь забинтовали генеральскую голову.

Более опытный в житейских делах, чем простак Миротворцев, Гюббенет много и долго распространялся о необходимости соблюдать полный покой, не волноваться и вообще обратить самое серьезное внимание на здоровье генерала. При этом условии он обещал полное и скорое исцеление.

— Скажите правду, Борис Викторович,— умоляла его Вера Алексеевна,— рана не смертельна?

— Все в руках божьих. Но будем надеяться, что это так,— дипломатично отвечал главный хирург.

— Я вас запишу в свой поминальный синодик о здравии, Борис Викторович, и попрошу протоиерея Глаголева вынимать частицу из просфоры за ваше долголетие.

Гюббенет поблагодарил и почтительно приложился к ручке генеральши.

Стессель счел нужным также особо отметить проявленную при его ранении распорядительность Звонарева.

— Да, да, конечно, Анатоль. Поведение мосье Звонарева заслуживает награды,— вторила ему супруга.

— Все это найдет отражение в приказе. Прапорщик, вы имеете уже клюкву? — спросил генерал-адъютант.

— Никак нет, клюквенного морса у меня не имеется.

Дружный хохот окружающих был ответом на эти слова Звонарева.

— О господи, какой вы все еще штатский человек! — вздохнула Вера Алексеевна.— Я женщина, и то знаю, что «клюквой» называется красный анненский темляк на шашке — первая боевая офицерская награда.

— Орден святой Анны четвертой степени с надписью «За храбрость»,— пояснил Стессель.

— Никак нет, не имею!

— В таком случае властью, данной мне главнокомандующим, я поздравляю вас кавалером этого ордена,— объявил генерал, протягивая руку прапорщику.

— Мне кажется, я ее совсем не заслужил,— смущенно забормотал Звонарев.

— Не скромничайте, молодой человек, вы давно заслужили, и только не представлялось подходящего повода для награды. Давайте вашу шашку, я сама прикреплю к ней новый темляк,— запела Вера Алексеевна.

Начались общие поздравления. Были уже сумерки, когда наконец прапорщик после обильного обеда был отпущен домой. Около Пушкинской школы его окликнула Варя.

— Он сегодня умер,— печально сообщила она.

— Кто?

— Сахаров, конечно. Все шло так хорошо, и вдруг ни с того ни с сего крупозное воспаление легких — и через два дня конец.

— Откуда вы это узнали?

— Я дежурила около него последние сутки. Сделали все, что только было можно. Главный врач больницы Петр Андреевич Розанов не отходил от него ни на минуту, и все же спасти Василия Васильевича не удалось,— голос девушки дрожал от еле сдерживаемых слез.

Звонарев сочувственно вздохнул.

— Пожелаем ему царствия небесного.

— Он все время бредил, говорил что-то о Фоке и бранил Гантимурова, вспоминал Веру Алексеевну...

— Вы знаете, сегодня на Зубчатой батарее ранен Стессель,— в свою очередь, поделился новостью Звонарев.

— И серьезно? — довольно безучастно спросила девушка.

— Пустяки, оцарапало ему голову камнем или осколком при взрыве снаряда. Он-то старается всех убедить, что рана весьма опасна, а окружающие делают вид, что верят этому. Настоящая комедия! Меня за «безумную» храбрость, проявленную при оказании первой помощи генералу, наградили «клюквой»,— похвастался прапорщик и подробно рассказал обо всем происшедшем.

— Если все это правда, то за что же вас наградили? А затем — неприлично разговаривать с дамой, сидя на лошади, потрудитесь сейчас же слезть на землю! — обре-

ла свой обычный тон Варя. Звонарев повиновался.— Пойдемте к учительницам в школу. Вы им расскажете о своих чудесных приключениях.

В школе, где они застали Стаха и Борейко, в сотый раз Звонарев рассказал обо всем самым подробным образом, вплоть до своего неожиданного награждения. Последнее вызвало общий смех.

— Вы были на Электрическом Утесе, под Цзинджоу, на батарее литеры Б, при штурме Высокой, наконец, на фортах — и не удостоились даже благодарности, а тут сразу получили орден! — удивлялась Мария Петровна.

— Покажи-ка свою саблю, Сережа,— попросил Борейко.

Взяв шашку в руки, он с комическим видом понюхал красный темляк и, сорвав его с эфеса, бросил в горящую печь.

— Чтобы стесселевским духом от тебя не пахло,— пояснил он, возвращая шашку.— Есть награды, которыми можно и должно гордиться, а есть и такие, которые унижают, которых нельзя не стыдиться,— добавил он.

Звонок прервал этот разговор.

— Варя, тебя спрашивает какой-то служащий Тифонтая,— сообщила Оля, открывавшая дверь.

— Проси его сюда,— распорядилась Мария Петровна.

Через минуту в столовую вошел господин Шубин и раскланялся со всеми присутствующими.

— Я хотел бы переговорить с мадемуазель Белой без свидетелей,— проговорил он.

Удивленная девушка вышла с ним в соседнюю комнату.

— Наш общий друг и мой начальник Василий Васильевич Сахаров отошел в мир теней,— начал Шубин.— Незадолго перед своей смертью господин Сахаров через вас же передал мне записку, которую вы так хотели прочитать. Теперь я могу удовлетворить ваше любопытство. Василий Васильевич сделал завещание в вашу пользу. Он оставил вам всю обстановку своей квартиры. Он приказал мне передать вам, что это его свадебный подарок. Вам надо подать заявление в местный суд о вводе во владение. Я его уже заготовил, подпишитесь внизу, и я завтра с утра начну хлопотать об этом,— протянул бумагу Шубин.

— Но я не собираюсь выходить замуж, а поэтому, господин Шубин, не считаю возможным и вступать во владение завещанным имуществом,— отказалась Варя.

— Этим вы оскорбите тень нашего друга. Быть мо-

жет, вы примете хоть небольшой слиток червонного золота на обручальные кольца? Когда в них встретится надобность, вы его используете.

Варя решительно отказалась. Вернувшись в столовую, она рассказала о завещании Сахарова и о своем отказе от наследства.

Друзья начали прощаться.

Пройдя полдороги вместе с Борейко, прапорщик свернул к штабу. Он подробно рассказал Степанову о дневных приключениях, умолчав, однако, о своем награждении. Капитан выслушал его с видимым интересом, а затем повел к новому командующему фронтом, генералу Горбатовскому.

Очень высокого роста, широкоплечий, с пушистыми седыми бакенбардами, с отрывистой лающей речью, он показался прапорщику типичным армейским бурбоном.

Генерал принял прапорщика просто и смеялся, слушая его рассказ.

Вернувшись от Стесселя, Фок уселся в мягкое кресло и принялся читать недавно полученную в Артуре немецкую газету «Остазиатише Цейтунг». Не успел он погрузиться в дебри высокой политики, как к нему вихрем влетел радостный Гантимуров.

— Приказание вашего превосходительства выполнено. Сахаров умер.

— Когда и при каких обстоятельствах?

— Сегодня, от воспаления легких, которое я ему устроил. Надеюсь, вы теперь не откажетесь вернуть мне хотя бы часть моих векселей?

— У меня к этому нет никаких оснований,— невозмутимо ответил генерал.

— Зато у меня есть все основания считать вас непорядочным человеком,— вспыхнул поручик.

— Что вы, сутенер, шулер и просто мелкий жулик, понимаете в порядочности?

— Во всяком случае, больше, чем бывшие жандармы и шпионы.

— Напрасно вы думаете, что можете меня оскорбить. Я слишком презираю вас, чтобы обижаться. Но так как ваше присутствие не доставляет мне никакого удовольствия, то прошу вас покинуть мою квартиру. Эй, подать поручику пальто! — крикнул генерал.

Князь ушел. Фок по телефону вызвал Рейса и, попросив не допускать Гантимурова до Стесселя, добавил:

— Жду вас немедленно к себе.

— Позвать сюда Шубина,— приказал он затем денщикам.

Как только Шубин появился в комнате, лицо Фока сразу просветлело.

— Итак, наш милейший друг Василий Васильевич, к великому сожалению, покинул бренный мир. Что же вы собираетесь теперь делать?

— Господин Тифонтай предусмотрел этот случай. Управление всеми делами передается мне, но под мудрым контролем вашего превосходительства,— отвечал Шубин.

— Никогда не думал, чтобы он оказался столь дальновидным.

— Покойный капитан был неплохим советчиком.

— Постараюсь во всем следовать ему, за исключением оплаты моих, как вы выразились, мудрых советов. По своему генеральскому чину и положению я должен получать значительно больше, чем получал Сахаров.

В цене скоро сошлись. Обсудив затем некоторые детали, оба собеседника поднялись с мест.

— Да, не думаете ли вы, милейший, что некий князь совершенно не нужен в Артуре?

— Мои мысли всегда совпадают с желаниями вашего превосходительства.

— Тем лучше, медлить не следует.

— Все будет сделано в кратчайший срок!

Шубин исчез, а на смену ему появился Рейс.

— Надо немедленно опечатать квартиру Сахарова,— с места начал Фок.

— Это уже сделано.

— ...и назначить комиссию для приведения в ясность оставшихся дел и имущества. Общее руководство — за мной, но меня в нее официально не вводите.

Рейс едва успевал записывать распоряжения Фока.

— Сегодня же оформите у Стесселя этот приказ.

— Будет сделано, ваше превосходительство.

— Итак, мы теперь без всяких посторонних лиц связаны со штабом, но, конечно, не Куропаткина,— весело засмеялся Фок.— И можно действовать смелее. Вам поручается «мадам», благо вы еще мужчина в соку и вполне сохранили свой гвардейский вид, а я вплотную займусь моим старым, но, увы, безнадежно глупым другом,— весело шутил генерал, потирая от удовольствия руки.

— Кстати, следовало бы также чем-либо отметить

 память нашего незабвенного друга. Это бы и для нас

было полезной ширмой. Надо подумать о сооружении ему памятника в Дальнем,— предложил Рейс.

— Нет, этого без разрешения японцев не сделаешь. Проще представить его к ордену, например — к Георгиевскому кресту.

— Но за что же?

— Хотя бы за то, что так хорошо сумел наладить связь с... японцами. Это ведь дело весьма рискованное. Подайте-ка эту мысль Вере Алексеевне!

Поздний звонок встревожил собравшуюся на покой Веру Алексеевну. Не желая беспокоить уже дремавшего в постели мужа, она сама вышла в приемную.

— Приношу тысячу извинений! Не будь самых срочных дел, никогда не посмел бы обеспокоить в столь поздний час,— расшаркался Рейс.— Сейчас получил известие о смерти в больнице Красного Креста капитана Сахарова.

— Василий Васильевич умер? — с ужасом воскликнула генеральша и от волнения опустилась на стул.— Какое несчастие! Неужели эти медики не могли его спасти? Два дня тому назад уверяли, что он вне опасности — и вдруг умер! Завтра же велю отслужить по нем панихиду.— И Вера Алексеевна по-настоящему всхлипнула.

— После Василия Васильевича осталось значительное имущество, различные документы, имеющие, быть может, большую государственную важность. Все это надо привести в ясность, необходимо принять сразу же экстренные меры. Я набросал тут проект приказа и хотел просить его превосходительство о подписи.

— Анатоль уже спит, завтра с утра я передам ему. Никак не могу примириться с мыслью, что бедного Василия Васильевича уже нет на свете,— печально вздохнула Вера Алексеевна.— Когда же всем этим ужасам придет конец?

— Когда это найдет нужным и возможным Анатолий Михайлович.

— Разве дело только в нем? А Фок, Смирнов, Белый, Кондратенко, адмиралы...

— Генерал Фок давно уже обдумывает этот вопрос. Вот с Кондратенко договориться труднее! Остальных не стоит и принимать в счет. В случае чего их можно и обезвредить.

— Роман Исидорович еще месяц тому назад поднимал вопрос о сдаче, но Анатоль отклонил его предложение,— проговорилась генеральша.— Только вы не выдавайте меня мужу, Виктор Александрович. Это секрет.

— Тем не менее Кондратенко проявляет самую кипу-

чую деятельность по обороне Артура и, кроме того, очень популярен среди солдат и младших офицеров.

— Ну, тех-то никто спрашивать не станет, что делать. Прикажут — они сдадутся.

— А если нет?

Вера Алексеевна с удивлением и страхом посмотрела на своего собеседника.

— Быть этого не может,— полушепотом проговорила она.

— Я вполне уверен, что первым откажется повиноваться приказу о сдаче все тот же Кондратенко, и гарнизон его поддержит. Недавно я шутя спросил его, что он будет делать при известии о сдаче Артура. Он совершенно серьезно ответил, что арестует начальника, отдавшего такое приказание, и будет продолжать сражаться до последнего человека.

— Анатоль об этом знает?

— Я не доводил до сведения его превосходительства.

— Напрасно. Я сама расскажу ему обо всем. Спокойной ночи.— И генеральша удалилась.

— В чем там дело? — сонно справился Стессель у жены.

Вера Алексеевна передала свой разговор с Рейсом. К известию о смерти Сахарова генерал отнесся совершенно спокойно. Но награждать Сахарова все же не согласился.

— Одним жуликом в Артуре стало меньше, царство ему небесное,— пробормотал он зевая.

— Как ты можешь так говорить о покойнике? О них или не говорят, или говорят хорошо.

— В могиле все безукоризненно честны, Верунчик. А Рейс — хитрая лиса, себе на уме, вроде твоего Кондратенко. Два сапога пара. Крестов же за мошенничества пока не дают.

— Виктор Александрович всецело предан тебе и твоим интересам...

— Потому что сидеть в штабе гораздо спокойнее, чем командовать полком на позиции: больше шансов уцелеть.

— Когда ты думаешь кончить воевать, Анатоль? — спросила генеральша.

— Это вопрос сложный. Если Артур падет раньше времени, я за все буду отвечать. Выгонят меня со службы.

— У нас кое-что есть в Шанхайском банке.

— На три-четыре тысячи долго не проживешь.

 — А золото, которое хранилось в Артуре?

— О нем, конечно, знают японцы и все отберут при капитуляции.

— Можно попробовать с ними договориться.

— Снявши голову, по волосам не плачут. Сдавши крепость, об условиях капитуляции не говорят.

— Тогда нужно начать переговоры заранее.

— О сдаче? — даже приподнялся на кровати генерал.

— Если Артуру суждено пасть, то надо хоть себя обеспечить в материальном отношении. Служишь ты почти сорок лет, а, в сущности, гол как сокол; нищ как церковная крыса.

— Это-то, конечно, верно, но твои планы очень опасны,— уже неуверенно проговорил Стессель.

— С точки зрения гуманности тоже не следует затягивать оборону, так как это поведет к лишним, напрасным жертвам. Ты подумай, сколько жен, матерей и детей будут за тебя молиться богу, если ты сохранишь их мужей, сыновей и отцов.

— Этот вопрос надо как следует обдумать, а за Кондратенко установить негласное наблюдение: не ведет ли он интриг против меня? Но кому это поручить?

— Конечно, Фоку. Он ведь из жандармов и хорошо знает, как это следует организовать.

— Завтра же с ним об этом переговорю.

— А заодно и о сроках обороны,— вставила Вера Алексеевна.

В тот же вечер, когда Гантимуров возвращался домой после безуспешной попытки повидать Стесселя и пожаловаться на Фока, он был убит случайной пулей, залетевшей в город.

— Поторапливайтесь, Сергей Владимирович,— будил Рашевский заспавшегося Звонарева.— К десяти часам на форт номер два должен прибыть генерал Смирнов. Он лично хочет взорвать заложенный нами в левой галерее камуфлет.

Обжигаясь горячим чаем, глотая целиком куски холодной конины, прапорщик одновременно одевался. Через несколько минут он уже шагал рядом с подполковником по военной дороге. Стоял ясный, солнечный день. Японцы усиленно обстреливали все форты и тылы крепости. Русские батареи молчали.

После ночного дождя было свежо, еще не высохшие лужи блестели под лучами солнца. Рашевский громко хохотал, слушая рассказ о ранении Стесселя и о награждении Звонарева.

— Смех-то наш сквозь слезы. Больно все это грустно и гнусно. Служить бы каждый из нас рад, но прислуживаться тошно,— заметил Рашевский, выслушав рассказ.

— Зато меньшинство, которое вьется около начальства, процветает, осыпаемое наградами.

— Вот и на форту втором. Решили мы подорвать японскую минную галерею. Рассчитал я заряд, получилось около трех пудов пороха, а у Григоренко вышло в два с лишним раза больше. Мы заспорили. Подошел Смирнов и давай тоже считать. Досчитался чуть ли не до десяти пудов. Если взорвать такой камуфлет, то может обнажиться тыльная стена капонира. Сколько я ни возражал — не слушают, а Григоренко не смеет перечить начальству. Вот и заложили девять с половиной пудов. Сделали забивку, теперь сам Смирнов прибудет для того, чтобы замкнуть ток мины.

— И получить крест за вашу работу...

— Вернее, наградить деревянными крестами добрый десяток наших солдат, если только все выйдет, как я предполагаю.

— Быть может, сообщить об этом Стесселю, он остановил бы своей властью это дело?

— Что вы! — замахал руками Рашевский.— Если только сунуться сейчас к нему, жена раскричится. Нет, надо идти на форт и там по возможности обезвредить генеральскую затею.

На форту они застали нового коменданта, молодого поручика Фролова. Он проявлял кипучую деятельность. Противоштурмовые пушки в полной боевой готовности находились на брустверах. Рядом с ними сидели на земле номера. На тыловом капонире поставили пулеметы и старые полевые пушки. Капонир вооружили малокалиберными скорострельными морскими орудиями. Гарнизон был разбит на три части. Одна часть гарнизона спала в нижней казарме, другая дежурила в верхней, а третья караулила снаружи. Даже на укрытом ходу над контрэскарпной галереей усилился караул. Молодой артиллерийский поручик носился по форту, примеряя, где бы еще можно было установить орудие или миномет. Солдаты сразу повеселели и имели бодрый вид. Около минных галерей Рашевский и Звонарев нашли прапорщика Берга.

— Выдержит забивка? — спросил его Рашевский.

— Думаю, что выдержит, но боюсь, чтобы свод или стены каземата не дали трещины при взрыве камуфлета,— ответил минер.

— Тогда микадо должен будет наградить Смирнова большим орденом за его помощь японским саперам!

— Во всяком случае, отсюда и из контрэскарпной галереи надо будет вывести всех людей, а также убрать часовых с укрытого хода и брустверов,— распорядился Рашевский.

— Генерал Смирнов! — торопливо доложил один из стрелков.

В сопровождении Фролова быстро шел своей прыгающей петушиной походкой комендант крепости.

— Здравствуйте, друзья мои! — на ходу приветствовал он солдат.

— Ишь ты, друг-то какой у меня нашелся, с красными отворотами! — прошептал кто-то сзади Звонарева.

Прапорщик обернулся и увидел Блохина. Солдат похудел, почернел, оброс щетиной. Его глубоко посаженные в орбитах глаза горели беспокойным огнем и все время находились в движении.

— Здорово, Блохин! — дружески улыбнулся ему Звонарев.

— Здравия желаю! Думал, не захотите и признать меня. А где наши-то? — скороговоркой вполголоса проговорил солдат.

— Работают около третьего форта по устройству электрической станции. А ты как поживаешь?

— Скушно без своих,— вздохнул солдат.— День за неделю кажется. Хоша бы поручик набил мне морду да вернул на батарею.

— Что там за приватные разговоры в моем присутствии? — вдруг обернулся Смирнов.— Можете найти другое время и место для своих собеседований, господин прапорщик. Это что за бандитская рожа? Как стоишь, какой части, фамилия?

— Бомбардир-лабораторист Блохин.

— Титуловать надо, дурак. Зачем здесь? На неделю без горячей пищи! — брызгался слюной генерал, злобно глядя на солдата.

— Хорош друг, нечего сказать! — пробурчал Блохин себе под нос.

— Не угодно ли вашему превосходительству послушать, как работают японцы? — поспешил отвлечь внимание генерала Рашевский.

Смирнов махнул рукой, чтобы все замолчали, и припал ухом к бетону. Прошла минута напряженного молчания.

— Да, да! Но они, по-моему, еще очень далеко от капонира, не ближе тридцати саженей.

— Я считаю, что не больше десяти — двенадцати,— возразил Рашевский.

— Вы считаете! — презрительно бросил комендант.— Я окончил две академии — артиллерийскую и генерального штаба — и, надо думать, кое-что в минном деле понимаю.

— Я же учился всего лишь в одной — в инженерной академии.

— Вечно вы, полковник Рашевский, вступаете в неуместные споры,— оборвал генерал и вышел из капонира.

— Видели? — кивнул ему вслед головой Рашевский.— Изволь иметь дело с таким упрямым ослом!

Электрические провода от мины были выведены на внутренний дворик форта в один из блиндажей переднего бруствера. Смирнов, все еще раздраженный, брюзжал всю дорогу. На дворике он громко, во весь голос, поздоровался с солдатами. Те ответили сдержанно и тихо, не желая привлекать внимания японцев, до которых было не более пятидесяти шагов.

— Отвечать как следует, а не бормотать себе под нос! Здорово, друзья! — крикнул генерал.

Солдаты ответили на этот раз громко и дружно, и через минуту около бруствера разорвались две бомбочки, брошенные японцами.

— Ой, братцы, ой, рука! — застонал стрелок, у которого по локоть оторвало руку. Соседи бросились к нему на помощь. Генерал же поспешил юркнуть в блиндаж.

Не успели солдаты отойти от брустверов, как Смирнов включил ток. Над местом взрыва поднялся столб дыма и пыли, полетели вверх доски, камни и какие-то бесформенные предметы. Сильно осела земля.

В первый момент у японцев воцарилось полное затишье, которое через минуту сменилось неистовой ружейной трескотней и градом ручных гранат. Пули и осколки засвистели во всех направлениях, раня и калеча не успевших укрыться.

Смирнов предпочел отсиживаться в блиндаже, пока не уляжется этот ураган смерти. Фролов, выскочивший наружу, чтобы успокоить метавшихся по дворику солдат, тоже получил ранение в кисть руки.

— Всего этого можно было избежать, если бы ваше превосходительство не так торопились,— проговорил Рашевский, глядя на происходившее в форту смятение.

— Потрудитесь не учить, что и как мне делать! — обо-

злился Смирнов.— Вы боялись, что развалится капонир, а он стоит целехонек. Я предвидел и учел все возможное и невозможное, когда рассчитывал взрывной заряд. У меня было сделано свыше десяти вариантов для разных случаев.

Как только стало тише, Смирнов торопливо скрылся в тыловую казарму. Здесь прапорщик Берг доложил ему, что капонир остался совершенно цел и забивка камуфлета хорошо выдержала удар взрывной волны.

— Вот видите,— торжествовал генерал, обращаясь к Рашевскому,— а вы еще со мной спорили.

В это время с Куропаткинского люнета прибежал с запиской запыхавшийся стрелок. Комендант люнета сообщал, что камуфлетом была обнажена тыловая стена капонира и японцы, видимо, подготовляли ее взрыв снаружи.

— Немедленно обстрелять и забросать бомбочками,— распорядился Смирнов.

— Обстрелять нельзя, так как это место в мертвом пространстве, а бомбочками можно повредить стену,— нахмурился Рашевский.

— Вашескородие, японец долбит самую крышу капонира! — прибежал с докладом Блохин.

Рашевский опрометью бросился к потерне. За ним устремились все, кроме Смирнова, что-то сердито кричавшего им вдогонку.

Оправдались наихудшие опасения Рашевского. Японцы подобрались к крыше капонира и, положив на нее заряд динамита, произвели один за другим несколько взрывов. После первого в своде появились трещины, после второго в нем образовалось небольшое отверстие, а после третьего свод рухнул, и японцы ринулись внутрь капонира. Все это произошло настолько быстро, что стрелки едва успели загородить мешками с землей выход из капонира в контрэскарпную галерею.

Японцы втащили в капонир пулемет и открыли из него огонь вдоль галереи. Положение русских стало сразу критическим. Спасая положение, Фролов бросился вперед и бомбочкой уничтожил пулемет. Оправившиеся стрелки кинулись за ним. У входа в тесный, темный, полуразрушенный капонир начался рукопашный бой. Несколько японских солдат подобрались по рву к пушечным амбразурам и через них забросали внутренность капонира бомбочками большой разрушительной силы, при этом взорвалась целая груда пушечных патронов, оставшихся при орудиях. Часть капонира рухнула. Контр-

эскарпная галерея наполнилась едким дымом и пылью. Среди солдат началась паника.

Раненый Фролов, стараясь перекричать грохот, сзывал к себе стрелков и попытался с несколькими смельчаками еще раз броситься в штыки.

Звонарев потерял в темноте Рашевского и, схватив первую попавшуюся под руку винтовку, выпускал патрон за патроном в сторону японцев.

— Поберегитесь, Сергей Владимирович, я их сейчас угощу,— хрипел у него над ухом Блохин и, размахнувшись, кинул сразу целый десяток бомбочек.

Страшный взрыв оглушил припавшего ничком к земле прапорщика. Сверху посыпались осколки бетона, земля и окровавленные куски человеческих тел. Блохин вскочил на ноги и, громко закричав, со штыком наперевес бросился в сторону японцев. Прапорщик последовал за ним. Вдвоем они вскочили в полуразрушенный капонир, где в живых застали двух оглушенных японцев, которых Блохин тут же и приколол. За ним вбежали стрелки и наскоро стали сооружать траверс из земляных мешков. Японцев не было видно.

Звонарев начал осматриваться. Половина капонира около левой минной галереи была разрушена сверху донизу и представляла собой груду бетонных осколков. Часть капонира около правой минной галереи уцелела. Ее-то и начали торопливо укреплять земляными мешками.

Вскоре японцы опять попытались прорваться в ров через разрушенный капонир, но были отброшены картечью с брустверов форта и вернулись в свои окопы. Настало временное затишье. Рашевский, дважды оцарапанный бетонными осколками, перевязанный носовым платком, расхаживал около остатков капонира.

— Надо сейчас же вокруг разрушенного пространства в гласисе устроить бруствер из мешков с землей и гнезда для пулеметов, иначе ночью японцы прорвутся через ров прямо на форт,— предупреждал он.

Стрелки быстро и сноровисто стали укладывать мешки по его указанию.

— А Смирнов где? — вспомнил Звонарев.

— Как только запахло жареным, дал стрекача. Забыл и про свой генеральский чин, когда бежал через горжевой мост,— ответил подполковник.

День промелькнул очень быстро, и совсем неожиданно наступил вечер. Стало быстро темнеть. Начавшийся

 артиллерийский обстрел форта заставил стрелков спря-

таться в контрэскарпную галерею и казармы. Тяжелые, сотрясавшие до основания весь форт взрывы указывали, что идет бомбардировка из одиннадцатидюймовых орудий. Звонарев, Рашевский, Фролов и артиллерист Корсаков сидели в казарме, когда на форт неожиданно прибыл Кондратенко в сопровождении своего неизменного начальника штаба Науменко. Невзирая на обстрел, они сразу же отправились осматривать повреждения капонира.

— Зачем вы, Сергей Александрович, впутали в минное дело Смирнова? Он ведь ни уха ни рыла в нем не понимает,— упрекал генерал Рашевского.

— Сам впутался, будь он неладен! Кинься японцы сразу после взрыва на штурм, была бы нам крышка, не отбились бы от них.

— Эта опасность, по-моему, еще не миновала. Я распорядился передвинуть сюда две роты резерва и направил вам еще два пулемета с китайской гладкостенной картечницей.

— Она-то нам на что? — удивился Корсаков.

— Она у нас будет на ролях сторожевой пушки. Поставите ее на месте прорыва и в случае штурма ударите картечью.

Проходя по казармам, Кондратенко, как и Смирнов, здоровался с солдатами, но обращал внимание исключительно на их вид, а не на выправку.

— Когда ели, давно ли были на отдыхе, нет ли цинготных? — спрашивал он у стрелков.

Глядя со стороны на этого невысокого, невзрачного на вид генерала с глуховатым голосом и живыми умными глазами, Звонарев мысленно представил себе его в серой солдатской шинели.

«Едва ли бы он выделился чем-либо из толпы десятков и сотен других стрелков, разве что своей сметкой»,— подумал прапорщик, так мало было в Кондратенко специфически барского, офицерского.

Солдаты, видимо, чувствовали то же самое и свободно разговаривали с генералом, путая официальное титулование с простым обращением к нему по имени и отчеству, которое твердо знали все стрелки. Кондратенко даже не замечал этого нарушения уставной формы.

— Если японцы прорвутся в ров, стремитесь отрезать им путь отступления, атакуя их из контрэскарпной галереи. Капонир надо отстаивать до последней возможности,— предупреждал генерал обступивших его стрелков.

— Нам бы втащить в галерею скорострельную пушку,— проговорил Блохин.

— Дельное предложение. Ты кто такой? — спросил генерал.

Блохин назвался.

— Он сегодня отличился — выбил японцев из уцелевшей части капонира,— доложил Фролов.

— Представьте его к кресту.

— Бог с ним, с крестом, все равно все под деревянными лежать будем; мне бы...— замялся солдат.

— Ну, говори, чего хочешь! В город, что ль, сходить нужно?

— Никак нет... Водочки бы выпить,— смущенно улыбаясь, попросил солдат.

Стрелки дружно захохотали.

— Выдайте ему от моего имени чарку, поручик,— обратился к Фролову генерал.

— Покорнейше благодарю, ваше превосходительство! — гаркнул в ответ Блохин.

— Зайдешь потом,— приказал Фролов.

Обойдя весь форт, побывав даже в укрытом пути над контрэскарпной галереей, Кондратенко ушел с Рашевским и Звонаревым.

— Откровенно скажу — очень опасаюсь, что при первом же серьезном штурме форт будет взят, а это затруднит и осложнит оборону Китайской стенки,— задумчиво говорил Кондратенко.

В штабе Звонарева уже поджидала Варя.

— Идемте обедать вон в тот блиндаж. Там помещается кухня, а то в штабе неудобно. Скорее бы вы возвращались на Залитерную, и я буду спокойнее за вас, и люди там все знакомые. Харитина с мужем сегодня отправились уже на позицию.

— С каким мужем?

— Да Ярцевым. Вчера их повенчал госпитальный батюшка. Это Медведь им приказал жениться.

— То есть как?

— Фу, какой вы непонятливый. Из-за Харитины Блохин поранил Ярцева. Медведь за это прогнал его с батареи. Харитине тоже запретил там появляться, чтобы все солдаты не передрались между собой. С мужем, говорит, пущу, а одну нет. Ну, они и переженились.

— Что значит — переженились? Кто на ком? Харитина на Ярцеве или он на ней?

— Замолчите, или я сейчас же уйду.

 — Как же я один обедать-то буду?

— Я и забыла, что по молодости лет вас еще нужно с ложечки кормить.

За обедом Звонарев выслушал подробный рассказ обо всех артурских новостях, о самочувствии Стесселя, об увлечении Григоровича Лолочкой, о произведенных за день в Свободном госпитале операциях, причем выходило так, что во всех них Варя была едва ли не самым главным действующим лицом.

— Они, конечно, все уже умерли?

— Кто?

— Да раненые, оперированные вашей милостью.

— Останетесь за дерзость без сладкого.— И Варя мигом проглотила крем.

— Молчу, а то и второе блюдо так же быстро исчезнет...

— Вот вам, вот вам, чтобы не дразнили меня.— И Варя слегка подергала прапорщика за ухо.

Тот в ответ свирепо зарычал, и оба весело захохотали.

Звонарев проводил девушку до городских ворот. Вернувшись в штаб, он получил от Рашевского задание на следующий день побывать на укреплении номер три.

Укрепление номер три являлось крайним западным фортом Восточного фронта обороны крепости. Хотя оно носило название «временного», но, как и многое другое в Артуре, это не соответствовало действительности. По своему устройству это было настоящее долговременное укрепление, как и форты номер два и номер три, только несколько меньшего размера. Оно защищало подступы к форту номер три с долины реки Лунхе. Китайская стенка, отходившая от западнотылового угла форта номер три, тянулась до самой горжи укрепления.

В плане оно представляло собой треугольник с закругленной вершиной. Передний вал его шел дугой, концы которой опирались на боковые брустверы.

В тыловой части имелась бетонная казарма для гарнизона. От нее шла к бетонному капониру, расположенному в переднем рву, изогнутая потерна. Впереди укрепления имелась линия стрелковых окопов, в непосредственной близости от которых была передовая траншея японцев. Здесь ни днем ни ночью не прекращалась борьба — то японцы врывались в русские окопы, то русские, выбив японцев, захватывали часть их траншей. Ружейная перестрелка, трескотня пулеметов и взрывы бомбочек не замолкали ни на минуту. Настойчивости «сынов Восходящего Солнца» противостояло упорство сибиряков.

Сюда-то и направился на следующий день Звонарев для ознакомления с положением дел на этом участке обороны.

Стоял слегка туманный, пасмурный день. Лениво погромыхивали пушки, да японские батареи, с присущей им методичностью, неустанно посылали снаряд за снарядом по городу и стоявшей на внутреннем рейде артурской эскадре.

Постепенно незначительная с утра орудийная перестрелка превратилась в сплошную канонаду. Сотни тяжелых снарядов обрушились на форты номер два и номер три и на укрепление. Являлось ли это подготовкой к общему штурму крепости или только предварительной пробой сил, определить было невозможно. Едва прапорщик вышел из ущелья, где помещался штаб, как попал под сильный обстрел и поспешил укрыться за скалой. Пробегая таким образом от укрытия к укрытию, он добрался до вершины Скалистого хребта, расположенного в версте с небольшим за линией фортов. Обрывистый, лишенный всякой растительности кряж доминировал над первой и второй линиями обороны — фортами и Китайской стенкой.

Припав за камнем, Звонарев в бинокль начал разглядывать развернувшуюся перед ним панораму. Внизу и несколько вправо лежал форт номер три. Он весь был окутан черными столбами пыли и дыма от беспрерывно падающих на него бомб. Над ним в воздухе то и дело появлялись белые комочки шрапнельных разрывов.

Крупный снаряд ударил в самый центр казармы, и в следующее мгновение из всех окон выбросило густые облака дыма. Звонарев невольно вздрогнул. На мгновение он представил себе десятки искромсанных, разорванных на куски, искалеченных солдатских тел вперемешку с осколками бетона и дерева, стоны, крики, хрипение умирающих и воздух, насыщенный едким запахом шимозы...

«Едва ли кто уцелел из находящихся в этот момент в казарме»,— с ужасом подумал он и перевел взгляд на укрепление номер три.

Также окутанное густой пеленой пыли и дыма, оно едва различалось на сером фоне окружающей местности. Посредине между фортом номер три и укреплением четко виднелась глубокая лощина. В этом месте, несколько сзади, расположилась маленькая батарейка из двух полевых орудий, долженствовавшая, очевидно, защищать подступы к этой ложбине.

За рекой Лунхе темнели массивы Волчьих гор.

Прояснилось. Еще теплое солнце приятно согревало спину своими лучами. При виде сильного обстрела укрепления номер три Звонаревым овладело раздумье — идти туда или нет.

«При такой бомбардировке я, конечно, ничем не смогу помочь укреплению, там сейчас не до минных галерей»,— оправдывался он перед собой. Наконец он принял компромиссное решение: подождать некоторое время, не уменьшится ли обстрел, и после этого идти на укрепление. Успокоившись на этом, он стал наблюдать за тем, что делается правее.

Далеко, чуть выступая из-за ближних сопок, виднелась батарея литеры Б. На ней тоже взлетали черные султаны дыма, но гораздо реже, чем на соседних фортах. Крепостные батареи на японский огонь отвечали вяло, посылая свои снаряды далеко в тыл. Сзади, со стороны города, доносился рокочущий гул орудий броненосцев, помогавших крепости своим огнем.

Неожиданно заговорила расположенная за Скалистым хребтом батарея сорокадвухлинейных пушек.

«Один преждевременный разрыв, и от меня останется только мокрое место»,— сообразил он и медленно побрел к укреплению.

Прошло около часа, пока бомбардировка несколько стихла. Воспользовавшись этим, Звонарев быстро прошел оставшееся расстояние и, перебравшись под ружейным огнем через горжевой мост, вбежал в ворота казармы.

После яркого солнечного света и чистого воздуха он сразу попал в полутемное помещение. В казарме было душно и смрадно. С полсотни солдат сидело на нарах, держа винтовки между колен, готовые по первому приказанию кинуться в нужную сторону.

— Где комендант? — спросил прапорщик у первого попавшегося солдата.

— Их высокоблагородие в потерне.

Звонарев вышел из каземата и несколько раз глубоко вдохнул свежий воздух. Затем он направился к черневшему впереди входу в потерну, которая освещалась несколькими фонарями. Пройдя почти половину потерны, прапорщик оказался у выхода из нее во внутренний дворик. Здесь, на перекрестке, стоял небольшой стол, за которым пили чай все наличные офицеры укрепления — капитан Шметилло, артиллерист поручик Есаулов, Дебогорий-Мокриевич и стрелковый прапорщик. Веселые, бод-

рые лица, шутливый разговор — все это показывало, что бомбардировка не смутила дух защитников.

— Знаменитому артиллеристу и инженеру наше глубочайшее уважение! — приветствовал Звонарева капитан.— Вот уж никак не ожидал, что после сегодняшней бани кто-либо рискнет днем пожаловать к нам в гости. Садитесь к столу. Эй, денщик, стул!

Прапорщик пожал всем руки и занял указанное ему место. Его тотчас забросали вопросами о причинах появления на форту, о штабных новостях, последних артурских слухах,— одним словом, говорили о чем угодно, кроме бомбардировки и сопряженной с ней смертельной опасности. Прапорщик удовлетворил их любопытство.

— Я чуть ли не час пережидал окончания обстрела вашего укрепления,— признался он.

— И правильно сделали. Зачем зря рисковать? Я всех, кого можно, упрятал в казармы, оставив только часовых. Сам же засел здесь, так как отсюда легко добраться до любого места форта,— проговорил капитан.— Что нового на Залитерной, как поживает Харитина?

— Она счастлива и довольна. Вышла замуж за нашего солдата.

— К солдатам, значит, ее все-таки потянуло. А бабочка она ничего, стоящая,— покрутил усы капитан.

После чаю с красным вином Шметилло повел Звонарева в капонир. Потерна полого спускалась в ров, но не проходила под ним, а рассекала его на две части. В этом месте она несколько расширялась, в стенах имелись бойницы для мелких орудий, из которых можно было обстреливать передний ров продольным огнем. Потерна подходила как раз к середине капонира. Вправо и влево от нее шло по пяти казематов с установленными в них на тумбах капонирными пушками и снятыми с японских брандеров пятиствольными митральезами, что давало возможность прекрасно обстреливать боковые рвы.

— В левом углу капонира слышна работа японских минеров,— сказал Шметилло.

Звонарев стал прислушиваться и вскоре уловил довольно сильные удары киркой или мотыгой.

— Будете вести контрминную галерею? — спросил прапорщик.

— Мокриевич с саперами собираются. Да, между нами говоря, он редкостная шляпа и размазня, к тому же и трусоват. Пока он раскачается, японцы заберутся в самый ров. Оставайтесь у нас вместо него. Саперов я за-

держу, дам своих людей, и мы с вами покажем японцам кузькину мать.

Звонарев не ожидал такого оборота дела и заколебался.

— Я командирован на время, меня ждет с докладом Рашевский.

— Черт с ним, с Рашевским. Мокриевич все ему расскажет и от себя еще наврет с три короба. По рукам, значит? — хлопнул Шметилло Звонарева по плечу.

Через полчаса солдаты по указаниям прапорщика уже долбили стенку кирками и мотыгами. Хозяйственный Шметилло откуда-то достал переносный горн и молот для оправки затупившихся кирок и мотыг, доски для рам, мешки. Работа закипела.

Незаметно подошла ночь, опять возобновился обстрел укрепления, снаряды с воем рвались то во рву, то на крыше капонира. Во избежание ранений осколками бойницы заложили мешками.

Кряхтя, Шметилло поднялся из-за стола.

— Пойдем, Сергей Владимирович, посмотрим, что делается на дворе, — предложил он. — Надо фендрика-то отпустить, он сейчас караулит около штурмовых пушек, там же, верно, и Есаулов. Хлопец хоть куда, разбитной и бравый, то и дело приходится его за хвост в каземат тащить, чтобы зря собой не рисковал.

Небо было покрыто легкими облаками, сквозь которые просвечивали звезды. Дул довольно резкий, холодный ветер. На фронте было тихо, только из ближних японских окопов временами доносился заливистый лай маленьких сторожевых собачек, которые постоянно жили в траншеях. Лучи японских прожекторов медленно скользили вдоль фронта. Из темноты неожиданно выступали то брустверы окопов, то группы изуродованных снарядами деревьев, то полоса проволочных заграждений.

Японцы методично обследовали всю линию русских. Дойдя до укрепления, луч остановился, как бы вглядываясь в происходящее на нем. Шметилло приказал стрелкам не попадать под лучи прожектора, чтобы японцы не заметили движения и не начали обстрел. Несмотря на то, что до прожектора не было и версты, свет его был слаб.

У переднего бруствера зашевелилась прислуга около противоштурмового орудия.

— Михаил Филиппович, что вы собираетесь делать? — окликнул Шметилло.

— Пальнуть раз-другой по прожектору, чтобы он

так не нахальничал,— отозвался из темноты Есаулов.

— Воздержитесь пока! — остановил его капитан.— Сейчас уносят раненых, подвезли горячую пищу и воду, в горже полно людей. Теперь не время дразнить японцев.

Поручик что-то сердито заворчал, но все же артиллеристы отошли от орудий.

Сзади, со стороны Скалистого хребта, вспыхнул резкий луч русского прожектора.

— За исключением прожекторов — все у японцев лучше: и бинокли, и одежда, и шанцевый инструмент, разве мы не могли бы иметь такого же инструмента? — с досадой проговорил Шметилло.— Единственно, в чем мы не уступаем, если не превосходим их — это в храбрости. В мирное время мы занимались только шагистикой да парадами. Смешно сказать, а я уже во время войны обучил грамоте десяток-другой солдат.

— И охотно они учатся?

— Загляните в свободную минуту в казарму. Обязательно найдете несколько человек за чтением или письмом. Идут на позицию и вместо лишней смены портянок суют в мешок букварь. А наши дурачки генералы все еще твердят, что от грамоты только вред в армии.

— Сами в грамоте не сильны. Возьмите приказы Стесселя — у него безграмотность возведена в стиль. Что ни приказ — то литературный перл,— заметил Звонарев.

— Если у нас не будет большого численного превосходства над японцами, то набьют макаки «кое-какам» по первое число! — вздохнул капитан и пошел на другую сторону форта.

Луч японского прожектора скользнул дальше, и все опять погрузилось во тьму. Правее вспыхнул яркий огонь орудийного выстрела, и донесся глухой раскат.

— Заредутная батарея,— определил Шметилло.— Молодцами работают. Сколько раз японцы пытались ее сбить, да все неудачно. Вот что значит хорошо применить орудия к местности!

Офицеры прошли в казарму и застали там генеральную приборку. Вынесли раненых, и дежурные с дневальными усердно мели, скребли и чистили полы, прибирали на нарах. В потерне при свечах солдаты ужинали. Тут же рядом возвышались пирамиды бомбочек вперемешку с патронами и снарядами.

Звонарев справился у Шметилло, где находится пороховой погреб.

 — При постройке инженеры про него забыли, а когда

спохватились, было уже поздно. Так и складываем бомбочки где придется,— ответил Шметилло.

— Но ведь это опасно. Может произойти взрыв от случайных попаданий осколков или даже просто от толчков.

— На этом укреплении больше погибло солдат от взрывов своих же бомбочек, чем от японских снарядов. А бетон какой в капонире? Глины больше, чем цемента. Я бы этих мерзавцев Лилье и Бармина за такую постройку повесил без суда,— разволновался Шметилло.

Звонарев вышел с капитаном на внутренний дворик форта. Справа беспрерывно вспыхивали зарницы выстрелов и доносился гул канонады. Снаряды с воем неслись в сторону Артура. Близко мигали огоньки ружейных выстрелов, и пули с легким свистом летели над головой. Расположенные вдоль бруствера шметилловские пулеметы, составленные из десятка соединенных вместе ружей, изредка отвечали залпом. Красиво извиваясь, к небу взлетали ракеты и рассыпались целой гирляндой ярких звездочек. При свете ракет из темноты на несколько мгновений выступали сопки, темные линии брустверов японских траншей, группы деревьев и черные точки двигающихся людей, и затем все опять исчезало во мгле.

У бруствера, не спуская глаз с врага, стояли часовые, готовые ежеминутно поднять тревогу. Шметилло с Звонаревым прошли вдоль всего внутреннего дворика. Около каждого солдата капитан останавливался и обменивался с ним несколькими словами.

— Золотой народ мои сибиряки! Сколько времени уже я с ними живу и все же не успел еще их вполне оценить. Молчаливы, грубоваты с виду, но смекалисты и очень инициативны. Все время придумывают разные новые каверзы японцам. Вчера выпустили на веревке одну из захваченных японских собачонок с трещоткой. Что тут поднялось — уму непостижимо! Сначала страшная ружейная стрельба, за ней артиллерийская, полетели градом бомбочки. Собачонку давно уже спрятали, а те все продолжают бить из орудий.

Офицеры вернулись в потерну. Солдаты кончали ужинать. Вставая из-за стола, они истово крестились.

— Гнедых! — окликнул Шметилло рослого старшего унтер-офицера.— Какую пакость на сегодня придумали японцу?

— Думаем змея запустить с гранатами,— улыбнулся солдат, отдавая честь капитану.

— Но только после приборки казарм и отъезда кухни и водовоза, чтобы не было напрасных потерь.

— Не извольте беспокоиться, Игнатий Брониславович, все будет в аккурате.

Человек десять стрелков возились с большими бумажными змеями, привязывая к хвостам их небольшие бомбочки с короткими запальными шнурами.

Когда все было готово, солдаты вышли в ров. В сторону японцев дул сильный ветер. Один за другим поджигались шнуры бомбочек, и змеи взлетали вверх. В темноте едва были заметны светящиеся точки горящих шнуров. Сверху с брустверов «наводили» их куда надо, голосом командуя, травить ли еще веревку или держать ее неподвижно, если змей оказывался в нужном месте. В небе на мгновение вспыхивал огонек, и бомбочка летела вниз, падая в расположение японцев, а змей, козырнув, стремительно взмывал вверх. Стрелки быстро подтягивали его за веревку и снова «заряжали» этих своеобразных бомбордировщиков. Японцы в полной растерянности палили в воздух, безуспешно стремясь сбить невидимого врага, и в отместку стали забрасывать ров ручными гранатами. Стрелки с веселым смехом поспешили укрыться в казармах.

— Сейчас пустим еще гадючку,— предупредил Гнедых Звонарева.

Японцы несколько успокоились.

Два стрелка выползли на бруствер с небольшими ракетами в руках. К ракетам был прикреплен белый бенгальский огонь. При взлете ракеты он загорался и освещал местность. Ракета пускалась низко над землей, «ползла гадюкой», как говорили стрелки, и, пролетев около сорока — пятидесяти шагов, падала. С бруствера укрепления следили за «гадючками» и тотчас же обстреливали залпами из шметилловских пулеметов обнаруженные цели.

Не успела потухнуть последняя ракета, как обозленные японцы перевели луч прожектора на укрепление и обстреляли его сосредоточенным огнем нескольких батарей. Стрелки, за исключением часовых у пулеметов и наводчиков у противоштурмовых пушек, спрятались в центральной потерне.

— Здорово мы сегодня раздразнили японцев,— совсем по-детски смеялся Шметилло, стоя у входа в потерну.— Будут теперь с полчаса молотить по нас, пока сердце отойдет.

 — Чего доброго, еще кинется в атаку,— заметил

стрелковый прапорщик, стоявший несколько поодаль.

— Мои артиллеристы не прозевают, пошпарят в упор картечью,— усмехнулся Есаулов.

Звонарев отошел в глубь потерны. Снаряды то и дело рвались около входа, и осколки залетали в самый проход. Здесь же были сложены пирамидками ручные бомбочки и пороховые заряды противоштурмовых орудий. Случайное удачное попадание осколка — и все это взлетело бы на воздух. Но ни Шметилло, ни два других офицера не обращали ни малейшего внимания на эту опасность. Капитан сел к столу и крикнул, чтобы ему подали горячего чаю.

— И мне тоже,— попросил Есаулов.

— А вам, Сергей Владимирович? — обернулся к Звонареву Шметилло.

При тусклом свете керосиновой лампочки его заросшее щетиной лицо приветливо и добродушно улыбалось, как будто вокруг не летали осколки, грозя ему ежеминутной смертью.

Вдруг ослепительный яркий огненный столб вырос совсем рядом. Звонарева оглушило и так сильно обо что-то ударило, что он потерял сознание.

Он не мог определить, прошло ли пять минут или два часа, когда сознание медленно стало возвращаться к нему. В ушах звенело, все тело ныло, дышать было трудно, руки и ноги казались страшно тяжелыми и не повиновались ему. Мрак перед глазами постепенно рассеивался. Наконец Звонарев разобрал наклонившееся над ним бородатое лицо ротного фельдшера и почувствовал острое раздражение в носу.

— Приходит в себя,— расслышал он хрипловатый низкий голос.

Звонарев чихнул, почувствовав при этом острую боль в голове, и застонал.

Фельдшер убрал нашатырный спирт и влил в рот Звонареву лекарство.

— Вашбродь, принимайте команду,— сказал он.

— А капитан? — с трудом выговаривая слова, спросил прапорщик.

— Их разорвало на куски вместе с артиллерийским офицером, а нашему прапорщику раздробило ногу. Так что вы остались за старшего,— ответил фельдшер.

— У меня сильно болит голова.

— Малость оконтузило вас, а так все цело, я уже осмотрел.

Звонарев чуть приподнялся и увидел, что лежит полу-

раздетым на нарах в казарме. Он попытался было встать на ноги, но голова закружилась так сильно, что он едва опять не потерял сознания. Кое-как одевшись, с помощью поддерживавших его под руки стрелков прапорщик вышел в потерну. По дороге его окликнул раненый стрелковый офицер.

— Умоляю вас, отправьте меня в перевязочный пункт. Я умру здесь от потери крови,— просил он.— Ваше счастье, что вы не подошли к Шметилло, когда он вас спросил. Взорвались бомбочки как раз рядом с ним. Я успел отскочить, и все же мне повредило ногу, иначе и меня разнесло бы в клочья.

Обстрел постепенно стихал. Солдаты столпились возле останков своего капитана. Они были удручены гибелью любимого начальника.

Прапорщик взглянул на обгорелые щепки стола, за которым сидел Шметилло, уже засыпанные землей лужи крови на полу и велел убрать в потерну подальше взрывчатые вещества. Неожиданный треск шметилловских пулеметов и грохот противоштурмовых орудий заставил Звонарева выйти во двор.

— Японец лезет,— сообщил стрелок.

— В ружье! Первый взвод направо, второй налево, третий в капонир. Четвертому оставаться здесь в резерве,— приказал Звонарев, и десятки голосов тотчас разнесли это распоряжение по всему укреплению. Солдаты, расхватывая на ходу винтовки, бросились по указанным местам.

Артиллерийский огонь прекратился, зато градом сыпались ручные бомбочки. К счастью, большинство из них не долетало и падало в бруствер или около него. Стрелки с необычайным проворством выкидывали их обратно в ров.

— Банзай, банзай! — неслось со стороны японцев.

При свете русских прожекторов Звонарев увидел, как японцы, добежав до рвов, быстро прилаживали бамбуковые лестницы и по ним спускались вниз.

— Усилить огонь из капониров, четвертому взводу из горжевого рва атаковать японцев,— приказал Звонарев.

— Бей их бомбочками! — вопил рядом артиллерист.

В темноте трудно было разобрать, где находились стрелки, и еще труднее командовать ими. Но солдаты действовали сами, сообразуясь с обстановкой. Унтера или просто рядовые бросали отрывистые фразы, объясняя свои предположения и намерения. Остальные их понимали с полуслова. На Звонарева стрелки почти не об-

ращали внимания, часто не замечая его в темноте.

— Отобьем японцев, не впервой нам это! — спокойно говорил прапорщику стрелок, поддерживая под руку все еще не вполне оправившегося Звонарева.— Вы, вашбродь, присядьте в проходе потерны, а вам туда будут докладывать, что где деется,— посоветовал он.

Прапорщик последовал этому совету. Вскоре прибежали из капонира сообщить, что японцы забрасывают казематы ручными гранатами и пытаются пролезть в амбразуры. Звонарев поспешил туда. При слабом свете нескольких свечей он разглядел стрелков, которые, стоя у бойниц, вели частую перестрелку. Помещение было полно дыма.

— Вашбродие, прикажите забросать японцев сверху бомбочками, а мы попробуем поджечь лестницы паклей, смоченной в керосине,— предложил один из стрелков и, не дожидаясь одобрения офицера, побежал отдавать нужные распоряжения.

В крайнем каземате через амбразуру просунули длинный шест с укрепленной на нем горящей паклей и этим своеобразным факелом подожгли штурмовые лестницы. Сухой бамбук вспыхнул, как порох, ярко освещая ров.

Заметив, что путь отступления отрезан, японцы ринулись к горжевой части укрепления, надеясь здесь найти выход, но тут их поджидал четвертый взвод, бросившийся в штыки. В тесном пространстве глубокого рва завязалась свалка. По собственной инициативе стрелки начали спрыгивать с брустверов вниз и затем с тылу напали на японцев. Звонареву оставалось лишь освещать своими факелами место боя.

— Туши,— прокричал в амбразуру один из стрелков.— С японцами кончили, ни один живым не ушел.

Наступило затишье. Прапорщик прошел в казарму, куда сносили раненых и убитых.

Как только упало возбуждение, вызванное боем, Звонарев опять почувствовал себя настолько скверно, что принужден был лечь.

— Отдохните малость, вашбродь. Теперь японцы до утра будут сидеть тихо. Мы часовых расставим, переведем дежурный взвод в потерну, а сами тоже полягаем спать,— дружелюбно советовали прапорщику стрелки.

Остаток ночи прошел спокойно. Наступило туманное утро. На фронте было тихо. Звонарев, хорошо отоспавшийся, почувствовал себя лучше. Когда он вышел из-за занавески, которая отгораживала офицерское помещение от остальной казармы, то первое, что бросилось ему

в глаза, была куча различных вещей, снятых с убитых японцев. Гнедых, исполнявший обязанности фельдфебеля, внимательно пересматривал их, отбирая то, что, по его мнению, могло пригодиться в роте,— теплые зимние японские шинели с широченными поповскими рукавами и меховыми воротниками, ремни, манерки, фляги, ботинки, теплое белье. Галеты же и другие съестные припасы складывались отдельно. Солдаты, стоявшие вокруг, помогали своему фельдфебелю.

— Первый взвод, подходи,— скомандовал Гнедых.— Вот вам пара шинелей, ботинки, галеты и консервы,— наделил он взводного. За первым потянулись и остальные взводы. Оставшееся имущество Гнедых велел спрятать.

Звонарев с интересом наблюдал за этой картиной. На Залитерной такого дележа не было. Там каждый считал своей собственностью все, что ему удавалось достать.

— Что вы делаете? — спросил он.

— Дуван дуваним, вашбродь,— бойко ответило несколько солдат.

— Покойный капитан Шметиллов, царство ему небесное, хотя он и был поляцкой веры, завел такой порядок, чтобы промеж солдат не было зависти и споров,— добавил Гнедых.— А это вам, вашбродь.— И он указал на аккуратно сложенные отдельно офицерские сумки с картами и бумагами. Тут же лежал прекрасный бинокль, компас, короткая шашка и несколько банок консервов.

— Так я же на японцев в штыки не ходил,— удивился прапорщик.

— Вы, вашбродь, хоть на ногах почти не стояли, а вместе с нами были на бруствере и капонире, опасность с нами делили и очень даже прекрасную команду всем нам подавали,— торжественно, запинаясь от волнения, проговорил Гнедых.

Звонарев понял, что отказом обидит солдат, и, поблагодарив, взял выделенное ему имущество.

Вернувшись к себе, прапорщик стал разбирать захваченные планы и бумаги. Все они были исписаны иероглифами, на планах аккуратно были нанесены русские форты и батареи, передовые линии японских окопов, которые и так были хорошо известны. Ни батарей, ни тыловых учреждений японцев на картах не было.

Раскупорив японским штыком банку консервов, Звонарев нашел в ней прекрасное сгущенное молоко, которое съел с галетами. Появился Гнедых с полубутылкой плохонького коньяку, пахнувшего клопами, и пачкой дешевых сигареток.

— Садись, Гаврилыч,— вспомнил отчество Гнедых Звонарев,— вместе выпьем и поедим.

Фельдфебель снял папаху, набожно перекрестился, достал ломоть черного хлеба и неторопливо принялся за еду. Попутно он рассказал, что еще полгода назад был рядовым стрелком и за боевые отличия получил нашивки, но «не загордился и солдат уважает»: без дела не бьет и не ругает, по начальству не ябедничает; поэтому стрелки тоже хорошо относятся к нему и зовут своим «атаманом». В мирное время он бродил по тайге с артелью старателей и там, несмотря на свою молодость, тоже был за атамана. С теплым чувством он вспомянул Шметилло, выругал раненого прапорщика, который, по его мнению, был «не самостоятельный» и при опасности первый спешил под укрытие.

— Вы бы, вашбродь,— имя-отчества вашего не знаю,— остались насовсем у нас за командира. И покойный Игнатий Брониславович вас хвалили. На всякие, говорит, выдумки они горазды. И вчерась вы понравились стрелкам своею храбростью...

— Начальство пришлет нового командира, постарше меня чином.

Подкрепившись, Звонарев и Гнедых направились в капонир.

Пользуясь затишьем, солдаты продолжали спать, кто где придется — в казарме на нарах, в потерне прямо на полу, вдоль стен.

Минные работы шли полным ходом. Преодолевая некоторый страх, Звонарев полез в галерею. После того как он был засыпан, у него осталась инстинктивная боязнь подземелья. Добравшись до конца, прапорщик прислушался. Все было тихо.

— Отдыхает японец, умаялся за эти дни,— проговорил сапер.

В левой галерее была та же картина. Звонарев недоумевал, почему японцы прекратили свои минные работы.

Но они сами поспешили разъяснить ему свои намерения. Едва туман стал расходиться, как начались новые атаки укрепления. Передняя цепь залегла на самом краю рва, а последующие, добежав до этого места, кидали вниз большие мешки с тряпьем и убегали назад. Стрелки закидали врага бомбочками, но это не смутило японцев. Цепь за цепью они продолжали сбрасывать тюки, скоро покрыв ими почти сплошь дно рва.

Звонарев, следивший за этим из бойницы капонира, никак не мог понять, зачем это делается. Стрелки тоже

строили самые разнообразные предположения. Забросав ров, японцы отошли в свои окопы. Вызванные охотники вытащили из рва несколько мешков, наполненных старым, никуда не годным тряпьем.

Пока Звонарев со стрелками разглядывал мешки, японцы неожиданно бросились в атаку. На этот раз они не останавливались на краю рва, а с размаху прыгали с трехсаженной высоты на мягкие тюки, которые, очевидно, для этого и предназначались. В несколько минут ров был заполнен японскими солдатами, которые, приставив бамбуковые лестницы к внутренней стенке рва, стали взбираться на бруствер. Укрепление сразу же оказалось в критическом положении: не меньше двух батальонов обрушилось на одну роту Звонарева. Но стрелки не растерялись. Пользуясь безмолвием японской артиллерии, они встретили штурмующие колонны залпами в упор, а затем кинулись в штыки, сбрасывая врага в ров. Гнедых с двумя стрелками выволок на бруствер большую деревянную бочку с керосином и сбросил ее вниз. Она разбилась при падении. Керосин облил далеко вокруг мешки с тряпьем, затем несколькими ручными гранатами их подожгли, и вскоре весь ров был охвачен огнем.

Густые облака дыма поднялись высоко в воздух, создав защитную завесу. Обезумевшие от ужаса японцы заметались во рву, расстреливаемые из пулеметов.

То же было проделано и в другом боковом рву. Солдаты с остервенением забрасывали бомбочками беспомощно бегавших по дну рва японцев. Беспрерывно строчили капонирные пулеметы, а четвертый взвод в горже добивал всех, кому удавалось вырваться живым из моря огня, бушевавшего в боковых рвах.

Не понимая, что произошло в укреплении, все новые и новые японские цепи подбегали ко рву, но в ужасе останавливались перед огненной преградой, в упор сметаемые с валов огнем шметилловских пулеметов и противоштурмовых пушек.

Крепостные батареи, видя объятое пламенем и дымом укрепление, решили, что наступают его последние минуты, и обрушились на японцев сосредоточенным огнем десятков орудий. Устилая землю своими телами, японцы в панике бросились наутек.

Задыхаясь от смрадного густого дыма, Звонарев то руководил огнем стрелков на бруствере, то появлялся в капонире, где полуживые от дыма пулеметчики продолжали беспощадно истреблять врага, то бежал к горжевой казарме, чтобы удостовериться в безопасности тыла,

Приученные Шметилло к самостоятельности, стрелки работали уверенно, ни одной пули не выпуская мимо цели, ни одной бомбочки не бросая безрезультатно. Раненые не хотели до конца штурма идти на перевязку, убитых же, к счастью, было немного.

Уничтожив врага, солдаты, как после трудной, но удачной работы, вытирали пот с лица и радостно улыбались.

— Знатно мы справили поминки по нашему капитану,— никто живым не ушел...

— Да, дюже воняет жареным японцем,— повел носом Гнедых, шагая рядом с Звонаревым.

Прапорщик велел выставить часовых, а остальных людей отвел в казармы и потерны. Воспользовавшись дымовой завесой, развели огонь в кухне, чего обычно днем не делали. Вскоре бак с водой закипел, и стрелки потянулись к нему с чайниками и кружками.

Звонарева вызвал по телефону генерал Горбатовский и справился о положении на укреплении. Прапорщик подробно доложил ему обо всем.

— Немедленно прекратить пожар и впредь этого не допускать,— неожиданно распорядился генерал.

Прапорщик, считая, что Горбатовский его не расслышал, вновь стал объяснять причину возникновения огня.

— Мы уничтожили таким образом целый батальон японцев,— доказывал он.

— Категорически запрещаю впредь делать это,— отрезал генерал.

— Что? Запрещаете уничтожать японцев? — переспросил Звонарев.

— Уничтожать приказываю, разводить огонь запрещаю,— упорствовал начальник обороны Восточного фронта.— Дальнейшие разговоры считаю излишними.— И его превосходительство дал отбой.

— Круглый идиот! — выругался Звонарев и повесил трубку.

— Кто это, вашбродь,— полюбопытствовал телефонист.

— Один мой знакомый,— улыбнулся прапорщик и отошел.

Начался обычный методический обстрел укреплений артиллерийским огнем. С ревом проносились одиннадцатидюймовые снаряды, сотрясая землю при взрыве, пронзительно визжали стодвадцатимиллиметровки, рикошетируя после взрыва, глухо бухали шестидюймовки.

Погода совсем прояснилась, выглянуло солнце, ярко

осветив все вокруг, и только многострадальное укрепление номер три все еще было окутано дымом от пожара. Но жизнь в нем била ключом. Стрелки раздобыли гармошку и под аккомпанемент взрывов лихо отплясывали в потерне. Звонарев с улыбкой прислушивался к этому, строча в своем углу длиннейшее донесение о вчерашних и сегодняшних штурмах. Сидевший рядом Гнедых называл ему фамилии особенно отличившихся солдат, скромно умалчивая о своей персоне.

Покончив с донесением, прапорщик прилег на нары. Голова продолжала мучительно болеть, поташнивало, глаза слипались от усталости. Он задремал. Разбужен он был громким возгласом солдат: «Здравия желаем вашему превосходительству!»

Не успел Звонарев подняться, как из-за занавески показался Кондратенко в сопровождении Рашевского.

— Так это вы и являетесь комендантом укрепления! — воскликнул генерал.— Я все ломаю себе голову, кто так успешно руководит его обороной. Оно со всех сторон охвачено огнем и дымом. Кажется, вот-вот его возьмут, а вместо этого японцы бегут от него во все стороны.

— Моя роль свелась к отдаче двух-трех приказаний. Солдаты сами отбивали штурмы, выкуривали японцев и вообще проявляли массу инициативы.

— Ваша скромность мне известна, Сергей Владимирович. Одна молодая особа решительно требовала, чтобы я разрешил ей побывать здесь,— улыбнулся Кондратенко.— Я только тем ее и успокоил, что обещал доставить к ней вас лично в целости и сохранности.

Звонарев хотел было улыбнуться, но у него так закружилась голова, что он едва устоял на ногах.

— Что с вами, вы нездоровы? — успел подхватить его Рашевский.

— Вчера меня слегка контузило,— тихо проговорил прапорщик.

— Их благородие более двух часов лежали без сознания, а как японец полез на штурму, вышли с помощью двух стрелков и всем командовали,— доложил Гнедых.

Кондратенко с чувством пожал руку Звонареву, Рашевский последовал его примеру.

— Я хотел просить ваше превосходительство оставить меня здесь и дальше.

— О нет, на это я не согласен. Вы нужны и в других местах. Теперь прошу показать нам укрепление,— попросил Кондратенко.

 Прапорщик повел генерала через потерну в капонир.

Кондратенко то и дело останавливался, расспрашивая солдат. Многих он знал в лицо и по фамилии.

— Откуда вы их знаете, ваше превосходительство? — удивился Звонарев.

— Шметилловских-то стрелков? Они у меня одни во всей дивизии, других таких героев нет. Когда в штабе крепости узнали о смерти Игнатия Брониславовича, то решили, что часы укрепления сочтены. Смирнов уже спешно разрабатывал тысяча сто первый вариант отражения японской атаки. Я же был настолько уверен в шметилловцах, что рискнул отправиться сюда только вдвоем с Сергеем Александровичем, не дожидаясь подхода резервных частей,— говорил Кондратенко, неторопливо двигаясь по потерне.

У места гибели Шметилло генерал снял фуражку и перекрестился.

— Мир его праху. Жил и умер честным солдатом.

В капонире Звонарев указал на крайне плохое качество бетона, который оказался мягче, чем окружающая скалистая почва.

— Была бы моя воля, я посадил бы сюда Бармина и заставил ожидать, пока японцы не взорвут капонир снаружи,— заметил Кондратенко.— Как вы предполагаете укрепить капонир? — справился он у Рашевского.

— Никак. Этот дефект сейчас устранить не можем.

— Тогда капонир надо оставить, забив его бутовым камнем на цементной кладке. Пробив свод, японцы окажутся перед необходимостью разрушить стену до основания, чтобы проникнуть в ров. Потерну тоже придется заложить в ее передней части. Ров же будем фланкировать из горжи, возведя там брустверы из мешков, и установим мелкие скорострельные морские пушки и многоствольные митральезы,— продолжал генерал.— Прошу вас, Сергей Владимирович, немедленно произвести забивку всего капонира до самого верха. Надо, чтобы к завтрашнему утру это было выполнено.

— Слушаюсь, ваше превосходительство,— вытянулся Звонарев.

Затем генерал обошел все брустверы, понаблюдал в бинокль за японскими работами и хотел уйти. Но в этот момент неподалеку упала и разорвалась небольшая японская бомбочка. Звонарев со стоном схватился за голову и медленно опустился на землю. Кондратенко бросился к нему. Прапорщик был бледен и долго не подавал признаков жизни.

— Что с ним случилось? — взволнованно спросил

генерал.— Пустяковый взрыв — и такая реакция на него?

— Должно быть, их благородие опять ударило воздухом в голову,— сказал подбежавший Гнедых и с помощью стрелков снес прапорщика в казарму.

— До подхода резервов я приму на себя командование укреплением, а вас, Сергей Александрович, попрошу заняться забивкой капонира,— решил Кондратенко.

Прошло больше часа, пока подошли вновь назначенные на укрепление роты. С ними прибыл и новый комендант, штабс-капитан Ржевусский. Когда Кондратенко уходил с укрепления, фельдфебель подошел к нему.

— Мы уже месяц находимся здесь без смены, ваше превосходительство, обовшивели все и от грязи заросли коростой. Дозвольте хоть в баньке помыться.

— Ладно, даю вам неделю отдыха, а затем верну на позиции.

— Покорнейше благодарим,— радостно ответил солдат.

С темнотой шметилловцы, забрав почти все свои трофеи, двинулись в тыл, неся на носилках Звонарева.

— Теперь нам надо самим присмотреть себе командира, к нему и подаваться,— проговорил Гнедых.

— Идите к поручику Енджеевскому. Он на батарее литеры Б,— посоветовал Звонарев, которого бережно несли на носилках четыре стрелка.— И я поблизости буду, на Залитерной.

— Про него мы слыхали много хорошего от покойного капитана. Пошлем к нему ходоков, может, и возьмет к себе,— отозвались в толпе.

Они донесли Звонарева до штаба Восточного фронта, где он и остался ночевать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Звонарева поместили в одном блиндаже с Надеиным. Старик, пробыв два дня в городе, не утерпел и вернулся в штаб, чтобы быть поближе к позициям. Он упросил Горбатовского разрешить ему расположиться в одном небольшом блиндажике на отлете, чтобы никому не мешать своим присутствием. Верный Капитоныч с помощью денщика, как мог, привел блиндаж в порядок,

Надеин развесил по стенам иконы и на столе тоже водрузил складень из трех икон.

В помещении было холодно, сильно дуло с пола, заливала вода при дожде, плохо горела печка. Но старик терпеливо переносил все эти неудобства. Капитоныч недовольно бурчал, но не покидал своего барина, хотя ничем не был с ним формально связан.

Для контуженного прапорщика стрелки устроили кровать из досок, наложенных на козлы. Бережно опустив Звонарева на постель, стрелки пожелали ему скорейшего выздоровления и удалились.

— Шлавные у наш шолдатики! Никогда швоего офицера в беде не оштавят,— прошамкал Надеин, наблюдая за этой сценой. Затем он подробно расспросил Звонарева обо всем случившемся на укреплении номер три и принял прапорщика под свое покровительство.

У прапорщика все время кружилась голова, и он никак не мог уследить за ходом разговора. Иногда сознание на несколько мгновений совсем покидало его. Во всем теле чувствовалась необычайная тяжесть, не хотелось ни двигаться, ни думать. Где-то в подсознании всплыл образ Вари Белой, и он не мог понять, бред это или действительность. Полное безразличие к окружающей обстановке казалось ему преддверием смерти, но мысль о ней не пугала его.

— Вы меня не слышите? Ответьте мне, миленький, хоть одно слово,— шепотом упрашивала Варя, наклонившись к самому уху прапорщика, сознание которого в этот миг несколько прояснилось.

— Слышу, милая Варюша, но я очень слаб, и мне трудно говорить.

— Я сейчас достану рикшу с носилками и лично отвезу вас в госпиталь.

— Я никуда не поеду, мне тяжело двигаться, и я хочу спать.

— Выпейте бульона.— Варя сунула ему в рот носик чайника, наполненного теплым бульоном.— Ведь вы уже три дня как следует не ели.

Выпив бульон, прапорщик почувствовал себя значительно лучше и тут только понял, как изголодался за последнее время. Глядя на озабоченное, осунувшееся личико Вари, он улыбнулся.

— Все-то вы обо мне думаете, а сами на что стали похожи. Один нос остался на лице.— И Звонарев нежно поцеловал руку девушке. Варя просияла, ласково погладила прапорщика по голове.

— Во всем виноваты вы! Сидели бы смирно на Залитерной, как раньше, и я бы не беспокоилась. На вас очень зла Вера Алексеевна за то, что вы в ироническом тоне рассказывали о ранении Стесселя.

— Откуда она это знает?

— У нее везде есть свои люди. Вчера она встретила меня на улице и заявила, что вы самый неблагодарный человек, какого ей пришлось встречать в жизни. Я ей ответила, что про вас насплетничали, а она назвала меня невоспитанной девчонкой, которая не умеет разговаривать со старшими. И это все происходит потому, что я дружу с учительницами и с вами.

— Надо думать, что последнее слово все же осталось за вами?

— Конечно. Я ей сказала: «Вполне понятно, что я бываю в обществе молодых людей, так как не успела еще состариться».

Звонарев захохотал, несмотря на острую боль в голове.

— Воображаю, какая при этом у нее была физиономия!

— А вот такая.— Варя разинула рот, вытаращила глаза и придала своему лицу растерянно-глупый вид.

Это было так смешно, что даже молчаливо сидевший на своей койке Надеин не мог удержаться от смеха.

Накормив и напоив прапорщика, Варя приказала ему немедленно заснуть.

— Я тихонько посижу рядом, пока вы не уснете,— объявила она и села у изголовья Звонарева.

Через минуту и Звонарев и Варя спали крепким сном.

Надеин с помощью Капитоныча осторожно уложил девушку на свою постель, а сам, кряхтя, стал укладываться на полу, рядом с Капитонычем. Старики долго ворочались, кряхтели, шептали молитвы и наконец заснули.

Варя проснулась от холода уже на рассвете и сразу не могла вспомнить, где она и как сюда попала. Затем, соскочив с постели, она нагнулась к мерно дышавшему Звонареву и, быстро оглянувшись на спавших Надеина с Капитонычем, осторожно поцеловала прапорщика, после чего выскользнула из блиндажа, на ходу надевая пальто. Через минуту она уже скрылась в густом предрассветном тумане.

Через день Звонарев настолько поправился, что уже смог пройти до форта номер три. Артиллеристы и матросы встретили его, как выходца с того света.

— Нам сказали, что вас разорвало на куски на укреплении. Мы и не ждали вас видеть живым! — обступили они прапорщика.— Жалели вас, думали: зазря пропал наш Сергей Владимирович. Пошел на полчаса и сложил там свою буйную голову...

Прапорщик осмотрел почти законченную сооружением прожекторную установку.

— Этой ночью начнем светить,— уверял Братовский.— Будет теперь наш третий форт со светом. Япошка не сможет уже незаметно подбираться. Да и на третье укрепление дадим свет.

— Приготовьтесь к обстрелу, неприятель постарается тотчас же сбить прожектор,— предупредил Звонарев.

Возвращаясь в штаб, он увидел идущих впереди по шоссе Надеина и Капитоныча. Последний с трудом ковылял на своей деревяшке, опираясь на палку. Дорога обстреливалась редким шрапнельным огнем, но старики не обращали на это никакого внимания. Уже согнутый годами, но все еще высокий, Надеин неторопливо шагал впереди, то и дело оборачиваясь на своего спутника.

— Шовшем штар ты штал, Капитоныч, ноги тебя уже не ношят,— услышал голос генерала подошедший Звонарев.

— Нога-то у меня, Митрофан Александрович, осталась только одна, да и та на Малаховом кургане прострелена, а у вас все же две. Вестимо, мне за вами не угнаться.

В это время навстречу показался молоденький солдат-стрелок. Завидя генерала, он подтянулся и по-уставному, за четыре шага, четко стал во фронт.

— Ждорово, молодчик! — ласково приветствовал его генерал.

— Здравия желаю вашему превосходительству! — заорал в ответ стрелок и затем уже обычным голосом добавил: — Разрешите приложиться к вашей иконе.

— Изволь, братец,— остановился Надеин.

Солдат снял папаху, несколько раз истово перекрестился и поцеловал висевший на груди генерала сверх пальто образ Спаса Нерукотворного. Надеин обнял его за шею и добродушно стал расспрашивать, какого срока службы, женат ли, есть ли дети.

Стрелок, позабыв официальный тон, ответил, что все-

го на службе первый год, дома оставил жену и двух ребят.

— Как твое имя-то? — справился генерал.

— Егор Николаев.

— Ну, штупай ш богом, раб божий Егор, вечером помолюшь, чтобы гошподь бог шохранил тебя в Артуре и невредимым вернул твоей жене,— потрепал Надеин растроганного солдата по плечу и пошел дальше.

Все трое шли молча. Звонарев, почти не думавший последнее время о своих родных, вспомнил сестер и брата и невольно вздохнул.

— Хорошо вам, гошподин прапорщик, коль ваша невешта каждый день ваш навещает,— обернулся к нему генерал.

— Мадемуазель Белая всего лишь моя хорошая знакомая.

— Которая целует ваш в темноте, когда вы шпите.

Звонарев вспыхнул.

— Когда это было?

— Шпрошите у нее, пушть она шама вам рашшкажет,— мое дело шторона.

Так прапорщик больше ничего и не добился от упрямого старика.

К вечеру погода прояснилась, выглянуло солнышко, и совсем по-летнему потянуло теплом с моря. Поджидая обычного визита Вари, Звонарев сидел около штабного блиндажа и наблюдал, как по всем дорогам тянулись к фортам кухни, водовозы, маленькие рикши с носилками.

На закате солнца Капитоныч вынес из блиндажа табуретку, поставил на нее складной образ, постелил на землю коврик и пошел доложить Надеину.

Вскоре из блиндажа вышел генерал с непокрытой головой, в одном сюртуке, но с неизменным образом на груди. Он стал на коврик и перекрестился на все четыре стороны. Его высокая фигура с длинной седой бородой и густыми всклокоченными волосами четко вырисовывалась на фоне вечернего неба. Оглянувшись вокруг, Надеин опустился на колени. Воздев кверху руки, он громким голосом начал читать молитвы.

Завидя молящегося генерала, десятка два солдат подошли к нему и, обнажив головы, тоже стали на колени. Постепенно число их увеличивалось, и вскоре вокруг Надеина образовалась толпа.

Звонарев с удивлением издали наблюдал за этим

 своеобразным богослужением. Солдаты, крестясь и

вздыхая, медленно расходились, совсем как в церкви после вечерни или обедни.

Стоявшие поодаль матросы десантной роты с «Пересвета» иронически поглядывали на это моление, перебрасываясь между собой шутками.

— Ишь колдует дедок! Только не пойму, к добру это или нет?

— Ворожит, чтобы японские пули да снаряды никого из солдат не убивали, вроде как бы заговаривает весь артурский гарнизон.

— Жаль, его с нами не было в бою двадцать восьмого июля. Околдовал бы он адмирала Тогова, чтобы у того глаза позастилало. Сидели бы сейчас во Владивостоке да с русскими бабочками прохлаждались...

Вскоре появилась Варя и увела Звонарева в блиндаж обедать.

В конце обеда Звонарева неожиданно вызвали к начальнику артиллерии Восточного фронта обороны полковнику Мехмандарову. Варя пошла с ним.

Мехмандаров, пожилой мужчина, с лицом, заросшим по самые глаза густой черной бородой, сквозь которую проступал большой горбатый нос, с недоумением посмотрел на появившуюся перед ним парочку.

— Мне нужен прапорщик Звонарев, а не его жена.

— Да он мне совсем и не муж, только знакомый,— несколько смутилась девушка.

— Сейчас сообщили, что на батарее литеры Б одиннадцатидюймовый снаряд попал в офицерский каземат...

— И Жуковский убит? — в ужасе воскликнула Варя.

— Никто не убит! Все живы, только ранены Жуковский и Гудима. На батарее не осталось ни одного офицера...

— ...И вы хотите послать туда Сереж... Сергея Владимировича? Но он совсем больной и едва стоит на ногах!

— Ва! — досадливо сморщился Мехмандаров.— Если он болен, то от вашего присутствия, сударыня. Без вас он совсем здоровый, ходил сегодня на третий форт. Но посылать его на литеру Б я не собираюсь. Он еще чином не вышел командовать такой батареей. Туда отправится высокий поручик, что на Залитерной...

— Борейко,— подсказал Звонарев.

— Он самый, а вас направим на Залитерную. Там осталось всего две пушки, так что и офицер не нужен, но, поскольку вы контужены, пробудете там с неделю

и отдохнете. Только чтобы вы, сударыня, туда не смели показывать и носа, иначе прапорщик никогда не поправится...— И полковник громко захохотал.

— Когда прикажете отправиться на Залитерную? — спросил Звонарев.

— Чем скорей, тем лучше.

Распрощавшись с Варей, прапорщик шагал по дороге к Залитерной. Стояла темная, но теплая ночь. С моря дул мягкий, влажный ветер. На безоблачном небе сверкали звезды. Навстречу Звонареву шли роты моряков.

Прошло добрых полтора часа, пока Звонарев наконец добрался до Залитерной. Борейко там уже не оказалось. Он ушел на батарею литеры Б, захватив с собою половину солдат. За старшего на батарее остался Ярцев, который уже выписался из госпиталя.

Звонарев был удивлен переменой, происшедшей с ним. Сказочник пополнел, был чисто выбрит, аккуратно одет, щеголял в новой рубахе и до блеска начищенных сапогах. При виде прапорщика физиономия Ярцева расплылась в широчайшую улыбку.

— Мы вас, вашбродь, совсем уже похоронили. Поручик даже в помин вашей души стакан водки выпили, хоть последнее время на нее и смотреть не хотели.

— Тебе женитьба, видать, пошла впрок! Где Харитина-то?

— На кухне с бельем возится. Сейчас я ее пришлю.

— Подожди, расскажи, что случилось с командиром и Гудимой?

— Бонба попала в каземат, капитана ранило в голову, спину и ноги, а штабс-капитану повредило правую руку и бок. Их отправили на Утес, на квартиру.

— А Шура уцелела?

— Ее в те поры в каземате не было, потому и осталась невредима, уехала тоже на Утес; а Мельникова поручик забрали на «литербу», у нас же за фершала осталась Харитина.— И солдат прыснул со смеху.

— Чего ты хохочешь?

— Наши канониры все к ней пошли с разной хворобой, кто что выдумал, а она давай их лечить... ухватом! Живо все поправились! — опять закатился Ярцев.

— И тебя, поди, она им угощает под сердитую руку?

— Никак нет. Она меня уважает как мужа и свое бабье место знает,— с достоинством проговорил сказочник.

В дверь постучали. Вошла Харитина. Она была в женском платье, с платком на стриженой голове.

— Здравствуйте, Сергей Владимирович, с прибытием вас! — певучим голосом приветствовала она Звонарева.— Не откушаете ли чайку со свежими шанежками? Только сейчас испекла. Мы как раз садимся за стол. Пойдем-ка, Егор Иванович,— обратилась она к мужу.

— И я с вами отужинаю,— поднялся Звонарев.

— Милости просим,— радушно и просто, по-хозяйски пригласила Харитина.

Вернувшись в блиндаж, Звонарев позвонил по телефону Борейко.

— Здорово! Жив еще курилка? — спросил поручик.— Николай Васильевич, бедняга, сильно пострадал, к тому же он еще не совсем поправился после дизентерии, может и не вытянуть. Гудима отделался легкими ранениями, отправился больше отдыхать, чем лечиться. Завтра приходи сюда, есть кое-какие дела. Стах кланяется. Его вчера ранило в четвертый раз, но легко, и он остался в строю.

В предрассветном сумраке замелькали первые вспышки выстрелов японских батарей. Интенсивность огня возрастала с каждой минутой, вскоре грохот сотен орудий слился в один протяжный гул. Снаряды сплошной лавиной обрушились на русские позиции от батареи литеры Б до укрепления номер три. Бомбы, шрапнели, сегментные снаряды, бризантные гранаты всех калибров дождем падали на Залитерную.

— Японец штурм готовит, вашбродь,— сообщил Звонареву Ярцев.

Один из снарядов разорвался близко от блиндажа, и осколки забарабанили в дверь. Застегиваясь на ходу, Звонарев выскочил наружу. Батарея казалась вымершей, солдаты попрятались. Облако дыма и пыли, не расходясь, стояло над Залитерной.

Прапорщик поспешил нырнуть обратно в блиндаж и попытался по телефону вызвать батарею литеры Б, чтобы узнать обстановку на фронте, но провода были перебиты, и Залитерная оказалась отрезанной. Звонарев понял, что, несмотря на этот смертоносный вихрь, ему нужно идти посмотреть, что делается на линии Китайской стенки.

— Дай-ка мне бинокль; с наблюдательного пункта, вероятно, хорошо видно наше и японское расположение,— обернулся он к Ярцеву.

— Вы бы, Сергей Владимирович, малость обождали, может, стрельба утихнет,— посоветовал солдат.

— Тогда будет поздно, японцы успеют, чего доброго, и до нас добраться, как в августе. Прикажи всем, даже Зайцу и Белоногову, приготовить винтовки, чтобы было чем встретить японцев, если они прорвутся на батарею,— распорядился Звонарев, выходя из блиндажа, и направился к наблюдательному пункту. Те немногие минуты, которые были нужны для преодоления этого пространства, показались прапорщику вечностью. Не прошел он и десяти шагов, как взрывной волной сбило у него фуражку с головы, засыпало глаза пылью, осколком порвало шинель. Оглохший от взрывов, ослепленный пылью и дымом, он с трудом нашел наблюдательный пункт. Там находился Юркин, который от ужаса забился в дальний угол блиндажа и взглянул на прапорщика, как на привидение.

— Здравствуй! Труса, что ли, празднуешь? — спросил Звонарев.

— Здравия желаю, ваше благородие. Попервах думал, что мне попритчилось, что вы живой сюда пришли,— вскочил на ноги солдат.

— Что видно впереди? — подошел прапорщик к смотровой прорези и стал смотреть на развернувшуюся перед ним панораму.

Батарея литеры Б, Китайская стенка, Куропаткинский люнет и форт номер двенадцать чуть проступали сквозь пелену дыма и пыли. На батарее литеры Б то и дело вспыхивали красные языки выстрелов. Борейко из всех уцелевших еще орудий отбивался от наседавших японцев. Все остальные батареи первой линии были приведены к молчанию.

Зато батареи берегового фронта и броненосцы перекидным огнем громили японцев. Когда дым и пыль относились ветром в сторону, Звонарев мог разглядеть большие разрушения на фортах и Китайской стенке.

Вдруг над Куропаткинским люнетом взвился огромный столб черного дыма, и вслед за тем долетел тяжелый грохот взрыва. Прапорщик понял, что взлетел на воздух пороховой погреб.

Не успел дым от взрыва разойтись, как японцы кинулись на штурм люнета. Впереди бежали с флагами в руках офицеры, и не прошло и минуты, как белые флаги с красными кругами посередине взвились над павшим укреплением.

— Пропал люнет,— испуганно проговорил Юркин.

— Отобьют, японцев там совсем немного. Беги на батарею и прикажи обстрелять цель номер пять, уменьшив

прицел на шесть делений,— распорядился прапорщик.

Телефонист перекрестился и побежал на батарею. Вскоре с Залитерной прогремело несколько выстрелов, и белые комочки шрапнелей появились над Куропаткинским люнетом. Японцы поспешили спрятаться. Подоспевшая рота моряков снова заняла люнет.

После полудня стрельба временно ослабела. Звонарев пошел на батарею. Несмотря на сильный обстрел, Залитерная пострадала сравнительно немного. Дав указания об исправлении разрушений, прапорщик направился к Борейко, чтобы договориться о дальнейших совместных действиях. Поручика он нашел на перевязочном пункте. Мельников на скорую руку перевязывал его раненый бок.

— Малость зацепило осколком, приходится дырку зашивать,— небрежным тоном проговорил Борейко, но по бледности лица и лихорадочно горящим глазам прапорщик понял, что его друг сильно страдает и едва переносит боль.

— Перевязывай поскорее народ, я сейчас пришлю всем раненым водки,— проговорил поручик, выходя из каземата.

На батарее по-прежнему то и дело рвались снаряды; солдаты попрятались по казематам.

— Здорово нам сегодня досталось. Семеро убито да человек пятнадцать ранено, в том числе все взводные; но они все остались в строю,— сообщил Борейко.

Звонарев договорился, что всемерно будет поддерживать батарею литеры Б своим огнем.

— Бей на малых прицелах, не бойся влепить нам шрапнель в спину. Это лучше, чем пропустить японца,— предупреждал поручик.

— Японец в атаку идет,— влетел в офицерский каземат Жиганов.

— По местам, к орудиям! — заорал Борейко, выбегая на батарею.— Лети к себе и не зевай,— напутствовал он Звонарева.

На батарее поднялась суматоха, подносили снаряды к орудиям, торопливо заряжали пушки, на брустверах между орудий прилаживали пулеметы. Борейко, опираясь на ружье, как на палку, ходил вдоль фронта батареи. Издали уже доносились истошные крики «банзай».

Звонарев едва успел добежать до Залитерной батареи, когда первая колонна штурмующих японцев обрушилась на стрелковые окопы, занятые ротой Енджеев-

ского, опрокинула ее и устремилась к батарее литеры Б. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как они быстро приближались к орудиям.

С замиранием сердца Звонарев следил за происходящим на батарее литеры Б. Японцы были уже около орудий, схватившись врукопашную с артиллеристами. Серые шинели русских перемешались с зелеными японцев. Но последних было во много раз больше, и артиллеристы начали отходить, отбиваясь от наседавшего врага.

Несколько человек бросилось бежать в тыл. Казалось, батарея была потеряна.

Но тут справа, во фланг японцам, ринулись матросы подошедшего резерва, впереди которого двигалась огромная фигура Борейко. Он держал в правой руке большой морской палаш и, как Самсон, сокрушал вокруг себя маленьких японцев. Не выдержав внезапного удара, японцы смешались, а затем отхлынули назад. Но стрелки Енджеевского успели уже занять свои окопы и встретили их ружейными залпами. Несколько сот зеленых фигурок заметалось в узком пространстве между батареей и передовым стрелковым окопом, расстреливаемые перекрестным огнем артиллеристов, моряков и пехоты. Земля с каждой минутой все больше покрывалась зелеными пятнами упавших тел. Звонарев ясно видел, как японцы в отчаянии бросались со штыками наперевес то в одном, то в другом направлении и, скошенные пулями, падали. Немногие уцелевшие, побросав оружие, подняли руки вверх.

Ружейный огонь прекратился. Японцы гуськом, один за другим, скрылись в окопах стрелков. И тотчас молчавшие осадные батареи вновь обрушились на батарею литеры Б. Русские поспешили укрыться. Только Борейко, помахивая своим длинным палашом, неторопливо шел вдоль батареи, заглядывая в каждый каземат.

— Живы поручик! Гуляют, ровно по набережной в воскресный день,— восхищенно заметил Юркин.— Даром, что только утром их ранило.

Канонада по всему фронту постепенно стихала. Звонарев с удивлением заметил, что день уже клонится к вечеру, небо затянуло тяжелыми тучами и начинает накрапывать мелкий дождь. Ему сразу захотелось есть, тело стало тяжелым от усталости. Он громко зевнул и с удовольствием потянулся, разминая затекшие члены.

— Как ты думаешь, Юркин, готов у нас обед?

— Давно готов! На батарее пообедали, когда вы были на литере Б. Харитина Федосеевна кликала вас, как

вы бежали на пункт, а вы только отмахнулись от нее рукой — не до тебя, мол.

— На всякий случай побудь здесь до темноты, а я схожу на батарею поем,— приказал Юркину Звонарев.

Заметив его издали, Харитина поспешила принести щи и жареную ослятину. Прапорщик торопливо ел, слушая болтовню молодой женщины.

— На «литербе» пятнадцать убито и около полсотни раненых,— рассказывала Харитина.— Софрона Тимофеевича ранило два раза за один день, а он не захотел идти в госпиталь. Жигана, на что верткий черт, и того чуть на штык не поддели. Не будь Зайца рядом, распороли бы ему брюхо.

— Заяц-то как туда попал?

— Пришел с Белоноговым по делам к поручику, а тут япошка лезет к самым пушкам. Он и схватил винтовку. Хвастает — двух японцев заколол! Зато самому бедро поранили, лежит сейчас на кухне и охает, придется его отправить в госпиталь. Да и Белоногову патрет прикладом попортили, нос распух так, что глаз не видно. Хотела я вас даве спросить о капитане Шметиллове, царствие ему небесное, да при других постеснялась. Как его убило-то?

Прапорщик подробно рассказал о гибели капитана. Лицо Харитины неожиданно сморщилось, глаза налились слезами, и она всхлипнула.

— Душевный был человек Игнатий Брониславович. При нем хорошо жилось солдатам. Жаль его, а их еще больше. Кто-то теперь будет ими командовать? Попадется какой-нибудь аспид, и натерплются они горя.

Звонарев попробовал вызвать к телефону Борейко, но телефон не действовал, и прапорщик решил идти на батарею литеры Б, благо совсем стемнело и на фронте наступило затишье.

Он застал Борейко перед фронтом батареи. Перед поручиком стояло несколько солдат.

— Трусы, батарею бросили, спасая свою шкуру! Таких солдат у меня еще не было. Рук своих о ваши морды пачкать не хочу. Пусть сами солдаты, которые честно защищали свои пушки, накажут вас, как хотят.

Артиллеристы молчаливо направились по своим казематам, а Борейко подошел к Звонареву.

— Что у тебя, все благополучно?

— Да. Харитина заведует хозяйством на батарее, а сказочник ею командует. Я же лишь временно гощу на Залитерной. В общем, все идет хорошо.

Пока офицеры разговаривали, солдаты собрались по взводам в казематах. Лепехин созвал всех своих подчиненных к иконостасу и вынул старообрядческое Евангелие. Его бородачи чинно уселись на нарах, терпеливо ожидая, что будет делать взводный. Тут же находились трое бежавших с батареи во время атаки. Они боязливо оглядывались по сторонам.

— Подь сюда,— подозвал одного из них взводный.— Рассказывай, кто ты есть такой, а то тебя, как нового в роте, еще не знают.

— Фамилие мое Шестеркин, с Танбовской губернии.

— Рабочий, что ли?

— Никак нет, из хрестьян, служил половым в трахтире.

Солдаты задвигались и враждебно загудели:

— Знаем мы их, мошенников,— напоют, оберут и на улицу выкинут.

— Какое ты имел полное право бежать с батареи? — спросил Лепехин.

— Спужался; думал, всех японец заберет.

— Думал! А ты бы на других смотрел и штыком работал.

— Дык я не один бежал, и другие со мной...

— Мы со всех и ответ стребуем.

Солдаты вздыхали, почесывались.

— Что же с ним делать? — спросил у присутствующих Лепехин.

— А как о том сказано в Писании? — задали, в свою очередь, ему вопрос.

— «Возлюбивый сына, да сокрушит ему ребра пользы его ради. Послание апостола Павла к коринфянам, глава третья, стих седьмой»,— по Евангелию прочитал Лепехин.

— Всыпать двадцать пять горячих,— предложили в толпе.

— Правов таких нет,— злобно оглянулся Шестеркин.

— А с батареи бегать права есть? — подошел к нему вплотную Лепехин.

— Я жалиться буду.

— Кому? Поручику? Так сам слышал, как он тебя на наш суд отдал...

— Повыше найдем.

— Ишь ты какой прыткий!

Шестеркин не пошевелился, с угрюмой злобой глядя на взводного.

 — Шевелись, сука! — послышалось в толпе.

— Правов у вас таких нет.
— Вали на нары и стаскивай порты! — распорядился взводный.
Несколько человек накинулись на «виновного» и без особого труда уложили его на нары. Пороли вперехлест солдатскими портупеями, истово и деловито. Лепехин считал удары. Шестеркин при каждом ударе вскрикивал и просил пощадить, но на него не обращали внимания.
— Хватит! — остановил наказание взводный, когда положенное число ударов было отсчитано.
Шестеркин торопливо одевался.
— Благодари мир за науку,— сурово приказал Лепехин.
В ответ наказанный разразился грубой бранью.
— Бей! — скомандовал Лепехин солдатам, возмущенный нахальством Шестеркина.
Добрый десяток кулаков сразу обрушился на Шестеркина.
— Довольно,— вмешался наконец Лепехин, оттаскивая расходившихся солдат.— Не ровен час, до смерти убьете.
Окровавленный, охающий Шестеркин, шатаясь, едва поднялся на ноги.
Двое других бегунов, устрашенные виденным, беспрекословно дали себя выпороть. Ввиду их полной покорности Лепехин ограничился всего десятью ударами. После экзекуции оба наказанные низко кланялись по сторонам и благодарили за науку. Когда порка кончилась, взводный пошел с докладом к Борейко.
— Твои лешаки, поди, переломали им все ребра? — забеспокоился поручик.
— Не должно того быть; на ногах стоят — значит, целы.
Разговор был прерван появлением Блохина.
— Здорово, варнак! — приветствовал его поручик.— Зачем пожаловал?
— Здравия желаю, вашброды! Явите божецкую милость, разрешите вернуться на батарею,— взмолился солдат.
— Здесь ты не нужен, в Залитерной командует прапорщик. С ним и разговаривай.
— Вашбродь,— жалобно взмолился Блохин к Звонареву,— дозвольте к вам обратно!
Прапорщик внимательно посмотрел на него.
— Чем тебе плохо на втором форту? — спросил он.
— Житья от пехтуры нету. Даве смена произошла,

пришли новые, один дурнее другого. Невесть што мелют.

— Что же именно? — поинтересовался Борейко.

— Вашу, грит, «литербу» японец с потрохами забрал. Как, говорю им, это может быть, коль на ней солдаты с Электрического Утеса, да еще с самим Медв... то бишь поручиком Борейко! — В глазах солдата мелькнула лукавая искорка.— Да нет на всем свете такого войска, чтобы их одолеть! А у самого на сердце кошки скребут: а вдруг, думаю, острамились. Чуть стемнело, сюда и побег — посмотреть, что здесь деется.

— Гладко врешь, Блоха, без запинки,— расхохотался Борейко.

— Убей меня гром, если вру! — перекрестился солдат.

— Ладно, можешь остаться на Залитерной, только, чур, к Харитине не подкатывайся. Совсем тогда выгоню из роты до конца войны,— предупредил поручик.

— Покорнейше благодарю, вашброды! — гаркнул солдат и, умильно посмотрев на водку, тяжко вздохнул.

Заметив это, поручик налил полстакана и протянул солдату. Тот мгновенно проглотил водку и, прокричав благодарность, выскочил из блиндажа.

— Люблю Блоху. Пьяница, варнак, под горячую руку отца родного зарезать может, а сердце золотое! Да и не дурак, хотя и малограмотный. Много такого нашего народа без настоящего дела шляется по Руси-матушке...— задумчиво проговорил Борейко.— А твоя амазонка как?

— Хорошо, что напомнил. Она, верно, ожидает с судками меня на Залитерной, надо возвращаться. Оля как?

— Не видел уже с неделю,— видно, занята в госпитале,— вздохнул поручик.— Не вздумай Варе рассказать о моей ране, а то Ольга Семеновна только зря будет беспокоиться.

На Залитерной Вари не оказалось. Вместо нее явился с обедом Вася. Звонарев застал его в своем блиндаже беседующим с Харитиной.

— Тетя Варя велела вам передать записку и просила ответ.

Подчеркнув две грамматические ошибки, прапорщик на обороте сообщил девушке, что цел, невредим и сидит в полной безопасности на Залитерной.

— Зайца придется отправить в госпиталь,— проговорила Харитина.— Как бы у него от грязи антонов огонь не сделался. Вася доведет его до перевязочного пункта, а оттуда его доставят в Сводный госпиталь, к Варваре Васильевне.

Звонарев согласился. Поужинав, он зашел на кухню к Зайцу. Солдат лежал в жару и бредил.

— Справишься один, Белоногов? — спросил Звонарев, увидев певца с забинтованной физиономией.

— Харитина Федосеевна помогут, а вместе, конешно, справимся,— весело отозвался солдат.

— Егор Иванович тоже нам подсобят,— добавила Харитина.

Следующие два дня штурм крепости продолжался. Звонарев все время проводил на наблюдательном пункте, поддерживая огнем то батарею литеры Б, то форт номер два, то Куропаткинский люнет. Японские атаки нигде не увенчались успехом.

Варя совсем не показывалась на батарее, будучи сильно занята в госпитале. Вася же неизменно являлся по вечерам с судками. От Харитины и солдат он узнавал все о прапорщике, затем получал записку для Вари и уезжал, вздыхая, что ему не разрешают остаться на батарее.

На третий день утром Звонарева вызвали в штаб. Японские атаки снова возобновились, но уже в направлении форта номер три. Степанов нервничал и не отходил от телефона, требуя подкрепления из штаба крепости. Горбатовский отдавал целый поток бестолковых распоряжений, которые тут же и отменял. Надеин молился перед иконами в своем блиндаже, призывая божье благословение на русское воинство.

Один Рашевский сохранял полное спокойствие. Он сидел над картой и делал на ней пометки карандашом. Звонарев подошел к нему.

— Рад вас видеть опять в добром здравии, Сергей Владимирович,— приветствовал его подполковник.— Вы нам очень нужны. Дело в том, что японцы прочно засели во рву форта номер два и около батареи литеры Б. Мы решили спустить в них шаровые мины. На форт направится лейтенант Лурский, а вам мы хотим поручить батарею литеры Б. Я думаю, что вы с этим делом справитесь. На всякий случай вместе со снаряженной миной пришлю к вам своего кондуктора, минера Буторина,— добавил Рашевский.

Договорившись о деталях, Звонарев поторопился обратно, чтобы заблаговременно произвести все необходимые приготовления.

В штабном блиндаже по-прежнему царила растерян-

ность. Горбатовский нервничал и дергал Степанова. Выведенный из себя капитан с отчаянием спрашивал:

— Так что же вы наконец решили, ваше превосходительство? Двинем ли мы резервные роты моряков к Китайской стенке или нет?

— Делайте, Федор Васильевич, как хотите, но чтобы положение там было немедленно восстановлено и прочно закреплено,— отмахнулся генерал и поспешил выйти в соседнее помещение.

Степанов выбежал из блиндажа и позвал командовавшего моряками офицера.

— Эта неразбериха тянется с утра,— с досадой проговорил Рашевский, вышедший провожать прапорщика.— Надеин, при всей своей старости и дряхлости, никогда так не волновался и не падал духом, как Горбатовский. Хорошо хоть Степанов, человек уравновешенный и умный, при всяких обстоятельствах сохраняет присутствие духа и ясность мышления.

Около блиндажа Звонарев увидел Надеина. Генерал с иконкой в руках направлялся к матросам.

— Ждраштвуйте, братцы! — приветствовал их Надеин, беря под козырек.

Моряки дружно ответили.

— Шейчаш вы пойдете в атаку на нашего врага и шупоштата — японца. Я хочу благошловить ваш, чтобы пречиштая дева-матерь шохранила ваш швятым швоим покровом. На молитву, шапки долой!

Матросы, переложив винтовки на сгиб левой руки, по-уставному сняли фуражки. Генерал громко прочитал несколько молитв и, подняв обеими руками иконку, трижды перекрестил ею моряков.

— Теперь ш богом! Ш ружьем в руке и крештом в шердце, жа мной, ребята!

Звонарев взволнованно следил за этой сценой. Он видел, как большинство матросов иронически улыбалось, смотря на Надеина, но некоторые истово, с чувством осеняли себя крестом.

Подошедший Степанов пытался было отговорить Надеина от намерения лично вести матросов в бой.

— Генерал Горбатовский просит ваше превосходительство вернуться назад,— доложил он.

— Шкажите ему, што никто не может жапретить умереть во главе швоих шолдат жа матушку Рошию,— на ходу бросил генерал, продолжая идти вперед.

Степанов пожал плечами и пошел обратно.

 Звонарев, сам того не замечая, увлеченный примером

Надеина, тоже пошел за моряками. Сбоку дороги торопливо ковылял Капитоныч, опираясь на винтовку вместо палки. Старик, верный своему другу и генералу, решил последовать за ним в бой.

Свыше двухсот человек, увлеченные порывом старика, лавиной ринулись вперед, не обращая внимания на огонь японских батарей.

— Рашшыпаться в цепь! — скомандовал Надеин, когда до Китайской стенки осталось две-три сотни шагов. Затем он еще раз перекрестился, выхватил шашку из ножен и закричал во всю силу неожиданно окрепшего голоса:

— Ш нами бог! Ура! — и бросился бежать по направлению к японцам, открывшим пачечный огонь по атакующим.

Несколько мгновений генерал бежал впереди всех, но затем матросы обогнали его и со штыками наперевес обрушились на врага. Надеин споткнулся, упал, выронив шашку, затем с трудом встал и уже с одним револьвером в руке побежал дальше. Рядом падали убитые и раненые, но старик не видел и не замечал ничего, продолжая хриплым голосом кричать «ура».

Вскоре его еще раз сбили с ног бегущие матросы. Двое из них остановились и, подняв старика под руки, бережно поставили на ноги.

— Вы бы, ваше превосходительство, поберегли себя, в свалке вас затопчут,— уговаривали они генерала, отряхивая испачканную землей шинель.

Надеин покорно слушал их, и слезы капали из его глаз.

— Штар штал, никуда больше не гожушь! Думал шегодня шмерть принять вмеште ш матрошиками, да, видно, гошподь бог еще не приживает меня к шебе. Идите ш богом, братцы!

Между тем у Китайской стенки все уже было кончено. Немногие уцелевшие в штыковой схватке японцы поспешно отступали в свои окопы, а матросы, рассыпавшиеся вдоль стены, готовы были встретить врага штыком и пулей.

Звонарев, вместе с матросами кинувшийся в атаку, вскоре заметил упавшего Надеина. Вырвавшись из штыковой свалки, он поспешил к нему на помощь.

— Вше шлава богу, жив и невредим.— ответил генерал на вопрос прапорщика.— Пойдемте поблагодарим матрошиков жа геройшкую атаку.

Обойдя весь участок, отбитый только что моряками,

генерал громко благодарил чуть не каждого в отдельности матроса за проявленную храбрость. Моряки отвечали ему весело и бодро. Ни тени прежней иронии не мог заметить на их лицах Звонарев. Наоборот, теперь матросы с нескрываемым восхищением и любовью смотрели на чудаковатого деда, только что показавшего пример мужества, порожденного великой любовью к своей родине.

— Ура нашему генералу, нашему дедушке! — неожиданно выкрикнул один из матросов, и этот крик был подхвачен всеми остальными. Надеин остановился и, поднявшись на цыпочки, поцеловал рослого моряка.

Пережитое напряжение не прошло для старика даром, к вечеру он слег и был отправлен в госпиталь.

Проводив генерала почти до штаба, Звонарев вернулся на Залитерную, где его ожидала Варя. Она успела по дороге побывать в штабе Горбатовского и уже узнала об участии прапорщика в контратаке.

— Ну зачем, зачем вы зря рискуете собой? — встретила его девушка.— Чего ради вы пошли с моряками?

— Хорошо все, что хорошо кончается, милая Варя, не стоит больше об этом говорить.

— Обо мне вы даже и не подумали! — И Варя неожиданно разрыдалась.

Долго пришлось прапорщику уговаривать ее, пока она наконец успокоилась.

Стук в дверь заставил Варю торопливо вытереть глаза и принять равнодушно-сосредоточенный вид. Вошла Леля Лобина.

— Как бы мне повидать Стаха? — спросила она, поздоровавшись.

Прапорщик по телефону через батарею литеры Б соединился с Енджеевским. Поручик пообещал немедленно прийти на Залитерную.

— Кстати, у меня к вам, Сергей Владимирович, есть разговор по поводу спуска шаровой мины в японские окопы,— добавил он.

В ожидании прихода Стаха все направились навестить раненого Родионова, который отлеживался на Залитерной. У фейерверкера был жар, одна из ран в ноге нагноилась. Осмотрев солдата, Варя решительно заявила, что его необходимо тотчас же отправить в госпиталь.

— Необходимо произвести очистку ран, иначе септицемия неизбежна,— авторитетно заявила она.

Родионов умолял оставить его на Залитерной. Долго пришлось его уговаривать, пока наконец он согласился

уехать с батареи, но только к Варе, чтобы быть вместе хотя бы с Зайцем.

Стах рассказал о последних штурмах батареи литеры Б. Варя подробно сообщила о сегодняшней штыковой атаке Китайской стенки. Звонарев ее тихонько поддразнивал, Леля ужасалась.

Начал накрапывать дождь, и обе гостьи заторопились домой. Офицеры немного проводили их, а затем вернулись на Залитерную и договорились о спуске мины. Решено было на следующий день произвести рекогносцировку на месте, а с наступлением темноты приступить к действиям.

Место для спуска шаровой мины выбрали в передовом окопе, который обычно на ночь занимали секреты. До противника было около тридцати шагов, причем японские траншеи помещались значительно ниже, под крутым скатом горы. Буторин с двумя матросами доставил на батарею литеры Б большую шаровую мину весом около шестнадцати пудов. Внутри ее, в жестяном ящике, помещался семипудовый заряд пироксилина. Свободное пространство мины было заполнено кусками железа и камнями: они имели назначение усилить картечное действие при взрыве. Для спуска мины имелся деревянный желоб длиной свыше трех саженей. Разогнавшись по нему, мина дальше катилась по инерции.

Кроме Буторина, Звонарев взял с собой еще Блохина и Ярцева, уже видевших в сентябре, на Высокой горе, действие таких мин. Борейко тоже не утерпел и решил хотя бы сзади, из стрелковых окопов, посмотреть на взрыв.

Для доставки мины к месту спуска Стах отрядил десяток стрелков. Солдаты с трудом перенесли ее на носилках. Как только наступили сумерки, японцы начали усиленно освещать укрепления прожекторами. Несколько раз лучи света останавливались на батарее литеры Б и затем, не обнаружив ничего подозрительного, ползли дальше.

Уложив на бруствер окопа желоб, стрелки подняли и положили в него мину. Чтобы она не скатилась раньше времени, ее удерживали короткой веревкой, привязанной к специальному кольцу на корпусе мины. Затем солдаты сошли в окоп, а Звонарев поднялся к мине и вставил запальный шнур, рассчитанный на полторы минуты горения.

— Подай-ка фитиль, Блохин,— вполголоса приказал он.

Солдат протянул ему жестяную коробку, в которой чуть тлел джутовый фитиль. Подув на него, чтобы он лучше разогрелся, прапорщик приложил его к запалу. Последний тотчас вспыхнул и начал гореть с легким шипением. Звонарев оглянулся. В японских окопах было все тихо и темно. Луч прожектора удалился далеко вправо.

Опасаясь, чтобы мина не взорвалась через слишком долгий промежуток времени, что дало бы японцам возможность разбежаться, прапорщик решил выждать еще полминуты, прежде чем ее пустить. Прислушиваясь к чуть слышному шипению горевшего запального шнура, он про себя отсчитывал секунды: ноль раз, ноль два, ноль три... С последним счетом — ноль тридцать — он приказал солдатам отпустить конец веревки, удерживающий мину, и изо всех сил толкнул ее. К его удивлению, мина даже не шевельнулась.

Звонарев хотел выдернуть запальный фитиль, но последний снаружи уже обгорел, и только в запальном отверстии чуть заметно мерцал огонек. Вынуть его уже было невозможно.

«Сейчас взорвется»,— мелькнула тревожная мысль.

Часть стрелков стремительно бросилась в тыл. Холодный пот выступил на спине у прапорщика, волосы зашевелились на голове.

— Я сейчас вам подсоблю, вашбродь,— неожиданно раздался голос Блохина, и он очутился рядом с Звонаревым.

— Раз, два, сильно! — скомандовал солдат, и они вдвоем навалились на страшный шар. Он скрипнул и повернулся. Наполнявшие его осколки и камни, пересыпаясь, сильно зашумели.

— Давай, давай,— шептал Блохин, продолжая катить мину со все увеличивающейся скоростью.

Шестнадцатипудовый шар с грохотом полетел вниз. В японских окопах поднялась тревога, японцы открыли беспорядочный огонь по направлению шума, засвистели пули. Достаточно было одной из них удачно попасть в мину, и она взлетела бы на воздух.

— Бежим назад! — скомандовал прапорщик и ринулся к окопу.

Блохин все же сперва пробежал вслед за миной до самого конца желоба и только тогда вернулся обратно. Припав за бруствером почти к самой земле, они с трудом переводили дух от волнения и с нетерпением ожидали взрыва. Грохот все еще катящейся мины постепенно

ослабевал, один за другим раздались два небольших взрыва.

— Не наша,— быстро прошептал Звонарев.

— Японец, верно, хочет ее остановить и бросает ей навстречу бомбочки,— отозвался Блохин.

— Хоть бы фитиль не затух,— забеспокоился прапорщик.

Через мгновение внизу вспыхнуло яркое пламя и грохнул оглушительный взрыв. С бруствера слетело несколько мешков с землей. Над головой засвистели осколки.

Затем в японских окопах наступила полная тишина, только луч прожектора торопливо заметался в разные стороны. С какого-то форта или крепостной батареи сзади высоко взвилась ракета, за ней другая, и, разорвавшись, рассыпались тысячами огненных звездочек, освещая далеко все вокруг.

— Вот дураки! Они нас выдадут,— выругался прапорщик, совсем припадая ко дну окопа.

При ярком свете сразу же разгорелась с обеих сторон ожесточенная ружейная и пулеметная стрельба и быстро распространилась по всему фронту. Звонарев и Блохин оказались под перекрестным огнем, целые рои пуль с визгом носились над их головами.

— Ложись! — приказал прапорщик приподнявшемуся Блохину.

— А вдруг японец пойдет в атаку и заберет нас? — с сомнением проговорил солдат, опускаясь на землю.

— Наши не допустят сюда японцев,— успокоил его прапорщик.

Прошло добрых четверть часа, пока стрельба настолько утихла, что Блохин рискнул выглянуть из-за бруствера. При свете прожектора он разглядел огромную яму среди японских окопов. Вокруг нее валялись трупы и огромные каменные глыбы, вывороченные из земли при взрыве.

— В самый раз угодили, Сергей Владимирович! Можно теперь и домой идтить.

Прапорщик, в свою очередь, рискнул выглянуть из окопа. В то же мгновение пуля сбила у него с головы папаху.

— Зацепило? — тревожно спросил Блохин и, не дожидаясь ответа, провел своей шершавой рукой по лицу и волосам Звонарева.

— Кажется, цел,— еще неуверенно отозвался прапорщик, ощупывая голову.

— Ну и ударила же ваша мина! — подошел Енджеевский.— В блиндажах до сих пор еще пыль не улеглась. Лампы сразу потухли, все посыпалось со стен, у меня дверь соскочила с петель.

Попрощавшись с Енджеевским, прапорщик направился на батарею литеры Б, где его с нетерпением ожидал Борейко.

— Наделал же ты, Сережа, переполоху и у японцев и у нас! — встретил его поручик.— Со всех сторон звонят по телефону, спрашивают, что случилось.

— Штаб же знает,— удивился Звонарев.

— Но он никого ни о чем не предупредил. Да и я, признаться, после взрыва со всех ног бросился на батарею: думал, что начинается грандиозная драка.

— Поднеси Блохину стакан водки. Если бы не он, меня разнесло бы в куски.— И прапорщик рассказал о своих переживаниях.

— Верно, здорово за тебя молится твоя великомученица Варвара,— шутил поручик и вдруг оглушительно крикнул: — Филя, подь сюда, сучий сын!

Блохин выскочил, как из-под земли.

— Пей! — налил Борейко стакан водки.

— За что жалуете, вашбродь? — удивился солдат.

— За спасение прапорщика от верной смерти. Расскажешь потом все его барышне, она тебе еще поднесет.

— Нет уж, пожалуйста, Варю сюда не вмешивайте. Опять будет реветь в три ручья,— запротестовал Звонарев.

— Она способна на это? — удивился Борейко.

— Представь себе, и даже очень!

— Значит, быть тебе за ней замужем,— хлопнул поручик по спине Звонарева.

Блохин захохотал, почтительно закрыв рот рукой.

— Пошли домой, на Залитерную,— обернулся к солдату Звонарев, и они зашагали по разбитой и скользкой от дождя дороге.

После штурма наступило затишье. Японцы, потеряв пятнадцать тысяч человек и добившись лишь незначительных успехов, усиленно занялись траншейными работами, проводя все новые и новые параллели в непосредственной близости от русских. Одновременно из Японии шли большие пополнения, которые надо было обучать тактике осадной войны. Артурцы, в свою очередь, использовали затишье на фронте для исправления нанесенных фортам и укреплениям повреждений и создания тыловых

линий обороны. Как и прежде, всеми работами руководил Кондратенко, а Стессель и Смирнов отсиживались в своих штабах, ведя между собой бумажную войну из-за всякого пустяка.

Звонарев продолжал пребывать на Залитерной, отдыхая после пережитых треволнений. Борейко умудрился организовать на батарее литеры Б, в непосредственной близости японцев, лабораторию по изготовлению ручных гранат и одновременно мастерил пушку для стрельбы минами. По мере сил Звонарев помогал ему.

Стоял серый, уже по-зимнему холодный день. Временами срывался снег. В офицерском блиндаже на Залитерной было сыро, дымно и неуютно. Звонарев мерз, был голоден и поэтому зол. Варины обеды все больше оскудевали, а с ними тощал и прапорщик. Девушка тоже сильно похудела. На осажденную крепость вплотную надвигался голод, но осаде не было видно конца.

Вошедший в блиндаж Ярцев принес несколько приказов и распоряжений, полученных из Управления артиллерии.

Звонареву бросилась в глаза длиннейшая «записка» Фока «О пределе обороны каждой крепости». Взяв ее, прапорщик с удивлением стал читать:

«Осажденную крепость можно сравнить с организмом, пораженным гангреной. Как организм рано или поздно должен погибнуть, так равно и крепость должна пасть. Это должны знать и всегда помнить доктор и комендант. Конечно, никто не мешает им верить в чудо, но их на войне не бывает. Гангрена поражает организм с конечностей,— доктор должен своевременно их удалить; так и крепость теряет прежде всего свои передовые форты,— и комендант должен своевременно их очистить, дабы вовремя уйти из-под удара. Доктор постепенно отделяет пораженные органы; комендант же постепенно оставляет периферию и уводит войска в цитадель. Ни один доктор не станет вновь приобщать к организму удаленный орган,— так и комендант не должен пытаться вернуть утраченные форты и укрепления, ибо это никогда не может увенчаться успехом и поведет только к напрасным жертвам. Доктору, для того чтобы удалить больной орган, нужны ассистенты,— так и коменданту нужны надежные помощники, чтобы выполнять его приказания об очистке фортов и укреплений».

Дальше Звонарев не стал читать. Ему стало ясно, что Фок, с благословения Стесселя, предлагает постепенно

сдать Артур японцам. Взволнованный, он позвонил Борейко на батарею литеры Б.

— Ты читал записку Фока? — спросил он.— Что ты о ней думаешь?

— Думаю, что Фок подготовляет изменническую сдачу крепости.

— Чем все это кончится?

— Совместным парадным обедом Стесселя и Ноги в Артуре, если только Кондратенко решительно не вмешается и не арестует этих предателей. Я готов со своей ротой оказать ему в этом полное содействие.

— Сомневаюсь, чтобы он осмелился на такие решительные шаги, это не в его характере.

— Сообща уговорим. Одним словом, сейчас осаждают Артур сразу три генерала: Ноги с фронта и Фок со Стесселем изнутри... Кстати, еще новость: Ваменэон назначен начальником артиллерии нашего сектора и собирается сегодня посетить «литербу».

— Я далеко не в восторге от этого известия...

— Да... следует ожидать всяких пакостей. Прикажи на батарее и около кухни все привести в порядок, да и Харитине вели куда-нибудь на время исчезнуть.

Едва прапорщик успел отдать необходимые распоряжения, как Ваменэон уже подъехал в экипаже и направился к батарее. Звонарев встретил его рапортом. Сухо поздоровавшись, капитан прежде всего справился, есть ли на батарее икона и у всех ли солдат имеются нательные кресты. Удивленный этим вопросом, прапорщик сообщил, что иконы нет, а нательными крестами он совсем не интересовался.

— Вы, очевидно, к сожалению, не религиозны? Православный воин прежде всего должен быть глубоко верующим. Только тогда, с помощью божьей, он может надеяться на победу,— поучал Ваменэон, неторопливо идя вдоль батареи.

— Помимо веры, нужны еще снаряды, патроны и продовольствие, а их-то у нас как раз не хватает.

— Вы, оказывается, настоящий крамольник,— даже остановился от возмущения капитан.

Далее начался разгром. Ваменэон шарил по всем углам и закоулкам, заставляя солдат разуваться, чтобы видеть, острижены ли у них ногти, и совал в нос Звонареву грязные портянки. На беду, около кухни он завидел Харитинину юбку и произвел целое расследование, как она оказалась на батарее, и в результате обнаружил Харитину.

— Это что за...— выругался он.

Харитина вспыхнула.

— Я законная жена бонбардира Егора Ярцева, и вам очень даже стыдно такие слова мне говорить.

— Вон с батареи! Чтобы твоего здесь и духу не было. Где ее так называемый муж? — обернулся он к прапорщику.

— Я здесь, ваше высокоблагородие,— отозвался Ярцев.

— Как ты смел держать здесь свою суку, мерзавец?

— Жена Ярцева здесь находилась с разрешения поручика Борейко,— доложил Звонарев.

— Я ему за это объявлю выговор, а ты сегодня же набьешь морду своей шлюхе,— обернулся к Ярцеву капитан.

— Ваше приказание дико и незаконно,— вмешался Звонарев.— Вы не имеете права предъявлять к солдатам такие требования.

— Вы с ума сошли, прапорщик! Я вас немедленно арестую и дело передам военно-полевому суду.

Звонарев обернулся к батарее. Все солдаты высыпали из блиндажей и издали хмуро следили за происходящим.

— В ружье! Ко мне! — звенящим от волнения голосом крикнул прапорщик.

Солдаты метнулись в разные стороны, и через минуту тридцать человек с винтовками в руках стояли за спиной Звонарева.

— Зачем вы их вызвали сюда? — спросил испуганно Вамензон.

— Чтобы отдать вам честь, когда вы будете уезжать,— иронически ответил уже овладевший собой прапорщик.

Вамензон бросил на него уничтожающий взгляд и, не прощаясь, пошел к экипажу.

— Слушай! На кра-ул! — совсем весело скомандовал Звонарев.

Вамензон уехал.

— Мне надо уходить с батареи? — спросила Харитина.

— Можете оставаться здесь по-прежнему. Едва ли капитан Вамензон еще нас посетит,— усмехнулся прапорщик.

— Вы бы, вашбродь, нам только глазом мигнули, мигом подняли бы их высокоблагородие на штыки,— проговорил Лебедкин.

— ...и попали бы под расстрел.

На батарее литеры Б Ваменэон встретил Блохина. Солдат сразу же ощетинился и свирепо посмотрел на своего давнишнего врага.

— Как стоишь, сволочь? Голову выше.— И капитан ударил Блохина в нижнюю челюсть с такой силой, что он, громко ляскнув зубами, едва устоял на ногах.— Забыл, как я тебе каждый день спускал шкуру? Смотри, и сейчас отполирую ее под орех!

Блохин с ненавистью смотрел на Ваменэона.

— В чем дело, господин капитан? — подошел Борейко.— В чем провинился бомбардир Блохин?

— Ни в чем! Просто увидел его нахальную рожу и решил проучить как следует. Он у вас совсем обнаглел и распустился, поручик.

— И, очевидно, поэтому получил два Георгиевских креста.

— Его надо ежедневно пороть, а не награждать крестами! Пошел вон, сволочь!

Блохин повернулся по уставу, а затем, бормоча под нос самую отчаянную брань, побежал к своему каземату. Через минуту он вышел со своей трофейной японской винтовкой, но Ваменэон уже скрылся в каземате второго взвода. Заметив там большой образ и лампаду перед ним, начальник сектора снял фуражку и долго крестился.

— Вот это я одобряю! Это не то, что на Залитерной, где командует нигилист. Все успехи батареи я объясняю, поручик, правильным, религиозным воспитанием ваших солдат.

Борейко слушал капитана с иронической усмешкой.

Ваменэон уже собрался уходить, когда его взгляд упал на лежавшую на нарах лепехинскую Библию. Золотое старообрядческое двуперстие четко бросалось в глаза.

— Чья это книга? — сразу же взъерошился капитан.

— Обчая,— доложил взводный.

— Да у вас тут, оказывается, целый раскольничий скит!.. Сейчас же сжечь эту еретическую книгу!

Затем капитан подошел к иконе и тут только разглядел, что она тоже старинного письма. Рядом стояло еще несколько таких же образов.

— Это настоящая моленная! Немедленно уничтожить всю эту мерзость.— И Ваменэон стал швырять иконки на пол, топча их ногами.

Солдаты зашумели и бросились поднимать свои святыни.

 — Это... это бунт! Я вызову сюда стрелков, чтобы за-

ставить вас выполнить мое распоряжение! — Капитан выскочил из каземата и торопливо зашагал к экипажу.

Едва он отъехал, как из-за угла с ревом вылетел Блохин и, вскинув винтовку, пуля за пулей выпустил по Вамензону целую обойму, но промахнулся. Тогда он далеко отшвырнул ружье и, невероятно ругаясь, с пеной у рта стал кататься по земле. Борейко приказал запереть Блохина в свободном пороховом погребе.

— Пусть посидит, а то еще опять попортит кого-либо под горячую руку,— решил он.

Сверх ожидания Блохин подчинился без возражений.

Переговорив по телефону с Залитерной, поручик узнал, что произошло там, и, в свою очередь, осведомил Звонарева обо всем случившемся на батарее.

— Чем, по-твоему, все это кончится для нас с тобой? — спросил прапорщик.

— Для тебя, дважды контуженного и будущего зятя Белого, ничем, а мне, верно, придется расстаться с батареей и немного отдохнуть на гауптвахте.

— Но ты ведь тоже ранен?

— Зато обо мне не беспокоится никакая генеральская дочка... Одним словом, поживем — увидим.

На следующий день Залитерную посетил начальник крепостной артиллерии Восточного фронта подполковник Стольников. Среднего роста, почти совсем седой, с седыми же усами и эспаньолкой, всегда раздраженный, он не пользовался особым авторитетом и любовью своих подчиненных, несмотря на несомненную храбрость.

Сразу же, с момента своего появления на батарее, он начал брюзжать на Звонарева и солдат. Но, в отличие от Вамензона, Стольников считал мордобой некультурностью, недопустимой для офицера. Поставив многих солдат под винтовку на различные сроки и доведя прапорщика до состояния тихого бешенства, Стольников прошел с ним в офицерский блиндаж и тут с глазу на глаз объявил ему выговор за вчерашнее непочтение к Вамензону.

— Я сам не перевариваю этого «дантиста» и прохвоста, но поскольку он является вашим начальником, то дерзить ему все же нельзя. Я вас снимаю с Залитерной и отправляю в госпиталь. Сдадите сегодня же батарею штабс-капитану Чижу. Он заодно примет и батарею литеры Б.

— А куда денется Борейко?

— Я пока отправлю его на гауптвахту.

Затем Стольников, сразу переменив тон, уже совсем по-дружески попросил прапорщика проводить его на батарею литеры Б.

— Вместе обсудим там все хозяйственные дела.

Известие об отправке на гауптвахту Борейко принял совершенно спокойно.

— Не перевелись, значит, еще умники в Артуре, готовые и во время осады заниматься крючкотворством,— пробурчал он.

— Прикажете, вашбродь, вещи собирать? — испуганно вскинулся на Борейко вертевшийся тут же денщик Иван.

— Укладывай чемоданы, поедем отдыхать в город на губу.

Солдат тотчас выскочил из каземата и бегом направился вдоль батареи. Встретив Блохина, он торопливо сообщил ему об аресте Борейко.

— Не дадим,— решительно махнул головой солдат и устремился в казематы с криком: — В ружье! Спасай, братцы, Медведя, его от нас забирают!

Артиллеристы, потрясая винтовками, ринулись к офицерскому каземату. Через минуту тут собралась толпа вооруженных, взволнованных солдат.

Заметив сборище солдат, Звонарев вышел справиться, в чем дело. Стоящие впереди толпы Лепехин, Жиганов и Блохин спросили его, правда ли, что забирают Борейко. Получив утвердительный ответ, Блохин громко заявил, стукнув прикладом о землю:

— Мы на это не согласны! Без поручика нам не жить! Нельзя ли, вашбродь, так и доложить по начальству?..

Вернувшись в каземат, прапорщик сообщил Стольникову о возникшем среди солдат волнении и от себя посоветовал оставить Борейко на прежнем месте.

— Тридцать лет служу, но таких вещей еще не видел! Да понимают ли солдаты, что им грозит поголовный расстрел? — возмутился подполковник.

— Здесь они тоже ежедневно рискуют своей жизнью, господин подполковник,— заметил Звонарев.

— Я сейчас их разгоню. Все эти безобразия являются прямым результатом вашего либерального отношения к солдатам,— обернулся Стольников к Борейко.

— В чем дело, ребята? Почему вы сюда собрались? — вышел к солдатам Стольников.

— Просим поручика от нас не брать,— проговорил Лепехин.

— Как я приказал, так и будет.

— Тогда берите и меня, ваше высокоблагородие,— шагнул вперед Блохин.

— И меня, и меня! — раздалось в толпе, и солдаты тесным кольцом окружили испуганного подполковника.

— Назад! — хрипло крикнул он, но его не послушались.

Крик и шум с каждой минутой становились все более угрожающими. Звонарев бросился за Борейко. При появлении поручика толпа сразу стихла.

— Смирр-но! Разойдитесь по казематам, братцы! — крикнул он солдатам.

Артиллеристы недовольно зашумели, но все же стали расходиться.

— Я решил оставить вас на батарее, Борис Дмитриевич,— умышленно громко проговорил Стольников.

— Покорнейше благодарим! — оглушительно рявкнули солдаты.

Стольников, ни с кем не прощаясь, поспешил уйти с батареи. Солдаты, давая дорогу, почтительно расступались перед ним.

Когда подполковник отошел достаточно далеко, Борейко скомандовал «смирно» сгрудившимся около него солдатам.

— Спасибо, братцы,— с чувством проговорил он.

— Рады стараться, вашброды! — дружно ответили артиллеристы.

— Поручику «ура»! — заорал Жиганов, и солдаты бросились качать своего офицера, пока встревоженные криками японцы не открыли сильного ружейного огня по батарее.

— Разойдись! — скомандовал Борейко.— Хорошо, брат Сережа, когда за твоей спиной стоит сотня людей, готовых за тебя идти в огонь и воду.

Стольников был не глуп и решил не предавать огласке происшедшее с ним на батарее литеры Б. Поэтому в штабе фронта он доложил начальнику артиллерии участка полковнику Мехмандарову, что все нашел в порядке и считает излишним снимать оттуда Борейко. Полковник с ним согласился. Правда, вечером того же дня Стольников подробно обо всем доложил наедине Белому. Генерал вполне одобрил его действия, решив ограничиться выговором Борейко. На этом дело и кончилось. Но солдаты, сильно приукрасив всю историю, не замедлили

рассказать стрелкам, как они «отбили у начальства своего Медведя». История получила совершенно неожиданный резонанс в пехотных частях. Стрелки почувствовали свою силу. Офицера, ударившего солдата, они, разобрав винтовки, загнали в блиндаж, где он и просидел, пока стрелки не разошлись. Несколько других офицеров поспешили «заболеть» и уехать в город. Раздавать попрежнему зуботычины уже стало опасно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Следующий день выдался серенький, относительно спокойный, и прапорщик с чувством облегчения неторопливо шел по дороге в Старый город. Ни транспорты раненых, тянувшихся в тыл, ни резервные команды, двигавшиеся к фортам, не могли нарушить его спокойного и радужного настроения. Миновав полуразрушенный бомбардировкой Новый китайский город, Звонарев добрался до Сводного госпиталя.

Уже в вестибюле прапорщик увидел на полу десятки носилок, заполнявших все свободное пространство. Только с большим трудом, шагая через раненых, ему удалось пробраться в палату, которую вела Варя. Девушка была занята раздачей лекарств своим больным.

В палате, рассчитанной на пятнадцать человек, находилось не меньше тридцати. На двух составленных вместе койках помещалось по трое тяжелораненых. Легкораненые лежали прямо на полу, на шинелях, носилках, изредка на тюфяках. Воздух в палате, несмотря на открытые форточки, был тяжелый. Пахло карболкой, йодоформом, махоркой и грязным человеческим телом. Звонарев поморщился и постарался поскорее найти своих утесовцев. Они расположились все вместе в углу возле окна. На койке лежали Родионов и Заяц. Тут же вертелся уже совсем поправившийся Гайдай и еще два запасных бородача, фамилии которых прапорщик не знал. Звонарев поздоровался с ними. Артиллеристы, забыв об окружающих, громко рявкнули в ответ.

— Тише вы,— сердито обернулась к ним Варя и увидела наконец прапорщика.— Как вы смели войти сюда без моего разрешения? — коршуном налетела она на Звонарева.

— Виноват, господин фершал, разрешите остаться! — шутливо вытянулся офицер.

— Через полчаса я освобожусь, вместе и пойдем.

— Разрешите нам на выписку,— взмолился Родионов,— а то мы здесь умрем с голоду, дюже харчи плохие.

Их похудевшие, осунувшиеся лица говорили сами за себя.

— Отпустите их, Варя. Я распоряжусь, чтобы за ними прислали лошадь перевезти на Утес,— заступился за солдат прапорщик.

— Ладно уж, если вы так просите за них,— смилостивилась девушка.

— Покорнейше благодарим, вашбродь,— обрадовались солдаты,— мы и сами как-нибудь добредем.

В это время в палату заглянул озабоченный врач в белом халате.

— Приведите все по возможности в порядок, сестра. Сейчас к вам зайдет сама Вера Алексеевна. Она обходит все палаты.— И он исчез.

— Приберите постели, бросьте курить,— захлопотала Варя, торопливо оправляя койки больных и подбирая бумажки с пола.

— Уходите отсюда,— прогнала Варя Звонарева из палаты, но в дверях появилась фигура генеральши в сопровождении ротмистра Водяги и главного врача госпиталя Протопопова.

Варя сделала глубокий реверанс. Вера Алексеевна ласково поцеловала ее в лоб.

— Вот видите, доктор, как ведут себя приличные девушки,— обернулась генеральша к Протопопову.— Не то что другие сестры, которые боятся склонить передо мной свою головку. Еще бы, учительница и вдруг станет делать реверанс, это ниже «нашего» достоинства,— иронизировала Вера Алексеевна.

— Здравствуйте, солдатики! — обратилась она к больным.

— Здравия желаем, барыня,— нестройно ответили они.

— Не барыня, а ваше превосходительство! — резко прикрикнул Водяга, сердито глядя на солдат.

Генеральша начала раздавать солдатам иконки и крестики.

— Чего тебе не хватает, Варя? — спросила генеральша.

— Хорошего питания, бинтов, белья, лекарств...

— Не так быстро. Мосье Водяга сейчас все это запи-

шет, но, конечно, я сделаю только то, что будет возможно,— забеспокоилась генеральша.

— Прежде всего нужно питание. У меня два легкораненых умирают от цинги. Неделя хорошего питания — и они будут спасены. Хотя бы пару куриц, десяток яиц,— упрашивала девушка.

— Ну, посмотрю дома,— покривилась генеральша и проплыла к выходу.— Зачем у тебя, Варя, в палате посторонние лица,— кивнула она на поклонившегося ей Звонарева.

— Я велела ему зайти за мной,— поспешила на помощь Звонареву Варя.— Он должен проводить меня домой.

— А я-то, дурак, думал, что это барыня, а оказывается — генерал в юбке,— усмехнулся Заяц вслед ушедшим.

Больные засмеялись. Варя пугливо замахала на них руками.

— Сурьезная баба,— подтвердил Родионов.— Кто она такая?

— Стесселева генеральша,— пояснил Заяц.

Варя торопливо заканчивала раздачу лекарств. Звонарев, поджидая ее, присел на койку Родионова.

— Сколько человек здесь на выписку, сестра? — неожиданно появился в дверях Протопопов в сопровождении инспектора госпиталей доктора Субботина.

— Четверо,— ответила Варя.

— Это никуда не годится! Отсюда можно выписать, по крайней мере, человек десять,— сердито пробурчал Субботин.— У тебя что? — обратился он к лежащему с краю солдату.

— Он ранен в ногу, она еще гноится,— отозвалась Варя.

— Выписать, долечат в околотке. У этого что? — подошел Субботин к следующему.

— Раны на обеих ногах, не может даже стоять. Кроме того, высокая температура.

— Притворяется, мерзавец! В околотке и температура спадет, а набьют морду, так он и совсем поправится. У этого что?

— Правая нога не сгибается, не может ходить.

— Пустяки, сейчас ногу выправим.— И Субботин изо всей силы согнул больную ногу.

Солдат закричал от нестерпимой боли и потерял сознание.

— Ишь какой неженка! Привести в чувство и сегодня же выписать. В роте с ним церемониться не станут.

— Вы... вы не человек, а бездушная приказная строка! — вся затряслась от возмущения Варя.— Это бесчеловечно!

— Сегодня же увольте сестру, она слишком слабонервна для нашей работы,— пожал плечами, уходя, Субботин.

— Это дочь генерала Белого,— тихонько проговорил Протопопов.

— Что же вы мне сразу не сказали?! Переведите в операционные сестры, а то нажалуется самой Вере Алексеевне, потом неприятностей не оберешься,— ответил, уходя, Субботин.

— Опять вы, Варя, наскандалили,— укоризненно заметил Звонарев.— Нужно освободить места для вновь поступающих с фронтов, вот он и старается.

— Заставь «умника» богу молиться, он и лоб расшибет.

Варя постепенно успокоилась. Сдав дежурство добровольной сестре, она пошла одеваться. Затем Звонарев и Варя направились в Пушкинскую школу. Там они застали Лелю Лобину, которая им рассказала о своем столкновении со Стессельшей. Генеральша потребовала, чтобы учительница сделала ей реверанс, она же ограничилась лишь поклоном.

— Меня приказано перевести в тифозный госпиталь на Тигровом полуострове.

— Ты добровольная сестра, а не крестовая, и можешь отказаться от такого назначения. Я слышала, что у вас в школе вновь откроется госпиталь — филиал Сводного. Попросись туда у Протопопова, он ведь большой добряк. Хочешь, я сама завтра об этом поговорю с ним?

— Буду тебе только благодарна. Это меня вполне устроит. Вы куда направляетесь? — справилась Леля.

— На Электрический Утес,— ответила Варя.

Взяв девушку под руку, Звонарев повел ее сначала на «Этажерку». Но бульвар был весь исковеркан снарядами. И все же несколько пар, пользуясь затишьем, разгуливали по еще сохранившимся аллеям. Около развалин ротонды для музыки возились мальчишки-китайчата. В гавани, прижавшись к берегу, прятались оставшиеся в Артуре суда. По мостовой шел отряд матросов, бодро распевая:

Было дело под Артуром,
Дело скверное, друзья,
Тоги, Ноги, Камимура
Не давали нам житья.

— Плохи наши дела на фронте,— вздохнула Варя.

— Мало что осталось и от эскадры,— заметил Звонарев.— Не понимаю, почему моряки сидят в Артуре, а не попытаются хотя бы по ночам поодиночке прорваться в нейтральные порты.

— Папа говорит, что матросы и пушки нужны здесь. Без них крепость долго не устоит.

Некогда оживленный район порта и доков теперь был пустынен. Откуда-то из дальних цехов слабо доносились удары молота, взвизгивала пила, тяжело перекатывался подъемный кран. Работа производилась почти исключительно ночью: днем из-за обстрела вся жизнь в мастерских замирала.

Миновав доки, Звонарев с Варей свернули к Утесу. За Золотой горой открывались безграничные просторы океана. На горизонте по-прежнему маячили силуэты японских судов. Резкий холодный ветер покрыл все море белыми гребешками волн. Варя поежилась.

— На душе становится грустно, когда видишь такую картину. В порту наши искалеченные суда, в океане — пустыня и на горизонте несколько японских козявочек, а на сухом пути мрачные серые сопки с полуразрушенными фортами и умирающими от тифа, цинги и дизентерии защитниками. Вместо города — сплошные развалины да полуразрушенные госпитали, переполненные ранеными и больными, которых нечем лечить.

— Ой, Варя, я умру с тоски, если вы еще продолжите перечисление всех наших бед,— взмолился Звонарев.— Мы с вами молоды, здоровы, и у нас нет никаких оснований быть такими пессимистами.

— Сегодня — да, а завтра — темно и страшно...

— О нем и будем говорить завтра, а пока... Ловите меня.— И Звонарев бросился вперед, Варя за ним. Она вскоре нагнала прапорщика, но тот увернулся и побежал обратно.

— Это не по правилам, надо бежать к Утесу,— совсем по-детски возмутилась Варя, забыв о своих мрачных мыслях.

Так, дурачась и играя, они незаметно добрались до Утеса. Возбужденные, раскрасневшиеся, веселые, они влетели в офицерский флигель. В столовой, закутавшись в плед, сидел в качалке Жуковский. Он похудел, постарел. Грустными глазами следил он за морем и временами тяжело вздыхал. Поднятый Варей и Звонаревым шум заставил его обернуться.

— Здравствуйте, Николай Васильевич, как ваше здоровье? — присела в реверансе Варя.

— Здравствуйте, здравствуйте, приятно посмотреть на вас с Сергеем Владимировичем. Уж очень тоскливо на душе...

Оживление на лицах Вари и Звонарева потускнело.

— Как заживают ваши раны, Николай Васильевич? — вздохнув, спросила девушка.

— Раны — пустяки, цинга сводит в могилу. Все зубы шатаются. Никто из нас, артиллеристов и стрелков, из Артура не уйдет... Мы обречены на гибель, как обречен Артур. Крепость рано или поздно будет взята, и едва ли кто-либо из нас переживет ее падение,— мрачно говорил капитан.

Вскоре в столовой к обеду собралось все население офицерского флигеля. Из казарм пришли Катя Белая и Шура Назаренко с доктором Зориным. Появился фатоватый мичман Любимов, за ним — Гудима. На хозяйском месте села Катя, рядом с ней доктор и моряк, далее Шура с Гудимой, с одной стороны, и Варя с Звонаревым — с другой. Жуковский поместился против Кати.

За едой говорили мало, стараясь избегать артурских тем.

С тех пор как Старый город подвергся усиленной бомбардировке, оттуда стали переправлять наиболее ценные вещи на батареи приморского фронта. Таким образом на Утес попали большой концертный рояль и пианино. Из всех обитателей Утеса только Катя и Любимов умели играть на рояле. Теперь, по общей просьбе, Катя села к роялю и начала тихонько наигрывать различные мотивы, которые успокаивали Жуковского. Шура Назаренко стала вполголоса ей подтягивать.

— Спойте, Шура, мою любимую,— попросил Жуковский.

Девушка запела. Капитан грустно вторил:

Догорай, моя лучина,
Догорю с тобой и я.

— Эх, нет Бориса Дмитриевича,— вздохнул капитан.— У того всякое дело в руках спорится, а запоет — заслушаешься. Жаль только — пьет сильно. Слыхал я, что он всерьез жениться собирается?

— Это уж спрашивайте у Вари. Она в курсе всех дел батарей литеры Б и Залитерной, а равно и Пушкинской школы,— заметила Катя.

— Оля Селенина, верно, выйдет за него замуж. Она ему явно симпатизирует.

— Дай бог! Бросит пить, человеком станет,— проговорил Жуковский.

На следующий день, уже довольно поздно, Звонарева разбудил громкий стук в дверь.

— Вставайте поскорее, соня вы этакий! Через четверть часа мы с вами пойдем в Артиллерийский городок,— кричала Варя.

— Я никуда не собираюсь уходить с Утеса.

— Зато я ухожу, значит, вы должны меня проводить.

Как ни отнекивался Звонарев, но через полчаса все же шагал рядом с Варей по береговой дороге. День был безветренный, солнечный. Из-за Золотой горы почти беспрерывно слышались раскаты орудийной стрельбы и разрывы тяжелых снарядов. Но со стороны моря все было тихо, мирно. В этот район японские снаряды не долетали, поэтому на опустевших батареях появлялись новые, наспех построенные небольшие домики и землянки. Возле них копошились люди, висело белье, с лаем бегали собаки. Звонарев и Варя с удивлением оглядывались вокруг.

— Пожалуй, сюда скоро переедет половина Старого города и здесь откроются лавки и магазины,— заметила Варя.

— Вы можете только радоваться этому — совсем рядом с Артиллерийским городком.

— Мама и так все время ворчит, что я много трачу денег, а они у меня идут только на раненых. На себя же я ничего не расходую.

— Я ваш неоплатный должник, Варя. Сейчас в Управлении получу жалованье за два последних месяца, что-то рублей семьсот со всякими накидками и прибавками, и передам их вам.

— У меня еще остались ваши деньги. Поэтому я возьму не более ста рублей, а на остальные вы можете что-нибудь подарить вашей ненаглядной Ривочке, Надюше теперь...

— Слушайте, Варя, давайте поговорим серьезно...

— Я и так не шучу,— насторожилась Варя.

— Выходите-ка за меня замуж,— одним духом выпалил Звонарев.

— Вы с ума сошли! Да разве так делают предложение порядочной девушке! Вы должны стать передо мной на одно колено и сказать: «Я вас безумно люблю, сделайте меня счастливым на всю жизнь, будьте моей женой»,—

наставительным тоном проговорила Варя.— Тогда я еще подумаю, что мне вам ответить.

Звонарев захохотал так, что девушка сначала удивленно посмотрела на него, а затем, обидевшись, набросилась на него:

— Замолчите сейчас же, противный, или я никогда с вами не буду говорить!

— Ох, уморили вы меня, Варя! Сегодня же всем расскажу, как вам надо делать предложение.

— Попробуйте только! Я сразу же объявлю вас врунишкой.

Несколько шагов прошли молча.

— Вы это серьезно? — недоверчиво посмотрела на Звонарева Варя.— Повторите все при маме, тогда поверю.

Мария Фоминична встретила дочь попреками:

— На минуту заглянуть домой у тебя нет времени, а с кавалерами проводишь целые дни.

— Он, мамочка, не кавалер, а хочет стать моим женихом.

— Вы, Сергей Владимирович, не смейтесь над нашей дурочкой. Она ведь все за правду принимает.

— Я самым серьезным образом...

— Ох, что-то вы меня надуваете, гадкий! Говорит — с серьезными намерениями, а сам смеется,— опять с сомнением посмотрела на прапорщика девушка. При этом она имела такой недоверчивый комичный вид, что Звонарев громко расхохотался.

— Не верь, мама, этому врунишке. Он только смеется надо мной.

Девушка выбежала из комнаты.

— Беда с ней! — вздохнула Мария Фоминична.— Как трава растет, совсем от рук отбилась; что в голову вступит — то вынь да положь. Не время сейчас о женихах думать, да и молода она еще. Вы не обижайтесь, Сергей Владимирович, что я так прямо высказываю свое мнение.

Звонарев смущенно молчал, почтительно слушая.

Сильный взрыв поблизости отвлек их внимание. Начался очередной обстрел Старого города. В порту загорелись цистерны с маслом, и огромные клубы черного дыма заволокли весь Старый город. Японцы еще усилили бомбардировку. На фоне пожара то и дело появлялись вспышки разрывов и белые дымки шрапнели. К месту пожара торопливо направилась команда моряков, поскакала городская пожарная команда в блестящих медных касках.

— Нечего тебе сегодня в госпиталь идти, Варя,— решила Мария Фоминична.

Звонарев отправился в Управление артиллерии за деньгами. Там было почти пусто: два-три писаря, телефонист, легкораненый, с рукою на перевязи, адъютант, поручик запаса Азаров и несколько чиновников. Старший казначей Иван Кирович, участник севастопольской обороны, кряхтя и кашляя, возился около денежного ящика. Поздоровавшись с Азаровым, Звонарев справился, как это он умудрился быть раненым, сидя в Управлении артиллерии.

— Вы же нашего генерала знаете: дня не проходит, чтобы он вместе с Кондратенко не побывал на фортах или батареях, и я с ними. Недавно на Куропаткинском люнете нас чуть не подстрелили японцы. У генерала пулей сорвало погон, а меня ранило в правую руку и бок да при бомбардировке поцарапало камнями.

Завязался общий разговор.

— Сколько еще, по-вашему, продержится Артур? — спросил казначей Звонарева.— Севастопольская осада длилась триста тридцать шесть дней,— думается, что Артур столько не выдержит.

— Мы совершенно отрезаны от мира, а Севастополь до самого конца сообщался с остальной Россией. Думаю, что месяц-другой еще свободно удержимся, а там подойдет или Куропаткин, или Рожественский.

— Ждите! — вмешался Азаров.— Куропаткин, как рак, все время пятится назад, на север. Скоро зима, время для наступления мало подходящее. Вторая эскадра раньше конца декабря до нас не доберется, да и что ей у нас делать? Внутренний рейд простреливается из одиннадцатидюймовых мортир, ремонтная база слабая. Вернее всего, она пройдет прямо во Владивосток, а наши суда, которые еще уцелеют, присоединятся к ней по дороге.

— Значит, нам нечего от них ожидать помощи,— вздохнул казначей.

— Если Артур удержится до подхода Рожественского, то он свою роль, как убежище для флота, выполнит,— проговорил Звонарев.— Тогда можно и капитулировать, благо к тому времени в крепости не останется ни еды, ни снарядов.

— Да и людей уцелеет немного,— добавил Иван Кирович.

Выходя из Управления, прапорщик встретил старшего писаря Севастьянова.

— Как дела, Петр Евдокимович? — поздоровался с ним Звонарев.

— Как сажа бела! Скоро все с голоду перемрем. У нас в артиллерии уже выбыли из строя половина солдат и треть офицеров. В стрелковых полках убыль того больше. Скоро некого и в окопы будет сажать. Цинга да тиф косят людей больше пуль и снарядов.

— Вы-то, кажется, здоровы пока?

— Бог грехи терпит,— отозвался Севастьянов.— А вы, Сергей Владимирович, слыхали, что Стессель приказал всех раненых солдат класть в госпиталях вместе с цинготными и дизентериками, чтобы, значит, болезнь перешла на всех, а затем объявить: некем, мол, больше Артур защищать, и сдаться?

— Что-то уж слишком невероятно такое предположение.

— Могу в Управлении показать приказ доктора Субботина о совместном размещении в госпиталях раненых и больных; в нем так и написано: по приказанию генерала Стесселя. Хотят перевести солдатиков и замириться. Вот так дела-то, Сергей Владимирович.

Простившись с писарем, Звонарев вернулся к Белым и сообщил услышанные новости Варе.

— Я к себе в палату не приму ни одного заразного больного,— объявила она.

— Так тебя, девчонку, и послушают. Не спросят и положат,— вмешалась Мария Фоминична.

Вскоре приехал сам Белый. Он был весь в копоти. Даже пышные седые усы его стали совсем черными.

— Папка, да ты помолодел! Усы у тебя как у двадцатилетнего парубка,— кинулась к нему Варя.

— Не прикасайся ко мне, а то и сама запачкаешься. Едва проехали мимо пожара,— бурчал Белый. Затем он отправился мыться и переодеваться.

Пока Белый приводил себя в порядок, прапорщик вручил Варе все полученные деньги, прося их сохранить. Девушка сначала запротестовала, а потом спрятала вместе со своими безделушками.

— Смотрите, кладу сюда,— показала она.— Если меня ранят или убьют, то будете знать, где они лежат.

— Это в гораздо большей степени грозит мне.

— Не геройствуйте, целее будете.

За обедом Варя с возмущением рассказала отцу о распоряжении Субботина.

Я это знаю. Говорил со Смирновым и Кондратенко. Это будет доложено Стесселю,— ответил Белый.

Как только встали из-за стола, Варя решительно объявила, что идет в свой госпиталь.

Уже стемнело, обстрел почти прекратился, но пожар продолжал бушевать с прежней силой. Рейд, Золотая гора и окружающие город сопки осветились красным заревом. Начался дождь, и поэтому дым и сажа не разлетались так далеко, как раньше. Звонарев пошел проводить девушку. Кое-как они добрались до госпиталя. Прапорщик остался в вестибюле. Через несколько минут вернулась Варя и с возмущением сообщила, что все освободившиеся в ее палате места заняты дизентериками и цинготниками.

— Солдаты волнуются и думают, что это делается нарочно, чтобы их заразить,— шепотом добавила Варя, испуганно смотря на Звонарева,— грозят убить всех генералов, значит, и папу тоже, а он совсем ни при чем.

— А вы не обращайте внимания, поговорят и перестанут,— успокоил ее прапорщик.

— Субботин велел меня перевести в операционную, чтобы я работала там, а не в палате. Мне жаль моих больных, но зато в операционной интереснее. Видя, как работают доктора, может, и я научусь делать простенькие операции,— мечтательно вздохнула Варя.— Ну, прощайте, мне надо идти.

Прапорщик издали видел, как на огненно-красном фоне пожара мелькали черные фигурки пожарных, матросов и солдат, ловко забрасывавших пламя землей. Из темноты доносился зычный голос брандмейстера Вайтикайнена, распоряжавшегося всеми принимавшими участие в тушении пожара. Затем Звонарев свернул к Новому городу и незаметно для себя оказался перед домиком Акинфиевых.

Дождь перестал, с рейда потянуло запахом водорослей, на небе показались звезды. С фронта чуть доносилась ружейная стрельба. В городе совсем по-мирному лаяли собаки. По дорогам тянулись скрипучие военные повозки да молчаливо шли в разных направлениях роты солдат и матросов. Все рестораны и кафе давно превратились в лазареты, из которых доносились стоны раненых и умирающих.

Подойдя к домику, Звонарев наудачу постучал, хотя в нем не было видно ни одной светлой полоски и царила полная тишина. К его удивлению, за дверью тотчас же послышались легкие, быстрые шаги, и голос Акинфиевой спросил, кто пришел. Прапорщик назвал себя. Стукнул болт, и дверь распахнулась.

— Входите, милый Сережа,— приветствовала его Надя.— Совсем не ожидала вас сейчас видеть. Для меня ваше появление — приятный сюрприз.

Прапорщик поспешил захлопнуть за собой дверь. Несколько мгновений они рассматривали друг друга. Акинфиева поправилась, порозовела и показалась Звонареву еще привлекательнее. Надя тоже смотрела на него с нескрываемой нежностью.

— Как вы хороши, Надюша! — чуть слышно от волнения проговорил он.

— Вы тоже похорошели, если так можно выразиться относительно мужчины,— улыбнулась Акинфиева.

Не отдавая себе отчета, Звонарев обнял молодую женщину и припал к ее губам.

Надя от неожиданности выронила из рук свечку. В наступившей темноте несколько мгновений были слышны лишь звуки поцелуев.

Наконец Звонарев отпустил ее.

— Возьмите же себя в руки, милый,— просила Акинфиева.— Быть может, вам лучше уйти? Я не гоню вас, но вы сами должны чувствовать, что́ вам лучше: оставаться ли дальше со мной или обдумать все на свободе.

— Я останусь,— хрипло проговорил Звонарев.

— Тогда успокойтесь,— уже со строгой ноткой в голосе сказала Надя.— Я сейчас зажгу свечу. Хорошо, что я одна в доме и никто не видел нас.

Звонарев постепенно успокоился и заговорил об Андрюше, жизни на Ляотешане, видах на будущее.

После чая он поднялся.

Надя вышла на крыльцо проводить своего гостя. Стояла глухая тёмная ночь. Моросил мелкий дождь, временами налетали порывы ветра. Пламя пожара трепетными красными отблесками освещало склоны Перепелки и часть внутренней гавани.

— Б-р-р, как холодно и противно. И в такую погоду вы гоните меня из квартиры? — упрекнул ее Звонарев.

— Поймите, что я не могу оставить вас у себя,— нервно вскрикнула молодая женщина и, вскинув руки на шею прапорщику, крепко поцеловала его.

Прапорщик медленно отошел и зашагал по дамбе. Он и не заметил, как чья-то темная фигура обогнала его, стараясь при этом разглядеть лицо офицера.

В душе прапорщика царило полное смятение. Он чувствовал, что окончательно запутался в своих отношениях к Варе и Наде. Еще утром все было так просто и ясно. Варя казалась единственной, близкой, любимой девуш-

кой, с которой он готов был пройти жизненный путь. И тут на его пути опять появилась Надя Акинфиева.

В глубокой задумчивости Звонарев не заметил, как оказался в Старом городе, около Пушкинской школы. Он решил попросить приюта на ночь у учительниц. На его стук тотчас вышла встревоженная Леля Лобина. Узнав, в чем дело, она пригласила прапорщика зайти.

— Я буду только рада вашему присутствию в доме, так как я одна, и, признаться, мне немножко жутко в одиночестве,— приветливо проговорила учительница.

Утомленный дневными передрягами, Звонарев вскоре заснул одетым на диване.

Проснулся он на следующий день поздно, и первое, что увидел,— Варю, молчаливо сидевшую за столом с замкнуто суровым выражением утомленного, бледного лица. Ее серые глаза были красны не то от бессонницы, не то от слез. При виде ее все ночные сомнения Звонарева рассеялись, он почувствовал большую нежность к Варе и беспокойно спросил:

— Что случилось, милая Варя, чем вы так опечалены?

— Он еще спрашивает! — вздрогнув, вскочила со стула девушка.— Мне все известно, и поэтому между нами все кончено! — вскрикнула она.

На лице прапорщика выразилось такое недоумение и растерянность, что девушка сразу осеклась.

— Никакой помолвки не было и никогда не будет! Вы вчера целовались с Надей на крыльце, и вас видели. Да, да, не смейте отпираться! И Леля говорит, что у вас даже распухли губы! Какой вы мерзкий, грязный человечишка, а я-то...— И тут Варя, разрыдавшись, выбежала из комнаты.

Торопливо приведя себя в порядок, прапорщик поспешил за ней, но ее уже не было в школе. Лобина следила за ним с выражением серьезной задумчивости на лице.

— Не огорчайтесь, Сергей Владимирович,— ласково проговорила она.— Варя известный порох — взорвется, нашумит, а затем скоро успокоится.

— Тем более что никаких поводов для скандалов нет.— И Звонарев рассказал все Леле.

— Вас с Надей заметила сестра, работающая вместе с Варей, и, конечно, не замедлила довести обо всем до ее сведения.

Вскоре Звонарев снова обедал у Белых. В конце обеда генералу подали пакет из штаба эскадры. Командующий отрядом броненосцев и крейсеров адмирал

Вирен приглашал начальника артиллерии на заседание у адмирала Григоровича, которое должно было состояться сегодня вечером. Взглянув на часы, Белый проговорил:

— Так как Азаров нездоров, то я попрошу вас, Сергей Владимирович, побыть сегодня моим адъютантом. После обеда зайдите, пожалуйста, в Управление и там захватите все материалы о наличии и потребности в морских орудиях и снарядах к ним. Пока вы подберете нужные материалы, я немного отдохну. К шести часам экипаж будет вас ждать у моей квартиры.

В условленное время Звонарев с папкой бумаг в руках подходил к крыльцу квартиры Белых. Парный экипаж ожидал у подъезда. Едва Белый и прапорщик сели, как экипаж с места быстро покатился по дороге. Они успели основательно промерзнуть, пока добрались до дачи Григоровича.

Моряки были уже все в сборе: три контр-адмирала — Григорович, Вирен и Лощинский, все командиры судов. Тут же были несколько флагманских специалистов.

Артиллеристы прошли в кабинет Григоровича. После взаимных приветствий Лощинский, как старший из адмиралов, попросил разрешения у Белого, как у старшего из присутствующих, открыть заседание. Звонарев в качестве адъютанта расположился рядом с Белым.

Вирен доложил, что доставлена телеграмма Алексеева. Адмирал сообщил о своем отозвании в Петербург и передаче начальствования над Тихоокеанским флотом главнокомандующему Маньчжурской армией генералу Куропаткину.

— Теперь об Артуре никто уже не позаботится,— вздохнул Григорович.— Куропаткин больше будет думать об армии, чем о флоте, а Артур превратится в неприятную обузу для Маньчжурской армии.

— Но Артур ведь должен стать базой для эскадры Рожественского,— возразил Белый.

— Он еще находится в испанских портах, кроме того, в Балтике снаряжают еще третью эскадру — Небогатова. Очевидно, Рожественский подойдет сюда, лишь соединившись с ней, так что пройдет не менее двух — двух с половиной месяцев, пока вторая эскадра сюда доберется. Неизвестно, удержимся ли мы до того времени,— усмехнулся Григорович.

— Да, с продовольствием туго, среди матросов появилась цинга, а с теплой одеждой еще хуже,— поддакнул Вирен.

— Армия хотя одета и тепло, но голодает больше моряков, а цингой болеют не только солдаты, но и офицеры. Да что офицеры, признаки цинги обнаружены у Кондратенко и Надеина,— проговорил Белый.

— Не хватало только этого! Неужели их не может поддержать мадам Стессель из своих обильных запасов? — возмутился Вирен.

— Очевидно, не хочет...— отозвался Лощинский.

— Господа, предлагаю с завтрашнего же дня генералов Кондратенко и Надеина зачислить на довольствие в Квантунский экипаж. Основанием для этого является то обстоятельство, что оба они командуют всем нашим десантом, который довольствуется из экипажа,— предложил Григорович.

— Они не согласятся. Кондратенко и Надеин очень щепетильные в этом отношении люди и ни за что не станут брать больше того, что им полагается по закону.

— Не в пример Рейсу, Фоку, Никитину, которые даже официально по приказу получают по три-четыре пайка,— горячо проговорил до этого молчавший Эссен.

— И Церпицкому, который ежедневно обедает, по крайней мере, в трех или четырех госпиталях,— добавил Лощинский.

Затем собрание перешло к деловому обсуждению злободневных вопросов обороны — о передаче на сухопутные батареи последней тысячи шестидюймовых снарядов, о подготовке крейсера «Баян» к прорыву блокады навстречу эскадре Рожественского. Подорванный на минах за день до выхода, двадцать восьмого июля, крейсер был исправлен. Моряки просили вернуть переданную на форты среднюю и мелкую артиллерию и триста человек команды, после чего «Баян» мог немедленно выйти в море. Командир этого крейсера капитан второго ранга Иванов обратился с просьбой об ускорении отправки его корабля из Артура.

— Находясь здесь, «Баян» ежедневно рискует получить попадание одиннадцатидюймовой бомбы и вновь выйти из строя. Сейчас ночи длинные, часты туманы. Если с наступлением темноты я выйду из Артура, то к рассвету буду около Циндао. Затем, по способности, двинусь на юг,— пояснял капитан, известный блестящей установкой мин в мае, на которых подорвались сразу два японских броненосца.

— Прошлое собрание флагманов решило, что эскадра прочно связала свою судьбу с крепостью и до того момента, когда последней будет грозить падение, ни один

корабль не покинет Артур, за исключением миноносцев, посылаемых с почтой,— скрипучим, неприятным голосом наставительно проговорил Вирен.

— Тогда нам заранее надо похоронить всю эскадру в артурских лужах,— пылко произнес Эссен.— Мой «Севастополь» уйдет в море, как только будет закончено исправление. Дарить свой корабль японцам я не собираюсь.

— Вы уйдете, Николай Оттович, тогда и только тогда, когда я разрешу вам это,— оборвал его Вирен.

— В крайнем случае я обращусь за помощью к генералу Стесселю.

— Ранее того вы будете списаны с корабля и подвергнуты аресту.

— Побольше спокойствия, господа,— вмешался Лощинский.— Кроме «Севастополя», сейчас могут выйти в море еще «Победа», «Полтава» и «Паллада», не считая канонерских лодок «Гиляк», «Отважный» и миноносцев. Выход этот будет допущен лишь по особому приказу Куропаткина или Скрыдлова, назначенного командующим Тихоокеанским флотом.

— Который находится неизвестно где,— проговорил Эссен.

Затем Белый с помощью Звонарева довел до сведения моряков о нуждах артиллерии обороны. Тут дело пошло сразу гладко. Адмиралы очень охотно отдавали крепостному начальству матросов, пушки, снаряды, патроны, лишь бы только не идти самим на верки крепости. Командиры броненосцев для вида поворчали, но, узнав, что им уготованы спокойные и безопасные места в глубоком тылу, быстро смолкли. И опять только Эссен и Иванов запротестовали самым решительным образом.

— Нам надо вернуть людей из десанта, вернуть пушки, сохранить снаряды, так как корабли наши должны покинуть Артур. Ни одного матроса, ни одного снаряда с «Севастополя» я больше не дам Василию Федоровичу при всем моем глубоком уважении и расположении к нему,— решительно заявил Эссен.

Командир «Баяна» тоже возражал, но в более спокойном тоне.

Белый, хитро улыбаясь в свои пышные усы, примирительно заявил, что пока для него достаточно людей и снарядов с других кораблей.

— А теперь прошу, господа, по стаканчику чайку с ромом,— гостеприимно предложил Григорович и позвонил.

Несколько матросов с подносами в руках начали по-

давать чай, за ними выплыла, блистая браслетами и жемчугами, Лолочка. Офицеры мгновенно повскакали с мест и почтительно с ней поздоровались. Лолочка прежде всего подошла к Белому.

— Позвольте, Василий Федорович, представить вам мою хозяйку,— улыбаясь, проговорил Григорович.

Белый пробурчал что-то невнятное и заторопился с отъездом.

— Нам надо еще побывать у Кондратенко,— проговорил он.

Григорович попросил от его имени отвезти генералу различные продукты, в том числе лук, чеснок, свежее мясо, лимонную кислоту, клюквенный экстракт и другие противоцинготные средства. Лолочка захлопотала. Звонарев поспешил к ней на помощь.

— Вам-то цинга, во всяком случае, не грозит с такими алыми губами и румяными щеками,— заметила молодая женщина, фамильярно проводя рукой по лицу прапорщика.

— Ваш адъютант даром времени не теряет,— раздался около дверей насмешливый скрипучий голос Вирена,— как бы у нашего хозяина вскоре не появились на лбу некоторые не предусмотренные штатным расписанием для адмиралов отличия.

— Именно у флагманов и, пожалуй, капитанов первого ранга они чаще всего и появляются, а не у мичманов и лейтенантов,— весело проговорил Эссен, лукаво поглядывая на появившегося в кабинете смущенного Звонарева.

Все моряки вышли провожать артиллеристов.

В стороне фортов блистали зарницы выстрелов и доносились глухие раскаты почти беспрерывной канонады. Было очевидно, что японцы вели очередную атаку в одном из пунктов обороны. Довольно сильно вьюжило. Сквозь снег чуть проступали тревожно двигавшиеся по горам лучи русских и японских прожекторов.

— Старый адмирал, женатый человек, а ведет себя, как мичман, со всякими потаскушками и даже показывает их своим гостям,— недовольно бурчал всю дорогу Белый.

Кондратенко жил в небольшом одноэтажном домике на самой окраине Старого города, вблизи дачных мест. Японцы почти не обстреливали этот район, видимо, не зная, что здесь расположен штаб Кондратенко, бывшего душою артурской обороны. Окна дома были плотно закрыты, вокруг было совершенно безлюдно, и только

одинокая фигура часового в папахе и башлыке чернела у ворот.

У Кондратенко собралось довольно много друзей и соратников: начальник штаба подполковник Науменко, инженеры — подполковник Рашевский, капитан Шевцов — оба из штаба Восточного фронта, начальник обороны Северного участка полковник Семенов, начальник обороны Западного участка полковник Ирман. Не было лишь представителей штаба Стесселя и моряков.

Появление Белого, тесно связанного по службе со штабом района и адмиралами, все приветствовали. Звонарев задержался около экипажа, передавая денщикам привезенную провизию. Когда он появился в столовой, где собрались все офицеры, Белый уже рассказывал новости, слышанные от Григоровича. Известие об отозвании Алексеева вызвало общий вздох облегчения.

— Наконец-то армией будет командовать сведущий человек, а не моряк,— проговорил Семенов.— Теперь, надо думать, Куропаткин перейдет к решительным действиям для освобождения Артура от блокады.

— Как бы не было обратного, то есть Куропаткин решит, что раз артурская эскадра перестала быть боеспособной, то нечего заботиться и об Артуре. Пусть, мол, выкручиваются сами, как хотят. Так, по крайней мере, думают моряки,— пояснил Белый.

— Им-то, конечно, замена Алексеева Куропаткиным не по вкусу. Куропаткин с ними церемониться не станет. Прикажет немедленно всем боеспособным кораблям уйти из Артура навстречу Рожественскому,— убежденно проговорил Семенов.

— Это сильно ослабит оборону крепости. Правильнее было бы отправить из Артура крейсера «Баян» и «Палладу» с несколькими миноносцами навстречу второй эскадре. Они поторопили бы Рожественского с приходом, а при приближении эскадры ей на помощь выйдут пять броненосцев,— проговорил Кондратенко.

— Если только они сохранят к тому времени свою боеспособность,— усомнился Рашевский.

На несколько минут разговор принял общий характер. Присутствующие высказывали самые разнообразные предположения о дальнейшей судьбе Артура в связи с уходом наместника.

— Господа, мы отвлеклись от основной темы нашей сегодняшней беседы,— постучал карандашом по столу Кондратенко.— Кто нам расскажет о положении на Вос-

точном фронте? Сергей Александрович, не вы? — обернулся он к Рашевскому.

— Евгений Николаевич больше меня в курсе тамошних дел,— кивнул головой Рашевский в сторону Науменко.

— С большим удовольствием,— не замедлил согласиться неизменный начальник штаба Кондратенко и начал развертывать лежащие перед ним бумаги.

— Господа, прошу внимания, Евгений Николаевич начинает свое сообщение,— повысил голос Роман Исидорович.

Разговоры смолкли, все приготовились слушать.

— На крайнем правом фланге от моря до батареи литеры Б японцы по-прежнему находятся в версте от линий наших укреплений и держатся совершенно пассивно, ограничиваясь лишь редкой ружейной и артиллерийской перестрелкой. В сущности, с самого начала осады этот участок был самым спокойным на сухопутном фронте.

— Недаром Стессель часто бывает в этом районе,— проговорил вполголоса Рашевский, что-то рисуя карандашом на бумаге.

Кое-кто засмеялся. Кондратенко неодобрительно покачал головой.

— Замечательно то,— продолжал Науменко,— что японский флот, полностью господствуя в море, все же не решается обстреливать фланг и тыл нашего Восточного фронта. Его орудия свободно могли бы держать под огнем все наши позиции до форта номер два, что поставило бы нас в очень тяжелое положение. Это объясняется блестящими действиями береговых батарей под искусным управлением его превосходительства.— И Науменко поклонился Белому.

Все дружно зааплодировали.

— Мы это знаем и очень ценим,— пожал Кондратенко руку Белому.

— Тут заслуга не моя, так как я целиком занят действиями на сухом пути, а моих офицеров и солдат,— отнекивался генерал, смущенно покручивая свои пышные усы.

— У батареи литеры Б, после удачно спущенной Сергеем Владимировичем мины, японцы не проявляют активности. Что-то роют и ограничиваются ружейной стрельбой и метанием бомбочек. Дальше, до форта номер два, они возводят новую параллель в трехстах шагах от Китайской стенки. На форту номер два укрепляются во

 рву, ведут минные галереи под бруствер. Им необходимо

энергично противодействовать. Лейтенант Гурский болен, и это придется поручить прапорщику Звонареву.

Звонарев вздохнул и только покачал головой, не смея протестовать вслух.

— На форту номер три положение еще тяжелее, чем на втором. Японцы чуть ли не ежедневно производят местные атаки, пытаясь ворваться внутрь форта, но пока безуспешно. Комендант, штабс-капитан Булганов, держится молодцом. На укреплении номер три японцы, после того как сотни их сожгли живьем во рву, временно отошли в ближайшие свои траншеи. Вот и все о нашем участке,— закончил Науменко.

— Чем вы нас порадуете, Владимир Григорьевич? — обернулся к Семенову Кондратенко.

— У меня дело обстоит более благополучно. У Курганной батареи японцы сидят в трехстах шагах, у Краматорной — еще дальше. На Казачьем плацу до них сто шагов, но активности и здесь они не проявляют. У Зубчатой и Стрелковой батарей и форта номер четыре редкая перестрелка и поиски разведчиков. На Западном фронте по-прежнему решающим участком является гора Высокая. Пока она наша, держатся и горы Плоская, Фальшивая и Дивизионная. За два месяца противник соорудил две параллели и подошел на четыреста шагов к вершине. Это, конечно, не беда, но японская артиллерия день и ночь долбит по Высокой и не дает ее как следует укрепить. Стрелки сидят в полуразрушенных, наскоро подправленных окопах. На прочих участках положение прочное. Но если мы не удержим Высокой — придется отойти прямо на сопки над Новым городом и на Ляотешань. Пока же вся дорога до Голубиной бухты в наших руках. Отряд Романовского удерживает данную ему линию обороны. Высокую надо отстаивать до последней возможности. Она — стратегический ключ всей крепости, и с ее падением эскадра будет расстреляна в несколько дней.

— Счастливая мысль поручить ее оборону матросам — это наша артурская гвардия. Прекрасные вояки, золотой народ, развитой, инициативный, не чета нашим стрелкам. Те сильны своим упорством, а моряки — смекалкой,— заметил Рашевский.

— Итак, самое тяжелое положение у нас на Восточном фронте. Туда надо и обратить наше главное внимание. На Западном — упорно удерживать Высокую, а Владимиру Григорьевичу, по мере своих сил и возможностей, помогать соседям,— резюмировал доклады Кондратен-

ко.— Как дело обстоит со снарядами, Василий Федорович?

— Хватит на отбитие двух штурмов. К орудиям мелких калибров снарядов имеется в избытке, зато к крупным — острый недостаток. Живем подачками моряков да сами отливаем по шестьдесят штук в день шестидюймовых чугунных снарядов,— сообщил Белый.

— А как с продовольствием? — поинтересовался Ирман.

— Крепостной интендант уверяет, что муки, сухарей, круп, чаю хватит еще на два месяца, а мяса, кроме конины, уже не осталось. Решено давать ее два раза в неделю по полфунта, а остальные дни постные: чумиза на обед и ужин. Вообще продержимся до середины февраля,— ответил Науменко.

— Вот с госпиталями у нас дело обстоит совсем не благополучно,— проговорил Кондратенко.— В них находится до тридцати тысяч человек — треть гарнизона. Выздоравливают все меньше; цинга косит все больше и больше. А тут еще смудрил Субботин — приказал больных и раненых класть вперемешку во всех госпиталях. В результате мы имеем вспышку инфекционных заболеваний с очень большой смертностью. Я говорил об этом Стесселю, но он или не понимает, или прикидывается, что не понимает прямой преступности действий Субботина, и не хочет в них вмешиваться. Написал обо всем Балашову, быть может, он сумеет повлиять на генерал-адъютанта, чтобы тот отменил это вредное распоряжение.

— Теперь наконец мы хотим подробнее знать и о вашем здоровье, дорогой Роман Исидорович,— спросил Белый.

— Пустяки, небольшой плеврит справа, через день-другой все пройдет,— нехотя ответил генерал.

— Плеврит основательный, как уверяют доктора, а главное — цинга. Она и мешает быстрому вашему выздоровлению,— дополнил Науменко.

— Постараемся ликвидировать ее в ближайшее же время. Этим занялись моя жена и наши адмиралы, которые и зачислили вас, Роман Исидорович, к себе на довольствие,— сообщил Белый.

— Поскольку это незаконно и моя цинга не более как плод воображения врачей, я решительно протестую против подобных действий моряков,— возразил Кондратенко.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок. От наших адмиралов мы не видим никакого толку. В Севастополе

морское начальство было душой обороны, а в Артуре адмиралы живут гостями и никуда не вылезают из своих блиндажей,— презрительно заметил Ирман.

— Матросы и офицерская молодежь — истинные герои, а адмиралы — трусы и интриганы,— поддержал его Семенов.

Как только совещание закончилось, Белый и Звонарев стали прощаться.

— Заглянем еще на минутку к Стесселю, может, у него есть какие-нибудь новости,— проговорил Белый, пожимая руку Кондратенко.

В это время зазвонил телефон. Кондратенко снял трубку и стал слушать.

— Сейчас прикажу подтянуть две роты морского десанта к вашему штабу, но вводите его в дело лишь в крайнем случае и вообще расходуйте моряков возможно осторожнее,— распорядился Кондратенко.— Японцы лезут на форт номер два, уже два раза побывали на гребне бруствера. Фролов просит поддержки, а частный резерв Горбатовского весь израсходован. Посылаю им моряков из арсенала, где расположен общий резерв,— пояснил генерал.— Придется вам, Сергей Владимирович, еще сегодня побывать на форту номер два.

— Слушаюсь! Готов идти туда хоть прямо отсюда.

— Особенно торопиться нечего. Пока японцы лезут, вам там делать нечего, а когда успокоятся, вы и решите, где нужно спускать мины.

— Сначала побываем у Стесселя, узнаем обстановку у него,— предупредил Белый.

К Стесселю Белый и Звонарев пошли пешком. Разыгралась вьюга. Тысячи снежинок носились в бешеном вихре, залепляя глаза, забираясь за ворот и в рукава шинели. Сквозь белую муть снежной ночи то и дело вспыхивали зарницы орудийных выстрелов...

Бледные лучи прожектора чуть пробивались сквозь вьюгу, одна за другой взвивались к небу огненные змеи ракет. Временами долетали звуки сильнейшей ружейной и пулеметной стрельбы. Казалось, что кипит какой-то огромный котел. По направлению атакованного участка торопливо проскакало несколько всадников и прошло быстрым шагом несколько отрядов моряков. Наконец с грохотом пронеслись полевые орудия в запряжке. Сбоку скакали с зажженными факелами в руках фейерверкеры и ящичные вожатые.

Белый и Звонарев почти бегом добрались до дома Стесселя и влетели в прихожую. Здесь при слабом свете

керосиновой лампы Стессель рассылал в разные стороны ординарцев-казаков. Генерал резким отрывистым голосом отдавал приказания: узнать, выяснить, установить. Тут же у стола, согнувшись почти вдвое, писал приказания в полевой книжке Рейс.

— В чем дело, что происходит на фронте? — кинулся к вошедшим Стессель.

— Мы сами пришли затем, чтобы узнать обстановку,— ответил Белый.

— Я ничего не знаю. Звонил Кондратенко, но он все еще болен.

— Мой экипаж у крыльца, поедемте, Анатолий Михайлович, в штаб к Горбатовскому,— предложил Белый.

— Мм-да... я, право, не знаю...— замялся генерал.

— Что, что? Куда это вы, Василий Федорович, зовете Анатолия? Я его отсюда не отпущу! Здесь его штаб, значит, и он должен находиться тут! — коршуном налетела Вера Алексеевна на Белого.— Пусть едет этот полусумасшедший Смирнов, Виктор Александрович, вы и, наконец, Владимир Николаевич,— кивнула генеральша на Никитина.

— Стопочку коньяку на дорогу, и готов отправиться хоть к черту в пекло, не то чтоб в штаб Горбатовского,— проговорил Никитин.

— Виктор Александрович нужен мне в штабе. Смирнова и близко подпускать туда нельзя — все перепутает. Значит, остаются только Василий Федорович и Владимир Николаевич,— вас я попрошу отправиться в штаб Восточного фронта,— рассудил наконец Стессель.

— Поскорее возвращайтесь назад, буду ждать с чаем,— напутствовала уезжающих генеральша.

Канонада продолжалась с прежней силой. Никитин, хорошо заправившись на дорогу коньяком, все время напевал неприличные шансонетки и рассказывал последние новости, слышанные у Стесселя.

— Алексеева-то поперли, теперь мы здесь покажем морякам кузькину мать. Живо все выплывут в море,— разглагольствовал он.

— Это ослабит оборону крепости; кроме того, эскадра наша слишком слаба, чтобы вступать в бой с японцами,— возразил Белый.

— Не в кораблях дело, а в моряках. У японцев — Того́, а у нас никого,— скаламбурил Никитин и захохотал во все горло.— Назначили бы меня главным адмира-

лом. Слово даю, немедленно вышел бы в море и побил японцев.

В штабе Восточного фронта они уже застали, к своему удивлению, Кондратенко, Рашевского, Науменко и Шевцова. Лицо Романа Исидоровича лихорадочно горело, он мелкими глотками пил чай с красным вином. Перед ним стоял Горбатовский и, низко согнувшись, водил пальцем по лежащей на столе карте, объясняя обстановку на атакованном участке. Степанов, нервно подергивая свою бородку, то и дело поправлял путавшегося генерала, что, видимо, раздражало Кондратенко.

— Пусть лучше докладывает ваш начальник штаба,— наконец прервал он Горбатовского.

Капитан объяснил все в двух-трех словах.

— Какая сейчас связь с фортом номер два? — справился Кондратенко.

— Телефон давно не действует, и солдаты добираются до нас далеко не все.

— Когда было получено последнее донесение?

— В восемь часов тридцать минут вечера,— сообщил Степанов, разыскав полевую записку коменданта форта Фролова.

— То есть почти час как вы ничего не знаете о положении на атакованном участке? — удивился генерал.— Немедленно отправить туда ординарцев, да не одного, а двух для верности. Быть может, хоть один вернется назад.

— Они все в разгоне,— доложил Степанов.

— Тогда остается одно: мне лично побывать на форту.— И Кондратенко встал, собираясь выйти из блиндажа.

Против этого все дружно запротестовали. Шевцов, Рашевский, Степанов и Звонарев наперебой предлагали отправить их на опасный участок.

— Придется послать вас, Сергей Владимирович,— обернулся к Звонареву Кондратенко.— Вы самый молодой. Отправляйтесь на форт номер два, подробно выясните, что там делается, и, не задерживаясь, возвращайтесь сюда. Ждем вас до половины одиннадцатого, а там будем считать погибшим и пошлем другого. Ну, с богом! — И генерал крепко пожал руку прапорщика.

На дворе по-прежнему мела вьюга. Вой ветра смешивался с визгом пуль и шрапнели. Хорошо зная дорогу, Звонарев бегом добрался до хода сообщения, ведущего к форту. Здесь он остановился, чтобы несколько отдышаться. Два снаряда разорвались совсем близко,

осыпав прапорщика землей и снегом. Ему вдруг стало жутко. Он был один среди вьюжной ночи, под градом пуль и снарядов. В случае даже незначительного ранения трудно было рассчитывать на помощь раньше рассвета.

«А я так и не помирился с Варей!» — неожиданно подумал он.

До форта оставалось не более полуверсты. Уже ясно были слышны взрывы бомбочек, крики «ура» и «банзай». Лучи русских и японских прожекторов неподвижно лежали на форту и подступах к нему, освещая все мутным, неровным светом.

Из-за бруствера прапорщик старался разглядеть картину боя; временами ему казалось, что он видит темные полосы штурмующих колонн, но затем все тотчас же тонуло во вьюжной пурге. Вскоре он встретил двух раненых стрелков, которые, помогая друг другу, медленно шли с форта.

— Как дела на форту, земляки? — спросил их прапорщик.

Один из них степенно начал рассказывать:

— Поперва совсем табак было дело. Влез японец во внутренний дворик и уже добирался до казармы, да подошли матросики, дай бог им здоровья, и подсыпали японцу перцу. Сидит он сейчас там во рву и только бонбочки в нас швыряет, заслабела, видать, у него кишка. Дай-кось прикурить, землячок. Со штаба, што ль, за вестями бредешь? Коло моста ховайся хорошенько, бьет он по нему из пулемета с обеих сторон, а откуда — не поймешь.

Поблагодарив солдат, Звонарев пошел дальше. Уже около самого моста рядом с ним упала бомбочка и, шипя, завертелась.

«Вот она, смерть-то, где!» — мелькнула мысль, и в то же мгновение, инстинктивно схватив бомбочку, прапорщик швырнул ее далеко в сторону. Еще не успев упасть, она с грохотом взорвалась в воздухе, оглушив Звонарева. Он стремительно побежал по мосту.

Коменданта форта поручика Фролова Звонарев нашел у входа в потерну, ведущую в контрэскарпную галерею. Здесь же находились прибывший с матросами мичман Вася Витгефт и артиллерийский поручик Юницкий, страшно бледный и что-то бессвязно доказывавший Фролову, который только отмахивался от него.

— Идите в наш каземат, выпейте водки и не смейте наводить панику на людей, — решительно отчеканил

Фролов.— Привет вам,— пожал он руку Звонареву.— С помощью молодцов господина Витгефта мы уже отогнали самураев на прежнее место и даже потеснили в капонире. Теперь они со злости забрасывают нас бомбочками.

Звонарев объяснил цель своего прихода.

— Не стоило Роману Исидоровичу так беспокоиться. Пока жив поручик Фролов и хоть один из его трехсот молодцов — японцам не видеть этого форта, как своих ушей! Пойдем в каземат и выпьем с мороза стаканчик водочки,— пригласил он прапорщика.

— Я не пью,— отказался Звонарев.

— Я тоже вкушаю водку во благовремении и в умеренном количестве, но ради сегодняшней виктории выпью и стрелкам поднесу! Жаль, десятка-другого недосчитаюсь,— вздохнул он,— а ребята как на подбор — молодец к молодцу! Когда я сюда прибыл, то меня предупредили, что здесь не солдаты, а сброд. Ротный бил их по мордам и оптом и в розницу, фельдфебель с унтером вышибали зубы, сворачивали носы и скулы. На вылазку в секреты солдат загоняли побоями. Я все это отменил. Теперь во все опасные места идут только охотники. И представьте, никогда в них не бывает недостатка.

Звонарев с интересом слушал этого веселого и энергичного человека, сжившегося со смертельной опасностью, ежеминутно угрожавшей ему. Витгефт, легко раненный в кисть левой руки, кивками головы как бы подтверждал правдивость рассказа поручика. Зато Юницкий мрачно слушал коменданта форта.

— Вы бы, Георгий Петрович, полюбопытствовали, как ваши артиллеристы установили свои пушки,— обернулся к нему Фролов.

Поручик нехотя отошел от них и скрылся в проходе, ведущем на внутренний дворик форта.

— Вот уж золотце навязалось на мою голову! — кивнул вслед ему Фролов.— Трус, хвастун и вдобавок ненавидит и презирает своих солдат, буквально за людей их не считает. А гонору-то сколько! «Мы, Юницкие,— старинный дворянский род, если бы не бедность, я бы мог служить хоть в кавалергардах»,— передразнил Фролов пшютоватый, презрительный тон Юницкого.

Офицеры прошли в каземат. Звонарев из приличия выпил с четверть стакана водки и закусил тягучей, как резина, старой кониной.

— С завтрашнего дня я перебираюсь к вам с командой артиллеристов и матросов-минеров,— объявил он.

— Превосходно! Мы втроем с вами и мичманом покажем японцам, где раки зимуют. Я дам вам письмецо прямо к вашему генералу, пусть поскорее забирает Юницкого.

Осмотрев затем весь форт, Звонарев уже при относительно спокойной обстановке вернулся в штаб, где его ожидали с большим нетерпением. Выслушав доклад, Кондратенко поблагодарил прапорщика, затем Белый, Кондратенко и Звонарев в экипаже отправились с докладом к Стесселю, куда уже раньше уехал Никитин.

Вера Алексеевна встретила гостей в прихожей и тотчас же пригласила их в столовую, где уже был накрыт стол для ужина. После мороза и ветра накрытый стол выглядел особенно соблазнительно. Даже Кондратенко позабыл о своей болезни и оживился.

Освободившись от верхней одежды, все направились к Никитину, который священнодействовал у буфета с выпивками и закусками.

— Милости прошу по рюмашке коньячку,— угощал он, входя в роль любезного хозяина,— а затем попробуйте вот эти рыжики в маринаде изготовления самой Веры Алексеевны. Так и тают во рту. Вот балычок от Чурина, швейцарский сыр со слезой, не угодно ли отведать?

Генералы дружно чокались, выпивали, крякая от удовольствия, и с наслаждением закусывали. Звонарев скромно стоял в стороне. Стессель и его жена, казалось, не замечали прапорщика, все свое внимание отдав превосходительным гостям.

Заметив неловкое положение Звонарева, Кондратенко с подчеркнутой теплотой поднял свою рюмку за здоровье «храброго юноши, только что смело рискнувшего своей жизнью для установления связи с атакованным фортом». Белый тотчас присоединился к нему. Расчувствовавшийся Никитин не замедлил со слезами облобызать прапорщика... Супругам Стессель ничего не оставалось, как, в свою очередь, поздравить Звонарева с боевым успехом. Вера Алексеевна все же не преминула заметить, что почтительность к старшим является неотъемлемой частью хорошего воспитания молодых людей.

За закусками последовал сытный и обильный ужин. Проголодавшийся Звонарев отдал должное кулинарному искусству Веры Алексеевны. Слегка отяжелев и опьянев

от вина и сытной еды, он стал наблюдать за происходящим.

Шел оживленный разговор. Ничто не напоминало ни об осаде, ни о войне, голоде, цинге, тифе и десятках тысяч раненых, страдающих в госпиталях. Сквозь плотно закрытые двери едва доносились глухие удары орудийных выстрелов.

— Слыхал, Василий Федорович, как сегодня отличились твои друзья самотопы? — проговорил Стессель.— Оказывается, еще месяц тому назад Григорович получил сведения о предполагаемом на сегодня прибытии одного из пароходов с боевыми припасами и продовольствием, который должен был прорвать морскую блокаду. Он и появился у Голубиной бухты около полудня. Твои артиллеристы об этом ничего не знали и, когда пароход стал подавать сигналы, обстреляли его, решив, что он дает знаки японцам. Он отошел от берега, а тут к нему подлетел японский миноносец и увел с собой на виду у нас! Самотопы же появились лишь значительно позже. Так и пропали наши снаряды, а их там было несколько тысяч и сто тысяч пудов продовольствия.

— Арестуй немедленно, Анатолий Михайлович, всех адмиралов и перевешай как изменников,— вскочил с места Никитин.— Иначе я собственноручно их перестреляю.

— История столь невероятна, что заставляет меня сомневаться в ее правдивости,— отозвался Белый.— Моряки мне не рассказывали ничего подобного.

— Мы получили об этом подробное донесение от Романовского,— подтвердил Рейс.

— Я запросил адмиралов,— продолжал Стессель.— Представьте — они имели наглость обвинить во всем артиллеристов! Пароход, мол, должен был прийти вечером, а днем его никто не ждал, и крепости давно пора усвоить морскую сигнализацию.

— Во всяком случае, они должны были заблаговременно предупредить хотя бы Василия Федоровича, если это уж так секретно,— вмешалась Вера Алексеевна.— Теперь ты, Анатоль, можешь потребовать, чтобы они поделились с крепостью своими запасами.

— Добром они этого не сделают, а применить силу — значит, начать в Артуре междоусобную войну,— ответил Стессель.

— Да, так или иначе, прозевали снаряды и продовольствие, которые помогли бы нам продержаться, по крайней

мере, лишний месяц, если не больше,— грустно проговорил Кондратенко.

— Тем лучше! Расстреляем все снаряды, кончится продовольствие, а с ним кончится для Артура и война,— живо проговорила генеральша.

— Ваши запасы, Вера Алексеевна, судя по сегодняшнему лукулловскому пиршеству, еще так обильны, что их хватит надолго,— заметил с улыбкой Кондратенко.— Вы уже отменили, Анатолий Михайлович, распоряжение Субботина о совместном размещении инфекционных больных и раненых? — обернулся он к Стесселю.

— Решил сначала поговорить с Балашовым. Фок уверяет, что это совершенно безопасно и только лодыри-врачи не хотят возиться с больными.

— Подобное рассуждение граничит с преступлением. Надо в кратчайший срок исправить эту ошибку Субботина,— настаивал Кондратенко.

— Еще вопрос, ошибка ли это? Раз Фок настаивает, значит, здесь дело похуже, чем простая ошибка,— неожиданно отозвался Никитин, успевший основательно нагрузиться коньяком и водкой.

— Выпил ты лишнее, Владимир Николаевич, потому и несешь такие нелепости! — резко остановил Стессель своего приятеля.

— Ну, пора,— встал Белый,— а то уже час не ранний.

Все стали прощаться. Кондратенко и Науменко пешком отправились к себе. Звонарев предложил заехать за Варей в Сводный госпиталь.

— Быть может, она свободна и пешком отправиться домой в такую вьюгу и темень побоится.

Генерал немного поворчал, но потом все же согласился. Варя оказалась занятой в операционной и появилась лишь через несколько минут. Увидев отца, она торжественно заявила, что сейчас ассистировала при тяжелой операции.

— И оперированный, конечно, умер на столе? — улыбнулся ее восторгу Звонарев.

В ответ Варя обдала его леденящим взглядом и попросила не вмешиваться в ее разговор с отцом.

— Не дури, Варвара! Прежде всего поздоровайся с Сергеем Владимировичем,— остановил ее Белый.

— Извините меня, пожалуйста, Сергей Владимирович.— И девушка карикатурно низко присела, одновременно презрительно глядя на прапорщика.

— Не можешь без глупостей? — окончательно рассвирепел Белый.— Одевайся, поедешь со мной домой.

— Но, папа, я занята! У меня еще одна операция.

— Что ты за знаменитый хирург?! И без тебя обойдутся, марш за пальто!

Варя вспыхнула, но возражать не посмела. Когда размещались в экипаже, генерал заставил Варю, несмотря на ее протесты, сесть между собой и Звонаревым. Всю дорогу она старалась возможно меньше прикасаться к прапорщику, но, как назло, экипаж то и дело попадал в ухабы, и Варе волей-неволей приходилось чуть ли не ежесекундно опираться на молодого человека.

Пользуясь тем, что верх был поднят и в фаэтоне было довольно темно, Звонарев несколько раз осмеливался осторожно прикоснуться губами то к розовому ушку, то к затылку, а то и к раскрасневшейся от мороза щеке девушки. Всякий раз при этом Варя резко отклонялась в сторону и наконец, не выдержав, с отчаянием в голосе пожаловалась отцу:

— Папочка, скажи ему, чтобы он не смел прикасаться ко мне.

— Не подставляй ему свою физиономию, тогда никто такую злючку, как ты, и целовать не станет,— равнодушно ответил Белый и еще сильнее уткнул лицо в меховой воротник своей шинели.

Не успел экипаж остановиться около крыльца квартиры Белого, как Варя, вся трепеща от гнева, первая выскочила из него и ринулась в дом. Звонарев помог выйти генералу и вместе с ним появился в передней.

Хотя было около полуночи, но Мария Фоминична с чаем поджидала мужа. Чтобы не обидеть ее, Звонарев и Белый выпили по стакану, в то время как Варя жадно набросилась на еду.

— Можно подумать, что вас в госпитале совсем не кормят,— заметила ей мать.

— Я сегодня не обедала, мамочка, все была занята на операциях. Я ведь теперь операционная сестра и должна все время находиться там.

— Надеюсь, что тебе-то оперировать не разрешают? — с беспокойством спросила Мария Фоминична.

— Так и позволят ей оперировать, такой вертлявой девчонке! — перебил жену Белый.— Сейчас она жаловалась мне на Сергея Владимировича...

— Папка, не смей говорить при нем! Я сама потом все расскажу маме,— даже привскочила со стула от волнения девушка, густо покраснев.

— Ей-богу, неправда! — сказал Звонарев.

Глядя на молодую пару, старики залились громким, веселым смехом.

— Можешь и не говорить, Федорович! Я и так понимаю, в чем дело,— произнесла наконец Мария Фоминична.

— Совсем, совсем не так, как ты, мамочка, думаешь,— уверяла Варя.

— Ладно уж, чай, и я не всегда была старухой! Приготовишь Сергею Владимировичу постель в кабинете,— распорядилась Мария Фоминична, когда чай был окончен.

Звонарев поднялся из-за стола вместе с Варей и хотел идти за ней, но девушка так свирепо взглянула на него, что он отказался от своего намерения.

Побыв еще немного с Белым в столовой, он направился в кабинет. Сквозь неплотно притворенную дверь Звонарев увидел, как девушка сердито, рывками накрывала кушетку простынями, небрежно бросила на нее подушки и с силой ударила по ним кулаками.

— Можно подумать, Варя, что вы и меня хотели бы угостить такими тумаками,— проговорил прапорщик, входя в кабинет.

— С сегодняшнего дня я вам не Варя, а Варвара Васильевна или даже никто! Я не желаю иметь с вами ничего общего после той наглости и нахальства, которые вы себе позволили в экипаже, господин Звонарев.

— Если я повинен лишь в том, что поцеловал вас недостаточно крепко, то я готов немедленно исправить свою ошибку,— улыбнулся Звонарев и, шагнув к девушке, хотел было обнять ее. В то же мгновение он получил оплеуху. Охнув от удивления, прапорщик на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, как Варя с торжествующим видом выпорхнула из комнаты.

Расправившись с Звонаревым, Варя ласково попрощалась с родителями перед сном и тоже улеглась в постель. Как ни устала она за день, но уснуть ей скоро все же не удалось. Она вновь переживала все нанесенные ей сегодня Звонаревым обиды. Оказался он виновен и в замечании, сделанном ей отцом в госпитале, и в шутках родителей, не говоря уже о предерзких поцелуях в экипаже и попытке обнять в кабинете. Одним словом, прапорщик был кругом виноват перед нею и вполне заслужил постигшую его кару. И все же Варя была недовольна собой. В глубине души она признавалась, что не так уж неприятны были звонаревские поцелуи и сам он не меньше ее был смущен подтруниванием отца и ма-

тери. Пожалуй, можно было бы обойтись и без пощечины, ограничиться лишь холодной вежливостью и ледяным презрением. Варя ярко представила себе, какой неприступный вид был бы у нее в этом случае.

«Быть может, он, бедняжечка, от огорчения тоже не спит,— вздохнула Варя и вспомнила рассказ отца об опасном путешествии прапорщика на форт.— И зачем только он всегда норовит попасть в такие места! Не дай бог, случится еще с ним что-нибудь! — уже с волнением подумала Варя.— Тогда я себе никогда не прощу сегодняшней пощечины».

Накинув затем шаль на плечи, она осторожно пробралась к двери кабинета, желая убедиться, спит ли прапорщик. Каково же было ее разочарование, когда из-за двери до нее донесся храп крепко уснувшего Звонарева. Это было для нее новой обидой. Добравшись до своей постели, она решительным движением сунула голову под подушку и мгновенно уснула.

Утром Звонарев не встретил Варю — она убежала в госпиталь. Получив от Белого различные указания служебного характера, прапорщик побывал в Управлении артиллерии, в порту, а затем направился в штаб Кондратенко.

Уже темнело. Солнечный день сменился холодным, туманным вечером. Артур заволокся густыми облаками.

Генерала он застал лежащим в постели, с высокой температурой. Вчерашняя прогулка в штаб Горбатовского не прошла даром. Тем не менее Роман Исидорович тотчас же принял прапорщика и, подробно расспросив о результатах посещения моряков, дал ряд указаний о спуске мины.

— Помните, что вы остались единственным специалистом по спусканию шаровых мин. Горский болен и не скоро оправится. Значит, на вас ложится вся тяжесть руководства минно-шаровым делом. Главное же — не рисковать зря людьми и собой,— проговорил генерал.

— Больше всего надо вам самим беречься, ваше превосходительство. Меня и солдат легко можно заменить, вас же заменить некем! Между тем вы совсем не бережетесь, о чем свидетельствует ваше здоровье.

В ответ Кондратенко громко рассмеялся.

— Первый раз в жизни слышу, чтобы прапорщик читал нотации генералу!

— Я не хотел вас обидеть...— смутился Звонарев.

— Прекрасно это понимаю. Меня заменить легко, и, быть может, давно пора это сделать. Оборона крепости

отличается крайней пассивностью. Ни одной вылазки за три с половиной месяца тесной блокады! Это ли не возмутительно! В первые дни осады мы легко могли прорвать расположение японцев, выйти в тыл, захватить их артиллерию, а главное — так необходимые нам снаряды, порох и продовольствие. По этому одному можно судить, насколько хорош я как руководитель сухопутной обороны.

— Вы тут ни при чем. Стессель, Фок и Рейс никогда не допустили бы такого образа действий с вашей стороны. Вылазки были запрещены Стесселем. Фок и Рейс все время мешали активизации обороны.

— Какой же я военный, если не сумел отстоять своего мнения перед высшими начальниками?

— Зная Стесселя и его окружение, нетрудно понять, что тут играет роль не ваша мягкость, а твердокаменное упрямство высшего артурского начальства. Мне не совсем понятна роль Смирнова. Комендант крепости по должности мог и должен был возглавить оборону Артура, не уступать своего места Стесселю. Фактическим комендантом является генерал-адъютант, Смирнов же играет роль коменданта без крепости.

— Хрен, говорят, не слаще редьки! Если бы фактически во главе Артура стоял Смирнов, то, возможно, мы были бы свидетелями еще более «оригинальных» деяний, чем теперь. Комендант крепости хочет предвидеть все возможное и невозможное. Ему совершенно непонятна та простая истина, что всего не предусмотришь и, следовательно, должна быть сохранена инициатива младших начальников. Нет, знаете, не хотел бы я видеть Смирнова в роли старшего начальника в Артуре. У него нет необходимой для этого широты взглядов,— задумчиво закончил Кондратенко.

— Мнение огромного большинства артурского гарнизона, что ваше превосходительство являетесь наиболее подходящим комендантом для Артура.

— Начальство в Питере и Маньчжурии держится иного мнения, да и здесь некоторые весьма влиятельные лица находят, что я приношу больше вреда, чем пользы,— с горечью проговорил генерал.

— А кто же такие эти глупцы, выражаясь мягко? — возмутился Звонарев.

— Прочтите,— протянул ему Кондратенко одну из бумаг, лежащих на столе.

Это была напечатанная на машинке записка Фока под заглавием «Некоторые соображения об артурской обороне». Адресовалась она Стесселю и всем генералам

и командирам отдельных частей. Наверху имелась надпись: «Не подлежит оглашению». Прапорщик уже был знаком с литературными произведениями Фока и сразу понял, что перед ним очередной пасквиль на Кондратенко.

— Стоило ли читать эту чепуху? — повернулся он к генералу.

— Хотя она и «не подлежит оглашению», но ее читают все писари, вплоть до ротных, и, конечно, знакомят с ее содержанием солдат. Это, так сказать, артурская литература для народа. Все равно вам придется с нею познакомиться.

Звонарев принялся за чтение.

— «Я уже не раз указывал, что излишнее переполнение передовых окопов стрелками и матросами ведет только к ненужным, ничем не оправданным потерям. Но генерал Кондратенко, который воображает себя самым умным человеком в Артуре, конечно, не пожелает снизойти до этих соображений. С ученым видом всезнайки он по-прежнему будет напрасно проливать реками солдатскую кровь, твердо веря, что это принесет ему славу героя, чины и ордена».

— Как допускает Стессель появление подобных произведений? — не выдержал Звонарев.— Ведь это не только подрыв вашего авторитета среди солдат и матросов, но прямое натравливание их на вас!

— «Известный всему Артуру своими длинными усами генерал недавно прямо заявил мне, что он гораздо больше беспокоится о снарядах, которых мало, чем о людях. По его мнению, солдат в крепости гораздо больше, чем имеющегося продовольствия. Поэтому потеря тысячи-другой человек только облегчит положение крепости. Надо ли говорить, что он сам отнюдь не хочет оказаться в числе этих тысяч». Вопиющий поклеп на Василия Федоровича.

— Его хоть прямо по фамилии не называют,— все же как-никак родственник Стесселю, не то что мы, грешные.

— Не секрет, что вы собираетесь предпринять, Роман Исидорович, в связи с этой наглой и бестактной выходкой Фока?

— Подал рапорт об освобождении от должности начальника сухопутной обороны и, как следовало ожидать, получил отказ. Нельзя-де обращать внимания на чудачества Фока, он ведь еще в турецкую войну ранен в голову и немного ненормален. Я не настаивал: боюсь, что без

меня дело попадет в руки того же Фока, и тогда дни Артура будут сочтены. Нет, я не собираюсь сдавать свои позиции! — с жаром проговорил Кондратенко.

— Если бы вам, Роман Исидорович, предложили взять на себя высшее начальствование в Артуре, вы согласились бы?

— Куда же денутся Стессель и Смирнов?

— Мы бы их арестовали.

— Кто вы?

— Ваши приверженцы.

— Я бы немедленно арестовал вас и освободил Стесселя и Смирнова, дабы они вернулись к исполнению возложенных на них обязанностей,— улыбнулся Кондратенко.— Нет, я против всяких незаконных действий. Так и передайте всем «моим приверженцам», как вы выражаетесь.

Прапорщик разочарованно вздохнул. Вскоре пришел Науменко. Воспользовавшись этим, Звонарев стал прощаться.

В Сводном госпитале ему пришлось довольно долго ждать в приемной, пока вышла Варя. Увидев прапорщика, она сурово сдвинула брови и сухо справилась, чем она может быть ему полезна.

— Прежде всего, я думаю, вам следует извиниться передо мной за вашу вчерашнюю грубость,— в тон ей умышленно хмуро ответил Звонарев.

Не произнеся ни слова, девушка повернулась и направилась к двери. Прапорщик едва успел схватить ее за руку.

— Стоп, стоп, стоп! Я еще не кончил, и вы, как всякая воспитанная девочка, должны выслушать до конца, когда с вами говорит старший,— проговорил он.

— Руки прочь, или вы получите еще одну оплеуху,— попыталась вырваться Варя.

— Ша, киндер, как говорит Борейко в таких случаях,— еще крепче сжал ее руку Звонарев.— Кондратенко прислал вашим больным цингой свежее мясо и овощи. Потрудитесь их получить,— протянул он большой сверток.

— Я больше не веду палаты. Пустите, мне больно,— тихо проговорила она.

— А вы драться не будете? — уже совсем весело спросил Звонарев.

— Не хочу марать руки о вашу... вашу противную физиономию,— заикаясь от волнения, проговорила девушка.

— То-то же,— отпустил ее прапорщик.— Теперь мы квиты, и я могу опять поцеловать вас...

Варя фыркнула, как кошка, и одним прыжком оказалась за дверью.

— Не смейте никогда больше приближаться ко мне, приходить сюда или к нам домой, низкий вы... человечишка,— наконец подобрала она наиболее уничтожающее слово и, хлопнув дверью, исчезла.

Звонарев улыбнулся. Негодующая Варя была ему больше по сердцу.

В штабе Горбатовского его уже поджидали Буторин и Фомин с тремя десятипудовыми шаровыми минами. Наскоро переговорив со Степановым и получив от него последние указания, прапорщик отправился с матросами на форт номер два.

На форте было относительно тихо: редкая ружейная перестрелка, взрывы бомбочек, изредка гулкий артиллерийский выстрел и визг разорвавшейся шрапнели. Сквозь туманную ночь чуть пробивались бледные лучи прожекторов. Две подводы, запряженные парой осликов каждая, затарахтели за Звонаревым и матросами.

Фролов уже ждал прапорщика. Им был разработан подробный план очищения рвов форта от японцев.

— Как только ваши мины взорвутся, мичман Витгефт с матросами бросится в атаку вдоль левого бокового рва, я со стрелками — вдоль правого, поручик Юницкий из контрэскарпной галереи попытается выбить японцев из капонира. Вы же будете орудовать на бруствере и командовать артиллерией внутри форта,— распределил он роли между офицерами.

— По-моему, мое задание невыполнимо. Японцы так прочно засели в капонире, что едва ли мы сможем что-либо с ними поделать,— заикаясь, проговорил Юницкий.

— Умереть там вы, я думаю, сможете, если это будет нужно,— насмешливо ответил комендант форта.

— Думаю, что я больше пользы принесу живым, чем мертвым.

— Можете думать, что хотите, но выполнить поставленную вам задачу вы обязаны. Ступайте! — резко приказал Фролов.— От него, живого, пользы не больше, чем от мертвого.

Места для спуска мин были выбраны на бруствере заранее, и на них начали устанавливать желобообразные салазки, соблюдая полную тишину, боясь столкнуть ма-

лейший камешек или комочек земли. Как только это было сделано, Фролов в последний раз повторил свои наставления: взрывы спускаемых мин послужат сигналом для общей атаки, Звонарев с артиллеристами форта должны орудийным огнем парализовать контратаку японцев, если она последует. Пожелав прапорщику успеха, Фролов ушел.

Мины осторожно, без шума подняли на салазки. Звонарев поочередно поджег фитили и шепотом скомандовал:

— С богом, кати!

По три рослых матроса налегли на каждый шар, и они со слабым скрипом двинулись с мест. Налетевшая густая волна тумана совсем закрыла русских. Японцы ничего не подозревали и держались тихо. С нарастающим шумом мины ринулись вниз.

Один за другим раздались три сильных взрыва. Сотрясение было так сильно, что мешки с землей лавиной обрушились вниз, завалили вход в блиндаж, крыша которого подозрительно заскрипела.

— Господи Исусе Христе, да что же это такое? Никак, японец сам нас взорвал? — заметались испуганные солдаты, торопливо расчищая выход из блиндажа.

Прапорщик выбрался наружу одним из первых. Осколки и комья земли после взрыва уже пролетели, но в воздухе стоял грохот ружейной стрельбы, взрывов бомбочек и свист пуль. Из рвов доносился шум рукопашной схватки; крики, стоны, выстрелы, взрывы бомбочек слились в один общий рев, который все нарастал и быстро передвигался по направлению к переднему рву.

— Бежит японец! — проговорил Буторин.— Мы его сегодня застали врасплох. С перепугу он и стал тикать без оглядки.

Звонареву хотелось выглянуть из-за бруствера, но это грозило ранением или даже смертью. Несколько лучей японских прожекторов остановились над фортом, тщетно силясь проникнуть сквозь молочную пелену густого тумана. Молчавшие ранее осадные батареи теперь открыли беспорядочный огонь, осыпая снарядами всю площадь форта.

Вскоре прибыл связной от Фролова и сообщил, что все рвы очищены от японцев.

— Потери велики? — спросил Звонарев.

— Почти нет, двое или трое легкораненых. Поручика немного зацепило, но они остались в строю, да морского офицера ранило в плечо, но тоже не сильно, — доклады-

вал стрелок.— Только в капонире артиллерийский поручик дюже спужались и не пошли вперед. Комендант просили вас, вашбродь, пройти туда, помочь им.

Звонарев торопливо перебежал дворик форта, который забрасывался ручными гранатами, и укрылся в тыловой казарме. Тут он встретил Фролова, как всегда, бодрого и веселого.

— Все вышло как нельзя лучше. Я даже не ожидал такого быстрого и решительного успеха. Особенно нам помог взрыв японского склада пироксилина. Он уничтожил массу людей у противника. Сейчас стрелки начнут кидать бомбочки в амбразуры, а вас попрошу сменить Юницкого и организовать удар со стороны контрэскарпной галереи.

— Слушаюсь,— козырнул прапорщик и направился вниз по потерне.

Едва Звонарев минул потерну, как вдоль галереи хлестнула пулеметная очередь, пули с громким щелканьем впивались в бетонные стены. Прапорщик отпрянул назад, пережидая конца стрельбы.

— Он, вашбродь, почитай уже с час бьет без передыху. Надо сюда подвезти пушку и вдарить по пулемету,— проговорил один из стрелков.

Со стороны капонира донеслись один за другим два взрыва ручных гранат, и пулемет сразу смолк.

— Подбили через амбразуру,— понял прапорщик.— Пошли,— обернулся он к стрелкам.

В контрэскарпной галерее было почти темно. Только два фонаря, стоящие в углублениях амбразур, чуть освещали сводчатое помещение. В конце его, прижавшись за бруствером из земляных мешков, сидело несколько стрелков. Невдалеке от них, распластавшись на полу, лежал Юницкий. Когда надо было отдать приказание, он взмахом руки подзывал к себе солдат. Стрелки опускались рядом с офицером на колени и получали нужные распоряжения. Поручик боялся даже поднять голову от земли и при каждом взрыве ручной гранаты испуганно вздрагивал.

Подойдя к нему, Звонарев передал ему распоряжение Фролова. Юницкий рассыпался в благодарностях и, не поднимаясь на ноги, на коленях пополз в тыл.

— Вы бы встали! — посоветовал ему прапорщик.

— Береженого и бог бережет,— ответил поручик, торопливо отползая от него.

— Уж очень они нервенные,— усмехнулся один из стрелков, глядя на странную фигуру офицера.— А каким

козырем смотрят, когда тихо! Чуть зазеваешься с отданием чести, враз по рылу смажут.

— То ранее было, теперь господа офицеры стали уважать солдатскую морду... Пули ведь и с тылу попасть могут,— зло заметил другой стрелок.

— Где японцы и что вы предпринимаете, чтобы их выбить? — перебил Звонарев.

— Ждем, когда наши из рва начнут бросать бомбочки, тогда мы и ударим на японца,— пояснили стрелки прапорщику.

Звонареву это не понравилось.

— Вперед! — скомандовал он и с винтовкой в руках вскочил на траверс. Стрелки бросились за ним.

Оглушенные японцы были быстро разоружены. Вскоре вся правая уцелевшая часть капонира оказалась в руках стрелков.

Преследуя отступающих японцев, русские ворвались в ход сообщения, идущий в японский тыл, но были встречены пулеметным огнем. Почти в полной темноте, на небольшом пространстве, в узком ходе завязался штыковой бой. Бились прикладами, кулаками, кололи штыками, кусались, душили друг друга... Над местом побоища стоял смешанный гул криков, стонов, брани.

Неожиданно перед Звонаревым выросла фигура Фролова.

— Я приказал подвезти сюда полевую пушку и стрелять в упор картечью,— проговорил поручик.

— Да в темноте не разберешь, где наши, а где чужие.

— Солдаты и матросы разберут и лучше нас сообразят, что и как надо делать.

Звонарев прошел по контрэскарпной галерее и потерне во внутренний дворик форта, где вдоль брустверов были распределены противоштурмовые орудия. Здесь он застал Витгефта с его моряками. Мичман был ранен в обе руки, но остался в строю, продолжая распоряжаться действиями стрелков и матросов.

— Вручную скатите одну из пушек в горжевой ров и там установите ее по указаниям прапорщика. Захватите с собой также десяток-другой картечи и зарядов к ним. Матросы и стрелки помогут вам.

Солдаты быстро подхватили одно из орудий и покатили его к проходу в тыловой ров. Звонарев едва поспевал за ними. В горжевом рву около пушки собралась прислуга — четыре канонира с фейерверкером. Тут же находились человек шесть стрелков и матросов,

державших в руках картечь и картузы с порохом.

Не успели подвезти орудие к нужному месту, как было ранено несколько солдат и матросов. Все же с трудом пушку установили. Неподалеку началась рукопашная схватка. Стрельба почти прекратилась, и слышались отдельные вскрики, стоны, ругань.

— Банза-а-ай! — раздалось откуда-то сверху из темноты.

Стрелки и матросы сначала в одиночку, а затем группами отбегали назад и скрывались в уцелевшем крыле капонира. Часть из них отходила в ров.

— Одолевает японец, вашбродь! — испуганно проговорил один из артиллеристов.

Прапорщик и сам видел, что опасность нарастала с каждой секундой. Гарнизон форта слабел все больше. В мутном свете скользивших поверху лучей прожектора темной массой проступали приближавшиеся колонны противника. Наступил момент действовать картечью.

— Заряжай! — скомандовал Звонарев.

— Давно заряжено,— отозвался наводчик.

— Пли!

Выбросив вперед огненный столб и струю визжащей на лету картечи, пушка отлетела назад, но ее тотчас же накатили на место.

— Больно высоко! Картечь над головами пошла,— пробормотал наводчик,— надо брать пониже.

— Пли! — заорал не своим голосом прапорщик, заметив в двадцати шагах поблескивавшие японские штыки.

На этот раз картечь врезалась в плотную массу человеческих тел. Со стороны японцев донесся протяжный вой, и на мгновение они остановились.

Воспользовавшись этой заминкой, пушка дала еще два выстрела, сметая передние ряды наступающих. Подбодренные успехом, стрелки и матросы вновь кинулись на врага. Звонарев хотел дать еще один выстрел, но тут произошел взрыв у самого орудия. Стрельба для скорости велась без пробанивания, и в зарядной камере пушки остались тлеющие клочки зарядного картуза. Впопыхах заряжающий не заметил этого и сунул новый заряд с порохом, который мгновенно взорвался в еще не закрытом орудии. Вся прислуга орудия погибла; Звонарева отбросило в сторону, слегка опалив ему лицо и руки. Японцы воспользовались этой заминкой и бросились в атаку.

Стрелки и матросы кинулись под прикрытие капонира. Преследуя их, японцы стали быстро распространяться по рвам. Едва поднявшись на ноги, прапорщик опрометью бросился к левому боковому рву. Остановился он уже вблизи казармы. Тут только он заметил отсутствие папахи, шашки, бинокля. Проведя ладонью по лицу, он с удивлением установил отсутствие бровей, усов и чуть пробивающейся бородки. Отдышавшись, Звонарев уже не спеша отправился в казарму. Около ворот его чуть не сбили с ног матросы и стрелки, под командой Витгефта спешившие в правый боковой ров.

— Неужели это вы? — подошел мичман к прапорщику.— Мне только что доложили, что при разрыве орудия вас разнесло на клочки, и в доказательство представили вашу окровавленную папаху. Она лежит на столе в офицерском каземате.

— Разве пушку разорвало? — удивился Звонарев.— Мне казалось, что бомбочка попала в сложенные около орудия пороховые заряды, которые и взлетели на воздух. Меня отбросило в сторону и немного обожгло.

— Идите в казарму. Там вас перевяжут, а главное,— добейтесь у Горбатовского срочной помощи. Фролов ранен еще раз, но не хочет уходить из капонира. Я постараюсь задержать распространение японцев вдоль рвов, а вы временно командуйте тылом — фортовым двориком,— распорядился мичман.

Быстро забинтовав лицо и обожженную левую руку, прапорщик пошел к телефону. Надрываясь от крика, солдаты пытались передать сообщение о положении на форту, но слышимость была очень плохой. Звонарев решил отправить своего связного и набросал коротенькую записку Степанову.

— Уже три человека ушли в штаб, но ни один из них не вернулся. Видать, не добрались,— проговорил ординарец, пряча записку за обшлаг шинели.— Я махну напрямик, минуя ходы сообщения, авось проскочу. Тогда через четверть часа буду в штабе,— тряхнул он головой и вышел.

— Отчаянная башка этот Оленин. Три раза ранен, а все еще идет на риск,— восторженно сказал телефонист.

Звонарев поднялся во внутренний дворик. Здесь было гораздо светлее, так как прожекторные лучи непосредственно падали сюда. Артиллерийский огонь совсем прекратился — японцы боялись попасть в свои штурмующие части. Справа и слева от форта шла довольно сильная

артиллерийская дуэль между осадными и крепостными батареями.

Прапорщик тревожно прислушивался к шуму боя. Изо рвов доносились ружейные выстрелы, взрывы, крики сотен людей.

В таком неопределенном положении прошло с полчаса. Наконец прибежал стрелок с сообщением о прибытии подкрепления — роты моряков и полуроты стрелков с двумя пулеметами. Свежие части тотчас же были направлены в бой.

Несмотря на сильную контратаку, японцев полностью выбить из форта все же не удалось; они задержались во рву примерно на тех же позициях, что и раньше.

Уже светало, когда бой закончился и офицеры собрались в своем каземате. Трижды раненный за ночь Фролов полулежал на своей койке и, превозмогая слабость и боль, продолжал распоряжаться. Обожженный Звонарев излагал свои соображения о дальнейшей обороне рвов.

Витгефт, у которого сильно болело раненое плечо, молчаливо прохаживался по узкому пространству между столом и походными кроватями. Только прибывший с подкреплениями лейтенант Морозов был вполне цел и невредим.

— Вас, Сергей Владимирович, я все же выпровожу отсюда,— решил Фролов.— Вы обойдете крепостные батареи, с которых видны японцы, засевшие во рву, и дадите артиллеристам указания о стрельбе. Дня через два, когда подживет ваша физиономия, надеюсь, вы вернетесь ко мне.

Прапорщик не замедлил покинуть многострадальный форт. Усталый после тревожной бессонной ночи, мучимый ожогами, он все время шел, укрываясь Китайской стенкой, и неожиданно для самого себя оказался у батареи литеры Б вместо Большого Орлиного Гнезда, куда собирался попасть.

— Что с тобой случилось, дружище? — приветствовал его Борейко.— Неужели тебя так отделала твоя амазонка?

Звонарев рассказал о приключениях на форту.

— Так-с! Сейчас пойдем и подумаем вместе, чем можно помочь Фролову,— ответил поручик.

Офицеры вышли из каземата. С батареи были видны лишь подступы к форту, но не рвы.

— Кроме Большого Орлиного Гнезда, японцев ниоткуда не увидишь,— решил Борейко,— но на нем пушек

давно уже нет. Ближайшая к ней батарея — Малое Орлиное Гнездо. С нее и надо обстреливать японцев, поместив наблюдателя на вершине Большого Гнезда. Я сейчас пошлю туда записку с нарочным. Тебя же тем временем перебинтует покрасивее Мельников, а то, не ровен час, увидит Варя и даст тебе полную отставку.

— Между нами и так все кончено.

— Что же у вас произошло?

Звонарев замялся.

— Ты встретился с Акинфиевой, а свирепая амазонка приревновала? — догадался поручик.

— Около того...— И прапорщик рассказал про свои горести.

— Не одобряю,— неожиданно серьезно проговорил Борейко.— Люблю Варю, целую Надю, думаю о Лоле! Это, брат, не любовь, а свинство! Выбери себе одну женщину и на других уж не смотри!

Борейко был хмур и серьезен.

Звонарев с удивлением смотрел на своего друга, которого неожиданно увидел с новой, еще незнакомой ему стороны. Приход Мельникова с бинтами прервал этот разговор. Началась мучительная процедура перевязки. Ожоги были несильные, но охватили большую часть лица.

— Через неделю все заживет,— утешал фельдшер.— Красивше прежнего будете, вашбродь!

Утомленный прапорщик прилег на походную кровать и тотчас заснул. Борейко приказал его не тревожить и сам отправился на Орлиное Гнездо, чтобы наладить обстрел японцев у форта номер два.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Звонарев провел несколько дней на батарее литеры Б, помогая Борейко. Хотя батарея и мало подходила для отдыха, но идти в город прапорщику не хотелось, а на Залитерной сидел Чиж, одно присутствие которого раздражало его. Прапорщик занялся производством ручных бомбочек. В крайнем каземате была организована лаборатория по их изготовлению. Они делались просто: пироксилином набивали стреляные гильзы тридцатисеми-

 и сорокасемимиллиметровых патронов, вставляли не-

большой кусок запального шнура, и бомбочка была готова.

За старшего в лаборатории орудовал Блохин. Он не отставал от прапорщика ни на шаг, оказывая ему большую помощь во всех его начинаниях.

Столовались офицеры вместе с солдатами из котла. Благодаря заготовленным припасам питание на батареях литеры Б и Залитерной было сносное, но все же Звонарев со вздохом вспоминал Варины обеды, которых был теперь лишен. Из гордости он не хотел напоминать Варе о себе, а девушка, видимо, всерьез решила порвать с ним. Борейко по-братски делился с прапорщиком.

В один из вечеров на батарее появилась Харитина. С ней пришел и Вася. Мальчик имел весьма солидный вид в длинной до пят японской шинели, в старой генеральской фуражке, с повязкой Красного Креста на рукаве.

Увидев Звонарева, он не узнал его и недоверчиво покосился.

— Здравствуй, Вася! — приветствовал мальчика прапорщик.

— Так это вы, Сергей Владимирович? — даже взвизгнул от радости Вася.— Тетя Варя уже который день ищут вас, и в штабе были, и в Пушкинской школе. То-то они обрадуются!

— Не смей ей и заикаться, что я здесь,— предупредил Звонарев,— я завтра буду в другом месте.

— Ты не слушай его, хлопчик,— вмешался Борейко,— тете Варе скажи, что мы с Сереженькой совсем умираем с голоду без ее обедов. А если прапорщика здесь и не будет, то я всегда тут. Мигом проглочу все.

— Как же вы чужое возьмете? Тетя Варя завсегда наказывает мне, как я иду с судками, чтобы вам не давал,— сожрет, грит, все этот Ведмедь, а Сереже ничего и не достанется,— не унимался Вася.

Звонарев хохотал во все горло, а Борейко, скорчив страшную физиономию, свирепо прорычал:

— Я те пропишу такого Ведмедя, что ты забудешь, как себя самого звать.

Мальчик весело запрыгал на месте.

— Пиши, Сережа, покаянное письмо своей амазонке, авось завтра поедим досыта,— предложил Борейко.

Прапорщик написал несколько теплых слов и просил не присылать ему обедов, так как он каждый день будет находиться в разных местах.

Получив записку, мальчик с деловым видом спрятал

ее в фуражку и собрался уходить, но его задержала Харитина.

— К вам я, Борис Дмитриевич,— обратилась она к Борейко,— явите божескую милость, защитите от супостата. Проходу мне не дает — пристает с неприличностями. Придирается к мужу ни за что ни про что, ставит под винтовку, да еще впереди наблюдательного пункта, японцам на расстрел. Вчерась на Егорушке полу шинели прострелили, нонче, может, и вовсе убьют...

— Что же я с Чижом поделать могу? Чином он меня старше, слушать не станет. Сходи к генералу Белому, а лучше к Варе, расскажи ей, она сообщит отцу,— посоветовал поручик.

— Пока генерал возьмутся за это дело, так штабс-капитан всех солдат на Залитерной переведут.

— Сходил бы ты, Сережа, туда, попробовал уговорить эту сволочь!..

— Со мной Чиж и разговаривать не станет. Он меня не переносит.

— Вы бы, Сергей Владимирович, будто ненароком, по другому делу зашли на наблюдательный пункт. Штабс-капитан провинившихся ставят под винтовку впереди пункта, а сами сидят в броневой башне и смотрют. Чисто аспид, а не человек,— с чувством проговорила Харитина.

Звонарев обещал на следующий же день побывать на Залитерной.

— Не сносить Чижу головы,— заметил Борейко, когда Харитина и Вася вышли.— Убьют его солдаты.

На следующий день прапорщик отправился на Залитерную. Подойдя к батарее, Звонарев увидел трех солдат, стоявших под винтовкой, в их числе Ярцева и Зайца. Перед ними расхаживал Чиж.

— Я вас, сволочей, научу, как служить! Сгною под винтовкой, распустились, мерзавцы! — бесновался он, поднося кулаки к лицам солдат.

По команде солдаты повернулись и пошли по направлению к наблюдательному пункту, расположенному на вершине Залитерной горы.

— Станете в ста шагах впереди пункта! — крикнул им вдогонку Чиж.— Здравствуйте, Сергей Владимирович! — приветливо обратился он к прапорщику.— Какие новости?

— По-видимому, начинается новый штурм крепости. Поэтому рекомендуется солдат далеко от батареи не усылать. Не ровен час, прорвутся японцы на Залитер-

ную, как в августе. Тогда каждый человек будет на счету,— ответил Звонарев.

— Зачем изволили пожаловать на Залитерную? — поинтересовался Чиж.— Я тут совсем пропадаю от холода и сырости в обществе тридцати вшивых канониров и одной грязной солдатской шлюхи. Быть может, вы не откажете замолвить за меня словечко перед его превосходительством, вашим будущим тестем?

— Я не собираюсь стать родственником Белого,— сухо ответил прапорщик.

— Что же вы скромничаете, Сергей Владимирович! Все в Артуре говорят о вашей свадьбе с мадемуазель Белой.

В это время с горы показались артиллеристы с раненым на руках.

— Никак, кого-то убило. Уже не моего ли Егорушку? — вскрикнула вышедшая из кухни Харитина и бросилась им навстречу.

Прапорщик поспешил за ней. Раненым оказался Заяц. Пуля ударила ему в бедро, как только он стал под ружье на указанное штабс-капитаном место. Артельщик был без сознания. Из наскоро перевязанной раны падали на землю густые капли крови. Звонарев пощупал чуть заметный пульс и велел отнести раненого в офицерский блиндаж. Но Чиж решительно воспротивился этому.

— Наполовину представляется, жидовская морда! — брюзжал он.— Ему и на кухне хорошо, а вы — марш обратно на место! — обернулся он к Ярцеву и другому солдату.

— Казните нас здесь, вашбродь, а под расстрел мы не пойдем,— угрюмо ответил Ярцев.

— Что? — взвизгнул штабс-капитан.— Да я тебя изувечу! — И он с кулаками бросился на солдата.

Не помня себя от возмущения, Звонарев бросился вперед и стал между Ярцевым и Чижом.

— Как вы смеете, прапорщик, мешать мне, когда я наказываю солдата! — заорал Чиж.

— Мордобой не предусмотрен в числе дисциплинарных взысканий,— едва сдерживая себя, проговорил Звонарев.— Кроме того, подобное обращение с солдатами недостойно культурного человека.

— Молчать! Прочь с дороги! — Штабс-капитан вновь ринулся к Ярцеву, но Звонарев его не допустил, схватив за руку.

Чиж рывком освободил руку и, выхватив револьвер,

направил его на прапорщика. Ярцев изо всей силы ударил штабс-капитана по руке. Грохнул выстрел. Пуля пролетела мимо. Тогда с искаженным от ненависти лицом Чиж один за другим два раза выстрелил в живот Ярцеву. Солдат со стоном повалился на землю. В то же мгновение Харитина кинулась на штабс-капитана и, схватив за горло, опрокинула его на землю.

Сбежавшиеся на выстрелы солдаты отнесли в блиндаж смертельно раненного сказочника и с трудом оттащили молодую женщину от избитого, исцарапанного Чижа.

— Подать мне винтовку,— прохрипел Чиж,— я должен кровью этой шлюхи смыть нанесенное мне оскорбление.

— Вы арестованы, господин штабс-капитан,— заявил Звонарев.— Отвести его благородие в блиндаж и выставить к дверям часового,— распорядился прапорщик.

Чиж пытался сопротивляться, но двое солдат подхватили его под руки и поволокли в блиндаж.

Звонарев по телефону сообщил о происшествии Борейко и спросил, что ему делать.

— Японцы готовятся штурмовать форты и батареи. Принимай командование на Залитерной, а потом донеси обо всем Белому. Присмотри, чтобы Чижик не вздумал улететь, а то солдаты бросятся за ним и растерзают его на части.

— Я сам готов немедленно прикончить его.

— Самосуда не допускать! — предупредил Борейко.

Звонарев зашел в блиндаж к раненым. Заяц пришел в себя и тихонько стонал. Ярцев был в агонии. Харитина тихо плакала над ним.

— Неужто штабс-капитану ничего не будет за сегодняшнее смертоубийство? — чуть слышно спросил артельщик, узнав Звонарева.

— Что бы там ни было, а от меня он не уйдет — своими руками смертью казню душегуба проклятого! — крикнула Харитина.— А потом опять в стрелки пойду...

Грохот орудий заставил Звонарева поспешить на командный пункт.

Затрещал, телефон, из штаба фронта передали приказание поддержать огнем Куропаткинский люнет.

Первые же снаряды, пущенные с Залитерной, легли очень удачно. Штурмующие колонны японцев залегли, а затем начали откатываться назад.

Соседние батареи присоединились к Залитерной, и японцы в беспорядке побежали. Русская артиллерия

преследовала их своим огнем. К трем часам дня штурм на всем участке был отбит.

Воспользовавшись затишьем, прапорщик прошел на батарею. Уже издали были слышны плач и причитания Харитины. Звонарев понял, что Ярцев скончался. Возле кухни Белоногов с несколькими солдатами на скорую руку сбивали гроб для сказочника. По заведенному обычаю, всех утесовцев, где бы они ни умирали,— на позициях ли, в госпиталях,— хоронили на кладбище около Электрического Утеса, за небольшой скалой, у самого моря. За время осады там выросло несколько десятков небольших солдатских надмогильных крестов.

С батареи литеры Б тоже пришли солдаты проститься с покойным. Пришел и Борейко. Он долго смотрел в лицо Ярцева, затем положил земной поклон.

— Прости, сказочник, если когда ненароком обидел,— с чувством проговорил он.— А с убийцей твоим мы посчитаемся.

Затем он обернулся к Харитине и погладил ее по голове.

— Не кручинься, ты молода, найдешь еще себе человека по сердцу.

Блохин наскоро простился с Ярцевым, но зато долго шептал что-то на ухо Харитине.

Заметив движение на батарее, Чиж потребовал к себе Звонарева. Прапорщик подошел.

— Как старший в чине, я приказываю вам немедленно освободить меня из-под незаконного ареста, иначе я применю силу оружия,— угрожал штабс-капитан.

— В случае малейшего неповиновения часовым вы будете немедленно расстреляны на месте,— ответил Звонарев.

Штабс-капитан растерялся. Мягкий, деликатный, застенчивый прапорщик вдруг заговорил языком Борейко. Даже обычно приветливое, улыбающееся лицо Звонарева теперь было хмуро и непроницаемо.

— Блохин,— позвал Борейко,— на тебя возлагается обязанность сторожить арестованного, пока за ним не пришлют из Управления.

— Слушаюсь, вашбродь! Не извольте беспокоиться, не убегет, разве на тот свет,— хмуро отозвался солдат и, вскинув трофейную японскую винтовку, расположился у входа в блиндаж.

Под вечер начался новый штурм.

Японцы обрушились орудийным огнем на Китайскую стенку и батареи второй линии, к числу которых принад-

лежала и Залитерная. Ежеминутно падали десятки снарядов. Воздух наполнился массой осколков, со свистом летевших во всех направлениях.

Звонарев приказал солдатам спрятаться в блиндажи, а сам продолжал наблюдение. Только с темнотой окончился обстрел, и прапорщик вернулся на батарею. Перед ним встал вопрос: что делать с Чижом? Еще днем он послал донесение в Управление артиллерии, но ответа не было. Штабс-капитан опять вызвал его к себе и справился о своей дальнейшей судьбе. От его прежней заносчивости не осталось и следа. Заискивающим голосом он просил убрать часовых, особенно Блохина.

— Этот бандит обязательно прирежет меня ночью,— говорил он.— Верните мне хоть оружие для самозащиты.

— По уставу арестованным не полагается иметь при себе оружие. Блохин, смотри в оба,— обернулся к солдату Звонарев.

— Слушаюсь! Пожалуйте в блиндаж, вашбродь.— И он вплотную приставил штык к животу Чижа. Тот отчаянно взвизгнул и отскочил назад.

— Не так стремительно, господин Чиж, а то, не ровен час, споткнетесь и упадете,— иронически заметил прапорщик.

Штабс-капитан со злостью хлопнул дверью.

Звонарев решил на ночь поместиться в одном из солдатских блиндажей. Вскоре вернулись с Утеса солдаты, провожавшие Ярцева в последний путь, с ними пришла и Харитина. Она уже не плакала, но была сурова, молчалива.

— Честь имею явиться! — доложил Звонареву Родионов.

— А, Софрон Тимофеевич! — обрадовался прапорщик.— Что, поправился?

— Так точно, почти все зажило! На Утесе сегодня преставился капитан. Они наполовину заживо сгнили от цинги...

— Царство им небесное. Добрый к солдату был командир, никого зря не обижал,— закрестились солдаты, узнав о смерти Жуковского.

— Отчего это хорошие люди умирают, а такая вредная для солдата птица, как наш Чижик, живет да еще других людей убивает? — задумчиво проговорил Юркин.

— Дай срок, и ему башку открутим! — отозвался Блохин.

Прапорщик по телефону сообщил Борейко о кончине Жуковского. Поручик тяжко вздохнул.

— Всем хорош был покойник, да больно мягок со всякой сволочью, вроде Чижа,— проговорил он.

Совсем уже поздно прибыл ординарец из Управления артиллерии с приказом направить Чижа в распоряжение Белого.

Штабс-капитан прежде всего потребовал возвращения себе оружия и хотел расправиться с Харитиной, но она уже ушла с батареи. Тронуть же солдат Чиж не решился и, не прощаясь с Звонаревым, пошел пешком в город.

Ночь выдалась темная, туманная. Чиж не заметил, как за ним неотступно двигались две тени. Когда он проходил по глухому, пустынному району около Пресного озера, перед ним неожиданно появились двое. Штабс-капитан принял их за ночной патруль и крикнул:

— Штабс-капитан Чиж идет по делам службы в Управление артиллерии.

— Молись богу, вашбродь, смерть твоя пришла,— прозвучал грудной голос Харитины, переодетой уже в солдатскую одежду.

— Да как ты, сволочь, смеешь! — выхватил Чиж из кармана наган.

Но в то же мгновение другой солдат сбил его с ног ударом приклада.

Офицер ткнулся лицом в грязь и заверещал:

— Братцы, пощадите!..

Харитина, деловито нацелившись, всадила штык под левую лопатку Чижа. Короткий стон, хрип, и все было кончено.

Труп оттащили в ближайшую воронку. Блохин положил ему на грудь бомбочку и поджег фитиль.

— Теперь тикаем, Харитина.— И они исчезли в ночном мраке. Через мгновение раздался глухой взрыв.

Наутро патруль обнаружил труп неизвестного офицера, у которого была снесена голова и верхняя часть туловища.

Следствием установили его личность и определили, что он погиб от случайного снаряда.

Ночью Звонарев получил приказ срочно прибыть в штаб генерала Горбатовского. Прапорщик нехотя встал с постели и, выйдя из блиндажа, позвал старшего фейерверкера Родионова.

— Я отправляюсь в штаб. Ты останешься старшим на батарее,— распорядился он.— Утром доложи об этом поручику Борейко.

Стояла мутная ноябрьская ночь. Шел мокрый снег. Изредка срывался ветер. По дороге уныло тянулись тем-

ные силуэты солдат, матросов, повозок. После почти часового путешествия пешком Звонарев наконец попал в штаб. Там он застал капитана Степанова с воспаленными от бессонницы глазами, бегающего от одного телефона к другому. Тут же находился окончательно поглупевший от переутомления генерал Горбатовский.

— На форту номер три ранены Булганов и Соломонов и большие потери в людях. Туда двинуты «баянцы» во главе с лейтенантом Саймановым. Отправляйтесь немедленно и примите на себя командование всей артиллерией форта. Японцы в настоящий момент лезут на бруствер, им удалось захватить капонир, и, кроме того, они засели во рву,— дал указание Степанов.

Прапорщик попросил разрешения взять с собой на форт своих солдат. Капитан охотно согласился, и Звонарев тут же отправил записку Борейко с просьбой прислать Блохина, Юркина и Лебедкина.

Спотыкаясь в темноте на каждом шагу, прапорщик только к рассвету добрался до места назначения. Занималось туманное, серое утро. Окрестные горы сливались с небом. Продолжал идти мокрый снег.

На форту прапорщика встретили матросы и проводили его к Сайманову.

— Японцы подготовляют взрыв переднего бруствера форта,— взволнованно проговорил лейтенант.— Слышны стук и возня во рву. Боюсь, что взрыв может произойти каждую минуту, и не знаю, что мне предпринять.

— Отводи солдат в казармы и к горжевому рву, а впереди оставь только часовых,— посоветовал Звонарев.

Лейтенант тотчас же отдал необходимые распоряжения. Затем оба офицера прошли во внутренний дворик форта. С помощью стрелков и матросов артиллеристы сделали бруствер из мешков, наполненных землей. Здесь же установили три полевых пушки, возле них положили картечь и картузы с порохом. За наводчиков около орудий Звонарев поставил подошедших утесовцев. С ними пришла и Харитина в солдатском обмундировании.

— Дозвольте, вашбродь, остаться при вас,— попросила она.

— Вы опять перешли на солдатское положение? — удивился Звонарев.

— После смерти Егорушки мне жизнь совсем опостылела. Я решила вернуться на позиции, только теперь артиллеристом, а не стрелком,

 Матросы также обратили внимание на Харитину.

Кое-кто даже попытался поухаживать за ней, но, получив решительный отпор, незадачливые кавалеры поспешили ретироваться.

— С огоньком,— улыбнулся Сойманов, издали наблюдая за Харитиной.

Наступило утро. Холодное ноябрьское солнце осветило окрестности Артура.

Звонарев каждые четверть часа ходил в потерну, ведущую в передний капонир, и там прислушивался к стуку, доносившемуся из подземного коридора. Двое часовых зорко следили за происходившим во рву.

— Японец дюже торопится. Вот-вот взорвет мину,— тревожно докладывали они прапорщику, но продолжали оставаться на своих местах.

Около трех часов дня стук прекратился. Звонарев понял, что момент взрыва приближается. Он отвел всех солдат к тыловой казарме, велел зарядить орудия. Сам стал за наводчика у правой пушки.

— Стрелять только тогда, когда японцы взберутся на бруствер,— предупредил прапорщик Блохина, Юркина и Лебедкина.

Прошло несколько томительных минут. Звонарев уже начал думать, что он ошибся, ожидая немедленного взрыва, как вдруг земля вздрогнула, передний бруствер чуть колыхнулся и сразу глубоко осел. В то же время из переднего рва поднялось густое облако темно-сизого дыма. Стало очевидно, что вследствие слабой забивки камуфлет прорвался в ров и вызвал лишь частичное оседание бруствера.

Вслед за взрывом раздались крики «банзай», и японцы ринулись на штурм. На переднем бруствере сначала показались два офицера, которые обнаженными шашками указывали путь своим солдатам.

— Не торопись стрелять,— еще раз напомнил прапорщик.

Блохин ерзал от нетерпения на месте, его лицо разгорелось от возбуждения. В правой руке он держал вытянутый шнур, в левой — свою трофейную винтовку. У Юркина постукивали зубы, и он беспокойно вертел головой то в сторону прапорщика, то в сторону японцев.

Между тем с каждой секундой на бруствере появлялось все больше японцев. Вскоре они заполнили весь передний вал. Офицеры взмахнули саблями, и несколько сот человек со штыками наперевес ринулись внутрь форта.

— Пли! — скомандовал Звонарев.

Картечь с визгом врезалась в густые ряды наступающих, все сметая на своем пути. Когда дым рассеялся, артиллеристы увидели перед собой десятка полтора японских солдат. Остальные усеяли своими телами всю переднюю часть дворика. Дружным залпом моряки добили уцелевших.

Артиллеристы снова зарядили орудия. Не прошло и пяти минут, как новая волна штурмующих нахлынула на форт, но и она была сметена картечью. Огромные потери, понесенные японцами, их все же не смутили. Через несколько минут во рву раздались воинственные звуки горна, слившиеся с оглушительными криками «банзай», и третья, еще более многочисленная колонна кинулась во внутренний дворик. Ни картечь, ни ружейные залпы не смогли уничтожить всех японцев. Вокруг орудий завязалась рукопашная схватка. Звонарев с кучкой артиллеристов отбивался от наседавшего врага. Харитина очутилась рядом с прапорщиком, она с яростью орудовала штыком и приколола несколько человек. Блохин схватился врукопашную с японским офицером, опрокинул его на землю, пытаясь задушить, но тут на него налетел солдат, и, не ударь его Звонарев штыком, смерть Блохина была бы неизбежной.

Подошедшие стрелки опрокинули японцев и отбросили их. Вместе с моряками, на плечах японцев, они ворвались в ров и перекололи почти всех отступающих.

Наступили ранние зимние сумерки. Артиллеристы со стрелками принялись за уборку множества трупов, лежавших на дворике и брустверах. Убитых сбрасывали в левый ров, где их складывали, как дрова, штабелями, чтобы они не мешали обстрелу.

Харитина принесла Звонареву банку консервов, галеты и бутылку коньяку.

— Наши все целы? — справился у нее прапорщик.

— Все, только Блохину японец чуть нос не откусил. И так был некрасив, а тут и вовсе на черта стал бы похож,— улыбнулась она.

Вскоре появился Блохин с перевязанной физиономией, но в сильно приподнятом настроении.

— Я, вашбродь, решил сегодня попробовать сходить в разведку! Не знаю, что из этого выйдет,— проговорил солдат.

— Только не в эту ночь. Мы будем заняты исправлением повреждений на форту,— предупредил его Звонарев.

Вечером на форт прибыл водовоз со своей сорокаве-

дерной бочкой, запряженной парой мулов. Вместе с ним появился Вася с неизменными судками.

— Кто тебе позволил прийти сюда? — набросился на него прапорщик.— Узнает об этом тетя Варя, попадет тебе от нее.

— Я вас шукал на «литербе». Ведмедь хотел было весь обед отобрать, да я не дал. Насилу узнал, где вы.

— Записка от тети Вари есть?

— Нет.— И Вася хитренько улыбнулся.— Пусть, грит, он думает, что я еще сердюсь. А как прочитали ваше письмо, так аж запрыгали на месте и сейчас меня послали до генеральши Стесселевой купить курицу. Но я ее и так достал,— опять хитро сощурился мальчик.

— То есть как? Украл, что ли?

— На удочку поймал.

— Какую удочку?

— Абнакновенную, што рыбу ловлють. Крючок с леской, только без удилища. Куры-то ходят по двору за забором. Я их подзову и кидаю крючок с хлебом. Они начинают клевать, а я их тут подсекаю, дергаю за леску. Смотришь, крючком и зацепило какую-нибудь. Тащу через забор, она, конешно, верещит. Тут я ей голову сворачиваю, да и дёру,— неторопливо рассказывал Вася.

— Дознается тетя Варя, по головке тебя не погладит за такие художества,— неодобрительно покачал головой прапорщик.

— А вы ей не сказывайте.

Все же суп из курицы пришелся Звонареву по вкусу, равно как и куриные котлетки. Харитина наградила Васю несколькими банками консервов, найденными у японцев.

— Ты скажи барышне Варе, чтобы она за Сергея Владимировича не беспокоилась. Нас японец кормит,— улыбнулась она.

Вася попросил оставить его на форту до утра.

— Хочу поближе посмотреть на японца, какой он с виду.

— Во рву не одна сотня дохлых валяется, можешь и сейчас на них полюбоваться,— ответила Харитина.— Да и не место здесь малому дитю. Подрастешь, тогда и сам пойдешь на войну, всего насмотришься.

Огорченный мальчик вместе с водовозом отправился в обратный путь. Как особую драгоценность, он нес японскую фляжку и перочинный ножик с несколькими лезвиями.

Ночь на форту прошла спокойно. Перед рассветом

Звонарев отправился в обход постов. На гласисе японцы рыли новую траншею, а в десятке шагов от них русские из мешков с землей выкладывали бруствер. Изрядно морозило. Солдаты согревали дыханием руки и топали ногами.

Днем японцы произвели еще две вялых атаки на форт, которые легко были отбиты. Так же безуспешны были их попытки овладеть фортом номер два и укреплением номер три. Понеся большие потери, осадная армия вернулась в исходное положение.

Прибывший на форт номер три новый комендант капитан Усенко, немолодой уже человек с длиннейшими запорожскими усами, неторопливо обошел укрепления, познакомился с солдатами и решил с наступлением темноты произвести вылазку с целью узнать, что делается у японцев.

Приехавший позже капитан Степанов нашел, что достаточно послать в разведку двух-трех солдат, а не целый взвод, как предполагал Усенко.

— Поскольку прапорщик Звонарев лучше остальных офицеров знаком с расположением и обороной форта, то он и назначается мною временным комендантом его. Капитан же Усенко будет его непосредственным помощником и заместителем,— распорядился Степанов.

Капитан поморщился, но возражать не посмел. Сойманов дружески похлопал прапорщика по плечу.

— Ты делаешь карьеру не по дням, а по часам, дорогой Сережа. Этак к концу осады ты окажешься по меньшей мере комендантом крепости, если не заместишь самого Стесселя!

Вечером Звонарев вызвал охотников из числа стрелков и матросов, но желающих не оказалось. Тогда вышли вперед Блохин, Юркин и Харитина.

— Мы охочи, вашбродь, с японцами поиграть в кошки-мышки,— осклабился Блохин.

Прапорщик хотел было отговорить Харитину от намерения идти в разведку, но она решительно настаивала на своем.

Уже за полночь трое разведчиков вышли из тылового рва и поползли в сторону японцев. Звонарев с десятком стрелков и матросов взобрался на наружный скат правого рва. Наблюдая за движением разведчиков, он ежеминутно готов был подать им помощь. Сначала все было тихо, раздавались только ружейные выстрелы. Затем у японцев тявкнула собака, за ней другая.

 — Почуяли, сволочи! — забеспокоились стрелки.

Но лай вскоре прекратился. Прошло несколько томительных минут. Вдруг справа раздался грохот взрыва, отдельные вскрики и вспыхнула сильная ружейная перестрелка.

«Влопались»,— мелькнуло в голове Звонарева.

— Смотри теперь, ребята, в оба, где наши! — крикнул он солдатам.

Стрелки и без напоминания старательно вглядывались в окружающую темноту. На фоне мутного неба промелькнула тень, и тотчас же показался запыхавшийся Блохин.

— Харитину ранило, упала недалеко, подсобите ее вынести,— прохрипел он, едва переводя дух.

Разорванный рукав шинели Блохина постепенно темнел.

— Тебя что — ранило? — спросил Звонарев.

— Не извольте беспокоиться, вашбродь, зацепило малость. Харитину бы вот вытащить...

Пули свистели в воздухе, громко щелкая при ударе о мерзлую землю. Солдаты замялись.

— Переждать надо, вашбродь, пока японец малость поуспокоится,— заметил кто-то из них.

— Пойдем со мной, Блоха,— неожиданно предложил Звонарев и выскочил из-за укрытия.

Блохин мгновенно оказался рядом с ним.

Пробежав шагов двадцать, солдат приостановился.

— Где-то тут, в темноте не разберешь. Харитина, отзовись! — вполголоса позвал он.

Ружейная трескотня заглушила его голос. Прапорщик опустился на землю и стал ощупью шарить вокруг себя. Немного в стороне он вскоре наткнулся на что-то.

— Харитина, это вы? — тихо спросил он.

В ответ послышался слабый стон. Звонарев подхватил молодую женщину на руки и побежал по направлению рва. Но не успел он сделать и десяти шагов, как что-то сильно ударило его по ногам, и он упал, выронив свою ношу. Харитина громко охнула и смолкла. Прапорщик попытался было встать, но с удивлением почувствовал, что ноги его не слушаются. Тогда он ощупал их и тотчас же почувствовал на ладони горячую липкую жидкость.

«Ранен»,— мелькнула мысль, и он сразу ослабел

— Харитина! — чуть слышно позвал он, но не получил ответа.

Собрав последние силы, Звонарев пополз к форту. Вскоре он свалился в глубокую воронку от снаряда.

Варя кипятила инструменты в операционной, когда перед ней неожиданно вырос запыхавшийся Вася. Он был в шинели, фуражке и грязных сапогах.

— Как ты смеешь в таком виде входить сюда! — набросилась на него девушка.

— Тетя Варя, они пропали! — только мог ответить мальчик.

— Кто, где?

— Сергей Владимирович! Пошли ночью в разведку с тетей Харитиной. Тетю-то убило, а они пропали, не нашли их.

Варя выронила банку из рук и опустилась на табуретку.

— Когда это случилось? — глухо спросила она.

— Этой ночью. Я был в штабе, смотрю: лежит тетя Харитина, совсем мертвая, лицо в крови, а рядом солдаты о ней горюют. А я и спросил о Сергее Владимировиче. Они и говорят — пропал он безо всякой вести. Не то убит, не то японец к себе уволок.

Варя побежала к главному врачу госпиталя и попросила разрешения уйти с работы.

— Мы вас, мадемуазель, никогда не неволим — ведь вы работаете добровольно. Но что случилось, на вас лица нет!

— Погиб близкий мне человек...

— Неужели этот розовощекий, веселый прапорщик?! Как жаль беднягу,— начал было Протопопов... Варя разразилась громкими рыданиями и торопливо ушла.

— Пойдем сейчас же со мной в штаб,— позвала она Васю.

Через минуту они шлепали по мокрой дороге, направляясь к фортам.

— Господин капитан, скажите, ради бога, где Звонарев? — не здороваясь, обратилась Варя к Степанову, когда они добрались до штаба Восточного фронта.

— К величайшему сожалению, мадемуазель, ничего не могу вам ответить на этот вопрос. Известно только, что прапорщик был ночью ранен и остался между окопами. Утром его на поле не обнаружили. Вероятнее всего, он попал в плен к японцам.

— Я хочу лично отправиться на поиски Звонарева. В меня-то, женщину, представительницу Красного Креста, японцы стрелять не станут.

— Они не позволяют подбирать раненых и всегда обстреливают наших санитаров из ружей и пулеметов.

 — Но ведь это варварство!

Степанов пожал плечами.

Варя позвонила по телефону Борейко.

— Наш Сереженька пропал без вести,— сообщила она.

— Только для вас или на самом деле? — попытался пошутить поручик.

— Он не вернулся из ночной разведки...

— Надо немедленно принять меры к его розыску,— забеспокоился Борейко.— Я сейчас пришлю к вам Родионова с несколькими солдатами. А где же Блохин, как это он не усмотрел за своим офицером? Кроме того, ведь там была и Харитина.

— Ее уже нет в живых. Спасая ее, Сережа и погиб.

Варя не могла спокойно сидеть на месте и в ожидании Родионова решила взобраться на Скалистый кряж, чтобы осмотреть окрестности форта в бинокль.

— Там далеко не безопасно,— предупредил ее Степанов.

Но девушка только досадливо махнула рукой. Вася не замедлил присоединиться к ней.

— Тетю Харитину уже схоронили в общей могиле с солдатами,— сообщил он и всхлипнул.

Варя ласково погладила его по голове и прижала к себе.

— Осиротели мы с тобой, мой мальчик,— проговорила она, утирая слезы.

Со Скалистого кряжа форт номер три и его окрестности были видны как на ладони. Вся земля вокруг была изрыта тысячами больших и малых воронок. Между ними лежали трупы русских и японцев. Но как ни вглядывалась Варя, среди них не было ни одной светло-серой офицерской шинели. Девушка со вздохом опустила бинокль. Вася тоже тщетно искал Звонарева. Над их головами то и дело с визгом пролетали снаряды. Иногда поблизости вздымался черный столб дыма, но ни Варя, ни мальчик не обращали на это внимания.

Опечаленные, они вернулись обратно в штаб. Вскоре подошли утесовцы — Родионов, Кошелев, Белоногов, Жиганов, Смекалов, Братовский.

— Не кручиньтесь, барышня,— утешал Варю фейерверкер.— Не может того быть, чтобы мы своего прапорщика не нашли. На дне морском и то сыщем. Только бы его японец к себе не уволок.

Вместе с артиллеристами Варя отправилась на форт номер три. Там их встретил уже предупрежденный штабом Сойманов и повел девушку в офицерское помещение.

Усенко, узнавший от лейтенанта, кто такая Варя, старался по мере возможности быть любезным и предупредительным.

— Где Блохин и Юркин? — прежде всего спросила девушка.

— Мы здесь, барышня! — Юркин и Блохин, уже успевший оправиться от легкой раны, остановились перед ней.

Варя заставила их рассказать об обстоятельствах исчезновения Звонарева.

— Что же предполагаете предпринять дальше? — спросила она у офицера.

— Как стемнеет, вышлем усиленную разведку и под ее прикрытием обыщем весь район, где нашли труп Харитины. Прапорщик должен быть поблизости от этого места.

Уговорились, что моряки со стрелками будут прикрывать утесовцев, которые взялись обыскать весь участок, где можно было предположить присутствие Звонарева.

Как Варю ни отговаривали, она все же поднялась на внутренний дворик форта и попыталась с бруствера осмотреть местность. Но японцы быстро заметили ее и открыли огонь из ружей. Сойманов почти насильно увел девушку в казарму.

Родионов с утесовцами, собравшись в углу, обсуждали подробности предстоящей ночной разведки.

К вечеру на форт пришел Борейко.

— Отпросился у начальства в город на отдых, а сам решил поискать Сережу,— объявил он, здороваясь с Сойmановым и Варей.

Затем поручик отправился осматривать форт.

— Здесь надо подправить бруствер, в передних углах дворика установить противоштурмовые пушки для обстрела рвов, в тыловом рву разместить пулеметы и скорострельные орудия,— делал он указания стрелкам и матросам.

— Комендантом форта ведь состоит капитан Усенко, а не ты. Он будет на тебя в претензии за твое самоуправство,— предупредил поручика Сойманов.

— В таком случае можешь передать ему от меня, что он глупец. Коль своего ума не хватает, так попроси у других.

Ни стрелки, ни моряки не знали, кто такой этот большой и решительный поручик, зачем он явился на форт, но все стремительно бросились исполнять отданные им распоряжения.

— Откуда такой? — спросили они у артиллеристов.

— Прапорщиков дружок, наш Ведмедь,— с гордостью ответил Блохин.— Самый башковитый офицер в Артуре и водку хлещет, как воду.

— Ишь ты! А как насчет солдатской морды?

— Не обижаемся. Без дела в рыло не дает.

Обойдя форт, Борейко в сопровождении Блохина и Родионова отправился на расположенную сзади Прожекторную горку и отсюда осмотрел то место, где предположительно мог находиться Звонарев.

— На поиски пошлем три группы. Одна пойдет прямо вперед, другая левее, а третья — вправо. За старшего поставим Блохина, Белоногова и Лебедкина. Ты, Софрон, останешься со мной,— распределил роли поручик, вернувшись на форт.

— Я тоже хочу отправиться на поиски,— заикнулась было Варя.

— Попробуйте только, запру в пороховом погребе, а затем прикажу совсем увести с форта,— пригрозил Борейко.

— Вы не имеете права...— начала было Варя.

— Я буду действовать без всяких прав, но мешать нам не позволю,— внушительно говорил поручик.

Варя хотела было ответить дерзостью, но Борейко уже повернулся к ней спиной и продолжал разговаривать с солдатами.

Вася, вертевшийся тут же, только таращил глаза от удивления. Никто еще так дерзко не обращался с его повелительницей, и она все это молчаливо сносила.

— Приготовьте лучше носилки и перевязочные средства для Сережи,— обернулся Борейко к обиженной девушке.— Они ему, наверно, пригодятся.

Около девяти часов вечера поручик разрешил начать поиски. Сам он расположился в правом рву. Тут же с носилками поместилась и Варя. Она то и дело поднималась наверх, стараясь что-нибудь увидеть в окружающей темноте.

Стояла безлунная, чуть морозная ночь. Временами налетал густой туман. У японцев было тихо. Только изредка тявкали их сторожевые собаки. Время тянулось томительно долго. Борейко начал сердито посапывать носом, Сойманов нервно курил папиросу за папиросой. Один Усенко, также пришедший в ров, лениво позевывал.

Наконец вернулась первая партия солдат.

— Своими руками обшарил все ямки и воронки, нигде прапорщика нет,— сокрушенно доложил Лебедкин.

— Передохнете и пойдете еще раз,— распорядился поручик.

Вскоре также ни с чем вернулся Белоногов.

Вертевшийся около своей «тети» Вася, наскучив бездеятельностью, взобрался на наружную стенку рва. Перед ним в темноте чуть проступали колья проволочного заграждения, за которыми тянулись японские траншеи. Мальчик с сильно бьющимся от волнения сердцем осторожно пополз вперед. Он боялся японской пули и гнева своей свирепой повелительницы, но все же потихоньку двигался. Он легко прополз под проволокой, обогнул колья и камни и оказался за линией проволочных заграждений. Перед каждой ямой или воронкой мальчик задерживался, тихонько окликал Звонарева и шарил руками. Незаметно для себя он отполз настолько далеко, что бруствер форта стал чуть заметен в ночной темноте. Где-то вблизи тявкнули собаки в японских траншеях. Вспомнив о них, Вася испугался, решил поскорее возвращаться назад, но сбился с прежнего направления и пополз напрямик.

Неожиданно он оказался перед большой глубокой воронкой.

— Сергей Владимирович,— тихонько окликнул он больше для очистки совести.

— Я,— вдруг отозвался слабый голос.— Это кто, Блохин?

— Нет. Это я — Вася. Тетя Варя с Ведмедем вас шукают и никак не могут найти. Ползите за мной, тут недалече.

Звонарев пошевелился и громко застонал.

— Не могу. У меня ранены обе ноги. Дай мне напиться...

— Воды нету. Подождите чуток, я мигом доползу до форта и приведу сюда солдат. Только вы о себе голосом подавайте сигнал, а то дюже темно.— И Вася исчез.

Теперь он уже передвигался быстрее, не обращая внимания на острые камни и колючую проволоку. Добравшись до рва, он чуть не кувырком скатился в него, прямо к ногам Вари.

— Да перестань ты шалить, негодный мальчишка! — рассердилась на него девушка.

— Я их нашел, тетя! Они тут недалече, в воронке, живые, только без ног, то есть ходить не могут и пить просют,— без передышки выпалил мальчик.

— О господи, да говори толком! — встряхнула его за плечи Варя.

 Тогда Вася уже подробно рассказал обо всем снача-

ла девушке, а потом Борейко и остальным офицерам. Поручик отнесся с недоверием к его рассказу.

— Ты не брешешь, хлопец? — сурово спросил он.

— Да нет же! Он никогда ничего не выдумывает! Надо скорей послать туда носилки,— вступилась за своего воспитанника Варя.

— Блохин, Белоногов, отправляйтесь с мальцом,— распорядился Борейко.— Он уверяет, что нашел прапорщика.

Там, где легко и свободно пролезал Вася, взрослые солдаты застревали и, тихо ругаясь, должны были двигаться в обход. Еще труднее был обратный путь. Звонарева пришлось нести на руках. При каждом движении он слабо стонал, особенно когда его переносили через проволоку. Шорох привлек внимание японцев, которые открыли ружейный огонь. Последние несколько шагов прапорщика пришлось просто волочить по земле. От боли и потери крови он потерял сознание и, неподвижный, как труп, наконец был доставлен в ров.

Забыв обо всех окружающих, Варя с плачем бросилась к нему.

— Угостите его лучше водочкой, чем слезами,— взял за плечи девушку Борейко.

Прапорщик скоро пришел в себя. Его перенесли в казарму. Здесь при свете лампы стало видно, как он осунулся и похудел за истекшие сутки. Глаза ввалились и лихорадочно горели. На щеках выросла темная щетина. Напоив и накормив Звонарева, Варя приступила к перевязке. Оба сапога были разрезаны и сняты. На обнаженных, страшно распухших ногах зияли кровоточащие раны. Левая нога была лишь слегка задета пулей. Зато в правой виднелась сквозная рана.

— Через месяц будешь танцевать,— подбадривал друга Борейко.— Не правда ли, господин фершал? — обернулся он к Варе.

Более опытная, чем поручик, девушка сразу же заметила красную полоску, идущую вверх под коленом. Она знала, что это грозный признак наступающей гангрены.

— Надо скорее отправить его в госпиталь, так как нужна срочная операция,— произнесла она.

— А Харитина где? — слабым голосом спросил Звонарев.

— В могиле, земля ей пухом. Славная была женщина,— вздохнул Борейко.

— Я ее нес, пока меня не ранило, а потом я потерял сознание,— оправдывался прапорщик.

— И закатился куда-то в сторону, где тебя никто и не думал искать,— пробурчал Борейко.

Когда перевязка была окончена, прапорщика положили на носилки. Утесовцы бережно подняли их, и весь кортеж под командой Борейко двинулся к штабу Горбатовского. Впереди бежал Вася, о котором совсем забыли за хлопотами. Мальчик чувствовал себя героем. Сам дядя Блохин приласкал его и подарил ему настоящий японский штык-тесак. Мальчик гордо привесил его себе к поясу, как саблю.

Варя шла рядом с носилками, ежеминутно наклоняясь к лицу Звонарева. Она была счастлива, и только опасность возможной ампутации правой ноги омрачала ее радужное настроение. Звонарев в те минуты, когда Варина рука касалась его губ, украдкой целовал ее. Девушка делала вид, что не замечает этого, и с удовольствием вновь и вновь подставляла свою руку к лицу прапорщика.

— Поблагодарите за меня Васю. Если бы не он, то я и сейчас валялся бы в грязной воронке,— тихонько проговорил Звонарев.

— Он у нас останется жить до тех пор, пока не вырастет,— решила Варя.— Вы, надеюсь, против этого возражать не будете?

— Конечно, вырастим мальчика, если только я переживу осаду.

Борейко решил проводить своего друга до госпиталя. Варя вместе с Васей пошли вперед, чтобы подготовить место для Звонарева. Борейко все время беспокоился и торопил солдат. Но около Мариинской больницы их неожиданно остановил Вася.

— Тетя Варя велела нести в больницу Красного Креста, а то у них в госпитале нет местов,— сообщил он.

Носилки внесли в вестибюль больницы и поставили на пол. Прапорщик был в полузабытьи и временами бредил.

— Ничего больше от меня не требуется? — обернулся Борейко к подошедшей Варе.— Надеюсь, вы не будете экспериментировать над Сережей? — с недоверием справился он.— Лечите его обычным способом и не выдумывайте новых средств.

— Я думаю, что здоровье Сергея Владимировича и мне дорого,— обиделась Варя.— Я боюсь, как бы ему не пришлось отрезать ногу.

— Передайте тому хирургу, который это сделает, что я тогда отрежу ему не только ногу, но и голову. Им, врачам, только дай потачку — мигом всего исполосуют,—

свирепо проговорил Борейко.— Слез зря не лейте, духом не падайте и докторам ходу не давайте. Завтра зайду.— И он исчез.

Через четверть часа Звонарев лежал на операционном столе. Варя внимательно следила за пульсом. Главный крепостной хирург, Борис Викторович Гюббенет, в белом клеенчатом переднике и белом колпаке, внимательно разглядывал распухшие, сизо-багровые голени Звонарева. Рядом с ним в таком же наряде стоял молодой врач Сергей Романович Миротворцев. Врачи перебрасывались короткими латинскими фразами. Варя с трепетом прислушивалась к ним, силясь понять их смысл.

— Ампутация правой ноги ниже колена неизбежна. С левой можно повременить еще денек,— решил наконец Гюббенет.

— Доктор, миленький, не делайте его калекой! — взмолилась Варя.

— Вы же сестра и поэтому должны понимать, что правая нога уже поражена гангреной. Сегодня мы отнимем только до колена, завтра выше колена, а через день по самое бедро.

— Я умоляю вас, подождите еще хоть день! Если рану хорошенько очистить, быть может, удастся сохранить в целости ногу.

— Я решительно отказываюсь. Быть может, вы согласитесь на это? — проговорил Гюббенет, обращаясь к Миротворцеву.

Миротворцев внимательно осмотрел Звонарева с головы до ног, выслушал сердце, легкие и задумчиво проговорил:

— Общий хабитус прекрасный. Сердце здоровое, упитанность вполне удовлетворительная, никаких даже отдаленных признаков цинги не имеется. Да я его и раньше встречал, юноша — кровь с молоком. Куда ни шло, попробую подождать с ампутацией день-другой. Авось молодой организм справится!..

— Как хотите, как хотите, но я снимаю с себя всякую ответственность,— отозвался Гюббенет.

Врачи начали готовиться к операции.

— Наркоз,— скомандовал Миротворцев.

Операционная сестра — Верочка Гаршина — наложила маску на лицо прапорщика и стала капать хлороформ.

— Ручаетесь, что не закатите истерики, когда начнем резать вашего жениха? — в упор спросил Миротворцев.

— Ручаюсь,— без колебаний ответила Варя.

Операция продолжалась более двух часов. Раны были глубоко вскрыты, очищены от гноя и инородных тел. Затем на них наложили швы, затампонировали и забинтовали. Пот катился с лица Миротворцева, когда он отошел от операционного стола. Гюббенет все время давал ему короткие советы и помогал при операции.

— Мы сделали все возможное, даже невозможное, чтобы избежать ампутации. Теперь все зависит от стойкости его организма,— заверил Гюббенет девушку.

Звонарева поместили в палате в верхнем этаже главного здания больницы Красного Креста. Соседи оказались также артиллеристами-офицерами. Капитан Вахнеев был ранен еще в августе и давно уже поправился, но продолжал отлынивать, лежа в госпитале. Поручик Соломонов два дня тому назад был ранен на том же третьем форту, где и Звонарев. Третьим оказался старый знакомый Звонарева по Цзинджоускому бою, подпоручик Садыков. Его тяжелая рана в голову заживала с большим трудом. К тому же пристрастие к наркотикам, и в частности к опиуму, сильно мешало процессу заживления.

Появление Звонарева в сопровождении Вари внесло свежую струю в однообразную жизнь палаты.

— Нашего полку прибыло,— весело объявил Вахнеев.— Вы, Варя, не горюйте, тут врачи чудеса творят. Недавно капитану Ружицкому отрезали голову, а потом по ошибке пришили чужую, какого-то солдата.

— И представьте, он сразу поумнел,— добавил Соломонов со своей постели.

— Поэтому мы вносим предложение заменить головы и некоторым нашим генералам вроде Стесселя. Авось они станут похрабрее и посмекалистее,— закончил Садыков.

— Последнего, к сожалению, нельзя сказать о тебе, мой друг,— поддел его Соломонов.

Звонарева с большим трудом разбудили от наркотического сна.

— Теперь ему нельзя давать спать,— объявила Варя.

— Не беспокойтесь, у нас покойник проснется, не то что ваш больной,— уверял Вахнеев.

Потянулись длинные, тяжелые дни. Звонарев находился между жизнью и смертью. Температура все время лихорадочно прыгала. Миротворцев заходил по нескольку раз в день, щупал пульс, осматривал ноги, качал головой и уходил. Когда жар спадал и воскресала надежда

на выздоровление, Варя, осунувшаяся и побледневшая за это время, оживала и начинала усиленно кормить больного бульоном. Затем она радостно бегала по больнице, сообщая всем об улучшении состояния прапорщика. Но как только температура опять взлетала до сорока одного и выше, она сразу каменела, неподвижно сидя у постели больного, и внимательно следила за его пульсом.

Веселые соседи по палате тоже делались серьезнее, исчезали громкие разговоры и смех, в палате воцарялась гнетущая тишина.

— Все же придется ампутировать ногу,— грустно проговорил Миротворцев на третий день.

— Ох! — схватилась рукой за сердце Варя.

— Больше нельзя ждать ни одного часа,— добавил доктор.

Опять полуобнаженное, искалеченное тело Звонарева распласталось на белоснежном операционном столе, около которого поместились Гюббенет и Миротворцев. Тут же находилась Варя.

— Прошло три дня, но гангрена мало подвинулась вперед. Это говорит, что организм стойко борется с ней. Быть может, дальше дело пойдет на поправку,— говорил Миротворцев.

— Едва ли это так. Давайте все-таки поищем гнойник,— нехотя согласился Гюббенет.

Варя с трепетом следила за тем, как блестящая сталь с легким треском разрезала кожный покров и погружалась в тело. Кровь брызгала в разные стороны и тонкими темными ручейками сбегала вниз. Ассистирующая сестра поспешила наложить зажимы на кровеносные сосуды. Миротворцев быстрыми и точными движениями сделал два глубоких разреза. Затем раздвинул края раны и ощупал что-то внутри нее.

— Мое предположение верно. По-видимому, гнойник находится здесь. Приготовьте тазик, сестра,— распорядился он.

Еще движение скальпелем — и из раны хлынул желто-зеленый гной.

— Абсцесс вскрыт. Теперь его надо только как следует вычистить,— бросил Гюббенет.

— Пульс слабеет,— тревожно сообщила Вера Гаршина, дававшая Звонареву наркоз.

Миротворцев схватил руку больного.

— Два шприца камфары, да поскорее!

Недавно еще красное от жара лицо Звонарева быстро бледнело, принимая желтовато-восковой оттенок, глаза

сразу ввалились, нос заострился, и все тело покрылось крупными каплями пота.

Не помня себя от ужаса, Варя быстро всадила в руку Звонарева иголку. Чуть заметно пульс стал выравниваться, шок благополучно миновал.

— Вы оказались правы — вскрытый гнойник давал температуру,— заметил Гюббенет.— Посмотрите, как сразу ожило лицо больного.

Через несколько минут очистка гнойника была окончена, в рану ввели дренаж.

Прошло еще два дня, температура почти не поднималась. Прапорщик спал круглые сутки, просыпаясь лишь для принятия пищи. Лицо его за эти дни несколько порозовело.

— Счастлив ваш бог, сестрица, будет жить ваш жених, и ноги его останутся при нем,— улыбался Миротворцев, глядя на выздоравливающего.

Варя неожиданно громко разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Что вы, сестрица, ведь все окончилось благополучно. Пойдемте, я вам сейчас дам валерьянки.— И доктор увел плачущую девушку.

— Если бы вы знали, Сергей Романович, что я пережила за эти дни,— сквозь слезы говорила Варя.— Думаю, умрет он, а виновата буду я, потому что не дала своевременно отрезать ногу.

— Остался он жив и с ногами! Я еще на вашей свадьбе попляшу,— успокаивал ее Миротворцев.

— Вы... вы не Миротворцев, а Чудотворцев.— Варя быстро схватила руку врача и несколько раз крепко поцеловала ее.

— Что вы, сестра! — поспешил отдернуть свою руку доктор.

— Здорово, Сережа! Ты выглядишь совсем героем,— ввалился в палату Борейко.

Белый халат чуть прикрывал его могучие плечи. В руках поблескивали две бутыли с вином.

— Решил выпить за твое и амазонкино здоровье, если, конечно, не запротестует медицина.

— Господин офицер, носить больным спиртные напитки не разрешается,— влетела следом за поручиком старшая сестра Красного Креста Доможирова.

— Я несу его здоровым, вроде капитана Вахнеева и этого лодыря Садыкова.

— А про меня забыл? — сказал Соломонов.

— Хотя ты и притворяешься больным, но вдвое здоровее меня. Не хотите ли марсалы, сестрица? Сладкая, специально для дам покупал.

— Ой, что вы! Да я вина в рот не беру.

— Поэтому-то вы такая худая и сердитая. Принесите-ка нам бокальчики. Первый бокал выпьем за... вашего будущего муженька.

— Откуда вы знаете, что я не замужем?

— Иначе вы не были бы такой злой. Посмотрите на Варю Белую. Черт в юбке, а не женщина, а женится, то бишь выйдет замуж за Сережу,— сразу станет земным воплощением ангела,— балагурил поручик.

Доможирова махнула рукой и вышла. Вахнеев прикрыл за ней дверь.

— Умеешь же ты, Боря, с людьми обращаться. Даже эту старую ведьму обошел. Она тут всех молодых сестер прямо со свету сживает, не разрешает им сказать с нами ни одного слова.

— Зато к молодым людям, вроде нашего Садыкова или Звонарева, она очень даже благоволит,— заметил Соломонов.

— А ты бы, Василий Николаевич, поухаживал за ней! Может быть, она и к тебе станет благосклоннее,— повернулся Борейко к Вахнееву.

— Да ну ее к черту!

Вошла Варя, неся в руках несколько стаканов.

— Здравствуйте, чертушка! — приветствовала она Борейко.— Я так и думала, что вы пожаловали к нам, когда Доможирова дала мне эти стаканы. Пришел, говорит, веселый офицер с бутылками.

— Решил вспрыснуть выздоровление Сережи и устроить в некотором роде мальчишник.

— До выздоровления ему очень далеко. Пусть сначала встанет с постели.

— Тогда мы подымем бокал за ваше будущее счастье,— предложил Вахнеев.

— Воспрепятствовать этому я не могу,— не очень любезно отозвалась девушка, но все же пригубила бокал.— Остальное допьете вы,— протянула она вино Звонареву,— но больше ни одной капли я вам не дам.

Бутылку водки по-братски разделили Борейко с Соломоновым. Марсала же досталась на долю Вахнеева и Садыкова.

— Вечером угощу сестрицу, да и эту старую каргу

Доможирову, чтобы она нам не мешала,— заявил Вахнеев.

Неожиданно появился Миротворцев. Потянув воздух носом, он сразу же обернулся к Борейко.

— До адмиральского часа, господин поручик, еще далеко.

— Тороплюсь на Высокую гору, мимоходом зашел повидать Сережу и поздравить его с выздоровлением.

— Надеюсь, вы успели уже удовлетворить свое желание?

Поручику оставалось только откланяться.

Звонарев задремал. Война, позиции — все это отошло на задний план. Правда, иногда поблизости с грохотом рвались тяжелые снаряды, звенели разбитые стекла, торопливо прибегали на шум санитары, но после пребывания на атакованных фортах все это производило на прапорщика мало впечатления.

Было уже темно, когда Звонарев чуть приоткрыл глаза. В палате стояли сумерки, ламп еще не зажигали. Над ним склонилось женское лицо.

«Варя не утерпела-таки и опять вернулась»,— подумал прапорщик.

— Вы проснулись, Сережа? — неожиданно услышал он голос Акинфиевой.— Варя пошла отдыхать, а я побуду около вас до утра.

— Надюша, как вы узнали, что я здесь? — удивился Звонарев.

— Мне все рассказал Павлик Сойманов. Его с ротой «баянцев» поставили в резерв в Новом городе. Он зашел к нам и рассказал про вас. Я, конечно, бросилась сюда. По дороге увидела Варю и решилась даже остановить генеральский экипаж. Мы с ней уговорились, что я подежурю около вас.

Взяв руку Акинфиевой, Звонарев несколько раз приложил ее к своим губам.

— Поменьше пыла, милый Сережа,— прошептала Надя, отнимая свою руку.

Она зажгла свет и начала рассказывать о муже, о последних новостях.

— Эскадра Рожественского уже прошла Испанию и теперь идет где-то около Африки. Японцы очень ее боятся и поэтому торопятся взять Артур или хотя бы потопить нашу эскадру. Они все время бомбардируют гавань и штурмуют Высокую гору, откуда хорошо виден внутренний бассейн.

 Долго не спалось Звонареву в этот вечер.

Затянувшаяся осада Порт-Артура и приближение эскадры Рожественского вызывали большое беспокойство в Японии и в главной квартире японской армии. Решено было во что бы то ни стало покончить с Артуром в ближайшее время. Полная неудача атак на форты номер два, три и укрепление номер три заставили командующего японской армией генерала Ноги перенести удар на соседний участок — на Курганную батарею, расположенную в тылу укрепления номер три. Она была вооружена шестнадцатью орудиями различных калибров и оборонялась, помимо артиллеристов, четырьмя ротами пехоты и ротой моряков. Это был сильный узел обороны, хотя и принадлежал к числу временных укреплений полевого типа. Овладение этим пунктом обороны выводило японцев в тыл основной линии обороны и давало возможность проникнуть в глубину крепости.

Придавая особенно важное значение этой операции, генерал Ноги сформировал особый отряд из охотников-добровольцев под командой вызвавшегося руководить штурмующими колоннами генерал-майора Накамура. Генерал отобрал всего около трех тысяч человек, специально их подготовил к действиям в условиях, похожих на те, с которыми им придется встретиться при штурме батареи.

Вечером в день штурма он собрал свой отряд и перед ним произнес торжественную клятву — во что бы то ни стало взять укрепление и прорваться в глубину крепости или умереть. Его солдаты повторили клятву. Чтобы отличать друг друга в темноте, все участники предстоящего штурма поверх шинелей надели крест-накрест белые повязки на грудь.

Еще днем была начата артиллерийская подготовка штурма. Сотни снарядов различных калибров обрушились на Курганную. Бомбардировка продолжалась в течение двух с половиной часов. Все укрытия и блиндажи на батарее были уничтожены, половина орудий подбита, потери гарнизона огромны. Уже затемно бомбардировка прекратилась, и гарнизон начал поспешно приводить батарею в порядок. Подошедшие на смену моряки подвели ток высокого напряжения в проволочные заграждения. Вскоре утомленные боем люди уснули. На батарее остались бодрствовать лишь дежурные. Тем временем японцы, пользуясь ночным туманом, незаметно подползли к батарее.

Незадолго перед этим на Курганную подошли артил-

леристы с Залитерной батареи. Ими командовал Родионов. В их числе был и Блохин.

Утесовцы никогда раньше не бывали на Курганной, совершенно не были знакомы с местностью, расположением орудий, пороховых погребов, проволочных заграждений. Родионов отправился разыскивать командира батареи. За отсутствием офицеров Курганной командовал стрелковый унтер-офицер. Он очень обрадовался появлению утесовцев.

— Какая ни на есть, все же подмога,— проговорил он.— Ты командуй антиллерией, а я буду держать оборону.

На этом и порешили. Находящийся тут же Блохин предложил разведать, что делается перед батареей.

— Секретов у вас впереди нет, а без них мы как без глаз. Сам полезу и возьму с собой Юркина. Ежели что замечу, мигом сообщу через него.— И солдат скрылся в темноте.

Было по-прежнему темно, тихо, и ничто не предвещало приближения штурма. Японцы решили полностью использовать элемент внезапности и без единого звука ползли к батарее. Блохин благополучно миновал проволочные заграждения и расположился невдалеке от них. Как ни старался он что-либо заметить в тумане ночи, но ничего видно не было. Только раз или два привлекли его внимание скатывающиеся где-то внизу камешки. Он и Юркин насторожились.

— Ты телефонист, привык слухать всякий звук,— обернулся к Юркину Блохин.— Слышишь?

— Кто-то шастает неподалеку,— проговорил Юркин.— Должно, японец тоже лазит. Хочет узнать, много ли шкоды днем наделал.

— Револьверт с тобою? — справился Блохин.

— Со мною, и нож за голенищем.

— Ежели японец близко подползет, бросимся на него вдвоем, чтобы пикнуть не смог,— распорядился Блохин.

Справа загорелся прожектор, и его луч бледной лентой пополз по серым сопкам, но по-прежнему ничего не было видно. Вдруг шагах в ста — ста пятидесяти Блохин отчетливо увидел ползущих японцев. Он заметил не самих солдат, а белые повязки на шинелях. В первое мгновение он не понял, что это такое. Дальнозоркий Юркин в ужасе вскрикнул:

— Японцев тьма-тьмущая и с белыми крестами.

Мгновенно оценив обстановку, Блохин вскочил на ноги и с криком: «Японцы!» — кинулся на батарею. Боясь

в темноте налететь на проволочные заграждения, прикосновение к которым грозило смертью, солдаты побежали в обход. Это несколько задержало их, и они попали на батарею одновременно с головной партией японцев. Но дремавший около орудия Кошелев все же услыхал крик Блохина и успел дернуть за вытяжной шнур. Пушка, заряженная картечью, выстрелила. Это послужило сигналом тревоги не только для Курганной батареи, но и для соседних. Лучи крепостных прожекторов сосредоточились на штурмующих колоннах, на них обрушился сосредоточенный огонь нескольких крепостных батарей, нанося японцам огромные потери. Однако они двигались вперед, не обращая внимания на убыль людей. Курганная была захвачена ими с ходу. Лишь немногие защитники успели отойти в тыл. Родионов отправил Блохина к резервной роте моряков, мимо которой проходили утесовцы, направляясь на Курганную. Солдат опрометью бросился в тыл и вскоре наткнулся на матросов, бегущих к Курганной. Их вел Акинфиев.

— Куда бежишь, трусливая сволочь? — набросился он на Блохина.— Пристрелю мерзавца на месте.

— Я, вашбродь, с Утеса, побёг за подмогой. Курганную японец забирает,— запыхавшись, ответил солдат.

— Никак, Блохин? — узнал его лейтенант.— Поручик где?

— Остались на Залитерной. Родионов у нас за командира.

Акинфиев знал почти всех утесовцев — не поверить Блохину было невозможно.

— Веди нас так, чтобы мы вышли во фланг или тыл японцам,— приказал лейтенант.

Блохин повел моряков в обход Курганной. Матросы вышли в тыл японцам и, атакуя подходящие к ним резервы, смяли и отбросили их. Бой в тылу вызвал панику среди японцев, уже было захвативших Курганную. Они поняли, что обойдены и, быть может, отрезаны от своих. Никакими криками, побоями не могли японские офицеры сдержать обезумевших от страха солдат, которые лавиной ринулись назад. Им удалось отбросить матросов Акинфиева и прорваться к себе. Но здесь их ожидал сам генерал Накамура. С бранью и криком набросился он на отступающих. Офицеры пристреливали на месте бегущих в панике солдат. Эти чрезвычайные меры помогли Накамуре кое-как перегруппировать потрепанные силы и снова бросить своих солдат в атаку. Японцы добрались до проволочного заграждения Курганной батареи и по-

пытались штурмовать ее в лоб. Но едва они касались проволоки, как падали, сраженные электрическим током. Сам Накамура находился вблизи от батареи и подбадривал солдат. Взбешенный неудачей, генерал пригрозил, что, если высота не будет взята, он бросится на свой меч, дабы смыть позор постигшего его поражения. Но все было безуспешно.

Увлеченный атаками, Накамура оставил без внимания свои фланги и тыл. Тем временем, незаметно подкравшись, три роты моряков неожиданно ударили в тыл наступающим и вышли к самому штабу генерала, едва не захватив его в плен. В полном беспорядке японцы неудержимо бросились назад. Махнув на все рукою и забыв о своих самурайских клятвах, Накамура последовал за солдатами. Только темнота спасла жалкие остатки незадачливых вояк. В бегстве Накамуру едва не заколол один из матросов с «Баяна», распоров ему штыком штаны и поранив при этом ягодицу. Так, полностью разбитый, придерживая рукою рану, предстал он перед гневные очи командующего особой армией генерала Ноги, который тут же сместил его с командования.

Наутро на батарее и около нее были подобраны трупы сорока офицеров и около тысячи солдат; полтораста японцев сгорели на электрической изгороди. Большие потери были и у русских, особенно много погибло моряков. Утесовцы, все время находившиеся на батарее около орудий, отделались лишь легкими ранами.

Едва забрезжил рассвет, как на Курганную пришел Борейко. Он подробно расспросил своих солдат о всех перипетиях боя.

— Не посрамили, значит, Утеса? — спросил он.

— Никак нет, все в аккурате! Не подкачали мы, хотя без вас и страшновато было,— ответил Блохин.

Поблагодарив солдат за службу, поручик увел их на Залитерную.

Неудача боя на Курганной батарее заставила командующего армией генерала Ноги перенести свой удар на другой участок обороны. Он решил атаковать Высокую гору. В этом районе японцы далеко еще не дошли до линии крепостных фортов и находились лишь на подступах к ним. Высокая господствовала над всем западным районом крепости. С нее отлично был виден Новый город, вся стоявшая в гавани эскадра и тыл Восточного фронта. Захватив ее, японцы получали прекрасный наблюдательный пункт для стрельбы по судам артурской эскадры и весьма затруднили бы сообщения между Восточным и

Западным фронтами крепости. Положение Артура сразу становилось тяжелым, а эскадра обрекалась на неизбежную гибель. Обе враждующие стороны вполне понимали значение Высокой, что и определило ожесточенный характер борьбы за нее.

Первые штурмы были сравнительно легко отбиты русскими. Тогда на двугорбой вершине Высокой японцы сосредоточили огонь всех осадных батарей. Легкие полевого типа окопы и блиндажи, лишь слегка усиленные перекрытием из рельсов и бревен, быстро сметались одиннадцатидюймовыми снарядами. Люди гибли под шрапнельным огнем. Три дня шла ожесточенная борьба, когда наконец японцы решились броситься на штурм.

Борейко подошел к штабу полковника Ирмана, руководившего обороной Высокой, как раз в тот момент, когда японцы снова пошли в атаку. Дымившаяся от беспрерывных разрывов вершина горы на несколько мгновений открылась. Стали ясно видны кучи камня, мусора, щепы, десятки трупов, между которыми мелькали фигуры еще уцелевших стрелков.

— Банзай! — донеслось оттуда, и почти в тот же момент в левой части горы взвился белый флажок с красным кругом восходящего солнца.

Ирман, окруженный своим штабом, стоял неподалеку, наблюдая в бинокль за происходящим на горе. Тут же расположилась рота моряков с «Баяна» под командованием Сойманова. Матросы нетерпеливо переминались с ноги на ногу, ожидая приказа двинуться на гору. По склону ее уже подымалось несколько стрелковых цепей, охватывая с фланга атакованный участок.

— Как вы думаете, Николай Александрович, побьет наш отряд японцев или нет? — спросил Ирман командира Пятого Восточносибирского стрелкового полка полковника Третьякова, который руководил обороной участка горы Высокой.

— Я очень надеюсь на капитана Ливотова. Он сумеет довести людей до штыкового удара,— ответил Третьяков.— Японцы, как известно, этого не любят, но все же надо приготовиться и морякам. Лейтенант, ваши люди собраны? — обернулся он к Сойманову.

— Так точно. Прикажете идти в атаку? — вытянулся моряк.

— Подождите еще минут десять.

— Есть.

— А вы зачем пожаловали? — обратился Третьяков к подошедшему Борейко.

— По приказанию генерала Белого прибыл в ваше распоряжение.

— Но артиллерии на Высокой нет, и вы нам не нужны.

— Разрешите тогда мне идти вместе с моряками.

Слышавшие этот разговор матросы с удивлением поглядывали на огромного артиллериста, который добровольно собирался вместе с ними идти на штурм.

— Вы не возражаете, лейтенант? — спросил Ирман у Сойманова.

— Наоборот, буду очень рад. Что, Боря, кулаки у тебя чешутся, что ты так рвешься в бой?

— Надо кровушку по жилочкам разогнать, а то больно засиделся на батарее. Эй, ребята, подайте-ка мне винтовку со штыком.

Поручику принесли винтовку. Он ее несколько раз подбросил в воздух.

— Легковата для меня.

— Да поувесистей, к сожалению, нет.

— Пошли, что ли, Павлуша,— обернулся Борейко к Сойманову.

Лейтенант поглядел на черные ряды выстроившихся в две шеренги моряков.

— Налево, шагом марш! — скомандовал Сойманов.

И отряд двинулся.

Дорога на гору была изрыта воронками и усыпана осколками снарядов. В воздухе беспрерывно свистели пули, шрапнели с визгом рвались над головой, осыпая землю свинцовым градом.

— Честь имею явиться,— выросла фигура Блохина с японской винтовкой перед Борейко.

— Ты откуда взялся?

— За вами следом, вашбродь, притопал. Отпросился с батареи.

Заряжая на ходу ружья, моряки перестроились в цепь, стараясь возможно скорее миновать открытое пространство и спрятаться за складки местности. Справа мелькнула мортирная батарея. Было видно, как в момент выстрела из дула вылетела бомба, окутанная столбом белого дыма, и исчезла в небе.

Сойманов и Борейко шли впереди матросов. Сзади неторопливо шагал младший офицер роты мичман Соколов. Он показывал матросам, где можно лучше укрыться, и подбадривал их различными шутками. Борейко, опираясь на винтовку, как на палку, медленно пересту-

пал с ноги на ногу, то и дело подшучивая над кланявшимся пулям Саймановым.

— Что, Павлик, больно много у тебя знакомых здесь оказалось? — улыбнулся он.

— Тебе-то хорошо говорить, а я уже два раза ранен. Что-то не хочется умирать.

— От судьбы не уйдешь.

Наконец моряки подошли к полуразрушенному ходу сообщения и втянулись в него. Сойманов на минуту задержался, высунувшись из-за бруствера, осмотрел впереди лежащую местность. Сквозь дым и пыль он разглядел остатки блиндажа левого редута горы. Передние цепи таяли одна за другой, устилая склоны трупами. Только несколько стрелков добрались до вершины и теперь беспомощно отстреливались из-за обрушенного блиндажа. Никого больше не было видно.

— За мной, вперед! — скомандовал лейтенант и, вскочив на бруствер, напрямик побежал к левому редуту, размахивая обнаженным палашом.

Матросы начали выбираться из хода сообщения. Некоторые тут же упали, сраженные пулями. Выбежавший вперед Соколов был уже около вершины, когда над ним разорвалась шрапнель. Пробежав еще несколько шагов, он медленно опустился на землю. Сойманов бросился к нему, перевернул мичмана на спину и близко увидел уже остекленевшие глаза и мертвый оскал окровавленного рта.

— К брустверу! — вскочив на ноги, скомандовал лейтенант.

Матросы поспешили расположиться за еще уцелевшими мешками с землей.

Воздух был наполнен пылью, запахом теплой крови и пороха.

— Рота, залпом! — стараясь перекричать ружейную трескотню, командовал Сойманов.

— Пли! — оглушительно рявкнул за него Борейко.— Залпом, залпом! — повторил он еще несколько раз.

Японцы, засевшие в нескольких шагах от редута, также довели ружейную и пулеметную стрельбу до предела. Белые их флаги все еще торчали на бруствере между сражающимися сторонами, пронизываемые сразу множеством пуль. Один за другим раненые и убитые матросы сползали вниз с бруствера. За щитом разбитой сорокасемимиллиметровой пушки примостились два матроса и посылали пулю за пулей в японские цепи. Из полуразрушенного блиндажа появился с перевязанной головой

стрелковый поручик в серой разорванной шинели и представился:

— Комендант горы, поручик Любимов. Только что пришел в себя после ранения, в ушах и сейчас стоит звон. Надо перейти в контратаку и окончательно выбить японцев с горы. Дайте мне человек двадцать матросов.

Сойманов отдал необходимые распоряжения. Матросы сгруппировались около Любимова, который объяснял им задачу.

— Пока не добежим до японцев, не стрелять, а там сразу бей штыком и прикладом. Далеко вниз не преследуй, иначе трудно будет вернуться; а теперь — вперед! — И поручик скрылся за углом редута.

Поддерживая атаку, матросы сверху давали залп за залпом.

— Стой! Японцы бегут. Ура! — закричал Сойманов.

Маленькие фигурки японцев быстро скатывались по крутым склонам горы, прячась в складках местности. Черные матросские бушлаты стремительно летели за ними. Любимов, стоя во весь рост на небольшом бугре, громко свистел, собирая моряков к себе.

Лейтенант подбежал к нему, и в этот момент его словно чем-то ударили по голове. В ушах зашумело. Теплая струйка крови побежала по лицу.

— Перевяжитесь,— бросил ему в руки свой платок Любимов.— Рана поверхностная, царапина.

Матрос-фельдшер отвел офицера обратно в редут и тут наскоро перевязал его.

Затихшая было артиллерийская стрельба разгорелась снова. С громким шипением пролетали тяжелые одиннадцатидюймовые бомбы, и черные столбы то и дело взлетали вокруг вершины Высокой. Вскоре принесли убитого наповал Любимова.

— Вашбродь, мы из-под обломков откопали пушку,— доложил Борейко появившийся откуда-то Блохин.— Пошукаем еще снарядов и тогда угостим японца.

Заметив, что «баянцам» одним не справиться и не удержаться на горе, Борейко поспешил вниз за помощью.

Сойманов подошел к тому месту, где была обнаружена скорострельная пушка. Несколько матросов с удивительным проворством разгребали руками землю и из-под нее вытаскивали небольшие патроны, аккуратно складывая их около орудия. Скоро набралось около полусотни. Блохин, смахнув землю с прицельных приспособлений, приноравливался вместе с другими матросами наводить орудие.

— Чуть влево. Так, хорошо. Заряжай,— распорядился он.

Звякнул закрываемый замок.

— Готово,— доложил Блохин.

— Пли!

Пушка грохнула и, резко откатившись, осталась в заднем положении.

— Испорчен накатник,— сообразил лейтенант.

Матросы вручную докатили пушку в нужное положение, и опять грянул выстрел.

— Слева японец лезет,— подбежал унтер-офицер.— Как бы он к нам в тыл не зашел.

Сойманов побежал за ним, уже не обращая внимания на пули и снаряды.

— Не споткнитесь, ваше благородие. Тут мертвяки лежат,— поддержал офицера стрелок.

— Пусть повернут сюда пушку,— распорядился Сойманов, увидя японские цепи.

В это время невдалеке разорвался снаряд, и взрыв сбил его с ног.

— Пропало наше орудие. Аккурат влепил в него японец. Двух повалило, а остальные разбежались,— доложил Блохин.

Не успел Сойманов отряхнуться от земли, как раздался новый взрыв. Сквозь дым, грохот, удушливый запах шимозы послышались душераздирающие крики из-под обрушивающегося блиндажа:

— Помо-ги-те!

Сойманов попытался отдать распоряжение, но новый снаряд попал в то же место. Крики прекратились. Из-под земли доносились только глухие стоны, но скоро и они смолкли.

— Помяни, господи, в царствии твоем новопреставленных рабов,— набожно перекрестились стрелки.

— Японцы идут, видимо-невидимо,— доложил матрос.

Сойманов шагнул к брустверу. Молодой, безусый японец торопливо водружал желтое знамя с красным кругом. Уже на самом гребне раздавались победные крики «банзай». Немногие уцелевшие стрелки и матросы, крепко зажав в руках винтовки, принимали на штыки прыгающих сверху японцев. На редуте завязалась рукопашная схватка. И вдруг сзади грянуло могучее «ура». Снизу бежала десантная рота с «Севастополя». Впереди возвышалась могучая фигура Борейко. Грозной лавиной они ворвались на редут, смяли и опрокинули врага, сорвали флаги и, преследуя японцев, кинулись вниз по горе.

Двадцатая за день атака была отбита.

— Крепко подрались,— проговорил Борейко, оглядываясь вокруг.

Поручик осмотрел свою порванную в нескольких местах шинель, винтовку, забрызганную кровью.

— Ты цел? — спросил он у Сойманова, сидевшего невдалеке на развалинах командирского блиндажа.

— Оглушило при взрыве бомбочки. В левом ухе звенит и посейчас. Ты, Боря, очень хорошо сделал, что привел к нам подмогу, иначе нам бы несдобровать. Кто командовал «севастопольцами»?

— Андрюша Акинфиев. А вот и он.

Акинфиев, все еще разгоряченный, подошел к друзьям.

— Никак не предполагал, что мне придется покинуть тихое житие на Ляотешане и идти спасать Высокую.

Офицеры внимательно осмотрели друг друга.

— Три мушкетера,— усмехнулся Сойманов.— Вот уже скоро год, как мы сражаемся бок о бок на суше и на море.

— Нет уже Жоржа Дукельского, надолго выбыл из строя Сережа Звонарев. Теперь очередь кого-нибудь из нас...— проговорил Акинфиев.

— Не каркай, Андрюша,— добродушно отозвался Борейко.— Что будет — посмотрим, а теперь выпить бы чего-нибудь, а то совсем пересохло горло. Эй, Блохин! Где ты, черт рябой?

— Я здесь, вашброды! — бодро отозвался солдат.

На лице его светилась блаженная улыбка. В каждой руке поблескивали небольшие бутылки с коньяком. Было видно, что он уже успел глотнуть.

— Не желаете ли попробовать, вашбродь? — предложил Блохин, протягивая поручику бутылку.— Трофейная!..

Борейко вмиг отправил себе в рот добрую половину содержимого бутылки. Крякнув от удовольствия, он предложил остатки коньяка морякам. Закусили японскими галетами.

— Заправились, теперь можно и дальше воевать. Поскольку я старший в чине, значит, я и являюсь комендантом горы,— объявил Борейко.— Ты, Павлик, будешь оборонять левую вершину, а ты, Андрюша,— правую. Я останусь посредине в седловинке.

Моряки откозыряли и направились по своим местам.

Поручик в сопровождении Блохина направился в небольшую ложбинку между двумя вершинами Высокой. В этом районе не было даже простых окопов и шел толь-

ко сильно разрушенный ход сообщения, соединяющий обе вершины горы.

Борейко осмотрелся. Внизу виднелся японский окоп, опоясывающий гору полукругом. От него в тыл тянулись ходы сообщения.

— Как ты думаешь, Филя, возьмут Высокую или нет?

— Смотря кто ее будет защищать. Ежели мы с вами, то вовек японцам ее не видать,— усмехнулся Блохин.

Заметив на вершине Высокой фигуру Борейко, японцы открыли ружейный и пулеметный огонь.

Вскоре Борейко и Блохин дошли до разбитой батареи. Установленные на горе орудия еще в сентябре были приведены в негодность осадной артиллерией, но изуродованные до неузнаваемости пушки оставались на прежних местах. Недавно в этом районе происходила рукопашная схватка, и около орудий оставалось лежать большое количество трупов, застывших в том положении, в котором их застала смерть. Один японец стоял на колене, опираясь правой рукой на ружье, голова свесилась вниз, как от усталости. Рядом матрос вцепился японцу в горло, а у самого в животе торчал японский штык.

Вечером на вершине появился стрелковый капитан Солоникио, назначенный комендантом горы. С ним прибыла на смену морякам пехота. Акинфиев пригласил Сойманова и Борейко к себе в Новый город. Обед подавал денщик-матрос. Друзья вспоминали минувшие дни. Андрюша нетерпеливо поглядывал на часы.

— Когда же наконец вернется Надя? — нервничал он.

— Бедный Сережа страшно слаб, не может даже повернуться на бок. Он кланяется тебе, Адрюша, справлялся о твоем здоровье. Ты знаешь, скоро его свадьба с Варей,— проговорила вошедшая Акинфиева.

После обеда офицеры отправились в штаб Ирмана, расположенный в одной из казарм Нового города. Там они застали Кондратенко, Белого и Третьякова. Шло совещание о мерах обороны Высокой. Кондратенко сидел в конце стола и, как всегда, молчаливо слушал других, быстро делая заметки в записной книжке. Ирман говорил долго и путано, убеждая не сдавать Высокую, против чего никто не возражал. Третьяков жаловался на крайнюю усталость солдат, просил их сменить, а также прислать подкреплений. Присутствовавшие тут же стрелковые офицеры указывали, что солдат надо прежде всего накормить, так как они не ели уже больше суток.

— Во-первых, там нужна походная кухня с горячей

похлебкой, а затем уже бомбочки и патроны и, наконец, теплая одежда,— в один голос заявляли они.

— А вам, морякам, что нужно? — обратился к вошедшим генерал.

— Приказ, когда и куда выступать,— бойко ответил Сойманов.

— Неплохой ответ. Как у вас с пищей и теплой одеждой?

— Управление порта нас вполне обеспечило и тем и другим. Матросы получают по полбанки мясных консервов в день на человека и имеют теплую одежду. Борщ готовится в морских казармах и подвозится к самым позициям.

— Поскольку флот больше заинтересован в судьбе Высокой, то пусть он ее и защищает,— заметил один из стрелковых офицеров.

— Совершенно неправильное мнение. Во время осады крепости моряки четыре месяца рука об руку со стрелками и артиллеристами мужественно сражались на фортах и укреплениях крепости. А в дальнейшем ходе осады весьма важно, в чьих руках будет находиться Высокая,— отозвался Белый.

— Так и решим: моряков оставим на горе, стрелков снимем, пополним их госпитальными командами и выздоравливающими,— распорядился Кондратенко и направился к двери. За ним пошли и остальные.

— Построить морские команды,— приказал генерал.

Когда распоряжение было выполнено, Кондратенко тепло поблагодарил матросов за боевую работу.

— Вам придется защищать Высокую и дальше. Помните, что ее падение равносильно гибели ваших судов и кораблей. Я надеюсь на вас, как на своих стрелков. Наша родина поручила вам защиту Артура, и я твердо уверен, что вы сумеете отстоять его так же, как и Высокую.

— Постараемся, ваше превосходительство! — гаркнули в ответ моряки.

— Ну, с богом,— махнул рукой Кондратенко.

Сойманов и Акинфиев увели свои команды.

Ушел и Борейко. Вскоре он оказался около Пушкинской школы. Осторожно постучав в дверь, он назвал свою фамилию. Его встретила маленькая учительница.

— Каким ветром вас сюда занесло в такой поздний час? — спросила она поручика.

— Вы мне разрешите у вас переночевать? — спросил он.

— Только, чур, вы будете вести себя скромненько,— проговорила учительница, грозя ему пальцем.

— Об этом не беспокойтесь. В вашем присутствии я делаюсь, как известно, ручным.

— До сих пор у меня были ручные кошки, собаки и другие звери, но медведей еще не было.

— Поскольку у вас имеется уже такой большой опыт дрессировщика, я думаю, что вы и меня сумеете прибрать к рукам, а вернее, уже давно прибрали,— добавил он через несколько секунд.

— Вы, кажется, против этого не возражаете? — улыбнулась учительница.

— Нет,— буркнул поручик и, неожиданно подхватив ее на руки, крепко поцеловал.

— На место! — крикнула Оля, отбиваясь от него, но поручик понес ее, как малого ребенка, в соседнюю комнату, где их ожидали уже Мария Петровна и Леля.

— Наши голубки, кажется, договорились,— заметила Леля, увидев их счастливые лица.

Оля торжественно представила:

— Мой муж.

Наступили последние дни горы Высокой. 20 ноября с утра на Высокую гору обрушился шквал огня. Осадные батареи неистовствовали. Весь береговой фронт и броненосцы открыли ответный перекидной огонь по японцам, стараясь привести к молчанию их тяжелые батареи.

Едва началась стрельба, как Борейко заторопился на Высокую. Около Сводного госпиталя он нагнал Варю Белую с Васей.

— Сереже стало гораздо лучше,— радостно сообщила девушка.— Он быстро поправляется.

— Очевидно, после Надиных поцелуев,— пошутил поручик.

Варя растерянно посмотрела на Борейко.

— Сережа не такой, чтобы любить меня, а целоваться с другой.

— Кто это вам сказал, что он вас любит?

— Он сам.

— И вы поверили ему?

— А ну вас, Топтыгин.— Варя поспешила в госпиталь.

Со стороны Нового города по направлению Высокой тянулись разношерстные колонны — последний резерв крепости: солдаты, матросы, дружинники, выписанные из госпиталей, еще перевязанные, хромые.

— Чертова мясорубка,— кивнул на Высокую проходивший солдат.— Сколько уже легло на ней народу!

Целый день гремели пушки, грохотали взрывы одиннадцатидюймовых снарядов, рвались шрапнели, бомбочки, ручьем лилась кровь, люди мучились и умирали. Японцы в атаку не переходили, но готовились к штурму.

На следующий день канонада возобновилась с прежней силой. Погода выдалась морозная, ясная, что облегчало пристрелку по Высокой. К осадным батареям присоединились канонерские лодки со стороны Голубиной бухты. Вершина горы оказалась под перекрестным огнем. Ливень чугуна и стали усиливался с каждой минутой.

После полудня японцы снова густыми колоннами двинулись на Высокую. Тысячи их валились, как подкошенные, под огнем орудий, пулеметов, винтовок, ручных гранат... Японцы продолжали продвигаться вперед. По грудам трупов и раненых неудержимо катились все новые и новые волны атакующих. Все выше поднимались они к двурогой вершине Высокой. И русские попятились. Японцы ворвались на самую вершину.

Завязался рукопашный бой. Озверелые люди дрались чем попало — штыками, прикладами, камнями, бомбочками, резали, душили, кусали друг друга.

Осадная артиллерия перенесла огонь на резервы и Новый город. Один за другим разрушались дома, возникали пожары, и все тонуло в облаках дыма и пыли.

Кондратенко понимал, что положение с каждой минутой становилось все труднее. Не хватало солдат, коменданты горы выбывали из строя один за другим. Необходимо было послать туда вполне надежного человека, который сумел бы подбодрить солдат и сдержать все усиливающийся натиск японцев.

Генерал решил направить на гору пограничников под командой Бутусова. Он был уверен, что будет сделано все возможное и невозможное, чтобы удержать Высокую.

Бутусов только накануне вернулся с Курганной батареи, где почти неделю отбивал беспрерывные атаки японцев. Ряды его солдат сильно поредели. Осталось не более половины всего состава при двух офицерах. Тем не менее, когда Кондратенко сообщил ему о назначении на Высокую, подполковник не стал возражать.

— Если вы, Роман Исидорович, считаете нужным туда направить меня, значит, так и будет сделано!.. Через час мои люди подойдут сюда из резерва, а я прямо отсюда направлюсь на вершину Высокой.

 Кондратенко прекрасно понимал, что направляет на

смерть одного из лучших своих офицеров, который с честью выдержал все испытания войны. Генерал с трудом превозмог свое волнение и, встав из-за стола, крепко обнял и поцеловал Бутусова.

— Да будет над вами, дорогой Петр Дмитриевич, благословенье божие! По мере возможности не рискуйте, старайтесь сохранить себя для Артура. Таких, как вы, у нас немного, и они еще очень нужны здесь,— с чувством проговорил Кондратенко.

Растроганный Бутусов попросил только об одном: позаботиться о его семье. Генерал обещал.

После ухода Бутусова Кондратенко тяжело опустил голову, задумавшись о страдной доле, выпавшей артурцам. Но долго раздумывать было некогда: Артур ждал своего генерала. Сообщили о начале нового штурма Высокой. Генерал вышел на двор, наблюдая в бинокль за тем, что происходило на горе.

Она была окутана густой пеленой дыма и пыли, сквозь которые то и дело проступали красноватые молнии разрывов тяжелых снарядов. Казалось, что на Высокой происходит извержение вулкана. Временами доносилась дробь пулеметной стрельбы и людские крики не то «ура», не то «банзай». Только по стремительно спускавшимся вниз с горы группам людей и одиночным солдатам можно было догадаться, что русские отходят под давлением превосходящих сил врага.

— Высокая снова занята японцами,— доложил телефонист.

— Справься, где подполковник Бутусов,— распорядился генерал.

— Пограничники подошли! — доложил адъютант.

Генерал вышел из дома. На улице стояла шеренга солдат с зелеными погонами и такими же околышами на фуражках. Поздоровавшись с ними, Кондратенко обошел фронт. Хотя многие солдаты были ранены и носили еще повязки, вид у них был бодрый, не было заметно признаков истощения, солдаты выглядели здоровыми. Бутусов всегда особенно заботился о питании солдат и с помощью своих друзей-китайцев умел доставать противоцинготные средства и продукты.

Сравнивая вид пограничников со стрелками, Кондратенко сразу понял, что физически крепкие и выносливые пограничники окажут гораздо большее сопротивление, чем любой стрелковый полк. «Да, на них можно положиться»,— подумал он. Поблагодарив солдат за геройскую службу, генерал указал на Высокую:

— Запомните, братцы: если гору займут японцы, Артуру придет конец. Там, на горе, вас ожидает подполковник Бутусов, которого я назначил комендантом Высокой. Вместе с ним, под его командой, вы сможете и должны отстоять гору. С богом в бой!

— Постараемся, ваше превосходительство! — дружно ответили солдаты и двинулись по направлению к горе.

— Подполковник Бутусов ожидают своих солдат на подъеме горы,— доложил телефонист.

Кондратенко снова вышел на улицу. В бинокль было видно, как перестроившиеся уже в цепь пограничники быстро поднимались к вершине. Сразу усилился ружейный и артиллерийский огонь японцев. Залпы смешались с трескотней пачечного огня, забесновались, стреляя на предельной скорости, пулеметы. Снова вся вершина утонула в пыли и дыму. Цепи пограничников залегли, но затем частыми перебежками двинулись дальше и скоро исчезли в окутывающем вершину облаке.

Через минуту было получено сообщение, что дружным штыковым ударом пограничники сбросили японцев вниз и полностью заняли Высокую. Кондратенко облегченно вздохнул.

Тотчас же возобновился артиллерийский огонь осадных батарей. Шесть раз в этот день бросались японцы на штурм и шесть раз отступали, устилая землю своими телами. Только с наступлением темноты штурм прекратился. Гора снова осталась в руках артурцев.

Уже затемно подполковник Бутусов, геройски оборонявший весь день гору, был смертельно ранен в живот осколком снаряда. Со слабыми признаками жизни доставили пограничники своего командира в штаб Кондратенко. Генерал не замедлил прийти на перевязочный пункт. Он опустился на колени перед носилками, на которых лежал Бутусов. Подполковник на мгновение пришел в себя. Узнав Кондратенко, он чуть слышно доложил:

— Приказание вашего превосходительства выполнено: Высокая полностью осталась за нами.

Это были его последние слова. Через минуту он затих. Сняв фуражку, Кондратенко поцеловал уже холодеющий лоб своего верного соратника и друга. Не в силах сдержать навертывающиеся на глаза слезы, генерал долго сморкался, не подозревая, что не пройдет и двух недель, как и он последует за Бутусовым, кровью своею запечатлев преданность родине.

 Борейко был не в силах спокойно смотреть на проис-

ходящее на Высокой и вечером отправился в штаб Ирмана.

— Быть может, я вам здесь пригожусь,— обратился он к адъютанту поручику Костюшко.

— Сейчас у нас на счету каждый здоровый человек. Поэтому оставайтесь в штабе, мы найдем и вам какое-нибудь дело.

Всю ночь подходили к штабу пополнения — госпитальные команды, слабосильные. Их вперемешку с моряками и стрелками, снятыми с других участков обороны, направляли на вершину горы.

Кондратенко с Ирманом бессменно руководили всей обороной. Около полуночи появился в штабе бледный, осунувшийся Стессель в сопровождении Фока и Никитина. Генералы наперебой отдавали противоречивые приказания.

— Зря так упорно защищаете Высокую. Сколько солдатской и матросской кровушки здесь напрасно проливается! Давно бы пора ее очистить и отойти на основную линию обороны к фортам,— брюзжал Фок.

— Но тогда погибнет флот,— возразил Стессель.

— За него мы, Анатолий Михайлович, не ответственны. Шли бы себе кораблики в море, а то их никак не выгонишь из Артура. В море-то попросторнее, чем в нашей гавани...

— Там их поджидает японская эскадра, которая гораздо сильнее нашей.

— Бог не без милости. Авось какое-нибудь суденышко и доплетется до нейтрального порта..

— Да, да, надо самотопам сегодня же послать ультиматум — пусть убираются из Артура, пока японцы не перетопили все их калоши,— поддержал Никитин.

— Чтобы эскадра имела возможность выйти в море, необходимо ей вернуть взятые на сухопутный фронт мелкие и средние орудия, что-то около двухсот штук. Это сильно ослабит оборону. Кроме того, нам придется вернуть и снаряды, которых у нас очень мало,— возразил Кондратенко.

— Пушки со второй и третьей линии обороны мы им вернем и часть снарядов — лишь бы только они ушли,— проговорил Стессель.

— Я решительно протестую против этого,— взволновался Кондратенко.— У нас и так нет резерва, а если мы снимем с фронта пять тысяч моряков, то заменить их будет абсолютно некем.

— Сократите гарнизоны фортов, там много лишних людей,— предложил Фок.

— Тогда они быстро будут заняты японцами.

— По-вашему, значит, следует уничтожить еще полтора десятка тысяч солдат и матросов, а потом уже поднимать вопрос о капитуляции. Бедные солдатики, они и не подозревают, что их хотят перевести чуть ли не поголовно,— вздохнул Фок.

— Высокую мы должны отстаивать любой ценой, чего, видимо, ваше превосходительство не хочет понять,— резко проговорил Кондратенко.

— Где уж мне, старому дураку, понять. Я никаких академий не кончал,— издевался Фок.

— Господа, господа, побольше спокойствия,— вмешался Стессель.— Я решил защищать Высокую еще один день, а если это не удастся, то очистить ее. Люди нам нужны на других участках.

Несколько разорвавшихся невдалеке снарядов заставили генерал-адъютанта поторопиться с отъездом.

Около полуночи Борейко и Третьяков отправились на вершину Высокой. Навстречу им тянулись нескончаемой вереницей раненые и больные куриной слепотой. Спотыкаясь на каждом шагу о трупы, офицеры кое-как добрались до редута на левой вершине горы. Он был почти полностью разрушен. При слабом свете мерцающих звезд сотни стрелков и матросов пытались восстановить брустверы и блиндажи.

Подошедший комендант горы капитан Солоникио доложил, что работы идут медленно и вяло, так как люди устали и не хотят работать.

— Но вы им объяснили необходимость этого?

— Они резонно возражают, что все равно с утра японцы все снова разобьют. Так уж лучше как следует отдохнуть, чем напрасно трудиться,— ответил капитан.

— Люди выбились из сил, надо подбросить свежие части, иначе едва ли из всех работ выйдет прок,— подтвердил Борейко.

— Да откуда же их взять? Сюда посланы даже санитары и калеки,— ответил полковник.

— Тогда трудно рассчитывать на успех обороны,— вздохнул поручик.

— Но оборонять Высокую все же необходимо.

Японская артиллерия, несмотря на темноту, продолжала обстреливать вершину горы редким огнем.

— Вы бы, господин полковник, побереглись,— предупредил Борейко.

— Да тут и укрыться негде, разве в комендантском блиндаже, если его только успели исправить.— И Третьяков направился к правой вершине, где находился комендант горы.

Как только рассвело, артиллерийская канонада возобновилась с еще большей силой, а затем японцы бросились на штурм. Вскоре им удалось овладеть сначала левой вершиной, а затем правой. Гарнизон горы почти весь погиб.

Уцелевшие единичные защитники отступили вниз к штабу. Собрав всех, кто оказался под рукой,— стрелков, матросов, полевых артиллеристов, дружинников,— Кондратенко лично повел их в контратаку. Борейко шел рядом с ним. Но японцы уже успели установить на горе пулеметы и минометы. Сборный отряд попал под перекрестный огонь, смешался и залег на половине горы. Напрасно Кондратенко и поручик пытались поднять людей. Они решительно отказывались двигаться дальше. Несколько матросов, попытавшихся идти вперед, были тотчас убиты. С Кондратенко пулей сбило папаху. Контратака не удалась.

По возвращении в штаб генерал собрал к себе всех уцелевших офицеров, чтобы узнать их мнение о мерах дальнейшей обороны Высокой. Стрелки, моряки и артиллеристы единодушно высказались, что дальнейшая борьба за гору невозможна. Но тут прибыл генерал Смирнов. Выслушав доклад Кондратенко о положении, он раскричался:

— Волею государя императора я назначен комендантом Артура, и без моего ведома не может быть оставлено ни одно укрепление. Я разработал восемь вариантов отбития Высокой. Сейчас я вам их зачитаю,— начал он.

— Как бы ни хороши были соображения вашего превосходительства, но выслушивать их — значит, напрасно терять время,— возразил Кондратенко.— У нас нет людей для выполнения хотя бы даже самой простой контратаки.

— Вашего мнения, генерал, я не спрашиваю! — повысил голос Смирнов.

Кондратенко, покрасневший от волнения, встал из-за стола и направился к выходу. Офицеры последовали за ним.

— Это безобразие, я приказываю вернуться,— кипя-

тился Смирнов, но от него только досадливо отмахивались.

Последним к двери подошел Борейко. Комендант обеими руками уцепился за его шинель. Поручик осторожно освободился.

— Лучше бы вы, ваше превосходительство, ехали домой,— соболезнующим тоном проговорил он.— Высокую вы не вернете, а своими вариантами только собьете людей с толку.

Генерал растерянно посмотрел на поручика.

— Вас за такие речи следует расстрелять,— тихо проговорил он.

— Не стоит напрасно тратить патронов. Японцы со многими проделывают эту операцию без расходов для русской казны,— усмехнулся поручик.

Этот ответ окончательно убедил Смирнова в том, что перед ним находится ненормальный человек, и он, осторожно оглядываясь на Борейко, торопливо вышел из комнаты. Поручик с улыбкой последовал за ним. Первое, что он увидел, выйдя во двор, был яркий прожектор, установленный японцами на Высокой. Его сильный луч скользил по поверхности воды в гавани, нащупывая стоявшие в порту суда.

«Японцы даром времени не теряют»,— подумал поручик.

— Я все же хочу еще раз попытаться вернуть Высокую,— услышал он невдалеке глуховатый голос Кондратенко.

— Кроме ездовых моей бригады, свободных частей под руками нет,— доложил Ирман.

— Есть еще рота «баянцев» с лейтенантом Саймановым и сборная команда писарей. Мы образуем из них три штурмовых колонны,— оживился генерал.

— Вы очень увлекаетесь, выше превосходительство. Я не верю в успех этого, но готов лично вести колонну артиллеристов,— ответил Ирман.

На этом и порешили. Борейко присоединился к морякам. По сигнальному выстрелу с ближайшего форта атакующие в полном молчании двинулись на гору. Сначала все шло хорошо. Японцы ничего не замечали, и колонны успели взобраться уже довольно высоко, когда залаяли сторожевые собачонки. Почти тотчас поднялась ружейная и пулеметная стрельба и полетели ручные гранаты. Правая колонна, состоящая из артиллеристов, успела ворваться на правую вершину и в рукопашной схватке переколола гарнизон. Сам Ирман при этом был дважды

легко ранен. Моряки добрались до седловинки между вершинами и тут попали под огонь с флангов и залегли.

— Надо поднять матросов в атаку,— сказал Сойманов, обернувшись к Борейко, который прилег за скалу и оттуда всматривался в окружающую темноту.

Прожектор потух, и были видны лишь вспышки ружейных выстрелов.

— Перед нами как будто никого нет. Зато слева сосредоточены большие силы японцев. Придется переменить направление атаки. Постараемся выйти во фланг левому редуту,— поделился поручик своими соображениями с лейтенантом.

— Не знаю, много ли уцелело из моей роты. В темноте черные бушлаты матросов совершенно не видны. Гаврилов, Тяпин, сюда! — крикнул Сойманов.— Какие у нас потери?

— Не видать, чтобы много было. Японец-то на дурницу стреляет, больше для устрашения. Только случайные пули попадают в людей,— доложили матросы.

Сойманов сообщил им план дальнейшего наступления:

— Доберешься до седловинки, а оттуда выйдешь в тыл японцам.

— Писаря-то, что пошли левее нас, вовсе отстали на половине горы. Как только поднялась стрельба, они спужались, попадали на землю и дальше ни шагу. Известное дело, нестроевщина, пороху не нюхали.

Но в этот момент справа вспыхнуло дружное «ура» и послышался топот быстро бегущих людей.

— Ишь ты, как писаря расхрабрились,— заметил Гаврилов.

— За мной, вперед, ура! — вскочил Сойманов.

Матросы подхватили этот крик и ринулись за своим командиром. Но не пробежал лейтенант и десятка шагов, как громко вскрикнул и присел.

— Боря, я ранен. Прими командование,— с трудом проговорил он.

Поручик остановился и подошел к другу.

— Куда попало?

— В правую ногу выше колена, не могу ни идти, ни стоять.

Остановив двух матросов, Борейко приказал им отнести лейтенанта на перевязочный пункт, а сам бросился вперед.

Японцы успели подтянуть резервы. На вершине горы в темноте завязался штыковой бой. Писаря и ездовые-артиллеристы, плохо обученные владению штыком, были

смяты и начали отходить вниз по горе. Моряки оказались окруженными. Поняв это, Борейко с криком ринулся на японцев. Он действовал винтовкой, как дубиной, взяв ее за дуло рукой, сметая все на своем пути. Героически дрались матросы. Враг не выдержал и бросился врассыпную. Моряки вырвались из окружения.

Борейко отправил в штаб донесение и предлагал с рассветом возобновить атаку, но в ответ получил приказ об отходе всех частей к форту номер четыре.

После десятидневных упорных боев Высокая наконец перешла в руки японцев.

— Теперь начинается агония Порт-Артура,— произнес Кондратенко, когда поручик на рассвете прибыл в штаб, передав командование над матросами морскому офицеру.

— Агония эскадры, но не крепости,— поправил генерала Борейко.

— Боюсь, что и крепость отныне будет в очень тяжелом положении,— возразил Кондратенко.

Тяжелое настроение генерала несколько рассеялось, когда ему доложили о показаниях одного из пленных японцев, захваченных ночью моряками на Высокой.

Немолодой японец из Токио, адвокат по профессии, недавно призванный рядовым в армию, имел крайне утомленный вид и охотно отвечал на все задаваемые вопросы. По его словам, Япония находилась уже сейчас в чрезвычайно тяжелом финансовом и экономическом положении, запасы военных материалов приходили к концу, обученные людские резервы иссякали, солдаты осадной армии были крайне утомлены и истощены вследствие плохого питания.

— От полного краха нас может спасти лишь возможно быстрое заключение мира,— закончил японец свои показания.— Но для этого нам нужно сначала взять Артур. Иначе Россия не согласится начать с нами переговоры о мире, несмотря на ряд поражений ее армии в Маньчжурии.

— Он человек штатский и едва ли вполне разбирается в военной обстановке,— усомнился Кондратенко, когда переводчик передал ему показания пленного.

— Что касается экономики и финансов, то он, как адвокат, к тому же специалист по торгово-финансовому праву, конечно, вполне в курсе дела,— возразил переводчик.

— А внешний его вид говорит, что японцам под Артуром тоже приходится не сладко,— добавил Науменко.

— Интересно знать, на что рассчитывали, по его мнению, японцы, начиная войну с нами,— проговорил Кондратенко.

Переводчик спросил пленного. Японец немного замялся, но затем подробно ответил. По его словам выходило, что Германия, которой важно было отвлечь внимание своей могущественной восточной соседки от своих границ, спровоцировала Россию на войну с Японией. Поэтому японцы и рассчитывали, что, помимо союзных с ними Америки и Англии, им поможет и Германия.

— Чего, однако, пока что не произошло. В этом и заключается один из главных просчетов японцев,— задумчиво добавил Кондратенко.— Артур же, несомненно, нам надо защищать до последней крайности,— резюмировал он.

В тот же вечер он сообщил результаты допроса Стесселю. Но генерал-адъютант под влиянием падения укреплений горы Высокой был мрачен и к этим сведениям отнесся недоверчиво.

— Все врут пленные, чтобы шкуру свою спасти. Немцы же искони были с нами в дружбе,— бурчал он.

Присутствующий тут же Фок ехидно заметил:

— Нельзя же быть таким наивным, ваше превосходительство, чтобы верить всем показаниям пленных, особенно в части наших отношений с Германией. Уж кто-кто как не немцы все время бескорыстно помогали России на всем протяжении ее истории.

— Например, целиком предали нас на Берлинском конгрессе в тысяча восемьсот семьдесят восьмом году,— усмехнулся Кондратенко,— а сейчас заставили нас заключить крайне невыгодный для нас торговый договор, очевидно используя наши затруднения в Маньчжурии.

Варя устроила перевод Звонарева в маленькую палату на двоих, из окон которой открывался прекрасный вид на Старый город и гавань со стоящими в ней судами. Прапорщик, обреченный на безделье, часами любовался развернувшейся перед ним панорамой. Все свободное от работы время Варя проводила около него.

Сосед Звонарева по палате, пожилой стрелковый капитан, обычно уходил, оставляя молодую пару наедине.

Варя садилась у изголовья кровати, и они вели нескончаемые разговоры, строя планы будущей совместной жизни.

Когда Варя была занята, ее заменял Вася. Мальчик

быстро привык к прапорщику и занимал его своей болтовней.

— Только вы тете Варе ничего не говорите, а то они заругаются,— предупреждал он.

Звонарев обещал, а затем коварно потихоньку все передавал Варе. Прапорщик предложил Васе заниматься с ним, на что мальчик охотно согласился. Спокойный и уравновешенный, Звонарев оказался неплохим педагогом, и под его руководством Вася быстро научился читать.

Прямо из-под Высокой Борейко пришел в больницу навестить своего друга. Заросший щетиной, похудевший, с красными от бессонницы глазами, он ввалился в палату.

— Здорово, Сережа! Высокая-то — тю-тю! Сдали японцам,— с места объявил он.— Счастлив ты, что ранен. Доживешь до сдачи.

— Ты помирать, что ль, собрался? — удивился Звонарев.

— Во всяком случае в плен не сдамся,— серьезно проговорил Борейко.

Поручик подробно рассказал все перипетии борьбы за Высокую.

— Едва сегодня рассвело, как японцы начали пристреливаться к нашим судам в гавани. Приподнимись и полюбуйся на наших моряков. Им грозит затопление в артурской луже, а они и в ус не дуют, даже не пытаются выйти в море,— возмущался поручик.

Звонарев приподнялся на постели и увидел, как огромные фонтаны воды то и дело вздымались около броненосцев, стоявших у самого берега под горой Перепелкой. Особенно много падало снарядов рядом с броненосцем «Полтавой». Вдруг над его кормой взвился столб черного, а потом бурого дыма. Корабль окутался паром. Когда пар рассеялся, Звонарев увидел, что «Полтава» до верхней палубы погрузилась в воду и накренилась набок.

За «Полтавой» к концу дня был потоплен «Ретвизан». Объятый пламенем, он тоже сел на грунт, но у него даже батарейная палуба осталась над водой. Только сильный крен на левый борт мешал действиям артиллерии. Бомбардировка судов продолжалась до глубокой темноты.

Днем ненадолго зашел к Звонареву Белый. Он был сильно утомлен и нервничал.

— Моряки ведут себя преступно. Вместо обстрела вершины Высокой двенадцатидюймовыми орудиями они покорно ждут, когда настанет их черед затонуть в нашей луже,— теребил он свои длинные усы.— Никогда не ожи-

дал, что адмиралы и командиры броненосцев окажутся такими растяпами.

— Наши-то крепостные батареи обстреливают Высокую? — справился Звонарев.

— Мы должны экономить снаряды. Я посылал Азарова к Вирену с просьбой обстрелять Высокую, но адмирал ранен, и вообще выяснить не удалось, кто сейчас командует эскадрой,— сердито говорил Белый.

В следующие три дня японцы продолжали так же методически расстреливать суда русской эскадры. Один за другим были потоплены броненосцы «Победа», «Пересвет», крейсер «Баян», «Паллада» и канонерка «Гиляк».

Стессель нервно ходил по своему кабинету. Его возмущала полная бездеятельность моряков при обстреле и затоплении судов в порту.

— Не сделать ни одного выстрела по Высокой, где расположены наблюдательные пункты осадных батарей! Не оказать ни малейшего сопротивления японцам! Это не только трусость, это прямая измена русскому делу,— кипятился генерал.

— Вызвал бы ты к себе, Анатолий Михайлович, самотопов и устроил им хорошую головомойку,— предложил Никитин.— Хотя я и обещал поставить Николе-угоднику рублевую свечку, когда утонет наша последняя калоша, но все-таки бесславно вести себя непозволительно даже морякам. Ведь на судах имеются еще нужные нам снаряды, продовольствие, уголь, медикаменты и много других необходимых вещей.

— Они заняты спасением собственных шкур, бегут с кораблей вместе с крысами, спасая личные вещи, а о крепости не думают. Я послал Вирену приглашение прибыть ко мне по делам службы и получил ответ, что у него, видите ли, ножка болит и поэтому он не может прийти. Григорович занят спасением гибнущих судов. Это на дачных-то местах...

— С ним, наверно, и эта потаскушка из «Варьете» — Лолка,— вмешалась Вера Алексеевна.— Я уже приказала полиции схватить ее на улице и отправить в портомойную. Пусть там помозолит свои белые ручки.

Вошедший полковник Рейс подал Стесселю телефонограмму с приглашением на заседание адмиралов.

— Я, конечно, туда не поеду, а попрошу отправиться вас, Виктор Александрович,— решил генерал-адъютант.

— Пошли еще нашего сухопутного адмирала Белого,— предложил Никитин.

— Почему вы так отзываетесь о Василии Федоровиче? Он человек, достойный уважения,— вступилась генеральша.

— Душа у него самотопская, водки не пьет и с моряками дружит.

— Я тоже водку не употребляю,— заметил Стессель.

— Ты, дружок, сидишь под очаровательным башмачком матушки Веры Алексеевны, а то давно бы спился с круга, вроде меня.

Вечером того же дня на даче у Григоровича собрались все флагманы и командиры судов первого ранга. Ожидали только представителей сухопутного командования. Появление Белого было встречено тепло. Адмирал поспешил ему навстречу, расточая комплименты. Зато Рейса моряки приняли сдержанно и сухо.

Началось обсуждение, что предпринять для спасения судов. Командиры броненосцев и крейсера в один голос говорили, что наиболее рационально — затопить корабли в гавани.

— После войны они легко могут быть подняты,— уверял собрание Вирен.

— Кем, русскими или японцами? — спросил Рейс.

— Падение Артура мы считаем невероятным. К нам идет эскадра Рожественского. Через месяц, самое большее полтора, она появится здесь. Тогда морская блокада будет прорвана и нам подвезут с моря продовольствие и боеприпасы,— ответил Григорович.

— Генерал-адъютант Стессель потому и прислал меня сюда, чтобы предупредить ваши превосходительства о необходимости учесть и факт возможности взятия крепости японцами,— ответил полковник.

— Хотя я и не разделяю опасений генерал-адъютанта, но все же считаю, что суда необходимо вывести на внешний рейд, а не ждать, когда их перетопят японцы. По-моему, бездействие наших кораблей является просто позорным,— пылко проговорил Эссен.

— Но вы-то сами, Николай Оттович, также не сделали ни одного выстрела по Высокой,— упрекнул Вирен.

— Я так замаскировал свой броненосец портовыми кранами и другими судами, что японцы меня не нашли. Открыв огонь, я немедленно бы обнаружил себя.

 — Что же вы хотите делать со своим кораблем?

— Перейти в бухту Белого Волка и оттуда попытаться пойти на прорыв в нейтральный порт или навстречу адмиралу Рожественскому.

— Но вернет ли вам крепость орудия и команду?

— Могу заверить, что любой корабль, который будет назначен к прорыву, получит от крепости то и другое,— проговорил Рейс.

— Хотя мне особенно жаль расставаться с «севастопольцами», которые прекрасно себя показали на батареях, но все же и я не буду возражать против возвращения матросов, а также некоторого числа орудий и необходимого к ним комплекта снарядов,— добавил Белый.

— Итак, решено: «Севастополь» переводим в бухту Белого Волка,— резюмировал Вирен.— Кто еще желает последовать примеру Николая Оттовича? — обернулся он к сидящим за столом командирам судов.

Желающих не нашлось.

— А что вы думаете делать с «Баяном»? — обратился Григорович к командиру крейсера Иванову.

— Вчера одиннадцатидюймовый снаряд попал в среднюю кочегарку, и «Баян» лишился возможности самостоятельно передвигаться...

— Но почему же вы раньше не ушли? — задал вопрос Эссен.

— Потому, почему и вы, Николай Оттович,— ответил Иванов.

— Я собираюсь теперь выйти.

— А я лишен этой возможности, и мой «Баян» придется оставить в гавани.

Началось обсуждение подробностей выхода «Севастополя» в бухту Белого Волка. Решили направить, помимо него, еще канонерку «Отважный», все уцелевшие миноносцы и портовой буксир «Силач». На этом совещание закончилось.

Узнав о результатах совещания, Стессель в категорической форме потребовал выхода в бухту Белого Волка всех уцелевших кораблей и в ответ получил решительный отказ Вирена.

— Эскадра вашему превосходительству не подчинена и будет действовать и дальше согласно указаниям своего флагмана,— ответил он генерал-адъютанту.

Бухта Белого Волка, находящаяся между Тигровым полуостровом и Ляотешанем, была совершенно открыта с моря и лишь с севера прикрывалась небольшим ска-

листым мысом. Поэтому, как только корабли перешли сюда на стоянку, немедленно было приступлено к сооружению противоминных бонов. Кроме того, были выставлены противоминные сети. Прикрытая горами с берега, бухта Белого Волка была не доступна для обстрела батарей осадной армии и поэтому являлась едва ли не самым спокойным местом в Артуре.

Для охраны с берега в бухту были переброшены три полевые пушки с небольшим комплектом снарядов под командой Борейко. За ним следовали неизменный фейерверкер Родионов и другие утесовцы.

— Паскудное место для батареи, вашбродь,— ворчал фейерверкер.— Никакого тебе укрытия с моря, кругом камень, блиндажей не построишь. Морякам-то хорошо сидеть на броненосцах, а мы тут стой на самом юру!

— Что расплакался на старости лет, Тимофеич? На втором форту японец сидит в пяти саженях от наших стрелков, и то ничего. Да и стрелять с моря он будет прежде всего по судам,— возразил Борейко.

Осмотрев берег, поручик наметил места для орудий за небольшим прибрежным валом. Для людей, по совету Родионова, решили рыть пещеры в одном из круглых склонов горы. Старый шахтер из Донбасса, Родионов был большой любитель «проходки стволов и штреков», как он именовал все без исключения саперные работы.

Установив орудия на указанных местах, солдаты с шутками и прибаутками принялись за подготовку землянок.

Оставив Родионова за старшего, Борейко отправился на «Севастополь» с докладом Эссену. Но найти командира оказалось не так просто. Эссен перед походом лично осматривал свой корабль, заглядывая во все щели и углы. За ним неотступно следовали старший офицер, боцман, кондукторы и различные специалисты. Борейко увидел его вылезающим из какой-то горловины, с фуражкой, сбитой на затылок, с растрепанной, запыленной бородой.

— Вы ко мне, господин офицер? — спросил Эссен.— Чем могу быть полезен?

Узнав, что поручик со своими устарелыми полевыми пушками собирается прикрывать броненосец, Эссен громко расхохотался.

— Это все равно, если бы двухлетний ребенок выступил на защиту взрослого человека. Вы нам совсем не нужны. Разве для отбития минных атак,— несколько мягче добавил Эссен, заметив обиду на лице Борейко.— Как

у вас обстоит дело со связью, снабжением и прожекторами?

— К сожалению, ничего нет.

— Ладно. Сигнальщика дадим, на довольствие зачислим, прожектор поставим. Вас же попросим лишь не зевать и обстреливать все доступные вам цели, как-то: миноносцы, катера. Тратить на них крупные морские снаряды нет смысла, ваши же полевые пушки как раз подойдут для этой цели. Присылайте баталера за хлебом и консервами. Имею честь кланяться.

Борейко вернулся на берег. Солдаты усиленно долбили кирками и лопатами мерзлую землю, крепили крышу землянок, и вскоре уже были готовы четыре пещеры, способные вместить всех утесовцев. Родионов, порозовевший и оживившийся, то и дело покрикивал на своих «номерков»:

— Поторапливайтесь! К ночи все должно быть кончено, чтобы мы на новоселье поели горячей каши, а может, морячки пришлют нам по чарочке водки.

— Надо отправить на «Севастополь» человека за продуктами,— распорядился подошедший Борейко.

— А вот и Зайчик наш! — воскликнул Родионов.

— Честь имею явиться, вашбродь, до вас прибыл! — отрапортовал артельщик.

— Зачем бог принес?

— Утек из госпиталя. Больно японец бьет с мортиры. Терпежу никакого нет. Рядом госпиталь разбило, да в наш два снаряда попало. Узнал, что вы здесь, и подался сюда,— ответил солдат.

— Оставайся, будешь и тут артельщиком. Надо сейчас отправляться на «Севастополь». Сможешь сделать это?

— Так точно, смогу! — обрадовался солдат, сразу повеселев.

Он кинулся было по направлению к берегу, но закачался и едва не упал на землю.

— Совсем ты ослаб, Зайчик,— мягко проговорил Борейко.— Подожди, мы дадим тебе кого-нибудь в помощь, тогда и отправишься на броненосец. Посиди здесь пока с Родионовым.

Поручик написал требование на продукты и вручил его Зайцу. Вскоре артельщик отправился на лодке с «Отважного» за продуктами.

Короткий зимний день клонился к вечеру. Тяжелые низкие тучи нависли над свинцово-серым океаном. Дул норд-ост. Огромные волны с шумом налетали на берег,

покрывая скалы белой каемкой пены и изморозью. На горизонте маячили чуть заметные точки японских сторожевых судов. Посредине бухты высилась серая громада «Севастополя». Левее него рядом поместился «Отважный», еще ближе к берегу портовый буксир «Силач». У самых скал мотался на волне миноносец «Сторожевой». Вправо от броненосца в одну линию вытянулись «Сердитый», «Статный», «Скорый», «Смелый» и «Властный» — все, что осталось от флотилии артурских миноносцев. Из-за прибрежных сопок со стороны Артура доносилась глухая орудийная стрельба.

Утесовцы как можно удобнее устраивались в своих норках. Раздобыли сухой гаолян на подстилку, вход в блиндаж прикрыли палаточным брезентом. В укрытых от моря местах сложили несколько камельков. На батарее устанавливали орудия и рыли углубления для склада снарядов.

Борейко шагал вдоль орудий, соображая, куда направить батарею. Со стороны Ляотешаня к берегу подошла рота моряков с «Севастополя» во главе с Андрюшей Акинфиевым.

— Как только установим на корабле артиллерию, тотчас попытаемся прорваться из Артура,— радостно сообщил лейтенант, здороваясь с Борейко.

— Буду рад вашему успеху. Пришел защищать вас от японцев,— сообщил поручик.

Пока матросов перевозили на броненосец, приятели разговорились.

— Твоя жена останется в Артуре, если «Севастополь» уйдет? — справился Борейко.

— Да. Большая просьба позаботиться о ней. Ты ведь теперь тоже стал женатым человеком.

— Не беспокойся, Андрюша, все твои артурские друзья не оставят Надежду Сергеевну и в случае нужды окажут ей всемерную помощь.

Акинфиев предложил Борейко на ночь поместиться на броненосце.

— В твоей берлоге едва ли тепло и удобно.

— Зато близко к солдатам и пушкам. Я привык делить со своими людьми все тяготы войны,— отказался поручик.

— Тогда приходи хоть обедать к нам в кают-компанию.

— Пришли мне бутылку-другую водки, чтобы было чем согреться на морозе,— попросил Борейко.

 С наступлением темноты загорелись прожекторы на

крепостных батареях Белого Волка. Корабли не открывали своих огней. Началась пурга. Сухой крупный снег зашелестел по земле. Артиллеристы, забравшись в свои пещерки, ужинали. Около орудий молчаливо шагал часовой.

Борейко прилег на охапку гаоляна и при слабом свете ручного фонаря погрузился в рассматривание карты района Белого Волка. Денщик Иван открывал банки с консервами.

— Водку будете пить, вашбродь? — спросил он.

— Пока не окоченею до полусмерти, не стану. Убери ее подальше от соблазна.

Солдат вздохнул и недобрым словом помянул «маленькую учительку», совсем околдовавшую его барина.

До полуночи все было спокойно. Снег сыпал не переставая, видимость на море не превышала одного кабельтова. Даже силуэт броненосца только чуть проступал в ночной мгле. Часовые на батареях сменялись каждый час, прислушиваясь к перезвону склянок на судах. Борейко дремал у себя в блиндаже.

Вдруг в непосредственной близости от «Сторожевого» мелькнула темная тень и почти тотчас же блеснул красноватый огонек минного выстрела. На всех кораблях поднялась тревога. Пробили отражение минной атаки, загорелись прожекторы на дежурных миноносцах, загрохотали скорострелки на «Севастополе».

— К орудиям! — крикнул выскочивший из блиндажа Борейко.— Прямой наводкой, гранатой, прицел двадцать. Залпом!

Утесовцы опрометью бросились на батарею, замелькали ручные фонари, звякнули открываемые и закрываемые затворы.

— Готово! — один за другим доложили наводчики.

— Пли!

Три огневых столба прорезали белую муть, и почти одновременно блеснули разрывы снарядов на темном фоне вражеского корабля.

— Должно, попали,— неуверенно проговорил Родионов.

— Больно копаетесь, черти лапчатые,— сердито ворчал поручик.— Эх, нет Блохина, тот умел быстро работать!

— Он совсем от нас отбился,— отозвался фейерверкер.

Прошло полчаса, тревога на море улеглась, потухли прожекторы, и все опять погрузилось в темноту. Замерз-

шие артиллеристы топтались на месте, чтобы согреться.

— Отбой! — скомандовал наконец Борейко.— В следующий раз шевелитесь быстрее.

Под утро снегопад прекратился, видимость улучшилась. Неожиданно из-за Ляотешаня появились два японских миноносца. Они на всех парах шли к бухте Белого Волка.

— Прожектор на правую! — раздалась команда на «Сторожевом».

Светлый луч осветил в двух кабельтовых от берега большие четырехтрубные миноносцы. Передний успел выпустить мину, а задний ограничился стрельбой из орудий. Затем оба развернулись и стали уходить в море.

— Мина, мина идет! — раздался крик на дежурном миноносце.

На палубе поднялся шум, матросы приготовились прыгать в воду. В темных волнах был ясно виден светящийся след движущейся мины. Она прошла близко от миноносца и, вылетев на берег, взорвалась со страшным грохотом. Даже на батарею вместе с осколками долетели холодные брызги соленой воды.

Утесовцы стреляли с предельной скоростью. Им удалось два раза попасть во вражеские корабли, но серьезных повреждений нанесено не было, что весьма опечалило артиллеристов. Моряки тоже не могли похвастаться успехом.

День прошел спокойно. Утесовцы продолжали устраиваться на новом месте. На «Севастополе» устанавливали возвращенные с берега орудия, пополняли бомбовые и пороховые погреба, принимали воду и провиант. Воспользовавшись затишьем, Борейко побывал на броненосце, чтобы договориться с Эссеном о совместных действиях при отражении минных атак. Командир корабля тепло принял поручика.

Вернувшись к себе, Борейко застал в своем блиндаже Надю Акинфиеву и Олю Селенину. Они принесли различные теплые вещи и бритвенные принадлежности. Надя попросила вызвать Андрюшу с «Севастополя». Борейко велел сигнальщикам пригласить Акинфиева на берег.

— Это тебе, чтобы ты не замерз,— протянула Оля мужу бутылку водки.— Только, чур, не выпей все в один присест!

— И ты, Брут! — с комическим вздохом проговорил Борейко.— У меня в запасе имеются уже две бутылки, твоя будет третьей. Этак я скоро запью горькую.

 С броненосца прибыл Акинфиев. В маленькой пещер-

ке стало тесно. Надя с мужем вышли наружу и прохаживались по берегу. Но ветреная и морозная погода мало располагала к прогулке.

— Отправимся на корабль. Там у меня ты и переночуешь,— предложил лейтенант.

Сообщив Оле и Борейко о своем намерении, Акинфиевы отправились на «Севастополь».

Ночью видимость улучшилась. В ожидании минных атак Борейко приказал солдатам посменно дежурить у орудий.

Вскоре после полуночи зашла луна. К бухте Белого Волка со всех сторон начали приближаться вражеские миноносцы. Они шли сразу с севера, юга и востока, в одиночку и группами. Между ними сновали минные катера.

— К орудиям! Огонь! — выскочил Борейко из блиндажа.

Опережая утесовцев, загрохотали пушки «Севастополя», «Отважного» и миноносцев. За ними вступили в бой береговые батареи, затрещали пулеметы.

Японские миноносцы, попадая в лучи прожектора, бросались в сторону. Затем они пускали мины, разворачивались и уходили, отстреливаясь из всех орудий. Двенадцатидюймовым снарядом с «Севастополя» снесло одному из них переднюю часть. Миноносец некоторое время еще двигался, но уже зарывался в воду. На мгновение мелькнули лопасти винта, и все исчезло. В другой миноносец сразу попало несколько снарядов. Окутываясь облаками пара, он быстро начал оседать, продолжая при этом яростно стрелять из всех пушек. У третьего было повреждено рулевое управление. Он полным ходом ринулся на «Отважного», как бы желая его протаранить. Взрывом мины, удачно пущенной со «Сторожевого», его переломило, и он мгновенно скрылся под водой. Еще два миноносца, потеряв ход, остановились на виду у батареи. Борейко расстреливал их в течение нескольких минут.

У берега то и дело взрывались вылетавшие на камни мины, другие рвались на противоминных бонах, третьи запутывались в минных сетях и долго жужжали в них, как шмели.

Увлеченные борьбой с миноносцами, моряки совсем не следили за минными катерами. Воспользовавшись этим, японцы вдоль берега подобрались к самой корме «Севастополя» и в упор выпустили мину. Страшный грохот показал, что попадание было удачно. Прекратив стрельбу, корабль торопливо подтянулся почти вплотную к берегу и сел кормой на дно. Затем японцам удалось повредить

также «Отважного» и «Сторожевого». С артурской эскадрой было покончено.

Когда наконец скрылся последний вражеский миноносец, Борейко с удивлением увидел, что наступает рассвет. Всего за ночь прошло не менее пятидесяти вражеских кораблей, и добрый десяток из них нашел свою могилу в бухте Белого Волка.

— Вашбродь, учителька просют вас к себе. Их ранило осколком,— доложил Борейко денщик.

— Что же ты молчал раньше? Где она? — И поручик поспешил в блиндаж.

На охапке гаоляна лежала с неестественно выпрямленной правой ногой бледная Оля и тихо стонала.

— Не волнуйся, Боречка, мне повредило правое колено, но рана не опасная,— чуть слышно проговорила она.

— Ненаглядная моя, зачем ты только сюда приехала,— заволновался поручик,— лучше бы мне оторвало сразу обе ноги.... Потерпи немного, я сейчас постараюсь вызвать врача с «Севастополя»...

Вместе с доктором с броненосца прибыла и обеспокоенная полученным известием Акинфиева. Осмотрев Олю, доктор объявил, что разбита коленная чашечка. Рана не опасна, но учительница может на всю жизнь остаться хромой. Отчаянию Борейко не было предела.

С наступлением дня раненую на катере отправили в Артур в сопровождении Акинфиевой.

— Что в конце концов случилось ночью с «Севастополем»? — вспомнил Борейко.

— Отвоевался наш броненосец! В корме минная пробоина в три квадратных сажени. Исправить ее в Артуре нет возможности,— отвечал врач.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Белый просматривал табель снарядов, еще сохранившихся в крепости, когда неожиданно пришел полковник Рейс. Белый не любил и не уважал льстивого и двуличного начальника штаба Стесселя и избегал встречаться с ним.

Полковник справился о здоровье генерала, пожаловался на погоду, спросил, скоро ли будет свадьба Вари.
 Белый отвечал кратко и сухо, все более недоумевая;

зачем же явился Рейс. Наконец он не выдержал и в упор спросил его об этом.

Рейс заговорил о тяжелом положении крепости, о мрачном будущем Артура в случае взятия его штурмом.

— С гибелью эскадры значение Артура как крепости сводится к нулю. Наконец, во имя сострадания к десяткам тысяч раненых и больных и выбившемуся из сил гарнизону нужно подумать о пределе обороны.

Белый молчаливо слушал, глядя в упор на своего собеседника.

— Трудно надеяться на освобождение Артура извне. Эскадра Рожественского едва ли справится с японцами. Маньчжурская армия далеко и пока что не собирается идти на выручку крепости,— продолжал полковник.

— Какой же прикажете сделать вывод из ваших речей, господин полковник? — покрутил длинный седой ус генерал.

— Не считает ли ваше превосходительство нужным собрать совет обороны и на нем обсудить затронутые мною вопросы? — увильнул от прямого ответа Рейс.

— Отчего не собрать? Поговорим на совете, как нам лучше оборонять нашу крепость,— с иронией ответил Белый.

Седой мудрый казак давно уже разгадал смысл всех словоизлияний Рейса и теперь явно издевался над ним.

Полковник поспешил откланяться, сообщив, что он уже переговорил по этому вопросу с Кондратенко и сейчас отправляется к Смирнову.

— В добрый час. Рекомендую вам запастись терпением, когда вы будете разговаривать с комендантом крепости,— совсем уже насмешливо напутствовал его генерал.

Около пяти часов вечера того же дня в кабинете Смирнова собрались Фок, Белый, Никитин, Горбатовский, Рейс и начальник штаба Смирнова полковник Хвостов. Ждали запоздавшего Кондратенко.

— Я хочу вас коротенько ознакомить с новыми вариантами обороны Артура,— похлопал Смирнов рукой по объемистой папке.

— Надеюсь, в них нет высшей математики? — спросил Белый.

— О нет! Тут только общие соображения,— ответил Смирнов и начал монотонным голосом читать длиннейшие диспозиции гарнизону крепости при всяких возмож-

ных и совершенно невозможных случаях японского штурма.

Присутствовавшие, прикрывая зевоту, с тоской слушали генерала. Появился Кондратенко.

— Теперь мы все в сборе. Приступим же к делу,— громко заметил Белый.

— Да, да,— заторопился Смирнов.— Я вам зачитаю свои соображения в другой раз. Итак, господа, Высокая пала, эскадра больше не существует. Что же нам делать дальше?

— Продолжать оборону,— отозвался с места Кондратенко.

— Но у нас на исходе снаряды и патроны, гарнизон быстро тает,— подал голос Рейс.

— Снарядов хватит на отбитие двух больших штурмов,— резко проговорил Белый,— а если штурмов не будет, то на два-три месяца обороны.

— Как обстоит дело с продовольствием? — справился Кондратенко.

— Муки имеется на два месяца, крупы на две недели, на мясо можно пустить еще до трех тысяч лошадей, что даст возможность продержаться около двух месяцев,— ответил Смирнов.

— Кроме того, сегодня в Голубиную бухту пришел, прорвав блокаду, английский пароход «Кинг Артур». На этот раз моряки своевременно предупредили меня, и все обошлось благополучно,— сообщил Белый.

— А что он доставил? — живо спросил Фок.

— Пятьдесят тысяч пудов муки, немного консервов и колбасы, но боевых припасов, к сожалению, на нем не оказалось.

— Тогда мы обеспечены продовольствием, по крайней мере, еще на месяц, то есть до конца февраля. За это время к нам могут подойти и другие пароходы,— обрадовался Кондратенко.

Затем он сообщил о показаниях пленного японского адвоката. Это вызвало оживленный обмен мнений среди присутствующих. Все в один голос, кроме Рейса, говорили о необходимости защищать Артур до последней возможности.

— Раз положение японцев столь критическое, наш долг перед родиной елико возможно затянуть оборону крепости. Преждевременная ее сдача, хотя бы на один день, будет тяжким преступлением, граничащим с прямой изменой,— необычно для него пылко проговорил Белый.

— Генерал-адъютант все же приказал мне поставить на совете вопрос о пределе возможной обороны крепости,— проговорил Рейс.

— Говорить о сдаче Артура сейчас совершенно недопустимо,— горячился Кондратенко.— Будем воевать, пока есть снаряды и патроны! Не станет их — пойдем в штыки, будем драться врукопашную.

Слушая эту речь, Фок понял, что еще никогда Кондратенко не был так опасен для выполнения задуманных им планов, как сейчас. Он, получив от пленных сведения о внутренней слабости Японии, решил действовать немедленно.

— О да! Говорить о капитуляции еще слишком рано,— неожиданно проговорил он.

Рейс с удивлением взглянул на генерала и замолчал.

Совещание окончилось. Гости стали расходиться. Задержались только Фок и Кондратенко.

— На втором форту дела обстоят неважно, Роман Исидорович! — обратился к Кондратенко Смирнов.— Того и гляди, японцы ворвутся во внутренние казармы.

— Я надеюсь на Фролова. Пока он жив — второй форт будет в наших руках.

— Зря только губите людей, ваше превосходительство,— вмешался Фок.— Чему быть, того не миновать. Второй форт так сильно разрушен, что нам его все равно не удержать. Так зачем же упорствовать в его обороне?

— Я в одном из своих вариантов предусмотрел эту возможность. Но пока еще форт в наших руках,— заметил Смирнов.

— Сегодня наш, а завтра может быть японским,— многозначительно проговорил Фок.

— Надеюсь, что по-вашему не будет,— вспыхнул Кондратенко.

— Все же съездите-ка туда, Роман Исидорович,— предложил Смирнов.

— Я собирался побывать там завтра утром.

— Нет, нет, следует побывать сейчас же,— сразу оживился Фок.— Хозяйский глаз многое может заметить, чего не скажут никакие донесения.

Кондратенко посмотрел на часы.

— К девяти вечера, раньше я туда не поспею...— проговорил он.

— Торопиться, конечно, не следует,— говорил Фок.— Я и сам бы отправился с вами, Роман Исидорович, да что-то простужен, насморк, кашель.

Генералы простились.

Вернувшись домой, Фок немедленно послал за Шубиным и сообщил ему о предстоящей поездке Кондратенко на второй форт.

— Вам представляется удобнейший случай развязать мне руки,— закончил генерал.

— Приложу все свои силы, чтобы помочь вашему превосходительству.

Шубин исчез.

Вечером, в начале девятого, Кондратенко в сопровождении нескольких ординарцев легкой рысцой ехал через новый Китайский город, направляясь в штаб Горбатовского. Дул сильный ветер. Сухой снег с легким шуршанием катился по земле.

Прибыв в штаб Восточного фронта, Кондратенко выслушал доклад Горбатовского о положении на втором форту.

— Я сейчас отправлюсь туда лично. Вас же, Владимир Николаевич, беспокоить не буду, отдыхайте, пока на фронте тихо.— И генерал вышел.

Путь на форт проходил через Куропаткинский люнет. Кондратенко нашел здесь подполковника Науменко, временно командовавшего Двадцать пятым полком, и вместе с ним двинулся дальше.

Дорога шла ходами сообщения, которые во многих местах были засыпаны землей. Приходилось с трудом перебираться через груды замерзшей почвы, камней и отдельных бревен. Добравшись до форта, генерал направился в офицерский блиндаж.

Отряхнув с себя снег и сняв намерзшие на усах и бороде сосульки, Кондратенко, как всегда, приветливо поздоровался со встретившим его комендантом форта поручиком Фроловым и вслед за ним вошел в блиндаж, где уже собрались его ближайшие помощники: подполковник Рашевский, инженер-капитан Зедгенидзе и несколько стрелковых офицеров. Поздоровавшись с каждым в отдельности, Кондратенко сел за стол в углу каземата и приступил к совещанию, расспрашивая защитников форта, что сделано за последние два дня японцами. Затем он приказал позвать охотников-солдат, особенно отличившихся за последние дни, и, поздравив их, тут же наградил Георгиевскими крестами. Среди них был и Блохин.

— Тебе полагается золотой крест второй степени, но такого у меня нет сейчас,— сказал генерал артиллеристу.— Я тебя только поздравляю, а крест получишь в штабе района.

— Покорнейше благодарю, ваше превосходительство. Крест мне тут без надобности, еще потеряю,— ответил Блохин.

— Он у меня правая рука по минной части. Природный минер, хотя и служил в артиллерии,— сказал Фролов.

— В какой роте? — поинтересовался Кондратенко.

— С Электрического Утеса, а потом на «литербе», из роты поручика Борейко и прапорщика Звонарева, ваше превосходительство.

— Значит, прошел прекрасную школу. Эх, все собираюсь проведать Сергея Владимировича в больнице, да времени не хватает! Евгений Николаевич, напомните мне об этом завтра.

Затем Кондратенко отпустил награжденных и отправился с Рашевским в контрэскарпную галерею, где японцы пустили какой-то ядовитый газ. Вся передняя часть галереи уже была занята японцами, и только бруствер из мешков отделял их от русских. При свете ручного фонаря Кондратенко подошел к брустверу и стал нюхать воздух. Несколько солдат перестреливались с японцами. Выстрелы гулко раздавались под низким сводчатым потолком. Пули ударялись о стенки и с визгом рикошетировали вдоль галереи.

— Пахнет чесноком, возможно, это мышьяковистые пары,— проговорил генерал.

Услышав знакомый голос, стрелки прекратили стрельбу и вытянулись.

— Здорово, молодцы! Спасибо за геройскую службу!

Стрелки ответили четко и дружно. Японцы тотчас же открыли частую стрельбу.

— Спрячьтесь, Роман Исидорович, а то, не ровен час, вас заденет,— упрашивал Фролов.

— Почему это должен прятаться я, а не вы?

— Нас много, а вы один!

Кондратенко усмехнулся, похлопал офицера по плечу и направился в обратный путь.

Вернувшись в офицерский блиндаж, они застали в нем до пятнадцати человек. Было так тесно, что многие сидели на кроватях, кое-кто стоял. Вокруг раздался свист приближающегося снаряда, а затем грохот где-то сзади, за фортом. Фролов вышел из каземата узнать, что случилось. Не успел он вернуться, как новый снаряд упал на этот раз впереди форта.

— В вилку взяли,— заметил кто-то.

— Вы бы, Роман Исидорович, ушли отсюда, от греха,— забеспокоился Рашевский.

— Двум смертям не бывать, а одной не миновать,— ответил Кондратенко.

Вернувшись, Фролов доложил, что разбит горжевой мост и, по-видимому, японцы догадались о пребывании на форту русского начальства.

— Вашбродь, японец что-то совсем затих под землей, не хочет ли взорвать мину? — доложил Рашевскому Блохин, появляясь в каземате.

— Пойдем, что ли, посмотрим, что там происходит? — обратился Кондратенко к Рашевскому, поднимаясь с места, но тотчас же сел опять.

— Устал очень, лучше загляну в следующий раз,— добавил он слабым голосом. В голове Кондратенко проносились образы его жены и детей. Вспоминалась младшая дочка, четырехлетняя Маня,— как она просила привезти ей с войны «маленького живого японичка». Он ей, по-видимому, представлялся чем-то вроде плюшевого мишки. На лице Романа Исидоровича при этом воспоминании появилась мягкая улыбка, и он закрыл глаза.

Оберегая его отдых, все в блиндаже хранили молчание.

Послышался вой приближающегося снаряда, он нарастал с каждой секундой. Все притаили дыхание, вслушиваясь в этот режущий звук.

Прошла секунда, другая, третья... Страшный удар взрыва, яркий, ослепительный блеск, общий не то стон, не то крик ужаса... Свет потух, все смешалось, пыль, дым, грохот обваливающегося бетона, стихающие стоны... Помещение наполнилось удушливым бурым газом, синеватое пламя пробежало по обломкам и трупам... Шуршал падающий сверху песок.

Услышав грохот взрыва, стрелки прибежали к месту происшествия. Первым, кого увидели, был окровавленный комендант форта поручик Фролов.

— Все убиты,— хрипло проговорил он, когда к нему подбежал единственный уцелевший офицер, поручик Куров.— Примите командование...

Приказав стрелкам быть готовыми к отражению штурма, Куров вошел в разрушенный каземат. Помещение было завалено обломками и человеческими телами. Коегде слышались слабые стоны. Солдаты начали разбирать мусор и выносить на двор пострадавших. Девять человек были еще живы, остальные семеро убиты. Среди них Кондратенко, Науменко, Зедгенидзе, Рашевский и трое

только что награжденных солдат. Генерал полулежал на столе, за которым он только что сидел. Из рассеченного затылка просачивались кровь и мозг.

— Как же мы теперь будем воевать? — уныло проговорил подошедший Блохин.— Нет теперь нашего генерала...

— Пропал Роман Исидорович! Значит, и нам придется пропадать,— проговорил один из унтер-офицеров.

— Кондратенко убит! — вошел в комнату жены взволнованный Стессель.

— Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего Романа,— набожно перекрестилась Вера Алексеевна.— Царство ему небесное.

— Что же мы теперь будем делать? Кто его заменит? — растерянно спрашивал генерал.

— Кроме Фока, я никого не знаю. Надо его немедленно поставить во главе сухопутной обороны и подумать о конце осады. Довольно повоевали, пора и мириться.

Участь Артура была решена, как только перестало биться сердце Романа Исидоровича Кондратенко.

Серое, холодное утро четвертого декабря. На фронте тихо. Скорбный Артур притаился. Крепостные батареи молчат, не слышно даже ружейной перестрелки. В церкви десятого полка идет траурное богослужение. Посредине возвышаются девять простых деревянных гробов. Их окружает толпа офицеров, чиновников. Тут же несколько женских фигур в сестринских костюмах. У большинства измученный, болезненный вид.

Впереди — у самого изголовья Кондратенко — Стессель и его жена. Генерал-адъютант в полной парадной форме с траурным крепом на рукаве. Вера Алексеевна вся в черном. Рядом — Белый с женой. С ними Варя. Старик Надеин, кряхтя, бьет земные поклоны. Неподалеку, закутанный теплыми шарфами, изможденный Костенко. Фок демонстративно отсутствует. Сзади пестрая толпа сухопутных офицеров. Поодаль в сторонке группа адмиралов — Григорович, Вирен, Лощинский — в окружении моряков.

Сквозь толпу осторожно пробирается гибкая фигура господина с огромным венком в руках. На черной бархатной ленте ярко бросаются в глаза вышитые золотом слова: «Доблестному защитнику Артура, душе героиче-

ской обороны генералу Р. И. Кондратенко от фирмы «Тифонтай». Шубин в новом фраке и туго накрахмаленной манишке. Он торжественно возлагает венок на гроб генерала, кладет земной поклон, почтительно приветствует супругов Стессель и отходит к двери. Приносят еще несколько маленьких венков от различных частей.

Медленно проходит отпевание. Варя все сильнее томится и, чтобы занять свое внимание, начинает разглядывать покойников. Вот Кондратенко, на лице которого застыла тревожная дума. Рядом Науменко с перекошенным от боли и ужаса лицом. Затем Рашевский с гримасой удивления на лице. За ним Зедгенидзе — лежит совсем как живой, ни одной царапины, ни малейшего ожога на лице.

Дальше не хочется смотреть на обугленные, обезображенные трупы.

«Зачем их держат в открытых гробах?» — Варя отворачивается.

Отпевание кончилось. Генералы подняли гроб Кондратенко. Другие гробы понесли офицеры.

На улице сводная рота стрелков и артиллеристов при знамени, играет оркестр.

— Слушай, на караул! — рокочет густым басом Борейко.

Взлетают вверх винтовки, блестят обнаженные шашки, оркестр играет «Коль славен». Знамя чуть склоняется, отдавая последний салют героям.

Установленные на лафеты гробы трогаются в последний путь. За гробами идут Стессель, Белый, Рейс, Степанов... Варя с матерью и Верой Алексеевной несколько отстали. Звучит траурная мелодия похоронного марша...

Не бил барабан
Перед смутным полком,
Когда мы вождя
Хоронили...—

мелькают в голове Вари знакомые слова.

Справа и слева от дороги толпы солдат и рабочих, пришедших проститься со своим любимым генералом.

— Теперь скоро Артуру конец,— вздыхают в толпе.

Стессель сердито обернулся и приказал казакам отогнать подальше толпу.

Неприветливо, холодно светит зимнее солнце. Как саваном, покрыл землю снег. Над океаном нависла туманная мгла.

 Могилы были приготовлены на холме у Плоского

мыса, откуда открывался широкий вид на бесконечную даль океана.

Началась последняя лития. Священник бросил горсть мерзлой земли на грудь каждого покойника [1].

— Рота! Залпом! — скомандовал Борейко.

— Не сметь стрелять! Никаких салютов! Иначе нас моментально раскатают японцы,— зычно крикнул Стессель.

Борейко медлил, недоуменно глядя на генерала.

— Отставить! — как бешеный закричал Стессель, подбежав к солдатам.

— Отставить! — скомандовал нахмурившийся поручик.

Рота опустила ружья к ноге. Музыка заиграла «Коль славен». Гробы медленно погружаются в могилу.

— Слушай, на караул! — неожиданно скомандовал Борейко и, выхватив наган, один за другим выстрелил шесть раз.

Его примеру последовали еще несколько офицеров.

— Прекратить! Прекратить! — крикнул Стессель, оборачиваясь к стрелявшим, но его никто не слушал.— Под арест, под суд! — накинулся он на Борейко.

Поручик хмуро посмотрел на разъяренного генерала и вдруг вскинул на него револьвер. Стессель в ужасе шарахнулся в сторону.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я проверяю, не осталось ли случайно патронов в револьвере,— громко проговорил Борейко насмешливым тоном.

Перепуганный Стессель поспешил уехать, приказав Белому «строго взыскать с этого нахала».

— Вы не можете, Борис Дмитриевич, без фокусов... Пора бы и угомониться! Я слышал, что вы обвенчались уже со своей учительницей. Хотя бы о своей жене подумали,— добродушно пожурил генерал офицера и отошел.

— Вашу лапу, Медведюшка! — подлетела Варя.— Вы вели себя молодцом. Сегодня же повидаю Олю и все ей подробно расскажу.

— Не смейте ее напрасно волновать.

— Она, наверно, будет только гордиться вашим поступком.— И девушка поспешила за отцом и матерью.

Вечером того же дня в кабинете Стесселя сидели Фок, Рейс, господин Шубин. Присутствовала и Вера Алексеев-

---

[1] В 1905 г. прах Р. И. Кондратенко был перевезен в Петербург и похоронен в Александро-Невской лавре.

на с неизменным вязаньем в руках. Несмотря на то, что дверь в комнату была плотно прикрыта, все говорили вполголоса, словно боясь быть услышанными посторонними.

— К великому сожалению фирмы «Тифонтай», чек на пять миллионов долларов придется несколько задержать,— проговорил Шубин, любезно улыбаясь.— Каждый лишний день осады приносит нам большие убытки, и мы принуждены будем снижать обусловленную плату за услугу ваших превосходительств.

— Не могу же я мгновенно прекратить оборону. Если я ни с того ни с сего сдам Артур, то меня за это повесят. Зачем же мне тогда ваши деньги? — сердито возразил Стессель.

— Японская армия уже взяла Высокую, уничтожила артурскую эскадру, в гарнизоне свирепствует цинга и другие болезни. Эскадра Рожественского застряла около Мадагаскара, а Куропаткин и не думает двигаться на юг. Наконец — умер и Кондратенко. А генерал Фок лично говорил мне, что это развяжет ему руки,— ровным голосом продолжал Шубин.

— Пока форты Восточного фронта держатся, оборона будет продолжаться,— сухо проговорил Стессель.

— Сейчас создалось очень тяжелое положение на втором форту, но его, конечно, нужно еще взять,— вскользь заметил Фок.

— Приму во внимание замечание вашего превосходительства,— заулыбался Шубин.

— Неважно обстоит дело и на третьем форту, несколько лучше на укреплении номер три. На остальном фронте положение прочнее,— сквозь зубы цедил Фок, глядя на Шубина.

— Имеется еще вторая линия обороны — от батареи литеры Б до Курганной батареи. На ней также можно держаться,— заметил Шубин.

— Об этом не беспокойтесь,— отрезал Фок.

— Большая просьба господина Тифонтая — не затягивать дела. К январю все должно быть кончено, в противном случае мы будем считать договор расторгнутым.

— Прошу передать... господину Тифонтаю,— насмешливо ответил Фок,— что он может твердо рассчитывать на пятнадцатое — двадцатое декабря. Это крайний срок. Как начальник сухопутной обороны я ручаюсь за это.

— Во имя человеколюбия и гуманности необходимо все кончить возможно быстрее. Каждый день несет десятки и сотни новых жертв. Анатоль, ты должен пожа-

леть жен и детей артурцев! — патетически воскликнула генеральша.

— Приятно слушать разумные речи. Я не замедлю довести их до сведения господина Тифонтая,— поспешил откланяться Шубин.

— Должно быть, японцам действительно, как говорят пленные, уже воевать не под силу, что они так торопят со сдачей крепости,— заметил Рейс.

— Тем более оснований содрать с них побольше,— пылко проговорила Вера Алексеевна.

Приняв командование сухопутной обороной крепости, Фок прежде всего вдвое сократил численность гарнизона всех фортов.

— От скученности только развиваются эпидемические болезни, да и потери будут большие. Только изменники могут настаивать на увеличении гарнизонов,— постоянно твердил он.

Был сильно сокращен и гарнизон второго форта, хотя положение его считалось весьма трудным. Японцы прочно укрепились в переднем рву форта и неустанно работали, подготовляя взрыв бруствера. Они захватили также переднюю часть контрэскарпной галереи. Форт беспрерывно обстреливался одиннадцатидюймовыми снарядами, которые сильно разрушали тыловую казарму.

С раннего утра пятого декабря на форту происходила редкая перестрелка. Гарнизон находился в тыловой казарме, только часовые стояли у брустверов. День выдался ясный, солнечный. Изнуренные долгой осадой, солдаты и матросы высыпали в тыловой ров и грелись на солнце. Новый комендант форта штабс-капитан Кванц прохаживался тут же. Он недавно выписался из госпиталя и ходил теперь, опираясь на палочку.

Кванц спустился в потерну и пошел в контрэскарпную галерею. Здесь даже в светлый солнечный день царил полумрак.

— Вашбродь, стащить бы сюда пушку да пальнуть в упор по японцу...— обратился к штабс-капитану Блохин.

— А ты кто такой, что подаешь мне советы? — вскинулся офицер.

— Бомбардир-лабораторист Блохин, веду минную работу по форту.

— Вон что! Как же ты попал в минеры?

— По своей охоте. Прибыл сюда еще с прапорщиком Звонаревым.

— Вали, только поскорее, а то японцы собираются взорвать форт.

Через четверть часа с помощью стрелков и матросов Блохин втащил пятидесятимиллиметровую пушку в галерею, поставив ее непосредственно за бруствером.

— Катись отсюда, пехтура,— распорядился он.

Стрелки с удивлением посмотрели на новоявленного командира.

— Сам ты собирай свои монатки, да поживее, пока не надавали по шеям,— огрызнулись они.

Блохин спокойно начал сбрасывать мешки с бруствера, очищая амбразуру для орудия. Услышав возню, японцы бросили несколько бомбочек, но стрелки их хватали на лету и возвращали обратно.

Установив пушку, Блохин сам стал за наводчика и несколько раз выстрелил в упор по японцам. Среди японцев началась паника, и они с воем ринулись из галереи. Не давая врагу опомниться, Блохин продолжал выпускать снаряд за снарядом, чередуя гранаты с шрапнелями, поставленными на картечь.

— Айда, за мной в атаку! — крикнул стрелковый унтер-офицер и выскочил на остатки бруствера. Солдаты бросились за ним. Блохин же остался около пушки, утирая рукой потный лоб.

Стрелки из контрэскарпной галереи проникли в разрушенный капонир, а оттуда в ров и оказались перед японской минной галереей.

Энергичные действия русских заставили японцев спешно подтянуть ко второму форту свои резервы и поторопиться со взрывом мины под передним бруствером. Одновременно они установили горную пушку при входе в контрэскарпную галерею. Блохин не сразу заметил ее и кинулся к своей пушке как раз в тот момент, когда грянул первый японский выстрел. К счастью, снаряд пролетел выше, не задев никого из орудийной прислуги.

Началась своеобразная подземная артиллерийская дуэль. В сумраке галереи то и дело вспыхивали зарницы. Грохотали выстрелы, со страшным визгом летели гранаты и шрапнели. Стрелки распластались на полу, предоставив Блохину действовать в одиночку. После нескольких выстрелов вражеская пушка замолчала.

Как только с ней было покончено, Блохин вернулся в тыловую казарму. Стрелки и матросы встревоженно говорили о странном поведении японцев: они приостановили все работы в переднем рву и отвели своих солдат в тыл.

— Должно быть, хочет взорвать мину, а затем кинуться на штурм,— решили стрелки.

Кванц приказал убрать всех часовых от брустверов к ретраншементу, сложенному из мешков около тыловой казармы. Гарнизон форта разобрал винтовки и был готов ежеминутно броситься на отражение штурма.

Начался длительный обстрел форта и подступов к нему из орудий всех калибров. Ливень снарядов обрушился на укрепление. Страшные взрывы уничтожали буквально все далеко вокруг. Малочисленный гарнизон, сокращенный Фоком почти вдвое, быстро таял. Телефонная связь со штабом Горбатовского была нарушена, и форт был предоставлен собственным силам.

Днем, в половине второго, над передним бруствером взметнулось огромное черное, с серым отливом облако дыма и раздался оглушительный взрыв. За ним последовал второй и третий. Полуразрушенные казематы, казармы стали обваливаться. Ужас и смятение охватили гарнизон. Выбежав из казармы, солдаты увидели перед собой штурмовую колонну японцев, которая проникла в форт через огромную воронку, образованную взрывом в переднем бруствере. На тесном пространстве внутреннего дворика завязалась рукопашная схватка. К японцам подходили все новые и новые подкрепления, и русские были принуждены отступить к самой казарме.

На помощь атакованному форту пришли соседние крепостные батареи. Они открыли жесточайший огонь по всем подступам к форту со стороны японцев, отрезав штурмующих от их тыла. Это дало возможность гарнизону форта оправиться и предпринять энергичную контратаку. Забросав японцев бомбочками, остатки стрелков и матросов бросились в штыки. Враг был уничтожен.

Выставив часовых, солдаты и матросы собрались в казарме. Уцелело не больше пятидесяти человек.

— Что же нам, братцы, дальше делать? — спросил кто-то из матросов.

— Вестимо что — миром держаться,— ответил один из бородачей стрелков.— До темноты подождем, а там пришлют подмогу.

Как только произошел взрыв на втором форту, Горбатовский по телефону сообщил об этом Фоку. Генерал не замедлил прибыть в штаб Восточного фронта.

— Второму форту необходимо срочно послать подкрепление,— докладывал Горбатовский.— У меня есть сводная рота с «Победы» и «Полтавы».

— Пока они дойдут до места, большая часть из них

будет убита или ранена. Нельзя же зря проливать матросскую кровушку, как это любил делать покойный Кондратенко! Надо немного подождать.

— Но японцы-то не ждут! Они беспрерывно атакуют форт,— продолжал настаивать Горбатовский.

— Пусть еще подержатся, а не выдержат — значит, пора очищать форт. Он дорого обошелся нам за пять месяцев обороны.

— Японцы потеряли под ним в десять раз больше,— возразил Степанов.

— Тем более, значит, форт сыграл свою роль.

Перед наступлением темноты часть моряков все же была послана, но их рассеяли огнем осадные батареи, прежде чем моряки успели дойти.

— Я же говорил, что так будет,— торжествовал Фок.

В дело вступили свежие части японцев и вновь овладели фортом. Малочисленный гарнизон едва смог удержаться в тыловой казарме. Об этом сообщили в штаб Фоку. Генерал приказал взорвать казармы и оставить форт.

Солдаты недоумевали:

— Японец целый день старался, но не мог выбить нас. Зачем же теперь даром будем отдавать форт?

— Приказано начальством,— сказал Кванц.

— Каким, русским аль японским? — протолкался вперед Блохин. Он был дважды ранен за день, и на его голове и левой руке были окровавленные бинты.

Кванц хотел было прикрикнуть на него, но, заметив злые лица солдат, не решился и смолчал.

— Измену генералы делают,— продолжал Блохин.— Кто хочет, пусть уходит, а я останусь здесь.

— Ну, я с тобой, и я, и я...— раздалось несколько голосов.

— Ну, как хотите, а мы уйдем,— проговорил Кванц. С ним отправилась значительная часть гарнизона.

Оставшиеся солдаты приступили к закладке мин в различных местах форта, казармах, потерне, контрэскарпной галерее. Руководил Блохин. Японцы устраивались на захваченной части форта и подтягивали резервы, готовясь к ночному штурму.

Рассыпавшись по всему участку, Блохин и несколько стрелков и матросов вели редкую ружейную стрельбу. Шум у японцев нарастал с каждым часом, но это мало беспокоило Блохина. Все заложенные мины были соединены электрическим проводом. Если бы японцы рину-

лись на штурм, то стоило только включить ток, и они были бы погребены под развалинами форта.

Блохин отправился в обход опустевшего форта. В контрэскарпной галерее два матроса с «Паллады» перебрасывались с японцами бомбочками. Сюда электрических проводов за дальностью расстояния не проводили и установили лишь подрывные патроны с запальным шнуром.

— Помни, ребята, если японец попрет, отходи не спеша и поджигай бурки, что заложены в стенах. Сбор всех у моста за задним рвом.

— Ты совсем офицером стал, Блохин,— насмешливо проговорил Лебедкин.— Только золотых погон не хватает. Того и гляди, в рыло заедешь.

— Порядок должен быть, иначе японец всех нас передушит, как кур. Слухай мою команду,— продолжал Блохин.— Как крикну: «С моста ко мне!» — так и бежи, да смотри не задерживайся, а то при взрыве казармы может придавить.

Неожиданно зазвонил телефон. Заглянув в дверь каземата, Блохин увидел забытый при уходе офицера телефонный аппарат.

— Вот шкуры окаянные, бросили-таки казенное имущество,— выругался он вслух и снял трубку.

— Кто у телефона? — услышал он чей-то сердитый голос.

— Комендант форта номер два бомбардир-лабораторист Филипп Блохин.

— Кто тебя, дурака, комендантом назначил? Позови кого-либо из господ офицеров!

— Нету здесь таких.

— Как ты смеешь так со мной разговаривать!

— Виноват, вашбродь, но в телефон вашего чину не видать,— иронически ответил Блохин.

— Говорит генерал Горбатовский. Почему форт еще не взорван?

— Ждем, когда японец пойдет на штурм. Тогда вместе с ним и взорвем, ваше превосходительство.

— Приказываю немедленно взорвать, иначе я вас всех отдам под суд!

— Не очень-то мы испугались этого,— пробурчал Блохин и отсоединил аппарат от линии.— Кричи теперь, надрывай свою глотку...— выругался он.

Скоро в воздухе вспыхнула яркая ракета, и почти тотчас же начался штурм. Блохин поспешил в потерну. Навстречу ему уже бежали солдаты.

— Подожгли все заряды,— сообщили они.

Один за другим прогремели взрывы. Галерея и потерна с грохотом обрушились, погребая под собой штурмующих. Дым и пыль хлынули в казарму. Блохин выбежал на мост и крикнул стрелкам, охранявшим боковые рвы. Как только они все перебежали по мосту через ров, Блохин торопливо включил рубильник. Огромное пламя поднялось вверх, сильный взрыв потряс все окружающее. Взрывной волной Блохина сбило с ног. Рядом кричал придавленный насмерть матрос. Остальные успели отбежать на безопасное от осколков место.

Когда все стихло, Блохин поднялся на ноги и побежал к Куропаткинскому люнету. Здесь он нашел несколько матросов и Лебедкина, все остальные защитники форта погибли под обломками.

После падения форта номер два бомбардировка Старого города усилилась. Днем и ночью в воздухе с воем проносились одиннадцатидюймовые бомбы, сметая все на своем пути. Много стало падать снарядов и около больницы Красного Креста.

Как только начинался обстрел, все, кто мог двигаться, спускались в подвальный этаж. Возле тяжелобольных в палатах оставались сестры и санитары.

Сосед Звонарева обычно уходил, и прапорщик оставался один. Его охватывало жуткое чувство одиночества и беспомощности. Особенно сильно оно было в ночное время. Никогда раньше на фортах и укреплениях он не испытывал такого леденящего душу ужаса, как теперь. Там было во много раз опаснее, снаряды рвались рядом, со всех сторон летели осколки, и все же чувство самосохранения было гораздо слабее, чем сейчас. Звонарев понимал, что это происходит от сознания собственной слабости и неподвижности. Он никуда не мог уйти, не мог спрятаться и должен был спокойно ожидать своей участи. Шаги дежурной сестры в коридоре обычно сразу же вносили успокоение в его смятенную душу.

— Вам не страшно? — заглядывала в палату Верочка Гаршина.

— Нисколько,— с напускным спокойствием отвечал прапорщик, хотя внутри у него еще все трепетало от страха.

— Вот и прекрасно. Вы держитесь молодцом, а в палате для тяжелых — просто кошмар: раненые волнуются, кричат, умоляют спрятать их от бомб. Даже не верится, что это взрослые мужчины, офицеры.— И сестра уходила.

Для Звонарева снова начиналась пытка, и тем не менее он не смел об этом рассказать даже Варе, боясь показаться трусом.

— Все сестры говорят, что ты во время бомбардировок ведешь себя храбрецом,— уверяла девушка.

Только как-то Акинфиевой решился он намекнуть на свое состояние.

— Что же тут удивительного? Мы с Андрюшей люди здоровые и то во время ночной бомбардировки не можем иногда уснуть.

Как-то вечером Надя зашла проведать прапорщика. Началась усиленная бомбардировка. Несколько снарядов упали совсем близко от больницы. Заколебался пол, зазвенели разбитые стекла. Молчаливый капитан, сосед Звонарева, поспешил уйти. Прапорщик остался наедине с Акинфиевой. По напряженному выражению лица Нади Звонарев догадался о ее душевных переживаниях.

— Вам страшно, Надюша? — спросил он, беря молодую женщину за руку.

— Да,— откровенно проговорила Акинфиева.— Кажется, что вот-вот снаряд попадет сюда и всему будет конец.

— Идите вниз и спрячьтесь в подвал. Там безопасно,— предложил Звонарев.

— Но вы-то останетесь здесь один, и вам будет вдвое страшнее. В такие минуты вдвоем бывает гораздо спокойнее.

Прапорщик благодарно посмотрел на нее.

Вдруг здание вздрогнуло до самого основания. В окнах блеснуло яркое пламя. Свет погас. Посыпались стекла, захлопали двери, из коридора донесся громкий вопль. Акинфиева в ужасе бросилась к окну, как бы желая предохранить Звонарева от осколков стекла. Прапорщик быстро присел на кровати и, спустив ноги на пол, собирался ей помочь, но острая боль в ногах заставила его свалиться на постель.

Прикрыв окна ставнями, Надя ощупью приблизилась к постели.

— Где вы, Сережа?

Звонарев откликнулся. Акинфиева осторожно присела на кровать. Новый взрыв заставил ее испуганно вскрикнуть и инстинктивно склониться к больному. Звонарев обнял ее и прижал к себе.

— Не надо, Сережа,— испугалась Акинфиева и быстро вскочила с кровати.— Какое варварство — специально обстреливать госпитали,— проговорила она.—

Мы же лечим их раненых наравне со своими, а они...

— По-видимому, вопросы гуманности чужды японской военщине,— ответил Звонарев.

Вскоре бомбардировка прекратилась, и Акинфиева стала прощаться.

— Андрюша с десантом «севастопольцев» сейчас находится в резерве около Скалистого кряжа. Я на время перебралась в Пушкинскую школу и буду изредка заглядывать к вам.

Звонарев быстро поправлялся. Он даже бродил по палате на костылях. Варя внимательно следила за ним, как любящая мать следит за первыми шагами своего ребенка, боясь, чтобы он не оступился и не упал.

Частый обстрел госпиталя делал пребывание в нем не безопасным. Зайдя как-то в палату, Миротворцев разрешил Звонареву походить на костылях по двору.

— Только не увлекайтесь. Ступайте пока только на левую ногу, правую надо еще поберечь.

— Скоро ли вы его выпишете, Сергей Романович? — спросила Варя.

— Для строя он пока не годен, а если его поместить в частной квартире — можно выписать хоть завтра.

— Вот и отлично! Переговорю сегодня же с папой и мамой, и ты поедешь к нам,— решила Варя.

Но Звонарев заупрямился, не желая стеснять Марию Фоминичну.

— Что вам за охота сидеть здесь, подвергаясь опасности постоянных бомбардировок? — проговорил Миротворцев.— Ехали бы куда-нибудь на Ляотешань или Тигровый полуостров. Там совершенно спокойно, а у нас даже на дворе начинают летать ружейные пули. Дальше будет еще опаснее.

— Мы переберемся на Электрический Утес,— надумала Варя.

— Но там нет места,— заколебался прапорщик.

— Найдем. Освободилась комната Жуковского и Чижа. Я помещусь вместе с Катей или Шурой,— быстро решила Варя.

— Необходимо также ежедневно массировать ноги,— предупредил Миротворцев.

— Я сама буду делать ему массаж.

Через день, тепло попрощавшись с Миротворцевым, Звонарев осторожно спустился в вестибюль и с Варей сел в экипаж Белого. Вася торжественно водрузился на козлы рядом с кучером.

 Старый город производил жалкое впечатление. Раз-

битые дома, изрытые воронками мостовые и тротуары, обугленные стропила, закопченные стены — все это говорило о войне и длительной осаде. Около дома Стесселя стояла группа пестро одетых женщин, окруженных полицейскими. Среди них Звонарев, к своему удивлению, заметил Лолочку и Лелю Лобину. Женщины о чем-то громко спорили с городовыми.

— В чем дело, Леля? — остановила экипаж Варя.

— Я шла по улице, когда ко мне подлетел этот субъект и потащил сюда. Оказывается, он принял меня за проститутку и повел на «расправу» к самой Вере Алексеевне.

— Немедленно отпустите ее! — сердито крикнула Варя полицейскому.

— Я эту госпожу хорошо знаю, она жена офицера. Сейчас же освободите ее,— обозлился и прапорщик.

— Не имею права,— угрюмо твердил фараон.

— Садись к нам в экипаж, Леля,— пригласила подругу Варя.

Но полицейский схватил учительницу за руку. Лобина вырвалась и бросилась к экипажу. Полицейский схватил ее за пальто. Вне себя от гнева Звонарев ударом костыля сбил полицейского с ног.

В этот момент отворилась дверь, и на крыльце появилась Вера Алексеевна в сопровождении ротмистра Водяги.

— Варя, мосье Звонарев, что за расправа с городовым? — пропела генеральша сладким голоском.— Никак не ожидала, что вы столь темпераментны, господин Звонарев. Вы, верно, еще не оправились от ранения и не вполне здоровы!..

Варя, запинаясь и путаясь от волнения, объяснила генеральше все происшедшее.

— Таких «жен» у каждого мужчины бывают десятки. А вам, сударыня,— повернулась генеральша к Леле,— как учительнице, стыдно якшаться со всякой тварью. Пусть это будет вам впредь наука. Вы свободны!

— Старая жаба! — выпалила Лолочка, глядя на Стессельшу.

— Повтори, повтори, что ты осмелилась сказать? — повернулась к ней генеральша.

Тут Лолочка пустила в ход весь свой обширный лексикон нецензурных выражений, так что даже видавший виды Водяга оторопел. Вера Алексеевна поспешила зажать уши.

— Эту мерзавку сейчас же выпороть, сто розог!

Остальных на неделю отправить в портомойню,— распорядилась она.

Звонарев приказал кучеру поскорее трогаться. Все еще взволнованную Лелю довезли до Пушкинской школы.

— Я презираю эту грязную Лолку, но Стессельшу она выругала поделом и за себя и за Лелю,— говорила Варя.— На месте Стаха я застрелила бы Веру Алексеевну за такое оскорбление жены.

— Приходится радоваться, что у тебя будет всего только муж.

Не успели они доехать до Утеса, как их обогнал экипаж с матросом на козлах. В нем торжественно восседала Лолочка рядом с мичманом, флаг-офицером Григоровича.

— Моему старику пришлось основательно раскошелиться, чтобы освободить меня,— крикнула она.— А здорово я отделала эту старую...

Мичман поспешил зажать рукой хорошенькие губки своей соседки.

— Скорей поправляйся, пупсик! — крикнула она Звонареву.

— Как она смеет так обращаться с тобой? — возмутилась Варя.

— Чтобы подзадорить тебя. Ты должна знать, что на таких особ, как Лолочка, не принято обижаться.

На Утесе Звонарев поместился в небольшой комнате, выходящей окнами в тыл батареи. Ему хорошо была видна казарма, превращенная в лазарет для выздоравливающих, кухня, электрическая станция, а в отдалении — кладбище, где хоронили утесовцев. Варя выпросила себе перевод на Утес и теперь работала вместе с сестрой под начальством доктора Зорина. Орудия на батарее обслуживались моряками с броненосца «Пересвет» под начальством лейтенанта Любимова, но командиром Утеса состоял капитан Андреев. Этими лицами и исчерпывалось общество Звонарева.

Варя поместилась в одной комнате со своей сестрой. Шура Назаренко, расставшись с Гудимой, вернулась к родителям. Под вечер она пришла проведать Звонарева. Глядя на ее пополневшую фигуру, осторожные плавные движения, прапорщик догадался, что она ждет ребенка. Заметив его пристальный взгляд, девушка густо покраснела. Чтобы не смущать ее, прапорщик заговорил о своих ранах, положении на фронте, о погоде. Шура мало-помалу осмелела.

— Ушла я от Алексея Андреевича,— тихо промолвила она.

— И хорошо сделали. Помните, я вам как-то говорил: со временем все забудется, и вы найдете себе другого человека, по сердцу.

В тот же вечер Звонарев передал Варе свой разговор с Шурой.

— Надо будет устроить ее в Пушкинскую школу,— тотчас придумала Варя.

На следующее утро, сидя в кресле у окна, Звонарев увидел Шуру, идущую по двору. Девушка несла охапку дров. Ее полный живот особенно выпятился вперед.

Несколько солдат из слабосильной команды начали зубоскалить, глядя на нее. Один из них подбежал к ней и хлопнул по животу. Шура охнула, перегнулась и упала под тяжестью вязанки дров. Возмущенный Звонарев, забыв о своих ранах, бросился к окну, чтобы отогнать негодяя, но тут неожиданно появился Блохин. Одним ударом кулака он сбил хулигана с ног, затем бережно поднял плачущую девушку, взял дрова и донес их до фельдфебельской квартиры.

— Ты в холуях, что ли, холишь у этой шкуры? — поднимаясь на ноги, проговорил солдат.

Рассвирепевший Блохин подскочил к нему и схватил за горло.

— Блохин, оставь его! — крикнул в окно Звонарев.

Но Блохин не слушал. У его жертвы уже вывалился язык и посинело лицо. Проходившие мимо двое матросов с трудом оттащили артиллериста.

— Ежели еще какая стерва будет обижать Шуру, задушу своими руками! — пригрозил Блохин.

Звонарев подозвал его.

— Здравствуй! Зачем пришел на Утес? — справился прапорщик.

— Здравия желаю! Поручик прислали за теплыми вещами, а то солдаты на батареях литеры Б и Залитерной обижаются на холода,— ответил он.

Блохин задержался на Утесе до следующего дня. Вечером он зашел к Звонареву.

— Садись, кури и рассказывай, как произошла сдача второго форта,— предложил ему прапорщик.

Солдат уселся около двери, но дымить махоркой постеснялся.

— Дух от нее тяжелый, и с непривычки голова заболит,— пояснил он.

Затем Блохин неторопливо, подбирая слова, сооб-

щил о всех подробностях падения форта номер два.

— Плохо дело стало в Артуре. Как ни раскинут своими мозгами солдатики и матросы, а выходит, завелась у нас измена. Продать хотят крепость, а нас перевести, чтобы некому было обороняться,— закончил он свое повествование.

— Ну, уж и измена! Плохо продуманные приказания, незнание обстановки на местах,— вот это и приводит к таким результатам,— возражал Звонарев.

— Если бы генералы да полковники были неученые, вроде нас, то их можно было б еще извинить, а раз солдат понимает, что так делать нельзя, то генералы и подавно должны понимать.

Разубедить Блохина прапорщику так и не удалось.

Пришла Варя и скромно уселась в сторонке, молча слушая их разговоры. Ее присутствие явно стесняло солдата, и он поспешил уйти.

— Блохин рассуждает правильно,— проговорила Варя, когда солдат вышел.

— Что Горбатовский очень недалек, это мы знаем, но до измены тут еще далеко.

— Папа говорит, что сейчас глупость равноценна измене. По его мнению, Фок самый зловредный генерал в Артуре, затем Рейс. Стессель же делает все то, что ему скажет Вера Алексеевна.

Ночью Блохин вышел во двор. Неожиданно он заметил, как в приоткрытую дверь дровяного склада метнулась чья-то тень. Солдат насторожился, решив, что это кто-либо из матросов или слабосильной команды тайком отправился за дровами, в которых уже ощущался большой недостаток. Выждав несколько минут, Блохин потихоньку подошел к сараю и прислушался. До него донесся не то стон, не то плач, а затем слабый крик. Солдат широко распахнул двери и вскочил внутрь. Первое, на что он натолкнулся, было человеческое тело, раскачивающееся в темноте.

«Шурка!» — мгновенно сообразил он и, приподняв, освободил девушку из петли.

Она не подавала признаков жизни. Блохин осторожно опустил ее на землю и начал делать искусственное дыхание, вспоминая, как его производил фельдшер Мельников. Но Шура не приходила в сознание. Солдату даже показалось, что она начинает холодеть. Испуганный этим, Блохин, подхватив девушку на руки, бросился к офицерскому флигелю и отчаянно застучал в окно Звонарева.

Прапорщик, разбуженный этим грохотом, сначала подумал, что начался общий штурм крепости.

— Вашбродь, Сергей Владимирович, помогите! — вдруг расслышал прапорщик и, схватив костыли, подошел к окну.

— Шурка повесилась до смерти! — крикнул Блохин.

Звонарев распахнул окно и тут только понял, в чем дело.

— Неси ее на крыльцо, я сейчас разбужу доктора и Варю.

Он начал стучать в стенку комнаты, где ночевали сестры Белые. Разбудить Варю было нетрудно. За время болезни Звонарева она привыкла прислушиваться к малейшему шуму в его комнате.

— Тебе плохо, Сереженька? — влетела она, полуодетая, в комнату.

Прапорщик рассказал ей о Шуре, и Варя опрометью бросилась на крыльцо. Через несколько минут девушку привели в сознание и затем перенесли в квартиру фельдфебеля. Варя до утра продежурила около постели подруги и затем сама отвезла ее в Пушкинскую школу. Блохин также отправился с ними.

— Смотри, Ликсандра, не моги больше об этом и думать,— сурово проговорил Блохин на прощанье, грозя девушке пальцем.

— Никогда не предполагала, чтобы такой грубиян, как Блохин, мог проявить столько теплого человеческого чувства,— вечером говорила Варя Звонареву.

— Сердце у него золотое.

Сведения о происходящем на фортах скудно доходили до Утеса, главным образом через Варю, которая чуть ли не каждый день бывала в городе или у себя дома. Иногда забегали солдаты с Залитерной или с батареи литеры Б и сообщали последние известия.

Прапорщик скоро привык к этой солдатской почте и подолгу беседовал с ними.

— Охота вам, образованному человеку, слушать всякий вздор,— удивлялся Андреев.— Ведь солдатские рассказы — на три четверти брехня.

— Но четверть-то правда. В сущности, сейчас Артур держится исключительно солдатами.

— Нижние чины без офицеров — ноль, неорганизованная толпа.

— Офицеры без солдат часто бывают и отрицательными величинами.

— Вы все еще остаетесь штатским человеком. Вам

непонятна та простая истина, что только офицеры являются солью армии, носителями ее боевых традиций.

Взволнованный Андреев начинал дергаться, и прапорщик спешил перевести разговор на другие темы.

С утра Варя вместе с сестрой уходила в казармы делать перевязки раненым. Звонарев на костылях ковылял по Утесу, заглядывал на кухню, где верховодил Белоногов, пробовал пищу, затем направлялся на электрическую станцию к Лебедкину. С Родионовым обходил казематы на батарее, где размещались артиллеристы и матросы, и, наконец, просматривал бумаги в канцелярии. Андреев, почти все время больной, предоставлял прапорщику распоряжаться всем по своему усмотрению. К трем часам все собирались на обед в офицерском флигеле.

Батарея почти не стреляла, так как осталось всего около сотни десятидюймовых бомб. Их берегли на случай штурма. На море было пусто. После гибели эскадры японцы отвели свой флот из-под Артура, за исключением небольшого числа мелких сторожевых кораблей. Поэтому на ночь оставались бодрствовать только дежурные, часовые и дневальные, все же остальные погружались в мирный сон. Только глухой грохот канонады на сухопутном фронте да приток свежих раненых напоминали о войне.

Вскоре пришло известие о гибели Назаренко. Старый фельдфебель ехал на катере через пролив, когда упавший вблизи снаряд перевернул катер. Назаренко камнем пошел на дно. Получив известие об этом, Саввична так расстроилась, что заболела, и Шуре пришлось вернуться назад и ухаживать за матерью. Девушка сильно осунулась и подурнела. Она избегала заходить даже к Звонареву.

В один из декабрьских дней пришла Акинфиева.

— Наконец-то собралась навестить вас, Сережа! — поздоровалась она.— С Утесом у меня связаны такие тяжелые воспоминания, что я с суеверным ужасом приближалась к нему. Так и кажется, что опять появятся жандармы.

— Теперь их нечего опасаться. Микеладзе давно убрали из Артура, а Познанский чуть жив после тифа,— сообщила Варя.

— Этому можно только порадоваться. Со шпионами они не боролись, а хватали ни в чем не повинных лю-

дей,— заметил Звонарев.— Как поживает Андрюша?

— Он защищает третий форт. Говорят, там очень опасно, и я сильно беспокоюсь. Японцы все время атакуют. Оля просила вам кланяться. Она тоже уже ходит на костылях с помощью Борейко и быстро поправляется. Со стороны смешно и трогательно смотреть на эту парочку — колокольня, а рядом с ним блоха.

— Не в этом дело. Их связывает крепкая взаимная любовь,— заметила Варя.

— Как и вас с Сережей,— проговорила Надя.

— Мы с Сережей тоже крепко любим друг друга. Правда? — в упор спросила Варя жениха.

— Как ни странно, а я все же люблю эту ревнивую и колючую особу,— привлек к себе невесту Звонарев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Прошло больше недели после взрыва форта номер два, и все усилия японцев, атакующих третий форт, пока не привели ни к чему. Это отдаляет час освобождения Артура и кровно затрагивает интересы фирмы «Тифонтай»,— с любезной улыбкой на лице проговорил Шубин, глядя на Фока.

— На войне, увы, много зависит от случайностей. Так, позавчера в момент штурма этого форта рядом оказалась рота моряков, подготовлявшая вторую линию обороны. Она по собственной инициативе приняла участие в отражении атаки,— ответил генерал.

— Надеюсь, ваше превосходительство примет меры, чтобы на будущее время такие случайности не повторялись? Иначе могут пострадать и ваши личные интересы...

— Конечно, конечно. Я убежден, что наш план будет выполнен в намеченные сроки.

Шубин откланялся и вышел. Оставшись один, Фок нервно зашагал по кабинету.

— Эта обезьяна мертвой хваткой держит меня за горло, и я не смею приказать ее повесить,— бурчал он.— С другой стороны, около меня находится этот трус Стессель, которому все время мерещатся виселицы за преждевременную сдачу крепости. Изволь при таких условиях служить!..

Генерал сел за стол и размашистым почерком написал записку Горбатовскому:

«Ввиду сильных разрушений бетонных укрытий на третьем форту прошу ваше превосходительство помнить,

что чрезмерно упорная оборона этого пункта поведет лишь к напрасным потерям в людском составе. В настоящее же время в крепости на счету каждый человек. Необходимо возможно больше беречь оставшийся гарнизон».

Письмо было отправлено с конным ординарцем в штаб Восточного фронта.

— Слушай, ребята, повнимательнее — стучит ли японец или нет,— распорядился комендант третьего форта штабс-капитан Булганов.— Как только стук прекратится — беги ко мне с докладом.

Засев в переднем рву, японцы справа и слева от потерны, ведущей в капонир, готовили две минные галереи, намереваясь взорвать бруствер. Чтобы воспрепятствовать этому, русские приступили к контрминным работам, но велись они вяло и неумело. Саперов не было, и рыли землю рядовые стрелки и матросы. Булганов предпочитал отсиживаться в тыловой казарме. Кроме него, на форту находился еще Андрюша Акинфиев со своими «севастопольцами». Лейтенант мало понимал в крепостной войне и ограничивался лишь расстановкой часовых и сооружением ретраншемента в тыловой части дворика.

Вскоре форт начал обстреливаться из крупных орудий. Кроме того, японцы установили в траншеях фортового гласиса минные аппараты и начали засыпать минами внутренний дворик. Стрелки и матросы поспешили укрыться в потерне, но взрывом мины потерна была разрушена. Все находившиеся в ней оказались заживо погребенными.

Акинфиев с матросами кинулись на помощь. Новый взрыв разметал их в стороны. Оглушенный лейтенант вернулся в казарму и взволнованно спросил у Булганова, как можно помочь засыпанным в потерне.

— Это не в нашей власти. Гарнизон надо беречь для отбития штурма. Если отгоним японцев, тогда попытаемся помочь нашим.

Лейтенант не согласился с этим и вызвал охотников из своих матросов. Они осторожно, шаг за шагом, прячась от глаз японцев, начали разбирать завал. К вечеру удалось извлечь из потерны около тридцати человек невредимых и столько же раненых. Андрюша торжествовал.

После морозного, ясного дня наступила темная ночь. Воспользовавшись ею, защитники форта начали торопливо исправлять нанесенные за день повреждения. Было

решено потерну совсем оставить и засыпать ее обломками и землей. На всякий случай стены и потолок ее минировали.

Японцы также не прекращали работ под бруствером.

Наступило туманное утро. Солдаты сидели в казармах за чаем, когда неожиданно раздался оглушительный взрыв. Посыпались земля, обломки бетона, камни, густой едкий дым наполнил весь дворик. Булганов и Акинфиев пытались вывести солдат и матросов из казармы, но огонь косил смельчаков.

— Нужно подать им пример храбрости, господин штабс-капитан.— И лейтенант направился к выходу.

— Вашбродь, обождите, чего зазря погибать,— обратились к нему матросы.— Когда японец полезет на форт — стрельба прекратится, не станет же он бить по своим.

Замечание было дельное, и лейтенант остановился.

— Бросьте, друг мой, играть со смертью,— подошел Булганов.— В конечном счете вы всегда останетесь в проигрыше и раньше времени отправитесь к праотцам. Горбатовский приказал беречь солдат и без настоятельной надобности в контратаки не ходить.

— Короче говоря, прекратить оборону форта?..

— Не совсем так, но около этого. Я уже велел понемножку складывать пожитки. До ночи переждем, а там смотаем удочки...

— Но ведь имеется полная возможность защищать форт и дальше!..

— Очевидно, это не входит в расчеты начальства.

Лейтенант не поверил до тех пор, пока ему не была показана подлинная телефонограмма начальника Восточного фронта обороны крепости. Содержание ее вскоре стало известно всему гарнизону.

Японцы не верили, что русские, так упорно до сих пор оборонявшие каждый шаг, теперь без сопротивления уступают им почти всю территорию форта. Они продолжали усиленно обстреливать казарму и ров и не решались продвигаться вперед, подозревая какую-то каверзу со стороны русских.

Под вечер был получен прямой приказ об оставлении форта «ввиду совершенной невозможности дальнейшей его обороны».

— Это предательство! — кипятился Акинфиев.— Мы еще можем здесь держаться.

— Против воли начальства не попрешь,— ответил Булганов.

Тогда Акинфиев от своего имени написал Горбатовскому протест и отправил его генералу с одним из своих матросов. В ответ он получил приказ явиться в штаб Восточного фронта.

— Что нам, вашбродь, делать? — спрашивали у лейтенанта матросы, когда он собирался идти в штаб.

— До моего возвращения никуда отсюда не уходить, хотя бы стрелки и оставили форт.

— Есть, вашбродь, будет исполнено!

В штабе Горбатовский рассыпался в комплиментах по адресу лейтенанта, благодаря его за мужество и бесстрашие, проявленные при обороне форта.

— Если бы весь гарнизон состоял из моряков, то об оставлении форта номер три не могло быть и речи, но стрелки очень ослабели и потеряли свою былую стойкость,— уверял генерал.— Поэтому решено сократить линию обороны и оставить особенно сильно разрушенные форты, где держаться уже почти невозможно. К числу таких принадлежит и третий форт.

— Я со своей ротой продержусь там не менее недели,— заверял Акинфиев.

— Ваши матросы будут нужны в другом месте. Очень прошу вас выполнить мое распоряжение.

— Есть!

По дороге на форт он встретил своих матросов. Они сообщили ему, что форт оставлен.

— Почти целеньким отдали... Успели только взорвать в проходе одну шаровую мину, да и то штабс-капитан заругался,— доложил унтер-офицер.

— Почему же вы оставили форт без моего приказания? — удивился Акинфиев.

Матросы удивленно взглянули на него.

— Так нам же от вашего имени передали по телефону приказ вернуться в штаб, что мы и сделали.

Акинфиев был возмущен, но ничего уже не мог поделать.

Японцы не сразу заметили уход русских с форта и только к вечеру следующего дня решились полностью занять его.

— Лепехин, возьмешь с собой человек пять и отправишься на укрепление номер три,— распорядился Гудима.— Там будешь за начальника артиллерии.

Фейерверкер откозырял и направился в свой каземат. Там он собрал около себя солдат и сообщил им о полученном приказании.

— Кто хочет со мной?

Солдаты вздыхали и молчали.

— Жили себе на батарее, не тужили, думали, до конца здесь пересидим, ан нет — иди на какое-то там третье укрепление,— наконец отозвался один из них.

— Такова воля божья,— сурово ответил Лепехин.

Перед уходом Лепехин прочитал несколько молитв, взял с собой Библию и одну из икон. Когда солдаты проходили мимо Залитерной, их окликнул Борейко, незадолго перед тем вернувшийся с батареи Белого Волка.

— На богомолье, что ли, собрались, кержаки?

— За вас, вашбродь, бога молить будем на третьем укреплении,— в тон поручику ответил Лепехин.

— Место там опасное, смотрите не осрамите наш Утес. Если узнаю, что вы сдрейфили, головы поотрываю! — предупредил Борейко.

Вечером артиллеристы добрались до укрепления и явились к его коменданту Спредову.

Лепехин разместил своих людей в казарме, а затем пошел знакомиться с артиллерийским вооружением. Оно состояло из двух поршневых пушек, старой китайской гладкоствольной картечницы и нескольких мелкокалиберных морских орудий.

Японцы уже овладели передним капониром и частью потерны. Осмотрев укрепление, Лепехин расставил пушки на брустверах и в тыловом рву, назначил к каждой командира из своих утесовцев, в которых он был уверен.

— Без приказа не пали, стреляй с толком, чтобы снаряды зря не пропадали,— наставлял он артиллеристов.

Как и на третьем форту, японцы здесь применили минометы, обстреливая всю внутренность форта. Это заставило отвести всех людей, кроме часовых, в потерну и разместить их около входа на внутренний дворик. Капитан Спредов поместился тут же, а зауряд-прапорщиков из фельдфебелей направил охранять горжевой ров.

Весь день прошел в напряженном ожидании взрыва переднего бруствера, но японцы не торопились. К вечеру обстрел укрепления совершенно прекратился. Противники обменивались лишь редкими ружейными выстрелами и лениво перебрасывались бомбочками.

Уже в темноте, на переднем бруствере показался японец и громко закричал по-русски:

— Эй, оборванцы, сдавайтесь! Вам давно надоело есть конину, а нам мерзнуть в окопах. Пора кончать войну. Ваши генералы продали нам крепость со всеми солдатами.

— Ах ты, черт проклятый,— схватились стрелки за винтовки, но японец поспешно скрылся.

Затем в русские окопы полетели камни с привязанными к ним прокламациями. Японцы уговаривали сдаться.

— Пока сила у нас есть, надо укрепление отстаивать до последнего,— заявил Лепехин.

Ночь прошла спокойно. Японцы усиленно работали в минных галереях.

Утром стук прекратился. Спредов приказал всех людей отвести в тыловую часть укреплений, оставив впереди лишь одного или двух часовых. Артиллеристы изготовились у своих орудий, зарядив их картечью. Лепехин деловито говорил артиллеристам:

— Помни, что Ведмедь сказал: «Не посрами Утеса, бей японца прямо в самое рыло!»

Около девяти часов утра, при полном спокойствии на фронте, раздались один за другим два сильных взрыва. Передний бруствер по обеим сторонам потерны сильно осел и обнажил ее бетонные стены. Японцы немедленно открыли по укреплению сосредоточенный огонь из одиннадцатидюймовых мортир. Весь гарнизон поспешил укрыться в казарме и потерне. Лепехин отвел своих артиллеристов в тыловой ров. Вскоре один из снарядов попал в переднюю часть потерны, пробил бетонное перекрытие и разорвался внутри помещения. Одновременно взорвались сложенные тут же бомбочки. Силой взрыва вся передняя часть потерны обвалилась. Погиб командир укрепления и большая часть гарнизона. Выход на внутренний дворик оказался заваленным.

Тотчас же японцы кинулись на штурм. Не встречая сопротивления, они захватили весь внутренний дворик и по боковым рвам прошли в тыл укрепления. Остатки гарнизона оказались окруженными в казарме. Лепехин первый понял, в какое положение попал гарнизон. Вынув Библию, он набожно перекрестился.

— Пришел, братцы, наш смертный час,— обернулся он к утесовцам.

Его бородачи по очереди приложились к Библии и разобрали винтовки.

— Приказывай, старшо́й, что делать.

Лепехин расставил солдат у окон казармы, а сам поместился у входа. Тут наскоро соорудили из мешков бруствер и установили пулемет. Всего уцелело в казарме и потерне около ста человек, но большую часть их составляли раненые, контуженные и оглушенные. Вполне боеспособных осталось не больше сорока человек.

— Сдавайся, рус! — кричали японцы, но в ответ гремели выстрелы.

Японцы подтащили полевые пушки и начали в упор расстреливать тыловые казармы. Но бетон выдержал эту бомбардировку. Солдаты притаились в простенках и в промежутки между орудийными выстрелами бросали в противника бомбочки. Лепехин из ворот умудрялся выпускать по японцам очереди из пулемета. Небольшого роста, коренастый, с редкой бородкой, он как-то сразу вырос, голос его приобрел суровые, повелительные нотки, серые глаза смотрели остро и твердо. Все его приказания выполнялись немедленно. Даже матросы, иронизировавшие вначале над пристрастием фейерверкера к Библии, теперь слушались его во всем.

Зимний день склонялся к вечеру, но гарнизон продолжал оказывать сопротивление. К укреплению прибыл сам начальник штаба осадной армии генерал Идзити. Он приказал послать парламентера для переговоров о сдаче. Японский майор с белым флагом появился перед воротами и потребовал к себе старшего офицера.

— Внимательно следи за японцем, чтобы он не сделал какого-нибудь подвоха. Чуть что — бей без предупреждения,— распорядился Лепехин, выходя к парламентеру.

— Я хочу видеть офицера-коменданта,— проговорил японец.

— Я и есть комендант, а офицеров у нас нет,— ответил с достоинством фейерверкер.

— Если вы сейчас добровольно сдадитесь, мы гарантируем вам жизнь,— проговорил японец.

— Долгонько придется вам ждать этого, ваше японское благородие,— ответил Лепехин и ушел.

Подтянув еще несколько рот к укреплению, японцы с криками кинулись на штурм. Немногочисленный гарнизон быстро таял. У амбразур стрелки менялись один за другим. Легкораненые подавали патроны и бомбочки. Лепехин, уже дважды раненный, продолжал стрелять из пулемета, пока последний не разбило взрывом бомбочки. Казарма наполнилась едким дымом. Число раненых увеличивалось с каждой минутой. Они собирались в уцелевшей части потерны. Здесь же были сложены и запасы бомбочек.

Наконец японцам удалось ворваться внутрь. Началась штыковая схватка в густых сумерках уже наступающего вечера. Раненный в третий раз, Лепехин с трудом добрался до потерны. Японцы заполнили казарму и

ринулись в потерну. Фейерверкер в последний раз окинул взглядом уцелевших защитников гарнизона и с силой ударил ногой по одной из лежащих на земле бомбочек. Огромное пламя на мгновение осветило десяток-другой израненных русских матросов и солдат, а также японцев со штыками наперевес. Затем все исчезло среди облаков дыма. Под обломками укреплений погибли остатки гарнизона вместе со штурмующими колоннами.

В доме Стесселя заседал военный совет. Человек двадцать офицеров, генералов и адмиралов собралось в просторном кабинете. На стене висела большая карта Артура с нанесенными на ней фортами и укреплениями. Фок красным карандашом старательно перечеркнул укрепление номер три и аккуратно вывел дату его падения: 18 декабря 1904 года. Рядом на карте уже виднелись такие же крестики над вторым и третьим фортами.

— Прошу внимания, господа,— постучал Стессель карандашом.— Сейчас получено известие о падении укрепления номер три. Таким образом, все долговременные сооружения Восточного фронта перешли в руки противника. Наши войска отныне занимают плохо оборудованные полевые позиции второй линии. Я хочу слышать ваше мнение о возможности дальнейшего продолжения обороны.

Присутствующие начали высказываться. Артиллеристы, моряки и командиры полков Седьмой дивизии единодушно говорили о необходимости продолжать оборону. Зато представители Четвертой дивизии, которой командовал Фок, не менее дружно высказывались за бесцельность дальнейшего сопротивления.

— У нас совсем нет снарядов,— утверждал начальник штаба Четвертой дивизии подполковник Дмитриевский.

— В наличии имеется свыше ста тысяч снарядов и шрапнелей различных калибров,— возразил Белый.

— В полках больше половины солдат больны цингой, питание плохое. Наступили холода, но нет теплой одежды,— на разные голоса твердили полковники Савицкий, Гайдурин и Некрашевич в тон Дмитриевскому.

— Японцу тоже приходитша не шладко, он больше нашего штрадает от холода. Шолдатики еще могут держатьшя, только надо увеличить дачу конины. У наш иметша еще нешколько тышяч лошадей. Обяжательно и необходимо шражаться до конца,— с большим подъемом проговорил старик Надеин, который после смерти Кондратенко вступил в командование Седьмой дивизией.

 — Я недавно был в траншеях и видел там наших му-

чеников-солдатиков. Только жестокосердные люди могут заставлять их воевать. Они завшивели, изголодались, но еще полны героического духа. Необходимо сохранить их для России. Они вполне заслужили право на дальнейшую жизнь,— со слезой в голосе разливался Фок.

— О сдаче не может быть и речи! У меня есть еще около полсотни вариантов дальнейшей обороны Артура,— торжественно проговорил Смирнов, но это заявление вызвало лишь досадливую улыбку на лицах присутствующих.

— Миссия Порт-Артура в смысле защиты флота окончена, так как эскадра перестала существовать. Для Северной армии Артур теперь является лишь обузой. Дальнейшая защита может привести к взятию крепости штурмом и общей резне,— спокойным профессорским тоном проговорил Рейс.

— Вы забываете об эскадре Рожественского. Он ведь рассчитывает идти в Артур, а не во Владивосток,— возразил Вирен.

— Чтобы затонуть в наших лужах совместно с артурской эскадрой,— заметил иронически Стессель.— Для этого не стоило совершать путешествия вокруг Европы.

Но за продолжение обороны все же высказалось огромное большинство присутствующих на совете.

— Итак, будем считать, что совет высказался за оборону до конца,— подвел итоги Стессель.— На каких рубежах мы дальше будем обороняться?

— Я доложу,— поднял руку Смирнов.— Сначала за Китайской стенкой, где мы находимся сейчас. Тут у меня имеется пять вариантов.

— Пожалуйста, без них,— остановил его генерал-адъютант.

— Затем отойдем на Скалистый кряж, потом на Владимирскую и Митрофаниевскую горки и, наконец, займем городскую ограду. Конечно, тут могут быть различные варианты, но я уже о них не говорю.

— Я нахожу, что все эти линии не имеют серьезного оборонного значения. Задерживаться на них долго не удастся. Да, впрочем, это в настоящее время и не важно,— ответил Стессель.

Едва все разошлись, Фок сел за письменный стол Стесселя и быстро набросал приказ об оставлении батареи литеры Б и Залитерной, обоих Орлиных Гнезд и всей второй линии обороны.

— Я отхожу прямо к центральной ограде,— сообщил он Стесселю.

— Что ты, что ты. Ведь только что совет высказался за продолжение обороны!

— Плевать мне на все советы! Если до двадцатого числа Артур не капитулирует, мы с тобой лишимся нескольких миллионов долларов. Это поважнее. Хоть остаток дней мы будем жить спокойной, обеспеченной жизнью. Ну, я пошел.

— Постой, нельзя же так сразу...— пытался остановить его Стессель.

— Прикажи Рейсу подготовить письмо с предложением о капитуляции. До полуночи двадцатого декабря старого стиля оно должно быть в японском штабе.— И Фок, не прощаясь, вышел.

Штаб командующего японской осадной армией под Порт-Артуром генерала барона Ноги расположился в большой китайской деревне Шуйшиин, в четырех километрах от передовых фортов осажденной крепости.

Сам генерал занимал просторную светлую фанзу, все стены которой были увешаны картами и схемами порт-артурских фортов и укреплений.

Темным декабрьским вечером Ноги вместе со своим начальником штаба генералом Идзити склонился над письменным столом, на котором лежали только что составленные сведения о потерях осадной армии во время последних штурмов.

— Больше штурмовать мы не можем, ваше превосходительство, мы останемся без армии,— доложил Идзити.

— Но наш божественный Тенно требует немедленного взятия Артура, так как эскадра Рожественского уже находится около Мадагаскара, а к Маньчжурской армии Куропаткина ежемесячно прибывает по два свежих корпуса. Если Артур не будет взят до января, русские получат перевес как на суше, так и на море, и война будет нами проиграна,— неторопливо возразил Ноги.

— Но штурмовать сейчас нам просто нечем — нет ни людей, ни снарядов, ни патронов,— нервно проговорил Идзити.

Наступило тягостное молчание.

— Тогда нам остается только одно, Идзити-сан: харакири,— раздельно, строго произнес Ноги, в упор глядя на своего начальника штаба.

Разговор прервал сильный стук в дверь.

— Войдите,— недовольно разрешил Ноги. В комнату влетел радостно возбужденный генерал Танака.

 — Счастлив доложить вашему превосходительству:

генерал Стессель обещал сдать крепость не позднее первого января,— почтительно доложил он Ноги.

Было ясное, морозное утро. Борейко вышел из блиндажа на Залитерной и начал мыться ледяной водой. Он был небрит, похудел, но выглядел бодрым и здоровым.

— Наши вернулись с укрепления номер три? — спросил он у денщика.

— Никак нет! Стрелки сказывали, что япошка взорвал укрепление и на нем пропали все до последнего человека.

Поручик нахмурился.

— Жаль Лепехина... Но раз в плен не сдались — значит, погибли с честью,— задумчиво проговорил он.— Лучше умереть с оружием в руках, чем положить его перед врагом.

Вымывшись и наскоро проглотив стакан чаю, Борейко отправился на командирский пункт.

Едва он взглянул в бинокль, как удивленно опустил его. Вся Китайская стенка уже была занята японцами, которые наскоро приспосабливали ее к обороне. Еще вечером стрелки находились здесь, а теперь оказались почти на версту ближе к Залитерной, хотя ночь прошла совершенно спокойно.

Борейко немедленно отправился к стрелкам, чтобы выяснить обстановку и узнать, почему стрелки оставили хорошо оборудованную позицию.

— Приказ генерала Фока,— ответил ему стрелковый прапорщик, командовавший участком.— Говорят, в следующую ночь мы отойдем к самому городу.

— Я со своими артиллеристами с Залитерной не уйду,— угрюмо бросил Борейко.

— И попадете в лапы к японцам.

— Предварительно поверну свои пушки на город и разгромлю штаб Стесселя вместе с его квартирой,— буркнул поручик в мрачном раздумье.

На батарее его ждал новый сюрприз. Гудима сообщил, что получено приказание очистить батареи литеры Б и Залитерную сегодня к двенадцати часам.

— Кто отдал такое распоряжение?

— Штаб генерала Горбатовского, по приказу Фока.

— Я не собираюсь ему подчиняться! Что об этом распоряжении думает Енджеевский?

— Он послал протест самому Стесселю.

— Чудак! Неужели он не знает, что генерал-адъю-

тант и Фок — одна лавочка! Ты-то, Алексей Андреевич, что собираешься делать?

— Пока стрелки останутся здесь, не уйду и я.

Заметив отход русских, японцы обрушили на них огонь всех своих батарей. В плохо оборудованных окопах стрелки сразу же начали нести большие потери, а местами и подались назад. Японцы кинулись за ними по пятам, но попали под губительный огонь крепостных батарей и отошли в исходное положение. Началась артиллерийская дуэль между Артуром и осадными батареями.

Борейко сидел на наблюдательном пункте и вел интенсивную стрельбу по пехоте противника и его батареям. В свою очередь, японцы пытались заставить Залитерную замолчать, но это им не удавалось. После полудня конный ординарец привез новый приказ — немедленно очистить Залитерную.

Гудима и Борейко отказались подчиниться и этому приказу. Но не прошло и часа, как батареи литеры Б и Залитерная были обстреляны с тыла батареями третьей линии обороны. Первыми же выстрелами было ранено несколько человек из орудийной прислуги. Не желая подвергать своих людей напрасному риску, Борейко и Гудима принуждены были оставить Залитерную и батарею литеры Б.

Они отправились в штаб Горбатовского.

— Что вами сделано по разрушению батареи? — справился генерал.

— Взорваны все пушки и блиндажи, облито керосином и подожжено все то, что может гореть, вынесено все то, что можно было вынести,— доложил поручик.

— С вами много людей? — подлетел начальник штаба капитан Степанов.— Нам необходимо поддержать гарнизон Большого Орлиного Гнезда.

— Около двадцати человек, все артиллеристы с Залитерной и батареи литеры Б.

— Нужно немедленно отправиться на Большое Гнездо и постараться как можно дольше задержать японцев, чтобы наши части успели укрепиться на третьей линии обороны. Иначе противник ворвется в город и учинит резню мирного населения и раненых, как это было в китайскую войну.

Через десять минут остатки утесовцев маршировали к Орлиному Гнезду. Впереди шагал Борейко, а шествие замыкал Блохин.

Большое Орлиное Гнездо возвышалось над всем Старым городом и тылом Восточного фронта. С его падени-

ем японцы получали в свои руки тактический ключ всей северной и восточной обороны крепости. Не оставалось ни одного места в Артуре, которое бы не было видно с Большого Орлиного Гнезда и горы Высокой.

На вершине горы были сооружены полевые укрепления, в скале высечено несколько пещерных блиндажей, прекрасно предохраняющих от снарядов любого калибра. Возвышаясь на добрую полсотню саженей, гора была почти недоступна для атаки пехоты, но зато у ее подножья имелось большое мертвое пространство. Это позволяло сосредоточить здесь значительные силы в непосредственной близости от вершины.

С падением Залитерной и батареи литеры Б все подступы к Орлиному Гнезду оказались под прямым ружейным обстрелом противника, так что артиллеристы с большим трудом, местами перебежками, добрались до крутой тропинки, ведущей на вершину. Здесь они застали коменданта горы капитана Голицинского и начальника команды моряков лейтенанта Тимирова. Голицинский был ранен и контужен и, весь перевязанный, лежал в блиндаже. Тимиров, больной цингой, едва держался на ногах.

— Прошу вас принять на себя обязанности коменданта,— обратился к Борейко капитан,— так как я и лейтенант уже совсем выбились из сил.

— Слушаюсь! — откозырял Борейко.— Прежде всего я предложу вам, господа, при первой же возможности покинуть Орлиное Гнездо и отправиться на перевязочный пункт.

Он обошел укрепление. Гарнизон его без артиллеристов не превышал двадцати человек стрелков и моряков. На вооружении состояли три пулемета и несколько шметилловских пулеметов. Кроме того, имелись шаровые мины и бомбочки.

— Блохин, ты подумай, как удобнее спустить вниз эти гостинцы,— приказал Борейко.— А ты, Гайдай, займешься шметилловскими пулеметами. Ты, Зайчик, ознакомься, много ли здесь продовольствия и воды.

С Орлиного Гнезда открывался широкий вид на все японские позиции, артурскую гавань и Старый город. Поручик отыскал Пушкинскую школу, где находилась Оля Селенина. Это здание было хорошо видно.

«Что она сейчас поделывает?» — подумал Борейко.

Заметив усиленное движение на вершине горы, японцы открыли сосредоточенный огонь. Гарнизон укрылся в узких и глубоких траншеях и почти не нес потерь. После получасовой артиллерийской подготовки густые цепи

противника пошли на штурм. Им удалось дойти до подножья.

Высунувшись из-за бруствера, Борейко видел, как японцы карабкались с камня на камень, стараясь взобраться наверх.

— Надо спустить на них шаровую мину,— распорядился поручик и бросил в японцев связку бомбочек. Раздавшийся вслед за этим крик показал, что они попали в цель.

Блохин с помощью стрелков и матросов поднял на бруствер десятипудовый шар, начиненный пироксилином.

— Готово! — наконец доложил Блохин и поджег запальный шнур.

Борейко сам навалился на мину и столкнул ее вниз. Не успев коснуться земли, мина с грохотом взорвалась. Немногие уцелевшие японцы стремительно бросились к своим окопам.

Снова началась бомбардировка Орлиного Гнезда. Вершина горы утонула в облаках пыли и дыма.

— Вытянем до ночи? — спросил поручик у солдат.

— Как бог даст,— уклончиво ответил явно робевший Гайдай.

— Не могет японец осилить утесовцев,— убежденно проговорил Блохин.— Мы должны выдержать, а там подадимся в город, к учителькам,— уголком глаза лукаво посмотрел он на поручика.

— Я слыхал, что ты проявляешь больно много интереса к фельдфебельской дочке,— не остался в долгу Борейко.

— Сиротку надо пожалеть, особливо ежели она обижена от людей,— смущенно ответил солдат.

Под прикрытием артиллерийского огня японцы вновь добрались до подножия горы и на этот раз прочно закрепились в мертвом пространстве. Ни бомбочки, ни шаровые мины не могли их достать.

Дул северный ветер. Блохин решил воспользоваться им. Набрав по блиндажам всякого тряпья, солдат связал его, прицепил к нему камни, облил керосином, зажег и спустил вниз. Едкий, вонючий дым распространился вокруг. Японцы не выдерживали, выбегали из своих нор и попадали под обстрел.

— Выкурили мы японца,— обрадовались солдаты.

Но сильный орудийный обстрел заставил гарнизон Орлиного Гнезда опять укрыться в блиндажах. Число раненых все время увеличивалось. Их едва успевали наскоро перевязывать. Борейко разрешил им уходить с горы.

— Нам некогда возиться с перевязками,— решительно заявил он.

Утесовцы, все, как один, решили остаться до конца со своим командиром.

— Вместе воевали на Утесе и Залитерной, вместе и смерть принимать будем,— за всех сказал взводный фейерверкер Жиганов.

Около двух часов дня, без всякой подготовки, японцы снова кинулись на Орлиное Гнездо. Они быстро окружили его со всех сторон и по склонам начали взбираться вверх. Некоторым удалось добраться до вершины, но их тотчас же перекололи.

Отрезанный от штаба, Борейко мог только сигнальными флагами сообщать о своем положении и просить помощи из резерва. Но Горбатовский был глух и нем. По приказу Фока Орлиное Гнездо подлежало сдаче, и гарнизон его был обречен на гибель.

Перед вечером поднялся туман. Старый город затянуло пеленой. Борейко последний раз взглянул на здание Пушкинской школы и глубоко вздохнул.

Вскоре иссяк запас воды. Раненые просили пить и в смертельной муке беспомощно метались в блиндажах. На исходе были бомбочки и ружейные патроны.

— Вашбродь, разрешите отогнать японца штыками и вынести раненых,— обратился к Борейко Жиганов.

Поручик осмотрелся. Здоровых солдат оставалось всего пятнадцать — двадцать человек, раненых было примерно столько же, из них человек пять тяжело.

— Вали, Жиганов! — с грустью проговорил он.— Оставь мне двух человек, я с ними буду прикрывать твой отход.

— Разрешите, вашбродь, мне остаться с вами,— тотчас отозвался Блохин.

— И мне также,— подошел Заяц.

— У тебя еще не зажили раны, поэтому ты не подходишь. Кто еще? — окинул он своих солдат испытующим взглядом.

— Эх, была не была! Вместе с Блохиным дрался под Цзинджовой и теперь еще раз попытаю свое дырявое счастье,— тряхнул головой Гайдай.

— Помните, живыми отсюда едва ли уйдем,— предупредил Борейко.

— Мы, вашбродь, утесовцы,— бойко отозвался Блохин.

Собрав около себя всех способных держать винтовки, Жиганов бросился сверху на японцев. Это было так сме-

ло и неожиданно, что осаждающие кинулись врассыпную. Почти все солдаты благополучно прорвались через цепь, окружавшую Орлиное Гнездо.

— Прошли,— проговорил следивший за ними Борейко.— Теперь, ребята, держись! Сейчас японцы кинутся на нас.

Он не ошибся. Решив, что Гнездо очищено, японцы со всех сторон стали взбираться к его вершине. Но Борейко, Блохин и Гайдай начали забрасывать их бомбочками. Как ни старались японцы подбодрить себя криками «банзай», все же принуждены были вновь отступить.

— Сколько осталось бомбочек? — усталым голосом справился Борейко.

— Десять штук, вашбродь. Девять японцам, а последняя нам,— ответил Блохин.

— И последнюю в них. У нас еще останутся винтовки со штыками.

— Банзай! — снова раздалось внизу.

Трое защитников кинулись к переднему брустверу. Едва их фигуры показались на вершине, как прогрохотал страшный взрыв мины, высоко вверх взлетели обломки скалы, бревна...

Через пять минут японский флаг взвился над Орлиным Гнездом.

Силой взрыва Блохина отбросило далеко в сторону. Оглушенный при падении, он потерял сознание. Уже затемно солдат пришел в себя, припомнил, что с ним произошло, и решил двинуться на поиски Борейко.

Вскоре ему попалась изорванная, окровавленная артиллерийская фуражка с черным бархатным околышем. Внутри были ясно видны золотые инициалы: «Б. Б.»

— Эх, пропал наш Ведмедь! А какой человечище-то был! — И Блохин почувствовал, как у него защекотало в горле. Слезы хлынули из глаз. Вокруг никого не было, и он, не стыдясь, вытер лицо рукавом. Затем спрятал фуражку в карман.

Заняв Большое Орлиное Гнездо, японцы не рискнули ночью продолжать наступление на Артур и стали окапываться. Это дало возможность Блохину благополучно добраться до русских частей. Попав в город, он прежде всего направился в Пушкинскую школу. На стук вышла Оля Селенина, опираясь на костыль. Солдат молча подал ей фуражку. Оля непонимающе повертела ее в руках, потом глухо зарыдала.

— На Большом Орлином Гнезде японские флаги! — влетел без спроса в кабинет Стесселя ротмистр Водяга.

Генерал-адъютант вскочил, как на пружинах, а затем снова сел на стул. Вера Алексеевна всплеснула руками и заплакала. В доме началась суматоха. Забегали ординарцы, захлопали двери.

— Где это запропастился Фок? — истерически вопрошала генеральша.— Надо немедленно начать переговоры о мире, пока японцы не ворвались в Артур и не устроили поголовной резни. Анатоль, пошли сейчас же за Рейсом!

Через минуту прибежал взволнованный начальник штаба.

— Виктор Александрович, надо немедленно отправить Ноги письмо с предложением сдачи Артура,— встретила его Вера Алексеевна.

— Текст у меня уже заготовлен,— вынул полковник бумагу из бокового кармана.— Но ведь мы еще не имеем официального донесения о положении наших частей ни от коменданта крепости генерала Смирнова, ни от начальника сухопутной обороны генерала Фока,— напомнил Рейс.

— Смирнова нечего путать в это дело, а Фока надо немедленно разыскать во что бы то ни стало,— распорядился Стессель.

— Он только что подъехал к дому,— доложил Водяга.

Через минуту Фок в пальто, перепоясанный серебряным шарфом, при шашке и с револьвером на боку, широким строевым шагом вошел в кабинет. Он официально вытянулся перед Стесселем и доложил:

— Ваше превосходительство, под давлением превосходящих сил японцев наши части отошли на последнюю линию обороны. Ввиду истощения запасов артиллерийских снарядов и ружейных патронов, а также вследствие крайнего изнурения гарнизона считаю дальнейшее сопротивление невозможным.

Стессель стоя выслушал этот доклад.

— Вполне согласен с тем, что дальше мы сопротивляться не можем. Что же вы, ваше превосходительство, предполагаете делать? — спросил генерал-адъютант.

— Считаю необходимым немедленно начать переговоры о капитуляции Порт-Артура,— твердо ответил Фок.

Стессель стоял бледный, взволнованный, сразу осунувшийся, утеряв обычный бравый вид.

— Как генерал-адъютант русского императора и старший из военных начальников в Артуре я решаю капитулировать,— проговорил он.— Полковник Рейс, нотру-

дитесь по этому поводу вступить в переговоры с командующим японской осадной армией генералом бароном Ноги,— официальным тоном закончил он и опустился в кресло.— Господи, спаси и сохрани меня от всякого зла! Не миновать теперь мне виселицы...

— В России, слава богу, еще генерал-адъютантов не вешают, а если они проштрафятся, то направляют их в Государственный совет,— успокоила мужа Вера Алексеевна.— Анатоль, ты должен помнить, что этим шагом ты спасаешь от смерти десятки тысяч наших героических офицеров и солдат. Тысячи и тысячи матерей, жен, сестер и дочерей вечно будут молить за тебя господа бога.

— Разрешите прочитать письмо к японскому главнокомандующему,— вкрадчиво произнес Рейс.

«Его превосходительству барону Ноги, главнокомандующему японской армией, осаждающей Порт-Артур.

Милостивый государь!

Сообразуясь с общим положением дела на театре военных действий, я признаю дальнейшее сопротивление Порт-Артура бесцельным и, во избежание напрасных потерь, желал бы войти в переговоры относительно капитуляции. Если Ваше превосходительство на это согласны, то прошу назначить лиц, уполномоченных для переговоров об условиях и порядке сдачи, а равно указать место, где они могут встретить назначенных мною лиц.

Пользуюсь случаем выразить Вам чувство моего глубочайшего уважения.

Генерал-адъютант
Стессель».

— Прекрасно,— одобрил Стессель и подписал протянутую ему бумагу.

Через четверть часа прапорщик Мальченко в сопровождении двух казаков с огромным белым флагом уже скакал по направлению к японским линиям. Когда он поравнялся со штабом Горбатовского, генерал с удивлением спросил:

— Куда направляется парламентер в столь позднее время?

— Очевидно, поехал передать от Стесселя поздравление генералу Ноги с наступившим Новым годом,— иронически ответил Степанов.

Когда Мальченко со свитой миновал русские линии и направился дальше, стрелки догадались о его намерениях.

 — Поехал продавать Артур японцу,— сердито прого-

ворил Денисов, фельдфебель охотничьей команды Енджеевского, и, вскинув винтовку, один за другим выпустил по парламентерам всю обойму. Вечерние сумерки помешали, однако, попасть ему в цель.

Услышав за собой стрельбу, Мальченко поспешил укрыться от русских пуль в японских окопах.

Белый нервно ходил по кабинету, ожидая донесения о положении на фронте. Очищение батарей литеры Б и Залитерной явилось для него полной неожиданностью. Еще утром он получил от Фока приказание обстрелять эти укрепления, так как они заняты японцами. Крепостные батареи сосредоточили на них свой огонь. Как потом оказалось, укрепления были оставлены именно вследствие этого обстрела с тыла. Белый начинал понимать, что он был обманут Фоком, и решил обо всем переговорить непосредственно со Стесселем.

Волновала его и судьба Большого Орлиного Гнезда. Там находились его солдаты-артиллеристы и офицер, о которых он не мог не беспокоиться. Да и огромное значение этого укрепления для дальнейшего хода обороны было для него очевидным. Он несколько раз звонил по телефону, справляясь о положении дел на Гнезде, но ему неизменно отвечали, что гора все еще держится.

Подали обед. Генерал рассеянно поздоровался с Варей, пришедшей с Электрического Утеса, и вполуха слушал ее болтовню о всех утесовских событиях. Затрещал телефон. Варя бросилась к нему и через минуту вернулась бледная, испуганная.

— Борейко убит! — с трудом проговорила она.— Передали из штаба Горбатовского.— И девушка заплакала.

— А каково положение Большого Орлиного Гнезда? — быстро спросил Белый.

— Я не... знаю, я не... дослушала...

— Эх ты, глупая девчонка, самое важное и не спросила,— рассердился генерал и сам пошел к телефону.

— Пало? Что же Фок предполагает дальше делать? Долго на третьей линии мы не продержимся.— И взволнованный Белый вернулся к столу.— После обеда я сейчас же еду к Смирнову. Вели заложить экипаж,— сердито приказал он Варе, которая продолжала плакать.

— Жаль, жаль Борейко. Прекрасный был офицер, хотя и безалаберный человек. Говорят, его разнесло на клочки,— сообщил Белый жене.

— Господи, когда же этот ужас кончится? — тяжело вздохнула Мария Фоминична.

— Теперь скоро! Не то что дни — часы Артура уже сочтены.— Генерал торопливо заканчивал обед.

Звонок в передней возвестил о прибытии гостя. К своему удивлению, Белый увидел адмирала Вирена.

— Я решил вас побеспокоить, Василий Федорович, ввиду наступления чрезвычайных обстоятельств,— проговорил моряк.

— Прошу в кабинет,— пригласил Белый.

— С четверть часа тому назад я получил следующую записку: «Сейчас отправляю с парламентерами письмо генерала Стесселя к барону Ноги с предложением начать переговоры о капитуляции. Поэтому только сегодняшняя ночь остается для того, чтобы сделать с кораблями то, что вы найдете нужным. Необходимо подготовить миноносец для отправки с ним знамен и секретных бумаг в Чифу. *Рейс*».

— Первый раз об этом слышу. Едемте сейчас же к Смирнову. Он, верно, в курсе дела. Ведь только вчера совет решил продолжать оборону, а тут вдруг сдача,— недоумевал генерал.

Накинув на плечи шинель, Белый вместе с Виреном направился к Смирнову.

Комендант крепости только захлопал глазами, когда ему сообщили о капитуляции.

— Тут какое-то недоразумение! Едемте сейчас же к Стесселю...

Стесселя застали в обществе Фока, Рейса, Никитина и нескольких адъютантов. Он уже обрел свой обычный важный вид. Фок о чем-то вполголоса совещался с Рейсом. Никитин же с графинчиком в руке пил рюмку за рюмкой, чокаясь с адъютантами.

— Поминки справляю по русскому Артуру,— хохотал генерал.— Заодно можно будет выпить и за все наши потопленные калоши. Начинайте, ротмистр Водяга. За «Ретвизана», «Полтаву», «Победу», «Пересвет»,— начал он перечислять затонувшие корабли.

— Вместо того чтобы попусту разъезжать по городу, вашим превосходительствам следовало бы озаботиться о возможно быстрейшем выполнении моих приказаний,— накинулся Стессель на прибывших.— У вас, адмирал, времени в обрез, чтобы подорвать свои корабли. А тебя, Василий Федорович, попрошу позаботиться о батареях, особенно береговых. Я больше вас не задерживаю, господа.

Превосходительным гостям оставалось только откланяться.

Как только Белый уехал, Варя заторопилась на Электрический Утес. Известие о гибели Борейко страшно взволновало Звонарева.

— Пока я не увижу его труп своими глазами, я не поверю в его смерть,— твердил прапорщик.

— К тебе пришел Блохин,— сообщила Варя.

— Где Борейко? — кинулся к солдату прапорщик.

— Погибли на Орлином Гнезде.— И Блохин подробно рассказал об обстоятельствах смерти Борейко.

— Но, может быть, поручик уцелел так же, как и ты?

— Никак нет. Перед взрывом они стояли впереди всех. Рядом был Гайдай, я находился чуток подале. Не иначе как разорвало поручика на части и Гайдая с ним...

— По-моему, следует немедленно послать наших утесовцев на розыски Борейко.

— Туда, вашбродь, сейчас не доберешься. Наши части отошли к самой городской стене.

Звонарев все же пошел на батарею потолковать с Родионовым и другими солдатами первого взвода. Решили с рассветом поискать Борейко в районе Орлиного Гнезда. На это надо было получить разрешение от Белого. Прапорщик намеревался лично отправиться в Артиллерийский городок, чтобы там переговорить с генералом.

— Как ты, хромой, на ночь глядя поедешь туда? Хочешь, схожу я и все устрою,— отговаривала Варя своего жениха.

Но Звонарев стал молча одеваться.

— Я и не знала, что ты можешь быть таким упрямым!

— Дело идет о жизни самого близкого мне друга. Неужели тебе это непонятно? — возразил прапорщик.

— Я попрошу у Андреева пролетку, чтобы тебе не идти пешком,— уступила наконец Варя.

Через четверть часа они уже ехали по береговой дороге вокруг Золотой горы. Низкие тучи нависли над океаном, который глухо шумел. На сухопутном фронте слышались редкие ружейные выстрелы. Лучи прожекторов медленно ползали по земле.

Когда Звонарев приехал к Белому, генерал уже вернулся домой. Выслушав предложение прапорщика, он мрачно насупил брови и коротко сообщил, что к японцам направлен парламентер с предложением начать переговоры о сдаче.

— Надо думать, завтра наступит перемирие, и вы легко сможете навести все справки о Борейко у самих японцев,— закончил генерал.

Звонарев остолбенел. Варя растерянно посмотрела на

отца и жениха, затем вдруг запрыгала и начала хлопать в ладоши.

— Значит, конец войне! Конец всем ужасам и мучениям! Какой ты хороший, папка.— И девушка крепко поцеловала отца и шаловливо дернула за ухо жениха.— Значит, ты больше не будешь сидеть на позициях, а я бояться за тебя.

— Да перестань ты шуметь, глупая девчонка! — рассердился Белый.— Нашла чему радоваться. Что хорошего в том, что мы сдали русскую крепость? Ведь это кладет позорное пятно на всех защитников.

Варя сразу потускнела.

— Но ты же, папочка, и Сережа в этом не виноваты?

— Кто станет разбирать — виноват или нет! Раз был в Артуре, значит, повинен в его преждевременном падении,— с горечью проговорил Звонарев.

— Но раз война окончена, то можно будет уехать домой в Россию. Не правда ли? — спросила девушка.

— Едва ли будет так. Вернее, весь гарнизон пойдет в плен, а тяжелораненые, женщины и дети отправятся на родину. Но еще пока ничего не известно. Необходимо подготовить батарею Электрического Утеса к уничтожению,— перешел на деловой тон генерал.— Взорвите пушки, снаряды, порох. Не сможете сделать этого — побросайте в море все, что только можно. Японцам ничего не должно достаться.

— Слушаюсь, ваше превосходительство,— вытянулся Звонарев.

Со стороны гавани раздался сильный грохот.

— Что это за стрельба? — удивилась Варя.

— Должно быть, моряки начали взрывать свои суда,— ответил Белый.

Варя бросилась на балкон, за ней вышли генерал и Звонарев. На дворе было очень темно. Справа, над Большим Орлиным Гнездом, пылали два огромных костра, освещая своим кроваво-красным заревом весь Северо-Восточный фронт. Пламя костров яркими огненными столбами тянулось к низко нависшим тучам. На фронте стояла полная тишина, не было слышно даже обычной ружейной перестрелки. С горы Высокой тянулись белые ленты прожекторных лучей, медленно скользя по внутренней гавани Артура. На Перепелиной горе ярко горело какое-то здание. Под ней, в районе затопленных кораблей артурской эскадры, вспыхивали яркие зарницы и раздавались глухие, продолжительные взрывы. Ближе к Артиллерийскому городку, в Восточном бассейне, неожи-

данно возникло яркое пламя, на фоне которого вырисовывались силуэты какого-то большого военного корабля.

— Папочка, да ведь это горит «Баян»! — испуганно проговорила Варя.

— Очевидно, решили его уничтожить,— ответил генерал.

Слева, в конце Западного бассейна, над Минным городком полыхало зарево. Оттуда доносились громоподобные раскаты взрывов. Темные воды залива рдели багрянцем пожаров.

— Не правда ли, Сережа, жутко? Кажется, что вся гавань наполнена человеческой кровью,— содрогаясь, проговорила Варя.

Белый сердито фыркнул и вернулся в кабинет.

Вскоре Звонарев заторопился на Утес. Варя осталась помогать матери. Мария Фоминична решила, что раз Артур сдается — следовательно, предстоит длительная дорога в Россию, и принялась заблаговременно за сборы.

Около Утеса пролетку Звонарева остановила группа офицеров.

— Будьте добры, скажите, пожалуйста, где тут находится миноносец «Статный»?

— Понятия не имею.

— Нам сказали, что он будет ждать у Электрического Утеса. Мы везем с собой полковые знамена, георгиевские трубы и секретные документы штаба.

— Значит, сдача решена окончательно?

— На занимаемых нашими частями позициях защищаться невозможно.

Около батареи чуть проступал силуэт небольшого миноносца, приткнувшегося к берегу. По сходням, проложенным прямо на прибрежные скалы, сновали темные фигуры матросов. С мостика доносились приказания.

— Возможно, что это и есть «Статный»,— указал на него Звонарев.

— Эй, на «Статном»! — крикнул один из спрашивающих.

— Есть на «Статном»![1] — тотчас отозвались с миноносца.

Офицеры двинулись по направлению к берегу, а за ними последовали две тяжело нагруженные телеги.

На Утесе уже знали о капитуляции, и прапорщика забросали вопросами. Артиллеристы хотели сразу же

---

[1] «Статный» и еще пять других миноносцев в эту ночь благополучно добрались до Чифу, где и разоружились.

взорвать орудия, снаряды и порох, но Звонарев запретил делать это.

— Неизвестно, примет ли японец наше предложение о сдаче. Быть может, он отклонит его и бросится на штурм. Тогда пушки и снаряды нам еще очень пригодятся,— пояснил он солдатам.

— Мы, Сергей Владимирович, только подготовим все для взрыва и, когда узнаем, что японец согласился на мир, взорвем,— предложил Родионов.

На этом и порешили. Блохин, как признанный всеми знаток подрывного дела, руководил подготовкой.

Звонарев с Родионовым и Блохиным обошли напоследок весь Утес. В дуле каждого орудия помещались заложенные пироксилиновые шашки. Около сотни десятидюймовых снарядов, сложенных вместе, также должны были взлететь на воздух от электрического запала. Стены бетонных казематов батареи также были минированы.

— Где же мы будем помещаться, если батарея будет взорвана? — спрашивали матросы и артиллеристы, жившие в этих казематах.

— Моряки отправятся к себе в экипаж, а мы разместимся с дохляками в нашей казарме,— ответил Блохин, кивнув головой на команду слабосильных.

На электрической станции Лебедкин рассовал около десятка пироксилиновых шашек.

— Кажется, ничего не забыли,— проговорил Звонарев, когда обход был закончен.— Можно и отдохнуть до утра.

Но спать в эту ночь не пришлось. Еще было совсем темно, когда из Управления артиллерии передали, что японцы согласились начать переговоры о капитуляции. «Категорически запрещается, под страхом личной ответственности командиров батарей, что-либо портить или жечь»,— заканчивалась телефонограмма за подписью Белого.

Звонарева разбудил грохот на батарее. Наскоро одевшись, он вышел на двор. В предутренних сумерках беспрерывно вспыхивали зарницы взрывов. Искалеченные пушки падали на землю, в воздухе летали осколки снарядов, к небу взметалось огромное пламя. Гремел Утес, гремела Золотая гора, батареи на Тигровке, на Крестовой горе. С сухопутного фронта доносился несмолкаемый грохот. Казалось, что Артур вновь переживает штурмовые дни.

— Самоубийство русского Артура,— вздохнув, проговорил Звонарев, прислушиваясь к перекатному грохоту взрывов.

Около девяти часов утра со стороны Белого Волка вышли на буксире «Севастополь» и «Отважный». Затем на них раздалось несколько взрывов. Появились облачка дыма, и два последних корабля артурской эскадры медленно погрузились в морскую пучину.

Покончив с Электрическим Утесом, солдаты разошлись по соседним батареям и в город. Звонарев направился в Управление артиллерии. Еще издали, подходя к городу, он увидел, что там идет погром. Солдаты разбивали магазины, лавки, частные квартиры, поджигали еще уцелевшие дома,— «чтобы япошке не досталось», как объясняли они. Стрелки и матросы бросались на проходивших мимо офицеров.

— Теперь все равны — генералы, офицеры и солдаты. Все пленные! — кричали солдаты.

— Продали нас генералы вместе с Артуром! Проходите, ваше благородие, а то и по шеям получить можете,— подлетели к остановившемуся Звонареву два пьяных стрелка.

— За что же? — спокойно спросил прапорщик.

— На нашей теперь улице праздник! Раньше нас били, а теперь мы,— объяснил один из них.

— Брось, не видишь, их благородие раненые, да и видали мы их не раз на втором форту,— остановил другой стрелок.— Идите, ваше благородие, к себе домой, да лучше там и сидите,— посоветовал он.

Добравшись до квартиры Белых, Звонарев рассказал об этом приключении Варе.

— Никуда я тебя больше не пущу, пока в городе не наведут порядок,— решительно проговорила девушка.

Второй день в доме Стесселя шла кутерьма. Беспрестанно приходили и уходили офицеры, штатские, полиция и даже китайцы, чтобы получить подтверждение о предстоящей капитуляции. Вера Алексеевна поспешно укладывалась. Человек десять солдат сколачивали ящики, наполняли их доверху различным скарбом и забивали. Гора их росла с каждым часом. Генеральша не собиралась что-либо бросать в Артуре.

В закрытом кабинете у Стесселя собрались его ближайшие друзья и помощники: Никитин, Фок, полковники Савицкий, Гайдурин и другие приверженцы генерала.

Начавшиеся в городе беспорядки сильно напугали Стесселя и его компанию. Полковник Савицкий, который вздумал увещевать солдат, едва не был избит и спасся тем, что спрятался в частной квартире. Фок также пы-

тался восстановить порядок, и только седина спасла его от побоев. В доме генерал-адъютанта нашли убежище еще несколько офицеров, особенно ненавистных солдатам.

Проведав об этом, стрелки и артиллеристы двинулись к дому генерал-адъютанта. По телефону была поспешно вызвана единственная в Артуре кавалерийская часть — сотня забайкальских казаков под командованием есаула Концевича. Она поспела как раз вовремя, чтобы преградить путь толпе. Началась перебранка между солдатами и казаками, грозившая перейти в потасовку. Концевич осторожно доложил генералу, что и его люди не вполне надежны.

— Пошли Ноги просьбу немедленно ввести в город японские войска для прекращения беспорядков,— предложила Вера Алексеевна, с ужасом глядя на огромное пожарище в городе.

С наступлением темноты ротмистр Водяга под охраной взвода казаков поскакал с личным письмом Стесселя в ставку японского командующего армией. Ноги не замедлил прийти на помощь «храброму оборонителю», как он величал в своем ответе Стесселя.

Вскоре рота японцев с примкнутыми штыками, в фуражках с желтыми околышами, в суконных шинелях с меховыми воротниками, плотным кольцом окружила дом генерал-адъютанта, сменив казаков и артиллеристов.

Японские патрули направились в город и тут при свете пожара хватали и десятками расстреливали героических защитников Артура. В то же время Стессель с женой и своими приспешниками поднимали бокалы в честь японского императора и генерала Ноги.

Как только стало известно, что порядок в городе восстановлен, Варя отправилась на поиски Борейко в район Большого Орлиного Гнезда. По телефону с Утеса были вызваны Блохин и Родионов, и они втроем двинулись пешком на гору. Утесовцы успели еще засветло осмотреть как самое Орлиное Гнездо, так и все вокруг него. Поиски не увенчались успехом. Среди японцев нашлись говорящие по-русски. От них Варя узнала, что еще накануне около Гнезда был подобран в бессознательном состоянии тяжелораненый русский офицер. «Шипка большой, мы таких еще не видали, на нем не было целого места, а он все еще дышал»,— пояснили японцы.

— Не иначе, Ведмедь! — обрадовались артиллеристы.

— Завтра же постараюсь навести справки у японцев через Балашова,— решила Варя.

Окрыленные надеждой, утесовцы направились домой.

— Пойду Вамензона убивать,— сообщил Блохин фейерверкеру, тряхнув своей трофейной винтовкой.

— Охота тебе марать об него руки,— спокойно проговорил Родионов.

— Если его не убить, то он и дальше будет тиранить солдат.— И Блохин ушел.

На батарее номер двадцать два, которой командовал капитан Вамензон, горели подожженные солдатами деревянные казармы. Капитан торопливо укладывал в чемодан наиболее ценные вещи, когда его внимание привлек шум на дворе. Взглянув в окно, Вамензон увидел толпу вооруженных солдат, впереди которой шел Блохин. Капитан понял, что настал час расплаты за все его издевательства над солдатами. Бросив все, он поспешно выбежал на задний двор и спрятался в отхожем месте.

Солдаты ворвались в квартиру. Они заглядывали под кровати, открывали шкафы, осмотрели чердак, но нигде не могли обнаружить капитана.

— Зон, где ты, растакой сын?! — взывал Блохин, тыча штыком во все укромные места, но нигде никого не было.— Куда же он мог деваться? Не вылетел же в трубу на помеле,— недоумевал солдат.

Выйдя во двор, Блохин решил заглянуть в уборную. Как только капитан увидел его в щель, он быстро поднял доски стульчака и спрыгнул в нечистоты, погрузившись в них по самое горло. Шаги приближались. Вамензон судорожно прижимался в самый угол, стараясь спрятаться возможно лучше. Открылась дверь, и в то же мгновенье, набрав побольше воздуху, капитан нырнул. Блохин заглянул в дырку.

— Нет его, проклятого, и тут. Айда дальше! — скомандовал он солдатам.

Капитан тотчас вынырнул на поверхность.

— Погодите же у меня, мерзавцы! Заставлю я вас сторицей заплатить за это купанье...— Когда солдаты ушли, он начал выбираться из выгребной ямы.

Все перебив и переломав на квартире Вамензона, солдаты подожгли дом и долго любовались, как огонь уничтожал жилище ненавистного им командира.

— «По моему ходатайству государь император разрешил желающим господам офицерам дать японским властям подписку о неучастии в этой войне и вернуться в Россию»,— громко прочитал Белый Звонареву только

что полученную телефонограмму.— Как вы на это смотрите, молодой человек?

— Ни один порядочный офицер не оставит своих солдат и не вернется в Россию,— твердо ответил прапорщик.

— Сереженька, дай я тебя поцелую за это! — порывисто кинулась к жениху Варя.— Мне очень хочется, чтобы ты остался со мной, но это будет нехорошо по отношению к солдатам.

Белый ласково посмотрел на дочь.

— Из тебя выйдет со временем, когда ты подрастешь и войдешь в разум, неплохая жена,— проговорил он.— Вопрос идти или не идти в плен будет обсуждаться сегодня вечером на общегарнизонном собрании офицеров. Мы с вами сейчас и отправимся туда.

В темном, загрязненном помещении собрания они застали уже более сотни офицеров всех частей артурского гарнизона — стрелков, артиллеристов, саперов, казачьей сотни и различных штабов. В зале и столовой красовались длинные столы под белоснежными скатертями.

Вскоре прибыл Стессель в сопровождении Фока и Никитина.

— Господа офицеры! — скомандовал Белый.

Все вытянулись. Отдав общий поклон и пожав руки генералам и полковникам, Стессель прошел к концу стола.

— Прошу занять места,— зычным командирским голосом проговорил он.

Офицеры задвигали стульями, рассаживаясь по чинам — генералы около Стесселя, за ними полковники и так далее. Звонарев поместился в конце последнего стола, вместе с врачами и чиновниками.

— В последний раз мы собрались дружной артурской семьей,— поднялся с места Стессель.— Многих мы недосчитываемся в своих поредевших рядах. Одни лежат в госпиталях, другие пали геройской смертью на поле брани. Прошу почтить их память вставанием.

Все поднялись и несколько мгновений молчаливо стояли.

— Истощение всех средств обороны, массовые болезни среди гарнизона сделали невозможным дальнейшее сопротивление, и я вошел в переговоры о капитуляции. Полковник Рейс сообщил мне из Шуйшиина, где велись переговоры, что условия ее вполне почетны. Нижние чины идут в плен, господам же офицерам предоставляется возможность вернуться в Россию. Им также сохранено право на ношение оружия, на денщиков и определен-

ное количество вещей. Государь император разрешил господам офицерам по своему усмотрению идти либо в плен, либо возвращаться на родину. Нам следует теперь побеседовать на эту тему. Я лично, конечно, возвращаюсь в Россию вместе со своим начальником штаба полковником Рейсом для непосредственного доклада его величеству о всех обстоятельствах артурской обороны. Кто желает высказаться, прошу не стесняться,— закончил Стессель.

— Позвольте мнэ,— с кавказским акцентом проговорил полковник Тахателов, приглаживая рукой свою пышную полуседую шевелюру.— Мы всэ, как один человек, должны разделить участь наших солдат и вместе с ними идти в плен. Как мы будем потом смотрэть им в глаза, если в настоящую трудную минуту бросим их на произвол судьбы? Я иду в плен и считаю, что все здоровые и легкораненые офицеры должны сделать то же самое.

Затем шумно поднялся со своего места Вамензон. Он успел привести себя в порядок после вынужденного купанья.

— В течение всей осады мы делили с нижними чинами все невзгоды и лишения. А как они нам отплатили за это? Оскорблениями, угрозами и даже нападениями, чему мы были свидетелями вчера и сегодня в городе. Что может быть общего между мною и этими, извините за выражение, скотами, которые понимают лишь матерную брань и зуботычины? Нет, господа, я считаю: ничто нас не связывает с этой бандой неблагодарных животных и, конечно, отправляюсь в Россию.

— Правильно! Нечего связывать свою судьбу с этим хамьем,— раздались голоса.

— Таким офицерам, как вы, капитан, не место в армии,— вскочил полковник Мехмандаров.— Вы позорите нашу среду!

— Прошу, ваше превосходительство, оградить меня от оскорблений,— весь красный от злобы, обратился Вамензон к Стесселю.

— Побольше спокойствия, господа! Полковник Мехмандаров, призываю вас к порядку.

Начались горячие споры, мнения офицеров разделились. Часть поддерживала Вамензона, остальные — Мехмандарова.

— Каково твое мнение, Василий Федорович? — спросил Стессель, обернувшись к Белому.

— Я перестал бы уважать себя, если бы вернулся до окончания войны в Россию,— коротко бросил генерал.

Сидящие поблизости офицеры зааплодировали. Стессель сердито фыркнул и отвернулся.

Было довольно поздно, когда собрание закрылось, не придя ни к какому определенному решению. Раздраженный Белый вместе с Звонаревым уехали домой.

— Анатоль, я велела перевезти к нам все ценные вещи из артурского казначейства,— сообщила мужу Вера Алексеевна.— У нас они будут целее.

— И прекрасно сделала,— одобрил Стессель.— Там ведь их что-то на восемьсот тысяч рублей.

— Я думаю, что мы можем их вывезти из Артура вместе со своими вещами. Японцы не посмеют осматривать твой багаж. Только смотри, Анатоль, не проболтайся кому-нибудь об этом,— предупредила генеральша.

— Буду нем, как могила,— понимающе кивнул головой генерал-адъютант.

— Папочка, мы с Сережей хотим пожениться,— вошла в кабинет отца Варя.

— Нашла время глупостями заниматься,— сердито буркнул генерал.— Ты еще слишком молода, подождешь, пока выйдет замуж Катя, а Звонарев вернется из плена.

— Но, папочка...— начала было Варя.

— Никаких но. Сказано нельзя, значит, нельзя! — повысил голос Белый.

Разобиженная девушка поспешила выйти и направилась к жениху поделиться своим горем.

— Василий Федорович, конечно, прав, придется подождать, когда кончится война,— вздохнул прапорщик.

— Значит, ты меня совсем не любишь? — вспыхнула Варя и хотела уйти.

Звонареву пришлось долго успокаивать ее.

В этот вечер Варя рано отправилась в свою комнату и тотчас улеглась в постель, но заснуть не могла. Она была сильно озабочена. Предстояла продолжительная разлука с любимым человеком. Она долго обдумывала, как добиться согласия родителей на немедленную свадьбу, пока наконец, приняв решение, не соскочила на пол и вышла в коридор. С минуту она постояла у двери родительской спальни. Убедившись, что отец с матерью спят, девушка, с минуту поколебавшись, с сильно бьющимся сердцем на цыпочках подошла к комнате Звонарева и бесшумно проскользнула в нее...

 Утром она тормошила заспавшегося Звонарева:

— Вставай, вставай. Папа тебя уже ждет в кабинете.

— А? Что? — протирал глаза Звонарев.— Зачем я понадобился Василию Федоровичу?

— Как зачем? Я рассказала маме, что ты теперь совсем мой...— И девушка несколько раз поцеловала его...

Через несколько минут прапорщик уже сидел перед Белым.

— Я хотел поговорить с вами... Мы с Варей хотели... Разрешите нам с Варей пожениться,— наконец выдавил он из себя.

Генерал с напускной суровостью посмотрел на него и проговорил:

— Рано ей еще замуж, но коль скоро у вас зашло так далеко, то делать нечего. Фоминична! — окликнул он жену, поднимаясь с места.

Варя, которая подслушала у дверей, прошмыгнула в комнату и встала рядом с Звонаревым. Белый с женой по очереди благословили иконой молодую чету.

— Ну, теперь надо двигаться в Управление,— промолвил генерал.

— Он, папа, еще чай не пил,— потащила Варя за рукав в столовую Звонарева.— Я уже все обдумала,— затараторила она, наливая жениху чай.— Тахателов будет посаженым отцом, Мария Петровна — посаженой матерью, Оля и Леля — подружки, а Стах и Сойманов — шафера, Вася же понесет впереди икону.

— А почему ты не упоминаешь об Андрюше? — удивился Звонарев.

— Он, бедняжка, убит еще позавчера,— вздохнула Варя.— Я позабыла тебе об этом сказать.

— Значит, Надя опять овдовела,— грустно проговорил прапорщик.

— Ты уже кончил пить чай? — по-родственному обратился Белый к Звонареву.

— Сию минуту.— И прапорщик спешно допил свой стакан.

— Дай безымянный палец, надо снять мерку для обручального кольца,— подбежала уже в передней Варя к Звонареву.— Я сейчас закажу их и договорюсь с батюшкой о свадьбе.

В Управлении артиллерии собрались все офицеры — артиллеристы и прикомандированные моряки. Белый, поблагодарив их за службу, разрешил морякам вернуться в распоряжение флотского начальства и дал указание своим офицерам о порядке передачи орудий японцам.

После этого Звонарев с Гудимой и Андреевым отправились на Утес.

Едва они появились на батарее, как их окружила возбужденная толпа солдат. Звонарев еще никогда не видел на лицах своих артиллеристов столько недоверия и злобы, как сейчас.

— В чем дело? — удивился он.

— Дозвольте, вашбродь, без утайки спросить вас, неужто мы пойдем в плен, а господа офицеры поедут прохлаждаться домой в Россию? — обратился к прапорщику Родионов.

— Желающим офицерам разрешено вернуться на родину.

Солдаты возмущенно зашумели. Звонареву показалось, что они сейчас кинутся на своих офицеров.

— Не шуми, ребята,— остановил солдат Родионов.— Вы-то, вашбродь, с нами останетесь? — обернулся он к прапорщику.

— Конечно, с вами. Вместе воевали, вместе и в плен пойдем.

— Я же вам говорил, что Сергей Владимирович завсегда с нами, как и наш Ведмедь,— торжествующе сказал Блохин.

— А штабс-капитан Гудима и капитан Андреев? — спросил Родионов.

— Они тоже идут в плен.

— Ура! Качай, братцы, наших офицерей! — подхватили солдаты на руки своих командиров.

Добрых четверть часа подлетал Звонарев в воздух, пока наконец его отпустили.

Вскоре на Утесе появился японский офицер с двумя солдатами. Приседая и вежливо шипя, он просил передать ему все личное оружие.

— Мы артиллеристы, у нас давно все отобрали стрелки,— невозмутимо ответил Андреев.— Остались две учебные винтовки да поломанные наганы.

Разочарованные японцы поспешили уйти.

— Куда же вы девали винтовки? — удивился Звонарев.

— Дерево пожгли, а дуло поломали и побросали в море,— весело осклабился Блохин.— У меня, вашбродь, имеется к вам просьба,— сразу посерьезнел он.

— Говори, в чем дело.

— Дозвольте мне вступить в закон с Ликсандрой Назаренко.

 Прапорщик открыл рот от удивления.

— Так ведь ребенок...

— Мой, вашбродь,— строго проговорил Блохин.

Звонарев понял, что Блохин решил помочь Шуре, все приняв на себя.

— Хорошо! Я доложу капитану. Только надо торопиться. Завтра или самое позднее послезавтра мы уйдем из Артура,— предупредил он.

Вечером того же дня состоялась скромная свадьба Вари. Кроме двух-трех знакомых и близких друзей, никого не было. Варя была в простеньком беленьком платье, Звонарев в сюртуке, за неимением мундира. В церкви присутствовали и представители утесовцев.

Вслед за Звонаревым венчался Блохин с Шурой.

— Я и не знала, что ты такой хороший человек,— крепко расцеловала Варя солдата.— Не беспокойся, мы с Сережей не оставим вас, поможем, если нужно, Шуре.

— Филипп Иванович первеющий человек в мире,— убежденно проговорил Родионов.

С утра 23 декабря русские войска со всех сторон двинулись к большой площади под фортом номер пять, за Новым городом. Стояла прекрасная солнечная погода. Чуть тянул с моря теплый влажный ветер. Японцы уже заняли Старый город, и по улицам маршировали их патрули, наблюдая за порядком. Рота за ротой, батальон за батальоном, полк за полком непрерывным потоком медленно текли русские части по разбитым артурским мостовым. Среди них были тысячи раненых, выписанных и просто убежавших из госпиталей. Тяготы и лишения осады сблизили всех, и расставаться друг с другом не хотелось. Некоторые из солдат были так слабы, что товарищи вели их под руки. Офицеров почти не было видно, а у тех, которые шли в строю, был изможденный, болезненный вид; многие сильно хромали и опирались на палки.

Но вот на солнце блеснула медь оркестра, и раздались бодрящие звуки военной музыки. Это шел Восточносибирский стрелковый полк. Несмотря на то, что в полку было очень много раненых, все же солдаты твердо держали ногу, сохраняя равнение в рядах, и двигались бодрым широким шагом. Впереди полка, по-старчески семеня ногами, шел Надеин, а за ним, прихрамывая, с перевязанной головой и рукой, следовал Стах Енджеевский. По тротуару ковылял неизменный Капитоныч.

Как только оркестр смолк, Енджеевский подал знак рукой, и тысячный солдатский хор грянул:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Японцы сразу встревожились, с их лиц исчезли улыбки, они забегали, и к месту сдачи тотчас же подошла из ближайшей казармы рота пехоты.

— Какая часть? — подлетел японский офицер к полку.

— Двадцать пятый Восточносибирский генерала Кондратенко полк,— отчеканил Стах.— Надеюсь, вам имя этого генерала известно?

Японец заулыбался и, смешно приседая, зашипел.

Двадцать пятый полк отвели несколько в сторону и окружили плотным кольцом часовых.

— Посадили под арест сразу весь полк,— шутили солдаты.

За стрелками шли артиллеристы. Утесовцев вел Звонарев. Совершить шестидесятиверстный переход пешком до Дальнего он, конечно, был не в силах, но все же решил проводить своих солдат до границ Артура, а затем его сменил Гудима. Шествие замыкали моряки в черных бушлатах, в лихо заломленных набекрень бескозырках. Но лица матросов и офицеров были хмуры и суровы. Они не спускали глаз со своих затопленных на мелководье внутреннего рейда кораблей, на которых уже, как муравьи, копошились японцы. Едва вступив в Артур, они сразу же кинулись в порт и приступили к осмотру судов, ликвидации пожаров, где они были; водолазы приступили к работам по подъему захваченных кораблей.

— Эх, отдали мы японцам наши кораблики! Взорвать даже их как следует не сумели!

— Говорят, генерал Стесселев нарочито до самого конца нашим адмиралам ничего не сообщал, чтобы, значит, корабли мы не спортили заранее.

— Дали бы нам, матросикам, волю, зубами бы на части суда порвали, а японцам не дали! — ворчали моряки.

К Звонареву, стоявшему с утесовцами несколько поодаль, подошел, опираясь на палку, Сойманов.

— Рад тебя видеть на ногах,— приветствовал он прапорщика,— а равно и поздравить с законным браком,— кивнул лейтенант на обручальное кольцо на руке Звонарева.

— Спасибо. Быть может, и ты заглянешь к нам с Варей в Артиллерийский городок. Тесть мой что-то заболел, и я еще на несколько дней задержусь в Артуре.

— Кораблики-то наши скоро воскреснут под японским флагом, к великому нашему стыду и позору,— грустно кивнул лейтенант на гавань.

— Сейчас мне сказали, что Григорович сдал японцам большое количество продовольствия, а как оно нам было нужно последнее время! Это он, верно, сохранял к рождественским праздникам. Ведь завтра уже сочельник. Мы, артиллеристы, тоже не успели уничтожить всего. Одних снарядов сдаем свыше двухсот тысяч,— правда, годных к стрельбе из них всего около двадцати тысяч, да и то мелких калибров.

— Но остальные-то японцы быстро исправят и могут использовать против Маньчжурской армии.

— Да, наше начальство, как морское, так и сухопутне, оказалось не на высоте,— примирительно произнес Звонарев.

— По-моему, просто преступным. И прежде всего Стессель и наши адмиралы,— пылко произнес Сойманов.

Невдалеке стояла небольшая палатка, на которой красовалась надпись: «Место клятвы». Здесь давали подписку о дальнейшем неучастии в войне офицеры, возвращавшиеся в Россию.

Когда появился Надеин, японский офицер пригласил его зайти в палатку и протянул ему бланк для подписи. Разобрав, в чем дело, старик возмутился.

— Я пятьдешят лет шлужу в армии и никому никогда не давал таких пожорных обещаний. Я не Штешшель.— И рассерженный генерал вышел из палатки.

Несмотря на солнце, ему было холодно, и он подсел к одному из костров, разведенных стрелками.

— Надо погреть штарые кошти,— улыбнулся он беззубым ртом.— Капитоныч, ты бы хоть водочки разжилшя!

Кавалер тотчас исчез.

К месту сдачи гарнизона никто из генералов, кроме Надеина, не прибыл.

У Стесселя в это время собирались гости на торжественный банкет. Вера Алексеевна в парадном шелковом платье, затянутая в корсет, со сложной прической, последний раз зорким хозяйским взглядом окидывала накрытый стол.

В гостиной сам генерал-адъютант вместе с «истинными друзьями и помощниками» — Фоком, Никитиным, Рейсом и Водягой — занимал гостей. Ждали «самого победителя Артура» — генерала Ноги и начальника его штаба генерала Идзити, но они что-то запаздывали.

Стессель нетерпеливо посматривал на часы. Опоздание уже принимало явно оскорбительный характер. Но вот подкатила парная коляска, и из нее легко выскочили два военных в японской форме. Генерал-адъютант и его супруга ринулись в переднюю встречать гостя. Но вместо Ноги они неожиданно увидели перед собой расплывшуюся в радостной улыбке физиономию генерала Танаки.

— Ваше превосходительство, генералы барон Ноги и Идзити просят их извинить, но оба они не совсем здоровы и поэтому не могут воспользоваться вашим любезным приглашением, а поручили мне представительствовать их особы,— расшаркался Танака.

Супругам Стессель ничего не оставалось, как выразить свое сожаление и пригласить гостей к столу. Чтобы заполнить свободные места за столом, были приглашены два-три случайно попавшихся на улице японских офицера. Один из них оказался артурским часовщиком Ито, а другой — бывшим кауфером наместника Жаном, превратившимся в капитан-лейтенанта Кабаяси. Не прибыли также к обеду без всяких объяснений Горбатовский, Балашов и Костенко. Стессель впервые почувствовал, что его звезда начинает закатываться.

Чтобы поднять настроение, Никитин изрядно подливал вино в бокалы. Один за другим следовали тосты за русского и японского императоров, за обе воюющие армии, за Ноги и Стесселя. Начались взаимные комплименты.

— Я бесконечно счастлив, что мне пришлось еще раз встретиться с вашим превосходительством в более удобной обстановке, чем в предыдущий раз,— рассыпался Танака.— Я твердо помню, что обязан вашему превосходительству жизнью, и буду до гроба хранить в своем сердце самурайскую благодарность к вам.

Господин Шубин, ставший майором Тодзима, вел деловой разговор с Фоком, который, как всегда, ничего не пил, кроме воды. Попросив разрешения встать, они отправились в кабинет.

— Имею честь передать вашему превосходительству чек на обусловленную сумму на японский банк. На нем вы увидите подпись самого принца Коноэ, члена нашей божественной императорской фамилии,— протянул он листок, исписанный иероглифами.

— Хотя бы небольшой аванс наличными,— попросил генерал.

 — В счет аванса мы засчитали те золотые вещи, ко-

торые хранилсь в Артуре после китайского похода и которые сейчас упакованы вместе с вещами генерала Стесселя,— бесстрастно ответил японец.

— В первый раз слышу,— удивленно пробормотал Фок.

— Наведите справки у Веры Алексеевны,— предложил Тодзима.

«Обжулили»,— возмущенно подумал Фок, но возражать не посмел.

После обеда гости перешли в соседнюю комнату, и тут Стессель вспомнил, что сейчас гарнизон покидает Артур.

— Я хочу проститься с солдатами,— проговорил он.— Быть может, ваше превосходительство пожелает посмотреть на наших артурских героев? — обратился он к генералу Танаке.

— Я на них вдоволь насмотрелся в свое время,— ответил японец, вспоминая полученные им при аресте тумаки и подзатыльники.

— Тебе нельзя туда ехать, Анатоль. Солдаты так разнуздались, что могут тебя и убить,— вмешалась Вера Алексеевна.

— Ваш супруг находится уже под охраной императорской японской армии, следовательно, ему не грозит никакая опасность,— высокомерно ответил Танака.

Прощаться с гарнизоном от имени Стесселя отправился полупьяный Никитин.

Части еще продолжали стоять на прежнем месте, когда он подъехал к пятому форту. Приказав им построиться, генерал поздоровался с солдатами и пожелал «веселого плена». Стрелки зашумели.

— Пьян в стельку, поэтому тебе и весело, а нашего брата вчера за полбутылки японцы расстреливали на месте! — кричали солдаты.

— Доберемся мы еще до генерала Стесселя и его дружков!

Никитин поспешил уехать.

К солдатам подошел Капитоныч. Старик был сильно выпивши, шапка сбилась набекрень, и единственная нога вместе с деревяшкой выписывала мыслете. Заметив унылые лица солдат, Капитоныч заорал:

— Смирно! Слухать меня, как самого генерала Стесселева!

Стрелки захохотали.

— Не журись, ребята! Я в Севастополе воевал с англичанами, французами, турками, сардинцами и знаю,

что супротив русского солдата никто не может устоять! Купили японцы Артур у генерала, а русского солдата им вовек не победить!

Несколько японских солдат из караула тотчас же набросились на него и поволокли, не обращая внимания на уговоры Надеина.

Белый и Звонарев уезжали из Артура в сумрачный серый день 29 декабря. До разъезда на девятнадцатой версте они должны были ехать в экипаже, а дальше по железной дороге через Дальний и морем в Японию. Проводить их, кроме родных, пришли учительницы Пушкинской школы, Шура и Надя Акинфиева, вся в черном. Тут же вертелся Вася, окончательно переселившийся к Белым.

Генерал поцеловал жену и дочерей, пожал остальным руки и сел в экипаж. Звонарев, простившись со всеми, подошел к Акинфиевой.

В это время подбежала, опираясь на костыль, Оля Селенина. Лицо ее сияло радостью, и на ходу она размахивала каким-то листком бумаги.

— Жив, жив! — уже издали кричала она своим друзьям.

— Кто? — удивленно спросил Белый.

— Мой Боря! Сейчас получила официальную справку у японцев. Эвакуирован из Дальнего в Японию.

— Олечка, миленькая! — бросилась к подруге Варя.— Как я рада, что наш Медведь нашелся живой!

— Слава тебе господи! — набожно закрестилась Мария Фоминична.

Даже лицо Акинфиевой прояснилось.

— Немедленно разыщите его, Сережа, и передайте от всех нас самый искренний привет,— попросила она Звонарева.

— Пора ехать,— заторопился Белый.

— Будь здоров и не смей ухаживать за японками! — И Варя на прощанье поцеловала мужа.

Экипаж тронулся.

На сигнальной мачте, возвышавшейся на Золотой горе, опустился русский военный флаг и взвился японский.

Грохот салюта потряс воздух.

Артурская эпопея окончилась.

1939 — 1941 — 1944 — 1958

ПРИМЕЧАНИЯ

Стр. 9. *...роту квантунского экипажа...*— экипаж — в военном флоте — береговая часть, служащая для пополнения корабельных команд (флотский экипаж) или портовых и вспомогательных команд (ластовый экипаж). Экипаж приравнивался к полку сухопутных частей и делился на роты (от ста до двухсот человек).

Стр. 10. *Потребуются разъяснения из Питера или Маньчжурии...*— Несамостоятельность, нерешительность военного руководства в русско-японскую войну 1904—1905 годов привели к тому, что по любому поводу военачальники запрашивали мнение Петербурга. В Маньчжурии находился штаб командующего русской Маньчжурской армией А. Н. Куропаткина.

Стр. 15. *Лао* — старина (китайск.).

Стр. 16. *Штуртрос* — трос от штурвала к румпелю (рычагу, прикрепленному к рулю).

...идти прямо навстречу Балтийской эскадре.— Вторая Тихоокеанская эскадра адмирала Рожественского, которая должна была соединиться с Тихоокеанской эскадрой, находившейся в Порт-Артуре, для совместных действий против японского флота, вышла из Кронштадта лишь 20 сентября 1904 года, шла вокруг мыса Доброй Надежды, в Японском море была уже после падения Порт-Артура, в мае 1905 года потерпела поражение в Цусимском сражении.

Стр. 17. *«Монголия»* — пароход-экспресс, совершавший рейсы в японские порты, оборудованный в войну под плавучий лазарет на сто шестьдесят мест, операционным и рентгеновским кабинетами. Предназначалась, как было сказано в инструкции, «подавать помощь непосредственно после сражения; во время же оного спасать погибающих людей и принимать доставляемых с судов раненых и больных для сдачи их на берег». Выходила в море один раз — 28 июля 1904 года, в бою не могла подходить к месту боя, не оправдала своего назначения и остальное время простояла на внутреннем рейде, работая как плавучий госпиталь.

Стр. 19. *...главный врач лазарета Петров.*— Очевидно, в тексте неточность — главным врачом госпитального судна «Монголия» был Р. Р. Кинаст. Доктор Петров был врачом 36-го Восточносибирского полка.

Стр. 21. *Фок-стеньга* — фор-стеньга — стеньга (бревно, продолжавшее мачту в высоту) на фок-мачте (передней мачте судна).

Стр. 23. *Охотский* — Костюрин-Охотский Измаил Дмитриевич — капитан госпитального судна «Монголия». Как писал А. Н. Степанову 26 апреля 1941 года С. Р. Миротворцев, бывший в 1904 году младшим врачом-хирургом на «Монголии», Костюрин-Охотский был очень храбрый, «спокойный, уравновешенный человек, и выставление его трусом не соответствует действительности». Здесь А. Н. Степанов

следует недостоверным воспоминаниям Ножина и Фейгельсона, писавших о том, что Охотский прятался от японцев.

Стр. 24. *Мателот* — соседний в строю корабль.

Стр. 31. *Гаагская конвенция.*— Речь идет о международных соглашениях, законах и обычаях ведения войны, принятых Первой Гаагской конференцией 1899 года. В числе двадцати семи государств, присутствовавших на конференции, была и Япония. Решения этой конференции были затем дополнены конвенциями Второй Гаагской конференции 1907 года.

Стр. 32. *Женевская конвенция* — заключена в 1864 году (пересматривалась в 1906, 1929 и 1949 гг.), предусматривает гуманное обращение с больными и ранеными военнослужащими, попавшими в плен, предоставление покровительства и защиты санитарным формированиям (транспортам, госпиталям и др.), которые запрещается подвергать обстрелам и бомбардировкам.

Стр. 41. *Планширь* — деревянный продольный брус, образующий верхнюю кромку борта верхней палубы.

Стр. 42. *Спардек* — верхняя палуба.

Стр. 43. *Миротворцев* Сергей Романович (1878—1949) — хирург, действительный член Академии медицинских наук (с 1945 г.), заслуженный деятель науки РСФСР (с 1935 г.). Участвовал в качестве хирурга в трех войнах: русско-японской войне 1904—1905 годов, в первой мировой войне 1914—1918 годов и в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. В Порт-Артур приехал с началом военных действий по собственному желанию, работал с 26 февраля 1904 по 1 июня 1905 года — сначала на «Монголии», затем в сухопутных госпиталях, после сдачи крепости долечивал русских раненых в плену в Японии и вместе с ними вернулся в Россию морем в 1905 году. Эти события нашли отражение в книге С. Р. Миротворцева «Страницы жизни», опубликованной в 1956 году в Ленинграде.

Стр. 49. *Плутонг* — совокупность группы орудий одинакового калибра, расположенных на корабле. Теперь этот термин заменен словом «батарея».

Стр. 57. *Циндао* — китайский порт на юге Шаньдунского полуострова, был военно-морской базой Германии, построенной ею после захвата в 1897 году Цзяочжоуской области и заключения с Китаем договора на ее аренду в 1898 году.

Стр. 60. *Тали* — приспособления из блоков с продернутым через них тросом для подъема тяжестей.

Стр. 63. *Гальвано-ударная мина* — контактная мина, взрывающаяся под действием электрического тока, получаемого от гальванических элементов, размещенных в гальвано-ударном колпаке мины.

Стр. 71. *Сангарский пролив* — пролив между островами Хонсю и Хоккайдо, соединяющий Японское море с Тихим океаном.

Лаперузов пролив — пролив между островами Сахалин и Хоккайдо. Назван по имени открывшего его французского мореплавателя Жана-Франсуа Лаперуза (1741—1788).

Чемульпинский инцидент.— Речь идет о нападении японской эскадры адмирала Урио на крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в корейском порту Чемульпо (Инчён) 27 января 1904 года, когда, несмотря на превосходящие силы противника, русские суда не сдались, а приняли бой, нанеся японцам большие потери (см. книгу первую).

Стр. 72. *Семенов* Владимир Иванович (1867—1910) — писатель, морской офицер, служивший длительное время на кораблях Тихоокеанской эскадры. В 1901—1903 годах был адъютантом адмирала С. О. Макарова. С началом военных действий прибыл в Порт-Артур,

 был командиром миноносца «Решительный», затем — старшим офи-

цером транспорта «Ангара», позже — крейсера «Диана», на котором ушел в Сайгон, откуда отправился во Вторую эскадру Рожественского, участвовал в Цусимском сражении.

Автор двух романов, очерков и рассказов о Дальнем Востоке и С. О. Макарове, а также трилогии «Расплата».

Стр. 73. *Колчак* Александр Васильевич (1873—1920) — впоследствии адмирал царского флота, монархист, ярый враг Советской власти.

В русско-японскую войну командовал миноносцем «Сердитый». На «Диане», как это показано в романе, не служил. После капитуляции крепости и плена плавал на различных кораблях, был начальником Черноморского флота, летом 1917 года изгнан революционными матросами. В 1917 году отправлен Керенским во главе официальной военно-морской миссии в США, откуда был послан на Дальний Восток для организации антисоветского фронта. В 1918 году вошел в состав Уфимской директории, свергнул ее и в Омске объявил себя «верховным правителем» России. В 1920 году арестован и расстрелян по приговору Иркутского военно-революционного комитета.

Стр. 74. *Стрела Темперлея* — подъемное устройство, применявшееся при погрузке угля, руды и других грузов.

Стр. 78. *Крейсерские операции* — самостоятельные боевые действия отдельных кораблей с целью уничтожения судов противника и нарушения его морских перевозок.

Стр. 80. *Комендор* — специалист рядового или старшинского состава на артиллерийских установках на кораблях и батареях береговой обороны.

Стр. 85. *Ютовое орудие* — орудие, установленное на юте — кормовой части палубы корабля.

Стр. 88. *Корсаковский пост* — русский пост на острове Сахалин, установленный в 1852 году экспедицией Г. И. Невельского, исследователя, открывшего устье Амура. С передачей Сахалина Японии поселок назывался Отомари. С 1945 года — город Корсаков, названный в честь русского мореплавателя, гидрографа Воина Андреевича Римского-Корсакова (1822—1871), брата великого композитора.

Стр. 91. *Цапфы* — выступы посредине ствола орудия, вставляются в цапфенные гнезда орудийного станка.

Нория — приспособление для вертикальной подачи снарядов из трюма.

Стр. 106. *«Соловьем залетным юность пролетела...»* — романс А. Варламова на слова поэта А. Кольцова (стихотворение «Горькая доля»).

Стр. 118. *...тридцать седьмого года Мейдзи* — 1904 года (37-го от буржуазной революции 1867 года в Японии).

Стр. 122. *Гальванер* — солдат артиллерийской электротехнической части; рядовой матрос, обслуживающий артиллерийскую электротехнику на военных кораблях.

Стр. 132. *Армстронг* Вильям Джордж (1810—1900) — английский инженер, изобретатель «пушки Армстронга» — первого нарезного орудия, заряжавшегося с казенной части, а также тяжелых морских орудий.

Китайская стенка — земляной вал, которым была обнесена порт-артурская крепость в 80-х годах XIX века.

Стр. 162. *Зерцало* — эмблема «законности»; на суде — увенчанная двуглавым орлом трехгранная призма, на сторонах которой были наклеены печатные экземпляры петровских указов.

Стр. 191. *...под Ляояном должен произойти генеральный бой...* — Ляоянское сражение произошло 17—21 августа 1904 года вблизи

города Ляоян (Дунбэй) в юго-восточной Маньчжурии, южнее Мукдена. Это одно из крупнейших сражений русско-японской войны, в котором ярко проявились бездарность командования, гнилость военной организации царизма. Несмотря на стойкость русских солдат, превосходство в численности войск и вооружении, генерал Куропаткин проявил нерешительность и приказал отступать к Мукдену.

Стр. 241. *..перед третьей Плевной.*— Речь идет о третьей атаке Плевны (г. Плевен в Болгарии) 30—31 августа 1878 года союзными — русскими и румынскими — войсками во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

Стр. 246. *Харитина* Евстафьевна (в романе ошибочно названа Федосеевной) Короткевич (? — 1904) — героиня Порт-Артура, женщина, служившая рядовым седьмой роты Тринадцатого Восточносибирского полка.

Стр. 248. *Ножин* Е. К.— сотрудник порт-артурской газеты «Новый край». Автор книги воспоминаний «Правда о Порт-Артуре». Спб., 1906—1907.

Стр. 265. *Афина Паллада* — в греческой мифологии — богиня войны и одновременно олицетворение ума и изобретательности, покровительница знаний, искусств и ремесел.

Стр. 288. *Стопин* — нить, пропитанная горючим составом, для воспламенения зарядов.

Брандскугель — зажигательный снаряд, применявшийся в гладкоствольной артиллерии и представлявший собой ядро с отверстиями, начиненное зажигательным составом.

Стр. 289. *Брунегильда* (Брунгильда) — персонаж древних германских сказаний.

Стр. 306. *Банка* шлюпочная, гребная — доска для сидения гребцов, а также для придания шлюпке поперечной прочности.

Стр. 326. *Контрэскарпная галерея* — галерея, устраиваемая в контрэскарпах, то есть ближайшей к неприятелю стенке укрепления.

Стр. 328. *Берг* О. Ф. (1865 — ?) — младший офицер квантунской саперной роты. Во время гибели генерала Кондратенко был с ним во втором форте и остался невредим. После окончания русско-японской войны опубликовал записки «Два дня на форту № II», посвященные октябрьским боям в Порт-Артуре.

Дебогорий-Мокриевич Л. И. (1878 — ?) — военный инженер, поручик квантунской саперной роты. В 1903 году участвовал в строительстве дорог на Квантунском полуострове. Автор воспоминаний об обороне Порт-Артура.

Стр. 371. *Гласис* — насыпь наружного рва для наилучшего обстрела впереди лежащей местности и маскировки укрепления.

Стр. 376. *Балашов* Иван Петрович — егермейстер, главноуполномоченный Красного Креста, заведовавший его Квантунским отделением. С Красным Крестом побывал на нескольких войнах. В Порт-Артуре построил новое здание Мариинской больницы, основал санитарный городок, организовывал снабжение их продовольствием и медицинским оборудованием, перевозку раненых и др.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — известный русский хирург, академик.

Гюббенет Виктор Борисович — главный хирург Порт-Артура, доктор медицины. После возвращения из японского плена был в Петербурге главным хирургом Николаевского госпиталя. С. Р. Миротворцев писал о нем А. Н. Степанову: «В. Б. Гюббенет являлся не только нашим начальником, но он был наш учитель и друг... О Гюббенете мы — молодежь — говорили в Порт-Артуре: «Гюббенет — это

Пирогов в Порт-Артуре». Автор медицинской книги «В осажденном Порт-Артуре» (1910).

Стр. 383. *Камуфлет* — разрыв снаряда или мины под землей без образования воронки.

Стр. 402. *Дуван дуванить* (стар. казачье) — делить добычу после набега.

Стр. 415. *Бризантные гранаты* — осколочные гранаты.

Стр. 418. *Самсон* — древнееврейский мифический герой, которому приписывалась сверхъестественная физическая сила и отвага.

Стр. 426. *Септицемия* — токсическая форма сепсиса.

Стр. 451. *...в Балтике снаряжают еще третью эскадру — Небогатова.*— Эскадра контр-адмирала Николая Ивановича Небогатова отправилась из Кронштадта на Дальний Восток 3 февраля 1905 года. Так как путь ее через Суэцкий канал был значительно короче, чем путь эскадры Рожественского, шедшей вокруг Африки, они соединились в бухте Камранга, в Индокитае, и в мае 1905 года подошли к Корейскому проливу, где у острова Цусима произошло сражение с японским флотом.

Н. И. Небогатов сдал японцам 15 мая 1905 года, на следующий день после Цусимского сражения, остатки эскадры, за что был приговорен военно-морским судом к смертной казни, замененной десятилетним пребыванием в крепости, но, так же как и Стессель, в 1909 году был освобожден.

Стр. 523. *Костюшко* — Костюшко-Валюжанич Антон Иванович, автор книги «Ноябрьские бои на Высокой горе под Порт-Артуром». Спб., 1909.

Стр. 553. *Ретраншемент* — укрепление, расположенное позади главной позиции для обеспечения глубины обороны.

Стр. 577. *Голицинский А. Н.*— капитан, автор книги «На позициях Порт-Артура. Из дневника ротного и батальонного командира». Спб., 1907.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Николаевич Степанов

ПОРТ-АРТУР

Роман в двух книгах

Книга вторая

Редактор Л. Кулешова
Художественный редактор Н. Егоров
Технический редактор Л. Анашкина
Корректор Т. Воротникова

ИБ №1639. Сдано в набор 06.09.79. Подписано к печати 11.02.80. Формат 84×108/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 31,92. Уч.-изд. л. 35,41. Тираж 300 000 экз. Заказ № 627.
Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Отпечатано с матриц ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа.
220005 г. Минск, Красная, 23.